

VIII ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Материалы
Международной научно-практической конференции,
Иркутск, 2–4 декабря 2025 г.

ISBN 978-5-9624-2461-3

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРЫ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ АТР, ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, КИТАЕВЕДЕНИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ АТР
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ЦЕНТР МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ТИХООКЕАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

VIII ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Материалы
Международной научно-практической конференции,
Иркутск, 2–4 декабря 2025 г.

УДК 372.881.1
ББК Ш12/17(5)л0+Ш5(5)л0
Г73

Печатается по решению ученого совета
Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ

Редакционная коллегия:

Е. Ф. Серебренникова, д-р филол. наук (отв. ред.);
Л. Е. Бляхер, д-р филос. наук; *П. П. Дерюгин*, д-р социол. наук;
Л. А. Лебединцева, д-р социол. наук; *Э. О. Леонтьева*, д-р социол. наук;
О. В. Кузнецова, канд. филол. наук; *Е. В. Кремнёв*, д-р социол. наук;
Е. В. Ватолина, канд. социол. наук; *О. Г. Кобжицкая*, канд. филос. наук;
Е. В. Ли, канд. филол. наук; *Н. Ю. Хлызова*, канд. пед. наук;
А. В. Чайкисова, канд. филол. наук; *И. В. Шалина*, канд. ист. наук;
Т. Е. Шишмарева, канд. филол. наук; *К. А. Иванов*; *И. Н. Солсоев*;
Ван Ланьцзюй, канд. филол. наук (Циндаоский приморский институт, КНР);
Фэн Чжисюнь (Сианьский институт перевода, КНР)

Г73 **VIII Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение**
Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Международной
научно-практической конференции. Иркутск, 2–4 декабря 2025 г. /
ФГБОУ ВО «ИГУ» ; СИ РАН ФНИСЦ РАН ; [отв. ред. Е. Ф. Се-
ребренникова]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2025. – 1 электрон-
ный оптический диск (CD-ROM). – Заглавие с этикетки диска.
<https://doi.org/10.26516/978-5-9624-2461-3.2025.1-583>
ISBN 978-5-9624-2461-3

Основной тематикой чтений, посвященных памяти выдающегося российского
китаеведа Олега Марковича Готлиба (1951–2016), стали фундаментальные и акту-
альные проблемы востоковедения и регионоведения стран Азиатско-Тихоокеанского
региона, разрабатываемые в рамках регионологии, языкознания, педагогики и линг-
водидактики, истории, культурологии, философии, политологии, экономики, социо-
логии, правоведения, этнологии.

Адресовано преподавателям, аспирантам, магистрантам, научным работникам,
специализирующимся в области регионологии, языкознания, лингводидактики и
других социогуманитарных наук, связанных с комплексным изучением АТР.

*Ответственность за достоверность и точность цитат, имен, названий и
иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собствен-
ности несут авторы публикуемых материалов. Сборник включен в договор о размеще-
нии материалов в наукометрической базе «Российский индекс научного цитирова-
ния» (РИНЦ).*

УДК 372.881.1
ББК Ш12/17(5)л0+Ш5(5)л0

ISBN 978-5-9624-2461-3

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2025

Посвящается памяти
выдающегося российского китаевода
Олега Марковича Готлиба
(20.10.1951–08.06.2016)

СОЕДИНЯЯ ЛЮДЕЙ И НАУКИ: РЕГИОНОЛОГ КАК МОСТ МЕЖДУ МИРАМИ

Традиции – это не просто повторяющиеся ритуалы или привычки, это своего рода социальный клей, который скрепляет группу людей, превращая ее в настоящее сообщество. Совместное празднование, особая форма приветствия, ежегодный поход или даже своя кухня – все это создает общее поле значений и чувство принадлежности к чему-то значимому, узнавая себя в этих традициях, человек говорит: «Я один из вас». Представляется, что истинным показателем здоровой и живой атмосферы служит не только бережное хранение старых обычаев, но и естественное возникновение новых. Ведь появление новых традиций – верный признак того, что сообщество дышит полной грудью, это означает, что люди чувствуют себя в безопасности, комфортно и вдохновенно, чтобы вместе творить свою историю дальше, не просто следуя заведенному порядку, а активно дополняя и улучшая его. За достаточно продолжительный период существования Школы востоковедных и регионоведческих исследований Олега Марковича Готлиба у нас тоже сформировалось значительное количество традиций, одной из которых является приурочивание Готлибовских чтений к знаковым датам. Так, одним из ярких событий 2025 г., которому и посвящена эта конференция, является 35-летие со дня начала подготовки регионоведов в Иркутском государственном педагогическом институте иностранных языков им. Хо Ши Мина (ИГПИИЯ). И именно об этой сфере научных интересов Школы мы и хотим поговорить во вступительной статье к этому выпуску Чтений. Сразу оговоримся, что это не сугубо научный текст, это, скорее, разговор с читателями, размышление о достижениях, которыми мы гордимся, и сложностях, с которыми сталкиваемся.

Итак, 35 лет иркутский иняз занимается изучением регионов. Действительно, много воды утекло, но до сих пор мы пытаемся справиться с задачей, которая временами кажется невыполнимой – объяснить «непосвященным», что скрывается за этим загадочным словом «регионовед». Ведь именно это было написано у первых выпускников программы в дипломах в графе «квалификация». А в последние несколько лет мы стали использовать еще более непонятный вариант «регионовед». Как же все-таки ответить на вопросы, которые нам до сих пор часто задают: «Кто такой регионовед?» «Что должно быть написано в дипломе у этого специалиста?» «Правильно ли будет утверждать, что только те счастливчики, которые могут похвастаться наличием в дипломе этого заветного слова, имеют право претендовать на это гордое звание?»

Попробуем в очередной раз справиться с этим камнем преткновения. Если коротко, регионовед – это эксперт по стране/региону, который понимает ее/его во всем многообразии и осуществляет синтетический анализ своего объекта исследования, интегрируя методологические подходы и

инструментарий из смежных дисциплин – политологии, экономики, культурологии, социологии, лингвистики, истории. Ключевой отличительной чертой профессиональной компетенции регионолога является не просто сумма знаний о регионе, а способность к выявлению и анализу глубинных причинно-следственных связей между его историческим развитием, современной политической динамикой, экономической спецификой и культурно-цивилизационными особенностями. Фундаментальная подготовка регионолога предполагает обязательное владение языком изучаемого региона, что служит необходимым инструментом для работы с аутентичными источниками и проведения полевых исследований. Профессиональная деятельность данного специалиста носит выраженный прикладной характер и находит применение в сфере международных отношений, дипломатии, внешнеэкономической деятельности, глобального бизнеса, требующего кросс-культурного анализа, а также в научно-академической и экспертно-аналитической среде. Таким образом, регионолог – это своеобразный «мост» между культурами и экономиками, он функционирует как системный аналитик, обеспечивающий комплексное понимание региона для разработки стратегических решений в условиях многополярного мира.

Соответственно, утверждение, что настоящим регионологом можно считать только человека, имеющего соответствующую запись в дипломе, является некорректным и чрезмерно категоричным. Содержание диплома – не единственный и исчерпывающий критерий. Ключевыми являются способность к междисциплинарному синтезу, глубокое понимание специфики региона и умение практически применять эти знания. По нашему мнению, к регионологам с полным правом можно относить специалистов с любым базовым образованием, которое становится основой для регионологической специализации, например *историка*, глубоко изучившего современную политику и экономику Ближнего Востока; *международника-политолога*, сфокусировавшего сферу своих научных интересов на странах Азии; *филолога-востоковеда* или *экономиста*, специализирующегося на интеграционных процессах в Латинской Америке. Их экспертность зачастую может быть глубже и тоньше, чем у выпускника с общей записью в дипломе «регионовед». Поэтому настоящим регионологом мы считаем того, кто обладает де-факто комплексом экспертных знаний и практических навыков, позволяющих ему профессионально анализировать процессы в конкретном регионе, независимо от первоначальной образовательной траектории.

Обратимся к истории регионоведения иняза. Подготовка регионоведов (в данном случае мы используем именно этот термин на основе названия образовательной программы «Зарубежное *регионоведение*») США, Канады и Китая началась в ИГПИИЯ им. Хо Ши Мина в 1990 г. [Иркутский ... , 2008]. Несколько позднее к работе присоединился Олег Маркович, который приехал в Иркутск уже с определенным опытом развития

данного направления – в 1995 г. он основал в Читинском государственном техническом университете кафедру регионоведения, которую возглавлял до 2000 г. Поэтому вполне логично, что, приступив к работе в инязе, он принял активное участие в разработке новой концепции подготовки специалистов этого профиля вместе с профессором, доктором физико-математических наук А. Д. Калихманом [Кремнёв, 2023].

В 2001 г. в Иркутском государственном лингвистическом университете (бывшем ИГПИИЯ) была основана кафедра американистики под руководством кандидата филологических наук, доцента А. Ю. Сусловой, приглашенной из ИГУ, что, безусловно, стало значимым событием. Первоначально ориентированная на обучение языкам кафедра впоследствии трансформировалась в уникальное для страны подразделение, готовящее специалистов-американистов. Ее исключительность подчеркивалась междисциплинарным подходом и тесным сотрудничеством с другими факультетами. В сферу ответственности кафедры входило преподавание английского на факультете восточных языков, а также ведение курса «Введение в американистику» для лингвистов. Именно кафедра американистики и является прообразом кафедры регионоведения Азиатско-Тихоокеанского региона, которая в настоящее время совместно с кафедрой китаеведения занимается развитием регионологического направления научной школы О. М. Готлиба.

Несмотря на частые смены названий неизменным остается подход к подготовке регионологов, которым мы также обязаны Олегу Марковичу. Благодаря этому системному подходу за последние десять лет нам удалось практически с нуля создать и внедрить в учебный процесс модель, основанную на триединстве принципов: привлечение талантливой молодежи, тесная интеграция наук и ориентация на прорывные фундаментальные исследования. Так, в 2013 г., когда автор приступил к исполнению обязанностей заведующего кафедрой американистики, на кафедре работали лишь два дипломированных регионоведа. Сейчас на факультете трудится компетентная команда ученых с базовым регионологическим образованием: Н. Л. Адилханян, А. В. Баринкова, Н. А. Бунаева, Е. В. Ватолина, Е. Р. Верюжская, О. Ю. Воронина, Е. Р. Гаврилова, К. А. Иванов, В. О. Коробко, О. В. Кузнецова, А. А. Орсоева, И. Н. Солсоев, Б. С. Сосорова, А. П. Хадзева, Н. Ю. Хлызова, А. В. Чайкисова. Однако хочется надеяться, что читатель уже понял: на этом список настоящих инязовских регионологов не заканчивается. Напомним, что именно О. М. Готлибу принадлежит идея кроме востоковедов-лингвистов приглашать на кафедры специалистов по АТР из других научных сфер: историков, философов, экономистов, географов, политологов и социологов [Кремнёв, 2023]. Результатом такого трансдисциплинарного подхода стало расширение сферы научных интересов «чистых» филологов. Давайте посмотрим на перечень публикаций наших кандидатов филологических наук в сборниках Готлибовских чтений: А. С. Игнатьева «Американская живопись XX века как уникальный

визуальный язык искусства», А. В. Чайкисова «Социокультурные особенности функционирования невербальных знаков цифровой коммуникации», Н. Ю. Тразанова «Синергия визуального, музыкального и языкового кодов в творчестве исполнителей в жанре Visual kei», Н. Ю. Хлызова, Ю. Б. Дюндик «Анализ образовательных программ университетов США по формированию критического мышления», М. В. Новосёлова «Современные путешествия: постмодерн, постковид и пост-туризм», Ю. Б. Дюндик «Противостояние США и Китая: торговая война, которую легко выиграть?» и др.

Честно говоря, представить себе подобный перечень еще десять лет назад было практически невозможно. И это, на наш взгляд, первое значимое достижение нашей регионологической школы – преподаватели перестали бояться разрабатывать «не свои», не лингвистические темы. Признаемся, процесс не был легким, но преодоление внутренних междисциплинарных барьеров произошло, наши лингвисты, историки и социологи перестали существовать в изоляции. Этот методологический прорыв свидетельствует о формировании подлинно синтетического регионологического мышления, когда специалист не боится оказаться «чужаком» в смежной области, а использует свой инструментарий для комплексного анализа региона. Такая интеллектуальная смелость, как кажется нам, – важный фактор для формирования единой научной школы.

Мы все неоднократно восхищались способностью Олега Марковича предвидеть то, как будет развиваться наука. Так было и с регионологией. Именно ему принадлежит мысль о том, что основная проблема современной регионологии – в отсутствии системной теоретической базы и в особенности в непонимании ее корней [Кремнёв, 2023]. Эта идея легла в основу масштабного научного проекта, который продолжает реализовываться кафедрами с 2019 г., когда научный коллектив в составе О. В. Кузнецовой, Е. В. Кремнёва, Е. В. Ватолиной, Н. С. Карачевой и С. Б. Макеевой выиграл грант РФФИ «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии». В результате работы над проектом были обобщены и проанализированы труды, в которых затрагиваются вопросы развития социологической и экономической мысли в США, России, Японии, Китае, Республике Корея; история и проблемы формирования отдельных социологических и экономических теорий, повлиявших на оформление современной системы знаний о регионе; связь современных парадигм региона с развитием социального знания; проблемы концептуализации регионоведения в свете развития и популяризации универсальных социологических и экономических теорий, а также были выделены и описаны научные школы региональных исследований в России, США, КНР, Республике Корея, Японии, крупные научно-аналитические центры в США, КНР, Республике Корея, Японии, занимающиеся изучением процессов регионального развития как внутри региона, так и за его пределами.

Кроме того, была описана и объяснена научно-теоретическая база современной трансдисциплинарной регионологии. И здесь на нашем пути возник второй камень преткновения, устранением которого мы занимаемся до сих пор. Основная идея проекта заключалась вовсе не в том, чтобы изобрести новые термины – термины «регионология» и «трансдисциплинарность» успешно вошли в научный обиход задолго до того, как появилась наша монография «Трансдисциплинарная регионология: теория и методология», мы лишь предложили среди всего многообразия родственных терминов, встречающихся в отечественной и зарубежной науке (ср. регионология, регионоведение, регионалистика, area studies, regional studies, regional science и др.), выбрать в качестве основополагающего вариант «регионология». Позволим себе привести полную цитату из монографии: «Выбор термина “регионология” в качестве гиперонима для остальных обусловлен тем, что он, по нашему мнению, точнее отражает процессы формирования самостоятельной научной дисциплины в отличие от регионоведения как совокупности накапливаемых знаний об объекте исследования... “логос” подчеркивает необходимость именно научного знания, научного начала, акцентирует логику и дух науки, дифференцируя ее от процесса накопления фактов и данных, систематизации и организации знания о регионе» [Кремнёв, Кузнецова, Лесниковская, 2020, с. 9, 11].

Вторым ключевым тезисом стало наше предположение о том, что в настоящее время происходит «разворот» регионологии в сторону парадигмы трансдисциплинарности, что обусловлено как внутренними, исходными факторами, так и внешними, текущими причинами. Таким образом мы предложили ввести в научный оборот термин «трансдисциплинарная регионология» для обозначения научного поля, интегрирующего все остальные регионологические школы и направления. Повторюсь, данное предположение возникло и оформилось благодаря идеям и советам наших научных наставников – Олега Марковича Готлиба и его друга, доктора филологических наук, профессора Евгении Фёдоровны Серебренниковой.

Проект помог воплотить в жизнь еще одно смелое начинание – десять лет назад мы не просто не могли себе представить, что наши филологи будут писать про искусство, критическое мышление и торговые войны, но и только мечтали о том, чтобы учить студентов по своим учебникам. Серия из шести монографий, подготовленных в ходе реализации гранта¹, в настоящее время является основой учебно-методического обеспечения

¹ Е. В. Кремнёв «Региональные исследования в Японии», О. В. Кузнецова «Региональные исследования в США», Е. В. Лесниковская, Е. В. Кремнёв «Регионология, регионалистика, регионоведение и другие академические пространства российских региональных исследований», О. В. Кузнецова «Корейские региональные исследования: мир о Корее и Корея о мире», Е. В. Кремнёв, О. В. Кузнецова, Е. В. Лесниковская «Трансдисциплинарная регионология: теория и методология», «История и методология региональных исследований в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (коллективная монография).

программы магистратуры 41.04.01 «Зарубежное регионоведение», направленность «Комплексные исследования стран Азиатско-Тихоокеанского региона», что позволяет, прежде всего, обеспечить высокую степень синхронизации между содержанием учебных курсов, текущими научно-исследовательскими проектами преподавателей и стратегическими академическими приоритетами Школы. На основе этого комплекта разработаны и читаются авторские курсы для магистрантов: «История и методология регионоведческих исследований», «Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития», «История изучения стран Азиатско-Тихоокеанского региона».

Безусловно, приятно, что научные труды сотрудников кафедр получают высокую оценку не только в отечественном научном пространстве, но и за его пределами. К авторам неоднократно обращались с просьбами поделиться опытом на различных научных мероприятиях. Так, Е. В. Кремнёв по приглашению зарубежного вуза-партнера – Северо-Восточного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР) выступал с лекциями по теории и методологии трансдисциплинарной регионологии, а серия книг по регионологии, подготовленная коллективом авторов нашей Школы, используется при подготовке специалистов в Пекинском университете иностранных языков. Ряд научно-методических семинаров на тему «Перспективы межрегионального сотрудничества в сфере трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона» был организован по инициативе Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск).

Говоря о магистратуре, мы не можем не отметить еще одного значимого изменения. Практически каждый год кто-то из лучших выпускников программы получает предложение продолжить взаимодействие уже в статусе преподавателя одной из наших кафедр. Таким образом нам удалось выстроить траекторию бакалавр → магистр → аспирант/преподаватель и обеспечить преемственность научных традиций. И сейчас мы с гордостью можем наблюдать, как наши недавние ученики К. А. Иванов, В. О. Коробко, Е. Р. Верюжская, Е. Р. Гаврилова уже сами обучают азам регионологии.

Гордимся мы и тем, что несколько лет назад силами кафедры китаеведения и кафедры регионоведения АТР был разработан и внедрен авторский профиль «Лингвистическое обеспечение региональных исследований» для бакалавров направления подготовки 45.03.02 «Лингвистика» – ЛОРИ или ЛОРИКИ, как ласково называют его студенты. Данная образовательная программа представляет собой стратегический ответ на вызовы современного трансдисциплинарного поля и глобального рынка труда. Ее актуальность обусловлена нарастающей потребностью в специалистах, способных не только к глубокому лингвистическому анализу, но и к комплексному изучению регионов через призму их культурно-исторических,

политических и социально-экономических особенностей. Выпускники подобной программы способны заполнить нишу на стыке лингвистики, политологии, экономики и культурологии, что делает их незаменимыми в таких сферах, как внешнеэкономическая деятельность, аналитические центры, международные корпорации и публичная дипломатия.

Научное обоснование профиля строится на принципах трансдисциплинарности и интеграции знаний. Фундаментальная языковая подготовка сочетается с освоением теоретических и прикладных аспектов регионологии, что позволяет сформировать у обучающихся системное понимание региона как многомерного пространства. Такой подход соответствует современной парадигме образования, ориентированной на формирование гибких компетенций (soft skills) и проектирование стратегий межрегионального и кросс-культурного взаимодействия. В нашем понимании, основными надпрофессиональными навыками региолога должны стать:

- критическое мышление,
- умение работать с людьми,
- осознанность,
- системное мышление,
- умение работать в режиме высокой неопределенности и быстрой смены условий задач,
- умение управлять проектами и процессами,
- навыки межотраслевой коммуникации,
- мультиязычность и мультикультурность,
- эмоциональный интеллект.

Неслучайно эти навыки, называемые часто навыками XXI в., согласно «Атласу новых профессий 3.0» (далее – Атлас), входят в перечень тех, которые, по мнению работодателей, являются наиболее важными для успеха в будущем [Атлас ... , 2020]. Кстати, изучив Атлас, мы обнаружили, что региолог действительно имеет все права претендовать на статус профессии будущего. Неоспоримым преимуществом специалиста подобного рода является то, что он может быть востребован в разных сферах и областях. Вот неполный перечень позиций из Атласа, на которые, по нашему мнению, может быть трудоустроен региолог:

- *медиа и развлечения* – фактчекер, редактор агрегаторов контента, частный контент-мейкер;
- *индустрия туризма и гостеприимства* – куратор образовательного туризма, коуч по межкультурной коммуникации для экскурсоводов, архитектор территорий, бренд-менеджер пространств;
- *социальная сфера* – медиатор социальных конфликтов, специалист по адаптации мигрантов, информационный куратор, edutainment-продюсер;
- *менеджмент* – корпоративный антрополог, менеджер по кросс-культурной коммуникации, трендотчер/форсайтер;

– *культура и искусство* – куратор виртуального музея, личный тьютор по эстетическому развитию;

– *образование* – разработчик образовательных траекторий, тьютор.

Согласимся, что возможность появления некоторых из перечисленных профессий выглядит не совсем реалистично, но, с другой стороны, выше мы как раз говорили, что то, чем мы занимаемся сейчас, еще десять лет назад казалось маловероятным.

Как известно, у ученых, занимающихся смежными темами, должна быть своя площадка, где они могут обмениваться опытом и делиться идеями. Такая научная площадка появилась на факультете в 2023 г. при активном участии К. В. Григоричева, на тот момент проректора по научной работе и международной деятельности, и получила название «Научно-исследовательский центр трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона». Цель Центра – координация научно-исследовательской работы и установление научных связей между организациями в сфере регионологии и востоковедения, формирование единого научно-образовательного пространства, осуществление трансдисциплинарных регионологических и востоковедных проектов. На данный момент Центр состоит из восьми секторов, что позволяет всем интересующимся разными аспектами регионологических исследований найти свою нишу и близких соратников. При создании секторов мы исходили из еще одной важной, на наш взгляд, идеи – ориентироваться не на язык, в котором специализируется ученый, а на основную проблематику его исследований. Таким образом, японисты, например, получили прекрасную возможность работать в одном секторе с американистами, проводя сравнительно-сопоставительные исследования. Речь идет о еще одной задаче, которую мы стараемся решить – побудить наших коллег – специалистов по разным языкам АТР изучать регион вместе.

Представляется, что еще одним доказательством наличия в подразделении крепкой научной школы является узнаваемость специалиста по названиям его работ или названию сектора, в который он входит. Так, можно без труда догадаться, что Сектор региональной семиотизации и дискурсивизации возглавляет Е. Ф. Серебrenникова, членами Сектора каноноведения и трансфера культурного опыта будут Т. Е. Шишмарева, Д. М. Домашевская, Н. В. Терехова, а Сектор регионологии и востоковедения является вотчиной Е. В. Кремнёва и К. А. Иванова. Кажется, что в случае со Школой регионологических исследований Олега Марковича и по названию научной статьи можно часто уверенно определить фамилию автора или научного руководителя. Это явление возникает не случайно, а становится закономерным итогом долгой и системной работы. Это говорит о том, что Школа создала уникальную и узнаваемую специализацию.

Такая узнаваемость опять же может быть прямым следствием преемственности и развития традиций. Основатель школы заложил определенный фундамент – проблематику, методологию и научный язык, а новые статьи, даже написанные представителями следующего поколения, продолжают нести на себе отпечаток этого стиля и подхода. Хочется надеяться, что и наше подразделение не просто «производит» статьи, а обладает уникальным научным «почерком». С другой стороны, у каждого ученого есть и своя «фишка», что-то, в чем именно он является экспертом и генератором новых идей, будь то медиаобразование, как в случае с Н. Ю. Хлызовой, социальное управление у Е. В. Кремнёва, социальная адаптация у О. В. Кузнецовой или дискурс об инновациях у О. Н. Садовниковой.

Неотъемлемым элементом развития потенциала Школы стало и сотрудничество с другими научными коллективами. Так, соорганизатором Готлибовских чтений уже в третий раз выступает Российско-китайский центр междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (г. Санкт-Петербург), а в этом году добавился еще один партнер – Высшая школа социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, совместно с которой в Хабаровске были проведены уже две конференции по проблемам трансграничья. Традиционным и с нетерпением ожидаемым мероприятием стала также зимняя социологическая школа для начинающих регионологов «Современные социологические теории и исследовательские методы», организуемая под руководством доктора социологических наук, профессора, заведующего кафедрой экономической социологии СПбГУ П. П. Дерюгина в рамках Голибовских чтений. В течение недели студентам предоставляется возможность поучаствовать в мастер-классах и интерактивах со специалистами и аспирантами других вузов. Занятия проходят по таким темам, как методы теоретической и прикладной социологии, социометрия и сетевые методы исследования ценностей, формирование выборки эмпирического исследования, эмпирические исследования в курсовой и дипломной работах, особенности работы с китайскими респондентами в процессе проведения интервью, акторно-сетевая теория и т. д.

Итак, как нам видится, в настоящее время горизонты Школы регионологических исследований Олега Марковича Готлиба уже вышли далеко за пределы Иркутска – впереди множество амбициозных проектов, развитие существующих направлений и открытие новых. Мы уверены, что границы нашего сообщества перестали быть географическими, превратившись в виртуальное и интеллектуальное пространство, объединяющее единомышленников из разных городов и стран для совместной работы над актуальными вызовами трансдисциплинарной регионологии.

Литература

Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. М. : Интеллект. лит., 2020. 456 с.

Иркутский государственный лингвистический университет. 60 лет. Иркутск : Репро-центр А1, 2008. 96 с.

Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография / науч. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 155 с.

Кремнёв Е. В. Новаторство на основе традиций: прошлое и будущее иркутской школы востоковедных и регионоведческих исследований Олега Марковича Готлиба // VI Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 6–8 дек. 2022 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; СИ РАН ФНИСЦ РАН ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2023. С. 4–20.

О. В. Кузнецова

РАЗДЕЛ I

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

УДК 504.03

В. С. Галактионова

Забайкальский государственный университет, Чита

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОЙ И РОССИЙСКОЙ НАУЧНЫХ МОДЕЛЕЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. На основании анализа научных трудов зарубежных и отечественных авторов дано представление об особенностях моделей экологической безопасности крупнейших мировых держав – Китая, США и России. Выявлены основополагающие концепции экологического развития и специфические направления в экологической политике данных стран. При общих задачах экологической безопасности определено, что в Китае данная концепция основана не только на государственной политике и нормативно-правовых документах, но и на принципах традиционной культуры, которая по своей природе отражает идеи экологической культуры.

Ключевые слова: экологическая безопасность, экологическая политика, устойчивое развитие, экологическое сознание, экологическая цивилизация, экологическая культура.

V. Galaktionova

Transbaikal State University, Chita

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FOREIGN AND RUSSIAN SCIENTIFIC MODEL OF ENVIRONMENTAL SAFETY

Abstract. Based on the scientific works of foreign and domestic authors, an idea is given about the features of the environmental safety models of the largest world powers – China, the USA and Russia. The fundamental concepts of environmental development and specific directions in the environmental policy of these countries have been identified. With the general objectives of environmental safety, it is determined that in China this concept is based not only on government documents, but also on the principles of traditional culture, which by its nature reflects the ideas of ecological culture.

Keywords: environmental safety, environmental policy, sustainable development, environmental awareness, ecological civilization, ecological culture.

В условиях нарастающего антропогенного воздействия на окружающую среду проблема обеспечения экологической безопасности становится одной из наиболее актуальных. В зависимости от экологической ситуации, географических условий и уровня экономического развития страны мирового сообщества ставят разные приоритеты в области экологической политики.

Крупнейшие мировые державы (Китай, США, Россия) активно разрабатывают и внедряют законодательные и технологические инициативы, способствующие переходу к более устойчивым формам производства и потребления. В этой ситуации большое внимание уделяется и социальным регуляторам экологической политики.

В современных китайских исследованиях, как и в отечественной литературе, экологическая безопасность традиционно рассматривается с позиции модернизации производственных процессов с целью уменьшения загрязняющего воздействия на окружающую среду.

Система экологической безопасности Китая строится на основании таких нормативно-правовых документов, как Конституция КНР (ст. 9, 10, 26) [中华 ..., 1982], Закон КНР «Об охране окружающей среды морей и океанов» [中华 ..., 2014], Закон КНР «О предотвращении и ликвидации загрязнения атмосферы» [中华 ..., 2015], Закон КНР «Об охране дикой природы» [中华 ..., 2023] и др. Кроме того, создана и реализуется стратегическая программа по экологической безопасности «Прекрасный Китай», направленная на создание устойчивой и экологически чистой страны. Доминирующими целями данной программы являются сокращение выбросов загрязняющих веществ, достижение углеродной нейтральности, продвижение зеленого развития и сохранение экосистем [中共 ..., 2023].

Основной акцент в экологической политике Китая делается на формирование экологического сознания граждан путем построения экологической цивилизации. Концепция «строительства экологической цивилизации» является официальной стратегией развития Китая, включенной в Устав Коммунистической партии КНР и Конституцию КНР. Основные пути ее построения: усовершенствование политики регулирования охраны окружающей среды и системы экологической ответственности государства; повышение уровня экологического образования и экологического сознания нации; развитие экономики замкнутого цикла, а также создание концепции «правильного» потребления.

По мнению китайских исследователей, именно эти факторы являются первыми шагами на пути построения экологической цивилизации, поскольку направлены на изменение отношения людей к окружающей среде и их готовность действовать в соответствии с принципами устойчивого развития [谢立萍, 2024, с. 162].

Следует отметить, что формирование экологического сознания рассматривается в основном в аспекте традиционных культурных ценностей Китая. Так, по мнению Фу Сюйань и Чжоу Хун, китайская нация является носителем глубоких, многогранных экологических традиций и отличается экологической мудростью, что хорошо подтверждает и вся традиционная китайская философия, которая выступает за единство природы и человека (конфуцианство, даосизм, буддизм) [Сюйань, Чжоу, 2019, с. 123]. Кроме

того, Китай является первой страной в мире, которая считает экологическую культуру основой государственной политики. Вследствие этого самой важной задачей в формировании экологической цивилизации является воспитание экологически образованных граждан, т. е. людей, которые обладают экологическим сознанием и целенаправленно строят экологическое общество.

Соединенные Штаты Америки, являясь также крупнейшим игроком на политической арене и первой экономикой мира, оказывают значительное воздействие на окружающую среду.

Экологическая безопасность в данном государстве рассматривается как неотъемлемый компонент национальной безопасности. По мнению В. В. Кочеткова и Е. В. Рыбаковой, это связано, прежде всего, с ростом глобального экологического кризиса и постановкой его в один ряд с традиционными военными угрозами. Это обусловлено, по мнению авторов, обострением экологической ситуации в различных регионах мира и их ролью в социальной и политической нестабильности, а также тенденцией к сокращению внешних силовых угроз [Кочетков, Рыбакова, 2023, с. 96].

Регулирование системы природопользования и отношений в сфере охраны окружающей среды строится в Соединенных Штатах на основании таких нормативно-правовых документов, как Федеральный закон «О чистом воздухе» (CleanAir Act) [The Clean ... , 1970], Федеральный закон «Об охране редких и исчезающих видов» (Endangered Species Act) [The Endangered ... , 1973], Федеральный закон «О национальной экологической политике» (National Environmental Policy Act) [The National ... , 1970] и т. д.

По мнению американских исследователей, экологическая политика США на сегодняшний день смещает свои приоритеты с частной задачи охраны окружающей среды на более общую цель сбалансированного устойчивого развития. Специфической особенностью данной модели устойчивого развития является не только обеспечение сбалансированного разноректорного развития страны, но и сохранение доминирующего экономического и технологического положения Соединенных Штатов на мировой арене в условиях усиливающейся глобализации. По мнению Д. Тарасенко, идеология американской стратегии базируется на попытке играть ведущую и руководящую роли в разработке международной политики устойчивого развития, предпосылками чего являются ее мощь, богатство и технологические возможности [Тарасенко, 2018, с. 199].

Другой специфической особенностью американской стратегии устойчивого развития является реализация поставленных задач на региональном уровне, т. е. на уровне отдельных штатов. Данный подход считается наиболее эффективным инструментом решения социально-экологических задач, поскольку учитывает специфику конкретных территорий и адаптирует глобальные цели устойчивого развития под местные условия.

Мировоззренческий уровень системы экологической безопасности США представлен концепцией экомодернизма. Она представляет собой систему взглядов, согласно которой защита окружающей среды должна обеспечиваться путем разработки технологий, направленных на минимизацию антропогенного воздействия на экосистемы [An escomodernist manifesto]. В рамках данной концепции осуществляется трансформация традиционных производственных процессов в направлении их экологизации путем внедрения ресурсосберегающих технологий и минимизации отходов производства.

Экологическая политика Российской Федерации также строится на основании нормативно-правового законодательства: Конституции РФ [2024], Федерального закона № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [2002], Федерального закона № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» [1999], Федерального закона № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [1999] и т. д.

Основной концепцией развития экологической безопасности России, как и США, является концепция устойчивого развития. В рамках российской интерпретации она предполагает обеспечение защищенности окружающей среды, населения и хозяйственных объектов от негативного воздействия природных и антропогенных факторов, а также поддержание устойчивого состояния экосистем и биологического разнообразия.

Следует отметить, что данная концепция закреплена на законодательном уровне в Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и включает в себя следующие основные направления:

- сохранение и восстановление природных систем, поддержание их целостности и жизнеобеспечивающих функций;
- обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни и здоровья человека, сохранения генетического фонда;
- рациональное использование природных ресурсов с учетом возможностей природной среды и необходимости воспроизводства возобновляемых ресурсов;
- экологическое воспитание и образование населения, формирование экологической культуры [О Стратегии ... , 2017].

Кроме того, данный нормативно-правовой акт определяет ключевые элементы всей системы экологической безопасности Российской Федерации, включая вызовы и угрозы (глобальные, внутренние и внешние), цели, задачи и механизмы реализации государственной политики в данной сфере, а также приоритетные направления развития и ожидаемые результаты реализации Стратегии.

Таким образом, анализ научных трудов зарубежных и отечественных авторов позволил выявить ключевые особенности модели экологической безопасности в крупнейших мировых державах. В каждой из стран осно-

воплощающие концепции экологического развития и специфические направления экологической политики имеют свои уникальные черты, обусловленные социально-экономическими, географическими, политическими факторами.

В отличие от России и США концептуальное осмысление экологической безопасности в Китае основано на приоритетах традиционной культуры. Так, например, Хэ Цзубинь, президент Гуансийского педагогического университета, на основе анализа речей Председателя КПК Си Цзиньпина [贺祖斌, 2019] выделяет те его идеи, которые определяют методологическую основу экологической цивилизации: исследование традиционной культуры Китая, которая содержит богатые экологические идеи, просветленную мудрость для строительства экологической цивилизации; выступает за гармоничное сосуществование человека и природы, человека и человека, человека и общества.

Аналогичная мысль представлена и Лю Юйлань, доцентом кафедры марксизма Северо-Восточного педагогического университета, который пишет, что идеи китайской традиционной культуры (единство человека и природы, добродетель жизни, время использования и степень использования) содержат понимание взаимоотношений между человеком и природой и простую мудрость устойчивого развития. Поэтому китайская традиционная экологическая мудрость является плодородной почвой для экологической цивилизации Си Цзиньпина [刘宇兰, 2024].

Такие концепции, пишет Хэ Цзубинь, как «гармония между человеком и природой» (“天人合一”), «следование законам природы» (“道法自然”) и «стремление к гармонии» (“致中和”), воплощают глубокую экологическую философию [贺祖斌, 2019].

А в 2003 г. на Первом форуме «Зеленый Китай» заместитель директора Государственного управления по охране окружающей среды Пан Юэ выразил мысль о взаимообусловленности таких концептов, как экологическая культура, возрождение китайской культуры и возрождение китайской нации [潘岳, 2003] с ростом мировой экологической культуры. Тем самым была определена основополагающая мысль – невозможность формирования локальной экологической культуры.

Хотя мы и отмечаем специфику трактовки экологической культуры в Китае, необходимо признать, что, несмотря на различия в подходах к обеспечению экологической безопасности, общим для трех стран является признание важности решения экологических проблем на государственном уровне и необходимости комплексного подхода к их преодолению.

Литература

Конституция Российской Федерации (с гимном России) : офиц. текст. М. : Проспект, 2024. 64 с.

Кочетков В. В., Рыбакова Е. В. Экологическая безопасность как глобальная проблема современности. М. : МАКС Пресс, 2023. 160 с.

О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : федер. закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 02.07.2021). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13636> (дата обращения: 20.04.2025).

О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 апр. 2017 г. № 176. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41879> (дата обращения: 15.05.2025).

Об охране атмосферного воздуха : федер. закон от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ (ред. от 01.07.2021). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/13789> (дата обращения: 20.04.2025).

Об охране окружающей среды : федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ (ред. 26.03.2022). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17718> (дата обращения: 20.04.2025).

Тарасенко Д. Опыт США при формировании социальной составляющей политики устойчивого развития // Научный вестник Одесского национального экономического университета. 2018. № 9 (261). С. 194–209.

Сюйань Фу, Чжоу Хун. Традиции китайской экологической культуры и воспитание экогражданства // Век глобализации. 2019. № 3. С. 123–129.

An ecomodernist manifesto / J. Asafu-Adjaye, L. Blomqvist, S. Brand [et al.]. URL: https://www.researchgate.net/publication/281607422_An_Ecomodernist_Manifesto (дата обращения: 05.05.2025).

The Clean Air Act of 1970. URL: <https://www.govinfo.gov/app/search/%7B%22query%22%3A%22Clean%20Air%20Act%22%2C%22offset%22%3A0%7D> (дата обращения: 11.05.2025).

The Endangered Species Act of 1973. URL: <https://www.fisheries.noaa.gov/national> (дата обращения: 10.05.2025).

The National Environmental Policy Act of 1970. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/STATUTE-85/pdf/STATUTE-85-Pg877.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

中共中央国务院关于全面推进美丽中国建设的意见 : 2023-12-27. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202401/content_6925405.htm (дата обращения: 10.05.2025).

中华人民共和国大气污染防治法（主席令第三十一号） : 2015-08-29. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2015-08/30/content_2922326.htm (дата обращения: 10.05.2025).

中华人民共和国宪法 : 1982-12-04. URL: <https://www.gov.cn> (дата обращения: 09.05.2025).

中华人民共和国环境保护法 : 2014-04-25. URL: https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/fl/201404/t20140425_271040.shtml (дата обращения: 10.05.2025).

中华人民共和国野生动物保护法 : 2023-12-30. URL: https://www.mee.gov.cn/ywgz/fgbz/fl/202302/t20230220_1016885.shtml (дата обращения: 10.05.2025).

刘宇兰. 弘扬传承中华优秀传统文化中的生态智慧 . 2024-05-22. URL: https://theory.gmw.cn/2024-05/22/content_37336643.htm (дата обращения: 22.03.2025).

潘岳 : 环境文化与民族复兴 2003-10-28 来源 : 国家环保总局 . URL: https://www.mee.gov.cn/gkml/sthjbgw/qt/200910/t20091030_180661.htm (дата обращения: 12.05.2025).

谢立萍. 生态文明及生态文明建设的重要意义. 北京市东方德才学校. 北京 / 城市建筑与发展. 2024. 第5卷. 第14期. 161–163页.

贺祖斌. 生态文明建设的传统智慧与现实意义 . 2019 年 12 月 10 日. URL: http://www.qstheory.cn/llwx/2019-12/10/c_1125329043.htm (дата обращения: 10.05.2025).

П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

ОТРАСЛЕВАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

Аннотация. Целью статьи является анализ и обобщение по вопросу об основных характеристиках современного этапа становления китайской отраслевой социологии. В качестве методологического подхода приняты положения и принципы, характеризующие общие основы становления отраслевого знания в социологии. В качестве технологии выявления, анализа и моделирования результатов выбран количественный анализ публикаций. Показаны основные характеристики становления отраслевой социологии. Наиболее интенсивно в китайской социологии развиваются такие направления, как социология образования, социология спорта и социология права. Менее активно изучаются научные основы отраслевой социологии, цифровой и информационной социологии. Показаны возможные проблемные последствия пассивного развития отраслевого социологического знания.

Ключевые слова: отраслевая социология, направления отраслей социологии, теории среднего уровня, прагматическая направленность.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (№ 24-28-01448).

P. Deryugin, L. Lebedintseva

St. Petersburg State University, SI RAS – FCTAS RAS, St. Petersburg

O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk

SI RAS – FCTAS RAS, St. Petersburg

BRANCH SOCIOLOGY IN CHINA: THE MAIN DIRECTIONS OF FORMATION

Abstract. The purpose of the article is to analyze and summarize the main characteristics of the current stage of the formation of Chinese branch sociology. As a methodological approach, the provisions and principles characterizing the general foundations of the formation of branch knowledge in sociology have been adopted. Quantitative analysis of publications has been chosen as a technology for identifying, analyzing, and modeling results. The main characteristics of the formation of branch sociology are shown. Such areas as the sociology of education, the sociology of sports, and the sociology of law are developing most intensively in Chinese sociology. The scientific foundations of branch sociology, digital and information sociology are less actively studied. The possible problematic consequences of the passive development of sectoral sociological knowledge are shown.

Keywords: branch sociology, branches of sociology, middle-level theory, pragmatic orientation.

Financing. The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (No. 24-28-01448).

Введение

Формирование отраслевых направлений в китайской социологии – сложный и многогранный процесс, требующий глубокого теоретического осмысления и методологической проработки. Отраслевая социология изучает социальные явления и процессы, связанные с определенными отраслями или сферами общественной жизни, такими как экономика, политика, культура, образование, здравоохранение и т. д.

Становление отраслевой социологии в известном смысле – показатель динамики становления социологической науки как таковой. Л. М. Прозументов и А. В. Шеслер подробно анализируют, как начинается формирование нового отраслевого знания с выделения специфического объекта исследования и адаптации существующих теорий и методологических подходов для объяснения его закономерностей [Прозументов, Шеслер, 2020]. В своей работе авторы подчеркивают, что систематизация отраслевых данных позволяет выявить ряд преимуществ, к которым относятся: конкретность исходных индикаторов и рекомендаций, направленных на оптимизацию функционирования отрасли; специфика методологии и методов исследования социального взаимодействия; уникальность подходов к изучению тенденций в узкоспециализированных сферах деятельности и их взаимосвязей с другими элементами социальной структуры. Похожую идею высказывает Н. Г. Осипова, которая считает, что динамика отраслевой социологии свидетельствует о процессах профессионализации и специализации социологической науки [Осипова, 2013]. Новые направления отраслевого знания отражают изменения в общественной жизни Китая, подчеркивая актуальность и важность исследований в той или иной сфере деятельности, которая завершает процесс институционализации.

Важными моментами становления отрасли социологической науки являются разработка и систематизация методов анализа и диагностики, направленных на изучение как общих, так и специфических характеристик объекта. В результате формируется система категорий и определений, позволяющих лучше понять новые аспекты объекта социологического анализа. Таким образом, отраслевые социологические знания характеризуются конкретностью, специфичностью и уникальностью, что подчеркивает их практическую значимость. Они ориентированы на решение прикладных задач и обладают высокой степенью прагматичности, что делает их незаменимыми для специалистов в различных областях социальной науки и практики.

Анализ источников. В современном мире, где все больше внимания уделяется практическим аспектам, отраслевое знание становится ключевым элементом для развития социологической науки в Китае. Анализ становления китайской отраслевой социологии предполагает комплексный подход, направленный на разработку новых теорий среднего уровня и

уникальных прикладных методов. Эти методы имеют практическое значение для различных областей и способствуют более глубокому пониманию социальных процессов в китайском обществе.

Исследования показывают, что в целом китайская социология характеризуется выраженной прагматической ориентацией, а прагматизм и расчетливость, характерные для китайской отраслевой социологии, являются уникальными чертами развития этой области науки. Это подтверждается работами ведущих исследователей, таких как В. В. Хандархаева, которая в статье «Китайский прагматизм и расчетливость в даосизме» анализирует философские основы прагматического подхода в китайском обществе [Хандархаева, 2023]. Аналогичную тематику затрагивают Е. Смолькова и А. Урода в публикации «Китайский прагматизм и русский “Авось” в транснациональном образовании», где они исследуют влияние прагматических установок на образовательные процессы [Смолькова, Урода, 2008]. А. Е. Уланова в статье «Влияние китайского прагматизма на применение цифровых технологий в период пандемии COVID-19» акцентирует внимание на адаптации прагматических принципов к современным вызовам, связанным с использованием цифровых технологий [Уланова, 2020]. Е. В. Кремнёв в работе «“Социальное управление” VS “Социальное управление”»: смена концептуально-терминологической парадигмы в китайской континентальной социологии начала XXI в.» анализирует трансформацию теоретико-методологических подходов в китайской социологии под воздействием прагматических установок [Кремнёв, 2023]. П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, Л. С. Веселова показывают эволюцию китайской социологической мысли и ее прагматическую направленность [Дерюгин, Лебединцева, Веселова, 2018]. Янник Барт, Сириль Лемье, Дамьен Де Блик и другие авторы предлагают методологические подходы к анализу прагматических аспектов в социологических исследованиях [Прагматическая ... , 2019]. Другими словами, прагматическая составляющая развития китайской социологии осознается как довольно устойчивый тренд.

Методология: роль теорий среднего уровня для формирования отраслевого знания

Китайская отраслевая социология включает разделы социологии, которые направлены на изучение конкретных сфер общественной жизни. Достижение успеха в отраслевых исследованиях этих институтов в значительной степени обусловлено развитием теорий среднего уровня, т. е. концепций, которые занимают промежуточное положение между общими социологическими теориями и конкретными эмпирическими исследованиями. Эти исследования объединяют различные уровни социологической науки в целостное социологическое знание. Как отмечает Л. Г. Титаренко, появление новых теорий среднего уровня в социологии способствует интеграции накопленных знаний и расширению границ прикладного знания,

открывая новые перспективы для отраслевых исследований [Титаренко, 2022]. Теории среднего уровня помогают систематизировать и объяснять определенные социальные явления и процессы в рамках отдельных областей социологии, предоставляя инструменты для анализа и понимания специфических социальных процессов и явлений. В них формулируются гипотезы, разрабатываются исследовательские вопросы и интерпретируются полученные данные. Например, теория среднего уровня может объяснить механизмы формирования социального предпринимательства [Лебединцева, Дерюгин, 2021]. Таким образом, теории среднего уровня служат связующим звеном между общими социологическими теориями и практическими исследованиями в отраслевой социологии.

В конце 1940-х гг. Роберт Мертон предложил концепцию теорий среднего уровня [Черныш, 2020]. В современных условиях интенсивные исследования в этой области продолжаются, что способствует развитию отраслевой социологии и обогащению фундаментального знания. Основные методологические принципы теорий среднего уровня включают: 1) соединение фундаментальных теорий и эмпирических исследований. Теории среднего уровня выступают в качестве связующего звена между абстрактными теоретическими концепциями и конкретными эмпирическими данными. Это позволяет проверять теоретические обобщения на практике и корректировать их в соответствии с результатами исследований; 2) решение специфических проблем отрасли. Эти теории направлены на изучение конкретных социальных структур и поведенческих моделей в рамках отраслевых контекстов. Это позволяет более глубоко анализировать и понимать особенности функционирования различных социальных институтов и организаций; 3) интеграцию междисциплинарных знаний. Теории среднего уровня способствуют интеграции знаний из различных дисциплин, что позволяет более полно и комплексно исследовать социальные явления. Это особенно важно в условиях глобализации и усложнения социальных процессов; 4) обучение и образование. Эти теории играют важную роль в подготовке специалистов, предоставляя им инструменты для конкретизации теоретических принципов и выработки оригинального языка эмпирических исследований. Это способствует развитию новых направлений в социологии и повышению качества научных исследований; 5) развитие социологии. Теории среднего уровня способствуют обогащению фундаментального знания, расширяя горизонты исследований и позволяя формулировать новые гипотезы и концепции. В свою очередь, это стимулирует развитие новых направлений в социологии. Таким образом, отраслевые исследования, основанные на теориях среднего уровня, играют исключительную роль в решении актуальных социально-политических и социально-экономических задач. Они позволяют не только анализировать текущие проблемы, но и прогнозировать их развитие, предлагая эффективные решения.

Динамика становления и развития отраслевой социологии в Китае тесно коррелирует с социально-политическими трансформациями в стране. В хронологическом порядке можно выделить три ключевых этапа, каждый из которых характеризуется специфическими теоретическими и методологическими подходами. 1. *Зарождение отраслевой социологии (1919–1949 гг.)* ознаменовало собой формирование основ социологического анализа в различных сферах социальной реальности, таких как социальная структура, культура, образование и др. В этот период были заложены методологические подходы, которые впоследствии стали фундаментом для дальнейшего развития отраслевой социологии. 2. *Социалистический период (1949–1976 гг.)* характеризуется доминированием марксистско-ленинской парадигмы, что отразилось на тематике исследований. Основное внимание уделялось изучению классовой структуры, трудовых отношений, семьи и других аспектов социальной жизни в контексте социалистической трансформации общества. Методологический инструментарий этого периода был тесно связан с принципами диалектического материализма и социальной инженерии. 3. *Эпоха реформ и открытости (1978 г. – настоящее время)* ознаменовала собой переход к более либеральной социально-экономической модели, что привело к значительным изменениям в методологии отраслевой социологии. Исследования стали более ориентированными на анализ социальных изменений, адаптацию к новым условиям и изучение влияния глобализации на различные социальные институты. В этот период активно развиваются теории среднего уровня, которые позволяют более детально исследовать конкретные социальные процессы и явления. Современные тенденции в развитии отраслевой социологии свидетельствуют о ее переходе на качественно новый уровень. Появляются новые направления исследований, которые отражают сложные и многообразные процессы, происходящие в современном китайском обществе. Это свидетельствует о том, что отраслевая социология в Китае продолжает эволюционировать, адаптируясь к меняющимся социально-экономическим и политическим условиям.

Проблема исследования. Китайская социология ориентирована на прагматические цели, предполагающие развитие отраслевых социологических направлений. Наряду с этим, отраслевая социология развивается недостаточно быстро. В результате возникает ситуация, когда прагматическая направленность китайской отраслевой социологии стимулирует развитие знаний в тех направлениях, которые являются ключевыми для достижения практических целей, однако направление развития отраслевой специализации слабо коррелирует с развитием теорий среднего уровня. **Гипотеза.** Можно предположить, что данная ситуация будет характеризоваться меньшим вниманием к интенсивности развития теорий среднего уровня и преимущественной ориентацией исследований на теории общей социологии и/или прагматический интерес.

Построение методики. В качестве источников информации были использованы материалы, предоставленные Китайской национальной инфраструктурой знаний (CNKI), глобальным информационным проектом Китайской Народной Республики. Также были использованы данные из университета Цинхуа в Пекине и холдинга Tsinghua Tongfang. Проект CNKI был запущен в 1996 г. и по своим функциям и целям аналогичен российской Национальной электронной библиотеке. Исследование публикаций по китайской отраслевой социологии охватывает период с 1996 г. по настоящее время.

На первом этапе исследования было проанализировано общее количество публикаций в области гуманитарных наук, включая тег «социология». Целью этой части исследования было определить интенсивность научных разработок в области социологии в контексте общей системы социально-гуманитарных дисциплин. Затем было проведено исследование разделения социологии по отраслевым направлениям. В основу этого разделения был положен подход, который учитывал только те отрасли социологии, по которым в настоящее время в университетах Китая существуют программы подготовки социологов. То есть те отраслевые направления, которые предлагаются в качестве профильных предметов обучения при поступлении в китайские университеты.

Результат. На рис. показаны основные направления развития отраслевой социологии в Китае.

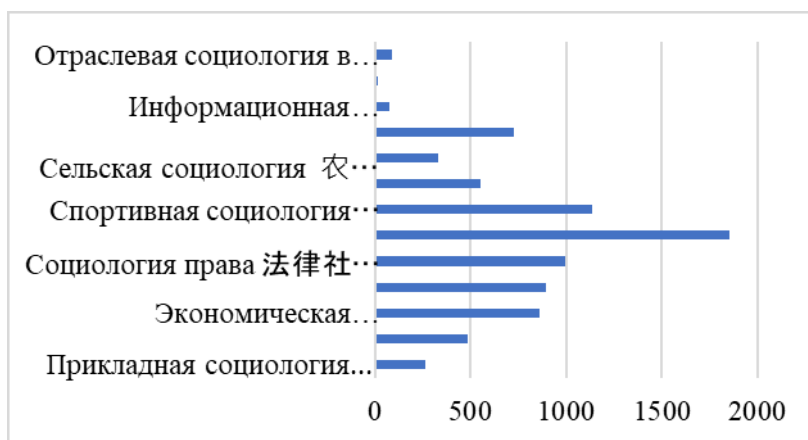

Рис. Направления развития китайской отраслевой социологии

Полученные результаты свидетельствуют, что работ, где в прямой постановке вопроса изучаются закономерности и тренды формирования отраслевой социологии как специфической части китайской социологии, не так много (фактически это 88 работ). Низкая активность таких исследований, как считает Н. Г. Осипова, может проявляться в кризисе дивергенции отраслевой матрицы социологии [Осипова, 2013], выражающемся в том, что к отраслевому знанию будут отнесены дисциплины, далекие от понятий и категорий социологии (например, встречающиеся «социология посадки клубники»); отрывом от общих тенденций социологической науки; приписывание «отраслевой» принадлежности знаниям, которые, собственно, к социологии никакого отношения не имеют; нацеленность на обсуждение «выгодных» в прагматическом отношении тем, узкую направленность исследования и некоторых других.

Заключение

Некоторая пассивность исследований по отраслевым проблемам в китайской социологии может быть обусловлена рядом обстоятельств, среди которых следует отметить отсутствие подходов к анализу социальных институтов, которые по-особому функционируют в социальной структуре китайского общества; слабое использование потенциалов отраслевой социологии в принятии управленческих решений; ограниченность понимания социальных трансформаций, направленности этих изменений, что затрудняет прогнозирование их последствий; ограничение междисциплинарного подхода и взаимодействия между отраслями социологической науки, такими как экономика, политология, психология и культурология; своеобразное понимание роли гражданского общества как социального института, влияющего на развитие китайского общества. Следует специально подчеркнуть, что показанные тенденции в том числе характерны для настоящего этапа развития отраслевой социологии в других восточных странах [Социология ..., 2020], а также и для российской отраслевой социологии.

Литература

Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Веселова Л. С. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиции // Социологические исследования. 2018. № 7(411).

Кремнёв Е. В. «Социальное управление» VS «Социальное управление»: смена концептуально-терминологической парадигмы в китайской континентальной социологии начала XXI в. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 4 (72).

Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П. Бизнес и социальное предпринимательство: обзор основных теоретических моделей // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19, № 1. С. 155–165. DOI 10.17323/727-0634-2021-19-1-155-165

Осипова Н. Г. Отраслевая матрица современной социологии: кризис дивергенции // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2013. № 2.

Прагматическая социология: инструкция по применению / Я. Барт, С. Лемье, Д. Де Блик [и др.] // Социология власти. 2019. № 2.

Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Критерии выделения теорий среднего уровня в криминологии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 457. С. 257–260.

Смолькова Е., Урода А. Китайский прагматизм и русский «Авось» в транснациональном образовании // Высшее образование в России. 2008. № 7.

Социология в Гонконге: вызовы и перспективы / Ц. Цзинь, П. П. Дерюгин, Л. С. Веселова, Л. А. Лебединцева // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 128–138. DOI 10.31857/S013216250010723-8

Титаренко Л. Г. Зачем социологии нужна новая интегративная парадигма? // Социологический журнал. 2022. № 3.

Уланова А. Е. Влияние китайского прагматизма на применение цифровых технологий в период пандемии COVID-19 // Гуманитарный вектор. 2020. № 4.

Хандархаева В. В. Китайский прагматизм и расчетливость в даосизме // Вестник БГУ. 2023. № 3.

Черныш М. Ф. Теория среднего уровня: ренессанс или забвение? // Гуманитарий Юга России. 2020. № 4.

УДК 316.347

М. С. Ефимова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ КАК РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу подходов к определению Латинской Америки как региона. Рассматриваются лингвистический, цивилизационный, политико-экономический критерии. Особое внимание уделяется интроспективному подходу, учитывающему процессы самовосприятия жителей региона и являющемуся, по мнению автора, критически важным для формирования полноценной картины Латинской Америки как динамичного и многомерного пространства.

Ключевые слова: Латинская Америка, регион, региональные исследования, региональная идентичность, лингвистический подход, цивилизационный подход, интеграционные процессы.

M. Efimova

Irkutsk State University, Irkutsk

APPROACHES TO DEFINING LATIN AMERICA AS A REGION

Abstract. This article presents a comprehensive analysis of approaches to defining Latin America as a region. Linguistic, civilizational, political and economic criteria are examined. Particular attention is paid to the introspective approach, which centers on the inhabitants' perception of their own identity and is, according to the author, crucial for achieving a holistic view of Latin America as a dynamic and multidimensional space.

Keywords: Latin America, region, regional studies, regional identity, linguistic approach, civilizational approach, integration processes.

За последние несколько десятилетий Латинская Америка (далее – ЛАТАМ), вступившая на путь демократизации в 1980-х гг. после затяжного периода военных диктатур, заметно расширила свое участие в мировых процессах в качестве независимого субъекта. В геополитическом дискурсе нередко выражения «китайско-латиноамериканское сотрудничество» [Сотрудничество ... , 2024], «российско-латиноамериканская торговля» [Яковлев, 2023], «Латинская Америка решила» [Латинская ... , 2010], «Латинская Америка справляется» [Цветков ... , 2024] и т. д. Однако, учитывая высокую степень неоднородности региона, связанную как с его этнокультурным многообразием, так и с асимметрией политических и экономических моделей в формирующих его странах, насколько уместно данное утверждение, и какие подходы к определению ЛАТАМ существуют? В свою очередь, под регионом мы, вслед за авторами монографии «Трансдисциплинарная регионология: теория и методология» Е. В. Кремнёвым, О. В. Кузнецовой и Е. В. Лесниковской, понимаем «условно выделенную исследователем территорию, выступающую объектом изучения в рамках конкретного исследования» [Кремнёв, Кузнецова, Лесниковская, 2020, с. 115].

Целями данной статьи являются выявление и систематизация ключевых подходов к определению Латинской Америки как региона, проанализировав лингвистический, цивилизационный, политико-экономический и субъективно-идентификационный критерии, а также их взаимовлияние в современных научных дискурсах.

Первый и самый очевидный подход – лингвистический, охватывающий под термином «Латинская Америка» территории, где доминируют языки романской группы, прежде всего испанский, португальский и французский. Это не только привычные нам страны преимущественно Центральной и Южной Америки, но и такие испано- и франкоязычные территории Северной Америки, как штаты Техас, Калифорния, Нью-Мексико и Луизиана в США и канадские провинции Квебек, Онтарио и Нью-Брансуик [Márquez Montes, 2024]. Тем не менее стоит признать, что данный подход делает границы рассматриваемого региона довольно расплывчатыми, совмещая принципиально разные исторические, религиозные, этнические и социально-политические характеристики.

Этот недостаток преодолевается в цивилизационном подходе, выделяющем в качестве регионообразующих факторов слияние доколумбовых, европейских и африканских традиций, общее колониальное прошлое и последовавшие за ним социальное неравенство, зависимость от сырьевого экспорта и нестабильность политических институтов, а также сильную деколониальную мысль. Можно выделить три уровня:

1. Собственно Латинская Америка. Традиционно сюда входят все испаноязычные страны, Бразилия, Гаити и французские заморские владения в Америке. Иногда также включают Белиз и Виргинские острова, в кото-

рых, несмотря на преобладание английского языка, наблюдается сильное присутствие латинской культуры.

2. Ибероамерика. Данный термин происходит от названия Иберийского полуострова, на котором расположены Испания и Португалия. Охватывает испано- и португалоязычные государства Америки. Этот концепт не только отражает более тесные связи между входящими в него элементами, но и организует вокруг себя ряд важнейших региональных форумов и организаций, от локальных межгосударственных образований вроде ALADI¹ до трансатлантического сотрудничества, как в случае с Организацией иbero-американских государств по вопросам образования, науки и культуры (ОЕ).

3. Испаноамерика. Самое узкое понятие, объединяющее только те страны, где официальным языком (*de jure* или *de facto*) является испанский, т. е. Аргентину, Боливию, Чили, Колумбию, Коста-Рику, Кубу, Эквадор, Сальвадор, Гватемалу, Гондурас, Мексику, Никарагуа, Панаму, Парагвай, Перу, Пуэрто-Рико, Доминиканскую Республику, Уругвай и Венесуэлу [Márquez Montes, 2024].

Единая культурная матрица, в свою очередь, способствовала формированию политической общности в регионе. Первые инициативы по региональной интеграции появились еще в эпоху войн за независимость в XIX в. Возможность создания тех национальных государств, которые мы знаем сегодня, тогда еще не рассматривалась. Революционные лозунги призывали к единению народов Америки в борьбе против европейских колонизаторов, а выдающиеся деятели того времени, такие как Симон Боливар и Франсиско де Миранда, выдвигали проекты по образованию конфедерации республик. Однако все ранние попытки, среди прочих – Великая Колумбия, Соединенные провинции Рио-де-ла-Плата и Первая Мексиканская Империя (включавшая территории Мексики и ряда стран Центральной Америки), провалились из-за разногласий между политическими элитами, и вскоре регион раскололся на части [Las fronteras ... , 1994, p. 53].

К началу XX в., ввиду продолжающейся экономической зависимости от бывших метрополий и усиливающегося влияния северного соседа, идеи интеграции возродились в форме панамериканских программ, в частности в форме Организации американских государств. Но со временем понимание цивилизационных и политических различий с США усилилось, в результате чего Латинская Америка избрала иной, собственный путь развития. Его приоритетными направлениями стали: обеспечение защиты региона от внешней агрессии, разработка механизмов разрешения внутренних конфликтов без вмешательства извне, гарантирование нерушимости принципа государственного суверенитета, защита прав коренных народов и национальных меньшинств, укрепление социально-экономической ста-

¹ Латиноамериканская ассоциация интеграции, ставшая своей целью поощрение всестороннего регионального взаимодействия. В состав входят 12 испаноязычных стран и Бразилия.

бильности, борьба с криминализацией, наркотрафиком и терроризмом, а также сохранение окружающей среды [Емельянов, 2017, с. 24]. Кроме того, ЛАТАМ начала формировать и открыто выражать свою позицию по международным вопросам. Если раньше страны региона поддерживали США в отношении палестино-израильского конфликта, то с 2009 г. они стали поочередно признавать независимость Палестины, а в 2012 г. почти единогласно проголосовали за предоставление ей статуса государства-наблюдателя при ООН [Там же, с. 28].

В настоящее время в регионе действует множество интеграционных образований с разными политико-экономическими целями и территориальным охватом. Есть и макрорегиональные объединения по типу СЕ-ЛАК¹, и субрегиональные альянсы, важнейшими из которых сегодня являются МЕРКОСУР², УНАСУР³, СИКА⁴, Андское сообщество⁵, и это далеко не полный список. Тем не менее при всем институциональном разнообразии латиноамериканский регион сталкивается с рядом проблем, препятствующих эффективной координации коллективных усилий и достижению устойчивых результатов.

Во-первых, это связано с тем, что страны ЛАТАМ избегают передачи сколько-нибудь значимых властных полномочий наднациональным органам, опасаясь утраты политической автономии. Как следствие, их влияние на практике сильно ограничено, а деятельность зачастую сводится к консультативным функциям [Кузнецов, 2020, с. 56].

Во-вторых, большинство государств Латинской Америки придерживаются гибкого, избирательного подхода к интеграции, так называемого *regionalismo à la carte*⁶ [Bracklo, 2024], при котором они самостоятельно решают, к каким проектам присоединиться. То есть вместо всестороннего, комплексного сотрудничества страны региона предпочитают заключать лишь те соглашения, которые соответствуют их интересам, что ведет к формированию фрагментарной интеграционной модели и неустойчивости соглашений.

В-третьих, процессы региональной интеграции в ЛАТАМ подвержены влиянию идеологических факторов. Приход к власти лидеров с разными идеологическими убеждениями влечет за собой резкую смену внешнеполитического курса и уровня вовлеченности стран в совместные программы. Так, например, избрание в 2019 г. на пост президента Бразилии Жаира Болсонару, заявившего о намерении выйти из СЕЛАК, поставило под

¹ Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Представляет собой площадку для политического диалога и состоит из 33 государств-членов.

² Торгово-экономический союз стран Южной Америки.

³ Союз южноамериканских наций.

⁴ Система политической и экономической интеграции Центральной Америки.

⁵ Социально-экономическое содружество Боливии, Колумбии, Эквадора и Перу.

⁶ С французского – «регионализм по выбору».

угрозу существование самого масштабного латиноамериканского объединения. Принцип территориальной близости, в соответствии с которым государства Латинской Америки группировались ранее (КАРИКОМ в Карибском бассейне, МЕРКОСУР в Южном конусе), уступил место функционально-идеологическому (наподобие правого ПРОСУР¹ или неолиберального Тихоокеанского альянса²), где они объединяются в «лагеря», разрушая то цивилизационное единство, которое было заложено в основу большинства региональных инициатив. Более того, это также приводит к появлению дублирующихся структур, с аналогичными целями, но различным составом участников [Кузнецов, 2020, с. 55; Bracklo, 2024].

Не менее значимым представляется и взгляд изнутри – то, как сами жители формируют и выражают свою идентичность. К примеру, испанисты полагают, что уместнее говорить «Испаноамерика» при обозначении региона, указывая на доминирующую роль испанских языка и культуры в становлении его идентичности. Бразилия же обычно рассматривается как исключение, а франкоязычные территории и вовсе маргинализируются в общепринятых определениях [Villar, 2024]. Мексиканский писатель Карлос Фуэнтес в своей книге «Valiente mundo nuevo»³ даже предложил вариант «Индо-афро-ибероамерика», подчеркивающий тесную связь коренных, африканских и индоевропейских (испанского и португальского) народов [De Vicente Nuñez, 2010]. Среди индихенистов, в свою очередь, популярностью пользуется термин «Абиа Яла»⁴, который, как они считают, отражает подлинную идентичность Америки, утраченную в результате европейской колонизации [Cervera, 2023]. Подобные противоречия свидетельствуют о том, что регион нельзя свести к единой категории – его границы подвижны и во многом зависят от самовосприятия населяющих его людей.

Таким образом, мы видим, что, несмотря на долгую историю исследований и частую аллюзию в академической и политической практике, определение Латинской Америки как региона представляет собой сложную научную задачу, требующую учета множества взаимосвязанных критериев. Современные трактовки ЛАТАМ варьируются от строго лингвистических до культурно-цивилизационных и геополитических. Однако, так или иначе, учитывая широкий спектр местных идентичностей, картина региона не будет полной без анализа того, как его жители конструируют свое культурное «я» – направление, которое, на наш взгляд, представляется перспективным.

Литература

¹ Торговый союз Мексики, Перу, Чили и Коста-Рики.

² Форум за прогресс и развитие Южной Америки, сформированный в противовес преимущественно левому УНАСУР.

³ Отважный Новый мир – наш перевод.

⁴ На языке *куна*, на котором говорит автохтонное население Колумбии и Панама, буквально это значит «зрелая земля».

Емельянов А. И. Латинская Америка: зарождение нового геополитического центра силы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. Вып. 2 (786). С. 21–32.

Кузнецов Д. А. Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. 2020. № 2. С. 44–70.

Латинская Америка решила объединиться без участия США. URL: <https://lenta.ru/news/2010/02/24/block/> (дата обращения: 15.06.2025).

Сотрудничество Китая и Латинской Америки служит интересам их народов – МИД КНР. URL: <https://russian.news.cn/20241220/a55378eb3ece4d4cbbf99acd95b5c2bb/c.html> (дата обращения: 15.06.2025).

Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография / под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 155 с.

Цветков Ф. М. Финтех, крипто, долларизация: как Латинская Америка справляется с валютным хаосом // Fobres. 2024. URL: <https://www.forbes.ru/finansy/518137-finteh-kripta-dollarizacia-kak-latinskaa-amerika-spravlaetsa-s-valutnym-haosom> (дата обращения: 15.06.2025).

Яковлев П. П. Экономическое сотрудничество России со странами Латинской Америки в контексте мирохозяйственных трансформаций // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1, № 2. С. 112–132.

Bracklo Ph. Entender la gobernanza regional latinoamericana // Diálogo político. 2024. URL: <https://dialogopolitico.org/debates/regionalismo-latinoamericano> (дата обращения: 15.06.2025).

Cervera C. Abya Yala, la mentira indigenista para suplantar el nombre español de América // ABC. 2023. URL: <https://www.abc.es/historia/abya-yala-mentira-indigenista-suplantar-nombre-espanol-20230111005647-nt.html?ref=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F> (дата обращения: 15.06.2025).

De Vicente Núñez J. Iberoamérica // Huelva Información. 2010. URL: https://www.huelvainformacion.es/opinion/articulos/Iberoamerica_0_422358076.html (дата обращения: 15.06.2025).

Las fronteras en América Latina al concluir la lucha por la independencia / A. C. Ibarra [et al.] ; coord. D. Piñera // Las fronteras en Iberoamérica, ayer y hoy: Colección: Las fronteras en la historia. Tijuana : Universidad Autónoma de Baja California, 1994. P. 51–68.

Márquez Montes C. ¿Es lo mismo Hispanoamérica, Iberoamérica o Latinoamérica? // The Conversation. 2024. URL: <https://theconversation.com/es-lo-mismo-hispanoamerica-iberoamerica-o-latinoamerica-244461> (дата обращения: 15.06.2025).

Villar E. ¿Por qué decimos Latinoamérica y no Hispanoamérica? La culpa es de este político francés // La razón. 2024. URL: https://www.larazon.es/internacional/que-decimos-latinoamerica-hispanoamerica-culpa-este-politico-frances_2024021365cabf9882085c0001658e82.html (дата обращения: 15.06.2025).

МАТРИЦА РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Целью статьи является описание способов моделирования матрицы региональной идентичности в двух аспектах (онтологическом и операционном). Онтологическая матрица региональной идентичности определяется автором как структура, состоящая из исходных данных, их свойств и правил установления взаимоотношений между ними. Операционная матрица рассматривает объект (регион) в ракурсе применяемых методов исследования, совокупность которых формирует методологию трансдисциплинарного характера для исследования коммуникативного пространства региона.

Ключевые слова: региональная идентичность, матрица региональной идентичности, онтологический аспект, операционный аспект.

I. Ilyicheva

Minsk State Linguistic University, Minsk

MATRIX OF REGIONAL IDENTITY: TOWARDS THE FORMULATION OF THE PROBLEM

Abstract. The purpose of the article is to describe the methods of modeling the matrix of regional identity in two aspects (ontological and operational). The ontological matrix of regional identity is defined by the author as a structure consisting of initial data, their properties and rules for establishing relationships between them. The operational matrix considers the object (region) in the context of the applied research methods, the totality of which forms a transdisciplinary methodology for studying the communicative space of the region.

Keywords: regional identity, matrix of regional identity, ontological aspect, operational aspect.

Постановка проблемы. На современном этапе развития социума ведущими тенденциями трансформационных процессов выступают глобализация и глокализация [Кремнёв, 2020; Ткаченко, 2021]. По словам многих исследователей, в том числе и А. А. Ткаченко, «наиболее распространенным подходом к феномену глобализации является ее понимание как процесса взаимодействия и интеграции между людьми, компаниями и правительствами во всем мире» [Ткаченко, 2021]. Благодаря глокальному вектору происходит обострение внимания к локальным отличиям, фиксируется рост интереса к местным традициям и возрождению региональной культурной идентичности [Левочкина, 2016; Полюшкевич, 2017]. Как отмечает Г. М. Казакова, «наличие регионального самосознания и региональной идентичности является формирующим признаком региона как субкультурного локуса. Осмысленное пространство региона потому и существует, что есть людское сообщество, члены которого считают себя принадлежащими к данному региональному сообществу» [Казакова, 2008, с. 16].

Понимание феномена регионализации тесно связано с концептуализацией понятия «регион». В современном научном знании накоплен достаточный теоретический и эмпирический материал по изучению различных аспектов региона как территориального локуса. В зависимости от специфики научной дисциплины в содержании понятия «регион» акцентируются разные основания [Абрамова, 2009, с. 7].

Широкий пласт научных исследований отечественных и зарубежных авторов ориентирован на вопросы имиджа, бренда и репутации территории с позиций геополитического, социально-экономического и историко-культурного подходов (И. А. Шабалина, И. А. Савченко, И. С. Важенина, Е. У. Злотницкий, Н. А. Адрианова, К. А. Багдасарян, Т. Б. Гердт, Ю. В. Таранова, Д. А. Золотухина, И. Ю. Глинская, Э. А. Галумов, А. В. Чепкасов).

Расширяется исследовательский горизонт психолингвистического моделирования стран и регионов. Вопросы ассоциативного восприятия территории жителями Кемеровской области, Кузбасса, Свердловской области и других российских регионов рассмотрены в исследованиях Д. М. Герасимчук, Н. В. Мельник, О. Н. Кондратьевой, Т. И. Фроловой, Н. Г. Чевтаевой, А. В. Ручкина, Н. И. Кургановой, Т. А. Сергеевой, А. Ю. Марченко, Е. Б. Шестопал, Н. В. Смутькиной, И. В. Морозиковой и др.

Несмотря на увеличение объема теоретических изысканий в области регионального знания, остается ряд вопросов, связанных с коммуникативными практиками в региональном контексте. Требуют отдельного внимания вопросы, обусловленные пониманием региона как целостного территориально очерченного экзистенциального модуля.

Особенно остро в современном гуманитарном знании стоит вопрос о необходимости выработки новой методологии трансдисциплинарного изучения коммуникативного пространства региона и моделирования матрицы региональной идентичности, позволяющей выявить и описать диалектику взаимосвязи ее доминантных языковых составляющих.

Методы и материал исследования. Эмпирическим материалом послужили 10 000 региональных ономастических единиц, 1050 поликодовых медиатекстов из региональных СМИ, 8547 реакций на словосочетание-стимул «Брестская область», результаты направленного ассоциативного эксперимента «Беловежская пуца и Брестская крепость в языковом сознании жителей Брестского региона» (3553 реакции).

Обсуждение результатов. Любой объект можно моделировать в пространственных координатах и рассматривать в двух аспектах: онтологическом и операционном. Онтологический аспект позволяет зафиксировать базовые контуры изучаемого объекта: строение и свойства исходных данных.

Онтологическая модель матрицы региональной идентичности (рис. 1) – это структура, состоящая из исходных данных, их свойств и правил установления взаимоотношений между ними. Ее можно представить графически в виде диаграммы, сегментами которой являются доминантные языковые составляющие коммуникативного пространства региона, а исходные данные – элементы этих составляющих [Ильичева, 2024].

Онтологическая матрица региональной идентичности – это инструмент оценки исходных данных коммуникативного пространства территориального локуса.

Рис. 1. Онтологическая матрица региональной идентичности

Кроме онтологической модели, возможно построение и **операционной матрицы** (рис. 2), рассматривающей объект (регион) в ракурсе применяемых методов исследования. Совокупность применяемых методов формирует методологию трансдисциплинарного характера при исследовании коммуникативного пространства региона.

На основе операционной матрицы можно моделировать лингвистический ландшафт региона, имидж региона в медийном пространстве, ассоциативный профиль региона и его концептосферу.

При рассмотрении региона как целостного конструкта обнаруживается активность субъекта – жителя региона, который использует специальные практики (номинативные и медийные), в том числе и рефлексия, для построения образа территории проживания.

Конструирование матрицы региональной идентичности осуществляется по **четырем измерениям**.

Первое измерение – это совокупность региональных онимов (ядерных и периферийных), объективирующих номинативное представление о регионе как об уникальном территориальном локусе.

Интерпретация пространства в номинативном ракурсе позволяет определить номинативный профиль региона, соотнести модели номинации с особенностями социального контекста и сфер коммуникации, с культурно и социально обусловленными стереотипами речевого поведения, которые исторически складываются в их пределах.

Рис. 2. Операционная матрица региональной идентичности

Лингвистический ландшафт региона представляет собой исторически сложившееся единство, целостную систему наименований, присутствующих в сознании носителей языка в виде организованного фрагмента языковой картины мира и выполняющих номинативную, дейктическую и коммуникативную функции.

На первом этапе формирования матричного продукта определяется также **вектор исследования «От номинации к коммуникации»**, который позволяет проследить взаимодействие языковых составляющих коммуникативного пространства региона.

Второе измерение – позиционирование территориального локуса в медийном кластере. Употребление региональных онимов в качестве текстовых скреп позволяет формировать необходимые позитивные имиджевые сигналы, создавать и транслировать многовекторный медиаобраз, ориентированный на конкретные целевые аудитории. Вхождение именного знака (ядерного или периферийного) в информационно-коммуникативный ресурс выстраивается на основе концепции – сквозной идеи, которая создает четкий и ясный образ регионального бренда. Первое и второе измерения в матрице региональной идентичности формируют внешний образ региона.

Содержательное наполнение третьего и четвертого измерений формирует внутренний образ региона. Третье измерение – представления жителей Брестского региона о территории проживания – находит проявление в изучении образа региона, существующего в обыденном языковом сознании его жителей.

Жители региона трактуют образ территории, существующий в их языковом сознании, как некий набор параметров для самоотождествления. Ассоциативный профиль региона с учетом его сложной многовекторной структуры включает в себя не только когнитивные компоненты, рациональные по своей природе, но и эмоциональные пласты образов.

Четвертое измерение – концепты как единицы коллективного знания – вырабатывается в процессе коммуникации и совместной жизнедеятельности лингвокультурного сообщества. В коммуникативном пространстве региона ключевые ментефакты регулярно выступают предметом обсуждения жителей региона, обмена информацией и выражения отношения. Будучи наделенными мощной этнокультурной составляющей, ключевые концепты коммуникативно релевантны и имеют языковые и неязыковые проекции в коммуникативном пространстве региона.

В условиях глобализации и глокализации стратегии пространственного развития позволяют более содержательно и на новом уровне проводить комплексное исследование коммуникативного пространства территориального локуса. Таким комплексным и эффективным инструментарием может стать многовекторная матрица региональной идентичности, посредством которой могут быть реализованы новые возможности повышения эффективности позиционирования региона как активного актора.

Сегодня изучение регионов как целостных конструкторов требует применения новых методов и подходов, актуальность которых определяется новыми вызовами глобализующегося мира и геополитических реалий, детерминирующих усиление процесса системного противостояния региональных социумов глобальной экспансии.

Заключение. Таким образом, четырехкомпонентная матрица региональной идентичности в двух аспектах (операционная и онтологическая) может стать комплексным и эффективным инструментарием анализа коммуникативного пространства любого территориального локуса, посредством которого могут быть реализованы новые возможности формирования имиджа региона как элемента системы стратегического развития территории.

Литература

- Абрамова Н. А. Проблема регионализации: культурный аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2009. № 1 (3). С. 105–111.
- Ильичева И. Л. Коммуникативное пространство Брестчины. Минск : МГЛУ, 2024. 219 с.
- Казакова Г. М. Российская региональная идентичность: современный культурологический дискурс // Вестник МГУКИ. 2008. № 6. С. 16–20.
- Кремнёв Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 155 с.
- Левочкина Н. А. Региональная идентичность: понятие и сущность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1. С. 446–453.
- Полошкевич О. А. Символическое конструирование территориальной идентичности (на примере топонимики Иркутска) // Управленческое консультирование. 2017. № 11 (107). С. 80–94.
- Ткаченко А. А. Глобализация: феномен, развитие и новая эпоха // Российский внешне-экономический вестник. 2021. № 10. С. 7–21.

ТРАНСГРАНИЧНАЯ АДАПТАЦИЯ: РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ АТР

Аннотация. Рассматривается процесс ресоциализации иностранных студентов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. Основное внимание уделяется исследованию зависимости ресоциализации от культурной дистанции между родной и принимающей культурами. Проанализированы особенности адаптации и интеграции студентов как в схожих культурных средах, так и в существенно отличающихся от их собственной. Исследование выявило, что характер ресоциализации существенно варьируется в зависимости от степени культурной близости. Особое внимание уделяется стратегиям формирования поликультурной личности. Результаты исследования демонстрируют, что трансграничная ресоциализация является не только процессом приспособления к новым условиям, но и глубокой трансформацией личности студента.

Ключевые слова: трансграничная адаптация, ресоциализация, Азиатско-Тихоокеанский регион.

A. Kobylikina

Transbaikal State University, Chita

CROSS-BORDER ADAPTATION: RESOCIALIZATION OF STUDENTS IN THE CONDITIONS OF THE NEW ARCHITECTURE OF THE APAC REGION

Abstract. The article examines the process of resocialization of international students in the countries of the Asia-Pacific region. The main focus is on the study of the dependence of resocialization on the cultural distance between the native and host cultures. The features of adaptation and integration of students in both similar cultural environments and those significantly different from their own are analyzed. The study revealed that the nature of resocialization varies significantly depending on the degree of cultural proximity. Particular attention was paid to the strategies for the formation of a multicultural personality. The results of the study demonstrate that cross-border resocialization is not only a process of adaptation to new conditions, but also a profound transformation of the student's personality.

Keywords: cross-border adaptation, resocialization, Asia-Pacific region.

В условиях современной глобализации и интенсификации процессов трансграничного образования феномен ресоциализации студентов в инокультурном пространстве приобретает существенную теоретическую и практическую значимость для философской антропологии, философии культуры и этнографии.

В рамках данной статьи рассматривается уникальность механизма ресоциализации иностранных студентов в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Азиатско-Тихоокеанский регион, или Индо-Тихоокеанский регион, обозначаемый в западной академической традиции, характеризуется определенной вариативностью в терминологическом осмыслении, что обу-

словлено различиями в методологических подходах к его концептуализации в международном академическом дискурсе. Поскольку официального определения данного региона и его границ не существует, список его стран может меняться в зависимости от контекста. По мнению К. Дж. Кеннеди, АТР представляет собой регион, состоящий из пяти основных субрегионов: Восточная и Северная Азия, Северная и Центральная Азия, Южная и Юго-Восточная Азия, Южная и Юго-Западная Азия и Тихоокеанский регион [Kennedy, 2023, p. 415]. М. Арбластер отмечает, что АТР включает 38 государств, в том числе Австралию, Новую Зеландию, малые островные государства Тихоокеанского региона, Индию, Китай, Вьетнам, Корею и Японию [Arblaster, 2018, p. 40].

На геополитической арене новая архитектура АТР представляет собой современную систему международных отношений и сотрудничества, характеризуется усилением экономических, образовательных и культурных связей между странами. Данный регион предоставляет иностранным студентам огромные возможности для стажировок и трудоустройства.

По мере изменения ситуации на мировом рынке обучения за рубежом доля рынка традиционных англоязычных стран, таких как США, Великобритания, Канада и Австралия, сократилась, в то время как нетрадиционные направления, такие как страны Азии и Европы, становятся все более популярными. Например, европейские страны – Франция, Австрия, Ирландия и Испания, а также азиатские страны – Малайзия, Япония, Китай и Южная Корея – стали новыми вариантами выбора для иностранных студентов. Мультикультурализм и открытая политика в странах АТР способствуют социокультурной интеграции иностранных студентов. Однако перемещение студентов между странами Азии и странами Североамериканского субрегиона может существенно осложнить процесс выстраивания межкультурного диалога и их адаптацию к социальным, культурным и образовательным условиям, поскольку между странами этих регионов наблюдаются значительные различия в культуре, экономике и социальных системах. В связи с этим проблема ресоциализации иностранных студентов в многокультурной среде АТР приобретает особую актуальность и требует всестороннего научного осмысления.

Ресоциализация представляет собой особую форму социализации, проблемы которой заключаются в восстановлении утраченных, освоении новых или корректировке первоначальных мировоззренческих ориентаций, ценностей, навыков, моделей поведения и образа жизни социализированного индивида для создания нового социального статуса личности, соответствующего новой социокультурной ситуации [Кобылкина, 2024, с. 61]. Особенность процесса ресоциализации заключается в том, что он выходит за рамки односторонней пассивной адаптации и подчеркивает систематические внутриличностные изменения. Ресоциализация базируется на пути

развития «понимание – уважение – принятие». Процесс ресоциализации, построенный на принятии принципа культурного релятивизма – принципа, в соответствии с которым нельзя оценивать и критиковать ценностные установки, поведение и основополагающие убеждения людей, принадлежащих к иной культуре, с позиции нашей собственной культуры [Медведев, 2018, с. 72], позволяет индивиду увидеть мир глазами представителя иной культуры для совместного «постижения реальности». Это способствует глубоким трансформациям в осмыслении мира и своего существования в нем, а также создает условия для формирования уникальной бикультурной личности, интегрирующей элементы родной и принимающей культуры [Кобылкина, 2025, с. 341].

У студентов трансформация их личности в процессе ресоциализации приобретает сущностный характер при взаимодействии с альтернативной социокультурной средой. Поэтому ресоциализацию иностранных студентов можно определить как сложный антропологический процесс, в ходе которого происходит не просто адаптация к новым социокультурным условиям, а глубинная экзистенциально-онтологическая трансформация личности, ведущая к переходу от монокультурной к поликультурной модели существования.

Осуществляется процесс ресоциализации иностранных студентов через такие институционально-практические направления, как культурно-досуговая деятельность, совместная деятельность с местными студентами, коммуникативная практика на разных языках и профессиональная социализация в условиях современного рынка труда региона.

Азиатско-Тихоокеанский регион создает особую социокультурную среду, которая приобретает бинарный характер в контексте ресоциализации иностранных студентов. В этой уникальной антропологической ситуации происходит фундаментальное переосмысление базовых категорий бытия, а именно: пространства как культурного локуса, времени как экзистенциальной категории и идентичности как способа самоопределения личности. Поэтому процесс ресоциализации в АТР становится своеобразным социокультурным экспериментом, где происходит глубинная трансформация личности – целостное преобразование личности на уровне ее фундаментальных оснований, ведущее к новому способу «бытия-в-мире».

При транснациональном перемещении иностранных студентов в странах АТР происходит существенная трансформация их экзистенциального статуса. Эффективность ресоциализации студентов напрямую зависит от величины культурной дистанции между родной и принимающей странами: чем меньше культурная дистанция, тем выше результативность адаптационного процесса; при значительной культурной дистанции студенты сталкиваются с серьезными сложностями.

В условиях схожей социокультурной среды между странами АТР вследствие географической близости стран-участниц и многовекторного сотрудничества между университетами региона создаются особые условия для успешной адаптации обучающихся. Данные факторы предоставляют иностранным студентам широкие возможности выбора места обучения и способствуют эффективной ресоциализации. Также стоит отметить, что такая адаптационная среда способствует плавной трансформации личности обучающихся при сохранении базовых ценностей, формированию позитивного опыта межкультурного взаимодействия и развитию способности к социокультурной гибридизации.

В условиях культурной близости происходит эволюционное развитие личности, а радикальные культурные различия, контрастные климатические условия, принципиально иной подход к построению межличностных отношений, отличное мировоззрение и миропонимание, а также существенные расхождения в образовательной системе запускают сложный механизм трансформации личности. Происходят глубокая перестройка всех уровней бытия и формирование нового способа существования. Значительный культурный разрыв требует от студентов мобилизации всех адаптационных ресурсов и глубокого переосмысления собственной идентичности. Это необходимо для изменения привычных поведенческих паттернов, трансформации онтологического статуса, развития способности к аутентичному самовыражению и выстраивания качественно нового уровня взаимодействия с новой социокультурной средой и окружающими людьми. Однако стоит отметить, что многие студенты из стран Североамериканского субрегиона или Северной и Центральной Азии могут лучше адаптироваться и интегрироваться в общество стран Восточной и Северо-Восточной Азии, чем студенты из стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Это подтверждает, что умеренные культурные различия также могут стимулировать более сильную мотивацию к активной адаптации.

При значительной культурной дистанции иностранным студентам следует использовать универсальные концепции как посредник для снижения предвзятости в понимании, которая возникает из-за национально-культурных ассоциаций. Важно не ограничиваться поверхностным копированием поведения, а достичь глубокого усвоения культурных ценностей и научиться переключаться между различными культурными кодами и идентичностями. Регулярное участие в межкультурных диалогах также способствует уменьшению случаев ценностного конфликта и помогает наладить более эффективное межкультурное взаимодействие.

Результаты исследования подтверждают, что трансграничная адаптация является ключевым фактором развития человеческого капитала в условиях глобализации образования. Она способствует формированию

нового типа личности, способной эффективно функционировать в многополярном мире, сохраняя при этом свою культурную идентичность и способность к межкультурному диалогу.

Современная структура АТР создает уникальную платформу, которая трансформирует материальную основу процесса ресоциализации. Адаптация иностранных студентов в странах данного региона приобретает не только приспособительный, но и творческий характер, что способствует глубокой личностной трансформации, формированию новых идентичностей, установлению социальных связей и развитию межкультурной компетентности.

Дальнейшие исследования в данном направлении должны быть направлены на изучение долгосрочных эффектов трансграничной адаптации, формирование новых моделей межкультурного образования и развитие методологии антропологического анализа образовательных практик в условиях глобализации.

Литература

Кобылкина А. В. Диалог на основе принципа культурного релятивизма: путь к экзистенциально-онтологической трансформации личности ресоциализирующегося индивида // Манускрипт. 2025. № 1. С. 337–341.

Кобылкина А. В. Понятие и сущность ресоциализации в социальных и философских науках // Общество: философия, история, культура. 2024. № 1. С. 60–65.

Медведев Н. В. О культурном релятивизме Л. Витгенштейна: Proetcontra // Манускрипт. 2018. № 9 (95). С. 71–75.

Arblaster M. Governance of Air Traffic Management: An International Perspective // Arblaster M. Air Traffic Management. Elsevier, 2018. P. 39–61.

Kennedy Kerry J. Asia-Pacific-realist and imaginary constructions // International Encyclopedia of Education / eds.: Robert J Tierney, Fazal Rizvi, Kadriye Ercikan. 4th ed. Elsevier, 2023. P. 412–418.

Е. В. Кремнёв

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

Е. В. Ватолина

Иркутский государственный университет, Иркутск

СЕТИ, ТЕОРИИ И ПРОФИЛИ РЕГИОНА: К ВОПРОСУ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

Аннотация. Анализируются три актуальных «транзита» в регионологии: переход от индивидуальных исследований к сетевым, от применения готовых теорий к двунаправленному итеративному движению между теорией и практикой и от изучения фрагментированного предмета регионологии к комплексному профилю региона. По первому «транзиту» приводится проект построения научной сети на основе достижений современных регионологов. По второму переходу анализируется методологическая стратегия двунаправленного возвратно-поступательного движения между теорией и практикой, которая позволяет адаптировать общие теории к региональной специфике. Третья трансформация характеризуется через попытку расширить фактологические и описательные исследования до моделей создания комплексных профилей регионов, что открывает новые возможности для сравнительных исследований и прогнозирования. Делается вывод, что внедрение рассмотренных подходов позволит вывести регионологические исследования на новый уровень, обеспечив их системность и комплексность.

Ключевые слова: трансдисциплинарная регионология, сетевое взаимодействие, методы исследований в регионологии, комплексные исследования региона, профиль региона.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке БФУ им. И. Канта в рамках научного проекта № 1048-Л-25 (программа «Приоритет-2030»).

E. Kremnyov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
SI RAS – FCTAS RAS, St. Petersburg

O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk,
SI RAS – FCTAS RAS, St. Petersburg

E. Vatulina

Irkutsk State University, Irkutsk

NETWORKS, THEORIES AND PROFILES OF A REGION: ON NEW TRENDS IN REGIONOLOGY

Abstract. This paper analyzes three current “transits” in regionology: the shift from individual research projects to network-based studies, from applying ready-made theories to a two-way iterative movement between theory and practice, and from examining a fragmented subject of regionology to a comprehensive profile of a region. Regarding the first “transit”, the paper presents a project for building a scholarly network based on the achievements of contemporary regionology scholars. Concerning the second shift, the methodological strategy of a two-way reciprocal movement between theory and practice is analyzed; this strategy allows for the adaptation of general theories to

regional specificities. The third transformation is characterized by an attempt to expand factual and descriptive research into models for creating comprehensive profiles of region, which opens up new possibilities for comparative studies and forecasting. It is concluded that the implementation of the considered approaches will elevate regionology to a new level, ensuring their systematicity and comprehensiveness.

Keywords: transdisciplinary regionology, network interaction, research methods in regionology, comprehensive regional research, profile of a region.

Широкий спектр методологических подходов в системе регионологических знаний обусловлен спектром наук, занимающихся изучением региона. После пространственного поворота в социогуманитарных науках [Леонтьева, 2022] и активизации поиска концептуальных оснований региона как объекта исследования [Калихман, 2022] среди новых парадигм современной регионологии исследователи все чаще фиксируют трансдисциплинарную парадигму. При этом следует подчеркнуть, что принцип трансдисциплинарности не противопоставляет себя узкодисциплинарным или доминантно-дисциплинарным работам, а трактует их как частный случай научного поиска с нулевой или незначительной степенью интеграции. Вместе с тем мировая наука о регионах демонстрирует как минимум три происходящих в настоящее время «транзитов», которые стимулируют внедрение трансдисциплинарной модели [Кремнёв, 2020]. К первому значимому изменению следует отнести переход от индивидуальных исследований к сетевым. Ко второму – переход от применения устоявшихся теорий к двунаправленному возвратно-поступательному движению между теорией и практикой. Третий переход совершается от фрагментированного предмета регионологии к комплексному.

Необходимость первого из указанных «транзитов» – *перехода от частных научных изысканий к сетевым моделям* обусловлена самой сутью трансдисциплинарности, которая подразумевает интеграцию достижений разнообразных научных парадигм, а также вовлечение в исследовательский процесс всех заинтересованных сторон, выходящих за рамки академического сообщества: промышленности, общественных объединений, консультативных структур и государственных институтов [Институты ... , 2025]. Хотя создание научных сетей уже становится нормой [Глубокие ... , 2019], именно трансдисциплинарный подход позволяет поднять эту работу на качественно новую ступень, обеспечивая системность и всесторонний охват.

В качестве основы для построения подобной сети предлагаются самые различные варианты. В частности, регинологи предпринимают попытки построить некую «идеальную» модель, в которой задействованы все возможные акторы, направления сотрудничества и ожидаемые результаты их совместной деятельности [Содействие ... , 2020]. Отдавая себе отчет в том, насколько трудноосуществимы такого рода схемы, мы вместе с тем полагаем, что в перспективе они обладают значительным потенциалом в сфере

сетевизации науки, пусть и со значительными ограничениями, которые накладываются международной обстановкой. Если подразумевать не просто включение России в эту деятельность, но и занятие ею активной позиции, мы, с опорой на предлагаемые современными регионологами модели, можем представить схему такой сети следующим образом (рис.).

Рис. Перспектива построения сети российских регионологических исследований

Применительно к российской действительности центральным звеном сети (овальная затененная область в центре схемы) должны выступить координирующий орган (сформированный при участии государственных институтов), ведущие НИИ и научные центры в области регионологии, а также межвузовские объединения. В рамках этого ядра целесообразно создать рабочий секретариат. Непосредственная исследовательская деятельность будет сосредоточена в профильных аспирантурах (для России сегодня это те из них, что фокусируются на региональной тематике, при этом перспективным видится и учреждение отдельной научной специальности с присвоением степеней кандидата и доктора регионологии), а также в НИИ соответствующего направления. Данное ядро функционирует в рамках более масштабного объединения, которое должно быть создано по инициативе научного сообщества (обозначено крупным пунктирным овалом) [Кремнёв, 2020].

В представленной схеме это сетевое объединение проходит под условной аббревиатурой РАТР – Российская ассоциация трансдисциплинарной регионологии, если учесть все возрастающую роль трансдисциплинарности в современных гуманитарных науках, изучающих регионы мира [Аликберов, 2022]. Главная цель такого рода ассоциации – объединить потенциал профильных государственных и частных исследовательских центров. За пределами основного ядра схема отображает обширные связи с внешними структурами: налаживается обмен специалистами с иностранными партнерами, создаются опорные пункты в зарубежных организациях, привлекаются ученые из ядра ассоциации для работы в российских вузах. В партнерские отношения вовлекаются организации, занимающиеся международным сотрудничеством, экономическими проектами и вопросами административной политики. Для более широкого включения всех участников могут учреждаться дополнительные ассоциации, в частности, МАТР – Международная ассоциация трансдисциплинарной регионологии. В нижнем сегменте схемы показаны практические результаты применения сети: ее роль в развитии образования, стимулировании научных исследований, налаживании обмена данными и ее социальная значимость [Кремнёв, 2020].

Вторая фиксируемая современными регионологами трансформация – это *переход от применения устоявшихся теорий к двунаправленному возвратно-поступательному движению между теорией и практикой* [Содействие ... , 2020]. Уникальность каждого региона обуславливает невозможность прямого применения готовых теоретических схем к анализу местных социальных процессов. Столкнувшись с этим, исследователь, первоначально ориентирующийся на определенную концептуальную модель, в ходе полевой работы часто обнаруживает ее ограниченность. Это ведет к необходимости критического переосмысления, адаптации или комбинирования различных теоретических подходов в рамках непрерывного итеративного процесса: «выбор теории и методологии – сбор и анализ данных – корректировка теории и методологии – новый сбор и анализ данных – ...» [Кремнёв, 2020]. Подобное возвратно-поступательное движение между множественными теориями и специфичной для региона практикой создает основу для интеграции методов из разных научных областей при решении комплексных проблем региона.

Третий переход – *от фрагментированного предмета регионологии к комплексному* – обусловлен новой тенденцией: попытками выявить комплексную специфику регионов мира, как больших, так и малых. Уже устоявшиеся методологии сосредотачиваются на двух направлениях. Первое из них – фрагментированный предмет изучения в региональном поле: некоторые особенности регионального развития, социальные феномены, политические режимы и т. п. Второе направление – комплексное *описание* региона, т. е. приведение набора фактов без методологической возможности по-

строения каких-либо теоретических моделей. Такого рода исследования тоже весьма востребованы, поскольку обладают высоким фактологическим весом. Однако представляется, что следующим шагом регионологи видят концептуализацию знаний о регионе и создание его комплексного профиля на интегративных методологических основаниях. При этом очевидно, что подходов к созданию таких профилей может быть множество, это позволит создавать конкурирующие модели профилей, каждая из которых сможет доказать свою эффективность на практике. Подобные модели по созданию профиля региона позволили бы проводить более результативные сравнительные исследования, давать рекомендации по возможности/невозможности заимствования опыта других регионов, прогнозировать эффективность межрегионального взаимодействия и т. п. При этом плюсом комплексных построений в том, что они не отказываются от фрагментированных, напротив. Исследования фрагментированного предмета дают комплексным проектам необходимые данные: одному исследователю, как правило, не под силу собрать все необходимые факты о региональной жизни, а также провести критический отбор тех сведений, что могут представлять специфику региона.

Рассматриваемые концепции, безусловно, дискуссионны и требуют активного обсуждения и дальнейшей апробации. Вместе с тем мы полагаем, что их внедрение позволит регионологам приблизиться к осуществлению трансдисциплинарного регионологического анализа при изучении как конкретных проблем, так и тенденций развития регионов мира в целом.

Литература

Аликберов А. К. Комплексность востоковедения, его меж-дисциплинарные и трансдисциплинарные перспективы // *Ориенталистика*. 2022. Т. 5, № 4. С. 722–733.

Глубокие корни дают густую листву: перспективы образовательных и научных связей между Россией и КНР / П. П. Дерюгин, А. А. Барбарич, Л. А. Лебединцева, Н. В. Кухаренко // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2019. Т. 12, вып. 3: Социология. С. 288–294.

Институты пространственного развития России в контексте исторического опыта / Л. Е. Бляхер, К. В. Григоричев, А. Н. Демьяненко, А. А. Киреев, М. В. Клиценко, А. Н. Швецов // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2025. Т. 19, № 1. С. 72–83.

Калихман А. Д. Регионоведение в образовании: концептуальные и парадигмальные основания // *Географическое образование, наука и практика в Азиатской России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Улан-Удэ : БГУ, 2022. С. 19–35.*

Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография / под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 155 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Леонтьева Э. О. «Пространство» и «пространства»: рефлексия над пространством как (не) обязательный элемент теоретизирования в социальных науках // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2022. № 1 (60). С. 35–43.

Содействие региональным исследованиям в условиях непрозрачности мира: к укреплению системы посредством сетевого взаимодействия : докл. Науч. совета Японии. 1 сент. 2020 г. (на яп. яз.).

Л. А. Лебединцева, П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

А. Т. Ахмедиева

Ташкентский государственный экономический университет, Ташкент

Лю Тяньси

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ В КИТАЕ: КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. Рассматриваются индигенизированные отраслевые направления в экономической социологии. Устанавливаются основные ключевые элементы рынка и рыночных отношений, такие как эгоистический интерес, рациональные отношения, практики гуаньси, чрезмерная конкуренция и др. Подчеркивается важность локальных теорий для понимания уникальности этого явления и изучения траекторий развития китайского рынка.

Ключевые слова: индигенизация, китайская экономическая социология рынка, национальная специфика.

Финансирование. При финансовой поддержке гранта РФФ № 24-28-01448 «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае».

L. Lebedintseva, P. Deryugin

St. Petersburg State University, SI RAS – FCTAS RAS, St. Petersburg

A. Akhmedieva

Tashkent State University of Economics, Tashkent

Liu Tianxi

St. Petersburg State University, St. Petersburg

ECONOMIC SOCIOLOGY IN CHINA: KEY CONCEPTS

Abstract. The purpose of the article is to consider the indigenized branch directions in economic sociology. In this regard, the main key elements of the market and market relations are established, such as selfish interest, rational relationships, Guanxi practices, excessive competition, and others. The importance of local theories for understanding the uniqueness of this phenomenon and studying the trajectories of the Chinese market is emphasized.

Keywords: indigenization, Chinese economic sociology of market, local specific of theory.

Исследования рынка в китайской экономической социологии начинаются в середине 1980-х гг. с переводов западных учебников и монографий, заимствования теорий и методов для объяснения рыночных экономических явлений и институциональной трансформации в Китае. В этот период исследователи изучают причины роста количества городских и сельских предприятий, особенности частных предприятий, преобразование государственных предприятий. Важным аспектом исследований является анализ социальных последствий развития рыночной экономики.

С начала XXI в. появляется более глубокое понимание устройства собственных социально-экономических отношений китайскими учеными,

их восприятие зарубежных исследований и методологии начинает меняться, появляется осознание ограничений применения западных подходов к реалиям социально-экономической жизни в Китае. Объекты исследования постепенно расширялись от локальных рынков, региональных отраслей до международных рынков. Рынок начинает пониматься как социальная структура. За этот период были разработаны важные концепции и теоретические основы в экономической социологии, но индигенизированное теоретическое знание и системный предметный дискурс были еще недостаточно развиты.

Социологическая перспектива исследования рынка с учетом китайского опыта помогает лучше понять процесс формирования и эволюции рынков или отраслей производства. Такое явление, как гуаньси, является важной отправной точкой для изучения китайской экономики, и на него всегда полагалась экономическая социология [陆学艺, 2000]. Ли Линьян построил социолокальную теоретическую основу для гуаньси, в частности, изучил, как гуаньси формирует механизм функционирования китайского рынка недвижимости, и обнаружил, что данное явление служит формальным правилом во взаимоотношениях между рынком недвижимости и внешней институциональной средой, и в то же время выполняется функция распределения экономических ресурсов внутри рынка. Ван Хэцзянь предложил теорию самоорганизованного действия, основанную на китайском опыте. Он использовал эту теорию для объяснения и анализа трех основных характеристик рыночной практики китайцев, а именно независимой деятельности, сетевого производства и внутренней конкуренции [汪和建, 2013, p. 65]. Он считал, что в основе обозначенных характеристик находится смысловой логический ряд их самостоятельных действий на рынке, включая понимание «эгоизма», «рациональности отношений», «инструментализации других», «дифференцированного предоставления» и т. д. Другой китайский социолог Фу Пин рассматривал, с одной стороны, рыночные отношения и с другой – общество с точки зрения критической социальной теории, а также предложил политико-структурный подход в экономической социологии рынков. Он провел углубленное исследование различных производственных цепочек известковой промышленности в Хуэйчжэне. Исторические изменения и трансформация порядка на рынке показывают, как модель взаимодействия между политическими факторами, явной структурой и скрытой структурой меняет структуру рынка и способствует рыночным изменениям. Хотя экономика «вторгается» в сферу социологии, есть и социологи, которые пытаются использовать экономические знания для построения теории. Например, Ван Шуйсюн включил социологические факторы в модель теории игр, построил теоретическую модель и проанализировал проблемы рыночного порядка в Китае в переходный период, объединив типичные случаи с разных рынков.

Конкуренция является важнейшей характеристикой рынка и предпосылкой его возможностей. Помимо предоставления продуктов и услуг, рынок также должен предоставить набор отраслевых стандартов и правил регулирования конкуренции для стабильных транзакций, чтобы он мог продолжать хорошо развиваться. Ли Нинцзы использовал модель рыночной структуры производства Х. Уайта, чтобы проиллюстрировать пространственные границы механизма имитации в рыночной конкуренции, раскрывая неформальные правила, созданные дилерами и посредниками, чтобы избежать чрезмерной или порочной конкуренции между производителями. Технические стандарты на рынке представляют собой особую институциональную норму, которая не только является условием стабильного и упорядоченного развития отрасли, но и влияет на выгоды всех участников производственной цепочки. Исследование феномена чрезмерной конкуренции в местных промышленных зонах Ван Хэцзана показало, что идентификация родства, которая способствует единству и сотрудничеству внутри производственных сетей, также является фундаментальной силой, которая приводит к чрезмерной конкуренции между производственными сетями в промышленных зонах.

Взаимосвязь между торговым порядком и рыночными межличностными отношениями в последние годы привлекала внимание некоторых ученых [Jean, 1995, p. 1139]. Идеальные рыночные транзакции должны быть основаны на деинтерперсонализации и деперсонализации транзакционных отношений, а исследования китайских ученых проиллюстрировали многочисленные социологические последствия рыночных транзакционных отношений. Лю Шаоцзе обнаружил, что китайское общество, в котором быстро развивается рыночная экономика, все еще в целом продолжает традицию «общества знакомых людей», которое уделяет внимание этическим отношениям, а образ мышления и поведения в отношениях знакомых между собой людей по-прежнему доминирует в рыночном транзакционном поведении [陈甌, 2013, p. 161]. Ай Юнь и Чжоу Сюэгуан на примере рынка сельскохозяйственной продукции в аграрном районе проанализировали социальный механизм подъема рынка сельскохозяйственной продукции на фоне нехватки финансового капитала [艾云, 周雪光, 2013, p. 90]. Их исследование показало, что существует два механизма мобилизации финансового капитала и содействия рыночным сделкам: взаимный механизм «обмена дарами» и механизм «принудительного кредита», основанный на рыночной власти, с помощью которого фермеры, торговцы и производители могут преодолеть недостаток финансового капитала, несмотря на дефицит и трудности.

Таким образом, в последние годы все больше обсуждается социальная локализация теорий в экономической социологии рынка. Возникли теории самоорганизованного действия Ван Хэцзяна, политико-структурный под-

ход Фу Пина, конструктивная структура рынка Чэнь Линьшэна и др. Эти работы углубили понимание современного рыночного общества и теоретические дискуссии современной экономической социологии рынка. Их исследования в определенной степени объединили практику китайской социологии рынка на основе китайского опыта. В итоге на данный момент можно говорить о разработке индигенизированных концепций и теорий в данной науке, учитывающих специфику китайского социума. И если раньше была повсеместная имитация западных новейших парадигм, повсеместное почти дословное копирование иностранных теорий и западных академических дискурсов, то в настоящее время китайская экономическая социология критически переосмысливает новые направления, уделяя больше внимания местным условиям, создавая новые теории и концепции, основанные на местных реалиях.

Литература

艾云、周雪光. 资本缺失条件下中国农产品市场的兴起——以一个乡镇农业市场为例 // 中国社会科学, 2013 年第 8 期. P. 85–101.

陈甌.“操演性”视角下的理论、行动者集合和市场实践——以重构中关村电子产品市场的失败为例 // 社会学研究 2013 年第 2 期. P. 152–172.

陆学艺. 新中国社会学五十年, 中国社会科学院社会学所 / 陆学艺. 中国社会学年鉴 (1995.7~1998). 北京: 社会科学文献出版社, 2000–10.

汪和建. 自我行动的逻辑——当代中国人的市场实践 / 汪和建著. 北京: 北京大学出版社, 2013. 359 p.

Jean C. Oi. The Role of the Local State in China's Transitional Economy // The China Quarterly. Special Issue: China's Transitional Economy. 1995. N 144. P. 1132–1149.

УДК 81'42

Е. Ф. Серебrenникова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ДИСКУРСИВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ОБЪЕКТОВ ТРАНСЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Рассматривается проблема дискурсивного измерения объектов транслогического характера, существующих и выделяемых в фундаментальной парадигме «Мышление – Язык – Культура» и формирующихся в антропологическом соотношении «Я – Другие – Мир». Обосновывается подход к анализу данного измерения с точки зрения деятельной конструктивной роли языка как дискурса и выявления его свойств на уровне онтологии, феноменологии и телеологии дискурсивизации объекта – дискурсного топика в его принадлежности определенной предметной сфере социального и аксиологического параметризованного пространства. Устанавливается, что телеология дискурсивного измерения транслогического объекта состоит в мониторинге и диагностировании современных эпистем в их дискурсивной репрезентации и продвижении как позиций в коммуникативном социальном пространстве.

Ключевые слова: дискурсивное измерение, транслогический объект исследования, онтология, феноменология дискурсивизации, телеология дискурсивного измерения.

APPROACHES TO THE ANALYSIS OF THE DISCURSIVE DIMENSION OF OBJECTS IN TRANSLOGICAL RESEARCH

Abstract. The article examines the problem of the discursive measurement of objects of a translogical nature that exist and are distinguished in the fundamental paradigm of “Thinking-Language-Culture” and are formed in the anthropological relationship “I-Others-the World”. The approach to the analysis of this dimension is substantiated from the point of view of the active constructive role of language as a discourse and the identification of its properties at the level of ontology., the phenomenology and teleology of the discursivization of an object is a discursive topic in its belonging to a certain subject area of a social and axiologically parameterized space. It is established that the teleology of the discursive dimension of a translogical object consists in monitoring and diagnosing modern epistemes in their discursive representation and promotion as positions in the communicative social space.

Keywords: discursive dimension, translogical object of research, ontology, phenomenology of discursivization, teleology of discursive dimension.

В фундаментальной парадигме «Мышление – Язык – Культура», кристаллизуемой в экзистенциально-праксемастическом и трансцендентальном (выходящем на ценностный уровень) когнитивно-коммуникативном антропологическом соотношении «Я – Другие – Мир», роль феномена языка состоит в том, что он является ее условием, инструментом и целостным идентификатором. Объекты анализа внутри данной парадигмы, имея разную онтологию, выделяются, соответственно, в сетке зависимостей между собой, выявляемой на основе одного из видов системного анализа. По своему характеру данные объекты имеют поэтому транслогический характер (от слов «логос» – разум, слово, учение, наука; «транс» – сквозь, через предел, через границу), т. е. могут изучаться в различных науках, которые пересекаются между собой в точке рассматриваемого объекта – феномена. Синонимами, но не абсолютными, для понятия «транслогичности» являются понятия «междисциплинарности» и «интегральности» [Интегральная лингвистика, 2023]. Язык, опредмечивающий данную сетку зависимостей в знаках, может быть либо исходной, либо срединной, либо завершающей инстанцией более широкого или специального анализа. Образно говоря, язык, феноменологически, т. е. деятельно, определяемый как дискурс, как в капле воды, высвечивает и диагностирует те смыслы, которыми «живет» человек в культуре и постоянно ее созидает. Это смыслы, которые порождаются в данный момент культуры; обогащают, формируют общество и обновляют картину мира, давая возможность, с одной стороны, обратиться к мышлению, с другой стороны, проследить динамику смыслов культуры на оси «актуальное – не актуальное» и, следовательно, «значимое – не значимое».

В отличие от различного вида анализов одного и того же транслогического объекта, который может порождать разные научные подходы и направления исследований, например психологическое, историографическое, социологическое, культурологическое, политологическое и т. д., дис-

курсивное измерение феномена, приобретающего в этом случае статус дискурсного топика, отличается следующими аспектами. Дискурсивное измерение основано на факте объективации мышления в данном виде знаковой репрезентации; свидетельствует о значимой и проблемной природе объекта, иначе не было бы факта текста; нацелено на моделирование интерпретации/понимания актуальных, релевантных для данного момента культуры концептуальных установок, интенций по данному объекту (фрагменту картины мира) вкупе со способами и средствами высказывания этих установок, идей, знаний, мнений, оценок, образов. Одновременно происходит установление типов контекстов и целей, которые обуславливают такой способ порождения и интерпретации смыслов; сущности высказываемой точки зрения и ее позиции в коммуникативном пространстве; факторов, которые ограничивают высказываемую позицию с точки зрения давления «архива знания» (в терминах М. Фуко), контроля над ней и способов ее валидации; роли дискурса в настройке в целом дискурсивного пространства. Таким образом, анализ дискурсивного измерения, подкрепленный методикой корпусной лингвистики, вносит вклад в формирование «доказательной лингвистики» [Беляева, 2016], с одной стороны, и в понимание социологии социального пространства как пространства семиотического – с другой [Бурдье, 2007].

Видение языка в феноменологии дискурса и, соответственно, в параметрах анализа дискурса уточняет лингвистический анализ в некоторых существенных моментах, определяемых **онтологией, феноменологией и телеологией дискурса**. Уточним данное положение в аспектах, которые важны с точки зрения анализа транслогических объектов изучения.

Онтологически дискурс (от лат. *discorso* – разбегание мыслями, размышление) обладает лингвокогнитивной – интенциональной, синергичной интерпретативной – природой. Постулирование интенциональности сознания, интенционального состояния и горизонта ожидания нацеливают анализ на определение, прежде всего, референциально-денотативной предметной области интенционального сознания, отграничения предметной сферы и профилирования дискурсного топика – омысливаемого выделенного денотата как феномена. Сосредоточение анализа на дискурсном топике как концептуальном референте открывает возможность также и концептуального анализа феномена, который позволяет в конечном счете выйти на концептуальные интенциональные установки дискурса с применением также и прагматического *интент-анализа* [Слово ... , 2000] и интерпретативного метода *деконструкции* дискурса.

Когнитивная природа дискурса нацеливает анализ на следующие моменты. Момент первый. Когнитивный семантико-грамматический «проход» мысли (в терминах Б. Потье) операционально имеет бинарную структуру, отвечает принципу бинарности мышления, но осуществляется в промежутке – перехвате мысли в третьем промежуточном пространстве

«между». Данная порождающая структура моделируется по-разному в различных теориях, поэтому исследователь может опираться здесь на такие виды анализа, как *пропозициональный логико-грамматический анализ*, позволяющий выделить предметы размышления и сущность предсказуемых признаков; *векторный анализ операций высказывания от «опоры» к «вкладу»* в означивании; *коммуникативно-информационное актуальное членение* текста, близкое к *контент-анализу*, позволяющее выделить тематические константы и смысловые, концептуальные переменные в дискурсах, но уже на уровне их феноменологии, т. е. в некотором целостном дискурсивном коммуникативном пространстве.

Момент второй. Когнитивная антропоцентрическая и субъектогенная природа дискурса нацеливает на его анализ в терминах когнитивного моделирования высказывания, предусматривающего обработку данных на основе имеющихся в сознании концептуально сформированных структур опыта – «идеализированных моделей» когниции в виде гештальтов, фреймов, сценариев, пропозициональных актантных структур, метафор, метонимий и т. д. Данные структуры понятийно, логически и эмоционально-образно связаны у человека со знанием языка, что позволяет осуществлять интеграцию знания из разных ментальных доменов когнитивной системы. Данное положение открывает возможность применения разного типа *когнитивного моделирования* процессов оязыковления концептуализации и категоризации, в том числе *фреймового моделирования* ситуации или *прототипического моделирования*, особенно на уровне номинации и предикации, представленных как в системе языка, так и тексте/дискурсе.

Следует отметить, что когнитивная природа дискурса отражает его выход на порождение, высказывание актуально нового знания, альтернативного ранее сформулированному, нового видения ситуации, что обуславливает интерпретативную (а значит, и оценочную) сетку осмысления, всякий раз дающую свое видение мира [Степанов, 1995], а также необходимость учета конструктивного принципа в анализе дискурса [Демьянков, 2003].

Момент третий. Когнитивная природа дискурса *homo sapiens / homo loquens* неразрывно связана с его социальной природой и культуросообразными коммуникативными практиками, наделяя дискурс такими качествами, как межперсональность, межузбъектность, праксематичность (воздействующий, прагматический потенциал социальной практики); влияние на его порождение и феноменологию таких категорий, как адресация, матричный (типологическая и жанровая устойчивость формы социальной интеракции) характер. Данное положение открывает возможность для таких видов анализа дискурса, как *коммуникативно-прагматический, типологический, жанровый анализ* [Бахтин, 1996; Антонова, 2024]. При этом тип дискурса может определяться не только социальным типом ситуации общения [Карасик, 2019], но и типом выделяемого дискурсного топика как

феномена (дискурс «китайской мечты», дискурс об инновациях, коррупции, иммиграции, дискурс об АТР, дипломатический дискурс и т. д.) либо характером концепта, организующего дискурс (материнский дискурс, идеологический дискурс, валоризирующий дискурс), либо тональностью дискурса (агрессивный, агональный); возможно выделение дискурса на стыке критериев.

Феноменологически важным представляются следующие характеристики дискурса, образующего дискурсивное измерение транслогического объекта анализа. Дискурс как смыслопорождение имеет трансфразовый и транстекстовый характер. В динамике реализации дискурса, процессуально понимаемый как дискурсивизация топика, эмергентно порождает смысл в целостной трансфразовой траектории реализации от интенциональности через стратегичность и аргументацию к дестинации. Данные характеристики могут рассматриваться как проявление более общей категории **трансгрессивности**, т. е. перехода и преодоления границы отдельного феноменологического текста / случая, порождающего новое качество – смысл в интерпретации/понимании. Данная характеристика выражается в следующих проявлениях. Прежде всего, это **имманентное вовлечение одного дискурса в порядки более высокого уровня**. Одна дискурсивная формация (высказывание/текст) не существует сама по себе, но образует в культуре, в коммуникативных средах человека более широкую сущность, взятую в плане типологических характеристик и эпистемологических ограничений: выделяет собственно целостный дискурс, мыслимый в его жанрово-типологической устойчивости. Совокупность дискурсов, в свою очередь, образует коммуникативное резонансное дискурсивное пространство. Данное пространство параметризовано позициями-отношениями доминанции, антагонизма, согласия, а также аксиологически, отражая социально гетерогенный характер социального коммуникативного пространства, разные интересы, предпочтения, ориентиры различных групп, классов, общностей. Важна позиция и продвижение данного дискурса в соотношении с другими дискурсами в диалогическом коммуникативном пространстве. Трансгрессия проявляется и в потенциальной событийности дискурса. Речь идет не о том, что дискурсивным топиком может быть некоторое реальное событие, а о том, что сам дискурс создает коммуникативно-текстовое событие, меняя состояние дел до и после дискурса для интерпретаторов. Вовне данный дискурс открыт интердискурсу (дискурсу более высокого уровня, идущего экстенсивно от локального к региональному и глобальному в ризоматическом и гиперссылочном соотношении), интертекстуальности (наличие следов других текстов в данном тексте / дискурсе); интержанровости (заимствование новых жанров как новых или утверждающихся форм жизни и речи).

Особенно характерна транссессия для медийного дискурса. Именно данный тип дискурса и образуемое им дискурсивное пространство являются наиболее мощными информационными ресурсами, образующими медийную картину мира и новую коммуникативную среду для человека и общества эпохи цифровизации. Медийный тип дискурса определяется по формальным и феноменологическим (ризоматическим, сетевым, гипертекстовым, поликодовым) свойствам. Формально медийный дискурс выделяется по критерию технологического типа канала и опосредованному знаком виду интерактивного контакта между общающимися. Важно отметить, что медийный дискурс, обладая возможностью включения опосредующих коммуникацию знаков разного типа, соединяет в себе то, что ранее четко отграничивало собственно дискурс от не-дискурса по оси «речь в настоящем, речь в процессе своего осуществления» – «речь, завершенная во времени и пространстве, относящаяся к плану прошлого, истории» [Бенвенист, 1974]. Наряду с сообщениями информации об актуальных событиях и фактах, к компонентам медийного дискурса и, соответственно, медийного дискурсивного пространства следует отнести и отцифрованные тексты/дискурсы плана «истории» или тексты/дискурсы заверщенного, документного характера разных жанров и происхождения. Основаниями такого подхода являются два фактора. Во-первых, наличие преднамеренного и прагматически обусловленного выбора данных текстов для их включения в социальное, диалоговое, интерпретативное пространство. Во-вторых, их значимость как текстов культуры и, как следствие, элементов «архива знания», представляющего эпистемы – стили мышления, осмысления и формулирования знаний предшествующих периодов культуры, на основе которых каузируются и формируются доминирующие эпистемы в современном дискурсе. Данный аспект медийного пространства позволяет оперировать смыслами в рамках культурного континуума: трансфера, эволюции, трансформации знания, что, безусловно, особенно релевантно для транслогического исследования дискурсивных топиков как феноменов культуры и общества. Метод *дискурсивного мониторинга, этносемиотриии смыслов, этнокогнитивное моделирование, диахронический анализ или мета-теоретическое моделирование* в этом направлении востребованы и целесообразны.

Все большая аксиологизация медийного пространства в настоящее время цивилизационных сдвигов и вызовов, сопряженных с когнитивной неопределенностью, позволяет выделить особо «аттрактивные» зоны социального интереса, к которым можно отнести информационно-новостную зону, акциональную зону (зону интенсивного воздействия на социального целевого адресата с различными, в том числе маркетинговыми, целями), аналитическую зону. В данных зонах дискурсивные топиксы различных предметных областей медийного пространства приобретают проблемный характер, выводятся в коммуникативно-прагматический фокус, а их дискур-

сивизация позволяет выявить конструирование дискурсивного мира на основе используемых стратегий, выраженной аргументации, вывода на смыслы – способы принятия решений.

Телеология дискурса и, соответственно, дискурсивного измерения топиков транслогического порядка, таким образом, выявляется в следующих параметрах. Дискурс предстает как оператор и форматор актуально новых смыслов общего интереса и тем самым конституирует само общество в данный момент культуры. Дискурс потенциально событийен и идеологически настроен: конструирование собственного (альтернативного) видения мира со своими предметно-символическим содержанием и актантной структурой, причинно-следственными отношениями и, следовательно, нарративной перспективой, своей этикой и эстетикой неизбежно вовлекает интерпретатора в данный дискурсивный мир и влияет на его картину мира. Дискурс выявляет позицию объектов транслогического характера: диагностирует их генезис, показывает тематически-концептуальную формулировку актуальной повестки дня по данному денотату; концептуальные доминанты и тенденции, новые формулировки осмысления объектов, их идентификацию и позиционирование в коммуникативном пространстве.

В качестве общего вывода правомерным будет утверждение о том, что телеология дискурсивного измерения транслогического объекта состоит в мониторинге и диагностировании современных эпистем в их дискурсивной репрезентации и продвижении как позиций в коммуникативном социальном пространстве.

Литература

- Антонова Л. Г. «Жанровый подиум» современной медиакоммуникации // Человек в информационном пространстве : сб. науч. материалов XX Всерос. с междунар. участием междисциплин. науч.-практ. конф. Ярославль, 2024. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=72711969&rpf=1> (дата обращения: 07.04.2025).
- Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. М. : Языки славянской культуры, 1996. С. 159–206.
- Беляева Л. Н., Чернявская В. Е. Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 77–84.
- Бенвенист Э. Вопросы общей лингвистики. М. : Просвещение, 1974. 375 с.
- Бурдые П. Социология социального пространства : пер. с фр. / отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетей, 2007. 288 с.
- Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 2003. С. 116–133.
- Интегральная лингвистика : монография / под ред. Т. Н. Хомутовой. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2023. 267 с.
- Карасик В. И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-setevogo-diskursa> (дата обращения: 05.04.2025).
- Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб. : Алетей, 2000. 316 с.
- Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М. : РГГУ, 1995. С. 35–73.

Юй Ян

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

А. Н. Юй

Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМЫ И ИННОВАЦИИ В ИЗМЕРЕНИИ ЦЕННОСТЕЙ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИИ В КРОСС-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу существующих методов измерения ценностей. Рассматриваются ограничения подходов Рокича и Шварца, включая абстрактность, контекстуальную нечувствительность и недостаточную валидность. Предлагаются альтернативные решения: контекстуализированные сценарии, комбинированные методики и цифровые подходы к отслеживанию ценностной динамики.

Ключевые слова: методики, ценности, измерения ценностей, критический анализ, методологии.

Финансирование. При финансовой поддержке гранта РФФИ № 24-28-01448 «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае».

Yu Yang

St. Petersburg State University, St. Petersburg

A. Yu

Russian State Pedagogical University, St. Petersburg

CHALLENGES AND INNOVATIONS IN VALUES MEASUREMENT: A CRITICAL ANALYSIS OF METHODOLOGY IN A CROSS-CULTURAL CONTEXT

Abstract. The article is devoted to a critical analysis of existing methods of measuring values. The limitations of the Rokeach and Schwartz approaches are discussed, including abstractness, contextual insensitivity and lack of validity. Alternative solutions are proposed: contextualized scenarios, combined methodologies and digital approaches to tracking value dynamics.

Keywords: methods, values, value measurements, critical analysis, methodologies.

Ценности традиционно понимаются как основные убеждения человека о том, что является хорошим и к чему стоит стремиться. Они играют ключевую роль в регулировании индивидуального поведения и поддержании социальной и культурной устойчивости. Однако научное измерение таких внутренних и абстрактных конструкций, как ценности, остается сложной задачей в рамках социальных наук.

Как указывают Стивен Хитлин и Дж. А. Пиливин, несмотря на широкий интерес к изучению ценностей, существует значительная разобщенность в используемых измерительных инструментах. Многие исследования не различают ценности, установки и убеждения, что приводит к концептуальной путанице и затрудняет формирование общей теоретической базы. Отсутствие стандартизации измерения препятствует сравнительным исследованиям и ограничивает возможности кросс-культурного анализа [Hitlin, Piliavin, 2004].

Настоящая статья предлагает критическую оценку существующих подходов к измерению ценностей с позиций их теоретической обоснованности, методологического оформления и прикладного применения. Кроме того, выдвигаются предложения по совершенствованию методов с целью повышения их научной надежности и эмпирической пригодности.

Ценности представляют собой устойчивые представления о должном, однако по сравнению с установками или поведенческими намерениями они являются более стабильными и менее осознаваемыми индивидом.

Это делает их измерение особенно сложным. Наиболее влиятельные теоретики, такие как Рокич [Rokeach, 1973] и Шварц [Schwartz, 1992], придают разное значение понятию ценности. Рокич различает инструментальные и терминальные ценности и требует ранжирования. Шварц же предлагает непрерывную шкалу оценки значимости, рассматривая ценности как направляющие принципы жизни. Одной из ключевых проблем является абстрактность используемых терминов. Опросы нередко формулируют утверждения с использованием таких понятий, как «самотрансцендентность» или «универсализм», которые могут быть непонятны широкой аудитории, особенно в условиях межкультурного сравнения.

Кроме того, ценности подвержены контекстуальной активизации. В различных социальных ситуациях одни и те же индивиды могут демонстрировать разную иерархию ценностей [Rankings ... , 1996], что ставит под сомнение надежность обобщенных шкал, не учитывающих конкретный контекст.

Методики и их противоречия

Ранжирование (по Рокичу) предполагает, что ценности находятся в конкуренции, и индивид вынужден выбирать между ними. Этот метод предполагает дефицит ресурсов и необходимость приоритетов. Однако он критиковался за то, что не допускает возможности равной важности различных ценностей.

Метод Шварца, напротив, допускает одновременную высокую значимость множества ценностей и даже возможность отрицательной оценки. Шкала от -1 до 7 позволяет более гибко и приближенно к реальности фиксировать отношение индивида к ценностям.

При этом рейтинговые методы более удобны для статистического анализа, тогда как ранжирование, в силу своей структуры, может создавать искусственные отрицательные корреляции между переменными [Alwin, Krosnick, 1985; Krosnick, Alwin, 1988]. Тем не менее оба подхода подвержены ограничениям – рейтинг способствует завышенным оценкам, а ранжирование часто приводит к произвольным различиям.

Критика ограничений существующих подходов

Современные инструменты измерения ценностей слишком абстрактны и теоретически перегружены. Использование концептов, не укоренен-

ных в повседневной практике респондентов, затрудняет осмысленное участие и снижает валидность получаемых данных. Особенно это проявляется в кросс-культурных контекстах, где одни и те же термины могут восприниматься по-разному.

Дополнительной трудностью является деконтекстуализированная природа опросов. Большинство шкал построены так, будто ценности существуют вне ситуаций. Но в реальности поведение индивидов обусловлено конкретными обстоятельствами, в которых активизируются те или иные ценностные ориентации.

Также игнорируется изменчивость ценностей в течение жизненного цикла. Большинство исследований носят поперечный характер и не фиксируют, как и почему меняются ценностные приоритеты с возрастом или под влиянием социальных событий.

Возможные направления модернизации измерительных инструментов

Будущее измерения ценностей должно включать контекстуализацию как ключевой компонент. Необходимо переориентировать язык шкал с академического на повседневный, чтобы респонденты без специальной подготовки могли осмысленно участвовать в исследовании.

Одним из перспективных решений является внедрение сценарных опросов, где ценности оцениваются в условиях конкретных ситуаций, таких как выбор работы, политическое участие или экологическое поведение. Это позволяет сопоставлять ценности не абстрактно, а в рамках реальных альтернатив. Также заслуживает внимания комбинированный подход: сначала респондент выбирает наиболее важные и наименее важные ценности, а затем оценивает их по шкале значимости. Такой метод учитывает как принужденный выбор, так и субъективную интенсивность предпочтений.

Одновременно необходимо развивать динамические методы сбора данных. Использование цифровых технологий и методов выборочной фиксации переживаний позволит отслеживать, какие ценности активизируются в разных условиях и на разных стадиях жизни, что существенно обогащает теоретические и эмпирические модели ценностной динамики.

Заключение

Измерение ценностей представляет собой не просто техническую задачу, а сложный теоретико-методологический вызов, требующий учета культурных различий, ситуативной изменчивости и жизненного контекста. Существующие подходы, включая модели Рокича и Шварца, внесли значительный вклад в развитие эмпирики, однако их ограниченность проявляется в недостаточной чувствительности к реальному поведенческому опыту индивидов, чрезмерной абстрактности и неспособности учитывать динамику ценностных приоритетов на протяжении жизненного цикла. В условиях растущей социальной сложности и культурной фрагментации необхо-

дим переход от статичных и универсалистских шкал к адаптивным, контекстно зависимым и поведенчески валидным инструментам. Только при интеграции лонгитюдных данных, цифровых технологий и сценарных методик измерение ценностей может обрести аналитическую мощь, адекватную вызовам современности, и стать инструментом глубокого понимания социальной структуры, индивидуальных мотиваций и культурной трансформации.

Литература

Alwin D. F., Krosnick J. A. The measurement of values in surveys: A comparison of ratings and rankings // *Public Opinion Quarterly*. 1985. Vol. 49, N 4. P. 535–552.

Hitlin S., Piliavin J. A. Values: Reviving a Dormant Concept // *Annual Review of Sociology*. 2004. Vol. 30, N 1. P. 359–393.

Krosnick J. A., Alwin D. F. A test of the form-resistant correlation hypothesis: Ratings, rankings, and the measurement of values // *Public Opinion Quarterly*. 1988. Vol. 52, N 4. P. 526–538.

Rankings, Ratings, and the Measurement of Values: Evidence for the Superior Validity of Ratings / G. R. Maio [et al.] // *Basic and Applied Social Psychology*. 1996. Vol. 18, N 2. P. 171–181.

Rokeach M. Value survey. 1973.

Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

УДК 321.01

Pulenthiran Nesan

Eotvos Lorand University, Budapest

THE INTERSECTION OF REPUBLICANISM AND LIBERALISM: COMPARATIVE THEORETICAL APPROACHES

Abstract. The article evaluates the convergence between Republicanism and Liberalism by studying the reinterpretations of common fundamental concepts such as liberty, autonomy, and civic virtue. It explores mutual agreements and opposing viewpoints between John Rawls' Political Liberalism and modern Republican theorists Philip Pettit and Quentin Skinner. The author analyses Freedom through non-interference and non-domination while viewing how different cultures understand the relationship between personal liberties and collective authority. Three major concepts cover civic responsibility alongside civic development and show how individual freedom regains democracy with communal obligations. This research identifies points of contact to explain how these two traditions hold the potential for developing fair, enduring political establishments.

Keywords: Republicanism, Liberalism, John Rawls, philosophy.

Пулентиран Несан

Университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНИЗМА И ЛИБЕРАЛИЗМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. Дается оценка пересечению республиканизма и либерализма путем переосмысления общих фундаментальных понятий, таких как свобода, автономия и гражданская добродетель. Исследуются сходства и различия между политическим либерализмом Джона

Ролз и современными теоретиками республиканской партии Филипом Петтитом и Квентином Скиннером. Анализируется свобода через невмешательство и отказ от доминирования, рассматривая, как разные культуры понимают взаимосвязь между личными свободами и коллективной властью. Три основные концепции охватывают гражданскую ответственность наряду с гражданским развитием и показывают, как индивидуальная свобода восстанавливает демократию при наличии общественных обязательств. Исследование выявляет точки соприкосновения, чтобы объяснить, как эти две традиции могут способствовать созданию справедливых и устойчивых политических институтов.

Ключевые слова: республиканизм, либерализм, Джон Ролз, философия.

The fields of political philosophy exist two traditional perspectives known as Republicanism and Liberalism that remain supposedly distinct or opposed theories for studying governmental power and personal freedom. Republicanism demonstrates how autonomy exists between groups since its primary emphasis is non-domination freedom. The Republican tradition views liberty as something that emerges from the absence of rule by absolutist authority combined with active citizen leadership in governing themselves. The theory promotes public service participation while advancing general social progress through the development of fundamental societal requirements for freedom in a democratic system.

The core belief of Liberalism concerns individual freedom since it considers liberty equal to external constraints' absence. According to John Locke and John Stuart Mill and their liberal influence states exist to prevent breaches of individual liberties instead of acting as determiners of civic identity. According to this tradition, every person retains the right to pursue their perception of the good life as long as their actions respect the autonomy of others.

Current political studies continuously study the points where these philosophical approaches meet and explore how they could support each other. Laden provides a new perspective on John Rawls's Political Liberalism through which he demonstrates a progressive fusion of republicanism with liberal moral philosophy by connecting principles of public autonomy and citizen duty. Rawls develops a governance framework through his theory of political legitimacy and public reason and justice as fairness that invalidates the simplistic depiction of liberalism versus republicanism. This framework supplies a combined approach between community duties and individual freedom protection [Laden, 2001].

These connections between ethics and history receive analysis through a study of three essential conceptual features that include liberty's nature along with civic duty roles and proper governing procedures. The author positions theories from neo-Roman Republicanism under Philip Pettit and Quentin Skinner within Rawlsian liberal concepts to develop a fresh interpretation of republican and liberal tradition connections [Pettit, 1999, p. 25–118; Skinner, 1998, p. 39–41]. The analysis investigates the effects on democratic administration within multicultural communities which face a major challenge in connecting individual rights to community obligations.

The analysis establishes a new understanding of liberty which improves our theoretical approach to tackle existing political challenges and civic trust loss problems affecting democratic institutions. The research implements a Republican framework alongside Liberalism to create a stronger explanation of justice and autonomy and advance the concept of the common good.

The fundamental tenets of Liberalism and Republicanism present divergent yet complimentary viewpoints on governance, freedom, and personal autonomy. Liberalism normally upholds individual liberties as its primary focus while Republicanism stresses collective accountability as well as domination reduction. A deep understanding of these traditions emerges by analyzing Rawls's liberal thought in combination with the neo-Roman Republican theory defined by Pettit and Skinner.

John Rawls developed the basis for understanding justice as fairness through his Liberalism theory in *A Theory of Justice* [Rawls, 1971]. According to Liberalism Rawls developed a model society that features his celebrated two principles of justice that provides secure basic freedoms such as speech and religion and membership rights. Rawls states that every fair society requires these rights because they permit individuals to pursue their definition of an ideal existence [Rawls, 1971, p. 123–124].

Rawls develops an advanced definition of liberty which unites individual right elements with collective responsibility duties different from how traditional liberal theorists Locke and Mill base their views solely on government restraint for personal independence. According to his concept of political autonomy Liberalism challenges the individualistic framework of some of its variants because it requires citizens to engage in public dialogue and defend state institutions. The emphasis of Rawls's Liberalism on public reason makes its values consistent with republican theories. Through his work *Political Liberalism* [Rawls, 1993] Rawls develops the idea of public reason to address multiple beliefs within democratic societies.

Rawls establishes a connection between individual autonomy and shared government through his theory which requires all political decisions to pass the test of community-wide principles and thus extends beyond classical liberalism's concept of individual freedom. Rawls believes Liberalism aims to create political and moral autonomy-supported conditions while protecting citizens from state control. The right for individuals to actively participate in public life finds a connection to the republican vision of active citizenship. Rawls presents Liberalism as an integrated theory that unites conventional liberal principles with republican ideas thus decreasing their conceptual division.

The neo-Roman intellectuals Philip Pettit and Quentin Skinner redefine liberty through Republicanism which means the absence of domination instead of just interference in freedom. According to Republicanism the fundamental difference between itself and Liberalism exists in how it evaluates Liberalism as

weak in identifying power-enabling structures. Pettit and Skinner maintain that real liberty requires both direct interference prohibition and institutional protective measures that eliminate the unregulated power of people or organizations [Pettit, 1999, p. 60–62].

The central belief of Republicanism focuses on communities governing themselves. The Republican system backs civic engagement as well as shared responsibility for society maintenance while Liberalism normally prioritizes individual rights above community obligations. According to Pettit the process of achieving a domination-free society requires direct participation in democracy and institutional structures which guarantee transparency alongside accountability [Pettit, 1999, p. 118–120].

According to Skinner, this republican ideal tracing its origins back to the Renaissance age demonstrates its birth during the fight against both monarchical and arbitrary government systems of the time. Republican liberty requires people to establish political societies that allow them to jointly govern their future as a collective unit according to their shared power. Public liberty in this interpretation matches the classical Republican notion which requires citizens to maintain active attention and moral conduct for the preservation of their freedom [Skinner, 1998, p. 39–41].

The republican concept of freedom seeks to understand both structural elements and relationships between people because it tries to understand power dynamics. According to Pettit domination means the power of one party to decide arbitrarily how another party makes their decisions thus encompassing more than just direct coercion because it includes systemic dependencies and inequities. Non-domination stands as a broad interpretation of liberty that demonstrates republican support for social equality through citizens working together toward equal freedom in their community [Pettit, 1999, p. 25].

The standpoint affirms that civic engagement represents both an obligation and a constitutional entitlement required for upholding individual independence and social independence. Republican ideology demands civic engagement from its citizens because becoming involved in politics safeguards both personal freedoms and protects the freedom of the community. Public participation along with common good protection functions as the fundamental core of Republicanism while distinguishing itself from the individualistic Liberalism orientation.

The strongest argument for this examination emerges through its success in uncovering significant connections between the concepts in John Rawls's Political Liberalism and Republicanism. The conceptual space between Liberalism and Republicanism appears separate but these two frameworks agree on two core elements: definitions of liberty and autonomy. The analysis discusses two essential interrelations between the concepts of freedom of the person versus freedom of the city and non-domination models and non-interference theories.

The exclusive examination of power dynamics by Rawlsian Liberalism and Republicanism forms another important area of mutual interest. Liberal thought establishes non-interference as the fundamental condition for liberty since state agencies along with other persons need to avoid restricting individual actions. The definition lacks explanations about the enabling conditions that allow the existence of arbitrary power independent of explicit interference.

The notion of non-domination represents Republicanism according to the theories of Philip Pettit. Individuals obtain liberty when they lack arbitrary power according to this concept that ensures people remain beyond the control of others' prerogatives. The pursuit of non-domination seeks to reduce meddling by architects of institutions that protect people from sustained oppression through established mutual responsibility systems [Pettit, 1999, p. 60–62].

Rawls explains that liberty functions as a public matter because just institutions protect it as a core value. Rawls maintains freedom protection requires legitimate governance structures because they match republican views which see liberty bound to public institutions that ensure its existence [Rawls, 1993, p. 159].

Public reason and civic virtue stand as principal common points that sharply define the meeting of Liberalism and Republicanism. The theory by Rawls reveals civic responsibility needs according to Liberalism prioritizes individual autonomy but maintains civic duty similarities with the republican citizenship foundation. The study demonstrates how Rawls's opinions respect republican theories in their focus on civic responsibility development and social equilibrium through reasonable practices.

Democratic administration benefits substantially from Liberalism and Republicanism theory combinations regarding how to handle individual rights versus communal responsibilities. A study of Rawls's Political Liberalism shows that these philosophies merge their perspectives about state government and its promotion of freedom, self-governance, and public involvement. This part evaluates two core points regarding the convergence by examining rights and duties harmony alongside state functions as both democratic protectors and enablers of citizenship.

The democratic system faces a fundamental challenge from the point when individual rights need to coexist with communal civic duties. The liberal school of thought consistently elevates human autonomy as its core doctrine which makes rights into absolute principles bound to limit state authority over individual freedom preservation. To Republicans, the paramount importance is community responsibility because civic engagement remains essential in protecting liberty and stopping possible domination. Rawls introduces Political Liberalism to construct a system that links individual choices to essential civic obligations. Rawls states that citizens maintain full freedom to choose their concept of an ideal life. The right to live according to one's personal beliefs is limited by an

obligation to maintain political positions within the rules of public reason. Private autonomy receives protection because it never threatens public justice or social order. According to Pettit and Skinner Republicanism interprets civic duties as necessary for freedom achievement beyond their status as responsibilities. The republican mindset considers voting as well as civil discourse and law enforcement essential because they protect public freedom from disappearing. According to this research Rawlsian liberalism fulfills republican principles since it acknowledges individual rights to achieve maximum protection in communities that share governance authority. Rawls establishes within his liberal framework that cooperation between rights and obligations can operate according to republican concepts. Such a relationship exists dynamically to achieve mutual accountability and public reasoning between parties.

Liberalism and Republicanism offer diverse yet complementary conceptions of the state's role in democratic government. Traditional Liberalism views the state as an unbiased decision-maker whose charge is to defend individual rights along with demonstrating minimal involvement in personal life matters. The Republican view of government establishes an active state that fights against domination while creating conditions for public self-rule. This research demonstrates the incorporation of republican concepts into Rawls's political Liberal agenda. The political agenda of Rawls preserves liberal safeguards of personal freedom yet prioritizes state involvement for constitutional authorization while stimulating public participation. Through these parallel responsibilities, the state displays protection of individual rights and maintenance of non-oppressive systems which fits within the republican concept of freedom. Rawlsian Liberalism makes visible how the redefined state purpose creates harmony between individual pursuits and collective needs. Freedom for individuals exists within a social and political framework which demonstrates how personal rights form a tight relationship with healthy democratic institutions. The unified perspective creates a democratic administrative model that protects individual rights while holding each citizen responsible for the community.

Democratic administration benefits from enhanced complexity through the unification of Republicanism with Liberalism. These two historical traditions which appear to oppose each other substantially agree with each other. Considering civic responsibility together with collective autonomy and freedom from dominance Rawls shows how liberal principles can support republicans' ideas about communal rights without "Constituency and rights" conflicts. The synthetic result demonstrates how these two different traditions support each other. Liberalism benefits from Republicanism by having this helpful support mechanism that protects individual autonomy by enforcing structural conditions that include civic virtue development and stopping arbitrary power. Rawls shows that freedom represents a product of collective accomplishment since its existence depends on all citizens who fully participate and maintain shared liability

inside a consistent and equal political system. This combination presents a persuasive approach to handling present-day challenges that appear in diverse cultural communities. During current times characterized by political divisions alongside systematic inequality as well as diminishing democratic institution trust the fusion of republican and liberal principles leads to a plan for achieving both government legitimacy and inclusivity with enhanced strength.

The interconnection between Republicanism and Liberalism within Rawls's Political Liberalism helps advance democratic understanding while creating more practical theoretical possibilities for democracy. The approach gives us the ability to move over simplistic dualistic viewpoints so we can understand how governance works through connections between justice civic life and liberty. The merged approach demonstrates the transformative potential for institution-building that would establish equal-lasting political frameworks that preserve freedom as a community effort.

References

- Laden A. S. Republican Moments in Political Liberalism // Croatian Journal of Philosophy. 2001. N 3. P. 341–366.
- Pettit P. Republicanism: A Theory of Freedom and Government. Oxford : Oxford University Press, 1999.
- Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1971.
- Rawls J. Political Liberalism. N. Y. : Columbia University Press, 1993.
- Skinner Q. Liberty Before Liberalism. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

УДК 911.3

T. M. Thejashini Dilinika Pothuhaera

Central China Normal University, Wuhan

REGIONOLOGY AT SEA: RETHINKING REGIONAL STUDIES THROUGH MARITIME SECURITY IN THE INDIAN OCEAN

Abstract. Due to the Indian Ocean Region's [IOR] growing importance as a geopolitical, economic, and security area, traditional terrestrial-centric regional studies must give way to a comprehensive maritime viewpoint known as "regionology at sea". This study emphasizes the importance of maritime security cooperation and the variety of issues facing the region by presenting the IOR as an unbroken maritime zone. Based on a mixed-methods approach, this study combines a qualitative bibliometric review and policy discourse analysis with quantitative analyses of empirical data such as naval deployments, strategic choke spots, exclusive economic zones [EEZs], and marine trade flows. In addition to expert interviews, important data sources include institutional reports from regional security organizations like the Indian Ocean Naval Symposium [IONS], the Indian Ocean Rim Association [IORA], and the Contact Group on Illicit Maritime Activities in the Western Indian Ocean [CGIMA]. The study suggests a "regionology at sea" approach to regionalism, viewing the Indian Ocean as a unified maritime region, promoting inclusive governance and strengthening smaller states' agency to counter great powers' influence.

Keywords: maritime security, regionology at sea, geopolitical competition, maritime governance, regional cooperation.

Т. М. Теджабини Дилиника Потухера

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

РЕГИОНОЛОГИЯ НА МОРЕ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ИНДИЙСКОМ ОКЕАНЕ

Аннотация. Отмечается, что в связи с растущим значением региона Индийского океана как геополитической, экономической зоны и зоны безопасности традиционные региональные исследования, ориентированные на сушу, должны уступить место всеобъемлющему подходу, известному как «регионология на море». Подчеркивается важность сотрудничества в области безопасности на море и выделяется ряд проблем, стоящих перед регионом Индийского океана. Исследование основано на применении смешанных методов, сочетает качественный библиометрический обзор и анализ политического дискурса с количественным анализом эмпирических данных, таких как развертывание военно-морских сил, стратегические узловые точки, исключительные экономические зоны и морские торговые потоки. Помимо интервью с экспертами, важными источниками данных являются институциональные отчеты региональных организаций по безопасности, таких как Военно-морской симпозиум в Индийском океане, Ассоциация стран Индийского океана и Контактная группа по незаконной морской деятельности в западной части Индийского океана. В исследовании предлагается морской регионологический подход к регионализму, рассматривающий Индийский океан как единый морской регион, способствующий инклюзивному управлению и усиливающий роль малых государств в противодействии влиянию великих держав.

Ключевые слова: безопасность на море, регионология на море, геополитическая конкуренция, управление морским пространством, региональное сотрудничество.

For global politics, trade, and security, the Indian Ocean Region (IOR) becomes important. We must look beyond the typical land-based regional studies to fully understand this area. The “regionology at sea” concept views the Indian Ocean as a separate, interconnected maritime region where common security issues, such as maritime cooperation and challenges, define boundaries between regions. The influence of maritime security on our understanding of the Indian Ocean is the main subject of this study. In addition to offering useful policy ideas, it rethinks how we comprehend regionalism from a sea-based perspective by combining prior studies, utilizing reliable techniques, and integrating real data.

The Indian Ocean, which makes up more than one-fifth of the world’s ocean area, is vital for global trade since it handles two-thirds of oil exports and more than one-third of bulk cargo. It links significant economic centers in Oceania, Asia, the Middle East, and Africa [Mapping ... , 2023]. However, the IOR’s true importance as a connected region is obscured by the frequent division of its borders into smaller continental parts in geopolitical talks. Managing common security issues like illicit fishing, border disputes, piracy, environmental hazards, and the growing influence of powerful nations is challenging with this fragmented approach.

When handling maritime challenges, traditional regional studies are less helpful because they frequently concentrate on fixed political borders. It is challenging to develop cooperative maritime security policies that are effective with this antiquated approach. Those shortcomings haven't been sufficiently addressed by current regulating institutions such as the Indian Ocean Rim Association (IORA) and the Indian Ocean Naval Symposium (IONS) [Haldar, 2024, p. 67]. As a result, important voices – particularly those of island nations – are frequently dropped from important exchanges, and maritime security efforts remain fragmented. The challenge is further increased by the development of new security threats from both governmental and non-state actors [Who ... , 2024].

This study has several goals:

1. Make recommendations for policies that support unified and inclusive maritime governance.
2. Analyze data indicating how trade routes, geopolitical rivalries, and security risks are changing.
3. Analyse current research on the Indian Ocean from a marine standpoint critically.
4. Examine the major challenges affecting maritime security and the collaborative activities that impact regional connections.

This research assists in improving the comprehension and oversight of regional cooperation by focusing on maritime security. It promotes greater academic discussion and policymaking about the Indian Ocean [Mapping ... , 2023].

The growing interest in maritime regions challenges old ways of thinking based on land boundaries. Scholars are now recognizing that oceans like the Indian Ocean create their own unique security and economic systems. This leads to the idea of “regionology at sea”. Researchers such as Chaturvedi stress the need to embrace the region’s complex nature and its “Indianoceaness”, pushing for more diverse and inclusive thinking about the Indo-Pacific.

With major hotspots like the Straits of Malacca, Hormuz, and Bab-el-Mandeb becoming progressively contested, the Indian Ocean has long been a hub of global trade and strategic competition [Contested ... , 2023].

Today’s maritime security includes traditional threats like territorial disputes and naval rivalries as well as unconventional hazards like pollution, smuggling, illegal fishing (IUU), and piracy. Because maritime security includes a wide range of state and human security issues, Bueger et al. [Bueger, 2024] refer to it as an “international buzzword”. This dynamic context includes hazards like piracy off the coast of Somalia and maritime terrorism by parties like the Houthis and al-Shabaab [Geopolitics ... , 2023].

Organizations like IORA, IONS, and BIMSTEC, as well as particular frameworks like the Djibouti Code of Conduct, are instances of efforts that en-

courage regional maritime cooperation. However, as an indication of the region's diversity, these initiatives frequently fail because of partisanship and a lack of partnership among member states [Haldar, 2024, p. 45]. Cooperation becomes challenging due to China and India's growing power rivalry. Conflicting ideas for maritime order appear in China's "String of Pearls" policy and India's SAGAR [India's ... , 2024; Geopolitics ... , 2023].

The link between climate change and environmental security is a significant but sometimes neglected problem. Fisheries and people that depend upon the blue economy are in danger as the Indian Ocean changes faster than other oceans. This results in conflict between the objectives of security and protecting the environment [Mapping ... , 2023]. As a result, maritime governance involves deeper conversations on innovation, global cooperation, and economic growth.

A mixed-methods research design is employed in this study. It combines an examination of the amount of current research with the analysis of numerical data. To comprehend research trends in Indian Ocean maritime security and regional studies, a bibliometric review was performed using sources such as Scopus, Web of Science, institutional reports, and policy briefs. Qualitative data on security and policy frameworks were analyzed and coded using NVivo12. By looking at how keywords appear together, VOSviewer helped with recognizing significant trends.

Defense white papers, international organizations like the IMO and FAO, regional security organizations like IONS and IORA, and open-source data on naval deployments and maritime crimes were the foundations of the empirical data [Ibid]. The study additionally looked at significant chokepoints, trade routes, and Exclusive Economic Zones (EEZs) using geospatial mapping to provide further context [Ibid]. Semi-structured interviews with local maritime security specialists and policymakers assisted in increasing awareness. Ensuring transparency of sources and presenting diverse viewpoints impartially were central ethical considerations in this study. To minimize bias inherent in strategic discourses, data triangulation was used, drawing from multiple actors and perspectives. This research contributes to the "regionology at sea" framework by analyzing the Indian Ocean as a continuous and interconnected maritime space, from the eastern coast of Africa to the western coast of Australia [Ibid].

Established states like India, France, the United States, Australia, Japan, and the United Kingdom live together with more recent newcomers like China, the United Arab Emirates, Saudi Arabia, Turkey, and Russia in the Indian Ocean Region (IOR), which acts as a multipolar maritime theater [Ibid]. Strategic chokepoints function as a maritime lifeline, and the area is economically important, handling roughly eighty percent of global oil exports and supporting over \$6 trillion in annual trade [Mapping ... , 2023; SLOCs ... , 2016]. These geographic vulnerabilities emphasize the significance it is that there are reliable sea lines of communication.

Multinational maritime operations and the Djibouti Code of Conduct have contributed to reducing Somali piracy, but new dangers like drug trafficking and human smuggling, especially off the coasts of South Asia and East Africa, remain present [Who ... , 2024]. A major threat that affects food security, legitimate economic activity, and global organized crime is illegal, unreported, and unregulated (IUU) fishing [Abakode, 2022, p. 288]. Non-traditional maritime safety problems are made harder by environmental risks such as plastic pollution, expanding sea levels, and the potential risks of deep-sea mining [Mapping the Indian Ocean Region, 2023].

As illustrated by initiatives like Marine Spatial Planning and regional fisheries management groups like the Indian Ocean Tuna Commission, the importance of the blue economy necessitates collaborative marine planning and cooperative governance [Annual ... , 2024]. However, peaceful collaboration is still hindered by geopolitical competition and conflicting national interests. Through the deployment of naval forces and the promotion of inclusive frameworks, SAGAR intends to position India as a regional security supplier [India's ... , 2024]. In the meantime, China keeps securing trade and energy lines by constructing a naval base and investing in ports in Djibouti [Maritime ... , 2022]. The United States has contact with smaller littoral states barely although having a presence in Diego Garcia. Although they promote collaboration, security frameworks like IONS, IORA, BIMSTEC, and the Colombo Security Conclave do not offer comprehensive governance [Geopolitics ... , 2023]. Information fusion centers in Singapore, India, Seychelles, and Madagascar have assisted in enhancing Marine Domain Awareness (MDA), however, many small island states continue to struggle with capacity constraints [Mapping ... , 2023].

The growing relationship between environmental and security concerns is demonstrated by how climate change intensifies competition for marine resources, increases migration pressures, and heightens dangers to human security. Such challenges highlight the significance of security frameworks that incorporate environmental and human security into traditional maritime governance models.

The findings of the research support the idea that the Indian Ocean ought to be viewed as a single, connected maritime area. Holistic governance is hindered by traditional geographically based up that divide the ocean into continental regions because they do not capture the dynamic structure of maritime opportunities and threats [Haldar, 2024]. Advocates of “regionology at sea” emphasize the Indian Ocean’s complex identity, which is affected by conflicting political, economic, and environmental variables.

Inclusive governance frameworks that address traditional political disputes and nontraditional challenges like environmental degradation, piracy, and trafficking are essential for comprehensive maritime security. However, the area faces a “security dilemma”, in which deeper cooperation is impeded by mutual mistrust [SLOCs ... , 2016]. Economic interdependence has improved the competitive dynamics between China and India, but they continue to display a Cold War-style strategic rivalry [Geopolitics ... , 2023].

The FAO and UNODC have identified IUU fishing and maritime crimes as significant risks, underscoring the urgent need for improved law enforcement and cross-border information exchange [Mapping the Indian Ocean Region, 2023]. Climate change exacerbates these problems by threatening marine biodiversity and coastal communities. As a result, maritime safety is becoming increasingly linked to the more general goals of sustainability and human security.

Cohesive and inclusive maritime governance must be established immediately, especially in light of the disjointed nature of regional security systems and the development of informal minilateral parties. Promising paths are offered by initiatives such as the Contact Group on Illicit Maritime Activities in the Western Indian Ocean (CGIMA), which integrates the influence of major nations and empowers smaller governments [Who ... , 2024]. Integrating actions across a variety of Indian Ocean stakeholders may be significantly easier with the support of platforms such as IORA, IONS, and BIMSTEC [Mapping ... , 2023].

To examine regional studies in the Indian Ocean, this study emphasizes the importance of using regionology at sea as a theoretical and applied framework. It is easier to understand the region's complicated security issues, economic interdependencies, and geopolitical competition when the Indian Ocean is seen as a single maritime region rather than as a collection of different continental territories. To preserve stability, prosperity, and sustainability within the Indian Ocean Region (IOR), especially in regard to maritime security, this approach highlights the importance of cooperation, competition, and governance [Ibid].

Key findings highlight ongoing issues like piracy, illegal trafficking, IUU fishing, environmental degradation, and geopolitical competition from powerful nations like China, India, and the United States. Existing cooperative frameworks and institutions are valuable, but they lack effectiveness in operation and unity in politics, necessitating more coordination and reforms [Geopolitics ... , 2023; Mapping ... , 2023].

Future research needs to center on the sociopolitical ecology of littoral states and smaller islands, whose agency and vulnerabilities significantly impact the dynamics of maritime security [Mapping ... , 2023]. Additionally, developing stronger and flexible regional frameworks requires investigating the intersections of technological developments in environmental governance, maritime domain awareness, and human security [Ibid]. Enhancing governance will also be assisted by additional studies on informal security architectures as well as how they interact with government agencies [Who ... , 2024].

To address sub-regional silos, the policy recommendations include: (1) enhancing political cohesion around a pan-Indian Ocean regional identity; (2) enhancing maritime surveillance and law enforcement abilities especially in island states; (3) institutionalizing multilateral dialogue mechanisms, like CGIMA, to address traditional and non-traditional security threats; (4) integrating environmental sustainability and blue economy priorities into maritime security poli-

cies; and (5) developing transparent and inclusive regional partnerships that maintain a balance between littoral states' and major powers' interests [Mapping ... , 2023; Contested ... , 2023].

Since maritime security is still vital for preserving the geopolitical stability and financial stability of the Indian Ocean, using the regionology at sea framework is essential for academic study, policymaking, and regional cooperation in the 21st century [Contested ... , 2023].

References

Abakode D. J. The Impact of IUU Fishing on Coastal State Security in the Western Indian Ocean / D. J. Abakode // *African Security Review*. 2022. Vol. 31, N 3. P. 288–305.

Annual Report of the Indian Ocean Tuna Commission (IOTC) / IOTC Secretariat. 2024. URL: <https://iotc.org> (дата обращения: 12.03.2025).

Bueger C., Edmunds T. What is Maritime Security? // *Marine Policy*. 2024. Vol. 153. Art. 105142. DOI: 10.1016/j.marpol.2023.105142.

Contested Waters: Strategic Hotspots in the Indian Ocean // *Modern Diplomacy*. 2023. 15 October. URL: <https://moderndiplomacy.eu> (дата обращения: 12.03.2025).

Geopolitics and Maritime Security in the Indian Ocean / Clingendael Institute. The Hague, 2023. URL: <https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/Geopolitics%20and%20Maritime%20Security%20in%20the%20Indian%20Ocean.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

Haldar S. The Limitations of Institutional Cooperation in the Indian Ocean: A Case Study of IORA and IONS // *Journal of Indo-Pacific Affairs*. 2024. Vol. 7, N 1. P. 45–67.

India's Maritime Security Strategy in the Indian Ocean Region / National Maritime Foundation. 2024. URL: <https://www.natstrat.org/article/detail/publications/india-s-maritime-security-strategy-in-the-indian-ocean-region-159.html> (дата обращения: 12.03.2025).

Mapping Maritime Security in The Indian Ocean / A. Bateman, P. Dutton // *Maritime Security*. 2024. DOI: 10.1080/19480881.2024.2339008

Mapping the Indian Ocean Region / Carnegie Endowment for International Peace. 2023. URL: <https://carnegieendowment.org/2023/06/15/mapping-indian-ocean-region-pub-89971> (дата обращения: 12.03.2025).

Maritime Competition in the Indian Ocean // Carnegie Endowment for International Peace. 2022. 12 May URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2022/05/maritime-competition-in-the-indian-ocean?lang=en> (дата обращения: 15.03.2025).

Sea Lines of Communication (SLOCs) and Security Dilemma in the Indian Ocean / S. Rajagopalan; Observer Research Foundation. 2016 URL: <https://www.orfonline.org> (дата обращения: 12.03.2025).

Who Secures the Western Indian Ocean? The Need for Strategic Dialogue / Center for Maritime Strategy. 2024. URL: <https://centerformaritimestrategy.org/publications/who-secures-the-western-indian-ocean-the-need-for-strategic-dialogue/> (дата обращения: 12.03.2025).

РАЗДЕЛ II

ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 332.14

Д. А. Ананьина

Забайкальский государственный университет, Чита

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КНР: ПОДХОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Аннотация. Рассматриваются подходы к пространственному развитию, применяемые в России и Китае в отношении своих периферийных территорий. Анализируются стратегии по выравниванию пространственного диспаритета, характерного для обеих стран, а также результаты реализуемых политик пространственного развития.

Ключевые слова: пространственное развитие, пространственное сжатие, периферия, приграничные территории.

D. Ananina

Transbaikal State University, Chita

SPATIAL DEVELOPMENT OF PERIPHERAL TERRITORIES IN THE RUSSIAN FEDERATION AND CHINA: APPROACHES AND RESULTS

Abstract. The article examines approaches to spatial development applied in Russia and China in relation to their peripheral territories. The aim of the article is a comparative analysis of strategies for leveling the spatial disparity characteristic of both countries. The results of the implemented spatial development policies are also subject to comparison.

Keywords: spatial development, spatial compression, periphery, border areas.

Пространственное неравенство свойственно в той или иной мере большинству стран мира, однако существенное влияние на характер хозяйственной деятельности фактор неравенства оказывает на страны с протяженными территориями, к числу таковых относятся главным образом Россия и Китай. Обширные территории представляют собой, с одной стороны, существенное преимущество, а с другой – огромные затраты на освоение, интеграцию в хозяйственную деятельность страны, а также на поддержание необходимого уровня жизни, как правило, немногочисленного населения этих территорий. В России, как и в Китае, центры экономического роста сконцентрированы в нескольких точках; в России это сто-

личные агломерации (Москва, Санкт-Петербург + области), добывающие нефтегазовые регионы (ХМАО, ЯНАО, Татарстан). В Китае к таковым относятся провинции Гуандун, Цзянсу, Шаньдун, Чжэцзян, Хэнань и Сычуань, преимущественно расположенные в юго-восточной части страны.

В обеих странах агломерационный эффект регионов-лидеров распространяется на ближайшие территории, однако, по мере удаления от «жерла вулкана» (модель Гирша) этот эффект затухает. Таким образом, периферийные регионы оказываются изолированными от центров экономического роста, что влечет за собой технологическое и инновационное отставание, ухудшение качества жизни, миграцию населения в более благоприятные регионы и, как следствие, пространственное сжатие. Как представляется, законы пространственного сжатия универсальны и реализуются в пространстве примерно по одному и тому же сценарию («Ржавый пояс» в США, «Стальной пояс» в Великобритании), однако меры, принимаемые государством по сглаживанию пространственного диспаритета, могут варьироваться. В России проблема пространственного неравенства вызывает пристальное внимание политиков, научной общественности и широкой публики. Очередным раундом, актуализировавшим возобновление дискуссии, заданной с 2014 г. официальной риторикой «разворота на Восток», является возвращение в публичное пространство темы «опустения» восточных рубежей страны.

Точкой отсчета, запустившей цепную реакцию пространственного сжатия, явился распад СССР, после чего начался длительный инерционный процесс деградации восточных регионов страны. На сегодняшний день картина такова, что Дальневосточный Федеральный округ (ДФО) занимает 41,1 % территории страны, при том что его население составляет 5,4 % от населения Российской Федерации. Вклад ДФО в ВВП страны составляет от 5 до 6 %, при этом доля ДФО в промышленном производстве страны составляет 5 %, а обрабатывающей промышленности – 3 % [Социально-экономический ..., 2024, с. 23–26]. Доминирование добывающей промышленности в ВВП макрорегиона говорит о том, что экономика Дальнего Востока (ДВ) продолжает иметь экстрактивный характер, а диверсификация и наращивание цепочек добавленной стоимости (на развитие которых направлены многочисленные программы развития) незначительны.

Очевидно, что столь длительный, формируемый не одно десятилетие инерционный процесс пространственного сжатия на ДВ требует ревизии подходов к пространственному развитию этого макрорегиона. С этой целью на государственном уровне принимается ряд программ [О территориях ..., 2014; Об утверждении ..., 2017; О мерах ..., 2020 ; Об утверждении ..., 2020]. В качестве основной цели декларируются создание условий опережающего экономического развития в регионах ДФО, повышение качества жизни и снижение миграционного оттока. Однако помимо пред-

принимаемых усилий и направляемых ресурсов государства за скобками, по мнению ряда авторов, остается рефлексия их эффективности. В частности С. В. Дорошенко, Р. И. Васильева, В. П. Литвинец отмечают, что эффективность госпрограмм неравномерна и варьируется с высокой (регионы, где изначально существовали «точки роста») до низкой (депрессивные регионы) [Дорошенко, Васильева, Литвинец, 2024]. Авторы приходят к выводу, что в руководящих стратегических документах недостаточно проработан таргетированный подход, учитывающий бэкграунд отдельного региона, его специфику, а, следовательно, и применяемый механизм развития. Е. Б. Веприкова и А. А. Кисленок также указывают на эффекты пространственного сжатия, которые проявляются в «растворении» эффективности госпрограмм в связи с нивелированием позитивных изменений в одних регионах депрессивностью в других [Веприкова, Кисленок, 2023]. Однако, несмотря на имеющиеся «пробуксовки» в оценке эффективности программ развития, ДВ продолжает репрезентироваться в публичном пространстве как «территория вечного освоения, непрерывный процесс которого состоит из множества общерегиональных и локальных проектов развития» [Потенциальный ... , 2024, с. 21].

В Китае проблема пространственного неравенства стоит также весьма остро и ее решение представляет собой одну из ключевых задач Коммунистической партии Китая. В ходе исторических преобразований КНР пространственное стратегирование также эволюционировало с форсированной индустриализации после 1949 г. при Мао, привлечения иностранных инвестиций и создания особых экономических зон при Дэн Сяопине и провозглашенных им «реформ и открытости» [Абудемалеке, 2025, с. 78]. Далее Цзян Цзэминь в период своего правления ведет работу по снижению регионального неравенства между приморскими и центральными провинциями, расположенными вдоль рек Янцзы и Хуанхэ, и, наконец, Ху Цзиньтао, обозначив необходимость сокращения разрыва между развитым Юго-Востоком и депривированным Северо-Востоком, инициирует формирование стратегии возрождения последнего, а следом и создание соответствующей нормативно-правовой базы. Следующим этапом реализации стратегии явился План возрождения Северо-Востока, конкретизировавший основные ее положения [Ставров, 2017, с. 76]. Также развитию Северо-Востока посвящены отдельные части 11-го, 12-го, 13-го и 14-го планов социально-экономического развития КНР. В 11-м плане главными задачами заявляются реструктуризация экономики, привлечение частных инвестиций в государственные предприятия. В 12-м – диверсификация экономики, развитие высокотехнологичных отраслей, углубление реформ госпредприятий. В 13-м намечаются продолжение модернизации традиционной для региона тяжелой промышленности, поддержка сельского хозяйства и интеграция в инициативу «Один пояс – один путь», также существенное зна-

чение придается преодолению экологических последствий индустриализации. 14-я пятилетка задает темп развитию северо-восточных районов на основе высокотехнологичных производств и инноваций, которые должны проникать во все сферы хозяйственной деятельности, включая энергетику (снижение зависимости от угля), агротехнологии и т. д. Таким образом, прослеживается динамика в целеполагании государства, которая соотносится с постепенной трансформацией экономики Северо-Востока с экстенсивных способов производства на интенсивные, использующие наукоемкие технологии и повышающие тем самым глубокую переработку.

Результатом реализации принятых руководящих документов явились следующие показатели (табл.).

Таблица

Динамика ВВП по провинциям Северо-Востока Китая (млрд юаней)¹

Провинция	2018	2019	2020	2021	2022
Хэйлунцзян	12846,5	13544,4	13633,4	14858,2	15901,0
Ляонин	23510,5	24855,3	25011,4	27569,5	28975,1
Цзилинь	11253,8	11726,8	12256,0	13163,8	13070,2

Приведенные данные демонстрируют рост ВВП во всех трех провинциях, однако их суммарный вклад в ВВП страны варьируется в границах 5 %, что связано с усиливающейся межрегиональной конкуренцией, где главным критерием успешного развития в нынешнюю эпоху становятся инновации и высокотехнологичные производства. При существенном отставании региона от национальных лидеров, в отношении Северо-Востока продолжается последовательная политика по модернизации имеющегося промышленного комплекса и созданию новых наукоемких отраслей, среди которых стратегическое значение имеют инновационное сельское хозяйство и животноводство.

Резюмируя сказанное, следует отметить, что ДФО в России и Северо-Восток в Китае имеют ряд схожих характеристик: оба макрорегиона являются периферийными, со сложными природно-климатическими условиями, низкой плотностью населения, оба удалены от национальных центров экономического развития. В отношении обоих регионов на государственном и региональном уровнях вырабатываются стратегии развития, модернизации экономики, интеграции в общую систему хозяйствования. Однако разительно отличаются подходы по реализации этих программных документов. В Китае отдельные положения и шаги реализации стратегии конкретизируются в пятилетних планах социально-экономического развития КНР, где северо-восточным провинциям уделяется отдельное внимание. Существенным преимуществом, на наш взгляд, является то, что после

¹ Составлено автором на основе данных статистических бюллетеней, опубликованных Статистическими бюро провинций Хэйлунцзян, Ляонин и Цзилинь.

окончания очередной пятилетки ее результаты подвергаются глубокой рефлексии на предмет успешности (или неуспешности) достижения заявленных показателей. Детальный анализ достижений, провалов предыдущего периода ложится в основу формирования нового плана, что создает последовательную систему регионального стратегирования, повышая тем самым ее эффективность. В практике управления Дальним Востоком, по нашему мнению, отсутствует механизм преемственности в формировании программ развития: по сути, новая инициатива создается «с чистого листа», часто игнорируя предыдущий опыт (советский, постсоветский), благодаря чему эти программы зачастую оказываются «бесплотными» и реализуются, как правило, «на бумаге». Также существенными недостатками являются отсутствие ревизии результатов программ развития, окончивших свое действие, и подведения промежуточных итогов действующих, что позволило бы сопоставить «ожидания» и «реальность». Подобные исследования проводятся отдельными научными школами, но насколько выводы и рекомендации экспертного сообщества учитываются при разработке и принятии программ развития, сказать сложно. В этом смысле исследование опыта управления пространственным развитием в Китае представляет значительный теоретический и практический интерес.

Литература

Абудемалеке А. Анализ опыта Китая в разработке долгосрочных региональных социально-экономических стратегий // Стратегирование: теория и практика. 2025. Т. 5, № 1. С. 75–87. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2025-5-1-75-87>

Веприкова Е. Б., Кисленок А. А. Пространственное развитие Дальневосточного макрорегиона: роль городов // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 32–46. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-32-46>.

Дорошенко С. В., Васильева Р. И., Литвинцев В. П. Государственная программа развития Дальнего Востока и ее эффективность для регионов // Проблемы прогнозирования. 2024. № 2 (203). С. 113–124. DOI: 10.47711/0868-6351-203-113-124.

О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока : Указ Президента РФ от 26 июня 2020 г. № 427. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006260029> (дата обращения: 10.05.2025)

О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2014 г. № 473-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39279> (дата обращения: 01.05.2025).

Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 г. № 1298-р. URL: <http://government.ru/docs/28228/> (дата обращения: 15.05.2025).

Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года : фч распоряжение Правительства РФ от 24 сент. 2020 г. № 2464-р. URL: <https://docs.cntd.ru/-document/565853199#6520IM> (дата обращения: 07.05.2025).

Потенциальный Дальний Восток. Как расцветают и угасают проекты развития в самом большом регионе России / А. Е. Савченко, Т. Н. Журавская, С. А. Иванов, И. Ю. Зуенко, Н. П. Рыжова. М. : Common Place: Фонд поддержки соц. Исслед. «Хамовники», 2024. 320 с.

Социально-экономический профиль Дальнего Востока. Восточный центр государственного планирования, 2024. 36 с.

Ставров И. В. Возрождение Северо-Восточного Китая в программных документах Пекина в начале XXI в. // Россия и АТР. 2017. № 4(98). С. 69–87.

УПРАВЛЕНИЕ ПРЯМЫМИ ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Анализируются процессы иностранного инвестирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Приводится рейтинг наиболее привлекательных для инвестирования стран, анализируются причины инвестиционной привлекательности региона. Изучаются сферы иностранного капиталовложения и их влияние на экономику и развитие изучаемого региона. Отдельное внимание уделено географии источников инвестиций, включая роль США в этой системе.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, развивающиеся страны, иностранные инвестиции, региональное развитие, региональное управление.

E. Veryuzhskaya, E. Gavrilova

Irkutsk State University, Irkutsk

FOREIGN INVESTMENT MANAGEMENT IN THE DEVELOPING COUNTRIES OF THE ASIA-PACIFIC REGION

Abstract. The article is devoted to the analysis of the processes of foreign investment in the Asia-Pacific region. The rating of the most attractive countries for investment is given, the reasons for the regional investment attractiveness are analyzed. The study also focuses on the foreign investment areas and their impact on the economy and development of the region. Special attention is paid to the geography of investment sources, including the role of the United States in this system.

Keywords: Asia-Pacific region, developing countries, foreign investment, regional development, regional management.

Иностранные инвестиции играют важную роль в развитии национальных и региональных экономик: с увеличением объема и интенсивности инвестиционных процессов растут и совершенствуются торгово-экономические связи, расходы на научно-исследовательские работы, повышаются продуктивность экономических агентов и результативность экономической политики государства.

Иностранные инвестиции остаются основным внешним источником финансирования экономик развивающихся стран в сравнении с портфельными инвестициями, переводами физических лиц из третьих стран и межгосударственной помощью.

Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) – это перемещение капитала из одной страны в другую. Типичный пример ПИИ – это компании, которые строят заводы за рубежом или инвестируют в разработку нефтяных месторождений.

Прямые иностранные инвестиции могут помочь странам достичь многих важных целей для своего населения, таких как сокращение масштабов голода, бедности и безработицы, а также улучшение образования, окружа-

ющей среды, условий жизни, обеспечение мира и справедливости. Прямые иностранные инвестиции являются ключом к достижению странами целей в области устойчивого развития, таких как ликвидация голода, нищеты, улучшение здоровья и благополучия населения, обеспечение качественного образования и поддержание мира и справедливости [Radcliffe].

Иностранные инвестиции в стратегические секторы в Азии продолжают расти, при этом среди секторов инвестирования лидируют телекоммуникации и инфраструктура 5G, а также переход к зеленой энергетике.

Без учета КНР, прямые иностранные инвестиции в развивающиеся страны Азии, которые объединяют 45 экономик, значительно выросли в 2023 г. Среди этих экономик Гонконг, Сингапур и Индия были ведущими направлениями (рис.). Поскольку такие экономики, как Малайзия, Филиппины и Таиланд, становятся более конкурентоспособными, в последние годы они также имеют тенденцию к привлечению дополнительных инвестиций [Foreign ...].

Asia ▾

Countries ▾ ▾	Foreign Direct Investment, billion dollars, 2023 ▾ ▾	Global rank ▾ ▾	Available data ▾ ▾
Singapore	175.24	1	1970 - 2023
Hong Kong	111.11	2	1970 - 2023
India	28.08	4	1970 - 2023
UA Emirates	22.33	5	1970 - 2023
Indonesia	22.09	6	1970 - 2023
Japan	19.98	7	1970 - 2023
Vietnam	18.5	8	1970 - 2023
South Korea	15.18	9	1970 - 2023
Israel	15.11	10	1970 - 2023
Oman	12.49	11	1970 - 2023
Saudi Arabia	12.32	12	1970 - 2023
Philippines	9.12	13	1970 - 2023
Malaysia	7.92	14	1970 - 2023
Thailand	6.52	16	1970 - 2023
Cambodia	3.96	18	1970 - 2023

Рис. Рейтинг азиатских стран по количеству привлечения прямых иностранных инвестиций за 2023 г. (млрд долл.)

Азиатско-Тихоокеанский регион остается популярным направлением для инвесторов, тенденции прямых иностранных инвестиций отражают сильные стороны региона.

В 2024 г. в сфере коммуникаций наблюдался один из самых значительных приростов прямых иностранных инвестиций – на 69 % до 40 млрд долл., что сделало ее вторым по величине сектором после возобновляемых

источников энергии с 58 млрд долл. Международные инвесторы отдают предпочтение Азиатско-Тихоокеанскому региону из-за роста внутреннего рынка и близости к потребителям.

Общий приток прямых иностранных инвестиций в Азиатско-Тихоокеанский регион в 2024 г. сократился на 14 % после рекордно высоких показателей 2023 г. Прямые иностранные инвестиции в климатические отрасли продолжают расти, опережая угольную, нефтяную и газовую отрасли, инвестиционный поток в которые снижается.

Индия стала крупнейшим в регионе направлением для прямых иностранных инвестиций в 2024 г., привлекая 76 млрд долл., в основном за счет проектов в сфере полупроводников и возобновляемых источников энергии. Также подчеркивается растущая роль внутрирегиональных инвестиций, особенно в высокотехнологичных отраслях, таких как производство полупроводников и центров обработки данных [Asia-Pacific ...].

ПИИ, направленные на повышение эффективности, сыграли важную роль во включении Азии в глобальные производственно-сбытовые цепочки, создании рабочих мест и технологической модернизации. Стремление к эффективности прямых иностранных инвестиций может повысить квалификацию менеджеров, производительность и действенность в местных отраслях промышленности. Помимо этого, ПИИ, направленные на повышение эффективности, на экономическом уровне также могут помочь усовершенствовать политику по расширению этого вида инвестиций, которая может включать инвестиционные стимулы (налоговые льготы, субсидии или другие финансовые стимулы), развитие местной инфраструктуры, упрощение нормативных актов, а также поддержку локальных технологий и инноваций.

В то время как выгоды от увеличения прямых иностранных инвестиций в поисках рынков сбыта для принимающих стран менее очевидны, страны региона могут стремиться направить эти инвестиции на удовлетворение своих потребностей. Страны могут отдавать предпочтение прямым иностранным инвестициям, ориентированным на рынок, по нескольким причинам. Это может способствовать созданию более диверсифицированной промышленной базы. Часто это связано с местными операциями, которые могут создавать больше рабочих мест, чем инвестиции, ориентированные на эффективность, которые, как правило, в большей степени сосредоточены на технологиях и автоматизированных процессах. Это также может способствовать адаптации технологий и методов управления к потребностям рынка и развитию долгосрочных деловых отношений. Для этого важно определить политику, которая создает условия для привлечения прямых иностранных инвестиций, ориентированных на рынок.

Это включает в себя, помимо прочего, расширение торговых соглашений и снижение тарифов, соблюдение законов и нормативных актов о за-

щите прав потребителей и интеллектуальной собственности, обеспечение честной конкуренции между отечественными и зарубежными поставщиками, а также предоставление соответствующих отраслевых стимулов [Liang, 2017, p. 140].

Камбоджу относят к одной из наименее развитых стран мира, однако, в то же время, одной из самых быстрорастущих экономик. Хотя страна и не имеет официального документа, определяющего стратегию или план регионального развития, деятельность в данной области имеет широкое развитие в настоящее время. В стране действует Совет по развитию Камбоджи (the Council for the Development of Cambodia), главной целью которого является привлечение зарубежных инвестиций. Правительство страны серьезно подходит к разработке деятельности данного ведомства. Создан сайт, на котором подробно представлена вся информация для инвесторов и, что немаловажно, постоянно публикуются местные законы об инвестициях, которые регулируют данный процесс. Здесь важно отметить, что государство таким образом подключает социальную направленность, повышает уровень жизни населения. Так, в некоторых пунктах отмечается, что рабочую силу на предприятиях преимущественно должны составлять граждане Камбоджи, а также им должны предоставляться достойная оплата труда, льготы и, в определенных случаях, жилье и транспорт. На наш взгляд, подобные действия государства могут являться хорошей основой для дальнейшей эволюции регионального развития [Law on investment, 2021].

Помимо этого следует отметить, что в настоящий момент Соединенные Штаты Америки играют важную роль в становлении устойчивого социального и экономического развития Камбоджи путем финансирования отдельных отраслей. Страны подписали соглашение The Development Objective Agreement Grant, определяющее сумму, которая должна быть направлена на развитие проектов в области сельского хозяйства, экологии, здравоохранения и образования [The Signing ...].

Затрагивая роль США в области ПИИ, считаем необходимым отметить тот факт, что в 2024 г. именно Соединенные Штаты Америки выделили наибольшее количество средств, которые были направлены на инвестирование развивающихся стран Азиатско-Тихоокеанского региона [Radcliffe]. География американских зарубежных инвестиций весьма обширна. Основными странами приложения американских ПИИ, входящими в АТР, являются Япония, Сингапур, Австралия, Канада. Также американские инвестиции направляются в такие страны, как Бразилия, Мексика и другие развивающиеся страны и страны с переходной экономикой.

Таким образом, можно отметить тенденцию к возрастанию иностранного инвестирования в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Основные сектора инвестирования – телекоммуникации и инфраструктура 5G, а также зеленая энергетика. Значимость процесса инвестирования для реги-

она состоит в предоставлении развивающимся странам возможности укреплять экономику, делая ее более конкурентоспособной, развивать инфраструктуру, поддерживать развитие локальных инноваций, развивать международные экономические связи, способствуя устойчивому развитию отдельных стран и региона в целом.

Литература

Asia-Pacific Trade and Investment Briefs 2024/5: Regional growth outperforms global average. URL: <https://www.unescap.org/news/asia-pacific-trade-and-investment-briefs-20245-regional-growth-outperforms-global-average> (дата обращения: 08.05.2025).

Foreign Direct Investment, billion dollars – Country rankings. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/fdi_dollars/Asia/ (дата обращения: 07.05.2025).

Law on Investment of the Kingdom of Cambodia: Institutional document. 2021. 12 p.

Liang F. H. Does foreign direct investment improve the productivity of domestic firms? Technology spillovers, industry linkages, and firm capabilities // Research Policy. 2017. Vol. 46, N 1. P. 138–159.

Radcliffe B. A Look into Foreign Direct Investment Trends. URL: <https://www.investopedia.com/articles/investing/030813/look-foreign-direct-investment-trends.asp> (дата обращения: 08.05.2025)

The Signing of the Development Objective Agreement Grants Between the Royal Government of Cambodia and the Government of the United States of America. URL: <http://cdc-crdb.gov.kh/en/pressview.php?id=118> (дата обращения: 07.05.2025).

УДК 008

Гао Юй

Забайкальский государственный университет, Чита

КОНЦЕПТ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ

Аннотация. Анализируются исследования локализации теории человеческого капитала китайскими учеными после проведения политики реформ и открытости. Внимание фокусируется на определении концепции, характеристиках прав собственности, анализе текущей ситуации и механизме экономического роста, подчеркивается центральная роль инвестиций в образование и дается теоретическая справочная информация для оптимизации распределения человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, характеристики прав собственности, инвестиции в образование, экономический рост, китайские ученые.

Gao Yu

Transbaikal State University, Chita

THE CONCEPT OF “HUMAN CAPITAL” IN THE RESEARCH OF CHINESE SCIENTISTS

Abstract. This article systematically analyzes research on the localization of human capital theory by Chinese scientists after the implementation of a policy of reform and openness, focuses on defining the concept, characteristics of property rights, analyzing the current situation and the mechanism of economic growth, emphasizes the central role of investment in education and provides theoretical background information for optimizing the distribution of human capital.

Keywords: human capital, characteristics of property rights, investment in education, economic growth, Chinese scientists.

С тех пор как теория человеческого капитала была заложена Теодором Шульцем и Гэри Беккером в 1960-х гг., после полувека теоретической эволюции и методологических инноваций, она постепенно стала важной парадигмой анализа экономического роста. Исследование этой теории в китайских академических кругах началось с реформы и открытости в 1978 г. и продолжало углубляться с трансформации рыночной экономики.

По состоянию на 2020 г. база данных CNKI включала уже более 120 тыс. источников с ключевым словом «человеческий капитал», из которых 68,3 % приходилось на экономическую сферу, сформировав полное представление об исследованиях, включая фундаментальную теорию, методологический анализ и обращение к политическим концептам.

Опираясь на западные теории, которые сочетались с местными академическими исследованиями, отражающими проблемы социальной среды, китайские ученые провели инновационные исследования концептуальной коннотации человеческого капитала, акцентировав внимание на права собственности, проанализировав сущность экономической ценности, создали аналитическую основу понимания человеческого капитала с китайской характеристикой.

Китайские ученые в целом принимают классическое определение Шульца о «знаниях, способностях и здоровье, воплощенных в человеческом теле», но далее строят иерархическую модель, чтобы прорваться сквозь гипотезу однородности западной теории. Чжоу Кунь обращается к трактовке дуализма на начально-высшем уровне, предположив, что человеческий капитал имеет иерархический переход, где первичная форма выражается в опыте физического труда и базовых навыках, в то время как высшая форма указывает на «интеллектуальный капитал», т. е. на инновационный потенциал, стимулируемый образованием. Эта теория, по его утверждению, проверяется путем построения производственной функции CES, и коэффициент эластичности продвинутого человеческого капитала в наукоемких отраслях достигает 0,78, что эффективно объясняет явление растущей доходности [周坤, 1997, р. 33].

Чжан Чевэй, анализируя теории Дин Дунхуна, отмечает, что он предложил классификацию гетерогенно-однородного типа человеческого капитала. Дин Дунхун ввел динамическую перспективу и использовал предельный анализ, чтобы доказать, что гетерогенный человеческий капитал (например, предпринимательский талант) обладает мультипликативным эффектом и является основной движущей силой экономических преобразований [张车伟, 2006, р. 80].

А обращаясь к результатам исследований Ли Цзяньмина, Чжан Чевэй указывает, что он, предложив диалектическое единство индивидуума и группы, отметил, что построение двумерной структуры под руководством теории систем раскрывает механизм микро-макропреобразования человеческого капитала. Он представляет уже микроиндивидуальный слой и совокупность элементов экономической ценности, приобретенных индивидом, которые представляют четырехмерный синтез: капитал знаний, технологий, способностей и здоровья. Поэтому у него национальная рабочая сила представляет уже определенный уровень взаимообусловленности макрогруппы и капитала. В итоге это представляет не простое суммирование, а «структурированный капитал», который оформляется путем институциональной интеграции [张车伟, 2006, р. 76–77]. Например, побочный эффект знаний, создаваемый кластерами высококвалифицированной рабочей силы, может повысить полезность человеческого капитала на 17–23 %, что подтверждается тематическим исследованием Шэньчжэньского парка высоких технологий [张车伟, 2006, р. 77].

Западные теории долгое время игнорировали изучение влияния прав собственности на человеческий капитал. Китайские ученые заполнили этот пробел, обратившись к социалистической рыночной экономической системе. Ли Цзяньминь предложил рассматривать принадлежность к человеческому капиталу, подчеркнув, что суть прав собственности на человеческий капитал является «пакетом собственности на знания и навыки» человека, включая право на использование, распоряжение и доход. Особенность его теории состоит в том, что носитель (производитель собственности) и имеющий права на собственность неразделимы [李建民, 1997, р. 63]. В этом проявляется особое философско-антропологическое понимание человеческого капитала.

В своем исследовании Ли Цзяньминь обращается к Чжан Вэйин, который с точки зрения корпоративного управления выдвинул новаторскую теорию: «права собственности на человеческий капитал определяют распределение собственности на предприятие» [李建民, 1997, р. 65–66], используя модель теории игр, чтобы продемонстрировать, что специфика человеческого капитала (*asset specificity*) выше, чем физический капитал.

Ученый Чжоу Цирен выдвинул две основные характеристики прав собственности на человеческий капитал посредством тематического исследования реструктуризации государственных предприятий.

1. Естественная личная частная собственность: даже если закон принадлежит к передаче права собственности, фактический контроль все еще принадлежит физическому лицу. Это говорит о том, что принудительное разделение технического персонала приводит к снижению эффективности человеческого капитала.

2. Саморазрушение: когда права собственности ущемляются, человеческий капитал может активно обесцениваться (например, пассивный труд) или даже обнуляться (например, потеря здоровья) [周其仁, 1996, p. 72].

Ли Цзяньминь к этой характеристике добавляет еще парадокс диверсификации собственности. Он отметил, что государство и предприятия могут формировать номинальную собственность на инвестиции в человеческий капитал, но конфликт интересов между «несущим владельцем» (частным лицом) и «законным владельцем» может привести к потере эффективности инвестиций. Опираясь на результаты исследований, Ли Цзяньминь отмечает, что доходность от обучения без отрыва от производства на государственных предприятиях на 19 % ниже, чем на частных предприятиях [李建民, 1997, p. 68]. Это подтверждает конкретный пример. Компания Huawei внедряет программу, которая учитывает единицы затраченного времени, передавая часть собственности сотрудникам в обмен на непрерывные вложения человеческого капитала, в результате чего увеличились количество патентов и эффективность труда [华为年报, 2021].

Обращение внимания на человеческий капитал становится научной тенденцией в Китае. Так, например, Юй Яньган еще в конце XX в. критически относился к тенденции «уделять больше внимания вещам, чем людям». Он опирался на данные инвестиций, которые вкладывались в основной капитал (28,5 %) и в систему образования (9,3 %). Это говорит о том, что доля инвестиций в человеческий капитал долгое время была ниже, чем в капитал [余雁刚, 1999, p. 51].

Следствием этого стал отток талантов, носителей умственных знаний, так как коэффициент возвращения иностранных студентов к началу XXI в. составил менее 23 %, что привело к прямым потерям человеческого капитала в размере около 120 млрд долл. США (эквивалентно 18 % финансовых вложений в образование за тот же период) [夏业良, 2000, p. 88].

Исследователи уже не раз отмечали, что образование и экономика тесно взаимосвязаны. Этот фактор проявлялся и в отношении человеческого капитала, представленного городским и сельским населением. Система регистрации населения ограничивала свободное перемещение рабочей силы, что приводило к разнице в доходности человеческого капитала между городскими и сельскими районами, а затраты на мобильность снижали эффективность труда. По результатам исследований ученые получили подтверждение об эффекте инвестиций в образование [沈利生, 2009, p. 93–94].

Шэнь Лишэн, опираясь на модель доходности образования, которая доказала, что увеличение продолжительности обучения увеличивает не только личный доход, но и доходность высшего образования, обосновал, что каждый 1 % увеличения инвестиций в образование может привести к

росту ВВП на 0,38 %, тем самым возложил на образование роль в процессе формирования человеческого капитала [沈利生, 2009, p. 94].

Секьюритизация человеческого капитала как пограничная область финансовых инноваций полностью меняет традиционный способ реализации ценности талантов, превращая нематериальный капитал, такой как индивидуальные или групповые знания, навыки и инновационные способности, в торговые финансовые продукты. Это не только расширяет каналы реализации ценности талантов, но и предоставляет новые классы активов для рынка капитала. Когда в условиях рыночной экономики образование приобретает свойство товара, то инновационная практика переходит от теоретической концепции к масштабному применению и формирует уникальный путь в поисках локализации в Китае.

Это подтверждает и конкретный пример. Продукт ABS «Кредит талантов» в индустриальном парке Сучжоу является новаторской попыткой секьюритизации человеческого капитала. Он использует право на будущий доход талантов высокого уровня в качестве базового актива и выпускает секьюритизированные продукты через специальную программу. Его основной механизм работы заключается в том, что парк предоставляет признанным «ведущим специалистам в области науки и техники озера Цзиньцзиху» кредит в размере до 15 млн юаней, процентная ставка по которому значительно ниже средней рыночной. Это формирует стабильный пул кредитных активов. Затем финансовые учреждения структурируют эти кредиты и выпускают иерархические продукты ABS, по которым процентная ставка по приоритетным ценным бумагам ниже, чем по корпоративным долговым обязательствам за тот же период, что эффективно снижает стоимость их финансирования [苏州 工业园区关, 2024]. Институциональная поддержка этой инновационной модели заключается в многоуровневом механизме распределения рисков, созданном в провинции Цзянсу.

Стоит добавить, что академические круги Китая провели углубленное обсуждение методов измерения человеческого капитала. Более чем за 30 лет систематических исследований китайские ученые успешно построили локализованную систему его исследований, которая включала фундаментальные теоретические инновационные разработки, обоснование механизмов политических инструментов, оптимизацию практической проверки. Это способствовало повышению уровня национальной культурной стратегии.

Сегодня Китай стремится построить общество, основанное на знаниях, поэтому развитие научных исследователей имеет решающее значение. Хуан Цювэнь, анализируя потенциал китайской науки, пишет, что в процессе исследований ученые пришли к выводу, что на индивидуальном уровне человеческий капитал и социальный капитал оказывают значительное положительное влияние на инновационное развитие страны. Не остается без внимания и образование. Ли Цзюнь пишет, что в течение мно-

гих лет академическое сообщество спорит о роли инвестиций в человеческий капитал в форме образования. Главная проблема дебатов состоит в решении вопроса: повысит ли образование производительность рабочей силы или просто сыграет сигнальную роль в предоставлении определенных ненаблюдаемых возможностей? Результаты эмпирического исследования показывают, что высшее образование не только улучшает готовность и способность искать и обрабатывать информацию (тем самым повышая производительность), но и играет сигнальную роль в предоставлении определенных возможностей [李军, 2010, 66–67]. Таким образом, вопросы человеческого капитала остаются в поле научных исследований, и китайская академическая наука, опираясь на результаты социологических исследований, выстраивает новые модели, анализируя действующие, в поисках оптимального решения вопроса о роли человеческого капитала как в развитии экономического, так и социального баланса общества.

Литература

- 李建民. 人力资本产权特征分析. [J]. 经济研究, 1997(5):63–69.
- 李军. 人力资本理论还是信号理论? [J]. 大珠三角论坛. 2010 年第 1 期: 66–85
- 苏州工业园区关于深入实施“金鸡湖人才计划”推进建设开放创新的世界一流高科技园区的若干意见》: 苏园工 (2024) 213 号 URL: https://tsc.sipac.gov.cn/epservice/techsub/Apps/psp/index.php?s=/Home/PolicySearch/policydetail/id/111444/query_value1/country/orderway/timenode/i/3 (дата обращения: 15.03.2025).
- 夏业良. 智力外流的经济分析. [J]. 世界经济文汇, 2000(4):87–92.
- 张车伟. 人力资本回报率变化与收入差距. [J]. 经济研究, 2006(12):76–83.
- 华为年报. 华为投资控股有限公司. 2021 年年度报告. [J]. 深圳: 华为出版社, 2021 年.
- 周坤. 论人力资本的特征及其价值实现. [J]. 中国科技论坛, 1997(3):32–35.
- 周其仁. 市场里的企业: 一个人力资本与非人力资本的特别合约. [J]. 经济研究, 1996(6):71–79.
- 沈利生. 教育投入对经济增长的贡献. [J]. 数量经济技术经济研究, 2009(7):93–98.
- 余雁刚. 人力资本投资的市场失灵. [J]. 财经研究, 1999 (2):49–54.

В. Г. Дацышен

Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр СО РАН»,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Красноярск

ПИК СОТРУДНИЧЕСТВА НА ЗАКАТЕ ДРУЖБЫ. КИТАЙСКИЕ СТАЖЕРЫ В ИРКУТСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация. Рассматриваются советско-китайские отношения 1960-х гг. и феномен китайской учебной миграции в Восточной Сибири. Показывается, что в 1950-е гг. учебная миграция регион практически не затронула, а первые китайские аспиранты появились в ИГУ лишь в начале 1960-х. Отмечается, что массовый прием китайских студентов в ИГУ пришелся на середину 1960-х, период сворачивания советско-китайского сотрудничества. Делается вывод, что этот опыт, отличавшийся от предыдущих практик, предопределил особенности новой волны китайской учебной миграции, начавшейся в конце 1980-х гг.

Ключевые слова: советско-китайское сотрудничество, учебная миграция, китайские стажеры в Восточной Сибири, Иркутский государственный университет.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Антропология культурного наследия китайской миграции в регионах России», проект № 25-28-01086.

V. Datsyshen

Krasnoyarsk Scientific Center SB Institute of Demographic Research
FCTAS RAS, Krasnoyarsk

THE PEAK OF COOPERATION AT THE TWILIGHT OF FRIENDSHIP. CHINESE TRAINEES AT IRKUTSK STATE UNIVERSITY

Abstract. The article examines Soviet-Chinese relations in the 1960s and the phenomenon of Chinese academic migration in Eastern Siberia. In the 1950s, academic migration barely affected the region. The first Chinese postgraduate students appeared at ISU only in the early 1960s. Notably, the mass admission of Chinese students to ISU occurred in the mid-1960s, a period of declining Soviet-Chinese cooperation. This experience, which differed from previous practices, predetermined the characteristics of a new wave of Chinese academic migration that began in the late 1980s.

Keywords: Soviet-Chinese cooperation, academic migration, Chinese trainees in Eastern Siberia, Irkutsk State University.

Российско-китайское сотрудничество в сфере образования является важнейшей составляющей взаимодействия между двумя народами и странами уже около полутора веков. В конце XIX в. первые китайцы поехали учиться в вузы Санкт-Петербурга. Вскоре ученики из Китая появились в дальневосточных и сибирских учебных заведениях. В Восточной Сибири в первую очередь это были монголы, также представители других национальностей, например в 1906 г. в Иркутское горное училище приняли на учебу тибетца Тугден-Намхай [Дацышен, 2008, с. 345]. Новое содержание китайская учебная миграция приобрела в 1920-х гг., в Москве и Владивостоке даже появились учебные заведения для китайцев. Появившиеся в то время планы организации в Иркутске центра коммунистического образования китайцев – открытия отделения Коммунистического университета

народов Востока – реализованы не были [У истоков федерализма ..., 2022, с. 345]. Особым периодом истории китайской учебной миграции в России стали 1950-е – нач. 1960-х гг., когда в советских вузах прошли обучение более 11 тыс. студентов, аспирантов и стажеров из КНР [Ларин, 2009, с. 143]. Завершающим этапом стало время сворачивания сотрудничества в первой половине 1960-х гг., когда в советских университетах еще оставались китайцы, но счет их шел не на тысячи, а на десятки человек.

Данная работа посвящена истории обучения китайцев в Иркутском государственном университете в 1965–1966 гг., рассматриваемой на общем фоне советско-китайского сотрудничества в сфере образования и сотрудничества Иркутской области с Китаем в 1950–1960-х гг. Актуальность исследованию придает тот факт, что именно Иркутск был последним советским городом, куда китайцы приехали на учебу в высшее учебное заведение. При этом стажировка китайцев в ИГУ в 1965–1966 г. по форме и содержанию не имела аналогов в истории учебной миграции в 1950–1960-х гг.

Учебная миграция была важной составляющей советско-китайского сотрудничества, поэтому данная проблема затрагивается в различных исследованиях по истории советско-китайских отношений [Каменских, 2015, с. 66–74; Яковлева, 2016, с. 71–76; Верченко, 2017, с. 707]. Однако опубликованное в 2014 г. обобщающее исследование «Основные направления и проблемы российского Китаеведения» указывает на отсутствие в отечественной историографии обобщающих работ, посвященных китайской учебной миграции в период советско-китайской дружбы [Основные ..., 2014, с. 264]. Собственно история пребывания китайских стажеров в ИГУ в работах исследователей, очевидно, не рассматривалась вообще.

Источниковая база для исследований по данной теме на сегодняшний день ограничена. В фондах Государственного архива Иркутской области нам не удалось выявить документы, отражающие приезд китайских стажеров в Иркутск. Пока отсутствуют тематические сборники документов по советско-китайскому сотрудничеству в 1960-е гг. Документы по этой теме не попали в какие-либо другие сборники документов, например в сборник, специально посвященный истории обучения иностранцев в Советском Союзе [«Возвратить ...», 2013, с. 704]. Для восстановления исторической картины пребывания китайских стажеров в Иркутском государственном университете и выявления связанных с этим проблем мы привлекли материалы периодической печати.

Новый этап советско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования начался с отправки в 1948 г. в СССР 21 китайца для обучения в советских вузах. В числе первых студентов был один из будущих руководителей КНР Ли Пэнью, в 1950-х гг. возглавивший Союз китайских студентов в Москве. В начале 1950 г. был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, ставший основой для развития со-

ветско-китайских отношений во всех сферах, в том числе и в области высшего образования. В 1951 г. в Москву на учебу приехало уже 375 китайцев [Верченко, 2017, с. 713]. В середине 1950-х гг. на учебу в СССР ежегодно приезжало около 2 тыс. китайских студентов. В 1960 г. в СССР обучались 3247 студентов, 1264 аспиранта из Китая [«Возвратить ...», 2013, с. 159]. Потом началось резкое сокращение числа студентов из КНР. Молодые китайские ученые утверждают, что в 1962 г. в советских вузах осталось 55 китайских студентов, а в 1964 г. – всего 3 китайца [Ван, 2024, с. 46]. На самом деле студентов и аспирантов было несколько больше, но их численность была уже несоизмеримой с численностью в 1950-х гг.

Иркутск занимал важное место в системе советско-китайских отношений в 1950-х гг. Иркутская область была одним из четырех российских регионов, принявших в середине 1950-х гг. китайских рабочих. Во второй половине 1950-х гг. на предприятия Иркутской области приезжали стажеры и практиканты из КНР, регион обменивался с китайскими регионами комсомольско-молодежными делегациями и туристическими группами.

В Иркутск и Иркутскую область в конце 1950-х – начале 1960-х гг. приезжали китайские студенты из других советских вузов. Иркутские газеты сообщали о прохождении китайскими студентами практики на предприятиях области. В 1957 г. газета «Советская молодежь» писала о прохождении китайскими студентами Ленинградского политехнического института производственной практики на строительстве Иркутской ГЭС [Михайлов, 1957]. Газета «Черемховский рабочий» сообщала, что студенты Московского горного института в 1960 г. проходили производственную практику на Ново-Гришаевском угольном разрезе в Иркутской области [Лян-Ин-Лун, 1960]. В том же году «Орган партийного комитета объединенного стройкома и Управления Братскгэсстроя» газета «Огни Ангары» сообщала, что китайские студенты Московского института инженеров водного хозяйства проходили практику в Братске [Солдатова, 1960].

Китайские студенты посещали Иркутскую область в качестве туристов. Летом 1958 г. иркутская газета «Восточно-Сибирская правда» сообщала: «На днях на заводе имени В. В. Куйбышева побывала группа студентов Московского института международных отношений. В их числе представители трех стран народной демократии – студентка пятого курса Ван Шу (Китай)... Они решили свои каникулы использовать для поездки в Сибирь» [Могилева, 1958].

Несмотря на вовлеченность Восточной Сибири в систему советско-китайских отношений и богатый исторический опыт русско-китайского взаимодействия в вузах Иркутска в 1950-е гг. китайские студенты так и не появились.

В 1960-е гг. советско-китайское сотрудничество потихоньку начало сворачиваться. Например, в 1961 г. ЦК КПСС принял решение не прини-

мать студентов из КНР в Московский инженерно-физический институт [«Возвратить ...», 2013, с. 259]. Китайцев полностью перестали брать на учебу на закрытые специальности. Тем не менее китайские студенты и аспиранты не сразу исчезли из советских вузов. Например, в 1961 г. 1800 китайских студентов остались на летние каникулы отдыхать в советских санаториях и спортивных лагерях [Там же, с. 262]. Вообще, газета «Иркутский университет» нередко публиковала материалы о китайцах, проходивших обучение в разных регионах СССР. Например, в ноябре 1962 г. в этой газете было помещено фото из фотохроники ТАСС под рубрикой «По вузам Родины», под которым была следующая подпись: «В Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко обучаются юноши и девушки из Китайской Народной Республики...» [Иркутский ... , 1965, с. 2].

В начале 1960-х гг. китайские студенты в Иркутском университете так и не появились, однако в ИГУ учился и защитил диссертацию как минимум один китаец. Аспирант из КНР учился на кафедре высокомолекулярных соединений ИГУ. Его научным руководителем была заведующая этой кафедрой кандидат химических наук А. В. Калабина [Машир, 1963].

В первой половине 1960-х гг. китайские студенты в средствах массовой пропаганды и в глазах общественности постепенно превращались из друзей во врагов. Особенно это было заметно в Восточной Сибири, так как именно здесь китайские студенты пересекали советско-китайскую границу. В 1963 г. «Правда Бурятии» сообщала: «На этот раз китайские граждане на станции бесчинствовали более двух дней... один китайский студент ударил солдата пограничных войск» [Чимитов, 1963]. В помещенном в газете материале за авторством секретаря партийной организации станции Наушки говорилось: «Участники митинга единодушно приняли письменное обращение к Советскому правительству, в котором, в частности, говорится: “Категорически протестуем против пребывания в наших высших учебных заведениях 29 китайских студентов, которые были инициаторами хулиганских действий китайских граждан”» [Там же].

Несмотря на общее ухудшение советско-китайских отношений и уже почти свернувшееся сотрудничество в сфере высшего образования, в середине 1960-х гг. случилась интересная и показательная история. В столицу Восточной Сибири приехали на стажировку выпускники одного из китайских вузов. На закате советско-китайской дружбы именно Иркутску выпала честь стать «последним оплотом» советско-китайского сотрудничества в сфере высшего образования.

В октябре 1965 г. в иркутской газете «Советская молодежь» была напечатана статья студента отделения журналистики Иркутского государственного университета (ИГУ), в которой говорилось: «Первый раз представители Китая приехали на учебу в Иркутск в 1918 г. Учились они в

университете на факультете внешних сношений. Это было 47 лет назад. И вот в начале сентября университет принял группу студентов из КНР. Фактически у себя на родине они окончили вузы, а в Иркутске будут укреплять свои знания» [Дворак, 1965].

Действительно, в сентябре 1965 г. в ИГУ появилась группа китайских стажеров численностью 25 человек. Более подробно сообщала о китайских стажерах газета «Иркутский университет». В опубликованной 18 ноября 1965 г. статье «У нас китайские стажеры» говорилось: «Вот уже третий месяц в стенах нашего университета находятся 25 стажеров из Китайской Народной Республики. Все они окончили русские отделения институтов иностранных языков и университетов на своей родине. В нашем вузе они повышают свою квалификацию преподавателей русского языка. Лекции китайским стажерам читают профессор Г. В. Тропинин, заведующая кафедрой русского языка пединститута Л. И. Шощкая и многие другие» [У нас ... , 1965].

Китайские стажеры жили во втором общежитии ИГУ. Они быстро освоились, наладили взаимодействие с советскими студентами. Газета сообщала: «А по вечерам во втором общежитии университета очень часто звучат китайские и советские песни» [Там же]. Студент факультета журналистики, сообщая о китайских стажерах в ИГУ, отмечал: «Все они освоились, посещают занятия» [Дворак, 1965]. Стажеры из КНР не только осваивали учебную программу стажировки, но и занимались научной работой, в частности, посещали заседания научной сессии Секции русского языка и языкознания [Глушкова, 1966].

Иркутяне гордились, что коллектив ИГУ был многонациональным, и что среди представителей разных народов в университете учились и китайцы. Университетская газета писала: «Наш университет многонационален. Бок о бок с русскими учатся украинцы, буряты, белорусы, казахи, грузины, греки, китайцы, монголы... 25 национальностей нашей планеты представляют студенты университета. Количество русских студентов составляет 3071 человек. В университете учится 31 белорус, 25 татар, 26 китайцев, 94 монгола, 55 евреев, один узбек, 7 армян, 199 бурят...» [Дружная ... , 1965].

Благодаря приезду китайцев в Иркутске возобновилась традиция празднования гоцинцзе – дня образования КНР. Студент факультета журналистики в статье, приуроченной к очередной годовщине провозглашения КНР, писал: «На днях китайские стажеры устроили вечер, посвященный 16-летию КНР. Вечер надолго запомнится и молодому парню из провинции Ляонин Чжан Шу-у, и украинцу Виктору Можарскому, потому что лозунг был один: “ОИ” = Дружба» [Дворак, 1965]. Торжественные мероприятия, организованные в ИГУ по случаю годовщины провозглашения КНР, и участие в них китайских стажеров были описаны в статье, опубли-

кованной в университетской газете 9 октября 1965 г.: «1-го октября исполнилось 16 лет со дня образования Китайской Народной Республики. Эта знаменательная дата отмечалась у нас в университете. По инициативе ректората, общественных организаций университета и Иркутского отделения Общества советско-китайской дружбы была организована встреча китайских товарищей – стажеров ИГУ и группы туристов – с нашими студентами. С приветственной речью к нашим гостям обратился председатель Иркутского отделения Общества советско-китайской дружбы Г. Кунгуров. Он говорил о трудностях и успехах становления роста Китайской Республики, о дружбе и интернациональной помощи народа Китая экономически слабо развитым странам и о помощи Советского Союза в деле построения социализма в Китае и о дружбе этих двух государств, которой постоянно мешают и противодействуют американские заправилы. Далее т. Кунгуров говорит об укреплении советско-китайской дружбы, приводит слова Брежнева, сказанные по этому поводу на прошедшем сентябрьском Пленуме ЦК КПСС. В своем ответном слове представитель китайской делегации благодарит иркутских товарищей за организацию встречи. Выступающий заявляет: “Дружбу между китайским и советским народом, основанную на принципах марксизма-ленинизма, нужно крепить и беречь”. Слова признательности и благодарности в адрес нашей страны, в адрес иркутян и университета прозвучали в выступлении представительницы китайской молодежи, стажера ИГУ. Вечер закончился концертом художественной самодеятельности университета, в котором принимали участие и наши гости – китайские друзья» [Гирич, 1965].

Китайские стажеры принимали участие во всех значимых мероприятиях, вместе с советскими студентами праздновали советские праздники. Газета сообщала: «По случаю 48-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции коллектив нашего университета получил большое количество поздравлений... Преподавателей и студентов университета горячо поздравили с праздником находящиеся у нас китайские стажеры» [Дружная ... , 1965, с. 1]. В статье «Песню дружбы запевают молодежь» подчеркивалось: «В стенах нашего университета уже много лет обучаются студенты из Монгольской Народной Республики, проходит стажировку в этом году группа из Китайской Народной Республики. Студенты университета горячо поздравляют с праздником всех наших сверстников – иностранных студентов нашего вуза» [Сафонов, 1965]. В мае 1966 г. университетская газета сообщила: «Китайские стажеры, обучающиеся в ИГУ, телеграммой поздравили с Первомайским праздником ректора П. Ф. Бочкарева» [Поздравляют ... , 1966].

Советско-китайское сотрудничество в сфере высшего образования было окончательно разорвано, когда 7 октября 1966 г. советское правительство приняло решение выслать из СССР всех китайских студентов.

Китайские стажеры учились в Иркутском университете до полного разрыва советско-китайского взаимодействия в сфере высшего образования.

В конце октября все находившиеся в Москве китайские студенты (41 чел.) поездом выехали на родину. Обучавшиеся в ИГУ 24 китайских стажера были посажены в этот же поезд, когда он проходил через Иркутск. 2 ноября 1966 г. последние 65 китайцев, обучавшихся в Советском Союзе, вернулись в Пекин [Ван, 2024, с. 46].

Несмотря на то что все китайцы, обучавшиеся в советских вузах, покинули СССР в 1966 г., наибольший след в истории, связанной с китайскими студентами, оставили события 1967 г. 25 января в Москве на Красной площади произошли столкновения между возвращавшимися из стран Западной Европы китайскими студентами и советской милицией. Газета «Правда» сообщала: «Группа китайских граждан, преимущественно студентов, находившихся проездом в советской столице и учинивших 25 января хулиганские выходки на Красной площади, нагло вела себя и на перроне Ярославского вокзала... 60 китайских студентов отбыли в Пекин в повязках и покрытые йодом, явно пытаясь доказать свои обвинения в том, что они подверглись жесткому обращению» [Маскарад ... , 1967]. Поезд с этими китайскими студентами был встречен в Иркутске «демонстрацией протеста хулиганским действиям китайских студентов на Иркутском вокзале» [Позор ... , 1967], активное участие в которой приняли студенты Иркутского государственного университета. Газета «Иркутский университет», сообщая о конфликте, отмечала: «...с каким радушием мы встречали китайских стажеров. Совсем недавно на нашей кафедре закончил обучение и успешно защитил диссертацию аспирант Лю Мын-инь» [Позор ... , 1967].

Советско-китайское взаимодействие в сфере высшего образования было прервано почти на 20 лет, а в Иркутск китайские стажеры смогли вернуться лишь в конце 1980-х гг. В конце 1988 г. газета «Восточно-Сибирская правда» сообщила: «В Иркутском государственном университете проходят стажировку два специалиста по советской литературе из Китая» [Гайда, 1988].

Таким образом, Иркутский государственный университет принял участие в развитии советско-китайского взаимодействия и сотрудничества в сфере высшего образования в 1950-х – 1960-х гг. При этом прием китайских стажеров в 1965–1966 гг. стал уникальным по форме, содержанию и времени событием, не имеющим аналогов в истории учебной миграции из КНР в Советский Союз.

Литература

Ван М. Китайско-российские отношения в советский период: возьмем, к примеру, деятельность китайского правительства по отправке студентов в СССР в 1950–1960-х гг. // Молодежь и наука XXI века: актуальные теоретические исследования : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2024. С. 43–47.

Верченко А. А. Кадровый резерв Китайской Народной Республики – «группа 4821» // Общество и государство в Китае. Т. 47, ч. 1 / редкол.: А. И. Кобзев [и др.]. М. : ИВ РАН, 2017. С. 706–715.

«Возвратить домой друзьями СССР...»: Обучение иностранцев в Советском Союзе 1956–1965. / отв. сост. Т. Ю. Красовицкая. М. : МФД, 2013.

Гайда Г. Восполнить упущенное // Восточно-Сибирская правда. 1988. 25 дек. С. 4.

Гирич С. На меридиане дружбы // Иркутский университет. 1965. № 29 (501). 9 окт. С. 1.

Глушкова К. Д. Отчитываются языковеды // Иркутский университет. 1966. № 9 (522). 24 марта. С. 1.

Дацышен В. Г. Китайцы в Сибири XVII–XX: проблемы миграции и адаптации. Красноярск : СФУ, 2008. 327 с.

Дворак В. «ОИ» – дружба // Советская молодежь. 1965. 3 окт. (№ 143). С. 4.

Дружная семья народов // Иркутский университет. 1965. 11 нояб. (№ 34).

Каменских М. С. Жизнь китайских студентов на Урале в 1950-е гг. по опубликованным письменным источникам и архивным документам Свердловской области // Китай: история и современность : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 7–8 окт. 2014 г. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 66–74.

Ларин А. Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М. : Вост. кн., 2009. 512 с.

Лян-Ин-Лун. Идея объединяет // Черемховский рабочий. 1960. 7 нояб. (№ 219). С. 4.

Маскарад на вокзале // Правда. 1967. 28 янв. (№ 28). С. 3.

Машир Л. Вы на равных правах соавторы кибернетики и электроники... // Иркутский университет. 1963. 8 марта. (№ 9). С. 2.

Михайлов А. У строителей Иркутской ГЭС // Советская молодежь. 1957. 13 июля (№ 137). С. 2.

Могилева Г. Молодежь демократических стран на заводе имени Куйбышева // Восточно-Сибирская правда. 1958. 5 авг. (№ 183). С. 4.

Основные направления и проблемы российского китаеведения / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М. : Памятники исторической мысли, 2014. 382 с.

Поздравляют китайские стажеры // Иркутский университет. 1966. 13 мая (№ 16). С. 2.

Позор китайским раскольникам. Митинг протеста в университете // Иркутский университет. 1967. 18 февр. (№ 4). С. 1.

Сафонов Г. Песню дружбы запекает молодежь // Иркутский университет. 1965. 18 нояб. (№ 35). С. 1.

Солдатова М. Они подружились в Братске. Китайские и вьетнамские студенты на стройке // Огни Ангары. 1960. 23 июля. (№ 59). С. 4.

У истоков федерализма: история представительства Бурят-Монгольской АССР во ВЦИК РСФСР в документах Государственного архива Республики Бурятия. К 100-летию Республики Бурятия : [сб. документов, перечень документов] / Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас, Е. Ю. Шаповал ; науч. ред. Б. В. Базаров. Иркутск : Оттиск, 2022. 540 с.

У нас китайские стажеры // Иркутский университет. 1965. 18 нояб. (№ 35). С. 1.

Чимтов А. Протестуем! Международное хулиганство // Правда Бурятии. 1963. 17 сент. (№ 218). С. 2.

Яковлева Е. П. Китайские студенты ленинградского вуза 1950–1960-х годов – заложники политических обстоятельств // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологий и дизайна. Серия 2, Искусствоведение. Филологические науки. 2016. № 2. С. 71–76.

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ОБЩЕСТВА И ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Аннотация. Рассматриваются модели общества в социологической науке и выявляются наиболее важные их характеристики. Отмечается, что социальная мобильность является одной из наиболее значимых для потокового общества (последней по времени появления модели). В связи с этим устанавливаются основные ключевые теоретические идеи мобильности, такие как процесс, свобода, туризм, интегративное личностное качество.

Ключевые слова: модели общества, социальная мобильность, туризм.

D. Lebedintsev

St. Petersburg State Technological Institute (Technical University), St Petersburg

MODERN SOCIOLOGICAL MODELS OF SOCIETY AND FORMS OF SOCIAL MOBILITY

Abstract. The purpose of the article is to examine the models of society in sociological science and identify the most important characteristics of each of the models. One of the most important characteristics of the latest model, the streaming society, is social mobility. In this regard, the main key theoretical ideas of mobility are established, such as process, freedom, tourism, and integrative personal quality.

Keywords: models of society, social mobility, tourism.

В широком смысле слова мобильное общество можно определить как всю человеческую цивилизацию, которой присущи непрерывная динамика и изменения [Сорокин, 2017]. Другими словами, современное мобильное общество – это изменяющееся мировое сообщество людей, развивающееся на основе информационных и коммуникационных технологий, охватывающих все стороны жизни современного человека. Мобильность охватывает работу, образование, развлечения и другие аспекты жизни. Характерными особенностями выступают *технологическая интеграция* (смартфоны, планшеты, умные часы и прочие устройства для доступа к информации, которые формируют контакты между людьми и обеспечивают выполнение повседневных задач); *мобильные связи*, которые используются не только для общения, но и для совершения разных действий – покупок и оплаты услуг; *онлайн-сервисы*, обеспечивающие связанность при решении многочисленных проблем через интернет (пользование онлайн-банкингом, социальными сетями, мессенджерами и другими сервисами); наконец, *работа и образование*, которые уже давно могут осуществляться дистанционно или удаленно, не влияя на выбор места нахождения или проживания человека.

В узком, более научном смысле слова мобильное общество предстает как *социальная реальность* в совокупности динамических характеристик и

трансформаций индивидов, изменения их связей на самых различных уровнях (межличностном, групповом, организационном и т. д.). И далее, поскольку эти связи и отношения в каждом конкретном социальном объекте изменяются особым способом, объектом современного социологического познания выступает динамичная *социальная система*.

Большинство авторов сходятся во мнении, что в мобильном обществе решающими факторами становятся время и скорость изменений [Иванов, 2021]. Временной фактор становится ключевой характеристикой, поэтому по умолчанию принято считать, что это современность (если не оговаривается что-либо иное) находится в состоянии перманентных изменений.

Конструирование и анализ современного общества как социальной системы характеризуются особыми *способами и механизмами интеграции элементов социума в единую систему* [Дерюгин, 2025]. В настоящее время в социологии существует *четыре объяснительных модели*, раскрывающие закономерности интеграции современного общества. Опишем каждую из них.

Первая модель: *общество всеобъемлющей социальности (или всеобщей интеграции)*. Как правило, здесь главными элементами общества как социальной системы выступают традиционные социальные институты (семья, государство, образование, религия и т. д.). Это общество «социальных фактов Эмиля Дюркгейма», в котором признается решающая роль влияния за социальными нормами и традициями, а затем и за социальным институтом как за «цементирующими» социальную жизнь факторами. За таким обществом в социологии закрепляется характеристика *традиционного*. Оно устойчиво по своей структуре, изменения происходят медленно, и присутствует сильное сопротивление всему новому и неизвестному. Социальный институт здесь понимается как механизм, который обеспечивает воспроизводство общественных отношений [Иванов, 2012]. Современные авторы определяют социальный институт как устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм и установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему [Титаренко, 2022]. Социальные институты в самом обобщенном виде классифицируют на экономические, политические и культурные. В обществе всеобъемлющей социальности трансформируется представление о личностном «я» человека и о том мире, который его окружает. Это происходит потому, что в такой социальной системе у всех есть определенная социальная (профессиональная) роль, которая «диктует» определенные социальные условия и требует идентификации с собственной социальной системой [Власова, 2011].

Вторая модель общества как целостной социальной реальности связана с *интеракционистской составляющей*. Другими словами, это *общество отношений и взаимосвязей*. В этом типе общества и социальных связей

речь идет о частичной социальности, которая возникает на основе общественных отношений и допускает определенную независимость социальных групп и индивидов. Исторически теории, связанные с осмыслением и анализом данного типа общества, появляются позже по сравнению с первой моделью и раскрываются в работах М. Вебера, Г. Зиммеля, а чуть позже – Т. Парсонса и Р. Мертон. Здесь социальное действие как таковое, далее социальное взаимодействие и, наконец, социальные отношения являются теми ключевыми категориями, которые обозначаются как интеракции. Возникновение второй объяснительной модели само по себе не отменяет первую. Или, другими словами, не делает ее неправильной и/или неактуальной. Теоретический инструментарий двух обозначенных объяснительных подходов до сих пор актуализируется в половине всех публикаций, размещенных в русскоязычном контенте на платформе Elibrary.ru.

Следующая модель общества становится возможной в силу развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и сети Интернет. Массово это происходит со второго десятилетия XXI в. Модель *сетевого общества* формируется в эпоху уже развитого постиндустриального (или информационного) общества, когда человечество уже в полной мере осознало и прочувствовало: кто владеет информацией, тот владеет миром. Суть сетевого общества заключается в опоре на относительную (не всеобъемлющую или частичную, как в предыдущих моделях) социальность, здесь связи и отношения условны и менее зависимы, складываются на основе виртуальных контактов, в большей степени условных и свободных. М. Кастельс как один из первых и крупнейших теоретиков сетевого общества в начале XXI в. отмечает, что здесь социум становится искусственным миром, выстроенном на электронных носителях [Castells, 2004]. Социальная структура этого типа общества состоит из связей, возникающих на основе сетей, поддерживаемых информационными и коммуникационными технологиями. Эти технологии, в свою очередь, появились и существуют благодаря развитию микроэлектроники. Сети начинают как бы дополнять социальную реальность, привнося особые свойства институтам и интеракциям. Такого рода дополненная социальность или «виртуальная социальность» (от лат. *virtualis* – возможный, воображаемый, который реально не существует, но может возникнуть при определенных условиях) начинает формировать новые качества и свойства социальной реальности. Сейчас уже можно говорить, что роль виртуального сетевого общества настолько возросла, в том числе как эффективного социального механизма, что оно превратилось в важнейший социальный институт во всех сферах жизнедеятельности человека и социума. Появляются новые методы и методологии, позволяющие наглядно визуализировать сети и отношения в них, используя специальную терминологию: узлы, ребра и т. д.

Дальнейшее развитие эта модель получает с повсеместным распространением процессов цифровизации. В зависимости от уровня развития инфраструктуры и целей использования ИКТ и интернета социологи выявляют новые типы неравенства – цифровое неравенство, которое дополняет традиционные критерии социального неравенства и влияет на формирование социальной стратификации современного общества.

Четвертая, последняя по времени формирования и, таким образом, наиболее актуальная модель для объяснения современности, которую сегодня разрабатывают социологи – это *модель потокового общества*. Эта модель так же, как и предыдущие по отношению к более ранним типам, не отменяет существования традиционного, интеракционистского и сетевого типов общества. Однако она придает их характеристикам элемент динамики или динамичности. Главные ключевые слова потокового общества связаны с понятиями движения, времени и скорости изменений социальной реальности. Согласно позиции профессора Д. Иванова, в этой модели преодолевается статика пространственного распределения сетевого общества и возникает шкала движения [Иванов, 2021]. Мы можем сказать, что это «процессное общество», в том смысле что здесь связи, отношения и сети уже не являются статичными феноменами, а рассматриваются в процессе их развития, как правило, довольно быстрого и динамичного. Если сети – это дополненная социальность, то что же такое потоковость? Каким образом ее можно артикулировать? Б. Латур предлагает обозначить данный тип общества как альтерсоциальность, т. е. как альтернативное измерение социума. Если в сетевом обществе степень индивидуализации и свободы возрастает, то здесь они становятся абсолютными и даже люди не рассматриваются как фиксированные сущности, но обозначаются как непрерывные изменения [Солодько, 2014]. Способность к изменению становится главной характеристикой. На наш взгляд, с возникновением этой социологической теории происходит покушение на «святая святых» социологического осмысления общества – на понятие *целостности социального*. Здесь целостность приобретает лишь векторные черты, измеряемые посредством движения, изменения, другими словами, процессом или процессами. Ключевыми словами в данном контексте будут векторы, вязкость, степень материальности, направленность, плотность, интенсивность [Аппадурай, 2003]. Один из крупнейших теоретиков этого типа общества утверждает, что важнейшие характеристики потокового общества как динамических структур можно выявить через другую новую характеристику – *мобильность*.

Важно отметить, что категория мобильности часто рассматривается в двух направлениях: как процесс и как интегративное личностное качество. Как качество личности все виды мобильности представлены через ее индивидуально-психологические особенности (способности) и активное-действенное состояние (готовность) [Ястребов, 2015].

Известный западный социолог Зигмунт Бауман в своей теории характеризовал современное общество как «текучую современность», в которой мобильность связывается со свободой в самом широком смысле слова [Бауман, 2008]. Например, он рассматривает способность к свободному перемещению. Это является ценностью в современном обществе. Таким образом, З. Бауман делает вывод, что мобильность является ценностью, так как способность к свободному перемещению способствует реализации человека как личности, актуализирует его потенциальные возможности. Другой западный социолог Джон Урри в своей концепции взаимоувязывает мобильность и процессы глобализации. Интересным моментом в его теории является положение о существовании взаимной обусловленности между физическим движением и социальной мобильностью [Урри, 2012]. Он утверждает, что в исследованиях культуры и общества должен произойти «мобильный поворот». Это означает, что исследования организации экономической и/или социальной жизни должны идти параллельно с исследованием разнообразных видов путешествий, транспортировки и коммуникаций. Другими словами, современное общество не статично в своем состоянии, оно находится в постоянном движении и перемещении индивидов, групп, ценностей и т. д. Туризм он рассматривал как форму социальной мобильности: туризм перестает быть просто отдыхом или развлечением – он трансформируется в механизм включения индивидов в глобальные потоки [Урри, 2000]. Туризм представлен как часть более широкой системы глобальной мобильности людей, идей, товаров и услуг, обусловленной развитием технологий и изменений в социальной организации. На передний план выходит значимость горизонтальной (пространственной) мобильности, которую предоставляет туризм. В отличие от традиционной вертикальной социальной мобильности, связанной с изменением социального статуса, путешествия позволяют людям временно перемещаться в другие культурные, экономические и социальные контексты, что расширяет их перспективы и создает новые опыты взаимодействия. Мобильность становится значимым фактором в самоидентификации молодежи и разных социальных групп, в том числе выходцев из диаспор, а также пожилых людей, которые могут позволить себе жизнь в движении.

Понятия «глобальное» и «туризм» не просто соединены какими-то внешними факторами, они являются частью системы сложных взаимосвязанных процессов, образуя единство – некий глобальный гибрид [Урри, 2000]. В 1998 г. Урри была написана статья «Глобализация и гражданство», в которой он анализирует процессы глобализации, выделяя несколько направлений [Урри, 1998]. Одним из таких направлений является глобализация русел потоков. Термин «русло», который вводит Урри, обозначает сети, включающие в себя разные технологии, машины, документы, которые при пересечении образуют взаимосвязанные узлы. Потоки текут по руслам, пересекают физические границы государств и в то же время виртуальные пространства обществ, при этом вы-

зывая реорганизацию капиталистических обществ. Сами потоки представляют собой явление, которое выходит за рамки традиционных социальных структур и не подчиняется их установленным нормам и границам. Они формируют своеобразные трансструктуры – новые системы, которые «пересекают» привычные границы социальных институтов и связей и затрагивают их в неожиданном и нестандартном порядке. Если рассматривать ритм жизни, который задается стандартными социальными структурами (например, рабочий график или культурные нормы), потоки отличаются своей диахронностью, но не в привычном историческом понимании, а буквально как способность пересекать временные границы, свободно накладывая свои ритмы на жизнь. Это означает, что они существуют вне синхронности с этим ритмом – потоки движутся через время особым образом, не ограничиваясь линейностью или привычной последовательностью событий. Именно благодаря этой способности они нарушают привычное течение жизни, создавая транссобытийность. Это понятие подразумевает, что события, связанные с потоками, выходят за рамки привычной дозировки и порядка, смешивая их в непредсказуемой последовательности. Таким образом, потоки ломают привычные сценарии и создают совершенно новые формы взаимодействия с временем и пространством [Иванов, 2012]. Потоки тесно связаны с сетевым обществом. Мануэль Кастельс в своей трилогии «Информационный век» определяет, что в сети имеются взаимосвязанные узлы [Castells, 1998]. В том случае, если люди находятся в узлах сети, они значительно больше вовлечены в глобализационные процессы, чем люди за пределами этих узлов. Социальные сети при этом состоят не только из людей, а включают также информационные и другие технологии, которые создают материальную базу, определяющую морфологию сетей.

Надо отметить, что такая характеристика мобильности присуща последнему типу общества – потоковому обществу, но свое начало этот тип мобильности берет из предыдущего – сетевого общества. Так называемый сетевой капитал (другое обозначение – капитал подвижности) связан со способностью поддерживать социальные отношения с другими, которые находятся в другом географическом пространстве. И не просто поддерживать, а получать от этого взаимодействия выгоды: эмоциональные, финансовые, практические и другие. Среди таких видов мобильности можно назвать физические перемещения, воображаемые, виртуальные путешествия, коммуникационную мобильность с помощью средств мобильной связи и др.

Литература

1. Аппадуран А. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 4. С. 57–66.
2. Бауман З. Текучая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.

3. Власова О. А. Социология человека Ирвинга Гофмана: личность как сопротивление социальному в теориях стигматизации и тотальных институций // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 5–19.
4. Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А. Традиционные и новые формы социальности в актуальной повестке социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2025. Т. 20, № 1(97). С. 92–107.
5. Иванов Д. В. Новые показатели социального развития: включенность в интернет-коммуникации и креативность на сетевых платформах // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 2. С. 49–68.
6. Иванов Д. В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.
7. Солодько С. Ю. Трансформация социологических представлений об институциональном статусе науки в проекте Бруно Латура // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5, № 1. С. 101.
8. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М. : Акад. проект, 2017.
9. Титаренко Л. Г. Зачем социологии нужна новая интегративная парадигма? // Социологический журнал. 2022. Т. 28, № 3. С. 150–165.
10. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. ст. Н. А. Харламова. М. : Праксис, 2012.
11. Ястребов Г. А. Динамика социальной мобильности в России в длительной исторической перспективе. М., 2015.
12. Castells M. Informationalism, Networks, and the Network Society: a Theoretical Blueprint // The network society: a cross-cultural perspective / Castells M. (ed.). Cheltenham ; Northampton : MA Elgar. 2004. P. 3–49.
13. Castells M. The information age: Economy, society and culture. Vol. 3. End of millennium. Blackwell, 1998.
14. Urry J. Sociology Beyond Societies. Part. 2. Mobilities for the Twenty-First Century. L., N.Y., 2000.
15. Urry J. Globalization and citizenship // Paper given to World Congress of Sociology, Montreal, July, 1998.

Лю Тяньси

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Л. А. Лебединцева, П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛОГИКА РЫНКА В ТРАКТОВКЕ ФУ ПИНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Рассматривается работа Фу Пина «Социологическая логика рынка», которая глубоко исследует вопрос истинной природы и функционирования рынков, стремясь обеспечить более полное и точное понимание. Указывается, что в монографии делается попытка критически осмыслить и реконструировать предыдущие теоретические и эмпирические исследования взаимоотношений между рынком и обществом с точки зрения социальной теории, а также предлагается парадигма политико-структурного подхода. Уточняется, что в качестве примера для глубокого анализа социального механизма изменения рыночной структуры и трансформации порядка Фу Пин использует рынок известковой промышленности в Хуэйчжэне.

Ключевые слова: социология рынка, субстантивная укорененность, формальная укорененность, политико-структурный подход, явная структура, скрытая структура, неформальное управление, эмпирические исследования.

Финансирование. При финансовой поддержке гранта РФФИ № 24-28-01448 «Национальная специфика и соответствие государственным запросам отраслевой социологии в Китае».

Liu Tianxi

St. Petersburg State University, St. Petersburg

L. Lebedintseva, P. Deriugin

St. Petersburg State University, SI RAS – FCTAS RAS, St. Petersburg

THE SOCIOLOGICAL LOGIC OF THE MARKET IN FU PIN'S INTERPRETATION: THEORETICAL AND EMPIRICAL RESEARCH

Abstract. This article examines Fu Ping's work "The Sociological Logic of the Market," which deeply explores the true nature and functioning of markets, seeking to provide a more complete and accurate understanding. It is noted that the monograph attempts to critically examine and reconstruct previous theoretical and empirical studies of the relationship between market and society from a social theoretical perspective, and also proposes a political-structural approach. It is clarified that Fu Ping uses the Huizhen lime industry market as a case study for an in-depth analysis of the social mechanism of change in market structure and the transformation of order.

Keywords: sociology of market, substantive embeddedness, formal embeddedness, political-structural approach, explicit structure, latent structure, informal governance, empirical research.

Рыночная социология возникла как ответ на ограничения неоклассической экономики. Неолиберальные экономисты когда-то считали, что простое сокращение государственного регулирования автоматически приведет к естественному развитию рынков. Они упустили из виду тот важный факт, что рынки как институты имеют предпосылки для своего создания и реализации. С другой стороны, рыночная социология занимает иную

позицию. В онтологическом смысле она рассматривает рынки как неотъемлемые компоненты социальной системы, подчеркивая их конкретность, разнообразие и укорененность. Таким образом, центральная тема рыночной социологии – описать и объяснить, как рынки формируются, развиваются и эволюционируют.

«Социологическая логика рынка» Фу Пина является значительным вкладом в эту область. Она не только критически рассматривает и реконструирует предыдущие теории и эмпирические исследования взаимоотношений между рынками и обществом с точки зрения социальной теории, но и пытается построить всеобъемлющую парадигму для рыночной социологии – политической структуры.

Ключевые теоретические концепции

Укорененность – это фундаментальная концепция в книге, опирающаяся на работы К. Поланьи и М. Грановеттера. «Субстантивная укорененность» Поланьи рассматривает рынок как социальную конструкцию. Он утверждает, что экономическая деятельность глубоко укоренена в социальных отношениях и институтах, а рынок не является автономной сущностью, отделенной от общества, а скорее продуктом социального строительства. Например, в традиционном сельскохозяйственном сообществе экономические обмены могут быть тесно связаны с социальными нормами, родством и местными обычаями, а не управляться исключительно ценовыми механизмами, как на неоклассическом рынке [符平, 2013, p. 16]. Таким образом, смена парадигм характера социальных отношений и институтов, лежащих в основе развития рынка, дает основание для создания континуума концепций рынка (см. рис.).

«Формальная укорененность» Грановеттера подчеркивает, что экономические действия укоренены в социальных сетях. Эти социальные сети играют решающую роль в формировании экономического поведения. Например, в деловой среде отношения между предпринимателями, поставщиками и клиентами, которые часто основаны на доверии и взаимности в социальной сети, могут существенно влиять на деловые решения, распределение ресурсов и рыночную конкуренцию [Лю Т., 2023, с. 406].

Книга объединяет эти два аспекта укорененности, подчеркивая, что рынки являются не только частью социальной ткани в широком смысле, но и действуют в рамках определенных социальных сетей, которые формируют их повседневную деятельность и долгосрочное развитие. Это открывает новую перспективу для понимания социальной природы рынка, т. е. рынок – это не только место для экономических сделок, но и сложная структура, глубоко укорененная в социальных отношениях и институциональной почве.

В книге «Социальная логика рынков» автор начинает с рыночно-социальных отношений с точки зрения укорененности и перечисляет академические взгляды на рынок в континууме знаний. Неоклассическая эко-

номика находится на одном полюсе, который отсутствует в обществе. Укорененный взгляд на рынок рассматривает его как органическую часть общества. На другом полюсе находятся новая институциональная экономика и формальные взгляды на укорененный рынок. Новая институциональная экономика вводит социальные и политические правила в анализ через аналитическую структуру транзакционных издержек. Формальный взгляд на укорененность М. Грановеттера полагает, что рынок находится под влиянием и ограничен социальными факторами, но не является органической частью общества. Он подчеркивает, что экономика и сеть отношений неразделимы, но игнорирует влияние политических, культурных и институциональных факторов на экономические действия [李拂尘, 2014, p. 145].

Рис. Континуум концепций рынка [符平, 2013, p. 37]

На основе этого автор предложил единую аналитическую структуру, которая укоренена в эмпирическом мире, но имеет значительную степень абстракции: «политико-структурную структуру», является еще одной ключевой теоретической концепцией. Она состоит из двух основных измерений: политического и структурного.

Политическое измерение подчеркивает роль государственной власти на рынке. Государство может напрямую вмешиваться в изменения рынка посредством разработки политики, распределения ресурсов и регулирующих действий. В случае политики защиты окружающей среды правительство может налагать строгие правила на загрязняющие отрасли, заставляя их модернизировать свои производственные технологии или столкнуться с закрытием. Это напрямую влияет на структуру рынка и конкурентную среду в отрасли.

Структурное измерение далее делится на явную структуру и скрытую структуру. Явная структура относится к формальным институтам, таким как бюрократические системы, политики и правила. Это четко определенные правила, которые управляют поведением рынка. Например, на фондовом рынке существуют строгие правила в отношении требований листинга, торговых процедур и раскрытия информации для ведения бизнеса с определенными партнерами на основе давних культурных или социальных связей. С другой стороны, латентная структура охватывает неформальные нормы, культурные условности и неписанные правила. В некоторых деловых культурах среди фирм может существовать неявное понимание того,

как разделить рынок, или может существовать предпочтение ведения бизнеса с определенными партнерами на основе давних культурных или социальных связей.

Эмпирические исследования: случай рынка известковой промышленности Хуэйчжэня.

В монографии рынок известковой промышленности Хуэйчжэня используется в качестве примера для иллюстрации теоретических концепций.

Изменения в структуре производства

Схема производства в известковой промышленности Хуэйчжэня претерпела значительные изменения. Первоначально существовало большое количество мелких, неэффективных производственных единиц. Со временем из-за различных факторов, таких как изменение рыночного спроса, технический прогресс и государственная политика, структура производства трансформировалась. Появление более передовых технологий производства, таких как переход от традиционных известковых печей к экологически чистым, привело к изменению масштаба и эффективности производства. Это изменение является не только экономическим явлением, но и результатом взаимодействия политики и структурных факторов. Продвижение правительством политики защиты окружающей среды (политическое измерение) дало толчок принятию новых производственных технологий, в то время как существующая промышленная структура (структурное измерение) и сеть взаимоотношений между производителями (скрытая структура) также повлияли на скорость и способ этой трансформации [符平, 2013, p. 94].

Порядок на рынке сырья

На рынке сырья в известковой промышленности произошел переход от беспорядочной конкуренции к скоординированной. В первые дни между поставщиками сырья существовала интенсивная конкуренция с такими проблемами, как ценовые войны, ухудшение качества и недобросовестная конкуренция. По мере развития рынка возник более скоординированный порядок. Это было достигнуто благодаря совместным усилиям правительства, отраслевых ассоциаций и участников рынка. Этот процесс показывает, как политико-структурная структура действует на практике, формируя рыночный порядок, организуя производителей и поставщиков для достижения соглашений по таким вопросам, как установление цен и контроль качества.

Занятие рынка и заказ на продажу

С точки зрения занятия рынка книга анализирует, как предприятия завоевывают и сохраняют свои позиции на рынке. Это определяется не только экономическими факторами, такими как цена и качество, но также социальными и политическими. Например, отношения между предприятиями и местными органами власти, а также социальные сети внутри отрасли (скрытая структура) могут оказывать значительное влияние на доступ к рынку и распределение ресурсов.

Что касается заказа на продажу, произошли изменения в способе продажи извести: от «сидящих торговцев» к «ходячим торговцам», а затем обратно к более стабильной модели продаж. Эволюция заказа на продажу связана с изменениями рыночного спроса, развитием транспортных и коммуникационных технологий и общей рыночной средой. Эти изменения также являются результатом взаимодействия различных факторов в рамках политической структуры.

Методология и исследовательская значимость

Фу Пин в основном использует такие методы, как полевые исследования, глубинные интервью и анализ литературы. Полевые исследования позволяют автору непосредственно наблюдать фактическую работу рынка известковой промышленности Хуэйчжэня, включая производственные процессы, рыночные транзакции и взаимодействие между различными сторонами. Глубокие интервью с производителями, поставщиками, государственными служащими и другими заинтересованными сторонами предоставляют богатые качественные данные, помогая понять их мотивы, поведение и лежащие в основе социальные и политические факторы. Анализ литературы помогает поместить исследование в контекст существующих теорий и исследований и использовать соответствующие политические документы, отраслевые отчеты и академические исследования для поддержки исследования. Значимость этого исследования заключается в нескольких аспектах. Во-первых, оно дает новую перспективу для понимания рынков. Подчеркивая встроенность рынков в общество и роль политической структуры, оно предлагает более полное и реалистичное понимание работы рынка по сравнению с традиционными экономическими теориями. Во-вторых, исследование рынка известковой промышленности Хуэйчжэня обогащает эмпирические исследования в области социологии рынка [符平, 2013, р. 106]. Оно показывает, как теоретические концепции могут быть применены к реальным сценариям, и предоставляет ценные ссылки для изучения других отраслей и рынков. В-третьих, исследование имеет практические последствия для разработки политики. Понимание сложных факторов, формирующих рыночный порядок, может помочь политикам разрабатывать более эффективную политику для содействия здоровому развитию рынка.

Заключение

«Социологическая логика рынка» Фу Пина – это глубокая и влиятельная работа в области рыночной социологии. Благодаря глубокому исследованию ключевых теоретических концепций, таких как укорененность и политико-структурная структура, а также подробному эмпирическому исследованию рынка извести в Хуэйчжэне она вносит значительный вклад в наше понимание того, как функционируют рынки в социальном контексте, в случае данного исследования – традиционные, нишевые и локальные.

Вместе с тем монография бросает вызов упрощенным взглядам неоклассической экономики и дает более полную и точную картину рынков, побуждая к дискуссии о том, как результаты этой концепции могут быть применены для анализа других типов рынка (глобальных, высокодинамичных, цифровых и пр.). В этом смысле она указывает новые направления для будущих исследований в области рыночной социологии, вдохновляя ученых на дальнейшее изучение сложных взаимоотношений между рынками, обществом и политикой. Окружающая среда продолжает меняться, и идеи из этой книги останутся ценным руководством для понимания рыночных явлений и формулирования соответствующей политики.

Литература

李拂尘: 市场形成的相关思考—兼评《市场的社会逻辑》// 公共管理评论. 第 2 期. 2014 年. P. 143–148.

符平: 《市场的社会逻辑》, 上海三联书店 2013 年版. 285 p.

Лю Т. Социальные аспекты рынка в Китае: обзор основных теоретических концепций // Мир, общество, экономика, человек: смена парадигм : материалы XVII Всерос. науч.-практ. конф. Липецк, 18 апр. 2023 г. Воронеж : Наука-Юнипресс, 2023. С. 402–408.

УДК 353

И. К. Оглоблин

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОСОБЕННОСТИ И ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНА: ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение происходящих на данный момент изменений в системах реализации региональной политики и устройства региональной экономики, которые находятся под влиянием нового концепта понимания региона как пространства со своими взаимосвязанными субъектами и объектами региональных отношений.

Ключевые слова: регион, региональная политика, региональное управление, региональная экономика, региональное управление.

I. Ogloblin

Irkutsk State University, Irkutsk

FEATURES AND VECTORS OF DEVELOPMENT OF THE MODERN REGION: POLITICS AND ECONOMICS

Abstract. The purpose of the article is to consider current changes in the systems of regional policy implementation and the structure of the regional economy, which are influenced by the new concept of understanding the region as a space with its interrelated subjects and objects of regional relations.

Keywords: region, regional policy, regional coordination, regional economy, regional development.

Традиционное понимание региональной политики представляет собой систему принятия решений, организованную по принципу сверху вниз, где центральные органы власти или подвластные им министерства самостоятельно принимают решения, опираясь на основные экономические показатели и собственные политические цели, в то же время в значительной степени игнорируя смешанные, интеграционные системы взаимодействия с регионами наряду с их собственным видением объективных региональных проблем и с восходящими вверх инициативами в региональном развитии. Ключевыми элементами политики регионального развития считаются инфраструктурные проекты, развитие социально-экономической среды региона, создание рабочих мест на основе государственной помощи и стратегий привлечения инвестиций. Эти элементы политики особенно привлекательны, поскольку они наиболее понятны ввиду своей простоты, практической осязаемости и популярности среди большинства населения региона. При рассмотрении региональной политики практически любого современного государства можно отметить, что несмотря на развитие правовой, экономической сфер и систем принятия решений на государственном уровне, подобный простой социально-экономический вектор сохраняется, а основной целью регионального развития является достижение лучших экономических показателей, нивелирование дисбаланса в региональном капитале и интеграция региона в межрегиональную систему на чисто экономическом принципе. Среди основных проблем современной парадигмы региональной политики выделяют следующие: отсутствие прочных и продуманных механизмов правительственной и региональной межуровневой интеграции, малое внимание региональному контексту и особенностям, ориентация на создание универсальных мер регионального развития с целью их применения в отличающихся друг от друга регионах, превалирование чисто экономических целей над инновационными проектами в других отраслях региональной политики [Garcilazo ... , 2020].

С началом новой парадигмы региональной политики, на замену нисходящему подходу национальные и региональные власти постепенно начали внедрять элементы кооперации в региональную политику.

Однако, несмотря на это, эксперты говорят о сохранении множества иных уже укоренившихся проблем, связанных с пространственной слепотой, когда акцент в региональном развитии делается на укреплении позиций крупных городских агломераций как единственных центров роста без опоры на остальное региональное пространство и его объекты, а также с нерациональным использованием территориального подхода, который говорит о том, что географический контекст с точки зрения институциональных, культурных и социальных характеристик имеет не меньшую важность, чем, например, чисто экономическая выгода. Также исследователи говорят о необходимости пересмотра сознания региона как концепта,

поскольку достаточно часто он все еще считается обычной подконтрольной административной единицей.

Сложившаяся ситуация положила начало двум основным тенденциям современной парадигмы регионального развития и политики: происходит трансформация в понимании региональной программы как явления ввиду появления большого количества научных работ, анализирующих региональные особенности и сложности [Vanthillo, Verhetsel, 2012]. Политика должна разрабатываться и формироваться непосредственно на региональном уровне без довлеющего присутствия государства.

Также эта тенденция связывается с процессами глобализации, которые сделали развитие более локализованным и комплексным с последующей ориентацией на внерегиональный и даже глобальный уровень. Глобализация стала своего рода маркером, выделившим важность местных особенностей и активов, на которых основывается конкурентоспособность регионов в общем контексте межрегионального взаимодействия.

В результате многоаспектного сочетания социальных, культурных, экономических и политических факторов наблюдается растущая **тенденция к уходу от жесткой «дисциплинаризации» различных направлений политики**. Если первоначально региональная политика и ее инструменты просто принимались или, в лучшем случае, были адаптированы на региональном уровне, то сейчас отдельные регионы в различных государствах обладают более широкими возможностями для разработки индивидуальной политики и имеют больший вес в региональном «программировании» и координации политики [Vanthillo, Verhetsel, 2012].

С начала XXI в. в странах Европы и США начала формироваться новая регионально ориентированная парадигма региональной политики, впоследствии частично адаптированная и другими странами. Суть парадигмы можно описать следующими положениями.

Изменение содержания политики: региональная политика перешла от чисто экономических подходов к преимущественно межотраслевым социально-экономическим и социально-политическим подходам, в рамках которых внимание уделяется и региональному самосознанию.

Изменение пространственной структуры политики: раньше основной принимающей поддержку стороной были слабые и стагнирующие регионы, когда более сильные были вынуждены решать региональные проблемы самостоятельно. Теперь основным фокусом становятся изучение и поиск путей правильной организации внутри- и межрегионального пространства для достижения большей ориентации непосредственно на регион и его проблемы без слепого вмешательства государства.

Изменение структуры управления: от нисходящей к более многоуровневой и восходящей, зачастую имеющей уровни не только в вертикальной плоскости, но и в горизонтальной, которую занимают как сугубо

региональные институты или организации, так и совместные проекты центра и региона, обладающие собственным вектором развития. Совокупность всех изменений положила начало новому явлению – умной региональной специализации. Это новый концепт в региональной политике, которая направлена на построение благоприятной обстановки для создания исходящих из региона инновационных предложений и стратегий, базирующихся на тесном взаимодействии между элементами региональной экономики, государственными и местными институтами власти и интеллектуального пространства региона. Значительное внимание такого рода стратегиям уделяется прежде всего в Европе и США, поскольку эти страны и являются разработчиками концепции. Однако стоит обратить внимание, что на данный момент смена парадигмы в региональной политике хоть и происходит, но она не является универсальным явлением, поскольку старая и новая парадигмы во многих государствах продолжают сосуществовать. Особенно это явление заметно в странах, где в прошлом веке сложилась жесткая система централизации власти с административно-плановой экономикой [Vanthillo, Verhetsel, 2012].

Основной особенностью современных региональных экономических систем можно считать их **пространственность**, которая формирует новое понятие региона, рассматриваемого как обособленная, но регулярно подвергающаяся внешнему вмешательству территория, имеющая специфические пространственные и социально-экономические условия и систему функциональных связей внутри и разделяющая единые цели экономического развития, обеспечивая эффективное использование своего физического и интеллектуального пространства [Heffner, Gribas, 2016]. Под вмешательством в регион понимается обоснованная экономическая, правовая и инвестиционная деятельность вышестоящих структур власти, реализующих национальную стратегию экономического развития страны, достижение задач которой обеспечивает условия для устойчивого регионального развития. Подобная государственная регуляция основана на двух принципах: какая-либо существующая региональная проблема требует вмешательства ввиду ее сложности и комплексности; аспекты региональной деятельности, в которых и наблюдается проблема, оказывают или могут оказать в будущем существенное влияние на развитие страны в целом.

В результате регионы подразделяются на два совершенно противоположных типа: регионы с высокой концентрацией процессов социально-экономического развития или так называемые полюса роста и проблемные зоны – территориальные единицы с наибольшей концентрацией негативных явлений в области экономического развития, имеющих национальное или межрегиональное значение и диапазон распространения. Таким образом формируется основная структурная цепь региональной экономики: *государственные институты и органы власти-> региональные институ-*

ты и органы власти-> социально-экономическая система региона [Sukharev, 2015].

Звенья представляют собой различные по происхождению, структуре и занимаемому в структуре региональной экономики месту группы субъектов, взаимодействующих друг с другом для достижения своих целей и интересов, которые в совокупности формируют уже непосредственно региональные интересы. Все они находятся в четко иерархических отношениях, поскольку любая экономическая деятельность четко контролируется законодательной системой государства, которая и определяет порядок, формы, векторы их взаимодействия.

Экономические интересы и цели процесса регионального развития со стороны государства выражаются с помощью как региональных, так и национальных стратегий пространственно-экономического развития. В каждой стране они имеют свое собственное название, но их наполнение отвечает общим целям и задачам, которые определяются следующими положениями:

- достижение социально-экономического развития регионов и иных территориальных образований;
- распределение обязанностей и областей ведения в рамках общих полномочий органов исполнительной власти, региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления;
- разработка принципов межрегионального сотрудничества;
- координация разработки и реализации комплексных проектов социально-экономического развития федеральных округов;
- координация и реализация приоритетных инвестиционных проектов, направленных на регионы;
- разработка принципов инновационной экономической политики;
- создание благоприятных условий для развития местного частного сектора экономики;
- создание и контроль за соблюдением стратегии устойчивого экономического развития [Sukharev, 2015].

Следующим звеном в иерархии системы региональной экономики являются региональные институты экономического развития. Они являются важной частью в институциональной структуре государственного и регионального уровней управления, поскольку занимают промежуточное положение между региональным населением и органами власти и призваны повысить потенциал и привлекательность регионов, обеспечить открытый доступ к необходимым ресурсам и способствовать развитию государственно-частного экономического сотрудничества. Если говорить о чисто экономическом аспекте их задач, то они сводятся к повышению экономического потенциала регионального правительства по обеспечению производства государственных услуг. Соблюдение их достаточного объема и

качества регулирования уникальных экономических и социально-экономических процессов в регионе осуществляется на основе существующих целей и задач государства:

- создание благоприятных условий и стимулов для гражданского и корпоративного бизнеса;
- внедрение новых и модернизация уже существующих производственных мощностей государственно-регионального сектора экономики;
- внедрение технических и интеллектуальных инноваций в процесс;
- развитие и обновление правового сектора экономики с помощью регионально специфических проектов.

Третьим звеном системы региональной экономики является социально-экономическое устройство региона, но не в привычном его понимании в виде общего числа жителей и их уровня жизни, а в виде экономических и демографических процессов, напрямую влияющих на региональное общество и экономику. Социально-экономическая система региона представляет собой совокупность сложных взаимодействий между населением, институтами власти и доступными экономическими благами, которые вместе находятся под влиянием множества факторов. Большинство ученых-регионоведов выделяют внутренние и внешние факторы. Внутренние факторы зависят от деятельности местных органов власти, частных экономических акторов и общей структуры хозяйственной системы, действующей на территории региона [Sukharev, 2015].

Внешние факторы напрямую не зависят от деятельности населения и местных управленческих структур, но оказывают прямое и/или косвенное влияние на развитие региона. К внешним факторам обычно относят государственное регулирование региональной экономики (прямое, не прямое, опосредствованное); нормативно-правовую базу; уровень развития экономической конкуренции; уровень развития рыночных институтов и политическую культуру. Сюда также относят и природные особенности: климатические условия; доступные природные ресурсы; географическое положение. К внутренним факторам можно отнести отраслевую региональную специализацию; уровень развития инфраструктуры и социальной сферы: инвестиционную привлекательность региона; вовлеченность во внешне- и межрегиональные экономические процессы; структуру и характеристики рынка труда; численность населения [Gasanov, Zubarev, 2020].

Как и в случае с региональной политикой, государственное вмешательство в региональную экономику является одним из основных среди внешних регулируемых факторов. Оно обычно выражается в форме необходимых субсидий, подразделяющихся на прямые (субсидии на производственные и материально-технические ресурсы, процентную ставку по кредитам, на компенсацию части затрат субъектов экономики, различные схемы реструктуризации задолженности и т. д.) и косвенные (налоговые

льготы; материально-технические субсидии; внедрение собственных экономических проектов, постройка социальных учреждений и т. д.).

Отраслевая региональная специализация является одним из основных внутренних факторов социально-экономического развития сельских территорий, поскольку деятельность сугубо региональных структур определяет сбалансированность рынка труда, физического и финансового капитала, финансовую обеспеченность бюджетов всех уровней управления, доходы населения (за счет заработной платы и пенсий) и развитие социальной сферы [Heffner, Gribas, 2016].

Отдельным фактором существования и развития региональной экономики выделяются особенности социально-экономической системы региона. К ним относят квалифицированную рабочую силу региона, миграционные потоки как внутри, так и в регион или за его пределы.

Таким образом, среди факторов, определяющих социально-экономическое развитие регионов, следует выделить факторы внешней и внутренней среды. При этом, если реализация внутренних факторов непосредственно влияет на уровень социально-экономического развития региона, то реализация внешних факторов лишь создает необходимые для этого условия.

Литература

Garcilazo J. E., Martins J. O. New Trends in Regional Policy: Place-Based Component and Structural Policies // Handbook of Regional Science. B. : Springer, 2020.

Gasanov E. A., Zubarev A. E. Dominant Theories of Regional Growth and New Forms of Territorial Organization of Industrial Production // IOP Conference Series Materials Science and Engineering: Science conference materials (Krasnoyarsk, August 27–29, 2020) / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall IOP; resp. ed. V. Marschalko. Bristol : IOP Publ. Ltd, 2020. P. 1–7.

Heffner K., Gribas P. Functional areas in the regions and their links to scope sub-regional centres impact // Studia Regionalia: European Regional Science Association, 2016.

Sukharev O. S. Regional Economic Policy: Structured Approach and Tools (Theoretical Formulation) // R-economy. 2015. N 2. P. 170–183.

Vanthillo T., Verhetsel A. Paradigm change in regional policy: towards smart specialisation. Lessons from Flanders (Belgium) // Belgeo: Revue Belge de Géographie. 2012. N 1-2. P. 1–16.

THE ECONOMIC TRANSFORMATION OF CHINA IN THE ASIAN CONTEXT

Abstract. China's development into a global economic giant has extensively remolded Asia's economic dynamics. Market reform, trade liberalization, and regional integration have helped China shape Asian countries' patterns of investments, industrial changes, and development models. This paper examines China's economic ascendancy, regional influence, and future in the transformed Asian economy.

Keywords: economic reform, globalization, trade, Asia, investment, industrialization.

Лоуренс Ларсала

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КИТАЯ В АЗИАТСКОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Отмечается, что превращение Китая в мирового экономического гиганта в значительной степени изменило экономическую динамику Азии. Показывается, что рыночные реформы, либерализация торговли и региональная интеграция помогли Китаю сформировать модели инвестиций, промышленных преобразований и развития азиатских стран. Рассматриваются экономическое превосходство Китая, его региональное влияние и его будущее в трансформирующейся азиатской экономике.

Ключевые слова: экономические реформы, глобализация, торговля, Азия, инвестиции, индустриализация.

China began its path toward modern economic transformation in 1978, under the impetus of Deng Xiaoping's endeavors to undo decades of incremental economic stagnation arising from inflexibly dictated orders from the center. Before 1978, agriculture was China's key business; it was relatively inefficient and had little contact with the world market. Through the gradual importation of market principles, Deng labeled this model "Socialism with Chinese characteristics," guaranteeing that it would grow socialism rather than weaken it [Yueh, 2016].

In the run-up to the reforms, agricultural operations were dominated by the state, through collective communes, and there were low yields and deficient incentives. Having HRS, every family was given the right to lease the land, satisfy the state's needs, and save surplus for self or for using it in a trade. The HRS, which began in Anhui province and spread throughout the country in 1982, empowered rural production and incomes, eliminated food shortages midway through the decade, and facilitated rural industries with Township and Village Enterprises.

China's effort to upgrade its industry included the creation of Special Economic Zones (SEZs) in cities along the coast, for instance, in Shenzhen and Zhuhai. To encourage investment, SEZs made it more friendly for foreign firms

by offering tax concessions and fewer administrative barriers. Special Economic Zones grew very fast and garnered a lot of foreign direct investments, becoming the key forces of rapid industrialization and urbanization on the coast in 1981 [Lin, 2018].

Efficiency problems were rampant among China's state enterprises (SOEs). The SOEs' autonomy was widened, profits retained, and market-based incentives apostrophized in reforms introduced in the mid-80s. Subsequent reforms – corporatization and partial privatization – increased productivity and stimulated the development of a dynamic private sector alongside SOEs.

In 1992, China declared its intention by establishing a “socialist market economy”, which played a role of ideology in supporting domestic reforms and introducing the nation to the international economy. The government laws were changed to facilitate private property rights, enforce contract implementation, streamline registration of business procedures, and attract foreign investors. Such reforms strengthened the legal architecture for a market economy and created the confidence that investors had.

China's Growth in the Globalized Economy

The December 2001 addition of China to the World Trade Organization (WTO) came as a decisive point in its role in the global economy. Being a member of the WTO enabled Chinese exporters to penetrate global markets, while it became easier for international businesses to do business with China while having greater certainty.

Key effects:

- An explosion of investment in foreign direct investment (FDI);
- Export-driven industrialization gained pace;
- Attempts to make domestic policies globally oriented were accelerated.

The expression “world's factory” came out at China became the primary electrical, garment, toy, and machinery producer of the world.

With a massive pool of workers, minimal labor costs, and fast-growing infrastructure, China became the world's hottest spot for supply chains. International companies moved their manufacturing activities to China, especially in electronics (e. g., smartphones, semiconductors), textiles and apparel, automobile parts, and consumer goods.

Impact:

- New standards were set in the world by China concerning pricing as well as volume of production;
- The cost advantage of China has exerted pressure on labor markets in many countries;
- Complementary Asian economies rose to prominence and leadership in the upstream or supporting functions, such as Taiwan's leadership in chip production and Vietnam's leadership in textiles;
- Export and import growth;

In little over 20 years, the volume of China's trade rose tenfold from about \$500 billion in 2001 to hit over \$6 trillion by 2023:

- Founded as the world's biggest exporter from 2009;
- The second-largest importer;
- Top trading partners: ASEAN, regional supply chains, fueling transforming growth among United States (consumer market), the European Union, Japan, and South Korea (suppliers of advanced technical components).

With rising foreign reserves and industrial capacity, China launched the Belt and Road Initiative (BRI) in 2013 to promote infrastructure connectivity across Asia, Africa, and Europe.

Key features of the BRI:

- Investments in railways, ports, power plants, and digital infrastructure;
- Strengthened geopolitical and economic influence;
- Created new markets for Chinese firms and excess industrial capacity.

Economic Transformation and Its Regional Impact

Imagine a bustling factory floor where gears from Malaysia, textiles from Vietnam, and machinery from China all come this is Asia's economy today, reshaped by China's rise.

1. Trade and Supply Chain Integration

From rubber farmers in Thailand to electronics suppliers in the Philippines, nearly every Asian nation now counts China as its top trading partner. Southeast Asia's workshops hum with activity, feeding raw materials into China's factories, and stitching together a continent-wide supply chain [Hsueh, 2011].

2. Relocation of Labor-Intensive Industries

As China's workers moved up the value chain, it is garment factories and shoe workshops packed up for Vietnam and Cambodia. Towns like Ho Chi Minh City and Dhaka became new hubs, where younger, lower-wage workforces stitch the clothes and assemble the gadgets that once bore "Made in China" labels.

3. Infrastructure Development via BRI

Picture a train cutting through Laotian mountains, a port rising from Sri Lanka's coastline, or a highway snaking across Pakistan funded by China's Belt and Road. These aren't just roads and rails; they're bridges of influence, binding neighbors to China's economic vision. China's growth didn't just lift its people-it rewired an entire region, turning Asia into a shared workshop where prosperity and dependency walk hand in hand [Amsden, 2001].

Challenges and Opportunities for China's Future Growth

1. Demographic Headwinds

China's population is aging rapidly. The working-age population (15–64) is shrinking, while the elderly population (65+) is rising.

- This shift may result in labor shortages, slower economic growth, and increased healthcare and pension costs.
- A declining labor force could undermine China's cost competitiveness in manufacturing.

2. Geopolitical Pressures

China faces strategic and economic tensions, especially with the U. S.

- Trade wars have led to tariffs on key exports.
- Technology restrictions have hampered firms like Huawei and SMIC, limiting access to advanced semiconductors and software.
- Regional power competition in the Indo-Pacific affects stability and trade routes.

3. Environmental Issues

China has undergone an intense industrial growth at a high cost to the environment:

- Important cities with high problems with air and water pollution.
- Dependence on coal for energy.
- Water scarcity in northern regions.

Opportunities

1. Innovation-Driven Growth

The country is quickly making itself known as a major power in global technological innovation:

- Is an AI research leader, blockchain technology leader, green energy leader, and biotech advancements leader.
- It will have key innovation hubs such as Shenzhen, and also has tech giants Alibaba, Tencent, and BYD.

Government support is central government for research and development, as well as intellectual property protection.

2. Domestic Market Expansion

As part of the Dual Circulation Strategy, China tries to:

- Reduce reliance on exports.
- Promote domestic consumption, especially from the increasingly middle class.
- Emphasis on the development of services, service, retailing, and the health sector to enhance future establishments.

3. Regional Integration

Posteriorly participating in RCEP (Regional Comprehensive Economic Partnership), China:

- Provides access to untapped markets in Asia-Pacific.
- Straightforward relaxation of Zollbarriere to 14 partner countries.
- Encourages development in cross-border e-commerce, fintech innovation, as well as the rollout of the digital yuan.

China and the Asian Economic Future

China stands as Asia's leading economic power while acting as the world's second-largest economy; thus, it determines how the region will advance. The Chinese influence extends across business partnerships, engineering projects, technological advancements, and foreign policy initiatives [Huang, 2014].

1. Trade Architecture

The Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) enables China to control regional trade operations throughout Asia.

Because of its membership of 15 Asia-Pacific countries, RCEP represents the biggest free trade bloc that covers economies responsible for 30 % of global Gross Domestic Product.

The regional standards that China establishes through RCEP regarding customs procedures, along with e-commerce and tariffs, enable Asia to restructure its supply chains toward Chinese economic integration.

The Belt and Road Initiative, together with China's export credit systems, directs the fiscal operations and financial support, together with the monetary system design of countries stretching from Central to Southeast Asia.

2. Technology and Digital Economy

Under the auspices of the "Digital Silk Road," China moves ahead with plans to assemble digital infrastructure across Asia and the Pacific region.

Five-G network investments, together with smart city initiatives and digital platforms, create central roles for Chinese companies such as Huawei and Alibaba in Asia's technological advancement.

China works with fast-growing technology centers in ASEAN, Central Asia, and South Asia to develop digital transactions and online governance systems through integrated data solutions.

Fintech partnerships combined with digital yuan trials provide countries a chance to break free from Western financial system control.

3. Leadership Role in Regional Institutions

China stands as the founder while providing financial backing to multiple key international organizations.

As a funding institution, the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) supports major energy and connectivity projects throughout Asia to generate Chinese soft power through its development assistance.

China engages in economic energy and security agreements with SCO member states from the Central and South Asian regions.

These platforms allow China to promote alternatives to Western-led institutions like the World Bank and the IMF.

4. A Balancing Act for Neighbors

Chinese economic growth creates multiple advantages for the region at the cost of establishing numerous dependencies.

ASEAN states maintain China as their number one trading partner, yet multiple states focus on developing different sources of investment and supply chains to minimize uncertainty.

Bilateral economic alliances and military cooperation between India, Japan, and Western countries have become stronger to limit Chinese power in the region.

Asia-Pacific nations have accelerated their regional balancing movements because of China's confrontational behavior in the South China Sea.

One of the most spectacular changes in human history is the turn of China from central planning to a market economy. Deng Xiaoping's reforms laid the ground for extensive economic reforms in 1978 that promoted an increase of a percentage point in growth from the previous year and the fight against poverty, which led to the nation opening its doors to international trade and investment. Major revamping in agriculture, state-owned enterprises, and the legal system has made the nation's economic growth backbone. The ascension to the World Trade Organization in 2001 helped China rule the world's supply chains and markets, the world's center of manufacturing.

In the past two decades, China's global economic influence has surged massively. China's share in world trade has increased significantly; its trade relations with ASEAN, the USA, the European Union, and other countries in the region have also become significantly larger. Initiatives like the Belt and Road Initiative (BRI) and entry into the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) have made its economic footprint much more pronounced, especially in Asia. China has heavily invested in infrastructure, and leveraging on connectivity and digital trade has also put China at a pivotal point in regional development.

However, China faces several challenges. The growth of population aging, as well as a shrinking workforce, poses a great challenge to China's long-term economic expansion efforts. Those differences from the West have added more threats to the safety of trade and access to modern technologies. Difficulties in resolving environmental issues and the rapid change to renewable energy come as great hurdles. However, China's focus on innovation, including development in sectors such as AI, green technology, e-commerce, among others, together with its good strategic policies, sets a good foundation for its ability to wield substantial global influence in the coming decades.

References

- Amsden A. H. *The Rise of "The Rest": Challenges to the West from Late-Industrializing Economies*. Oxford : Oxford University Press, 2001. 405 p.
- Hsueh R. *China's Political Economy: The Quest for Development*. London : Routledge, 2011. 288 p.
- Huang Y. *Capitalism with Chinese Characteristics: Entrepreneurship and the State*. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. 366 p.
- Lin J. Y. *The Industrialization of China and Its Implications for the Global Economy*. Washington : World Bank, 2018. 256 p.
- Yueh L. *China's Growth: The Making of an Economic Superpower*. Oxford : Oxford University Press, 2016. 304 p.
- Zhang W., Stough R. *Entrepreneurship and Economic Growth in China*. World Scientific, 2008. 126 p.
- Zhou X. *China's Economic Transformation and Integration with the Global Economy* // *Journal of Asian Economics*. 2013. Vol. 24, № 4. P. 345–358.

GRAMSCI'S POLITICAL PHILOSOPHY AND THE NEW GENERATION: A CRITICAL REFLECTION ON POWER, RESISTANCE, AND ETHICAL PRAXIS

Abstract. The political beliefs of Antonio Gramsci advanced contemporary perceptions regarding political powers, cultural dynamics, and resistance patterns in organizational settings. The base of his conceptual structure rests on cultural hegemony because it demonstrates how ruling groups preserve power through ideological influence instead of authoritarian control. The research explores Gramsci's ideas by studying his Prison Notebooks and critical writings to illustrate how his concepts address contemporary forms of domination in the current generation. Through his writings, Gramsci proposed that organic intellectuals serve as leaders in combining transformational social action with collective intellectual consciousness. Through his ethical commitment to praxis, he unified theory with action to promote a resistance that operates both reflectively and in a revolutionary way. Youth activists addressing social justice issues, environmental concerns, and economic inequality continue Gramsci's fundamental demand to build ethical resistance through cultural transformations. Studies indicate that Gramsci's political theories provide practical instruments to participate in power conflicts by implementing responsible ethical reflection.

Keywords: Antonio Gramsci, cultural hegemony, organic intellect, ethical praxis, resistance.

Мохаммед Абубакер Муфизаль

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ГРАМШИ И НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ: КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВЛАСТИ, СОПРОТИВЛЕНИЯ И ЭТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. Отмечается, что политические убеждения Антонио Грамши повлияли на современные представления о политической власти, культурной динамике и моделях сопротивления в организационных структурах. В основе его концептуальной структуры лежит культурная гегемония, поскольку она демонстрирует, как правящие группы сохраняют власть с помощью идеологического влияния, а не авторитарного контроля. В исследовании рассматриваются идеи Грамши из его тюремных записных книжек и критических работ, иллюстрирующие, как его концепции соотносятся с современными формами господства. Показывается, что в своих работах Грамши предлагал, чтобы интеллектуалы-органики служили лидерами в объединении преобразующих социальных действий с коллективным интеллектуальным сознанием. Благодаря своей этической приверженности он объединил теорию с действием, чтобы способствовать сопротивлению, которое действует как рефлексивно, так и революционным образом. Подчеркивается, что молодежные активисты, занимающиеся вопросами социальной справедливости, охраны окружающей среды и экономического неравенства, продолжают фундаментальное требование Грамши о создании этического сопротивления посредством культурных преобразований. Делается вывод, что политические теории Грамши представляют практические инструменты для участия в конфликтах власти путем ответственного этического осмысления.

Ключевые слова: Антонио Грамши, культурная гегемония, органический интеллект, этическая практика, сопротивление.

During his life from 1891 to 1937, Antonio Gramsci established himself as a critical figure in both Marxism and political theory and sociology and cultural studies. His intellectual work transcends traditional Marxist thought to generate important concepts that influence a broad array of advanced academic disciplines including education and media studies postcolonial management follow-up and social movement research and analysis. Gramsci's enduring value emerges from the detailed study of power which shows economic supremacy as incorporated into the cultural and ideological aspects of civil society. Cultural hegemony as proposed by Gramsci represents an advanced method to analyze complex social power structures within contemporary society because the dominant class maintains control by making subordinate groups accept their authority.

During the early years of the twenty-first century, the world faced multiple severe problems, including growing economic inequality coupled with environmental destruction as well as racial discrimination diminishing democratic systems, and increasing technology surveillance methods. Youth activists lead the fight against modern challenges by organizing multiple movements that fight for climate justice together with racial fairness and gender rights, as well as democratic reform movements. Youth groups undertaking these actions pursue both legislative changes and seek to redefine dominant cultural standards, social beliefs, and language. Through their activities, these groups demonstrate the concepts of a "war of position," which Gramsci defined as ongoing cultural battles intended to change the general public's consensus.

The research evaluates Gramscian political thought by applying it to analyzing modern political conditions together with young activist movements. The paper examines how Gramsci's notions about cultural hegemony, organic intellectuals, and ethical practice help explain current challenges and opportunities that face the new generation. This paper establishes the direct link between historical analysis provided by Gramsci and contemporary tools for resistance and social change, which can help modern societies.

This analysis examines political ethics by studying the Prison Notebooks of Gramsci and relevant works in their context. Gramsci defined revolutionary authenticity as linked to human liberation and cultural revitalization through ethical dedication. The focus on ethical duty by Gramsci serves today's social movements as fundamental leadership for maintaining their revolutionary power and resisting co-optation or commercial use during periods of chaotic popular resistance.

The investigation demonstrates that Gramsci's theories both have historical value and direct importance in the present. Modern youth activism finds support in Gramsci's vision that presents counter-hegemonic struggle as a process based on cultural, intellectual, and moral leadership methods. Gramsci's ideas provide fundamental resources to build an equitable future enabled by both fraternity and structured activism.

Antonio Gramsci (1891–1937) stands out as a prominent Italian Marxist philosopher and revolutionary who advanced studies in political theory and sociology as well as cultural studies. His theories extend beyond Marxist thought to influence educational studies as well as media theory, which jointly shape theories of colonialism and social conflict analysis. The enduring value of Gramsci derives from his complex study of power, which understands economic dominance as only one part of an extensive power system that exists throughout civil society through cultural and ideological expressions. Modern society benefits from cultural hegemony as a complex theory that explains the sophisticated nature of power structures because it demonstrates how dominant classes maintain governance by winning approval from lower social ranks.

Academia extensively studied Gramsci's literary works but focused particularly on *The Prison Notebooks*, which details his vital ideas during his imprisonment [Gramsci, 1971]. The concept of hegemony developed by Gramsci proves flexible according to Stuart Hall [Hall, 1986] when he studies how cultural power functions in postcolonial environments. According to Edward Said [Said, 1993], he developed postcolonial criticism through the analytical framework from Gramsci.

The “organic intellectual” concept developed by Gramsci presents major contributions to studies about grassroots movements [Forgacs, 2000]. Instead of conventional intellectuals, traditional intellectuals merge with oppressed social classes to develop their consciousness before organizing rebellion through mobilization. The theorists Laclau and Mouffe used Gramscian concepts to establish post-Marxist theories about radical democracy in 1985 [Laclau, 1985].

Modern resistance movements back up Gramsci's continuing importance according to Cunningham [Cunningham, 2015] and Mayo [Mayo, 2016] because ethical praxis, which unites moral dedication with political plans, proves vital against current trends of fragmented identities within commercialized culture.

Degradation, racial injustice, democratic decline, and technology surveillance. Young activists today organize various movements that protect climate justice alongside racial fairness, gender rights, and democratic renewal. The youth movements demonstrate unique characteristics through their policy change demands and their work toward developing alternative cultural ideals, belief systems, and communication frameworks. They participate in the ideological contest Gramsci defined as a “war of position” to shift the established beliefs in society.

The investigation seeks to analyze Gramsci's political framework concerning present-day political situations while concentrating on youthful political movements. The research investigates how Gramsci's concepts of cultural hegemony and organic intellectuals together with ethical practice explain what challenges and resources emerge for today's new generation. Through this study, we

establish that Gramsci's thought serves two purposes: diagnosing previous hegemonies while providing modern strategies to oppose societal structures.

The study investigates political ethics by critically analyzing Gramsci's Prison Notebooks while referencing related books and texts. Gramsci established that revolutionary action can only be authentic through dedication to human liberation combined with cultural revitalization as its foundational ethical foundation. Modern resistance movements preserve their revolutionary capacity by referencing Gramsci's guideline on ethical duty because resistance often becomes fragmented or turned into commercialized activities during today's timeframe.

The research establishes that Gramsci's intellectual legacy remains important in present times. The way he describes counter-hegemonic struggle operated through cultural, intellectual, and moral leadership methods matches the goals of modern youth activists. Modern forms of power require Gramsci's concepts to develop a future foundation that sustains justice as well as solidarity and thoughtful action.

This research uses bibliographic alongside critical-analytical methods by focusing on both Gramscian primary texts such as the Prison Notebooks and secondary academic interpretations. The research merges Gramsci's original publications with modern political applications to develop an analytical assessment that draws connections between historical theory and modern political engagement. This research uses thematic analysis to recognize the main recurring concepts, which include hegemony along with resistance, while intellectual leadership and ethical praxis represent different themes in Gramsci's work and modern youth-based political movements.

Gramsci introduced cultural hegemony as a new power theory that positioned ideology and cultural influences above all else to explain how ruling classes maintain their position. The traditional economic-centered Marxist proposition receives reinterpretation from Gramsci through his analysis of superstitious social structures, including educational frameworks along with religious bodies, media platforms, and civic institutions to create consent. Members of a society accept ruling class standards automatically as part of their "common sense". This type of power surpasses both legislation and physical strength.

The current hyper-mediated world lets cultural hegemony function using global media conglomerates and entertainment and digital industries that distribute neoliberal principles of consumption and competition with prevailing ideas of individualism. The youth population stands between opposing societal norms while accidentally helping to preserve these beliefs by posting on social media.

Gramsci's concept of the "organic intellectual" opposes conventional elitist views of intellectual authority. Natural intellectual personalities found within marginalized communities voice the hopes and criticisms of their respective communities. Their expert authority stems primarily from having experienced

first-hand many situations and uniting abstract principles to battlefield reality. Modern-day organic intellectuals usually come from social movements whereas they used to emerge from academic institutions and conventional media. The organic intellectual status can be seen in Malala Yousafzai who actively fights for female education through her experiences under Taliban control and Naomi Klein who analyzes environmental activism together with capitalist critiques.

Youth environmental activists led by Vanessa Nakate from Uganda showcase the modern characteristics of organic intellectual leadership that include both transnational and intersectional elements. The world requires a new intellectual class that understands how to shape and transform the world as Gramsci emphasized in his day. Organic intellectuals emerging from marginalized communities can now develop through the information access made available through online educational platforms together with social media platforms. Critics must exercise excellence in online platform usage because the problems of fake news and shallow content need careful handling to protect critical thinking.

Gramsci establishes that praxis emerges from thinking and acting together but needs ethical principles as its foundation. Ethical praxis surpasses basic activism because it represents a deliberate and morally dedicated method that focuses on human freedom. The approach rejects bare utilitarian strategies along with instrumental approaches to revolution because revolutionary work must directly support ideas of justice dignity and collective welfare principles. The study of ethical conduct becomes crucial at this time to defend social movements against counterproductive market-dominated activism known as “woke capitalism”. True ethical practice requires both deep ongoing dedication and goes beyond formal performances because it strives for complete systemic changes. Contemporary youth movement groups embrace ethical aspects as central components throughout their diverse approaches to activism. The climate movement found its advocacy on both scientific measurements and moral duty toward our children and the entire world. The racial justice movement promotes reparative justice and the complete elimination of deep-rooted problems rather than surface-level changes. Gramsci informs us that the practice of ethics brings a moral intellectual battle that requires dedication from both individual members and collective initiatives, which must guard against both environmental manipulation and internal conflict. The development of a counter-hegemonic culture requires movements to fight off outside control while adopting new values and behavior patterns within their organizational system.

The “war of maneuver” represents fast, direct attempts against state power, but Gramsci defined the “war of position” as a methodical extended framework for building cultural bases of social transformation. Gramsci explained how civil societies within liberal democracies needed a position-based conflict as a prerequisite for attaining successful political revolutions. The distinction serves as the key step needed to analyze modern movement strategies. Successful cultural

shifts that turn public perspectives and standards of values set the groundwork for broad-scale systemic transformations despite their initial difficulty in achieving policy reforms. Public recognition regarding systemic racism, together with environmental degradation and economic inequality, has proven successful during the so-called war of position throughout the previous ten years. The struggle for position demands patience and resilience because it needs organizations to build enduring characteristics which the disappointment-driven current generation needs to develop to sustain their movements.

Antonio Gramsci gave modern students vital political ideas that helped them construct transformative research methods and perform critical evaluations. The intellectual framework and moral values of Antonio Gramsci require young people to perform analysis and execute action by forming new cultural structures and cultivating local thinkers who bridge theory to social justice. Today's youth perform a critical analysis of Gramsci's theory to revitalize it for society through innovative methods of power resistance and ethical response systems.

References

- Cunningham F. The Political Thought of Antonio Gramsci. London : Routledge, 2015. 200 p.
Forgacs D. The Antonio Gramsci Reader: Selected Writings 1916–1935. N. Y. : New York University Press, 2000. 550 p.
Gramsci A. Selections from the Prison Notebooks / ed. and trans. By Q. Hoare, G. Nowell Smith. N. Y. : International Publishers, 1971. 483 p.
Hall S. Gramsci's Relevance for the Study of Race and Ethnicity // Journal of Communication Inquiry. 1986. № 10(2). 27 p.
Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 1985. 200 p.
Mayo P. Gramsci, Freire, and Adult Education: Possibilities for Transformative Action. London : Zed Books, 2016. 240 p.
Said E. Culture and Imperialism. N. Y. : Vintage Books, 1993. 416 p.

УДК 327.7

Nay Lin Tun

Central China Normal University, Wuhan

STUDY ON GEOPOLITICAL MANEUVERS AND STRATEGIC COLLABORATIONS: THE MYANMAR-RUSSIA PARTNERSHIP

Abstract. The study examines the development of bilateral relations between Myanmar and Russia after Myanmar's political transition in 2021 through an evaluation of geopolitical actions and strategic diplomatic agreements. Bilateral cooperation has received theoretical investigation from international relations experts who analyze historical relationships, political interests, and diplomatic solutions for isolation. The study examines diplomatic encounters in addition to military cooperation and diplomatic responsibilities to show how the partnership impacts regional security, global political strategies, and Western international rule systems.

Keywords: Myanmar-Russia relations, strategic collaboration, military cooperation, geopolitical strategy.

Най Лин Тун

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО МЬЯНМЫ И РОССИИ

Аннотация. Изучается развитие двусторонних отношений между Мьянмой и Россией после политического перехода в Мьянме в 2021 г. через оценку геополитических действий и стратегических дипломатических соглашений. Отмечается, что эксперты в области международных отношений, анализирующие исторические связи, политические интересы и дипломатические решения теоретически осмыслили двустороннее сотрудничество. Рассматриваются дипломатические контакты в дополнение к военному сотрудничеству и дипломатическим обязанностям, чтобы показать, как партнерство влияет на региональную безопасность, глобальные политические стратегии и западные системы международных правил.

Ключевые слова: отношения Мьянмы и России, стратегическое сотрудничество, военное сотрудничество, геополитическая стратегия.

The evolving nature of global power dynamics leads to significant changes in strategic alliances. Traditional geopolitical alignments give way to pragmatic partnerships according to [Morgenthau, 1948; Walt, 1987]. The evolving global atmosphere of multiplying powers and global political disintegration has elevated the importance of diplomatic ties between Myanmar and Russia. The diplomatic relations between Myanmar and Russia's anti-Western stance were strengthened after Myanmar's political transition in 2021 and Russia's escalating estrangement from the West following the events of 2014 [International Crisis Group, 2021]. Myanmar's diplomatic and economic marginalization due to Western sanctions and liberal democratic norms has pushed the military leaders toward seeking partnerships that enable security access, economic benefits, and international approval beyond Western democratic restrictions [Charney, 2021]. Russia intends to enlarge its Southeast Asian geopolitical reach by selecting Myanmar as a strategic partner to combat Western supremacy [Gabuev, 2021]. These two nations found agreement through their military alliances while engaging economically and coordinating diplomatically despite receiving different levels of international criticism. This strategic alliance affects world political power structures.

Myanmar's geostrategic position, situated at the juncture of South and Southeast Asia, and its abundance of natural resources render it an attractive focal point for external actors seeking influence in the region [Selth, 2018]. Currently, Russia has strengthened its moves towards Asia because Western countries have kept up Ukraine-related sanctions and diplomatic limitations post-crisis. After the Ukrainian crisis, Western countries launched diplomatic isolation measures alongside economic sanctions against Russia [Wilson, 2021]. Myanmar's State Administration Council (SAC) leaders view Russia as their principal diplomatic relationship partner because they gain both sophisticated

military equipment and political standing without Western monitoring guidelines [Egreteau, 2022]. The study analyzes the combination of strategic elements together with geopolitical factors that drove Myanmar-Russia relations to expand. The analysis investigates the influence of intensifying Myanmar-Russia ties on ASEAN security as well as global geopolitical transformations. This analysis works to advance academic knowledge across historical and contemporary views of Myanmar, as well as future expectations by investigating Russia-Myanmar diplomatic ties along with changing international power structures.

The Myanmar-Russia diplomatic alliance has attracted academic interest because it affects regional peace and stability as well as worldwide political dynamics and geopolitical realignments. Under the SAC regime in Myanmar since 2021, the country strengthened its relationship with Russia and China, along with distancing itself from Western democratic nations [Lwin, 2022]. Scholars emphasize that Myanmar's strategic collaborations with Russia are not only responses to Western sanctions but also maneuvers to strengthen military capabilities and secure political legitimacy. This literature review explores key themes in current scholarship, including historical ties, defense cooperation, economic partnerships, and the broader geopolitical consequences.

Myanmar and Russia's diplomatic relationship dates back to the early Cold War, though it remained relatively limited compared to Myanmar's ties with China or India [Selth, 2021]. However, scholars argue that the collapse of the Soviet Union and Myanmar's gradual opening up during the 1990s allowed for a recalibration of their ties [Haacke, 2019]. Russia's pragmatic approach towards non-interference in Myanmar's internal affairs has been consistently appreciated by Myanmar's military leadership, fostering an environment of mutual strategic trust [Wilson, 2023]. One of the most prominent aspects of the Myanmar-Russia relationship is military cooperation. Russia has become one of Myanmar's main arms suppliers, offering fighter jets, helicopters, and advanced military training as stated by the International Institute for Strategic Studies [International ... , 2022]. According to Kattelman [2022], Myanmar's dependence on Russian military technology has increased significantly after 2021 under SAC in Myanmar, as Western nations imposed arms embargoes. Furthermore, Myanmar's military officers have been trained extensively in Russian institutions, highlighting a deepening military-to-military bond aimed at enhancing Myanmar's defense capabilities while offering Russia a foothold in Southeast Asia.

Although military cooperation dominates their relations, economic collaboration has also been expanding. Recent studies show increased Russian investments in Myanmar's energy and mining sectors [Win, 2022]. Myanmar, seeking alternatives to Western capital, has opened its markets to Russian businesses, particularly in oil, gas, and nuclear energy projects [Stronski, 2021]. Researchers note that economic engagements serve dual purposes: bolstering Myanmar's struggling economy and providing Russia with strategic access to Southeast

Asian markets, potentially undermining Western influence in the region [Ganesan, 2022]. The Myanmar-Russia partnership must also be understood in a broader geopolitical context. Analysts argue that Russia's support for Myanmar is part of a larger strategy to counterbalance U. S. and EU influence in Asia [Gabuev, 2021]. Simultaneously, Myanmar benefits from the political cover that Russia provides at international forums such as the United Nations Security Council (UNSC) [Charney, 2021].

The partnership also impacts ASEAN's unity, as it complicates efforts to isolate Myanmar diplomatically, with Russia occasionally engaging ASEAN member states to advocate for a more "non-interventionist" stance [Weatherbee, 2022]. The evolving Myanmar-Russia partnership reflects complex calculations rooted in historical familiarity, mutual strategic needs, and broader geopolitical realignments. The relationship provides Myanmar with crucial military and economic lifelines while offering Russia valuable influence in Southeast Asia.

The study is anchored in two principal international relations theories: Realism and the Regional Security Complex Theory (RSCT). Within the realistic framework, we examine international survival and power control to analyze strategic operations between Russia and Myanmar [Morgenthau, 1948; Waltz, 1979]. With his Regional Security Complex Theory (RSCT), Buzan and Wæver [Buzan, 2003] depict how regional security patterns define the regional alliances and conflicts particular to Southeast Asia. The research analyzes the Myanmar-Russia partnership through qualitative methods using both descriptive and analytic approaches. The research utilizes thematic content analysis on secondary data to examine political, military, and economic connections between Myanmar and Russia [Creswell, 2014].

Primary, along with secondary data, forms the foundation through which the research investigates the evolution of the Myanmar-Russia partnership. The advancement of the Myanmar-Russia partnership depends upon official government declarations, together with military cooperative documents as well as essential political and military leader statements. United Nations documents, along with worldwide organizational documents, make international responses to partnership development clear and serve as essential diplomatic records. The documentation demonstrates the regulation of Myanmar-Russia diplomatic relations via strategic goals, policy directions, and institutional frameworks without any changes. The primary evidence in this research derives from reputable peer-reviewed articles while also drawing from briefs and scholarly work produced by major research organizations [Yee, 2023]. Multiple source triangulation helps this research achieve a fair assessment of vital drivers and results, and anticipated future directions for the Myanmar-Russia strategic partnership. A thematic analysis will be employed to systematically categorize the collected data into core themes, including military collaboration, economic engagement,

diplomatic strategies, and broader regional and global implications [Braun, Clarke, 2006].

The relationship between Myanmar and Russia traces back to the early Cold War period when the Soviet Union recognized Myanmar's independence in 1948 and established diplomatic relations in 1949. Although initially limited, cooperation gradually expanded in education, the military, and technical assistance throughout the 1950s and 1960s [Selth, 2002]. Myanmar's policy of neutrality under Prime Minister U Nu and General Ne Win's isolationist "Burmese Way to Socialism" meant that while diplomatic ties were established, they were not especially deep [Selth, 2021]. After the collapse of the Soviet Union in 1991, bilateral relations waned temporarily but revived in the early 2000s, driven by mutual strategic interests. Myanmar, facing international isolation and sanctions following the 1988 pro-democracy movement, turned to Russia as an alternative partner for military equipment and technological expertise. Russia, seeking to extend its influence in Southeast Asia and diversify its partnerships, found Myanmar a willing collaborator. In recent years, especially after 2010, Myanmar has rekindled its ties as it sought to diversify its international relationships amid strained relations with Western democracies [Egretau, 2022].

Contemporary times highlight several key drivers behind the Myanmar-Russia collaboration. Militarily, Myanmar's Tatmadaw has increasingly depended on Russian weaponry and defense systems, particularly after Western nations imposed arms embargoes following the 2021 SAC regime [International Crisis Group, 2021]. Since Myanmar's political transition in February 2021, Myanmar's SAC has increasingly relied on Russia as a principal diplomatic and military ally. With the imposition of sanctions and diplomatic isolation by the West, the SAC has sought to diversify its international partnerships, placing Moscow at the forefront of its foreign policy realignment. Russia was among the first major powers to publicly endorse the military-led (SAC), with high-level visits, defense agreements, and energy cooperation intensifying thereafter [Wilson, 2023]. The relationship is now characterized by a convergence of autocratic and military solidarity, mutual economic interests, and shared strategic visions opposing Western interventionist policies. This partnership has been underpinned by shared anti-Western sentiments, mutual diplomatic support in international forums, and strategic convergence against perceived Western interference [Storey, 2023].

Russia has emerged as Myanmar's key arms supplier after 2021, delivering advanced fighter jets, helicopters, and air defense systems. These transfers have supported the SAC's efforts to consolidate control amid escalating internal conflict with ethnic armed groups and pro-democracy resistance forces [Strangio, 2022]. The Myanmar-Russia partnership is manifested through a range of strategic collaborations spanning military, economic, and diplomatic domains. Defense cooperation forms the cornerstone of Myanmar-Russia relations. Myanmar

mar has become one of the largest buyers of Russian military hardware in Southeast Asia, purchasing advanced systems such as Su-30 fighter jets, Yak-130 trainers, and Pantsir-S1 air defense systems [International ... , 2022]. Additionally, joint military exercises and attendance at military expos such as Russia's International Army Games further demonstrate the strengthening security relationship [Win, 2022].

Beyond military cooperation, economic collaboration between Myanmar and Russia has expanded. Russia's state-owned enterprises have shown interest in Myanmar's energy sector, particularly in oil, gas, and nuclear energy cooperation. In 2022, Myanmar signed a memorandum with Russia's Rosatom to develop nuclear infrastructure, signaling ambitions to pursue nuclear energy for peaceful purposes, including research reactors and medical applications [Stronski, 2021]. Russian investments have also targeted Myanmar's oil and gas sectors, with companies like Zarubezhneft exploring opportunities in offshore drilling [Win, 2022]. Scholars argue that Myanmar's pursuit of nuclear capabilities under Russian guidance is motivated by both economic and strategic factors. Economically, nuclear technology promises solutions to Myanmar's chronic energy shortages, especially in rural regions [Ganesan, 2022]. Strategically, Myanmar's SAC leadership views nuclear cooperation as a way to bolster its prestige and autonomy in a region where energy security is increasingly linked to national sovereignty [Selth, 2021]. These engagements help Myanmar offset the economic consequences of Western sanctions while offering Russia entry points into Southeast Asian markets. Moreover, educational exchanges, including scholarships for Myanmar students to study in Russia, further deepen bilateral societal ties and soft power influence [Ganesan, 2022]. Moreover, Joint military training, defense delegations, and reciprocal high-level visits, such as the Chairman of the SAC, Prime Minister Senior General Min Aung Hlaing's repeated trips to Russia, have symbolized a deepening defense partnership [Council ... , 2023].

In 2022, Myanmar publicly fully supported Russia's special operation in Ukraine, a move that underscored the SAC's political alignment with Moscow, making it the only member of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) to take such a stance [Lintner, 2024]. This emerging partnership reflects what some scholars describe as "pariah solidarity" – a strategic alignment of internationally isolated regimes seeking to resist Western-led pressure [Kurlantzick, 2023]. For Myanmar, Russia provides not only arms and diplomatic backing but also legitimacy on the global stage, particularly within multilateral frameworks such as the United Nations and the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), to which Myanmar became a dialogue partner in September 2022. Conversely, Russia benefits by expanding its geopolitical influence in Southeast Asia and defying Western containment efforts.

Russian President Vladimir Putin shakes hands with Senior General Min Aung Hlaing, Chairman of the State Administration Council and Prime Minister of the Republic of the Union of Myanmar, during their meeting at the Grand Kremlin Palace in Moscow on March 4, 2025.

Source: President of Russia, official website
[<http://en.kremlin.ru/events/president/news/76403/photos/80278>]

The Chairman of SAC and Prime Minister Min Aung Hlaing are conducting an “official goodwill visit” to Russia at this time. Russian President Vladimir Putin welcomed the Chairman SAC, Min Aung Hlaing, on March 4, 2025, for talks that solidified the diplomatic and strategic friendship between the two nations. Since his appointment to office in 2021, the Chairman has conducted his fourth official visit to Russia, which demonstrates a priority for strengthening bilateral diplomatic ties. Throughout his time in Russia and Belarus, the Chairman signed 24 memoranda to enable the development of collaboration in multiple fields between the countries.

The ongoing relationship reflects pragmatic calculations by both states to counter Western pressures and bolster their geopolitical standing. Economically, Russia’s expertise in the energy sector, notably in nuclear technology, has found receptive markets within Myanmar’s developing infrastructure projects, offering Moscow new opportunities to expand its influence. Politically, both nations have sought diplomatic solidarity, using their partnership to resist Western condemnation of Russia for its actions in Ukraine and Myanmar, thereby reinforcing their shared narrative against Western interventions in sovereign affairs. Yet, there remains a notable gap in the literature regarding the strategic depth of this

partnership and its long-term implications for regional stability. Most existing works focus on transactional elements rather than the broader geopolitical ramifications, underscoring the need for a more comprehensive analysis. The ongoing relationship reflects pragmatic calculations by both states to counter Western pressures and bolster their geopolitical standing.

However, this bilateral relationship has drawn criticism from ASEAN members and Western governments, who view the partnership as undermining regional stability and legitimizing authoritarian rule. While Russia's engagement shields the SAC from total isolation, it also deepens Myanmar's dependence on authoritarian partners, limiting prospects for democratic transition and complicating regional diplomacy [Storey, 2023]. Finally, Myanmar-Russia relations after 2021 reflect a pragmatic convergence rooted in mutual political expediency, strategic defiance of Western norms, and military cooperation.

Myanmar's strategic alignment with Russia is also evident in its interactions with the United Nations Security Council (UNSC). Russia has consistently shielded Myanmar from punitive international actions following the 2021 SAC's regime. In several critical UNSC meetings, Russia either vetoed or abstained from votes condemning Myanmar's military rule, aligning its position closely with China's non-interventionist stance [Charney, 2021]. Diplomatically, both countries have supported each other in resisting Western-led sanctions and promoting non-interference [United ... , 2021]. Studies highlight that Russia's support stems from a broader policy of resisting Western-backed regime change efforts and defending state sovereignty [Haacke, 2019]. Russia's UNSC behavior concerning Myanmar fits into its global pattern of countering Western diplomatic initiatives, especially in cases involving sanctions [Gabuev, 2021]. Moreover, Myanmar has reciprocated by expressing support for Russian positions on international issues, including Russia's stance on Ukraine and criticism of NATO [Wilson, 2023]. This diplomatic symbiosis reinforces both nations' narratives of resisting "Western imperialism", while also ensuring that Myanmar remains diplomatically insulated despite widespread condemnation from Western countries and some ASEAN members [Weatherbee, 2022].

The Myanmar-Russia partnership is fundamentally shaped by a convergence of geopolitical necessities and strategic calculations. First, it highlights the emergence of alternative international alignments that challenge Western-centric diplomatic frameworks [Gabuev, 2021]. For Myanmar, international isolation following the 2021 SAC regime has drastically limited its diplomatic and economic options [International Crisis Group, 2021]. Russia's willingness to block or dilute UNSC resolutions critical of Myanmar illustrates how global governance bodies are increasingly arenas of great power competition [Charney, 2021]. Moreover, Russia's commitment to engage with the politically ostracized SAC regime offers Myanmar critical military technology, political support, and diplomatic legitimacy [Selth, 2018]. Second, the partnership complicates

ASEAN's efforts to address Myanmar's political transition, as Myanmar feels emboldened by its strong ties with Russia [Weatherbee, 2022].

From Russia's perspective, Myanmar's strategic geographic location enhances its value to Russia's broader Indo-Pacific ambitions [Wilson, 2021]. Furthermore, Russia's engagement with Myanmar fits within its broader "pivot to Asia" strategy, enhancing its strategic depth while ensuring that Southeast Asia remains a contested space rather than a Western-aligned bloc [Haacke, 2019]. So, Myanmar presents an opportunity to deepen its footprint in Southeast Asia, a region traditionally influenced by China and the United States [Buzan, Wæver, 2003]. Moreover, the Myanmar-Russia partnership carries significant ramifications for regional stability and the broader global order [Acharya, 2021]. Regionally, Myanmar's engagement with Russia serves as strategic hedging against China's overwhelming influence [Sun, 2022].

This study examines the multifaceted Myanmar-Russia partnership, emphasizing its foundation in mutual strategic imperatives rather than shared normative values. The findings underscore that defense cooperation constitutes the core of the bilateral relationship. Myanmar's procurement of Russian military hardware, including advanced air defense systems and fighter jets, reflects deepening military ties. Furthermore, Russia's training of Myanmar military personnel signifies a long-term strategy of capacity-building and institutional influence within the Tatmadaw. Economic partnerships represent the second component of their support, as Myanmar's energy and mineral sectors have expanded since its 2021 SAC regime takeover. The Russian investments in oil, gas, and nuclear energy establishments serve Russian tactics for gaining control of resources and geopolitical strength in the Indo-Pacific region. Foreign relations between Russia and Myanmar continue because geopolitics takes priority over nuclear proliferation problems in Myanmar's unstable political environment. The partnership enables Myanmar to maintain extra protections at the UNSC through Russian opposition toward economic restrictions and foreign sanctions. The diplomatic backing from foreign powers allows SAC's regime to maintain its power without foreign opposition. Russians intend to extend their strategic position in Southeast Asia through this alliance, which conflicts with Western regional engagement. The partnership emerges as a practical alliance between both parties, which serves their mutual interests. Myanmar first prioritizes the safety of its existing SAC regime, whereas Russia works to increase its political power across various territories.

Myanmar has established a strategic partnership with Russia through practical mutual interests in the current global conditions. Since its historical start, the partnership has developed through joint defense efforts and mutual respect-based economic and diplomatic connections. Expert research should monitor the developing partnership due to changing global realities. Russia supports Myanmar diplomatically through sanctions conditions, builds its Asian network, and

defends against Western diplomatic opposition. The strengthened Myanmar-Russia partnership produces multiple challenges for Western imperialism. A rising global distribution of power will make Russia-Myanmar bilateral cooperation vital in terms of molding Southeast Asian regional politics.

References

- Acharya A. ASEAN and regional security in Southeast Asia: Challenges and prospects. London : Routledge, 2021. 280 p.
- Braun V., Clarke V. Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3, N 2.
- Buzan B., Wæver O. Regions and powers: The structure of international security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 564 p.
- Charney M. W. The politics of dictatorship and democracy in Myanmar. London : Routledge, 2021. 198 p.
- Council on Foreign Relations: Russia's role in Myanmar's post-coup conflict. 2023. URL: <https://www.cfr.org> (date of access: 11.05.2025).
- Creswell J. W., Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approaches. 4th ed. Thousand Oaks : SAGE Publications, 2014. 342 p.
- Egretau R., Myanmar in crisis: Military rule and political resilience. London : Routledge, 2022. 215 p.
- Gabuev A., Russia's pivot to Asia: Myth or reality? M. : Carnegie Moscow Center, 2021. URL: <https://carnegie.ru/commentary/84891> (date of access: 11.05.2025).
- Ganesan N. Myanmar's international relations after the coup: Strategic maneuvering in isolation. *Asian Affairs // An American Review*. 2022. Vol. 49(3).
- Haacke J. Myanmar's foreign policy under Thein Sein: Non-alignment, diversification, and the hedging dilemma // *Journal of Southeast Asian Studies*. 2019. Vol. 50(1).
- International Crisis Group: Responding to the Myanmar coup. 2021. URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-east-asia/myanmar/314-responding-myanmar-coup> (date of access: 11.05.2025).
- International Institute for Strategic Studies: The Military Balance 2022. London : Routledge, 2022. 512 p.
- Kattelman K. Myanmar's new era of arms deals: Russia's expanding role // *Defense & Security Analysis*. 2022. Vol. 38, N 4.
- Kurlantzick J. Authoritarian solidarity in Southeast Asia: The Myanmar-Russia case. 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com> (date of access: 11.05.2025).
- Lintner B. Ties between warmongering regimes in Myanmar, Russia as cozy as ever. 2024. Aug. 14. URL: <https://www.irrawaddy.com/opinion/guest-column/ties-between-warmongering-regimes-in-myanmar-russia-as-cozy-as-ever.html> (date of access: 11.05.2025).
- Lwin T. Myanmar and the geopolitics of authoritarian resilience // *Contemporary Southeast Asia*. 2022. Vol. 44, N 1.
- Morgenthau H. J. Politics among nations: The struggle for power and peace. N. Y. : Alfred A. Knopf, 1948. 489 p.
- Selth A. Myanmar's armed forces and the Russian connection: Past, present, future. Brisbane : Griffith Asia Institute, 2021. 45 p.
- Selth A. Burma's armed forces: Power without glory. Norwalk : EastBridge, 2002. 210 p.
- Selth A. Myanmar's armed forces and the Rohingya crisis: The wider implications of international isolation; 2018. URL: <https://www.griffith.edu.au/asia-institute> (date of access: 11.05.2025).
- Storey I. Myanmar-Russia relations since the coup: An ever-tighter embrace (ISEAS Perspective № 92). Singapore : ISEAS-Yusof Ishak Institute, 2023. URL: <https://www.iseas.edu.sg> (date of access: 11.05.2025).
- Strangio S. Pariah solidarity: Myanmar-Russia relations blossom amid Western sanctions. 2022. Aug 5. URL: <https://thediplotat.com> (date of access: 11.05.2025).

Stronski P. Russia's growing footprint in Southeast Asia. 2021, July, 19. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/07/19/russia-s-growing-footprint-in-southeast-asia-pub-84930> (date of access: 11.05.2025).

Sun Y. China-Myanmar relations: New dynamics and strategic hedging. Washington : Brookings Institution, 2022. 32 p.

United Nations: UN General Assembly resolution on Myanmar. 2021. URL: <https://www.un.org/en/ga/75/resolutions.shtml> (date of access: 11.05.2025).

Walt S. M. The origins of alliances. Ithaca : Cornell University Press, 1987. 321 p.

Waltz K. N. Theory of international politics. Reading : Addison-Wesley, 1979. 251 p.

Weatherbee D. E. ASEAN, and the Myanmar crisis: Responses and implications // Asian Journal of Political Science. 2022. Vol. 30, N 1.

Wilson J. Russia's pivot to Asia: Geopolitical recalibration in the 21st century. Cham : Palgrave Macmillan, 2021. 293 p.

Wilson T. Russia and Myanmar: Partners of necessity // Strategic Analysis. 2023. Vol. 47, N 1.

Win Y. Y. The role of Russian investment in Myanmar's post-coup economy // Asian Economic Policy Review. 2022. Vol. 17, N 2.

Yee N. Myanmar's foreign policy recalibration: Between East and West // Asian Survey. 2023. Vol. 63, N 2.

РАЗДЕЛ III

ТУРИСТИКА И УРБАНИСТИКА

УДК 316.77

О. А. Каверина, А. М. Черных

Иркутский государственный университет, Иркутск

МЕДИАРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО КИТАЯ

Аннотация. Представлен обзор лингвокогнитивных механизмов, включающих разнообразные инструменты как средства воздействия на целевую аудиторию. Вербальная репрезентация туристского медиаконтента Китая представлена маркетинговыми, дискурсивными и языковыми средствами – аттракторами, которые способствуют продвижению и рекламированию турпродукта.

Ключевые слова: «мягкая сила», механизм, инструмент, аттрактор, медийный дискурс.

O. Kaverina, A. Chernykh

Irkutsk State University, Irkutsk

MEDIAREPRESENTATION OF TOURISTIC CHINA

Abstract. The article is aimed at reviewing the linguocognitive mechanisms that include a variety of tools as a means of influencing the target audience. Verbal representation of China's tourism media content is depicted by marketing, discursive and linguistic means – attractors, which contribute to promoting and advertising of tourist products.

Keywords: soft power, mechanism, tool, attractor, media discourse.

На сегодняшний день Китай является одним из основных туристических направлений как для жителей страны, так и иностранных туристов. Так, только в период майских праздников китайцы совершили 314 млн поездок по стране, а Пекин за пять майских дней принял 17,9 млн туристов со всего света [Китайская панорама]. На этот стремительный рост влияют различные факторы, одним из которых выступает использование «мягкой силы». Термин «мягкая сила» был введен американским политологом Дж. Наем, который понимал «мягкую силу» как способность влиять на другие государства с целью реализации собственных целей через сотрудничество в определенных сферах, направленное на убеждение и формирование положительного восприятия, симпатии и притяжения [Нье, 2004]. «Мягкая сила» Китая репрезентируется в широком освещении в средствах массовой информации различных инициатив – культивировании образовательных,

культурных, социальных, экономических и других достижений. Сфера туризма занимает приоритетное место в плане экономических успехов Китая, способствуя формированию положительного имиджа страны как туристской дестинации с богатой историей и культурой.

Формирование образа дестинации в качестве туристического аттрактора является одной из главных задач для развития экономики региона. Для привлечения туристического потока Китай использует медийные площадки – тематические порталы, медиаплатформы, туристские сайты, социальные сети, мобильные предложения, тематические блоги и сообщества, онлайн-версии национальных журналов Китая и другие, содержание которых нацелено на рекламирование и маркетинговое продвижение туристического продукта. Эти площадки – англоязычные, что также является важной маркетинговой стратегией – как привлечь к своим турпродуктам представителей англоговорящего мира (самого многочисленного), так и использовать английский язык в качестве международного инструмента коммуникации. Среди известных медиаплатформ – тревел-агентство Top China Travel [Top China Travel], существующее с 2006 г.; китайская ежедневная общественно-политическая газета China Daily [China Daily] – газета с самым большим тиражом на английском языке, издаваемая в Китае; China Highlights [China Highlights] – крупнейший туроператор по Китаю с 1998 г.; Beijing Review [Beijing Review] – единственный в Китае национальный журнал новостей на английском языке, начавший свою информационную деятельность в 1958 г., следуя миссии предоставлять своевременную и точную информацию из первых рук об экономических, политических и культурных событиях в Китае, а также о его отношениях с остальным миром; журналы Институтов Конфуция – сети международных культурно-образовательных центров, созданных с целью популяризации китайского языка и культуры по всему миру, и много других.

Областью изучения прагматически ориентированных текстов, имеющих рекламный характер, занимается маркетинговая лингвистика. При этом объектом данной прикладной области лингвистики являются не только рекламные тексты, но и статьи на темы продаж, устные продающие выступления, наименования [Борисова, 2016, с. 140], а также письменные, в виде продвигающих текстов, посты в социальных сетях, статьи в онлайн-журналах, дискурсивное оформление сайтов туроператоров и т. д., имеющие цель использовать языковые средства для продвижения товаров и услуг. Продвигающий текст создается не только для рекламирования, а представляет собой функциональную единицу, целью которой служат эффективное воздействие на потенциального потребителя, вызов определенных эмоциональных состояний и побуждение к определенному действию [Ухова, 2012] посредством дискурсивных аттракторов. Перформативный

продвигающий текст / дискурс ориентирован на принуждение, убеждение, вдохновение адресата на совершение действий в коммуникативном пространстве [Орсоева, 2021, с. 73].

В медийном дискурсе выделяют различные когнитивные механизмы аттракции, основанные на перформативности, креативности, языковой игре, контрасте, фокализации ценностных установок события, актуализируемые посредством таких языковых средств, как аллюзия, сравнение, гиперболизация, апелляция к различным ценностям и др. [Орсоева, 2021]. Обладая воздействующей силой, данные средства выступают инструментами создания образа, его преобразования, изменения или измерения. Выделяют следующие инструменты репрезентации информации: визуализирующие, оценивающие, персуазивные, продвигающие, управляющие вниманием, эпидейктические. Каждый из инструментов реализуется в процессе лингвокогнитивной операции конструирования определенного смысла и вербализации его языковыми, речевыми и дискурсивными средствами, такими как имажинеринг, метафоризация, персонализация, инспирация, диалогичность, вовлечение, фреймирование, фокусирование, спиндокторинг и др. [Кузнецова, 2024]. В любом из приведенных выше медиаформатов отмечается выдвигание в фокус внимания того или иного аттрактора. Рассмотрим некоторые из инструментов аттрактивности.

Тревел-агентство Top China Travel в качестве инструмента аттрактивности туристской дестинации – города Гуйлинь (*Guilin*) использует информацию (в том числе визуальную) о посещении города знаменитостями – американскими экс-президентами (*George Bush and his wife, Jimmy Carter and his wife, Bill Clinton and his wife, Bill Gates*), председателем Сената Колумбии (*Gomez*), послом Ирландии (*Ambassador of Ireland*), знаменитым баскетболистом (*Andrew Bynum*). В рубрике *Celebrities travel with us* агентство отмечает высокий уровень своей деятельности посредством референции к знаменитым персонам, позиционируя высокую оценку своей работы как награду, например: *It is really a great reward for our hard work*. И далее референция направлена на адресата – потенциального туриста – дорогого друга, с которым приятно разделить радость, например: *So here, we have the pleasure to share our joy with you, our dearest friends* [Top China Travel]. Пример выше демонстрирует использование инструмента оценивающего позиционирования, в частности, единения с целевой аудиторией, имплицитно следующую цепочку пропозиций – [Мы хорошо сработали с VIP-персонами – Мы принимаем пользование услугами нашего агентства VIP-персонами в качестве награды – Мы делимся этой радостью с вами – Вы наши самые дорогие друзья].

Наиболее частотным способом репрезентации собственной значимости и ценности выступает употребление аттрактивных механизмов, кон-

струирующих перформативность, актуализируемых в квази-диалогичности (предполагаемого диалога с адресатом), т. е. импликации позиции адресата как собеседника, что выражается средствами императива единственного числа, личными местоимениями 2-го лица, например: *Immerse yourself in the captivating blend of East and West in Shanghai; Booking our service, you can create an itinerary that perfectly aligns with your interests and pace* [China Highlights]. Аппривативность следующего контекста основана на модальности обещания, усиленной сравнением, например: *Similar itineraries never mean that you'll have the same experiences – unlike other travel agencies that just show you around, we create unique Shanghai experiences that allow you to interact with the local people and culture* [China Highlights].

Стоит отметить особый клиентоориентированный подход (*Customer Relationship Management* – «маркетинг взаимоотношений») к ведению бизнеса в китайских туристических компаниях, что репрезентировано в апелляции к профессиональным ценностям, например, аутентичности – *Not touristy. See authentic local culture and lifestyles*; вовлечению – *Don't be a bystander taking photos. Understand the culture by practicing it* [China Highlights], к культурным ценностям. Так, компания Top China Travel предлагает туры для мусульман (*Muslim-friendly tours*) и туристов из Индии (*Indian-friendly tours*), позиционируя уважение и почитание к этим странам, внимание к идентичности этих стран [Top China Travel].

Другим частотным аттрактивным инструментом в туристской медиасфере Китая выделяется метафоризация. В статье *Taking a deep dive into Guizhou's ethnic attire* в журнале *China Daily* адресата знакомят с народной китайской пословицей: *Costume, a great philosophy of life, is a dialogue between the heart and the outside world and the soul that's worn on the body* [China Daily]. Пословица богата метафорами, но и сама выступает в качестве метафоры к статье, через которую воспринимается весь текст, например: *Their records are mainly in the form of the needles and threads in woman's hands. These efforts stitch together a unified understanding of human diversity in the province.*

Репрезентация информации при помощи ярких образов, способных вызвать эмоции, принадлежит такому инструменту визуализации, как имажинеринг, например: *The Museum is a passion project, a nonprofit non-governmental institution devoted to collecting, displaying, researching and spreading awareness of clothing and accessories made by the region's ethnic groups, especially the 48 that inhabit Guizhou province* [China Daily]. Данный пример насыщен эмоционально-оценочными словосочетаниями: *a passion project, a nonprofit nongovernmental institution*; усилительным наречием *especially*, создавая образ исключительности этнических групп Гуйджоу. Кроме этого, в статье приводится внушительная статистика, что придает

информации большую значимость и формирует доверие: *travelled over 100 villages, amassed a collection over 3,000 costumes, 2,000 baby carriers and 20,000 samples of embroidery; The public can visit 3,000 square meter hall. It has also organized exhibitions in two dozen countries; However, the institution's promotion of ethnic attire extends beyond its walls, to the wider world* [China Daily].

Краткий обзор контекстов туристской медиасферы Китая подтверждает тот факт, что китайский турбизнес репрезентирует себя как клиентоориентированный, который активно задействует маркетинговые, языковые и дискурсивные механизмы позиционирования своих турпродуктов посредством использования различных инструментов продвижения и рекламирования.

Литература

- Борисова Е. Г. Маркетинговая лингвистика: направления и перспективы // Верхневолжский педагогический вестник. 2016. № 4. С. 140–142.
Китайская панорама. URL: <https://t.me/chinesepanorama> (дата обращения: 17.04.2025).
Кузнецова И. А. Лингвокогнитивные инструменты, способствующие эффективной коммуникации в медийном дискурсе. М. : Флинта, 2024. С. 113–145.
Орсоева А. А. Способы достижения аттрактивности дискурса коммуникативного события : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Иркутск, 2021. 155 с.
Ухова Л. В. Эффективность рекламного текста. Ярославль : ЯГПУ, 2012. С. 148–154.
Beijing Review. URL: www.bjreview.com (дата обращения: 11.02.2025).
China Daily. URL: www.chinadaily.com (дата обращения: 10.05.2025).
China Highlights. URL: www.chinahighlights.com (дата обращения: 14.05.2025).
Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y. : Public Affairs, 2004. 192 p.
Top China Travel. URL: www.topchinatravel.com (дата обращения: 14.05.2025).

УДК 338.48-44(1-87)(519.3)

Е. Е. Калиш

Иркутский государственный университет, Иркутск

РАЗВИТИЕ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА В КНДР В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

Аннотация. Представлен обзор современного состояния и экономической деятельности КНДР, десятилетиями находящейся в условиях жестких международных санкций. В основу анализа легли результаты современных исследований и данных внешних организаций, специализирующихся на КНДР. Особое внимание уделяется мерам поддержки и развития въездного туризма в КНДР, отрасли экономики, которая может принести дополнительный доход в бюджет страны.

Ключевые слова: КНДР, Северная Корея, въездной туризм, санкции, иностранные туристы.

INBOUND TOURISM DEVELOPMENT IN DPRK UNDER SANCTIONS

Abstract. The article provides an overview of the current state and economic activity of the DPRK, which has been under severe international sanctions for decades. The analysis is based on the results of modern research and data from external organizations specializing in the DPRK. Special attention is paid to supportive measures aimed at the development of inbound tourism in the DPRK, a branch of the economy that can bring additional income to the country's budget.

Keywords: DPRK, North Korea, inbound tourism, sanctions, foreign tourists.

Корейская народная демократическая республика (КНДР) – закрытая страна, переживающая сложные экономические времена в условиях сложившейся политики изоляционизма с момента разделения в 1945 г. Корейского полуострова на север и юг.

КНДР живет в условиях постоянных экономических санкций, которые были введены Вашингтоном еще в 1950 г. с началом Корейской войны. С 2006 г. после первого испытания ядерного оружия санкции стали неотъемлемой частью жизни Северной Кореи. С 2016 г. резолюциями ООН ежегодно вводились санкции на запрет экспорта ряда полезных ископаемых, текстиля, морепродуктов и других товаров в государства – члены ООН. Одновременно был наложен запрет на импорт в КНДР необходимых для функционирования экономики ресурсов, таких как нефть и нефтепродукты. Гражданам КНДР запретили работать за рубежом. Санкции против КНДР носят международный характер и были введены не только США и Европейским союзом, но также Австралией, Южной Кореей и Японией.

Такое санкционное давление на Северную Корею, естественно, влияет и на въездной международный туризм, который слабо развит в КНДР. В то же время его развитие является перспективной сферой экономики, способной принести дополнительный доход в бюджет страны, находящейся в условиях экономической изоляции и запретов на ведение международной торговой деятельности.

В условиях международных санкций официальная статистика по ВВП и валовому национальному доходу не предоставляется КНДР с 1960-х гг., поэтому, согласно Ким Бён Ён, профессору Сеульского национального университета, ведущему эксперту по экономическим вопросам КНДР, эта задача пала на плечи внешних исследователей и таких организаций, как Центральный банк Республики Корея¹: “owing to the fact that North Korea does not release data on its GDP and GNI, the task has fallen on the shoulders of outside researchers and such institutions as the (BOK)” [Kim, 2021, p. 1].

¹ Банк Кореи (Bank of Korea) – центральный банк Республики Корея в Сеуле и сторонняя финансовая организация, оценивающая ВВП КНДР с 1991 г. на базе основных данных по объемам производства, предоставляемых организациями, специализирующимися на КНДР.

Данные отчета Центрального банка Республики Корея, опубликованные 26 июля 2024 г. [Gross Domestic ...], наглядно демонстрируют особенности экономики КНДР в сопоставлении с данными по Республике Корея (рис. 1) [Ibid, p. 3].

North Korea's Industrial Structure¹⁾

	North Korea		South Korea	
	2022	2023	2022	2023 ^P
	(%)			
Agriculture, forestry & fishing	23.1	22.0	1.6	1.5
Mining & manufacturing	30.5	30.7	28.9	27.7
Mining	9.5	9.0	0.1	0.1
Manufacturing	21.0	21.6	28.8	27.6
(Light industry)	(6.3)	(6.9)	(4.5)	(4.9)
(Heavy & chemical industry)	(14.7)	(14.7)	(24.3)	(22.7)
Electricity, gas & water supply	2.2	5.4	0.8	1.9
Construction	10.8	11.0	5.7	5.9
Services	33.4	30.9	63.1	63.0
(Government)	(26.5)	(24.3)	(10.8)	(10.8)
(Other services) ²⁾	(6.9)	(6.7)	(52.3)	(52.2)
GDP ³⁾	100.0	100.0	100.0	100.0

Notes: 1) Proportion of each industry's production in total nominal GDP.

2) Includes sub-sectors such as (i) wholesale & retail trade, and accommodation & food services,

(ii) transportation & communications, and (iii) finance, insurance & real estate.

3) South Korea's GDP figure is based on Gross Value-Added (GVA) at basic prices.

Рис. 1. Фрагмент отчета Центрального банка Республики Корея по вкладу отраслей в ВВП КНДР и РК

Основными отраслями экономики КНДР, вносящими вклад в ВВП страны, являются сельское хозяйство, горнодобывающая сфера, производственная с преобладанием тяжелой и химической промышленности, сфера услуг, при этом государственные услуги составляют преобладающую их долю, в то время как негосударственные коммерческие услуги, такие как торговля, общественное питание, размещение, транспорт, что составляет основу туризма, составляют менее 7 %. Такой тип экономики можно назвать ресурсноориентированной, поскольку наблюдается сильная зависимость экономики в производственной и промышленной сферах от природных богатств. Аграрная направленность КНДР также делает страну уязвимой и зависимой от определенных климатических условий. Большая доля государственных услуг, которые практически в 3,6 раза превышают негосударственные – определенный показатель централизованной плановой экономики с большой долей государственного вмешательства и контроля.

На данном фоне экономика Республики Корея представляет абсолютно другой тип рыночной экономики, где минимален вклад в ВВП от сельского хозяйства, также значимы добывающая и производственная сферы, но основу экономики составляют производимые услуги, причем негосударственные (свыше 52 %).

Официальная статистика дает общие важные, но обезличенные данные, которые не могут показать действительное устройство жизни народа, особенно если данные засекречиваются и не распространяются в СМИ.

В этой связи интерес представляет отчет Министерства объединения Республики Корея, основанный на результатах глубинных интервью с более чем 6300 перебежчиками из КНДР, результат десятилетнего исследования с 2013 по 2022 г., описывающего основные тенденции жизни и развития КНДР двух десятилетий [Report ... , 2024].

К основной экономической тенденции в КНДР можно отнести смещение экономической активности с государственной экономики на частную. После экономического кризиса середины 1990-х гг., когда государство не могло поддерживать планово-распределительную систему, граждане стали заниматься частной торговлей, чтобы выжить во времена голода. Государству пришлось мириться с возникновением розничной торговли северокорейцев на общих рынках (jangmadang, что буквально значит «рыночная территория»).

Постепенно происходит приватизация малых государственных предприятий, особенно быстрые темпы при приватизации бизнеса отмечаются в сфере услуг. Например, в случае ресторанов предполагаемая доля частных предприятий подскочила с 8,1 % до 2001 г. до 57,5 % в период 2016–2020 гг.

В транспортном секторе железнодорожный транспорт, как и прежде, является наиболее важным средством передвижения, но постепенно распространяются более персонализированные транспортные услуги, такие как сервисные автомобили (sseobicha, буквально «служебная машина»).

По основным сферам деятельности северокорейские предприниматели сейчас заняты в перепродаже (17,5 %), розничной торговле, при этом с 2016 г. доля занятых на общих рынках, как отмечалось выше, снизилась, что видно на диаграмме (рис. 2), с 44,7 до 14,4 %, появились фермеры небольших сельскохозяйственных угодий (8,1 %), выросла доля контрабанды товаров (с 4,1 до 19,4 %) [Ibid, p. 124].

Как видно из рода занятий частным бизнесом северокорейцами, большая его часть неофициальна и даже нелегальна. Кроме того, занятие частной деятельностью сопряжено с необходимостью операций с землей и недвижимостью, которые по закону принадлежат государству, поэтому для разрешения ведения бизнеса необходимо заплатить пошлину. Как показывают данные опроса, с приходом к власти Ким Чен Ына увеличилась доля респондентов, заплативших властям сборы за пользование недвижимостью или налог на землю.

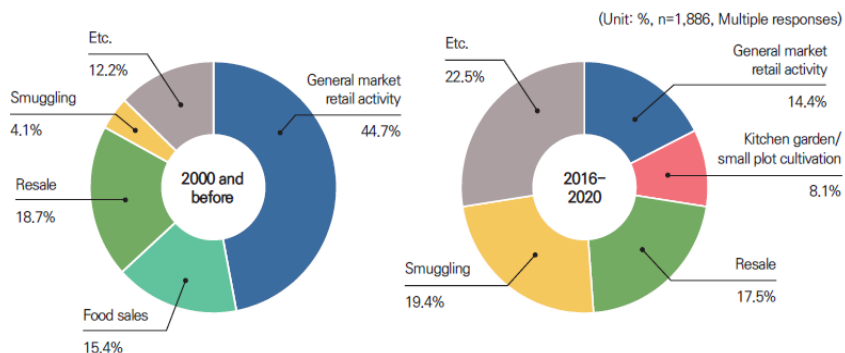

Рис. 2. Виды частной экономической деятельности в КНДР в 2000 г. и ранее и в период 2016–2020 гг.

Таким образом, граждане КНДР самостоятельно зарабатывают себе на жизнь доступными им способами, а правительство КНДР имеет право вводить репрессивные меры и пошлины, так как большая часть экономической деятельности граждан незаконна. За весь период опроса доля респондентов, участвующих в разрешенной государством коммерческой деятельности, составила 14,8 %, в то время как большинство, 80,8 %, занимались неразрешенной коммерческой деятельностью [Ibid, p. 133].

Результаты опроса также наглядно показывают альтернативные способы решения экономических сложностей как на уровне жителей КНДР, так и на уровне государства в целом. Согласно данному отчету, основными нелегальными источниками иностранной валюты в обход санкций для Северной Кореи являются [Ibid, p. 68–70]: 1) взлом криптовалют. Белый дом США сообщил 27 января 2023 г., что Северная Корея заработала более 1 млрд долл. на рынке криптовалют [The Administration's ...]; 2) отправка рабочих за границу – в Китай, Россию и другие страны, что принесло примерно 740 млн долл. в период с 2017 по 2023 г.; 3) продажи Китаю лицензий на лов рыбы, которые принесли Северной Корее с 2017 по 2023 г. около 700 млн долл.; 4) доходы от незаконного экспорта угля, около 700 млн долл. в 2017–2023 гг.; 5) экспорт боеприпасов.

В результате в 2023 г. в продолжающихся условиях международных санкций КНДР удалось достичь лучшего показателя темпов роста ВВП с 2016 г. По предварительным данным, ВВП за 2024 г. составил 2,5 %. Динамику ВВП Северной Кореи можно наблюдать на следующем графике [North Korea GDP ...] (рис. 3).

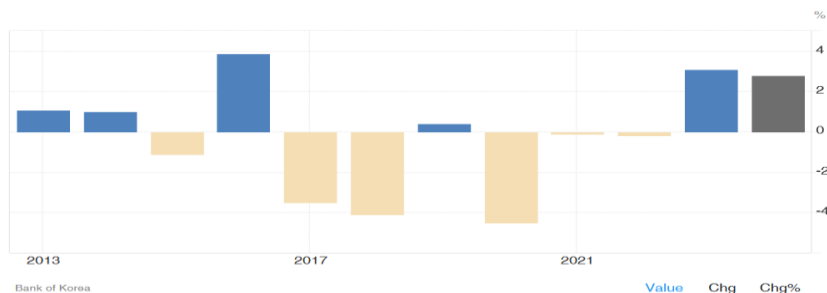

Рис. 3. Динамика темпов роста ВВП КНДР в 2012–2024 гг.
(по данным Центрального банка Республики Корея)

В мае 2001 г. было опубликовано исследовательское интервью «Диалог об экономике Северной Кореи», где профессор Ким Бён Ён делится следующим экспертным мнением: «Пока санкции сохраняются, сложно поверить в то, что ежегодный прирост ВВП Северной Кореи будет более 3 % <...> Если санкции будут значительно ослаблены, экономика может расти на 4 %, хотя и не постоянно. Для того чтобы экономика продолжала расти при темпе более 4 %, необходимы серьезные экономические реформы и открытие страны. Если Северная Корея проведет реформы и откроется миру, и если экономическая интеграция будет достигнута на полуострове, произойдет приток капитала и технологий не только из Южной Кореи, но и со всего мира. Если это произойдет, возможен средний ежегодный прирост ВВП на 10 %. Это лучший сценарий для Северной Кореи. Если Корея решит не открываться и не проводить реформы, но проведет денуклеаризацию, чтобы добиться отмены санкций, рынки и торговля расширятся, и среднегодовой рост, вероятно, составит около 3 %» [Kim, 2021, p. 21] (перевод и выделение автора. – Е. К.)

Данное заявление было сделано в 2020 г. Как можно видеть, прогноз оправдывается, хотя полной договоренности между США и КНДР по денуклеаризации добиться не удалось. Одновременно ввиду напряжения отношений с Южной Кореей, взрывами приграничных дорог, символично соединяющих север и юг, можно надеяться только на умеренный вариант развития экономики КНДР.

Необходимо отметить, что опыт Северной Кореи представляет особый случай развития экономики в условиях изоляционизма и, вероятно, худший сценарий того, в какой ситуации может развиваться туризм, особенно въездной. Въездной туризм особенно чувствителен к обострениям геополитической ситуации в стране прибытия, так как сама возможность поездки за рубеж зависит как минимум от соблюдения условий безопасности путешествующих.

Достаточно сложно оценивать точное количество иностранных туристов, ежегодно въезжающих в КНДР, поскольку официальная статистика по Северной Корее отсутствует в отчетах основных международных организаций, таких как ЮНВТО, Всемирный совет по туризму и путешествиям, Международный банк и др. Тем не менее есть данные о том, что в допандемийные годы в Северную Корею был небольшой поток туристов из дружественных КНДР стран, таких как КНР и РФ.

Кроме того, в период с 1998 по 2008 г. КНДР приняла почти два миллиона южнокорейских туристов в районе горы Кымган на южной границе с Республикой Корея. К сожалению, туризм на данном курорте был остановлен после инцидента, когда был застрелен житель Южной Кореи. В результате разрыва отношений объекты, построенные на его территории Республикой Корея, были снесены, и сейчас снова ведутся работы по восстановлению инфраструктуры.

Таким образом, основной постоянный поток иностранных туристов в Северную Корею традиционно приходится на КНР. Именно с данной страной у КНДР налажены торгово-экономические отношения, поэтому принятие китайских туристов можно рассматривать как продолжение партнерских экономических отношений. Логистическая доступность КНДР также способствует путешествиям. Есть регулярные рейсы и поезда из нескольких китайских городов, таких как Пекин, Шеньян, Шанхай, Даньдун. Ходят регулярные поезда, из Пекина – четыре раза в неделю, из Даньдуна – ежедневно. Также можно добраться до Северной Кореи пешком через контрольно-пропускные пункты Намьянг или Вонджонг и регулярными автобусами.

Из России в Северную Корею можно попасть авиарейсом Владивосток – Пхеньян, который действует два-три раза в неделю, либо поездом через пограничные станции Хасан и Туманган. До Хасана можно добраться по Транссибирской магистрали. Также есть вариант добраться на поезде из Владивостока, но необходимо будет сделать пересадку в Уссурийске. На рис. 4 представлены основные транспортные пути в КНДР [How to get ...; Спутниковые ...].

Что касается статистических данных по въездному турпотоку в КНДР из Китая, с уверенностью можно только утверждать, что это далеко не основное направление выездного международного туризма для КНР. Так, согласно данным Всемирного совета по туризму и путешествиям (ВСПТ), пятерка крупнейших рынков, принимающих китайских туристов в 2023 г., представлена Гонконгом, Макао, Таиландом, Японией, Южной Кореей [China 2024...].

Рис. 4. Транспортные пути в КНДР из КНР и РФ

Данные на начало 2025 г. по результатам исследования, проведенного компанией по маркетинговым технологиям China Trading Desk [2024–2025 Chinese Outbound Travel ...], показывают ряд других популярных среди китайских туристов направлений: Сингапур, Таиланд, Япония, Малайзия, Южная Корея, Европа, Австралия, Великобритания, США и Индонезия (рис. 5). Таким образом, несмотря на популярность самого региона Юго-Восточной Азии, КНДР не входит в перечень стран, куда стремятся китайские путешественники.

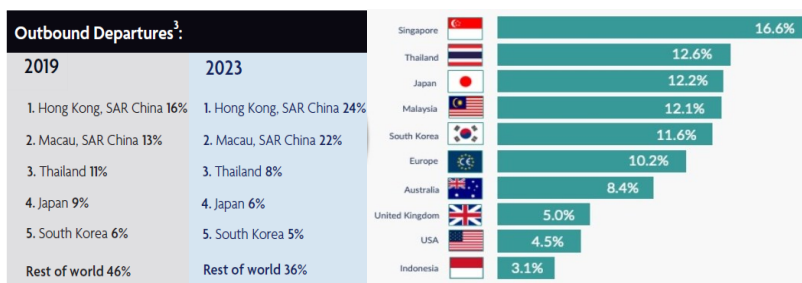

Рис. 5. Топ-страны по въездному потоку туристов из КНР по данным ВСПТ (на 2023 г.) и результатам исследования компании China Trading Desk (на 2025 г.)

Среди крупных китайских туроператоров, работающих в северокарейском направлении, действуют такие компании, как Koryo Tours, KTG Tours и Young Pioneer Tours. Старейший среди них туроператор Koryo Tours работает с 1993 г. и ежегодно организует около 60 групповых поездок в КНДР.

По скромной оценке можно предположить, что с 2000-х гг., когда КНДР стала предпринимать усилия по развитию въездного туризма, турпоток из Китая в Северную Корею составлял по крайней мере 100–120 тыс. туристов в год. По данным западных СМИ, в 2019 г. Северную Корею посетило 350 тыс. иностранных туристов, при этом 90 % из них – граждане КНР: “North Korea saw some 350,000 foreign tourists in 2019, of whom 90 % were Chinese” [North ...].

Что касается численности турпотока из Российской Федерации, то по данным Погранслужбы ФСБ России, количество организованных туристов из России в КНДР до пандемии могло достигать 600–800 человек в год, а общий выездной поток колебался на уровне 4–5 тыс./ в год.

Например, в 2017 г. на территорию КНДР было совершено 4359 поездок российских граждан. Основной поток составил обслуживающий персонал российских дипломатических ведомств и только 395 визитов россиян в Северную Корею были с целью туризма. В 2019 г. выездной поток в КНДР был меньше – 3144 человек за год, но с туристическим визитом КНДР посетило уже 724 гражданина Российской Федерации.

В 2017 г. в Москве КНДР открыла первую официальную компанию NKOREAN для организации путешествий в свою страну. Программы данного туроператора утверждены правительством Северной Кореи, о чем сразу заявляется на официальном сайте, а опасения туристов развеиваются заявлением, что «поездка в Северную Корею становится безопаснее, чем прогулка по вечернему Лондону» [ООО «Проект Пхеньян»].

Во Владивостоке организацией туров в КНДР занимается также аккредитованный КНДР туроператор по международному выездному, въездному и внутреннему туризму «Восток Интур» [ООО «Восток Интур»].

Поскольку добраться до Пхеньяна из России авиасообщением можно только из Владивостока, туристам из других городов необходимо делать пересадку. Без учета транспортных расходов до Владивостока стоимость познавательного четырехдневного тура в КНДР на человека, включая перелет в обе стороны из Владивостока, проживание, страховку, визу, трехразовое питание, услуги гида и входные билеты составляет примерно 105 тыс. руб. (подсчитана средняя стоимость тура на одного человека, предлагаемого на сайте «Восток Интур»). Таким образом, путешествие в КНДР сложно назвать бюджетным.

Тем не менее небольшой туристский рынок КНДР имеет своих клиентов среди россиян. Туроператоры делают ставку на то, что КНДР – самобытная страна с сохранившимися традициями, историей и культурой, почти не затронутой западным влиянием. Туристы готовы платить за уникальность туристского предложения также с учетом того, что попасть в КНДР возможно только в составе организованной группы, и туроператор берет на себя оформление всех необходимых документов.

Посетившие КНДР туристы в отзывах часто указывают на данные аспекты, которые делают поездку уникальной и незабываемой. На сайте «Восток Интур» во многих отзывах фигурирует данная тема: «Максимально экзотичный тур <...> Это уникальный шанс. Попасть туда мечтает весь мир», «незабываемое путешествие» и т. д. [ООО «Восток Интур»].

Образ Северной Кореи как страны с жестким социалистическим режимом, небезопасной для въезжающих в нее туристов, укоренился в массовом сознании в том числе благодаря пропаганде западных СМИ, и некоторые туроператоры используют сложившийся стереотип для привлечения путешественников намеренно.

Вышеупомянутая туристическая компания Пекина Young Pioneer Tours, созданная в 2008 г. британцем Г. Джонсоном и «группой экспатов, проживающих в Китае», в качестве слогана на официальном сайте заявляет, что она специализируется на путешествиях в Северную Корею и другие места земного шара, «куда бы вас мать ни за что не отпустила»: “We specialise in taking you to North Korea and other worldwide “destinations your mother would rather you stay away from” [Young ...].

Современный туристский рынок, помимо массовых направлений, старается предложить уникальные места отдыха и услуги, поэтому КНДР, имея ореол не только запретного, но и секретного плода, вполне подходит под разработку турпродуктов, которые могут быть интересны искушенным и любознательным туристам.

Что касается действий правительства КНДР по привлечению иностранного турпотока в КНДР, то Северной Кореей принимается ряд мер, благоприятных для увеличения турпотока.

Во-первых, строятся объекты туристского интереса и пребывания. Они, как правило, относительно небольшие по площади, кластерного типа, но могут предложить высококачественные услуги разной направленности.

В 2014 г. был открыт горнолыжный курорт «Масикрён» в 3,5 часа езды от Пхеньяна. Площадь курорта – 1412 га, самая высокая точка на склоне находится на высоте 1360 м. Курорт имеет 11 горнолыжных трасс общей протяженностью 110 км, подъемники, современное горнолыжное оборудование для аренды и комфортабельную гостиницу «Масик Рёнг» с интернет-доступом, бассейном, сауной, рестораном и номерным фондом в 120 комнат.

В декабре 2019 г. был открыт бальнеологический курорт в уезде Яндок в 262 км севернее столицы с термальными источниками, бассейном, тремя трассами разных категорий сложности с сопутствующей современной инфраструктурой: гостиницами, санаториями, жилыми домами для обслуживающего персонала.

Завершено строительство нового города Самчжиён в уезде с одноименным названием недалеко от горы Пэктусан, священного места рево-

люционной борьбы против японской оккупации 1910–1945 гг., сейчас – планируемое место принятия иностранных туристов. Необходимо отметить, что был построен не только город, но также инфраструктура вокруг него с дорогой, железнодорожной станцией, заводами.

Есть также недавно построенные объекты обеспечивающей инфраструктуры. В конце 2019 г. закончилось строительство Пхалхьянской плотины на Оранчхонской гидроэлектростанции. Работа плотины сможет частично решить проблему КНДР с нехваткой электроэнергии в провинции Северный Хамгён.

Несколько крупных проектов по созданию туристских кластеров завершены после пандемии, например Вонсан-Кальмаская Приморская туристическая зона на полуострове Кальма с гостиницами, спа-центрами, пляжем протяженностью 4 км уже готова принимать иностранных туристов. Ожидается, что это будут в основном граждане Российской Федерации.

В настоящее время ведется строительство еще одного туристского кластера в районе гор Кымган.

Во-вторых, наряду со строительством новых объектов туристской инфраструктуры, проводится информирование потенциальных партнеров туристской сферы о возможностях и предложениях КНДР в этой отрасли. Несмотря на закрытость страны, Северная Корея представляет свои турпродукты не только на собственной территории, но и за рубежом. Представители КНДР в составе делегаций принимают участие в Тихоокеанском туристическом форуме и туристической выставке PITE, которые ежегодно проводятся во Владивостоке.

В 2024 г. в рамках Международной выставки туризма и индустрии гостеприимства МИТТ северокорейские представители рассказали о туристическом потенциале страны, существующих предложениях и планах по развитию международного туризма. Согласно заявлению представителей КНДР, расширение международных связей, равно как и улучшение сервиса при приеме туристов, повышение квалификации работников отрасли и работа по классификации отелей в соответствии с международными стандартами, являются основными приоритетами развития туризма в стране [Кузнецов, 2004]. В 2025 г. Северная Корея снова приняла участие в Международном туристском форуме МИТТ.

Власти КНДР также пригласили на свою территорию в начале 2024 г. делегацию Приморского края, в состав которой вошли представители регионального агентства по туризму и турбизнеса, для ознакомления с туристической инфраструктурой и популярными местами отдыха. Поездка проходила по железной дороге.

Уже с мая 2025 г. запущен туристический поезд по маршруту Владивосток – Расон – Владивосток. Принятие российских туристов в данной экономической зоне можно рассматривать как знак доверия и расположен-

ности к Российской Федерации с учетом закрытия Расона для туристов из западных стран. После пятилетнего перерыва, связанного с пандемией, с 20 февраля 2025 г. Северная Корея приняла несколько туристических групп из Европы и спустя несколько недель снова объявила о закрытии Расона для туристов, но не для россиян [Северная ...].

В-третьих, предлагаемые туры и места отдыха в КНДР стали более разнообразными и диверсифицированными. Представлены разные виды туризма – от традиционного историко-познавательного по местам боевой славы и социалистического прошлого до спортивного, гастрономического и даже семейного. «Восток Интур», например, предлагает семейный развлекательный тур с детьми с посещением аквапарка, зоопарка и аттракционов. С лета 2025 г. туроператор организует пляжные туры на северокорейский курорт «Вонсан-Кальма». В КНДР можно также стать участником массовых ярких театрализованных событийных мероприятий, посетить мастер-классы по тхэквондо, поправить здоровье на современных курортах и т. д.

В-четвертых, ведутся переговоры по улучшению транспортной доступности КНДР для туристов из Российской Федерации. В 2024 г. возобновлено железнодорожное сообщение по маршруту Хасан – Туманган. Запускаются новые железнодорожные маршруты. Например, в конце января 2025 г. был выполнен тестовый рейс Владивосток – Хасан – Туманган – Раджин.

Обе страны заинтересованы в ускорении запуска более развитого авиационного сообщения, что было бы удобно для туризма и бизнеса. За воздушное авиасообщение на данный момент отвечает главный перевозчик КНДР Air Koryo. Компания планирует организовать дополнительные рейсы между Владивостоком и Пхеньяном, когда турпоток между странами увеличится. Как отмечает С. И. Алексеев, генеральный директор туристической компании «Фрегат Аэро», интерес к осуществлению прямых рейсов из Москвы в Пхеньян проявляют авиакомпании «Аэрофлот» и «Россия». В 2025 г. уже появился новый рейс из Пхеньяна в Вонсан для посещения пляжного курорта Кальма.

Наконец, готовится соглашение по упрощению двустороннего въезда для туристов между Россией и КНДР. Есть вероятность скорого упрощения процедуры получения виз.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что КНДР создает условия для развития въездного туризма, а туристский поток из Российской Федерации – перспективное направление для увеличения рынка международного туризма в Северной Корее.

Согласно информации генерального консульства Российской Федерации в Чхонджине, в 2024 г. КНДР посетило более 1 тыс. российских туристов [Более ...]. Учитывая всестороннее взаимодействие Российской Федерации с КНР, в 2025 г. туристский поток может достигнуть уже 10 тыс. че-

людей, о чем заявил А. Ю. Старичков, руководитель агентства международного сотрудничества Приморского края, во время проведения Восточного экономического форума 2024 г. [В Приморье ...].

Развитие въездного международного туризма представляется необходимым и перспективным направлением для КНДР, которое могло бы улучшить непростую экономическую ситуацию в стране и стать официальным законным источником дохода в условиях санкционного давления.

Литература

Более 1 тыс. российских туристов побывало в КНДР в 2024 году // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22060165> (дата обращения: 01.10.2024).

В Приморье планируют увеличение турпотока в КНДР до 10 тысяч человек в год // PrimaMedia. URL: <https://primamedia.ru/news/1840054/> (дата обращения: 02.04.2025).

Спутниковые снимки встревожили Запад. Что там на корейской ж/д Туманган?. URL: <https://ilyavaliev.livejournal.com/9324579.html> (дата обращения: 13.05.2025).

Кузнецов П. КНДР озвучила планы по развитию туризма // PRIM-Travel. 2024. URL: <https://prim-travel.ru/2024/03/kndr-ozvuchila-plany-po-razvitiyu-turizma/> (дата обращения: 02.10.2024).

ООО «Восток Интур»: офиц. сайт. URL: www.vostokintur.ru/product/v-kndr/?ysclid=m2g3c288sq838012122 (дата обращения: 08.11.2024).

ООО «Проект Пхеньян»: офиц. сайт. URL: www.nkorean.ru/o-nas/ (дата обращения: 09.12.2024).

Северная Корея снова закрывает Расон для туристов, но есть нюанс // Правда. URL: www.pravda.ru/news/travel/2188733-rason-tourism-restrictions/ (дата обращения: 11.05.2025).

2024–2025 Chinese Outbound Travel: Key Trends and Market Forecasts // China Trading Desk. URL: www.chinatradingdesk.com/post/2024-2025-chinese-outbound-travel-key-trends-and-market-forecasts (дата обращения: 12.05.2025).

China 2024 Annual Research: Key Highlights. URL: cdn.prod.website-files.com/6329bc97af73223b575983ac/6660312a29512146a634b33d_China2024.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

Gross Domestic Product Estimates for North Korea in 2023 // Bank of Korea Press Release. URL: www.bok.or.kr/eng/bbs/E0000634/view.do?nttlId=10086116&searchCnd=1&searchKwd=&depth2=400417&depth3=400423&depth=400423&pageUnit=10&pageIndex=1&programType=newsDataEng&menuNo=400423&oldMenuNo=400423 (дата обращения: 20.01.2025).

How to get to the DPRK? URL: www.koreakonsult.com/transport_eng.html (дата обращения: 07.01.2025).

Kim B.-Y., Lee S. North Korea's GDP: Features and Issues. Sejong : Korea Development Institute, 2021. 24 p.

North Korea GDP Annual Growth Rate. URL: www.tradingeconomics.com/north-korea/gdp-annual-growth-rate (дата обращения: 07.05.2025).

North Korea halts tourism just weeks after reopening // Go news. URL: www.gonews.com/north-korea-halts-tourism-just-weeks-after-reopening/ (дата обращения: 05.12.2024).

Report on North Korea's Economy and Society as Perceived by 6,351 Defectors. Seoul : Ministry of Unification, 2024. 280 p.

The Administration's Roadmap to Mitigate Cryptocurrencies' Risks. URL: www.whitehouse.gov/nec/briefing-room/2023/01/27/the-administrations-roadmap-to-mitigate-cryptocurrencies-risks/ (дата обращения: 17.12.2024).

Young Pioneer Tours : офиц. сайт. URL: www.youngpioneertours.com (дата обращения: 08.10.2024).

АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация. Обосновывается важность формирования и совершенствования межкультурной и иноязычной коммуникативных компетенций для специалистов сферы туризма и гостеприимства; описываются критерии соответствия уровня подготовки специалистов требованиям потенциального работодателя на уровне страны и региона; приводится анализ опроса сотрудников профессионального сообщества о необходимости изучения иностранных языков; определяются проблемы, связанные с формированием соответствующих компетенций, рассматриваются возможные пути их решения в рамках реализации основных профессиональных образовательных программ высшего образования – программ бакалавриата по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика.

Ключевые слова: межкультурная компетенция, иноязычная коммуникативная компетенция, иностранные языки, образование, туризм, международный туризм, гостеприимство, кадровый потенциал.

V. Klyuchnikova

Irkutsk State University, Irkutsk

RELEVANCE OF INTERCULTURAL AND FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCES FOR TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY SPECIALISTS IN IRKUTSK REGION

Abstract. The article substantiates the importance of developing and improving intercultural and foreign language communicative competencies for tourism and hospitality professionals; describes the criteria for the level of training of specialists to meet the requirements of a potential employer at the national and regional levels; provides an analysis of a survey of members of the professional community on the need to study foreign languages; identifies problems associated with developing the relevant competencies and discusses possible solutions within the framework of the main professional educational programs of higher education – bachelor's degree programs in the field of training 45.03.02 Linguistics.

Keywords: intercultural competence, foreign language communicative competence, foreign languages, education, tourism, international tourism, hospitality, human resources potential.

В свете реализации национальных проектов России вопросы кадрового обеспечения и формирования кадрового потенциала индустрии туризма и гостеприимства являются центральными в повестке федеральных и региональных органов исполнительной власти, что побуждает государственные структуры к интеграции с бизнесом, общественностью, наукой и образованием, а также выдвигает важную задачу – поиск ключевых направлений трансформации сложившейся системы туристского образования. Результатом такого взаимодействия в настоящее время становится формирование экосистемы образования в туризме, которую составляют образова-

тельные учреждения государственного сектора (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Федеральный ресурсный центр подготовки кадров для индустрии туризма и гостеприимства РГУТиС и пр.), федеральные центры компетенций и институты развития (АСИ, ФЭБ РФ, Корпорация «Туризм.РФ», Центр развития международного туризма ЦСР, Мастерская управления «Сенеж», Центр знаний «Машук», Академия «Меганом», «Таврида.АРТ», ГБУ Центр «Истоки», «Умный туризм “Сириус”», АНО «Нацприоритеты» и пр.), частные образовательные структуры (Группа «Мантера», «СберУниверситет» и пр.), профильные региональные образовательные учреждения среднего и высшего образования и ресурсные центры. На международном, федеральном, региональном, муниципальном и корпоративном уровнях с 2023 г. работу по научному и экспертно-аналитическому обеспечению устойчивого развития туризма и индустрии гостеприимства ведет Научно-образовательный консорциум «Устойчивый туризм».

Проблема дефицита кадров и профессиональной подготовки специалистов для сферы туризма и гостеприимства в Иркутской области, как и в большинстве регионов Российской Федерации, остается нерешенной ввиду высокой востребованности сотрудников отрасли на рынке труда, на что указывает достаточное количество публикаций в средствах массовой информации и в научных изданиях [В индустрии ... , 2018; Туриндустрии ... , 2018; Рубцова, Головченко, 2019; Жигунова, Шарова, 2021; Заседание ... , 2024; Сотрудников ... , 2024; В Приангарье ... , 2025]. В соответствии с Прогнозом потребностей в кадрах организаций Иркутской области на период до 2033 г. уровень дефицита превысит 3000 специалистов [Прогноз ... , 2022]. Для решения проблем кадрового обеспечения создан ведомственный проектный офис по развитию кадрового потенциала индустрии туризма и гостеприимства в Иркутской области и разработана дорожная карта на 2024–2027 гг. и плановый период до 2030 г. [Распоряжение ... , 2024]. Губернатор Иркутской области И. И. Кобзев отметил: «Перед нами стоит задача привлечь к 2030 году свыше 7000 новых специалистов в отрасль» [Игорь Кобзев ... , 2024].

Подготовка квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена для предприятий туристической отрасли осуществляется в семи профессиональных образовательных организациях Иркутской области, среди которых ГАПОУ ИО «Байкальский техникум отраслевых технологий и сервиса», Колледж Байкальского государственного университета (ФГБОУ ВО БГУ), ГАПОУ Иркутской области «Иркутский колледж экономики, сервиса и туризма», ЧПОУ «Колледж дизайнера, сервиса и права», ЧПОУ «Иркутский техникум экономики и права» [Информационно-аналитическая ... , 2022; Подготовка ... , 2025].

Основные профессиональные образовательные программы высшего образования по направлениям 43.03.01 Сервис и 43.03.02 Туризм реализуются в Иркутском государственном университете, Байкальском государственном университете и Восточно-Сибирском институте экономики и права. Программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки в области гостиничного дела и туризма для руководителей, специалистов, работников предприятий сферы туризма и обслуживания, общественного питания осуществляются высшими учебными заведениями, а также Региональным институтом кадровой политики и непрерывного профессионального образования, Иркутским институтом технологии и сервиса (структурное подразделение АНО НИИ Управления народным хозяйством) и некоторыми частными образовательными организациями.

Однако в экспертном аналитическом докладе «Кадры для туризма: от сферы услуг к индустрии счастья» отмечается: «Несмотря на рост популярности образовательных программ в индустрии туризма и гостеприимства, работодателям не хватает специалистов с нужными компетенциями» [Кадры ... , 2024, с. 23]. Среди востребованных у работодателя компетенций выделяются эмоциональный интеллект, прикладная психология, знание иностранных языков, анализ больших объемов данных, навыки продвижения и PR в цифровой среде.

Роль иностранных языков в образовании будущих работников индустрии туризма наряду с формированием и совершенствованием межкультурной и иноязычной коммуникативных компетенций попадают в фокус научного внимания и обосновываются в публикациях российских исследователей [Бакурова, 2016; Авагян, Королев, 2020; Лыкова, 2020; Павлюкевич, Пирогова, 2020; Таран, 2022].

Въездной и международный туризм в России и, в частности, в Иркутской области, все более ориентированный на туристов из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, обуславливает увеличение как количества специалистов, так и самих иностранных языков, востребованных в отрасли. Со стороны Иркутской области расширяется международное сотрудничество с Китаем, Монголией, Вьетнамом, Ираном, Саудовской Аравией [Отчет ...]. Межкультурная и иноязычная коммуникативные компетенции специалистов становятся ключевыми навыками для повышения качества сервиса и выстраивания взаимодействия с иностранными партнерами и гостями региона.

Так, в соответствии со Стратегией развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. «достижение высокого уровня оказываемых услуг, сервиса и обслуживания клиентов требует комплексного подхода, в первую очередь, в части создания условий обеспечения отрасли достаточным количеством квалифицированных кадров». В рамках мер по совершенствованию кадрового обеспечения развития туризма особое вни-

мание уделяется повышению уровня знания иностранных языков сотрудников туристской индустрии [Стратегия ... , 2019, с. 33–35].

Основой кадрового потенциала отрасли туризма и гостеприимства являются молодые специалисты. Согласно Стратегии социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 г. развитие потенциала молодежи в социально-экономической сфере осуществляется через содействие молодым людям в профессиональном самоопределении, помощь в трудоустройстве и получении трудового опыта. Результатом профориентационных мероприятий является повышение самостоятельности, рациональности и ответственности молодежи в построении своей профессионально-образовательной и карьерной траектории [Стратегия ... , 2022]. В условиях быстрых изменений характера и условий труда в современной реальности актуальными являются программы, способствующие развитию у молодежи универсальных, надпрофессиональных компетенций, «мягких навыков» (soft skills), среди которых особое внимание уделяется формированию и совершенствованию коммуникативной компетенции, в том числе иноязычной.

В Иркутской области на удовлетворение потребности в специалистах сферы туризма и гостеприимства, владеющих иностранными языками, сегодня работают только одна образовательная программа высшего образования – программа бакалавриата по направлению подготовки 45.03.02 Лингвистика с профилем «Межъязыковая и межкультурная коммуникация в сфере туризма и гостиничного дела» и одна программа магистратуры «Лингвистическое сопровождение туристической деятельности, основы интерпретации наследия, устного и письменного перевода». Данные программы реализуются на факультете иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (далее – ИФИЯМ ИГУ). В 2025 г. кафедра регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ осуществляет третий выпуск (17 человек) специалистов с глубокими знаниями в области лингвистики, свободным владением английским и китайским языками, навыками сопровождения и организации туристско-экскурсионного и гостинично-ресторанного бизнеса.

В референции к запросу на формирование и совершенствование межкультурной и иноязычной коммуникативной компетенций специалистов индустрии туризма и гостеприимства Сектор региональной транскulturации НИЦ трандисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона ИФИЯМ ИГУ совместно с Агентством по туризму Иркутской области и Министерством по молодежной политике Иркутской области в январе-феврале 2025 г. провел опрос целевой аудитории на платформах организаторов (в социальных сетях и телеграм-каналах). Цель – мониторинг владения иностранными языками сотрудниками сферы

туризма и гостеприимства, а также молодежью, трудоустроенной или желающей работать в отрасли. По результатам опроса были получены ответы 50 респондентов со стороны профессионального сообщества и 60 респондентов среди молодежи. 13 представителей профессионального сообщества отметили отсутствие необходимости владения каким-либо иностранным языком в своей работе, при этом 48 человек обратили внимание на важность знания иностранных языков, преимущественно английского и китайского, для успешной реализации профессиональной деятельности, 10 человек оценили свой уровень владения иностранным языком как продвинутый, 19 – средний и 21 – начальный. Из 60 респондентов среди молодых специалистов 57 человек отметили важность владения иностранными языками, преимущественно английским языком, но лишь 34 предпочли бы работать в сфере туризма и гостеприимства.

Результаты опроса подтвердили актуальность языковой подготовки для молодых специалистов, руководителей туристских организаций, органов власти, педагогических кадров, работающих в сфере туризма, а также позволили выявить соответствие уровня подготовки специалистов отрасли в референции к запросам работодателя на уровне города и региона. Мониторинг программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки, обозначенных на сайте агентства по туризму Иркутской области, позволил сделать вывод об отсутствии программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки в ориентации на лингвистическое сопровождение туризма и гостиничное дело, межкультурную и межкультурную коммуникацию в сфере туризма и гостеприимства, курсов профессионально ориентированного иностранного языка, а также выявил необходимость их оперативной разработки и реализации с целью формирования и совершенствования межкультурной и иноязычной коммуникативных компетенций специалистов индустрии туризма и гостеприимства.

В связи с этим на запрос Департамента координации деятельности образовательных организаций Минобрнауки России в целях исполнения пункта 9 протокола совещания у заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д. Н. Чернышенко от 7 февраля 2025 г. № ДЧ-П44-4пр о подготовке предложений по разработке и реализации дополнительных программ повышения квалификации педагогических работников в сфере туризма и гостеприимства кафедра регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ выразила готовность реализовать следующие программы повышения квалификации продолжительностью 36–72 часа: «Английский для специальных целей: туризм и гостеприимство»; «Лингвистическое обеспечение гостинично-ресторанного сервиса»; «Лингвистическое обеспечение туроператорской деятельности»; «Лингвистическое обеспечение экскурсионной деятельности». Важно отметить, что в 2024 г. кафедра регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ инициировала ежегодное проведение регионально-

го круглого стола с представителями образовательных организаций, структур бизнеса, власти и общественности по вопросам формирования кадрового потенциала региона и актуальности межкультурной и иноязычной коммуникативных компетенций для специалистов индустрии туризма и гостеприимства. Преподаватели кафедры также апробировали возможность корпоративного обучения сотрудников организаций туристического и гостиничного бизнеса под запрос конкретной организации и провели краткосрочные курсы английского языка в сфере применения для сотрудников парк-отеля «Байкал-Аляска». В настоящее время есть запрос со стороны Информационно-туристской службы г. Иркутска на проведение языковых курсов и курсов повышения квалификации для сотрудников организации. Кафедра регионоведения АТР ИФИЯМ ИГУ расширяет партнерство с работодателями с целью обеспечения прохождения практик и стажировок, реализации практико-ориентированного и дуального обучения, ведет активную профориентационную работу с общеобразовательными учреждениями путем организации имиджевых, образовательных, научных и творческих мероприятий со школьниками и абитуриентами.

Тем не менее в регионе отмечается низкий уровень популярности профессий в туризме со знанием иностранного языка среди обучающихся, отсутствие мер по популяризации этих профессий в общеобразовательных учреждениях, малое количество выделяемых бюджетных мест в вузах, в частности на профиль «Межъязыковая и межкультурная коммуникация в сфере туризма и гостиничного дела» (контрольные цифры приема на 2025 г. – 60 коммерческих мест, бюджета нет). С другой стороны, не растет уровень взаимодействия образовательных организаций, органов власти и бизнеса по вопросам языковой подготовки кадров в сфере туризма и гостеприимства (в отчете агентства по туризму за 2024 г., а также в дорожной карте по развитию кадрового потенциала индустрии туризма и гостеприимства в Иркутской области на 2024–2027 гг. не заявлено подобных мероприятий). Высшие учебные заведения региона, реализующие профильные образовательные программы, не получают поддержку в рамках федеральных проектов, в то время как учреждения среднего профессионального образования являются участниками федерального проекта «Профессионалитет», что обеспечивает им создание механизмов дуального обучения и профессионального наставничества в рамках организации образовательного кластера среднего профессионального образования «Туризм и сфера услуг», а также хорошей материально-технической базы. В иркутских вузах нет доступных бесплатных коммуникативных образовательных пространств для школьников, ориентированных на развитие и совершенствование языковых навыков для применения в профессии, в частности в туризме, а инициативы образовательных организаций не получают грантовую и иную поддержку. Малое количество студентов-выпускников выби-

рают туризм как свой карьерный путь по причине отсутствия реальных баз практики с возможностью реализации знания профессионально ориентированного иностранного языка, низкой заработной платы на вакантных должностях отрасли, чаще не связанных с реализацией деятельности на иностранных языках.

Таким образом, несмотря на существующую необходимость формирования и совершенствования межкультурной и иноязычной коммуникативных компетенций специалистов индустрии туризма и гостеприимства в Иркутской области, необходимо реализовывать комплексный подход к решению вопросов, связанных с обеспечением отрасли квалифицированными специалистами, в том числе владеющими иностранными языками.

Литература

Авагян А. А., Королев А. В. Роль иностранных языков в образовании будущих работников индустрии туризма // Сервис Plus. 2020. Т.14, № 3. С. 22–30.

Бакурова Е. Н. Формирование профессиональной языковой компетентности специалистов сферы туризма средствами иностранного языка // Научные известия. 2016. С. 101–105.

В индустрии гостеприимства в Приангарье не хватает кадров. 28.11.2018. URL: <https://www.ogirk.ru/2018/11/28/v-industrii-gostepriimstva-v-priangare-ne-hvataet-kadrov/> (дата обращения: 19.05.2025).

В Приангарье обсудили кадровый вопрос в туризме. 01.04.2025. URL: <https://irkutskmedia.ru/news/2029752/> (дата обращения: 19.05.2025).

Жигунова Г. В., Шарова Е. Н. Потребность в кадрах туристической отрасли (на материалах экспертного опроса) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 33–39.

Заседание по проблемам кадрового обеспечения туризма и индустрии гостеприимства. 23.01.2024. URL: <https://rst.ru/novosti/novosti-turizma/23-yanvary-a-proshlo-zasedanie-po-problemam-kadrovogo-obespecheniya-turizma-i-industrii-gostepriimstva.html> (дата обращения: 19.05.2025).

Игорь Кобзев: Перед Иркутской областью стоит задача привлечь к 2030 году свыше 7000 специалистов в отрасль туризма. 19.11.2024. URL: https://irkobl.ru/sites/tour/news/detail.php?ELEMENT_ID=3983360&spphrase_id=31590898 (дата обращения: 19.05.2025).

Информационно-аналитическая справка «Возможности развития кадрового потенциала туристической отрасли в рамках деятельности организаций среднего профессионального образования Иркутской области». 2022. URL: https://centerprof38.ru/sites/default/files/one_click/vozmozhnosti_razvitiya_kadrovogo_potenciala_turisticheskoy_otrasli_2022_g.pdf (дата обращения: 19.05.2025).

Кадры для туризма: от сферы услуг к индустрии счастья : эксперт. аналит. докл. 2024. URL: https://национальныепроекты.рф/upload/turizm/Доклад%20Туризм_2024.pdf (дата обращения: 19.05.2025).

Лыкова Т. Р. Значение английского языка для специалистов сферы туризма // Теория и практика преподавания иностранных языков (по материалам «Недели иностранных языков УГЛУ – 2020»): сб. ст. Екатеринбург : Урал. гос. лесотехн. ун-т, 2020. С. 44–46.

Отчет о работе агентства по туризму Иркутской области во II квартале 2024 года. URL: <https://irkobl.ru/sites/tour/about/info/Отчет%20о%20деятельности%20агентства%20по%20туризму%20Иркутской%20области%20за%202%20квартал%202024%20года.pdf> (дата обращения: 19.05.2025).

Павлюкевич Л. В., Пирогова Я. Г. Методика обучения английскому языку для специальных целей в сфере туризма и гостеприимства // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2020. № 16. С. 266–271.

Подготовка кадров туристской индустрии осуществляется в 7 профессиональных образовательных организациях Иркутской области. 11.02.2025. URL: https://irkobl.ru/authorities/president/index.php?ELEMENT_ID=4060731 (дата обращения: 19.05.2025).

Прогноз потребностей в кадрах организаций Иркутской области на период до 2033 года, Иркутск, 2022. Утв. распоряжением министерства труда и занятости Иркутской области от 11 августа 2022 г. № 126-мр. URL: <https://www.irkzan.ru/content/> (дата обращения: 19.05.2025).

Распоряжение о создании ведомственного проектного офиса по развитию кадрового потенциала индустрии туризма и гостеприимства в Иркутской области. URL: <https://www.ogirk.ru/pravo/wp-content/uploads/theme/263-рзп.pdf> (дата обращения: 19.05.2025).

Рубцова Н. В., Головченко Т. П. Кадровое обеспечение туристской сферы Прибайкалья: основные проблемы и пути их преодоления // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 1. С. 173–184.

Сотрудников для туриндустрии остро не хватает в Иркутской области // НТС. 01.10.2024. URL: <https://nts-tv.ru/news/94369/> (дата обращения: 19.05.2025).

Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : утв. Постановлением Правительства РФ от 20 сент. 2019 г. URL: <http://static.government.ru/media/files/FjJ74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf> (дата обращения: 19.05.2025).

Стратегия социально-экономического развития Иркутской области на период до 2036 года. URL: <https://irkobl.ru/sites/economy/socio-economic/project2036/> (дата обращения: 19.05.2025).

Таран Я. В. Важность владения иностранными языками с точки зрения практического опыта работы в сфере туризма // Молодой ученый. 2022. № 47 (442). С. 427–429.

Туриндустрии Иркутской области не хватает квалифицированных кадров // ИА «Телеинформ». 19.11.2018. URL: <https://i38.ru/baykal-pervie/turindustrii-irkutskoy-oblasti-ne-chvataet-kvalifitsirovannich-kadrov> (дата обращения: 19.05.2025).

УДК 379.851

М. В. Новосёлова

Иркутский государственный университет, Иркутск

СОВРЕМЕННЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ: ПОСТМОДЕРН, ПОСТКОВИД И ПОСТТУРИЗМ

Аннотация. Анализируются изменения в туризме в связи с влиянием на него событий, процессов, трендов, как краткосрочных (пандемия COVID-19, процесс глокализации), так и более глубоких, постепенно развивающихся (процесс глобализации, цифровизация общества, переход к зеленой экономике, старение населения в развитых странах). Рассматриваются виды путешествий, наиболее востребованные современным туристом.

Ключевые слова: современные туристские тенденции, постковидный период, постмодерн в туризме, посттуризм, посттуристы.

M. Novosyolova

Irkutsk State University, Irkutsk

MODERN TRAVEL: POSTMODERN, POSTCOVID, AND POST-TOURISM

Abstract. Tourism is subject to the influence of events, processes, trends – both short-term and long-term. The process of globalization, digitalization of society, the transition to a “green” economy, the aging of the population in the developed countries refer to the long-term trends. The COVID-19 pandemic, and glocalization are new, short-term processes, nevertheless, they have had a huge impact on societies, thus on tourism.

Keywords: tourism trends, post COVID-19 period, postmodern in tourism, post-tourism, post-tourists.

События последних лет оказывают огромное влияние на мир в экономическом, политическом, социальном планах. Очевидно, туризм не может не подвергаться воздействию как краткосрочных, так и более глубоких, постепенно развивающихся процессов. К некоторым глубоким и долгосрочным закономерно отнесем процесс глобализации, цифровизацию общества, переход к зеленой экономике, старение населения в развитых странах. К краткосрочным, временным процессам, тем не менее оказавшим и оказывающим влияние на общества, а значит, на туризм, отнесем пандемию COVID-19, процесс глокализации (сочетание глобальных трендов с локальными традициями).

Как соотносятся понятия глобализация, локализация и глокализация в сфере туризма? «Глобализация в туризме проявляется в распространении моды на путешествия, стандартизированных моделей отдыха, унификации туристских услуг, а локализация отражается во внесении в туристский продукт местного колорита, культуры местного народа, атмосферы места» [Мошняга, 2013].

Термин «глокализация» (от англ. glocalization – globalization+local) был впервые употреблен в 1990-х гг., набрал популярность в научной литературе США, Великобритании и Австралии в начале 2000-х, с тех пор число упоминаний только растет и к ученым из перечисленных стран присоединились Китай, Канада, Германия и др. [Three ... , 2023]. «Глокализация представляет собой процесс адаптации глобальных процессов, продуктов (в том числе туристских) и культурных явлений к особенностям локальных рынков, сообществ, традиций» [Расома, 2018].

Таким образом, глокализация не должна противопоставляться глобализации, это скорее ее закономерная эволюция. Глокализация в туризме позволяет сохранить многообразие аутентичных туристских дестинаций и услуг, смягчая дисбалансы универсальных моделей.

Это соответствует нарративам эпохи постмодерна, когда мир определяется такими понятиями, как «капитализм», «потребительство», «средства массовой информации», «новые технологии», «коммуникации», «компьютеризация». Происходит освобождение от универсальных принципов, теорий и поиска единственной правды, признается реальность различий и разнородности [Волков, 2014, с. 3].

В эпоху постмодерна жизнь приобретает характеристики игры: человек имеет время и средства на наслаждение жизнью; человек имеет свободу или ощущение свободы – свободы мышления, самовыражения, передвижения по миру, свободы отношений [Волков, 2014]. Рост потребительских, гедонистических настроений ведет к тому, что путешествия становятся популярным способом развлечения для все большего количества людей. Туризм воспринимается как расширение мира, данного в опыте [Слотердаjk, 2009].

Туризм в эпоху постмодерна представляет собой парадигматический сдвиг от традиционного массового туризма к индивидуализированному, фрагментарному подходу к путешествиям. Туристы рассматривают популярные места отдыха с некоторой иронией, стремясь найти дестинации, которые бросают вызов общепринятым представлениям о красоте, ценности, значимости места. Поэтому возрастает популярность туризма по местам массовых смертей, катастроф, разрушений, захоронений. Это увлечение руинами объясняет спрос на туры в Припять, немецкие концлагеря времен Второй мировой войны, японский парк развлечений Takakanonuma Greenland в префектуре Фукусима. Эти места олицетворяют человеческую несостоятельность, экологическую катастрофу. Посттурист отказывается от привычных туристических ролей и «игриво» взаимодействует с инсценированной или гиперреальной средой, получая гиперреальный опыт. Подобный опыт – это копия без оригинала, где подлинность является сконструированным идеалом [Бодрийяр, 2015].

Так, становится востребованным симуляционный туризм, концепция которого состоит в том, чтобы стереть границы между реальностью и выдумкой. Например, парк «Долливуд» в США, где тематические секции представляют собой некоторые этапы культуры и истории штата Теннесси.

Некоторые философы видят в таких тенденциях парадокс аутентичности. Постмодернистские туристы утверждают, что ищут уникальный, аутентичный опыт, но этот опыт часто опосредован товарной или симулированной средой. Например, Международный музей и исследовательский центр НЛО в г. Розуэлл, штат Нью-Мексико, привлекает любителей теории заговора, предлагая нарратив об инопланетянах, удовлетворяющий специфические нишевые интересы.

Еще один пример парадоксальности аутентичности – инициативы устойчивого туризма. Экологический туризм, основанный на экологических идеалах заботы об окружающей среде и принципах невмешательства в местную экосистему, тем не менее упаковывается как рыночный продукт – с трансфером, комфортными гостиницами, в самых вопиющих случаях – с рыбалкой или фотоохотой. Туризм таким образом превращается в семиотическую деятельность, где символы (например, этикетки «эко») имеют большую ценность (а значит, и стоимость), чем реальное положение вещей.

Развитие технологий, в том числе информационных, ведет к информационной перенасыщенности. Вполне вероятно, что ежедневная информационная бомбардировка и неясные границы между симуляцией и реальностью делают востребованным путешествие как средство исследования личной и культурной аутентичности, разного рода ретриты в стиле нью-эйдж (New Age – мистическая вера в грядущую эру духовного просветления). Но даже такие альтернативные формы туризма не выдерживают влияния и поглощаются капиталистическими структурами. New Age центры балансируют между идеологическими стремлениями и финансовыми вы-

годами. Таким образом, стремление к «подлинному» опыту часто усиливает те самые системы, которых человек стремится избежать, увязая в массовой индустрии культуры. Теодор Адорно связывал с развитием «массовой индустрии культуры» такие рецессивные изменения общества, как отмирание рефлексии, замена ее стереотипными реакциями, мысленными клише» [Адорно, 2001].

Пандемия COVID-19 серьезно изменила глобальный туризм, сделав его практически невозможным на два года, но с другой стороны усилив и ускорив существовавшие тенденции. Сейчас, по оценкам экспертов, мировой рынок туризма полностью восстановился после введенных во время пандемии ограничений [И немедленно ... , 2024].

Социальное дистанцирование стало одним из наиболее серьезных ограничений, которое сильно изменило многие сферы жизни – образование, работу, досуг, путешествия и пр. Это не в последнюю очередь сделало использование технологий не только допустимым и распространенным, но жизненно необходимым. Алгоритмы подбирают маршруты на основе интересов (например, мобильное приложение Норрег; платформы типа Trip Planner AI), специалисты учат правильно формулировать промпты в Chat GPT, чтобы тур максимально соответствовал ожиданиям и пожеланиям. Искусственный интеллект не только генерирует маршруты, помогает с бронированием отелей, но и занимается прогностической деятельностью – прогнозирует цены.

Пандемия заставила задуматься о хрупкости здоровья. Оздоровительный туризм на пике популярности, среди тенденций – туризм сна, цифровая детоксикация, фитнес-ретриты. Осознанность и уход за собой – факторы привлечения потенциальных туристов.

Среди частых постковидных симптомов выделяют в том числе когнитивные нарушения и трудности с концентрацией внимания [Постковидный ... , 2025]. Отчасти в связи с этим становится все более популярным так называемый ноотуризм (nootorism = nootropics + tourism). Это развивающаяся ниша в индустрии путешествий, которая сочетает в себе элементы когнитивного улучшения и туризма. Когнитивное улучшение происходит через использование ноотропных веществ, например так называемых умных лекарств. Туристы могут участвовать в мероприятиях, стимулирующих работу мозга, – семинарах по нейропластичности, медитации; сеансах биохакинга и нейрофидбэка. Яркими примерами дестинации являются ретриты на Бали, предлагающие ноотропные коктейли, сеансы йоги, медитации; или японская «лесная терапия» (лесные ванны, или шинрин-йоку) в сочетании с практиками осознанности и местными ноотропными травами.

Таким образом, туризм сегодня – это многогранное явление, характеризующееся иронией и поисками баланса между аутентичностью и превращением в товар. Будущее туризма в эпоху постмодерна состоит в его гибкой, адаптивной структуре, ориентированной на узкие туристские рынки, с

акцентом на самобытность, аутентичность места, на эмпирические и иммерсивные продукты. Современный туризм отражает более широкие общественные сдвиги в сторону индивидуализма и скептицизма, но при этом не избегает влияния капитализма. Остается нерешенной проблема сосуществования самовыражения, в том числе экологического, и сверхпотребления.

Литература

- Адорно Т. Эстетическая теория (Философия искусства). М. : Республика, 2001. 527 с.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : Постум, 2015. 240 с.
- Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. 2014. № 2. С. 3–8.
- И немедленно выехал. 31.03.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6592094> (дата обращения: 15.05.2025).
- Мошняга Е. В. Основные тенденции развития туризма в современном мире // Вестник РМАТ. 2013. № 3(9). С. 20–33.
- Постковидный синдром (долгосрочные последствия перенесенной коронавирусной инфекции COVID-19). 26.02.2025. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/post-covid-19-condition-long-covid> (дата обращения: 10.05.2025).
- Слотердайк П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2009. 534 с.
- Racoma B. What is glocalization and how does it work? // Day Translations Blog. 2018. URL: <https://www.daytranslations.com/blog/what-is-glocalization/> (дата обращения: 01.05.2025).
- Three decades of glocalization research: A bibliometric analysis / M. Yaqoub, Z. Gao, X. Ye, K. Al-Kassimi, Z. Chen, W. Haizhou // Cogent Social Sciences. 2023. Vol. 9, Iss. 2.

УДК 332

Е. И. Пиндик

Иркутский государственный университет, Иркутск

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ИРКУТСКА: ЧЬЯ СТРАТЕГИЯ УСПЕШНЕЕ?

Аннотация. Анализируется маркетинговая привлекательность Санкт-Петербурга и Иркутска. Приводятся статистические данные по туристической деятельности исследуемых городов, анализируются визуальные концепты, сопоставляются стратегии привлекательности городов и определяются направления территориального маркетинга, выбранные Санкт-Петербургом и Иркутском.

Ключевые слова: территориальный маркетинг, стратегия привлекательности, визуальная концепция.

E. Pindik
Irkutsk State University, Irkutsk

TERRITORIAL MARKETING OF ST. PETERSBURG AND IRKUTSK: WHOSE STRATEGY IS MORE SUCCESSFUL?

Abstract. The aim of the article is to analyze the marketing appeal of the cities of St. Petersburg and Irkutsk. In this regard, data on tourism activities is provided, visual concepts are analyzed, the cities' attractiveness strategies are compared, and the directions of territorial marketing chosen by St. Petersburg and Irkutsk are identified.

Keywords: territorial marketing, attractiveness strategy, visual concept.

В условиях глобализации и обострения конкуренции за ресурсы, инвестиции и человеческий капитал особую актуальность приобретает вопрос, как отдельным территориям не просто заявить о себе, а создать устойчивый позитивный образ, привлечь туристов, инвесторов и талантливых специалистов. Ответ лежит в плоскости территориального маркетинга. «Территориальный маркетинг – это действия в интересах территории, ее внутренних субъектов, а также внешних субъектов, во внимании которых заинтересована территория» [Голубков, 1999, с. 11].

В результате развития урбанистики фокус изучения территориального маркетинга смещается с регионов на города, и большее внимание уделяется изучению конкуренции регионов-городов посредством территориального маркетинга. Данное направление должно быть изучено подробно, так как требует применения теоретических знаний на практике, а также играет роль в развитии города как основной фигуры территориального маркетинга в урбанистике. Каждая городская территория имеет особую специфику, соответственно, территориальный маркетинг городов России и США значительно различается, поэтому в перспективе урбанистики он должен исследоваться более тщательно.

Одна из главных целей территориального маркетинга в урбанистике – способствовать повышению привлекательности региона-города, что напрямую связано с процессом регионального развития. Для того чтобы проанализировать привлекательность изучаемого региона, выявить его сильные и слабые стороны и спрогнозировать дальнейшие перспективы, изначально нужно определить стратегию территориального маркетинга, которую избрал город-регион, затем оценить туристский поток и, сопоставив данные, установить успешность предпринятых маркетинговых программ в данном регионе.

Основываясь на данном алгоритме, сформулируем цель исследования: проанализировать маркетинговую привлекательность городов Санкт-Петербурга и Иркутска.

Принцип отбора городов заключался в следующем: Санкт-Петербург был выбран, поскольку является культурной столицей России и ежегодно принимает огромное количество туристов, Иркутск – по расположению вблизи оз. Байкал, а также по принципу родного города для нас.

Изучив статистические данные по туризму за 2023 г., опубликованные Федеральной службой государственной статистики РФ (ФСГС РФ), мы зафиксировали, что туристический поток по России измеряется такими показателями, как «по числу поездок» и «по количеству ночевок». За основу нашего исследования было взято измерение «по числу поездок», поскольку определение, предложенное ФСГС РФ, полностью совпадает с целью данной работы: «Туристский поток (по числу туристских поездок) –

общее количество туристских поездок на определенную территорию за определенный промежуток времени» [Туризм].

Согласно статистическим данным, в 2023 г. Санкт-Петербург посетили 11 761 263 человека (рис. 1).

	единица
	2023**
	значение показателя за год
Ярославская область	1 315 122
г.Москва	20 057 249
Северо-Западный федеральный округ	29 723 891
Республика Карелия	1 159 048
Республика Коми	273 509
Архангельская область	774 444
Ненецкий автономный округ	41 589
Архангельская область (кроме Ненецкого автономного округа)	732 855
Вологодская область	904 547
Калининградская область	1 325 935
Ленинградская область	8 774 793
Мурманская область	748 734
Новгородская область	2 413 687
Псковская область	1 587 931
г.Санкт-Петербург	11 761 263

Рис. 1. Оценка туристского потока (годовые данные)
по числу поездок, 2023 [Туризм]

Стоит отметить, что туристический поток г. Иркутска отдельно не измеряется, а приводится показатель по всей Иркутской области. Поскольку Иркутск является крупным городом в области, а также областным центром, смеем предположить, что большая часть – это туристы самого Иркутска. В то же время мы будем понимать, что данная цифра принята условно. Согласно данным ФСГС РФ, в 2023 г. Иркутскую область посетили 1 553 341 человек (рис. 2).

Полученные данные показывают огромный разрыв по числу туристов в исследуемых городах России, что весьма логично вписывается в реальную ситуацию. Город Иркутск существенно проигрывает Санкт-Петербургу несмотря на то, что обладает огромным потенциалом для развития туристического направления. В этом ключе необходимо упомянуть об оз. Байкал, архитектуре города и его историческом значении, которые могут выступить как выигрышные моменты и преимущества в конкуренции с другими городами России, важно только правильно выработать стратегию.

	единица
	2023**
	значение показателя за год
Челябинская область	1 808 517
Сибирский федеральный округ	11 942 296
Республика Алтай	1 037 722
Республика Тыва	75 248
Республика Хакасия	410 955
Алтайский край	1 505 214
Красноярский край	1 714 776
Иркутская область	1 553 341
Кемеровская область - Кузбасс	1 423 328
Новосибирская область	2 777 827
Омская область	1 035 118
Томская область	408 767
Дальневосточный федеральный округ	6 134 825
Республика Бурятия	820 586
Республика Саха (Якутия)	245 878

Рис. 2. Оценка туристского потока (годовые данные) по числу поездок, 2023 [Туризм]

Исходя из этого, далее рассмотрим стратегии двух городов-регионов России – Иркутска и Санкт-Петербурга.

В 2023 г. Санкт-Петербург отпраздновал свое 320-летие, к этому событию были обновлены концепция и визуальный стиль графического оформления. Замысел визуального стиля заключался в сопоставлении графических символов исторической золотой эпохи Петербурга и современных веяний дизайнерского искусства, тем самым удалось соединить направления прошлого и настоящего (рис. 3).

Рис. 3. Визуальный стиль 320-летия Петербурга [320 лет ...]

Говоря о стратегии г. Санкт-Петербурга, мы можем утверждать, что город реализует стратегию цифрового маркетинга. Для туристов реализуется программа Visit Petersburg в рамках официального информационного портала для туристов, реализуемого при поддержке правительства Санкт-Петербурга. Сайт достаточно удобен в пользовании, турист с легкостью может забронировать номер, выбрать, где можно поесть, подобрать экскурсионный маршрут, познакомиться с местами шопинга и развлечений. Неотъемлемым преимуществом данной концепции выступают «Тематический туризм» и «Национальные туристские маршруты». Первая опция открывает для туриста возможность подобрать ориентированный на его запросы маршрут путешествия, выбрав одно из представленных направлений: свадебное, промышленное, образовательное и детское (рис. 4).

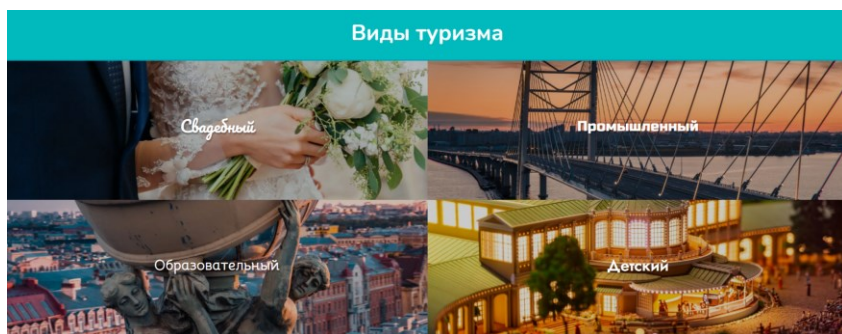

Рис. 4. Тематический туризм в Санкт-Петербурге: виды туризма [Тематический ...]

Вторая опция представляет возможность познакомиться с городом через его культуру, предлагая попробовать два маршрута: «Петербург. Пётр. От первого камня до небоскреба» и «Санкт-Петербург. Новая география» (рис. 5).

Рис. 5. Национальные туристские маршруты Санкт-Петербурга [Национальные ...]

Данные функции можно считать большим преимуществом в реализации маркетинговой программы Санкт-Петербурга, поскольку они выступают полноценным готовым продуктом для туристической аудитории. Навигация по сайту позволяет с легкостью распланировать свое пребывание, включив в него то, что нужно туристу.

Обратимся к стратегии г. Иркутска. Так же, как и в Санкт-Петербурге, в Иркутске создавались логотипы фирменного стиля к празднованию юбилея города. Стоит подчеркнуть, что были различные попытки: как удачные и прижившиеся, так и провальные и совершенно отрицаемые жителями города. Так, в 2018 г. московской студией «Инстид» была предпринята попытка концептуализации города с говорящим названием «Иркутскость», однако предложение было категорически отвергнуто равнодушной общественностью ввиду того, что не содержало ничего «поистине иркутского». В тот же год иркутяне создали хэштег #Иркутск_Создает_Иркутск и делились своими идеями видения города, после чего мэрия пустила в разработку проект нового концепта города. Наиболее известный логотип города, созданный компанией «Адикт», был приурочен к 360-летию Иркутска (рис. 6).

Рис. 6. Фирменный стиль 360-летия Иркутска [Фирменный ...]

Стратегия города осуществляется Информационно-туристской службой г. Иркутска и представляет направление цифрового маркетинга. Сайт Visit Irkutsk организован таким образом, что он побуждает туриста открыть для себя этот город. Маркетологи использовали интересный прием упорядочивания материала на сайте посредством использования глаголов в повелительном наклонении (например, отдыхай, восхищайся, закупайся и т. д.). Под каждое действие подобран материал, соответствующий его значению: парки отдыха, театры и выставки, шоппинг (рис. 7).

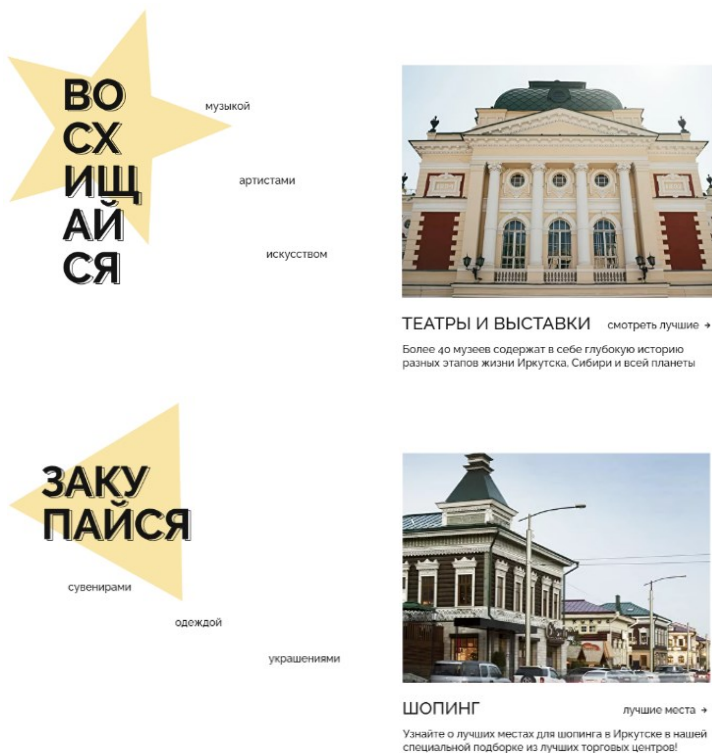
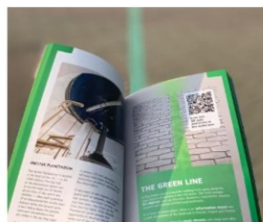

Рис. 7. Открывай Иркутск [Открывай Иркутск]

На сайте также предлагаются маршруты по различным историческим направлениям, которые турист может выбрать в соответствии со своими интересами. В отличие от Санкт-Петербурга, на сайте Иркутска не предлагаются виды туризма по критериям «семейное положение», «ожидания от поездки», внимание акцентируется на истории и культуре города (рис. 8).

Таким образом, оба российских города реализуют маркетинговую программу посредством ведения сайта, т. е. придерживаясь идеи цифрового маркетинга. Отличительной чертой территориального маркетинга г. Санкт-Петербурга является широкий спектр реализуемых направлений и маршрутов, а также тематические и национальные маршруты. Стратегия г. Иркутска включает в себя ведение сайта, однако не осуществляет реализацию принципиально новых туристических веяний, что неблагоприятно влияет на развитие туристической деятельности.

ЗЕЛЁНАЯ ЛИНИЯ

Пешеходный экскурсионный маршрут, проходящий по основным достопримечательностям исторического центра Иркутска

[подробнее](#)

ДЕКАБРИСТЫ В ИРКУТСКЕ

Маршрут позволит взглянуть на историю Иркутска через призму одного из важнейших событий в истории России 19 века — восстания декабристов, первых революционеров России.

[подробнее](#)

ДЕРЕВЯННЫЙ ИРКУТСК: ОТ 18 ВЕКА ДО 2000-Х ГОДОВ

Приглашаем вас исследовать основные орнаменты оформления наличников, побывать в атмосферных дворах и узнать, как жили здесь раньше, а также сделать красивые фотографии деревянного наследия города.

[подробнее](#)

Рис. 8. Маршруты Иркутска [Маршруты Иркутска]

Литература

320 лет Санкт-Петербургу. Северная столица отмечает свой юбилей // Культура Петербурга : портал. URL: <https://spbcult.ru/projects/320-let-sankt-peterburgu/> (дата обращения: 15.03.2025).

Голубков Е. П. Основы маркетинга : учебник. М. : Финпресс, 1999. 656 с.

Маршруты Иркутска // Информационно-туристская служба г. Иркутска. URL: <https://www.visitirkutsk.info/open-irk/routes> (дата обращения: 11.03.2025).

Национальные туристские маршруты Санкт-Петербурга // Туристский реестр Санкт-Петербурга. URL: https://visit-petersburg.ru/projects/lp/natsionalny_marshrut/main/ (дата обращения: 11.03.2025).

Открывай Иркутск // Информационно-туристская служба г. Иркутска. URL: <https://www.visitirkutsk.info/> (дата обращения: 20.03.2025).

Тематический туризм в Санкт-Петербурге // Туристский реестр Санкт-Петербурга. URL: https://www.visit-petersburg.ru/tematicheskijturizm/lp/vidy_turizma/ (дата обращения: 11.03.2025).

Туризм // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 10.03.2025).

Фирменный стиль 360-летия Иркутска. URL: <https://www.adict.ru/works/firmennyy-stil-360-letiya-irkutsk> (дата обращения: 20.03.2025).

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ НА ПРИМЕРЕ ИСЛАНДИИ

Аннотация. Отмечается, что развитие туризма в Российской Федерации в последние годы отмечено бурным ростом внутреннего туристского рынка. Подчеркивается, что в связи с известными ограничениями российские туристы все чаще выбирают в качестве места своего отдыха не только известные дестинации с устойчивым туристским потоком, но и регионы, обладающие большим туристским потенциалом и в то же время расположенные на значительном удалении от основных туристских рынков. К таким регионам по большей части относятся субъекты Российской Федерации, расположенные в Арктике (Мурманская область, Республика Коми, Красноярский край, Чукотский автономный округ и др.). Делается вывод, что для эффективного использования туристского потенциала таких регионов целесообразно обратиться к международному опыту развития туризма в арктических странах, в частности Исландии.

Ключевые слова: арктические регионы, Исландия, развитие туризма, государственная поддержка, лучшие практики в туризме.

Y. Rodionov

Russian State University of Tourism and Service, Moscow

THE EXPERIENCE OF TOURISM DEVELOPMENT IN THE ARCTIC REGIONS USING THE EXAMPLE OF ICELAND

Abstract. The development of tourism in the Russian Federation in recent years has been marked by the rapid growth of the domestic tourism market. Due to certain restrictions, Russian tourists are increasingly choosing as their vacation destination not only well-known destinations with a steady tourist flow, but also regions with great tourist potential, but at the same time located at a considerable distance from the main tourist markets. Such regions mostly include the subjects of the Russian Federation located in the Arctic (Murmansk Region, Komi Republic, Krasnoyarsk Territory, Chukotka Autonomous Okrug, etc.). For effective use of the tourist potential of such regions, it is advisable to refer to the international experience of tourism development in the Arctic countries, in particular Iceland.

Keywords: Arctic regions, Iceland, tourism development, government support, best practices in tourism.

Исландия – островное государство, расположенное на западе Северной Европы, в северной части Атлантического океана, на севере и северо-востоке омывается Северным Ледовитым океаном. Территория государства состоит из одноименного острова площадью 103 тыс. км² и небольших островков около него. Население Исландии составляет 393,4 тыс. человек [Иванов, 2021].

Климат Исландии – морской, умеренно прохладный, с сильными ветрами, влажный и переменчивый. Рельеф определяют вулканы, гейзеры, горячие источники и лавовые поля. В связи с этим наиболее известным на территории Исландии и привлекательным для туристов природным явлением, тесно связанным с исландской культурой, является изобилие геотермальной энергии – естественно нагретой воды.

Геотермальная энергия служит источником для множества общественных и частных геотермальных бассейнов, расположенных на открытом воздухе, а также спа-курортов категории люкс. Сама столица Исландии имеет свой собственный геотермальный пляж с белым песком и теплой океанической водой.

11 % площади страны составляют ледники, в том числе расположенные на территории национальных парков «Ватнайёкюдль» и «Снайфедльсйёкюдль». Центральная, горная часть Исландии зимой полностью покрыта снегом, поэтому передвигаться здесь можно только на специальной технике.

По данным Совета по туризму Исландии, в 2024 г. страну посетил в общей сложности 2 287 341 иностранный турист, что на 2,4 % больше, чем в 2023 г. Здесь нужно отметить, что в период с 2015 по 2024 г. число иностранных туристов в Исландии выросло в 1,7 раза. Однако самый большой объем международного туристского потока в Исландию был зафиксирован в 2018 г. (2 342 241 турист); после спада в индустрии туризма и гостеприимства, вызванного пандемией коронавируса, объем потока пока не вышел на прежний уровень. Общее количество посетителей страны превышает численность населения Исландии почти в 6 раз.

В общей структуре туристского потока Исландии наибольшую долю составляют туристы из Северной Америки (США, Канада) – 31 %. На втором месте – туристы из Соединенного Королевства – 11,7 %. Учитывая, что основной туристский поток в Исландию формируется туристами из США и Великобритании, эту страну часто называют «еще одним Диснейлендом для американцев». Также к числу стран с наибольшим туристским потоком в Исландию по итогам 2024 г. относятся Германия (6,3 %), Польша (4,8 %), Италия (4,4 %). Доля туризма в ВВП страны в 2023 г. составляла 24,6 %, что превосходит аналогичный показатель многих европейских стран, специализирующихся на пляжном отдыхе, за исключением Черногории и Хорватии [Сафина, Амосова, 2018, с. 38].

Основной причиной посещения туристами Исландии является уникальная природа. По данным местных туристских компаний, такую цель путешествия указывают 83 % иностранных туристов, которые посещают национальные парки «Ватнайёкюдль» (крупнейший парк Европы площадью 12 тыс. км²), «Тингветлир» «Йёкульсаурглювур», «Снайфедльсйёкюдль», «Скафатафедль» [Богатырёва, Морозова, 2018].

Прибрежный город Хусавик считается европейской столицей наблюдения за китами. Прибрежные воды Исландии являются домом более чем для двадцати видов китообразных. Еще одна достопримечательность Исландии – острова Вестмана, на которых обитают огромные колонии различных морских птиц (например, топориков).

Одним из самых посещаемых мест в Исландии как у туристов, так и местных жителей является город Акюрейри, своеобразная «северная столица» Исландии. Главная причина популярности этого места – возможность увидеть северное сияние.

Экономику Исландии отличает то, что после глобальных катаклизмов (мировой финансовый кризис 2008 г., пандемия коронавируса 2020–2021 гг.) она продолжила улучшать свои показатели, во многом благодаря значительному притоку туристов. Бурному росту туристской популярности страны в 2010-х гг., сопровождавшемуся кратным увеличением туристского потока и развитием туристской инфраструктуры, способствовало несколько ключевых факторов [Sæþórsdóttir, Hall, Wendt, 2020].

Во-первых, произошедшее в 2010 г. извержение вулкана Эйяфьядлайёкюдль, которое впервые привлекло внимание всего мира к Исландии, в 2011 г. менее разрушительное извержение вулкана Гримсвотн подогрело интерес к стране. После первого извержения начался активный рост туристских посещений. Если в 2000 г. страну посетило 200 тыс. туристов, то в 2010 г. их количество приблизилось к 500 тыс., а по итогам 2011 г. объем туристского потока в Исландию составил 565 тыс. человек.

Второй всплеск туристской активности в Исландии случился в 2014–2015 гг. благодаря съемкам в 2013 г. ряда эпизодов сериала «Игра престолов». В результате по итогам 2014 г. туристский поток в Исландию практически достиг 1 млн человек, рост к 2013 г. составил 23,5 % (в 2015 г. количество туристов составило 1,29 млн, увеличившись по сравнению с 2014 г. на 29 %). Нужно отметить, что лавовые поля и ледники Исландии оказались отличной натурой для киносъемок, здесь было снято несколько фильмов («Прометей» – 2012 г., «Обливион» – 2013 г., «Интерстеллар» – 2014 г.), включая и ряд эпизодов культовых сериалов про Джеймса Бонда, «Звездных войн».

Наибольший прирост туристского потока в Исландию наблюдался по итогам 2016 г., когда страну посетило 1,79 млн туристов (рост по сравнению с 2015 г. составил 39 %). Большой интерес к стране объяснялся успешным выступлением сборной Исландии по футболу на чемпионате Европы в 2016 г. Туристы приезжали в Исландию не только для того чтобы посетить уникальные туристские объекты, но и чтобы познакомиться с необычной нацией, которая горячо и заразительно поддерживала своих футболистов на главном турнире Европы.

Наравне с возросшим количеством туристов поражает и то, как быстро и эффективно Исландия смогла использовать новые обстоятельства. Существенным результатом перечисленных выше событий в 2010–2016 гг. для развития туристской сферы Исландии стало создание почти 12 тыс. рабочих мест, что составило более половины новых рабочих мест, созданных за указанный период во всех отраслях экономики. Буквально за десять

лет в стране выросла развитая туристская инфраструктура: транспорт, отели и гиды, информационные указатели, обустроенные пешеходные тропы, кафе и туалеты. Интерес к туризму в Исландии привел к запуску новых проектов в сфере логистики (авиаперевозок, проката машин), проживания, экскурсионного дела, развлечений [Казакова, Гирфанова, 2017].

Структурно гостиничная индустрия Исландии состоит из исландских гостиничных сетей (отели уровня 4 и 3 звезды) и независимых отелей и хостелов, а также ограниченного числа глобальных брендов, управляемых исландскими операторами по лицензии. В последние годы в гостиничном сегменте Исландии наблюдается высокая активность иностранных инвесторов.

По оценкам исландской консалтинговой компании «Гамма», более 95 % туристов говорят о том, что их ожидания от поездки оправдались, а более 80 % сообщают о вероятности повторного визита в страну [Hafsteinn ... , 2018]. Высокий балл NPS (80 баллов), полученный в результате опросов в 2019 г., свидетельствует о высокой степени удовлетворенности туристов своим отдыхом в Исландии.

Что касается формата туристских поездок по территории Исландии, то данные опросов показывают, что более трети туристов, посещающих Исландию, предпочитают организованные туры. Это объясняется как труднодоступностью многих объектов туристского показа, так и наличием широкого выбора различных туристских активностей, от дневных экскурсий по природным объектам (например, водопады и гейзеры вблизи Рейкьявика) до поездок на северное сияние и походы по ледникам. Рынок экскурсионных туров в Исландии сильно фрагментирован: есть несколько крупных организаций, имеющих базу из 70–100 автобусов, и небольшие нишевые компании, работающие на 1–5 автобусах и суперджипах [Морозов, Руденко, 2020].

Данные опросов показывают, что более половины туристов предпочитают исследовать туристские объекты самостоятельно на арендованном автомобиле – каждый десятый автомобиль на улицах Исландии находится в прокате. Многие предпочитают путешествовать по знаменитой кольцевой дороге, которая протянулась по всему острову.

Значительный рост арендного парка автомашин в Исландии в последние годы связан с возросшей активностью мелких и средних операторов рынка. Новые игроки стимулировали внедрение инноваций в предлагаемых продуктах, а ряд нишевых операторов специализировался на аренде кемперов и караванов, особенно популярных среди бюджетных туристов.

Учитывая, что основная цель прибытия туристов в Исландию – это рекреационный туризм, знакомство с уникальной природой острова, наиболее ярким примером создания и развития бизнеса в сегменте рекреационного туризма является геотермальный курорт «Голубая лагуна», считающийся одним из лучших спа-курортов в мире. История появления и

развития этого объекта достаточно интересна, ведь, по сути, он является прудом-накопителем отработанного конденсата геотермальной электростанции.

Уникальные свойства воды были впервые обнаружены в начале 1980-х гг., когда местные жители начали купаться в теплом голубом водоеме, образовавшемся на лавовом поле рядом с геотермальной электростанцией Сварценги. Впоследствии лагуна стала центром интенсивных научных исследований, в результате которых в 1992 г. была создана компания Blue Lagoon Limited, занимающаяся получением из воды, содержащейся в канаве, диоксида кремния, минеральных солей и водорослей, благоприятно влияющих на кожу. В 1995 г. компания, основываясь на результатах исследований, подтвердивших целебные свойства геотермальной морской воды, запустила известную линию средств по уходу за кожей. В 1999 г. был открыт современный спа-центр, а в 2005 г. – гостиница-клиника для лечения псориаза. В 2012 г. журнал National Geographic включил курорт в список одного из 25 чудес света, а журнал Condé Nast Traveler присудил ему одно из первых мест в списке топ-10 спа-курортов мира.

Основными преимуществами, способствовавшими успеху курорта, стали:

- 1) концепция устойчивого и гармоничного развития объекта, что отражается как в архитектуре и дизайне курорта, так и в предоставляемых услугах: для строительства комплекса использовались природные материалы, выбранные из-за их долговечности, эксплуатационных характеристик, зеленых стандартов производства. Там, где это было возможно, лава, добытая на месте, была интегрирована в структуру курорта;

- 2) энергоэффективность комплекса: геотермальная энергия, производимая в ресурсном парке Сварценги, является единственным источником электричества, отопления и горячей воды на курорте, обеспечивая 100 % его потребностей в этих трех ресурсах. Системы отопления, кондиционирования воздуха и канализации соответствуют строгим исландским стандартам энергоэффективности или превосходят их;

- 3) уникальный окружающий ландшафт: лавовое поле Иллахраун представляет собой покрытую мхом вулканическую породу, которая изверглась из земли в XIII в. Чтобы посетители могли гулять по лавовым полям, не нанося ущерба флоре и вулканической породе, были созданы специальные пешеходные дорожки;

- 4) освещение курорта, которое настроено таким образом, чтобы удовлетворить суточную потребность человека в естественном свете с учетом циркадного ритма. Освещение на основе светодиодных ламп заряжает посетителей комплекса энергией, вызывая ощущение спокойствия и комфорта;

- 5) меню ресторана Moss Restaurant, по большей части составленное из местных продуктов. Органические фермы и теплицы, где выращивают-

ся фрукты и овощи, также освещаются и отапливаются за счет геотермальной энергии;

б) наличие собственного научно-исследовательского центра, где внедряются новые способы переработки CO₂, выделения, культивирования и сбора полезных элементов геотермальной морской воды, которые являются основой средств по уходу за кожей, производимых под маркой Blue Lagoon.

Управляющая курортом «Голубая лагуна» компания также старается быть социально ориентированным предприятием, уважительно относясь не только к окружающей среде, но и к человеческому достоинству. Компания финансирует широкий спектр благотворительных мероприятий в области молодежного спорта, искусства, здравоохранения и оздоровления, способствуя повышению качества жизни и благосостояния общин на полуострове Рейкьянес и по всей стране.

Что касается государственной поддержки развития туризма, то в 2013 г. Правительством Исландии была разработана стратегия Promote Iceland. По сути это государственно-частное партнерство, созданное для повышения конкурентоспособности исландских компаний (в том числе в сфере туризма) на внешних рынках и стимулирования экономического роста за счет увеличения экспорта.

С учетом возможных экологических последствий от увеличивающегося туристского потока особое внимание в стратегии уделяется экотуризму. Миссия стратегии – стать одним из первых направлений устойчивого туризма в мире, предлагая в течение года конкурентоспособный туристский продукт, который воплощает уникальные природные и культурные особенности Исландии.

Одним из элементов стратегии Promote Iceland является Visit Iceland – официальный маркетинговый офис Исландии, созданный с целью привлечения туристов в Исландию. Офис работает в сотрудничестве с исландскими и зарубежными туроператорами и другими заинтересованными сторонами под зонтичным брендом Inspired by Iceland. Все официальные маркетинговые мероприятия проводятся под эгидой Inspired by Iceland. Кроме этого, офис Visit Iceland реализует комплексные маркетинговые инициативы для потребителей.

В частности, с 2011 г. офис совместно с туристской индустрией в рамках кампании Inspired by Iceland организует ежегодную маркетинговую кампанию по продвижению Исландии в качестве круглогодичной туристской дестинации. Акцент кампании сделан на продвижении зимнего туризма и программы сафари к северному сиянию, чтобы привлечь туристов во время низкого сезона, а также других зимних мероприятиях, например ледниковые походы, катание на снегоходах, хели-ски, сафари на суперджипах и т. д. Результатом стало снижение влияния фактора сезонности и привлечение дополнительных туристов.

Развитие сферы туризма в Исландии курирует Министерство промышленности, при котором образован независимый Исландский Совет по туризму (Icelandic Tourist Board). Его деятельность регулируется законом «Об исландском Совете по туризму» и «Законом о пакетных поездках». Совет осуществляет мониторинг и содействует развитию туризма как важной и устойчивой основы исландской экономики с учетом потенциала исландской природы, а также содействует координации, анализу и исследованиям в секторе туризма в соответствии с политикой правительства.

Исландское правительство осознает необходимость управления туристскими дестинациями и планирования будущего устойчивого развития туризма. Поэтому все большее значение в деятельности исландского Совета по туризму приобретает региональное развитие. Совет тесно сотрудничает с муниципалитетами, государственными учреждениями, частными лицами, организациями и компаниями, при этом все проекты имеют целью повышение доступности территории всей страны и формирование туристских зон.

В этом контексте в 2015 г. Совет совместно с рабочей группой по туризму приступил к разработке планов управления дестинациями (DMPs) [Ferdamalastofa]. DMPs – это комплексные программные документы, предназначенные для того, чтобы направлять рост и развитие дестинаций в течение конкретного периода времени; определять роли заинтересованных сторон, действия, за которые каждая заинтересованная сторона несет ответственность, и необходимые ресурсы для выполнения обязанностей сторон. [Destination...]. Разработку DMPs осуществляют региональные маркетинговые офисы, а Совет осуществляет надзор за реализацией проектов.

Для формирования прочной базы Совет тесно сотрудничает с региональными маркетинговыми офисами и информационным порталом Safetravel по определению и реализации приоритетных проектов поддержки в четырех различных категориях: 1) вопросы безопасности; 2) качество, компетенции и экологические проблемы; 3) цифровые проблемы и возможности; 4) логотип и дизайн. Это сотрудничество оформлено специальными соглашениями о финансировании. Совет осуществляет контроль за реализацией проекта и отвечает за его координацию. В состав проектной группы входят один руководитель проекта от каждого регионального офиса (всего 7) и один от Safetravel. Руководители проектов работают в четырех командах в соответствии с ранее упомянутыми категориями проектов.

Особое внимание при планировании развития туризма в Исландии уделяется природоохранным вопросам. Исландский Совет по туризму выделяет финансирование на сохранение и развитие экологического состояния туристских объектов; консультации, участие в планировании и развитии ландшафта; реализацию индивидуальных экологических проектов.

Создание в 2011 г. Фонда защиты туристских объектов обусловило существенное увеличение финансирования развития и благоустройства

популярных туристских достопримечательностей и национальных парков. Фонд был создан в целях содействия развитию, обслуживанию и охране туристских объектов в любой точке Исландии, находящихся как в собственности или управлении муниципалитетов, так и в частной собственности.

Средства Фонда защиты туристских объектов направляются:

- 1) на развитие и охрану природных и искусственных сооружений на туристских объектах;
- 2) обеспечение безопасности путешественников и охраны природы в туристских местах. В данном направлении Фонд уполномочен финансировать подготовительные и проектные работы, необходимые для развития туристских объектов, при этом не осуществляя эксплуатационные расходы на содержание искусственных сооружений, природоохранных территорий или других туристских объектов.

Выделение средств осуществляется дважды в год, хотя в случае крайней необходимости могут быть сделаны исключения. Информация о выделении средств из фонда должна быть обнародована. Ежегодные доходы Фонда защиты туристских объектов формируются за счет:

- 1) ассигнований государственного бюджета;
- 2) процентов на капитал Фонда;
- 3) иных доходов.

Фонд защиты туристских объектов находится под управлением Исландского Совета по туризму, который обеспечивает финансирование операций, включая распределение средств, ведение счетов, ведение бухгалтерского учета и подготовку ежегодных финансовых отчетов. Руководство Фонда назначается министром промышленности.

В Исландии существует система качества туризма и охраны окружающей среды Vakinn, которая управляется Исландским Советом по туризму в тесном сотрудничестве с исландской Ассоциацией туристской индустрии и инновационным центром Исландии. Цель системы Vakinn заключается в повышении качества, безопасности и экологической осведомленности туристской отрасли посредством руководства и поддержки, а также поощрения социальной ответственности всех поставщиков туристских услуг. Для своих членов Vakinn предоставляет разнообразные дополнительные материалы, рекомендации, данные и контрольные списки, которые полезны для улучшения рабочих процедур.

Система Vakinn основана на Qualmark – официальном знаке качества туризма Новой Зеландии, адаптированном к исландским условиям. При этом критерии звездного рейтинга Vakinn для отелей составлены в соответствии с европейской системой Hotelstars, возглавляемой Ассоциацией Hotrec, а критерии оценки звезд для других категорий жилья основаны на системе Qualmark.

Система качества Vakinn разделена на две категории: система звезд/классификации для коллективных средств размещения и другие туристские услуги. Знак качества Vakinn на объекте гарантирует туристу предоставляемый уровень услуг, а также то, что природа останется целой и невредимой. Перечень классифицированных объектов представлен на официальном портале системы Vakinn [Vakinn ...].

Учитывая, что основные туристские объекты Исландии представляют собой дикую природу, исландской Ассоциацией поиска и спасения по предотвращению несчастных случаев с 2010 г. реализуется проект Safetravel, направленный на предоставление путешественникам соответствующей подготовки и доступа к информационным ресурсам для безопасного путешествия по Исландии. С момента своего создания проект расширился, включая в себя в настоящий момент множество функций, в том числе информационные экраны, представление планов поездок, аренду персональных маяков-локаторов, единый интерфейс условий путешествия. Туристы могут напрямую связаться с агентом Safetravel safety agent в Рейкьявике в офисе или через чат на сайте и по Skype [Safetravel ...].

На портале Safetravel.is опубликована карта страны, на которой указаны все безопасные маршруты и опасные места для туристов. Предупреждения о безопасности ежедневно обновляются на веб-сайте на английском, исландском, французском, немецком и китайском языках. Карта показывает погоду, порывы ветра, прогноз лавин, дорожные условия, особенности путешествия по туристским достопримечательностям.

Отдавая приоритет вопросам обеспечения безопасности и качества предоставляемых услуг, туристы все же называют базовую инфраструктуру – аэропорты, дороги – ключевым направлением совершенствования туризма в Исландии.

На протяжении последнего десятилетия местные власти становятся все более открытыми для проектов в формате государственно-частного партнерства. Запускаются проекты по модернизации и развитию дорожной сети, аэропортов и других элементов базовой инфраструктуры. Увеличивается число авиакомпаний, организующих авиаперевозки в Исландию, за счет переориентации аэропорта Кефлавик в транспортный хаб между Европой и Северной Америкой.

Что касается круизного туризма в Исландии, то наряду с авиасообщением это еще один способ добраться до острова. Количество пассажиров круизных судов в Исландии ежегодно растет в среднем более чем на 10 %. Примерно 97 % круизных судов останавливаются в Рейкьявике, но некоторые суда заходят и в остальные порты [Cruise Iceland ...].

Одной из главных проблем, сдерживающих дальнейшее развитие туризма в Исландии, является неравномерное распределение туристского потока по регионам страны. Загрузка некоторых из самых популярных

мест (Thingvellir, Gullfoss и Geysir) приближается к полной мощности в высокий сезон. В то же время районы западной Исландии, западных фьордов, Северной Исландии и восточных фьордов могут принять гораздо больше туристов. В последние годы появляются примеры создания туристских объектов в регионах с небольшим количеством туристов, что позволяет дифференцировать туристский поток.

Параллельно с проблемой неравномерного распределения туристского потока по территории Исландии эксперты отмечают так называемую проблему овертуризма – многократный неконтролируемый рост количества посещающих Исландию туристов, что потенциально может грозить уничтожением основных природных достопримечательностей.

Кроме этого, повышенный спрос вызывает рост цен на недвижимость и продукты, больницы и общественные туалеты перестают справляться с потоком гостей. Подъем экономики туризма укрепляет исландскую крону, но дорогая национальная валюта отрицательно влияет на другие, добывающие отрасли экономики – рост цен на экспортируемые товары снижает спрос на них.

По мнению исландских властей, одним из эффективных инструментов сдерживания роста туристского потока может стать так называемый удар по кошельку туристов. Поэтому в свое время правительство страны рассматривало возможность увеличения существующего туристского налога, а также планировало лицензировать доступ к определенным природным достопримечательностям для туристских компаний, взимая таким образом более высокую плату с туристов за их посещение и направляя впоследствии собранные средства на улучшение туристской инфраструктуры. По мнению властей, данная ограничительная мера будет полезна и самим туристам: поскольку их общее число уменьшится, тем, кто останется, будет легче попасть на знаковые объекты, легче забронировать отель или взять в аренду автомобиль.

Исходя из географического положения и геологических особенностей Исландии (наличие вулканов, гейзеров, горячих источников, ледников), аналогичной территорией в России является Камчатский край, который, правда, не относится к арктическим регионам. Среди субъектов Российской Федерации, входящих в состав Арктической зоны России, близким к Исландии по типу туристского предложения (наблюдение за северным сиянием и китами) является Мурманская область.

По результатам проведенного анализа туристского потенциала Исландии для Камчатского края и Мурманской области могут быть сделаны следующие рекомендации в направлении развития рекреационного туризма:

- 1) подбор площадок на базе природных территорий и уникальных объектов для привлечения кинокомпаний с целью съемок художественных и документальных фильмов с обеспечением соответствующей организационной и финансовой (рибейты) поддержки;

- 2) создание на базе природных объектов специализированных средств размещения (кемпинги, глэмпинги, агрофермы и т. п.) и спа-курортов с учетом стандартов ресурсосбережения и энергоэффективности;
- 3) привлечение инвестиционных фондов для реализации инфраструктурных проектов в сфере туризма;
- 4) привлечение компаний по прокату автомобилей для повышения мобильности и комфорта индивидуальных туристов, а также создания продуктов в сегменте автомобильного туризма;
- 5) разработка программ развития регионов как круглогодичной туристской дестинации с определением приоритетных видов туризма в зависимости от туристского сезона;
- 6) создание регионального института развития туризма в форме некоммерческой организации или государственно-частного партнерства, которое бы объединяло в себе систему туристско-информационных центров, механизмы привлечения инвестиций в туристскую отрасль, инструменты (в том числе финансовые) развития и благоустройства туристских объектов;
- 7) разработка планов управления дестинациями для каждого муниципального образования (городской округ, муниципальный район) с целью определения направлений развития дестинаций в конкретные туристские сезоны, игроков туристского рынка и их ролей, формирования плана мероприятий по развитию туризма и необходимых ресурсов. Оказание финансовой поддержки муниципалитетам в строгом соответствии с разработанными планами;
- 8) создание и внедрение системы управления качеством туристских услуг, охраны окружающей среды и обеспечения безопасности туристов;
- 9) развитие прямых авиарейсов с ключевыми туристскими рынками.

Литература

- Богатырёва Д. С., Морозова В. В. Современное состояние и перспективы развития активных видов туризма в Исландии // Вестник Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. 2018. № 2(15). С. 112–117.
- Иванов И. А. Региональные и сезонные особенности въездного туризма в Исландию // Географический вестник = Geographical bulletin. 2021. № 3(58). С. 169–179.
- Казакова Е. А., Гирфанова Л. А. Туризм как фактор социально-экономического развития Исландии // Экономический форум «Экономика в меняющемся мире»: сб. ст. Казань : Изд-во Казан. (Приволж.) федер. ун-та, 2017. С. 249–251.
- Морозов С. В., Руденко О. В. Динамика развития туризма в Арктическом регионе (на примере Исландии) // Естественные и гуманитарные науки в современном мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Орел : Изд-во Орлов. гос. ун-та им. И. С. Тургенева, 2020. С. 346–350.
- Сафина С. С., Амосова Г. М. Современные особенности развития международного туризма в странах Северной Европы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4(112). С. 38–43.
- Cruise Iceland. Statistics. URL: <https://www.cruiseiceland.com/about-us/statistics/> (дата обращения: 03.03.2025).

Destination Management Plan Austurland 2018–2021. URL: https://austurland.is/wp-content/uploads/2019/09/Action_Austurland_2018.pdf (дата обращения: 01.04.2025).

Ferdamalastofa : Icelandic Tourist Board. URL: <https://www.ferdamalastofa.is/en> (дата обращения: 01.04.2025).

Hafsteinn Hauksson Tourism in Iceland. Investing in Iceland's growth engine. London : Gamma Capital Management HF, 2018. 88 p. URL: <https://www.gamma.is/media/skjol/Gamma-Tourism.pdf> (дата обращения: 14.03.2025).

Sæþórsdóttir A. D., Hall C. M., Wendt M. From Boiling to Frozen? The Rise and Fall of International Tourism to Iceland in the Era of Overtourism // *Environments*. 2020. Vol. 7(8).

Safetravel : The Icelandic Association for Search and Rescue. URL: www.safetravel.is (дата обращения: 18.03.2025).

Vakinn : quality and environmental certification for tourism in Iceland. URL: <https://www.vakinn.is/en> (дата обращения: 18.03.2025).

УДК 338.48

Б. С. Сосорова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ИВОЛГИНСКИЙ ДАЦАН КАК ЦЕНТР РЕЛИГИОЗНОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИИ

Аннотация. Рассмотрены особенности религиозного туризма, в частности в Республике Бурятия, где Иволгинский дацан является неоспоримым центром религиозного туризма. Указаны объекты комплекса, являющиеся основными для привлечения туристов.

Ключевые слова: религиозный туризм, Республика Бурятия, буддизм, Иволгинский дацан.

B. Sosorova

Irkutsk State University, Irkutsk

IVOLGINSKY DATSAN AS THE RELIGIOUS TOURISM CENTRE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA

Abstract. The article is devoted to the religious tourism peculiarities as a whole and particular in the republic of Buryatia with Ivolginsky datsan as the centre. The religious objects are considered as the main attractions for tourists.

Keywords: religious tourism, the Republic of Buryatia, buddism, Ivolginsky dastan.

С точки зрения современного туризма, религиозный туризм представляет собой деятельность, в которой основными целями являются осмотр и изучение религиозных объектов, участие в религиозных мероприятиях, а также знакомство с культурными и историческими аспектами, связанными с религией. Это один из видов тематического туризма, в котором религия служит специфическим объектом и содержанием путешествий. Включение религиозных ландшафтов, экологической среды, традиций и обычаев делает религиозный туризм уникальным и важным элементом современного туристического рынка [全球专业中 …, 2009].

Религиозный туризм сыграл значительную роль в развитии туристической деятельности, поскольку является одним из первых видов путешествий, в рамках которого туристы посещают святыне, культовые памятники и ландшафты. Этот вид туризма имеет глубокие исторические корни. Самым ранним его проявлением считаются паломничества, такие как хадж – поездки в Мекку, которые существовали еще в древности [The Hajj ...].

Религиозный туризм не только способствует духовному обогащению и изменению взглядов на мироздание, но и оказывает значительное влияние на личностное развитие. В последние годы он приобретает все большую популярность, предлагая уникальные маршруты, которые позволяют не только посетить современные урбанистические пространства, но и глубже понять религиозные традиции, посетить священные места, культовые памятники и музеи, где религиозные объекты сохраняются в своем первоначальном виде.

Более 70 % объектов туристического интереса в мире так или иначе связаны с религией или культом. Многие из них имеют большое историческое значение и становятся важными центрами паломничества [Богданова, 2008, с. 76]. Такие туристические маршруты часто включают в себя посещение не только действующих святынь, но и тех мест, которые утратили свое религиозное значение или были забыты, но сохраняют огромную культурную и историческую ценность для последующих поколений.

Американских ученых М. Нолан и С. Нолан считают одними из первых авторов, обратившихся к религиозному туризму, которые описывают религиозную систему как включающую религиозные достопримечательности, паломнические святыни и храмы (как нетуристические, так и туристические) и фестивали. Они указывают на то, что взаимодействие между «благочестивыми» паломниками и светскими туристами имеет схожий характер, признавая, что «независимо от их мотивации, все посетители этих достопримечательностей нуждаются в определенном уровне услуг, начиная от удовлетворения самых основных человеческих потребностей и заканчивая полным коммерческим развитием, которое соперничает с самым светским курортом» [Raj, Griffin, 2015, p. 9].

Ученые О. Е. Афанасьев и А. В. Афанасьева считают, что религиозный туризм «вышел за рамки привычного понимания, и охватывает не только верующих людей, но даже в большей степени тех, кто ищет смысл бытия, пытается переосмыслить свое призвание и место в мире». Авторами было предложено ввести в научную литературу и в нормативный оборот речи более объемный термин «духовный туризм», который включил бы и паломничество, и религиозный туризм [Афанасьев, Афанасьева, 2019, с. 8].

Религиозный туризм был охарактеризован следующими словами: «Это особая туристическая деятельность, ориентированная на религиозную

культуру, с помощью специфической экокультурной среды, и она относится к таким особым туристическим мероприятиям, как богослужение, исследования, осмотр религиозных святынь, храмов, достопримечательностей и культуры, осуществляемым религиозными последователями и туристами» [Aniq, 2021, p. 13].

Развитие религиозного туризма в Республике Бурятия имеет свои особенности. Для Бурятии характерен религиозный синкретизм, появление которого связано с историей взаимоотношений разных народов, влиянием принесенных сюда религиозных культур, а также их относительно мирным характером.

Буддизм в Бурятии появился в конце XV в. Он стал проникать в бурятские племена, когда монгольские князья и ламы кочевали у р. Селенги. Большее распространение буддизма у бурят берет начало с XVIII в., когда в 1712 г. в Бурятию прибыли 150 монгольских и тибетских лам с проповедью буддизма. В 1741 г. указом императрицы Елизаветы Петровны буддизм признан одной из традиционных религий России. Его развитию способствовало то, что территория Бурятии расположена рядом с территорией народов Центральной Азии, которые имеют похожие культуру, быт, хозяйство и язык.

Считается, что буддизм проник в Бурятию из Монголии, но также большой вклад был внесен из Тибета, однако уже в трансформированной форме, которая образовалась из-за взаимодействия с местными верованиями и культами монголов и других центральноазиатских народов. Как следствие, буддизм приобрел быструю успешную адаптацию в традиционном бурятском обществе [Ванчикова, Чимитдоржин, 2006, с. 31].

В буддизме существует религиозное течение, которое является самым поздним направлением – ламаизм. Считается, что именно в нем буддизм выразился в наиболее завершенном облике. Далай-лама – глава ламаизма, который рассматривается во всем мире как глава буддистов всех течений. Слово «ламаизм» происходит от слова «лама» (тибет. ལ་མ་, буквально – высший), обозначающего тибетского монаха или священника [Андросов, 2011, с. 189].

Религиозные традиции Бурятии формировались под влиянием различных верований и обрядов, что привело к их уникальному синтезу. Одним из наиболее древних элементов является культ духов природы, восходящий к религии Бон, которая предшествовала распространению буддизма. Буддийская традиция в регионе представлена сочетанием различных направлений, включая Хинаяну и Махаяну, однако ведущую роль занимает Ваджраяна, или «алмазная колесница», чьи корни уходят в древние культы плодородия. В результате бурятский ламаизм представляет собой буддизм, тесно переплетенный с элементами традиционных тибетских верований [Буддийская ...].

В 1941 г. по указанию Иосифа Сталина в Москву прибыли девять лам-тантристов. Они провели особый мощный ритуал, вызвавший наступление сильных морозов в центре России, которые стали называть сибирскими. Эти экстремальные погодные условия сыграли ключевую роль в том, что наши войска смогли перегруппироваться, в то время как немецко-фашистские войска оказались ослаблены. Ламы были награждены благодарностями от главнокомандующего, а вскоре после этого Сталин дал разрешение на строительство и открытие буддийских дацанов [Иволгинский ...].

Иволгинский дацан, расположенный в Республике Бурятия, является важнейшим центром Буддийской традиционной сангхи и главной резиденцией Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева, который входит в конфессиональный религиозный совет при президенте РФ [Буддийская ...]. Это один из крупнейших и наиболее посещаемых буддийских храмов в России, известный своей архитектурой, гармонично сочетающей традиционные буддийские элементы и местную культурную специфику [Чимитдоржин, 2001, с. 80].

В Иволгинском дацане действует буддийский университет, хранятся многие бесценные святыни, главная из них – не подверженное тлению драгоценное тело Пандито Хамбо-ламы XII Даши-Доржо Итигэлова, в 2002 г. извлеченное из земли и перенесенное в дацан. Множество исследований, проведенных учеными, показало, что по физическим характеристикам тело и мозг ламы соответствуют характеристикам живого организма. Лама по-прежнему сидит в позе медитации (лотоса), его тело теплое и мягкое [Возвращение Итигэлова ...].

Тело святого выставляется для поклонения лишь восемь раз в году. Те, кто посетил дацан и увидел ламу, утверждают, что энергетическое поле вокруг него настолько мощное и плотное, что создается ощущение, будто оно обвивает человека, а в самом дацане ощущается присутствие сильной потусторонней силы. Множество местных жителей, паломников и туристов приезжают сюда, чтобы прикоснуться к этому месту силы.

Священные места вокруг дацана (резиденция Хамбо-ламы, здание библиотеки, учебные корпуса буддийского университета «Даши Чойнхорлин» им. Дамба Даржа Заяева, священные ступы-субурганы), а также различные служебные помещения и дома лам обеспечивают гармоничное сочетание экскурсии и практических ритуалов, что важно для целевой аудитории.

Буддийская астрология и мастер-класс по зандя – элементы, которые делают экскурсию интерактивной и позволяют получить личный духовный опыт. Зандя – традиционный бурятский охранный узел, символизирующий защиту, благополучие и исполнение желаний. Считается, что он помогает сохранить энергию молитвы и защищает человека от негативных воздействий, чаще их завязывают на деревья, у алтарей, в домах или носят на руке как амулет. Узлы могут быть разными в зависимости от целей – защита, удача, здоровье, исполнение желаний.

Большое количество туристов посещает Иволгинский дацан, который благодаря своему историко-культурному и духовному наследию стал своего рода символом и центром религиозного туризма, способствующим привлечению широкой аудитории.

Литература

- Андросов В. П. Индо-тибетский буддизм : энцикл. слов. М. : Ориенталия, 2011. 448 с.
- Афанасьев О. Е., Афанасьева А. В. Религиозный туризм как тренд мировой и Российской туриндустрии: концептуальная сущность и модели развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2019. № 3. С. 7–27.
- Богданова С. Горячие проблемы региональной туристской политики // Туризм: практика, проблемы, перспективы. 2008. № 2. С. 76–79.
- Буддийская традиционная Сангха России. URL: <https://sangharussia.ru/> (дата обращения: 03.05.2025).
- Ванчикова Ц. П., Чимитдоржин Д. Г. История буддизма в Бурятии: 1945–2000 гг. / Ин-т монголоведения, буддологии и тибетологии. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. 132 с.
- Возвращение Итигэлова. URL: <https://www.buddhism.ru/o-buddizme/istoriya-buddizma-v-rossii/vozvrashchenie-itigelova/?ysclid=mavw79drm0492863398> (дата обращения: 24.04.2025).
- Иволгинский дацан. URL: <https://iskatel.com/places/ivolginskiy-datsan> (дата обращения: 24.04.2025).
- Чимитдоржин Г. Г. Иволгинский дацан Гандан Даши Чойнхорлин: 1946–2001. История, события и люди. С. Верхняя Иволга : Изд-во Буддийского ин-та, 2001. 81 с.
- Aniqa I. Global Development of Religious Tourism. University of Okara, Pakistan : Types of Religious Tourism, 2021. 13 p.
- Raj R., Griffin K. Religious Tourism and Pilgrimage Management: an international perspective. UK, USA, 2015. 343 p.
- The Hajj – from Medina to Mecca: 1326 // UC Berkeley, Professional Development Providers. URL: <https://orias.berkeley.edu/resources-teachers/travels-ibn-battuta/journey/hajj-medina-mecca-1326> (дата обращения: 24.04.2025).
- 全球专业中文经管百科 // 宗教旅游. 2009. URL: <https://wiki.mbalib.com/zh-tw/宗教旅游> – MBA 智库百科 (дата обращения: 24.04.2025).

УДК 711.4

I. Ozroкова

Central China Normal University, Wuhan

CHINESE AND FOREIGN PERCEPTIONS OF THE CITY TRANSFORMATION THROUGH THE “WUHAN, DIFFERENT EVERY DAY” SLOGAN

Abstract. The article analyzes the common understanding of Wuhan’s city motto, “Wuhan, Different Every Day”, both domestic and international responses, using qualitative content analysis of online user-generated content on several online platforms. The study compares how Chinese locals and foreign visitors comprehend the motto. While residents often use the word in a tongue-in-cheek fashion to describe abrupt daily fluctuations in weather, infrastructure, and city life, foreigners are more inclined to relate it to change, diversity, and surprising cultural depth. The study finds that the slogan succeeds in appealing to both groups, but for different reasons, and is an important symbol of the dynamic identity of the city. These findings contribute to the knowledge of how urban branding is understood across cultural contexts and how slogans become embedded in both formal and informal conversations.

Keywords: city branding, city slogan, cultural perception, content analysis, user-generated content.

Ирина Озрокова

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

КИТАЙСКОЕ И ИНОСТРАННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОРОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СЛОГАНА «УХАНЬ – КАЖДЫЙ ДЕНЬ РАЗНЫЙ»

Аннотация. Рассматривается восприятие городского слогана Уханя Wuhan, Different Every Day с точки зрения как китайских жителей, так и иностранных гостей. На основе качественного контент-анализа пользовательских комментариев с нескольких онлайн-платформ проводится сравнительный анализ реакций аудитории на данный брендовый слоган. Установлено, что китайские пользователи нередко употребляют слоган в повседневной речи в ироничном или наблюдательном ключе, отражая ежедневные изменения городской среды, тогда как иностранцы чаще воспринимают его как символ трансформации, культурного многообразия и неожиданных открытий. Слоган оказывается эффективным элементом брендинга, успешно интегрированным как в официальную коммуникацию, так и в популярную культуру. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию механизмов восприятия городского брендинга в различных культурных контекстах.

Ключевые слова: брендинг города, слоган города, культурное восприятие, контент-анализ, сгенерированный аудиторией контент.

City slogans are one of the main tools of city branding, helping cities create a unique and emotionally resonant identity. Within the context of international competition, they claim not only to attract tourists, talent, and investors but also to facilitate local patriotism. Wuhan, the central city of China, announced its slogan “Wuhan, Different Every Day” in 2014 to boost its rapid development and lively character. Wuhan has experienced vast urban, social, and economic transformation in the past ten years – making the slogan especially meaningful. This study explores how Chinese locals and international tourists interpret the slogan based on user-generated content on Chinese and international online sites. It explores how cultural context and personal experience shape the reception of city branding messages.

Wuhan’s “Different Every Day” slogan reflects its real transformation. Strategically located in the geographic heart of China, Wuhan has always been a “thoroughfare of nine provinces” (九省通衢) due to its comprehensive and complete transportation network – rail, road, water, and air – and thus China’s biggest inland transport hub. Economically, Wuhan is a central city in central China and the pillar of the Yangtze River Economic Belt. With multiple industries such as automobile manufacturing, optoelectronics, and biotechnology, Wuhan has become one of China's most important economic centers, equal to cities such as Hangzhou. The city is also home to globally acclaimed universities such as Wuhan University and Huazhong University of Science and Technology, which cater to continuous innovation and talent development [花落知多少, 2025]. Wuhan’s combination of historic heritage and modern urban life offers a fascinating backdrop where tradition meets progress. Urban revitalization

and recent environmental initiatives even more strongly establish its growing status as a national and international hub.

The “Wuhan, Different Every Day” slogan thus most accurately characterizes the city’s ongoing changes – not only in physical terms but also socially and culturally.

The first official launch of Wuhan’s slogan was on September 15, 2014, at the Qintai Grand Theatre in Wuhan, along with a new city logo and a nine-minute promotion video. Inspired by the complex form of the Chinese character “Han” (漢), the new logo highlights Wuhan’s rich Chu cultural heritage and is intended to project a more international image for the city. Collectively, these branding efforts aimed to define Wuhan as an innovative city rooted in tradition and constant change [Hubei Provincial People’s Government, 2014]. The slogan symbolizes Wuhan’s dynamic development –both rapid urbanization and infra-structural growth, yet also continuous social, economic, and cultural change. It puts Wuhan as a city where innovation is wedded to tradition and where every day there is something new to discover.

Considering the profound and multifaceted message encapsulated in the slogan, it is crucial to explore how it is received by different audiences. A comparison of Chinese residents’ and foreign tourists’ perceptions reveals the effectiveness of Wuhan’s branding campaign and the cultural forces underlying its reception. Residents, who experienced the city’s rebirth firsthand, identify the slogan with modernization, pride, and cultural heritage. On the other hand, foreigners experience it through short-term exposure, emphasizing energy, change, and cultural diversity. Through the comparison of such perspectives, one can more fully grasp how cultural background, personal experience, and expectations influence the perception of urban branding messages. To analyze these different perceptions in a structured way, one has to turn towards the city branding theory since it provides the theoretical base from which understanding the cities’ self-branding domestically and internationally can emerge.

City branding is a purposeful process by which cities establish and communicate an exclusive identity to influence attitudes and enhance their attraction to tourists, investors, talents, and inhabitants. A city brand, Simon Anholt argues, is one of the leading voices in place branding, and is a healthy one that does not base itself on logos or slogans only but on the city’s true behavior, policy, and record. He famously stated: “Branding is not about image but about identity and purpose” [Anholt, 2010].

Kavaratzis and Ashworth view city branding as the management of the identity, image, and reputation of the city through communication, planning, and stakeholder management. They emphasize that branding is a long-term tool of governance to make a city more competitive, attract investment and talent, and develop civic pride [Kavaratzis, Ashworth, 2005].

Slogans play a crucial role in this process. Whereas logos employ visual recognition, slogans appeal to identity and feeling. Famous slogans like “I love NY” or “Keep Austin Weird” encapsulate the essence of a city and evoke lasting associations. Lucarelli and Berg believe that powerful slogans are brief stories – they are promises, dreams, and emotional triggers in one [Lucarelli, Berg, 2011].

This study applies qualitative content analysis to explore multiple audiences' interpretations of the slogan “Wuhan, Different Every Day”. User-generated materials on websites such as Rednote, Weibo, YouTube, CUCAS, and Baijiahao were retrieved through keyword searching related to the slogan. The information consists of personal travel diaries, social media postings, video logs, and web articles authored by Chinese tourists and international tourists. The aim was to identify repeated patterns and cultural trends of interpretation of the slogan through direct quotations and summaries in domestic and foreign views.

Among Chinese people, especially young locals and internal tourists, the slogan has entered the everyday vocabulary and is being used quite commonly humorously or affectionately. For instance, a Rednote user shared their experience after visiting Wuhan, where they noticed the slogan was printed on street food paper bowls. They exclaimed, “It’s short and not cliché – my city should come up with something like that too”. It’s signaling that the slogan is perceived as authentic and relatable [留灯亿識, 2024]. The same user also has another post which how visitors interpret the city’s continuously changing character as part of its experience. They noted the quantity of road and infrastructure construction in the city, initially believing it to be held up by the pandemic, only to be informed by a local driver that, “Wuhan has been like this for the last ten years”. They finished on a hopeful note: “Perhaps next time I return, all will be different again”. Such remarks are precisely in keeping with the mood of the slogan, in favor of the opinion that change is not merely observed but expected – rendering “Wuhan, Different Every Day” an accurate reflection of the city’s perpetual transformation [留灯亿識, 2024]. This theme is also duplicated in other descriptions of tourists. One tourist, for example, humorously stated the city felt “different every day” because “everything was being dug up and built”. They described a different-looking cityscape in which gleaming glass skyscrapers bordered crumbling buildings and thriving shopping areas bordered dusty construction sites. These firsthand, on-the-ground observations corroborate that to many, the slogan accurately captures not just a branding slogan but the lived reality of making one’s way through Wuhan’s constant flux [态度可以决定一切, 2019].

Weibo netizens routinely invoke the slogan “Wuhan, Different Every Day” to characterize unexpected weather changes, city building, or daily frustrations, for example: “Yesterday it rained, today there’s a sandstorm – Wuhan is different every day”. Such ironic invocation represents a localized and personalized appropriation of the slogan, showing that it has broken into public discourse as a living part of city identity.

According to a report from Jimu News, the slogan also shows tangible results. Wuhan's urban renewal plans – like the redevelopment of historical districts such as Doujiying – have attracted hundreds of thousands of visitors. Such reforms, combining preservation and innovation, enhance the public's view of the slogan as being more than mere words. People witness and participate in the city's transformation with their own eyes, viewing the slogan as a declaration of pride and authenticity [Jimu News, 2024].

For foreigners, the slogan often represents their journey of discovery. In a YouTube video that went viral, one visitor remarks: "My first impression here is actually that it's a very livable city – it's modern, clean, well-organized... I'm surprised because I'd only seen Wuhan through the lens of negative global media" [Ken Abroad, 2024].

On CUCAS, one student wrote in her essay "Why Wuhan is Different" that the city's changes – from roads to social life – are continuous and transformative. Over time, the cultural shock gave way to belonging, and the slogan became a "lived experience" of emotional and social transformation. "Every day feels new in Wuhan – there's always something different to explore" [Beth, 2024].

One of the most vivid accounts is from a Canadian teacher who lived in Wuhan for eight years, on Vocal Media titled "Wuhan – Different Every Day". The author describes the city as "a collage of old and new, rural and space-age", with a headlong dash for development that was not only defined by the famous Yellow Crane Tower but even by the humorous image of "the yellow construction crane" as Wuhan's actual civic bird. He has intimate stories of community kindness, as when he was driven to the hospital by a retired crane driver in the wake of a heart attack, and judges that "the people of Wuhan looked after me better than anyone". The slogan, he asserts, is not only encapsulating the speed of change, but the human warmth and grit of city dwellers [Smith, 2021].

These narratives from foreign residents capture how the slogan operates on different levels: as a representation of modern development, cultural distinctions, and deep personal identification. For them, "Wuhan, Different Every Day" is not only a brand, it's a summary of their daily life – from the mad traffic to the warm welcoming, from the scorching summer heat to unexpected adventures.

Cumulatively, these perspectives illustrate that the slogan resonates across cultures. For locals in China, it encapsulates pride in development and everyday humor. For international visitors, it offers a metaphor for cultural exploration and emotional attachment. In both cases, the slogan has been adaptable, meaningful, and successful – a strong example of how city branding can create a shared yet complex urban identity.

References

Anholt S. *Places: Identity, Image and Reputation*. London : Palgrave Macmillan, 2010. 202 p.

Beth. Why Wuhan is Different. CUCAS Tribe, 2024. URL: <https://tribe.cucas.cn/article/189> (date of access: 01.05.2025).

Hubei Provincial People's Government. Wuhan launches a new city logo and the slogan "Wuhan, Different Every Day". 2014. URL: http://en.hubei.gov.cn/news/newslst/201409/t20140916_526479.shtml (date of access: 01.05.2025).

Kavaratzis M., Ashworth G. J. City branding: An effective assertion of identity or a transitory marketing trick? // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2005. Vol. 96, N 5. P. 506–514.

Ken Abroad. My 1st Impressions of Wuhan, China cn (What's It Like Today?) // YouTube. 2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eSqscdsPYRM> (date of access: 01.05.2025).

Lucarelli A., Berg, P. O. City branding: A state-of-the-art review of the research domain // *Journal of Place Management and Development*. 2011. Vol. 4, N 1. P. 9–27.

Smith J. O. Wuhan – Different Every Day! Warm First Impressions and Ever-lasting Fondness for a Chinese City and its People // *Vocal Media*. 2021. URL: <https://vocal.media/wander/wuhan-different-every-day> (date of access: 01.05.2025).

刘閃;高卓; 陈玮娴. 精心提升城市颜值, 城市更新让武汉“每天不一样” // *Jimu News*. Baijiahao. 2024. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1818763279144085117> (date of access: 03.05.2025).

态度可以决定一切. Wuhan, Every Day Is Different. Baijiahao, 2019. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1627597487935351789> (date of access: 03.05.2025).

留灯亿識. 关于武汉我想说 (七). Rednote, 2024. URL: <http://xhslink.com/a/gOwszaVSMUPbb> (date of access: 01.05.2025).

留灯亿識. 关于武汉我想说 (六). Rednote, 2024. URL: <http://xhslink.com/a/17xVYnJ4udQbb> (date of access: 03.05.2025).

花落知多少 2024. 武汉市: 我国真正意义上的第五城, 崛起之路的中流砥柱. Baijiahao, 2025. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1827802478897883010> (date of access: 01.05.2025).

РАЗДЕЛ IV
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

УДК 316.46

Е. В. Кремнёв

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург

**«КОЛЛЕКТИВНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ»:
ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ В КИТАЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ
В 1990–2000-Е ГГ.**

Аннотация. Исследуются социологические подходы к управлению в КНР в 1990–2000-е гг. на основе авторской концепции трех базовых факторов влияния на социальное управление в современном континентальном Китае: прагматизма, идеологии и традиционализма. На основе анализа китайских научных работ показано, что управление в этот период рассматривалось как инструмент решения социально-экономических задач с акцентом на эффективность и рациональность, что делает его этапом доминирования прагматизма при ослаблении идеологии и традиционализма, при этом управление рассматривалось как «коллективная рациональность». На следующем этапе развития идей об управлении традиционализм и идеология начинают иметь все большее влияние на управленческие концепции, начинается поиск баланса между этими тремя факторами.

Ключевые слова: социология управления, Китай, прагматизм, идеология, традиционализм, социальное управление, ресурсно-целевой подход, коллективная рациональность.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00601, <https://rscf.ru/project/25-28-00601/>.

E. V. Kremnyov

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
SI RAS – FCTAS RAS, St. Petersburg

**“COLLECTIVE RATIONALITY”: APPROACHES TO GOVERNANCE
IN CHINESE SOCIOLOGY IN THE 1990s–2000s**

Abstract. The article examines sociological approaches to governance in the People’s Republic of China during the 1990s–2000s, based on the author’s concept of three key factors influencing social governance in modern mainland China: pragmatism, ideology, and traditionalism. Through an analysis of Chinese scholarly works, it is demonstrated that governance during this period was viewed as a tool for addressing socio-economic challenges, with an emphasis on efficiency and rationality. This reflects a phase dominated by pragmatism, while ideology and traditionalism weakened. Governance was conceptualized as “collective rationality”. In the subsequent stage of governance theory development, traditionalism and ideology began to exert increasing influence on managerial concepts, initiating a search for balance among these three factors.

Keywords: sociology of governance, China, pragmatism, ideology, traditionalism, social governance, resource-target approach, collective rationality.

Цель настоящей статьи – выявить основные социологические подходы к управлению в 1990–2000-е гг., в период, когда континентальным Китаем правили два поколения технократов под руководством Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. Поскольку тремя основными факторами, влияющими на развитие «политизированного» социального знания (в том числе управленческого) в КНР, являются прагматизм, идеология и традиционализм [Кремнёв, 2023], исследовательский интерес представляет соотношение значимости этих факторов в указанный период. В качестве гипотезы мы выдвинули тезис о том, что на этом этапе управленческие концепции рассматривались в первую очередь как социально-экономический инструмент, в связи с чем следует предположить, что понятие управления было низко идеологизированным и высоко прагматизированным: на первом месте стояли социально-экономические задачи, а управление как вид деятельности должно было служить их решению.

В 1990–2000-е гг. идет активное развитие китайской социологии, в том числе за счет заимствования западных теоретико-методологических концепций. Свойственная китайской культуре индигенизация чужого знания [Индигенизация ... , 2024] в этот период временно отступает на второй план: Китай прагматично налаживает и экономическое сотрудничество в трансграничных областях [Бляхер, Григоричев, 2015], и научное сотрудничество с невесточными партнерами. При этом социологии управления, уже активно развивающейся на Западе, прижиться в КНР не удалось. Несмотря на серьезный потенциал этой подотрасли, подходящей для исследований социального управления, к ее достижениям лишь сохраняется стабильный интерес, но полноценной институционализации не происходит. В общенациональной базе данных научных работ Китая CNKI не обнаруживается диссертаций по социологии управления [Кремнёв, 2023]. Это направление на дальнейших этапах будет фигурировать лишь в отдельных научных работах («Механизм монотонности через призму социологии управления» Чэнь Дилиня [陈帝霖, 2008], «Изучение влияния китайской традиционной культуры на межличностные отношения с точки зрения социологии управления» Чжу Хуагуя [朱华桂, 2012] и пр.) и как учебный курс в рамках системы высшего образования («Социология управления» Цюй Сихуа [屈锡华, 2008] и пр.).

Таким образом, социальное управление с этого периода становится объектом крупной научной работы либо без указания направления/специальности, либо в рамках других направлений социологии (их перечень обычно устанавливает учреждение, где проходит защита, среди таких направлений – социальные гарантии и социальная политика [于景辉,

2011; 许芸, 2015; 贾玉娇, 2010], управление в некоммерческих организациях [马玉洁, 2014], социальная антропология [吴巧瑜, 2011] и т. д.), либо в рамках других наук: менеджмента, экономики, политологии, философии.

Вместе с тем в этот период управление как политический, социальный, экономический и культурный феномен довольно плотно изучается в прагматическом ключе. Это видно по тому, как анализируется управление в социологических работах: социологи активно используют прагматические подходы менеджмента и экономики. Увидеть это можно по выборке определений управления из трудов в рамках различных социальных наук, на которые социологи ссылаются. Ниже приведены некоторые из таких определений.

Так, Чжан Шанжэнь в монографии «Управление. Наука и философия управления» (1987) определяет управление как «руководство персоналом или организацией, осуществляемое специальными органами или отдельными лицами с целью использования науки, техники и практической деятельности для достижения поставленных целей» [张尚仁, 1987], а Ху Цзугуан в статье «Наука управления на Востоке и ее место в теориях управления» (1995) обобщает подходы тайваньских исследователей к определению управления следующим образом: «Управление – это процесс изучения того, как применить на благо развития организации человеческие и материальные ресурсы, достичь поставленных целей и максимально удовлетворить получателя услуги, помогая при этом работникам организации, оказывающим эти услуги, сохранять моральный дух и ощущение успешности своей деятельности» [胡祖光, 1995].

В более поздних работах обнаруживается такой же прагматический подход. Монография «Наука управления» (1998), авторами которой являются Сюй Гохуа, Чжан Дэ и Чжао Пин, определяет управление следующим образом: «осуществление планирования, организации, стимулирования, руководства и других звеньев процесса координации человеческих, материальных и финансовых ресурсов для наиболее эффективного достижения целей организации» [徐国华, 1998]. Сходным образом, через цель и ресурсы, в книге «Основы науки управления» (2001) под редакцией Сунь Бинкуня и Чжоу Гана под управлением понимаются «разумное планирование, организация, руководство, контроль и иная деятельность подобного рода в отношении человеческих, финансовых, информационных, материальных и нематериальных активов, направленная на наиболее эффективное достижение поставленных целей с использованием необходимых подходов и методов при условии удовлетворения потребностей получателя услуг и повышения морального духа и чувства успешности поставщика услуг» [管理学基础, 2001]. Ресурсно-целевой подход реализуется и в монографии «Наука управления» (2002) под редакцией Сюй Цзыцзяня, где управление понимается как «эффективное планирование, организация,

руководство и контроль над ресурсами организации для достижения поставленных целей в конкретных условиях» [管理学, 2002].

В некоторых работах вводятся дополнительные значимые элементы системы управления. Так, в книге «История управленческой мысли» (2002) под редакцией Сан Юйчэна, кроме целей, делается упор на субъект-объектные отношения, в ней управление определено как «упорядочивание и координация объектов управления (людей, вещей, событий) со стороны заданного субъекта, направленные на достижение определенных целей» [管理思想史, 2002]. Авторы статьи «Развитие науки управления в Китае: ретроспектива и перспектива» (2000) Дэн Жунлинь и Цинь Бинь обращают внимание на создание подходящих условий для совместной деятельности, давая управлению следующее определение: «планирование, организация, руководство и контроль над объектом управления с тем, чтобы наиболее эффективным способом достичь поставленных задач, создав и обеспечив при этом такие условия, в которых люди, работая в коллективе и руководствуясь установленными принципами, порядком и методами, будут затрачивать как можно меньше времени, средств, материальных ресурсов и личного труда» [邓荣霖, 2000].

Наиболее показательной с точки зрения прагматичности как основной черты данного этапа является работа Чжао Лили и Цюй Сихуа «Анализ концепций управления с точки зрения социологии» (2005), в ней рассматриваются различные подходы к управлению. В обзоре западной управленческой мысли приводятся цитаты из работ Ф. Тэйлора, А. Файоля, Г. Кунца, С. П. Роббинса, П. Друкера, Р. Коуза, Дж. Муни, Г. Саймона, Л. Буна, Д. Куртца, Л. Гулика, А. Урвика и др. [赵俐俐, 2005].

Анализируя китайские подходы к управлению, Чжао Лили и Цюй Сихуа выделяют следующие базовые элементы, присущие этим подходам: 1) субъекты управления (человек или организация); 2) объекты управления (человек, организация и ресурсы); 3) цели управления (достижение целей конкретной организации и повышение эффективности); 4) функции управления (планирование, организация, руководство и контроль); 5) состояние объекта в сферах управления (деятельность, организационная структура, способы размещения, последовательность действий, методы работы, способы расчета и т. п.); 6) зависимость управления от лидера и процесса принятия решений [Там же].

Критика устоявшихся западных теорий управления в этой работе почти лишена идеологической окраски. Чжао Лили и Цюй Сихуа, со ссылкой на работу Ван Фэнбиня и Чэнь Липина [王凤彬, 2002], указывают на два ключевых, по их мнению, недостатка западных теорий: игнорирование внешней среды (в этом аспекте авторы ссылаются на работы П. Друкера о новой парадигме управления) и отсутствие четкого понимания субъекта управления (таковым часто считают отдельного управленца, тогда как ре-

шения в больших организациях часто принимаются и пересматриваются в результате сложных внутрисистемных взаимодействий). По мнению авторов, социология управления – это способ пересмотра устоявшихся теорий управления, сформировавшихся благодаря изучению организационного и корпоративного менеджмента, и путь к тому, чтобы расширить подходы и методы к изучению социального управления, выявив наиболее общие принципы управленческих процессов, охватывающих все уровни взаимодействия в обществе [赵俐俐, 2005].

В попытке обобщить современные социологические подходы к управлению Чжао Лили и Цюй Сихуа предлагают рассматривать его в контексте понятия «корпоративного общества»: именно на этом этапе развития, по мнению авторов, находится современный социум как управляемая система. В этом ключе управление определяется ими в нескольких измерениях: 1) как социокультурная деятельность; 2) как последовательный процесс применения знаний и интеллекта для активной постановки целей и их активного достижения; 3) как рациональное желание человека регулировать иррациональное; 4) как социальный механизм; 5) как способ распределения власти и господства над ресурсами и как социальное позиционирование личности; 6) как концентрированное выражение стратегии принятия решений с опорой на такие ожидаемые, но не до конца фиксируемые вещи, как традиционные для Китая «обучение и воспитание»; 7) как требования и ограничения и как установление уровня свободы; 8) как долг и ответственность; 9) как систематизация иррационального [Там же].

Соединяя все предложенные измерения, Чжао Лили и Цюй Сихуа предлагают следующее определение: «управление – это социальная деятельность, которая использует принятие решений, планирование, организацию, руководство и контроль для эффективного и рационального использования социальных ресурсов» [Там же]. Общественно значимой целью управления они считают установление полноценного социального порядка. Кроме того, на основе изложенных выше подходов они предлагают рассматривать следующие базовые элементы управления: 1) управление – это проявление коллективной рациональности и ограничение иррационального; 2) управление – это часть социальной системы, которая стремится ее усовершенствовать через снижение влияния несистемных факторов; 3) управление – это форма реализации свободы и демократии, при которой рациональным коллективным выбором являются свобода на основе дисциплины и централизованная демократия; 4) управление – это базовое звено в обеспечении общественного порядка и стабильности, а усложнение социальных систем приводит к необходимости обеспечивать управляемость всех подсистем; 5) управление – это своего рода договор, основанный на общности интересов, а также выражение коллективной воли, проводником которой является лидер, обладающий необходимыми качествами [Там же].

Итак, если вернуться к концепции трех значимых факторов системы китайского управления – прагматизма, идеологии и традиционализма, – то идеологическое содержание в работах этого периода почти не прослеживается, как и ссылки к традиционализму. Так, в рассмотренной выше работе всего два раза встречаются ссылки на традиционные концепты. В первый раз Чжао Лили и Цюй Сихуа для обоснования терминологического анализа используют знаменитое изречение Конфуция о необходимости «исправления имен»: «Если имена неправильны, то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться» [赵俐俐, 2005]. Во второй – для определения управления они привлекают концепцию «обучение и воспитание» (教化), предполагавшую повсеместное внедрение традиционных установок в отношении власти и общества, привитие моральных принципов и т. д.

Таким образом, управление на этом этапе воспринимается как объект, требующий строго прагматического подхода, упомянутой «коллективной рациональности», с незначительным, декоративным идеологическим и традиционалистским обрамлением. Два последних фактора снова станут значимыми на следующем этапе, с приходом к власти нового поколения госуправленцев во главе с Си Цзиньпином. С 2012 г. начнется переформатирование подходов к управлению: идеология и традиционализм снова обретут свою значимость наряду с прагматизмом, что приведет к постоянному поиску баланса между ними. Однако 1990–2000-е останутся в истории Китая в целом и китайской социологии в частности периодом стремления к «коллективной рациональности».

Литература

- Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социуме // Полития. 2015. № 1. С. 24–38.
- Индигенезация социологического знания в Китае / Л. А. Лебединцева, П. П. Дерюгин, Т. Лю, Л. Сюй // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2024. № 14. С. 269–273.
- Кремнёв Е. В. Социология управления в китайском измерении: проблемы институционализации // Социальное пространство. 2023. № 4. С. 1–12.
- 陈帝霖. 管理社会学视野下的单调机制 // 湖南商学院学报. 2008. 第 15 卷. 第 2 期. 第 39–42 页.
- 邓荣霖, 秦斌. 管理学在我国的发展: 回顾与展望 // 管理现代化. 2000. 第 1 期. 第 39–42 页.
- 管理思想史 / 桑玉成主编. 上海: 上海教育出版社, 2002. 439 页.
- 管理学 / 徐子健主编. 北京: 对外经济贸易大学出版社, 2002.
- 管理学基础 / 孙炳堃, 周刚主编. – 天津: 天津大学出版社, 2001. 286 页.
- 胡祖光. 东方管理学及其在管理理论连续谱中的地位 // 浙江社会科学. 1995. 第 5 期. 第 14–21 页.
- 贾玉娇. 利益协调与有序社会 — 社会管理视角下转型期中国社会利益协调理论建构. 博士学位论文: 社会学 (社会保障与社会政策). 长春: 吉林大学, 2010. 229 页.
- 马玉洁. 社会治理的模式研究与路径选择 — 基于重庆 W 县的经验研究. 博士学位论文: 社会学 (非营利组织管理). 北京: 北京师范大学, 2014. 101 页.
- 屈锡华. 管理社会学. – 成都: 电子科技大学出版社, 2008. 220 页.

王凤彬, 陈莉平. 学科研究与企业管理科学的发展 – 组织理论角度的探讨 // 管理世界. 2002. 第 7 期.

吴巧瑜. 民间商会社会治理功能的变迁研究 — 以香港潮州商会为例. 博士学位论文: 社会学 (社会人类学). 武汉: 武汉大学, 2011. 211 页.

徐国华, 张德, 赵平. 管理学. – 北京: 清华大学出版社, 1998. 330 页.

许芸. 社会治理视角下的社会组织培育与发展研究 — 以江苏省南京市为例. 博士学位论文: 社会学 (社会政策). 南京: 南京大学, 2015. 167 页.

于景辉. 全球化背景下的我国社会管理机制创新研究. 博士学位论文: 社会学 (社会保障与社会政策). 长春: 吉林大学, 2011. 121 页.

张尚仁. 管理: 管理学与管理哲学. – 昆明: 云南人民出版社, 1987. 215 页.

赵俐俐, 屈锡华. 社会学视野中管理概念的辨析 // 天府新论. 2005. 第 2 期. 第 85–88 页.

朱华桂. 管理社会学视阈中的中国传统文化对人际交互关系的影响研究 // 南京师范大学报. 社会科学版. 2012. 第 5 期. 第 70–77 页.

УДК 130.2+316.6

Линь Юнь

Забайкальский государственный университет, Чита

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ БРАКОВ В ПРИГРАНИЧНОЙ ЗОНЕ СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛИ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена транснационального брака в китайско-российской пограничной зоне свободной торговли. Выявлено, что ее экономическая деятельность и политика значительно способствуют развитию феномена. Отмечено, что брачные иммигранты участвуют в торговой деятельности, создают транснациональные социальные сети, формируя уникальную модель культурной интеграции. Исследование подтверждает, что транснациональный брак – это особое звено для содействия региональной социальной, культурной и экономической интеграции.

Ключевые слова: зона свободной торговли на китайско-российской границе, транснациональный брак, транснационализм, геополитическая экономика, приграничная этнография, межкультурное взаимодействие.

Lin Yun

Transbaikal State University, Chita

A STUDY ON TRANSNATIONAL MARRIAGE IN CHINA-RUSSIA BORDER FREE TRADE AREA

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of transnational marriage in the Sino-Russian border free trade zone. It is found that its economic activities and policies significantly contribute to its development. Marriage immigrants participate in trade activities, create transnational social networks, and form a unique model of cultural integration. The study confirms that transnational marriage is a special link for promoting regional social, cultural and economic integration.

Keywords: China-Russia border free trade area, transnational marriage, transnationalism, geopolitical economy, cross-border ethnography, intercultural interaction.

На фоне глобализации и региональной экономической интеграции зона свободной торговли между Китаем и Россией стала границей для экономического и торгового сотрудничества и культурной интеграции между двумя странами. По данным Главного таможенного управления Китая, как пишут Лю Цзинвэй и Лю Ланфу, объем торговли между Китаем и Россией в 2022 г. увеличился на 29,3 % в годовом исчислении до рекордного уровня в 190,271 млрд долларов США. Такие портовые города, как Маньчжурия, Суйфэньхэ и Хэйхэ, не только являются центрами грузоперевозок, но и превратились в важные узлы для построения транснациональных социальных сетей. С опорой на теории транснационализма и структуру геополитической экономики в этой статье используется приграничная этнография для выявления стратегий выживания транснациональных брачных иммигрантов в институциональной среде и культурной сфере, а также для обоснования их глубокого влияния на региональную социальную экономику.

Подвижность населения, вызванная трансграничной экономической деятельностью, произвела революцию в приграничной социальной структуре. Возьмем в качестве примера Маньчжурию. Этот город, на который приходится 65 % объема грузовых перевозок между Китаем и Россией, имеет среднесуточный трансграничный пассажиропоток более 5000 чел. Частые экономические и торговые обмены привели к тому, что трансграничные браки превратились из случайных событий в систематические социальные явления. Этот тип транснациональных браков, по замечанию Чжан Юаньмэй, демонстрирует значительные гендерные различия: выборочное исследование показывает, что доля российских женщин и китайских мужчин в браках составляет 83,6 %, что структурно соответствует гендерному дисбалансу на Дальнем Востоке России (866 мужчин на каждые 1000 женщин).

С точки зрения геополитической экономики, политика зоны свободной торговли оказывает институциональное формирующее воздействие на транснациональные браки. Создание комплексной пилотной зоны трансграничной электронной коммерции Суйфэньхэ увеличило долю транснациональных браков среди китайских и российских специалистов по трансграничной электронной коммерции с 5,3 % в 2015 г. до 18,7 % в 2022 г. Новая форма занятости, порожденная политическими дивидендами, создала особое поле для транснациональных браков для интеграции их работы и личной жизни. Опрос показал, что 34,2 % транснациональных пар совместно управляют трансграничными магазинами электронной коммерции. Эта модель экономического сообщества эффективно смягчает культурные конфликты и формирует культурный буферный механизм, основанный на экономических интересах.

Строительство социальной сети транснациональных брачных иммигрантов представляет значительные пространственные характеристики. В

китайско-русском смешанном сообществе, образованном в пределах 3 км вокруг железнодорожного порта Маньчжурия, по результатам исследований Ян Чанбо, 67,8 % жителей представляют транснациональные семьи. Они сформировали социальный капитал через границу посредством миграции по родственной цепочке: российские супруги привлекли в среднем 2–3 российских родственников для участия в приграничной торговой деятельности, сформировав трансграничную промышленную цепочку, связующим звеном которой является брак. Такое расширение социальных сетей подтверждает теорию транснационального социального поля, доказывая, что брачные иммигранты являются не только носителями культуры, но и распределителями экономических факторов.

В этой ситуации процесс культурной адаптации несет в себе динамические игровые характеристики. Данные об освоении другого языка показывают, что в течение трех лет после заключения брака 72,5 % российских супругов достигли уровня HSK 4 по китайскому языку, в то время как только 41,3 % китайских супругов овладели базовыми навыками общения на русском языке. Эта асимметричная языковая адаптация отражает реконструкцию культурных отношений. Но на этом фоне интеграция религиозных убеждений представляет более сложный процесс: 38,6 % транснациональных семей празднуют как православное Рождество, так и праздник Весны, что говорит больше о культурном взаимодействии, чем о религиозном. Это подтверждает и система образования: дети 72,4 % транснациональных семей выбирают китайскую национальную систему образования, демонстрируя прагматичную ориентацию культурной идентичности.

Эмпирическое исследование показывает, что транснациональные браки на китайско-русской границе вышли за рамки индивидуальных союзов и превратились в особую сеть, соединяющую социальные и экономические системы двух стран. Эта транснациональная практика, основанная на близких отношениях, не только изменила структуру населения приграничной зоны, но и создала новую форму экономической организации и модель культурной интеграции. В этой связи возникают неразрешенные проблемы. Так, например, на уровне политических соглашений необходимо решать вопросы, которые позволят создать специальную законодательную систему обслуживания для семей, заключающих транснациональные браки. А для этого необходимо проведение инновационных исследований на институциональном уровне. Они позволят разрешить вопросы права трансграничного наследования и признание двойного гражданства и др. Это будет способствовать преобразованию спонтанных народных культурных и экономических практик в институциональные системы, что будет содействовать приграничному региональному сотрудничеству.

Феномен транснационального брака в китайско-русской пограничной зоне свободной торговли представляет собой сложную социально-

экономическую динамику. По данным за 2023 г. Исследовательского института международной торговли и экономического сотрудничества Министерства торговли в рамках инициативы «Один пояс – один путь», регион достиг объема трансграничных электронных торговых транзакций в размере 8,73 млрд юаней. Эта экономическая жизнеспособность дала импульс для транснационального брака. Стоит отметить, что в группе трансграничных браков по крайней мере одна из пар занимается приграничной торговлей, что объясняет роль экономической рациональности при выборе брака. Строительство модели трансграничной торговли показывает, что зоны свободной торговли увеличивают годовой показатель регистрации транснациональных браков в уездах, прилегающих, например, к Маньчжурии, на 2,7 %.

Анализ геополитической экономики показывает, что специальная пограничная политика формирует уникальный институциональный эффект коллажа. Так, например, в зоне трансграничного экономического сотрудничества Хэйхэ реализуется модель управления «две страны и одна зона». Она позволяет гражданам Китая и России пользоваться безвизовым пребыванием до 30 дней. Эта привилегия мобильности напрямую породила новые формы семьи, такие как брак выходного дня. Однако институциональные пробелы создают трудности в защите прав и интересов: только 23,6 % российских супругов могут в полной мере пользоваться медицинской страховкой городских служащих Китая. Эта разница в доступе к равному благосостоянию отражает глубокие противоречия трансграничного социального управления.

Результаты исследований китайских ученых показывают, что приграничные экономические связи по мере увеличения их пространственной протяженности оказывают все большее влияние на межнациональные браки. Так, например, исследования, основанные на анализе социальных сетей (SNA), показывают, что маньчжурские транснациональные семьи в среднем охватывают 4,2 трансграничных узла. Как пишет Хань Цюаньхуэй, в пространственном отношении их деловая сеть простирается в радиусе 378 км. Этот факт сформировал в среде исследователей такой уникальный феномен, как брачный коридор. Он растянулся вдоль железной дороги от Суйфэнхэ до Владивостока, где частота транснациональных браков в 3,2 раза выше, чем в других регионах. Этот эффект географической агломерации подтверждает теорию «укорененности» Марка Грановеттера, доказывая, что экономическое поведение всегда коренится в определенных социальных отношениях.

Процесс культурной адаптации, которому подвергаются транснациональные браки, показывает особенности межпоколенческих различий. Так, например, как пишет Хань Цюаньхуэй, процесс освоения другого языка показывает, что только 54,3 % иммигрантов первого поколения владеют китайским языком на уровне, соответствующем требованиям работы, в то

время как их дети владеют двумя языками на уровне 92,7 %. Эти межпоколенческие особенности проявляются и в религиозных убеждениях: 78,6 % семей иммигрантов второго поколения предпочитают преуменьшать значение религиозных ритуалов и вместо этого формируют «новую традицию праздников», которая объединяет китайские и русские культурные элементы. Это можно назвать культурными инновациями, которые дают новую перспективу для понимания культурной устойчивости в приграничных обществах.

Другая проблема связана с разрешением правовых конфликтов, что требует институциональных инноваций. Так, например, как указывает китайский исследователь Сунь Лимэй, анализ 126 дел о транснациональных разводах показывает, что доля зарубежных активов, вовлеченных в споры о разделе имущества после развода, достигла 63,4 %. При этом средний испытательный срок у этих пар после заключения брака составил 14,2 месяца. Возникшая судебная дилемма породила характерную практику приграничных судов. Они испытывают на себе такой механизм, как «двуязычное посредничество + расследование по иностранному праву». Но даже в этой ситуации, как показывает созданный Народный суд промежуточной инстанции г. Хэйхэ, увеличился показатель успешности посредничества в делах о браках, заключенных с гражданами России, до 71,3 %. Этот факт представляет региональный опыт разрешения трансграничных гражданских споров.

При решении вопросов о политической оптимизации необходимо учитывать несколько фактов. На фоне оптимизации предоставления социальных двуязычных услуг повысился статус социальной интеграции транснациональных семей на 38,6 %. Но в то же время урегулирование споров вокруг проблем трансграничного медицинского страхования пока сократилось только на 52,4 %. Эти данные становятся основанием для построения «дифференцированной инклюзивной» политической системы по урегулированию социально-правовых вопросов.

Стоит отметить, что за последние годы уровень участия транснациональных брачных семей в предпринимательской деятельности в сфере цифровой экономики, трансграничных практик электронной коммерции достиг 82,3 %, что на 26 процентов выше среднего уровня. Это говорит о том, как пишет Цзи Цзюнь, что цифровая экономика может стать новым путем к разрушению культурных барьеров.

Транснациональные браки в зоне свободной торговли между Китаем и Россией вышли за рамки отдельных союзов и стали важным звеном, соединяющим социальные и экономические системы двух стран. Их развитие обусловлено экономической деятельностью, политикой и взаимодействием культурных систем. Изменяя структуру населения, транснациональные браки создали новую экономическую организацию и модель куль-

турной интеграции. Однако они по-прежнему сталкиваются с проблемами культурной адаптации, правовой защиты и социального обеспечения. Это говорит о том, что в будущем необходимо создать специальную систему услуг для продвижения институциональных инноваций, которые будут направлены на преобразование спонтанных транснациональных брачных практик в частном секторе трансграничного сотрудничества. Это позволит определить институциональные преимущества для содействия региональному сотрудничеству, развитию устойчивой интеграции на основе поддержки брачных союзов как межкультурных и социально адаптированных к новым экономическим условиям.

Литература

- 刘景蔚, 刘兰福. 中俄跨国婚姻风险防范研究[J]. 科学咨询(科技·管理), 2018 (40): 28–29.
- 孙丽梅. 不同社会文化背景下的中俄婚育制度研究[J]. 文化学刊, 2018 (03): 208–210
- 韩全会. 最近 20 年中国与俄罗斯间跨国移民数据分析[J]. 西北人口, 2018, 39 (4): 66–72
- 季军. 俄罗斯远东地区“中国移民问题”探析[J]. 忻州师范学院学报, 2016, 32 (1): 102–105.
- 张园梅. 中俄跨国婚姻中俄罗斯移民的文化适应研究[J]. 时代人物, 2021 (27): 51–52
- 杨长波. 社会秩序视角下我国跨国婚姻移民管理研究[J]. 福建警察学院学报, 2022, 36 (5): 38–46.

УДК 324

И. Н. Солсоев

Иркутский государственный университет, Иркутск

ДОНАЛД ТРАМП VS КАМАЛА ХАРРИС: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕДВЫБОРНЫХ ПРОГРАММ НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ В США В 2024 Г.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных предложений и предвыборных программ кандидатов на пост президента США в 2024 г. в сфере экономики и социально-экономического развития американского государства. Анализируются ключевые расхождения и противоречия между кандидатами по наиболее острым вопросам экономической повестки дня.

Ключевые слова: выборы в США 2024 г., Д. Трамп, К. Харрис, экономическая политика.

I. Solsoev

Irkutsk State University, Irkutsk

DONALD TRUMP VS KAMALA HARRIS: SOCIO-ECONOMIC ASPECT OF ELECTION PROGRAMS IN THE 2024 US PRESIDENTIAL ELECTIONS

Abstract. This article is devoted to the consideration of the main proposals and election programs of the candidates for the post of President of the United States in 2024 in the field of economics and socio-economic development of the American state. The key differences and contradictions between the candidates on the most pressing issues of the economic agenda are analyzed.

Keywords: US elections 2024, D. Trump, K. Harris, economic policy.

Президентские выборы в США в 2024 г. проходили в условиях сложного взаимодействия экономической неопределенности и углубляющихся социальных разногласий. Избиратели оценивали кандидатов, основываясь на предложенных ими решениях насущных проблем, которые непосредственно влияют на уровень жизни и будущее страны.

Нынешний политический климат в США характеризуется выраженной поляризацией, при этом основные демографические группы разделяются по партийному признаку, что вызвано в первую очередь экономическими условиями и культурными различиями в американском обществе. Две основные партии представляют совершенно противоположные взгляды на развитие страны, усиливая конкуренцию за неопределившихся и колеблющихся избирателей. Стратегии предвыборных кампаний все больше опираются на цифровые платформы, включая социальные сети, для распространения информации и мобилизации электората.

Необходимо отметить, что экономические и социальные проблемы остаются первостепенными для избирателей в США, доминируя в платформах кандидатов. Представления об экономической стабильности и личном финансовом благополучии являются сильными предикторами электорального поведения. В то же время продолжающиеся дебаты о культурных ценностях, идентичности и гражданских правах стимулируют определенные сегменты электората, что приводит к активизации политического дискурса. Успех кандидатов зависит от их способности ориентироваться в этих взаимосвязанных вопросах [Harris vs. Trump on the economy ...].

Предвыборная ситуация в американской экономике в 2024 г. характеризовалась колебаниями основных макроэкономических показателей. Устойчивая инфляция привела к напряжению в бюджетах домохозяйств в США, несмотря на относительно низкий уровень безработицы. Опросы общественного мнения неизменно указывали на то, что экономика является главной заботой избирателей, при этом их взгляды на эффективность политики Джо Байдена предсказуемо расходились.

Помимо этого, необходимо подчеркнуть важность социокультурных проблем в американском обществе, приобретающих все большее значение, становясь ключевыми темами в политическом дискурсе последних лет. Такие темы, как культурная идентичность, права граждан и американские ценности, активно освещаются средствами массовой информации и цифровыми платформами в США, что еще больше усиливает партийные разногласия и формирует яркие оценки кандидатов со стороны избирателей.

Тем не менее исторически сложилось так, что экономические условия оказывали решающее влияние на результаты выборов в США, а процветание американских граждан или экономические трудности, которые они

испытывали, несомненно, всегда влияли на деятельность действующего президента США и его администрации.

Текущие экономические реалии предсказуемо сильно влияют на предпочтения избирателей. К числу наиболее важных тем для избирателей в США можно отнести инфляцию, экономический рост и стабильность американской экономики.

Инфляция, хотя и может иногда замедлиться, остается насущной проблемой для всех американских потребителей. Темпы экономического роста находятся под пристальным вниманием всех заинтересованных регуляторов в США, не утихают споры о рисках рецессии в сравнении с устойчивой стабильностью американской экономики. Цены на энергоносители, доступность жилья (особенно для молодежи) и стоимость жизни напрямую влияют на общественное восприятие экономического благополучия при том или ином президенте в США.

Экономические условия влияют на различные группы населения неравномерно: рабочий класс и домохозяйства с фиксированным доходом непропорционально уязвимы к инфляции, в то время как молодые избиратели сфокусированы на теме студенческих долгов и перспектив трудоустройства, а пожилые избиратели уделяют особое внимание пенсионному обеспечению.

Очевиден тот факт, что основные партии в США выдвигают конкурирующие экономические программы. Представители текущей американской президентской администрации могут приписывать себе такие заслуги, как рост числа рабочих мест и заработной платы, в то же время объясняя проблемы внешними факторами; оппоненты часто подчеркивают инфляцию и неэффективное управление бюджетом, выступая за жесткую экономию и снижение налогов. Эти сценарии поведения, естественно, направлены на формирование нужного для той иной партии мнения избирателей о партии-противнике.

Одним из существенных различий между двумя кандидатами на выборах 2024 г. являлся их подход к налоговой политике.

Программы вице-президента Камалы Харрис и бывшего президента Дональда Трампа по налогам и расходам предлагали разные подходы к экономической политике и управлению бюджетным дефицитом, хотя обе программы были в конечном счете направлены на решение проблемы дефицита и стимулирование экономического роста. Дональд Трамп и Республиканская партия одобрили продление его программы снижения налогов в 2017 г. и оплату сокращения дефицита за счет роста таможенных пошлин. План Камалы Харрис был основан на предложениях администрации Байдена – Харрис, предусматривающих увеличение расходов на детей, жилье и малый бизнес, а также более высокие налоги для богатых.

План Трампа был направлен на усиление и расширение налоговых льгот 2017 г. со следующими изменениями:

- 1) снизить ставку корпоративного подоходного налога с 21 до 20 % и ставку корпоративного подоходного налога до 15 % для компаний, производящих свою продукцию внутри страны;
- 2) освободить от налогов доходы от социального страхования и чаевых;
- 3) ввести пошлины в размере от 10 до 20 % на импортируемые товары из разных стран мира и 60 % – на товары из Китая;
- 4) дерегулировать законодательство, включая обещание отменить 10 правил для каждого нового нормативного акта (аналогично его предыдущему плану дерегулирования «2 к 1») [Comparing ...].

Трамп утверждал, что экономический рост в США, таможенные пошлины и повышение эффективности деятельности органов государственной власти, включая такие возможные меры, как прекращение субсидирования экологически чистой энергетики, могут компенсировать потери доходов из-за снижения налогов.

Согласно бюджетной модели Penn Wharton Budget Model, эти предложения, по прогнозам, увеличат дефицит федерального бюджета на 5,8 трлн долл. в течение следующих десяти лет.

Налоговые предложения Харрис концептуально продолжали идеи и политику президента Джо Байдена, но имели некоторые нюансы. Камала Харрис предложила следующие изменения в налоговой сфере:

- 1) повысить корпоративный налог с 21 до 28 %;
- 2) освободить чаевые от налогов;
- 3) увеличить налоговый вычет на детей до уровня, существовавшего в эпоху пандемии COVID-19, и предоставить налоговый вычет в размере 6000 долларов для родителей новорожденных детей;
- 4) установить налоговый вычет в размере 10 000 долларов для тех, кто впервые покупает жилье, а также выделить дополнительную помощь семьям с низким доходом и первоначальный взнос в размере до 25 000 долларов для некоторых покупателей жилья;
- 5) ввести минимальный налог в размере 25 % на совокупный доход для физических лиц с состоянием более 100 млн долларов;
- 6) предложить налоговый вычет в размере 50 000 долларов тем физическим лицам, которые открывают малый бизнес, в дополнение к текущему налоговому вычету в размере 5000 долларов [Comparing ...].

По мнению Камалы Харрис, эти изменения могли потенциально укрепить средний класс, который является основным элементом «экономики возможностей» в США, на которой она акцентировала внимание в ходе президентских дебатов 10 сентября 2024 г. Указанные предложения могли потенциально увеличить дефицит бюджета США на сумму до 1,2 трлн

долларов в течение десяти лет, согласно той же бюджетной модели Penn Wharton Budget Model.

Торговая политика – это еще одна область, в которой кандидаты расходились во мнениях. Оба кандидата придерживались протекционистских взглядов, но их подход к ключевому торговому партнеру в лице КНР был разным. Харрис предложила ввести тарифы, нацеленные на промышленность и геополитических конкурентов, включая китайскую технологическую продукцию, в то время как Трамп предложил ввести 60 % тариф на все товары из Китая [Harris vs. Trump: Whose Policies ...].

Особое внимание кандидаты уделяли нормативно-правовой базе. Камала Харрис предложила повысить минимальную заработную плату с 7,25 доллара в час до 15 долларов в час и закрепить это в федеральном законодательстве, сократить задолженность, имеющуюся у студентов по образовательным кредитам, расширить антимонопольные инициативы и правоприменительную практику. И наоборот, Трамп хотел существенно сократить нормативные акты по всем направлениям, разрушить административные барьеры и снизить длительные сроки согласования сделок по слияниям и поглощениям, а также отнести больше гражданских служащих к категории политических назначенцев, а не наемных работников.

Оба кандидата заявили, что хотели бы снизить цены на лекарства. Демократы хотели бы расширить число лекарств, на которые распространяются новые ценовые условия программы Medicare. Республиканцы – ускорить процессы приватизации Medicare, сократить выплаты больницам за лечение пациентов и в целом сократить расходы на Medicaid [Six ...].

Выборы в США всегда являются срезом настроений общества на данный момент, в рамках которого страна делает выбор по многим аспектам будущего развития американского общества – экономическому, социальному, культурному, внешнеполитическому и др. Однако независимо от исхода выборов не следует забывать об уникальной особенности американской политической системы – системе сдержек и противовесов. В случае если одна партия получает контроль над той или иной ветвью власти, компромисс, как правило, смягчает предложения обоих кандидатов на выборах.

Литература

Comparing and Contrasting the Harris and Trump Economic Plans. URL: https://www.crefc.org/crc/content/News/Items/advocacy-items/Comparing_and_Contrasting_the_Harris_and_Trump_Economic_Plans.aspx. (дата обращения: 10.05.2025).

Harris vs. Trump on the economy: Comparing their policies. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/interactive/2024/trump-harris-economic-policy> (дата обращения: 11.05.2025).

Harris vs. Trump: Whose Policies Are Better for the Economy? URL: <https://www.american.edu/cas/news/harris-trump-economy.cfm> (дата обращения: 12.05.2025).

Six New Tax Credits in Harris' Economic Plan: What to Know. URL: <https://www.kiplinger.com/taxes/tax-credits-in-harris-policy-platform> (дата обращения: 15.05.2025).

IMPACT OF CULTURE ON THE ECONOMIC AND POLITICAL INTEGRATION OF ASIA PACIFIC COUNTRIES

Abstract. Culture is an important part of a person's life. It is what identifies him and sets him apart. In the case of a society or a state, culture is a unifying element with which everyone can identify. Culture becomes an important and integrating element for the countries of Asia-Pacific from the moment that everyone draws on what is closest to each other and, like a sort of melting pot, the countries come together around these shared values to build a common goal.

Keywords: culture, Asia-Pacific, political integration, economic integration.

Бирхонга Ндемба Ив Израиль

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ ИНТЕГРАЦИЮ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Культура – важная часть жизни человека. Это то, что идентифицирует его и отличает от других. В случае общества или государства культура является объединяющим элементом, с которым каждый может идентифицировать себя. Культура становится важным и интегрирующим элементом для стран Азиатско-Тихоокеанского региона с того момента, как все опираются на то, что ближе всего друг к другу, и, подобно своего рода плавильному котлу, страны объединяются вокруг этих общих ценностей для достижения общей цели.

Ключевые слова: культура, Азиатско-Тихоокеанский регион, политическая интеграция, экономическая интеграция.

Culture can be understood in many different ways, depending on whether you are in an academic, socio-cultural, or even political environment. At school we were taught that “culture was what remained after everything had been forgotten” [Le Robert, 2023]. That is how the “Le Robert” dictionary defines culture as “the development of certain faculties of the mind through appropriate intellectual exercises; the body of knowledge acquired” [ibid].

But culture can also be understood as a way of life, i.e., all the habits and customs of a people or an environment. Here we can talk about all the intellectual and artistic aspects of a civilization. It is this last definition of the word “culture” that interests us in this reflection. At this level, we can refer to language, eating habits, history for some, types of populations, and traditions identifiable in an area, etc. Talking about the impact of culture on the economic and political integration of the countries of the Asia-Pacific region, therefore, becomes both a challenge and a journey through immense diversity [IFRI, 2018].

The impact of culture in the countries of Asia-Pacific is increasingly visible today, more so than in the past. Indeed, the development of China, its growing rapprochement with Russia, and the links uniting Russia and North Korea have created a kind of constellation in which the other countries in the region will

gravitate from now on. A model that is growing and opening up to ever wider membership. Today, there are strong cultural pillars that are accelerating the integration of the Asia-Pacific states. In particular, there are the populations, education, and cross-border trade between people, even if this is informal. In Asia, culture is a central element in the identification of people, because it touches on the very essence of people.

Asian cultures refer to a diverse set of strong cultural traditions found in East, South, and Southeast Asia. These cultures are characterized by values such as collectivism, conformity, an emphasis on formal education, and the integration of social and religious dimensions into educational philosophies. One of the world's oldest civilizations, China has a rich cultural heritage. From Confucianism to Taoism and Buddhism, religion has played a major role in shaping Chinese culture. China leads the way in Asia thanks to its ancient civilization and iconic historic sites such as the Great Wall. Japan, known for its blend of traditional and modern cultures, and India, with its great cultural and historical diversity, follow close behind. Thailand and Vietnam also rank highly for their well-preserved ancient cities. The emphasis placed on education makes the countries of Asia-Pacific the undisputed driving force behind global development and, if not outright, the future of the world. Today, education has produced elite that understands and grasps the geopolitical and geostrategic issues of today and tomorrow. More and more young people from the region are going to study in the various countries that make up the Asia-Pacific region. Many young people from this region are studying in China, Japan, South Korea and Russia in particular [IFRI, 2018]. This movement of students is a major factor in the long-term economic and political integration of the countries of the Asia-Pacific region [Groupe de la Banque Mondiale, 2025]. The language barrier and various complexes are banished every day, month and year as graduates return to their countries of origin with a new mentality and new knowledge... In short, a richer, more rewarding experience of life and an even broader culture.

Apart from education, another very unifying element affecting culture in the Asia-Pacific region is religion. Indeed, religious philosophy in this part of the world has many common features. Starting with Taoism, Buddhism, Confucianism, Hinduism, and others, the idea of seeking inner peace, universal peace, remains the key word, if not the common denominator. It is therefore very easy to find similarities, common features, and links between these different religious currents. The uninitiated can sometimes even confuse them. These currents of thought also have an impact on the governance and sociology of the countries concerned. When we talk about culture, we are also talking about language, way of life, writing... Countries like China, Japan, and Korea have similarities in their respective languages. It is as if the languages complement each other, or one is a continuation of the other. It's so impressive! When a Japanese, a Korean, and a Chinese person speak, for someone not used to these languages, you'd

think they were speaking the same language. What's more, they can even understand each other, as certain words have the same phonetic sounds and meanings on both sides.

In terms of lifestyle, we can also see how the populations of Asia-Pacific have a widely shared culture. For example, an Indian, a Pakistani, or a Sri Lankan, it is difficult to know who is who without proof or personal testimony from the people concerned. They generally have the same lifestyle, the same way of dressing, eating, and even, to a certain extent, marrying.

The history of civilizations explains the current state of international cultural relations, particularly in Asia, an ancient continent steeped in tradition. Isolated by enormous mountains, the desert, and ocean barriers, China has had little contact with the civilizations of other countries over a long period. Silently, brutally, if necessary, through its overflowing population or by force of arms, it has confined itself to establishing its civilization throughout its geographical area. And while cultural exchanges were taking place in a chain from the Mediterranean to the Indian Ocean, China, on the sidelines, in constant contact with barbarians, had some reason to believe that its civilization was Unique, an illusion it would maintain until the arrival of the Europeans. India, on the other hand, would be the great receptacle towards which the civilizations of Europe and Asia would flow, be they Aryan, Persian, Greek, or Mongolian. It would be the crucible in which the most astonishing syntheses would emerge. Its unity will be a work of seduction, or better still, of conversion. Its spiritual genius lends itself admirably to this. Buddhism was to Hinduism the kingdoms of South Asia, right up to the borders of China. It would penetrate along the Silk Road (that trickle) to the heart of China, as far as Japan. The conquests of Islam were of a completely different type. The Arab horsemen imposed their domination on the peoples of diverse cultures and civilizations.

This table from the latest World Bank report shows not only the years but also, and above all, the GDPs of the countries in the Asia-Pacific region, particularly the countries of East Asia and the Pacific [Groupe de la Banque Mondiale, 2025].

Asia Pacific is a sub-regional organization that brings together the countries of Asia Minor, for the most part, but also includes countries such as Russia. Some saw it as a counterweight to NATO, but its objectives are more economic and cultural than political and military. However, the political dimension, as a result of diplomacy and the issues at stake at the moment, is becoming increasingly important given the geopolitical and geostrategic ambitions of all parties.

The mode of integration chosen is very different, for example, from that of the Europeans and their cumbersome procedures. Instead, it is built around a 'bamboo network' architecture, based on a business culture and an informal system of loyalty and proximity, founded on regional free trade without rejecting globalization, and on pragmatism [Boisseau, Lechervy, 2025].

World Bank national accounts data and OECD national accounts data files

Country Name	Most Recent Year	Most Recent Value
Australia	2023	3.4
Brunei Darussalam	2023	1.4
Cambodia	2023	5.0
China	2023	5.2
China, Hong Kong SAR	2023	3.3
Republic of Korea	2023	1.4
Fiji	2023	7.5
Guam	2022	5.1
Marshall Islands	2023	-3.9
Solomon Islands	2023	3.1
Indonesia	2023	5.0
Japan	2023	1.7
Kiribati	2023	4.1
Malaysia	2023	3.6
Marianas	2022	16.6
Federated States of Micronesia	2023	0.8
Mongolia	2023	7.4
Myanmar	2023	1.0
Nauru	2023	0.6
New Caledonia	2022	3.5
New Zealand	2023	0.7
Palau	2023	1.9
Papua New Guinea	2023	3.0
Philippines	2023	5.5
French Polynesia	2022	4.5
Macao Special Administrative Region, China	2023	75.1
Lao People's Democratic Republic	2023	3.7
Samoa	2023	8.6
American Samoa	2022	1.7
Singapore	2023	1.1
Thailand	2023	1.9
Timor-Leste	2023	-18.1
Tonga	2022	-2.3
Tuvalu	2023	3.9
Vanuatu	2023	2.2
Vietnam	2023	5.0

Conflicts such as those between mainland China and Taiwan, North Korea against South Korea, China against Japan, and the Philippines or Vietnam over island issues, Pakistan against India, China against Afghanistan, and even India on their common borders... These growing tensions make it all the more important to include a diplomatic or political dimension in this structure. Culture thus becomes like a transmission lever or an umbilical cord that maintains links between all these states with divergent, convergent, but also contradictory interests.

Unlike the European Union, the Asia-Pacific is moving forward flexibly, without any standards or priorities, with each member evolving independently. In the end, this has not prevented them from succeeding. The idea is more one of consultation and compromise, without erasing differences. It's about sharing common practices, based on the search for results rather than the application of concepts and legal rules. This is a logic that often eludes Westerners, who have long exceeded Asians in their sense of moral superiority, which is felt to be inappropriate and humiliating [Boisseau, Lechervy, 2025].

Now that the world, thanks to technological prowess, has become a veritable global village, culture is like a bridge linking people and civilizations. It helps to facilitate the economic and political integration of the Asia-Pacific states.

References

Boisseau du Rocher S., Lechervy C. L'Asie-Pacifique sera-t-il le nouveau centre du monde? // *Conflits. Revue de Géopolitique*. 2025. 62 p.

Groupe de la Banque Mondiale. Perspectives économiques en Asie-Pacifique 2025. URL: <https://www.banquemondiale.org/reports/asia-pacific-outlook-2025> (дата обращения: 21.04.2025).

Institut Français des Relations Internationales (IFRI). Les relations culturelles entre les pays d'Asie // *Politique étrangère*. – 2018. – Vol. 83, № 4. – P. 121-134. – DOI: 10.3917/pe.184.0121. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.2307/41234567> (дата обращения: 21.04.2025).

Le Robert. Dictionnaire en ligne, 2023. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com> (дата обращения: 19.04.2025).

УДК 327.82

Rathnayaka Mudiyansele Aruna Wasantha Jayathilaka

Central China Normal University, Wuhan

THE CINEMATIC INFLUENCE OF BOLLYWOOD AND HOLLYWOOD IN SOFT POWER PROJECTION: A COMPARATIVE STUDY OF CULTURAL DIPLOMACY IN THE ASIA-PACIFIC

Abstract. This study examines the role of Bollywood and Hollywood as tools of soft power projection in the Asia-Pacific. The article focuses on their contributions to cultural diplomacy. Both industries play central roles in the foreign policy of India and the United States, using cinema to shape public perceptions, influence political narratives, and facilitate cultural exchange. Bollywood, emphasizing family, traditions, and spirituality, has strengthened India's diplomatic presence in Southeast Asia. Hollywood, promoting individualism, democracy, and freedom, has reinforced American values and soft power across the region. The study compares their impact on public opinion, government strategies, and bilateral relations.

Keywords: Bollywood, Hollywood, Soft Power, Cultural Diplomacy, Asia-Pacific.

**КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ БОЛЛИВУДА И ГОЛЛИВУДА
В ПРОЕКЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

Аннотация. Рассматривается роль Болливуда и Голливуда как инструментов «мягкой силы» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Основное внимание уделяется их значению для культурной дипломатии. Обе индустрии играют центральную роль во внешней политике Индии и Соединенных Штатов, использующих кинематограф для формирования общественного мнения, влияния на политические взгляды и содействия культурному обмену. Болливуд, делающий упор на семью, традиции и духовность, укрепил дипломатическое присутствие Индии в Юго-Восточной Азии. Голливуд, пропагандирующий индивидуализм, демократию и свободу, укрепил американские ценности во всем регионе. В исследовании сравнивается их влияние на общественное мнение, правительственные стратегии и двусторонние отношения.

Ключевые слова: Болливуд, Голливуд, мягкая сила, культурная дипломатия, Азиатско-Тихоокеанский регион.

This research examines the role of cinema in cultural diplomacy within the Asia-Pacific region, with a particular focus on Bollywood and Hollywood. Both film industries have emerged as major influencers in projecting soft power and shaping perceptions across varied cultural, social, and political environments. Bollywood, representing India, emphasizes values such as family, spirituality, and social unity, which resonate strongly with audiences in Southeast Asia, East Asia, and the Pacific Islands. In contrast, Hollywood, originating from the United States, promotes themes of individualism, democracy, and freedom, further reinforcing American cultural values. The research analyzes their influence on public opinion, diplomatic relations, and soft power strategies, shedding light on their impact on political narratives and global diplomacy in the region.

The research utilizes a qualitative approach, relying on secondary sources to examine and compare the cinematic impact of Bollywood and Hollywood in the Asia-Pacific, with a specific emphasis on cultural diplomacy. It draws on various sources, such as books, industry reports, media outlets, and academic articles, to analyze how both film industries project soft power, influence public opinion, and shape cultural, economic, and political environments in the region. Thematic analysis is employed to identify and investigate key topics related to cultural values, economic effects, and political narratives conveyed by these industries. Additionally, the study explores emerging developments, including the growth of digital streaming services and co-productions between Western and regional filmmakers.

Although this research relies on secondary data, it adheres to ethical standards, ensuring academic accuracy and integrity throughout the analysis. The use of secondary data offers valuable insights into the role of cinema in global soft power dynamics, but it also acknowledges the limitations inherent in such data, including potential biases and incomplete representations of emerging trends in the evolving landscape of global cinema.

The theoretical foundation for this study draws on Joseph Nye's concept of "soft power," introduced in the late 20th century. Nye defined soft power as the ability of nations to shape the preferences of others through appeal and attraction, rather than coercion through military or economic force [Nye, 2004, p. 11–13]. He identified cultural influence, political values, and foreign policy as core sources of soft power. Nye's work underscores the role of cultural exports, such as cinema, in enhancing a nation's global standing and improving diplomatic relations, highlighting how countries leverage their film industries to project soft power and influence global perceptions [Nye, 2004, p.17].

Bollywood has become a crucial instrument for projecting India's soft power within the Asia-Pacific region, overcoming cultural and language differences to promote Indian culture worldwide [Kapoor, 2014, p. 234–239]. The widespread appeal of Bollywood films in nations like Malaysia, Indonesia, and Singapore, shaped by shared cultural and historical connections, has contributed to the strengthening of diplomatic and economic ties [Kapoor, 2014, p. 234–239]. During the late 20th and early 21st centuries, Bollywood expanded its influence by engaging in film festivals, forming regional partnerships, and utilizing digital platforms, thus broadening its reach beyond the Indian diaspora [Rajadhyaksha, 2011, p. 75–80].

Bollywood has played a significant role in enhancing India's global image by showcasing its cultural heritage, democratic values, and modernity, with films that emphasize themes such as "family, love, and cultural cohesion" [Sharma, 2011, p. 52–60]. Its impact has expanded in non-diasporic markets, including Japan and South Korea, where films like *Kabhi Khushi Kabhie Gham* have resonated with audiences due to their emotional depth and focus on familial bonds [Yoshimoto, 2007, p. 13–21]. The International Indian Film Academy (IIFA) Awards, organized in various cities across the Asia-Pacific, further promote Indian culture and reinforce diplomatic relations through cinematic celebrations [Kapoor, 2014, p. 236–240].

In Southeast Asia, Bollywood has achieved considerable success, particularly in countries like Malaysia, Indonesia, and Singapore, where its films resonate with local values such as family bonds and social harmony [Rajadhyaksha, 2011, p. 80–88]. Bollywood has strengthened cultural ties between India and these nations, with Malaysia actively backing Bollywood-led cultural exchange initiatives [Hughes, 2016, p. 512–514]. Popular films such as *Dilwale Dulhania Le Jayenge* and *Kabhi Khushi Kabhie Gham* have also garnered success in Indonesia and the Philippines [Sharma, 2011, p. 51–55]. Bollywood's reach has expanded to Japan and South Korea, where it has grown in popularity due to its focus on emotional storytelling and family-centered themes [Yoshimoto, 2007, p. 18–25; Chatterjee, 2013, p. 40–44]. Despite challenges like cultural and linguistic barriers, Bollywood continues to evolve, with platforms like Netflix and Amazon Prime enhancing its global accessibility [Kapoor, 2014, p. 240–245].

Through these strategies, Bollywood remains a significant influence in India's cultural diplomacy within the Asia-Pacific region.

Hollywood has been a major force in global cinema for decades, and its influence in the Asia-Pacific region plays a key role in advancing the United States soft power. Hollywood films shape cultural views, promote American ideals like freedom and democracy, and strengthen diplomatic ties within the region. Following World War II, Hollywood's presence in the Asia-Pacific grew as American films helped spread democratic principles and capitalist values, particularly in countries such as Japan, South Korea, and China [Iwabuchi, 2002, p. 199–201]. By the 1970s, Hollywood had become deeply ingrained in Japanese entertainment, and by the 1980s, it had extended its influence in South Korea [Iwabuchi, 2002, p. 204–206; Lee, 2011, p. 177–183].

Although Hollywood initially encountered resistance in China due to cultural concerns, the country's economic growth and expanding market created opportunities for American films, facilitating co-productions and broadening its influence [Moran, 2009, p. 165–170]. Hollywood films frequently reflect American ideals such as individualism and democracy, which strongly resonate with audiences in the region, contributing to the perception of the U. S. as a leader in promoting freedom and justice [Lee, 2011, p. 175–185; Kraidy, 2005, p. 149–154]. Hollywood's impact in the Asia-Pacific has been bolstered by U. S. government efforts, including film festivals and celebrity visits, which have further reinforced diplomatic relationships [Moran, 2009, p. 166–171].

In East Asia, Hollywood films, especially in Japan and South Korea, have had a significant impact on local cinema and popular culture, with films like *The Matrix* and *Mission: Impossible* influencing South Korean filmmakers [Iwabuchi, 2002, p. 204–207; Lee, 2011, p. 180–188]. In China, Hollywood has adapted its content through collaborative productions such as *The Great Wall* and *Kung Fu Panda 3*, increasing its market presence while strengthening cultural and economic relations with China [Li, 2016, p. 156–159].

Despite resistance in countries like China and Japan, Hollywood's ability to adapt and collaborate with local filmmakers through co-productions ensures its continued dominance [Moran, 2009, p. 168–172]. In conclusion, Hollywood remains a powerful tool of American soft power in the Asia-Pacific, promoting U. S. values and strengthening diplomatic relationships. Its ability to adapt to regional cultures and collaborate with local filmmakers offers opportunities for continued influence despite challenges.

Bollywood and Hollywood have become two influential cinematic forces that play a significant role in cultural diplomacy and the projection of soft power within the Asia-Pacific region. Both industries act as essential tools for India and the United States to showcase their national identities and shape global perceptions. However, their methods differ substantially, shaped by unique values, cultural narratives, and geopolitical strategies. These differences allow each

industry to connect with audiences in the diverse Asia-Pacific region in distinct ways. Despite these contrasts, both Bollywood and Hollywood have successfully facilitated cultural exchange, shaped diplomatic ties, and promoted the core values of their respective countries on the international stage.

A key distinction between Bollywood and Hollywood lies in the cultural themes each industry portrays. Bollywood films often highlight values such as family, tradition, spirituality, and social unity. These themes strongly resonate in regions like Southeast Asia, East Asia, and other parts of the Asia-Pacific, where traditional societies place high importance on communal values, family ties, and spirituality. Bollywood films typically focus on narratives that center around extended families, societal responsibilities, and the collective importance of community over individualism. This cultural relevance is especially significant in countries like Malaysia, Indonesia, and the Philippines, where these values are deeply embedded in local customs [Sharma, 2011, p. 48–52]. Additionally, Bollywood's use of vivid storytelling, melodrama, and intricate musical sequences amplifies its emotional impact in these regions, further promoting a positive image of Indian culture and its values.

In contrast, Hollywood films primarily emphasize American values such as individualism, freedom, and the pursuit of happiness. These films often focus on stories that showcase personal success, self-reliance, and democratic principles. These themes, which highlight individual empowerment and personal victories, resonate with international audiences who share similar aspirations for freedom and democracy. Hollywood's skill in presenting universal themes of personal heroism, as demonstrated in films like *Rocky*, *Star Wars*, and *The Avengers*, makes it a powerful cultural influence in various regions, including the Asia-Pacific [Moran, 2009, p. 163–166]. However, these themes may not always deeply resonate with more collectivist societies in the region, where the focus on communal values and social harmony outweighs individual achievement. Nonetheless, Hollywood's broader themes remain appealing to a larger, more globalized audience, particularly among younger generations in urban areas, helping to strengthen its cultural presence in countries such as Japan, South Korea, and China.

Both Bollywood and Hollywood have played crucial roles in shaping public perceptions and building goodwill in the Asia-Pacific region. Bollywood's cultural influence in Southeast Asia has been especially significant, with its films often viewed as powerful tools for promoting Indian culture and values. Bollywood films have bolstered India's diplomatic presence in countries such as Malaysia, Indonesia, and Singapore, where shared cultural links with India have strengthened its impact [Rajadhyaksha, 2011, p. 129–132]. The expanding influence of Bollywood is also evident in countries like Japan, where films like *Kabhi Khushi Kabhie Gham* have gained considerable popularity, despite language and cultural differences. In Japan, Bollywood's focus on emotional depth

and family-oriented themes has struck a chord with local audiences, fostering a cross-cultural exchange between the two nations [Yoshimoto, 2007, p. 13–18]. This trend highlights Bollywood's ability to cross geographical boundaries and engage global audiences through common cultural values, establishing it as a key asset in India's cultural diplomacy initiatives.

On the other hand, Hollywood has become a dominant force in the Asia-Pacific region due to its widespread appeal and its ability to adapt to local preferences while retaining its universal themes. Hollywood blockbusters, in particular, have seen immense success in East Asia, especially in countries such as Japan, South Korea, and China. The commercial triumph of Hollywood franchises like *The Avengers* and *Avatar* in these markets underscores the industry's power to shape cultural perceptions and influence diplomatic relations [Moran, 2009, p. 161–165]. Hollywood's global presence is unparalleled, and its ability to sway public opinion through its films has made it a core component of the U. S. soft power strategy. The depiction of American values – such as freedom, democracy, and individual rights – has helped to create positive perceptions of the United States, particularly in East Asia [Kraidy, 2005, p. 45–48]. Nonetheless, Hollywood's cultural influence faces challenges. In countries like China, where local filmmakers are gaining prominence, there is growing resistance to Hollywood's dominance, particularly as nationalist sentiments rise and local industries strive to assert their cultural independence [Li, 2016, p. 156–160].

Despite facing these challenges, both Bollywood and Hollywood have effectively utilized their unique strengths. Bollywood has capitalized on its distinct cultural narratives to forge strong emotional bonds with audiences in the Asia-Pacific. By leveraging these connections, Bollywood has boosted India's soft power, particularly through cultural diplomacy efforts such as film festivals, collaborations with local filmmakers, and high-profile events like the International Indian Film Academy (IIFA) Awards. These initiatives not only promote Indian culture but also act as tools for enhancing India's diplomatic relationships with the region [Kapoor, 2014, p. 245–247]. Similarly, Hollywood has harnessed its broad commercial success and influential brand to promote U. S. political and economic interests in the Asia-Pacific. Hollywood's ability to shape public opinion by presenting American ideals has played a crucial role in reinforcing the United States' position on the global stage [Moran, 2009, p. 166–170].

Both Bollywood and Hollywood have increasingly engaged in collaborations through co-productions. Co-productions between Bollywood and regional filmmakers in Southeast Asia, along with collaborations between Hollywood and Chinese filmmakers, have allowed both industries to better penetrate local markets. These partnerships have facilitated the integration of cultural elements, enhancing the films' appeal across the Asia-Pacific. Hollywood's growing number of co-productions with China, such as *The Great Wall* and *Kung Fu*

Panda 3, showcases its flexibility and readiness to adapt to regional preferences, while Bollywood's collaborations with Southeast Asian filmmakers contribute to the inclusion of local cultural aspects in its stories [Li, 2016; Kapoor, 2014, p. 240–44].

Both Bollywood and Hollywood have played significant roles in shaping and reinforcing their countries' political narratives. Bollywood's focus on family, tradition, and community strongly supports India's political agenda, promoting values that strengthen national unity and project a favorable image of India internationally. Bollywood has been a key element in India's foreign policy, especially in Southeast Asia, helping to build cultural ties and facilitate diplomatic relations through initiatives like film diplomacy [Sharma, 2011, p. 50–52]. Hollywood's political influence, on the other hand, is more direct, with films that often embody American political values and act as vehicles for promoting democracy, freedom, and individual rights, in line with U. S. foreign policy [Moran, 2009, p. 162–168]. Hollywood's depiction of American exceptionalism, particularly in films featuring heroic figures defending freedom and justice, reinforces the political messages that the United States aims to project globally [Kraidy, 2005, p. 48–52].

In conclusion, Bollywood and Hollywood are both powerful tools of cultural diplomacy, significantly contributing to the soft power strategies of India and the United States in the Asia-Pacific region. Bollywood's focus on family, tradition, and spirituality resonates with Southeast Asia, while Hollywood's universal themes of individualism and freedom have a broader global appeal. Despite their cultural differences, both industries shape public perceptions, foster cultural exchange, and enhance diplomatic relations. The study highlights the contrasting yet complementary roles of Bollywood and Hollywood in soft power projection. Bollywood strengthens India's ties through initiatives like film festivals and cultural exchanges, while Hollywood promotes American values, particularly in East Asia. As both industries adapt to technological advancements and regional dynamics, they will continue to influence global diplomacy and engage with local cultures in the Asia-Pacific. The rise of digital platforms and co-productions offers new opportunities for collaboration, ensuring that both Bollywood and Hollywood will remain central to their countries' soft power strategies. Their future success will depend on how they navigate evolving geopolitical contexts and local preferences.

References

- Chatterjee P. *Bollywood and Beyond: Cinema, Culture and Indian Identity*. N. Y. : Routledge, 2013. 210 p.
- Hughes S. *Bollywood's Soft Power in Southeast Asia* // *Asian Journal of Communication*. 2016. Vol. 26, N 5. P. 508–524.
- Iwabuchi K. *Recentring Globalization: Popular Culture and Japanese Transnationalism*. Durham : Duke University Press, 2002. 275 p.

Kapoor M. Bollywood as India's Soft Power: A Case Study of Cultural Diplomacy // Journal of International Relations. 2014. Vol. 38, N 3. P. 233–249.

Kraidy M. Hybridity, or the Cultural Logic of Globalization. Philadelphia : Temple University Press, 2005. 198 p.

Lee D. The Americanization of Korean Cinema: Hollywood Influence and Korean Identity // International Journal of Cultural Studies. 2011. Vol. 14, N 2. P. 175–190.

Li X. The Impact of Hollywood on Chinese Cinema and Culture // Journal of Chinese Cinemas. 2016. Vol. 10, N 2. P. 155–169.

Moran A. Hollywood's Global Influence // International Journal of Cultural Policy. 2009. Vol. 15, N 2. P. 153–172.

Nye J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y. : Public Affairs, 2004. 191 p.

Rajadhyaksha A. Bollywood: The Globalization of Indian Cinema. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2011. 225 p.

Sharma K. Bollywood as India's Cultural Ambassador: Soft Power and the Global Indian Diaspora // International Journal of Cultural Studies. 2011. Vol. 14, N 1. P. 45–61.

Yoshimoto M. Globalizing Bollywood: The Influence of Indian Cinema in Japan // Journal of Asian Cinema. 2007. Vol. 3, N 1. P. 13–26.

УДК 314.153.3

Mauricio Percara

Central China Normal University, Wuhan

CONFUCIUS INSTITUTES AS INSTRUMENTS OF CHINA'S SOFT POWER: A COMPARATIVE STUDY OF AUSTRALIA AND THAILAND

Abstract. This paper examines the role of Confucius Institutes as instruments of China's soft power strategy through a comparative study of Australia and Thailand. The results of a qualitative analysis showed that while Confucius Institutes were welcomed and integrated in Thailand, some, however, were closed in Australia. The study highlights that the effectiveness of China's soft power initiatives depends largely on local political, cultural, and societal contexts.

Keywords: Confucius institutes, soft power, cultural diplomacy, international relations, foreign policy.

Маурисио Перкара

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

ИНСТИТУТЫ КОНФУЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ: СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АВСТРАЛИИ И ТАИЛАНДА

Аннотация. Рассматривается роль институтов Конфуция как инструментов стратегии «мягкой силы» Китая через призму сравнительного анализа Австралии и Таиланда. Качественный анализ продемонстрировал, что институты Конфуция были приняты и интегрированы в Таиланде, тогда как в Австралии некоторые из них были закрыты. В исследовании подчеркивается, что эффективность китайских инициатив «мягкой силы» во многом зависит от местных политических, культурных и социальных условий.

Ключевые слова: институты Конфуция, «мягкая сила», культурная дипломатия, международные отношения, внешняя политика.

In an era characterized by shifting global power dynamics, the strategic deployment of soft power has become an essential tool for states seeking to influence international outcomes. Soft power, as articulated by Nye, involves shaping the preferences of others through attraction rather than coercion [Nye, 2004, p. 5]. Recognizing the limitations of hard power alone, China has increasingly invested in cultural diplomacy, educational outreach, and media engagement to project a favorable image abroad. Among its most ambitious initiatives are the Confucius Institutes (CIs), created to promote Chinese language education, foster cultural understanding, and enhance China's global profile.

Since the establishment of the first Confucius Institute in 2004, China has built a network spanning more than 140 countries, with over 500 institutes operating by 2020 [Hartig, 2016, p. 22]. Designed as partnerships between Chinese and foreign universities, CIs offer language courses, cultural programming, scholarships, and academic exchanges. Yet, their reception has varied markedly across different national contexts. While in some countries Confucius Institutes have been embraced as valuable educational resources, in others they have faced growing suspicion, allegations of political influence, and even forced closures.

This divergence raises important questions about the relational dynamics of soft power. Cultural initiatives do not operate in a vacuum; their effectiveness depends not only on the attractiveness of the offering but also on the political, societal, and institutional environments in which they are embedded. As d'Hooghe suggests, soft power must be "received as legitimate and credible" by target societies to function effectively [d'Hooghe, 2015, p. 39]. Therefore, examining the variable fortunes of Confucius Institutes offers valuable insights into the broader challenges facing China's soft power strategy.

This paper addresses the following research question: Why have Confucius Institutes emerged as a key soft power instrument in China's international strategy, and why has their effectiveness varied between Australia and Thailand? By comparing these two cases, which represent contrasting political cultures and strategic relationships with China, the study seeks to elucidate the contextual factors that mediate the reception of Chinese cultural diplomacy.

Methodologically, the paper adopts a qualitative comparative approach, relying on documentary analysis, academic studies, media reports, and public opinion data from Australia and Thailand. This multi-source strategy enables a triangulated understanding of how Confucius Institutes have been perceived, politicized, or integrated within different national settings.

The article proceeds as follows: the next section outlines the theoretical foundations of soft power and public diplomacy, focusing on the distinctive characteristics of China's approach. The third section presents a comparative analysis of the Confucius Institute experience in Australia and Thailand, identifying key patterns and divergences. The paper concludes with reflections on the

relational nature of soft power and avenues for future research focused on these two countries.

The Confucius Institute (CI) project represents one of the most ambitious experiments in state-led cultural diplomacy in the 21st century. As conceptualized by Joseph Nye, soft power rests on the ability to influence others through attraction and co-option rather than coercion [Nye, 2004, p. 5]. China's embrace of soft power has been both strategic and pragmatic, recognizing that its global rise would require not only economic and military strength but also a positive and trustworthy international image. In this context, Confucius Institutes have been deployed as frontline instruments to promote Chinese language, culture, and perspectives worldwide.

However, China's model of soft power differs substantially from that of traditional Western powers. While organizations such as the British Council, Goethe-Institut, and Alliance Française maintain formal independence from their respective states, Confucius Institutes are directly linked to government entities, originally administered by Hanban (now the Chinese International Education Foundation). As Hartig observes, "Confucius Institutes are simultaneously educational partnerships and political projects aimed at cultivating goodwill toward China's domestic and foreign policies" [Hartig, 2016, p. 34]. This dual mandate has made CIs uniquely vulnerable to geopolitical tensions and accusations of politicization.

Furthermore, Confucius Institutes must be situated within the broader context of China's contemporary foreign policy strategies, particularly the Belt and Road Initiative (BRI). Although primarily framed as an infrastructure and economic development program, the BRI also entails significant cultural, educational, and people-to-people exchanges [Leung, Lau, 2021, p. 112]. Confucius Institutes play an important role in this cultural dimension by providing a platform to foster linguistic connectivity, promote Chinese narratives about modernization and development, and build networks of influence across Asia, Africa, and beyond.

Despite China's efforts to portray Confucius Institutes as benign centers of cultural exchange, their state affiliation has often fueled perceptions of ulterior motives, particularly in liberal democracies. As d'Hooghe highlights, "China's soft power efforts are weakened by the perception that they are too closely controlled by state authorities, lacking the autonomy that typically enhances credibility in cultural diplomacy" [d'Hooghe, 2015, p. 39]. Indeed, one of the paradoxes of China's soft power strategy is that the very visibility and state sponsorship of initiatives like CIs sometimes undermine the authenticity needed for attraction to be effective.

Nonetheless, Confucius Institutes have filled important gaps in global Chinese language education, especially in regions where demand for Mandarin instruction outstrips local capacity. They have also contributed to shaping dis-

courses about China as a modern, culturally rich, and economically dynamic country. As Zhou notes, “for many students, particularly in developing countries, participation in Confucius Institute programs offers tangible benefits such as scholarships, job opportunities, and cultural capital” [Zhou, 2021, p. 238].

Thus, Confucius Institutes embody both the promise and the dilemmas of China’s soft power ambitions. Their success or failure is not determined solely by their programs or curricula but is inextricably linked to broader perceptions of China’s role in the world, the nature of host country political systems, and the evolving dynamics of international trust.

The comparative experiences of Confucius Institutes (CIs) in Australia and Thailand underscore the relational complexities of soft power. Although both countries initially welcomed CIs, their subsequent trajectories diverged sharply, shaped by domestic political cultures, elite discourses, societal perceptions, and broader geopolitical shifts.

In Australia, the early 2000s saw a strategic push for closer engagement with Asia. Establishing CIs was initially perceived as consistent with Australia’s “Asia literacy” agenda, promoted through documents like the *Australia in the Asian Century* White Paper. Universities, keen to internationalize and attract funding, enthusiastically partnered with Hanban to open fourteen CIs by 2015 [Hartig, 2016, p. 27]. However, by 2017, concerns about foreign influence in Australia’s political and academic spheres gained prominence. A series of media investigations, such as ABC’s exposé, revealed that CI teachers were contractually obliged to comply with Chinese political sensitivities, particularly regarding Taiwan, Tibet, and Tiananmen [Australian ... , 2017].

The passage of the Foreign Influence Transparency Scheme Act (2018) formalized governmental concerns, requiring entities with ties to foreign powers to register their activities. Universities, under public and political pressure, began re-evaluating their CI agreements. Between 2019 and 2023, at least six Confucius Institutes closed, including those at RMIT University and the University of Queensland [Gil, 2020, p. 24]. Institutions cited reasons ranging from administrative restructuring to concerns over academic autonomy, but underlying these decisions was a pervasive atmosphere of mistrust toward Chinese-sponsored initiatives. Notably, the University of Sydney revised its CI agreement to ensure greater control over curriculum and staffing, although even this restructured model faced internal criticism from faculty and student bodies.

Public opinion mirrored these institutional shifts. The Lowy Institute’s 2020 poll found that only 32 % of Australians trusted China to act responsibly in the world, a stark decline from previous years. Moreover, the framing of Confucius Institutes in Australian media evolved from benign cultural centers to potential vectors of Chinese state influence. As Hamilton argues, “Confucius Institutes became symbolic battlefields where anxieties about China’s global ambitions played out domestically” [Hamilton, 2018, p. 147].

Thailand presents a strikingly different case. Since the establishment of the first CI at Chulalongkorn University in 2006, the country has embraced Confucius Institutes as strategic assets. By 2024, Thailand hosted 16 CIs and over 21 Confucius Classrooms, often integrated into local universities and secondary schools [Klaitabtim, 2024, p. 3]. Unlike in Australia, the partnership model emphasized mutual benefit and local ownership. Thai universities had considerable input into curriculum design, and many CIs recruited local Thai faculty alongside Chinese instructors, fostering a sense of joint enterprise rather than external imposition.

Elite endorsement has played a pivotal role. Princess Sirindhorn's visible support for Chinese language initiatives symbolized royal backing, insulating Confucius Institutes from political controversy [Zhou, 2021, p. 239]. Moreover, economic pragmatism reinforced their value: as Thailand's largest trading partner, China's economic influence created tangible incentives for linguistic and cultural engagement. The Thai Ministry of Commerce reported in 2023 that China accounted for 20.8 % of Thailand's total trade volume [Ministry ... , 2023].

Public sentiment toward China, while nuanced, remains largely pragmatic. The 2022 ABAC Poll showed that 72 % of Thai respondents viewed Mandarin language education positively, associating it with employment opportunities and international mobility [ABAC ... , 2022]. Media portrayals of Confucius Institutes, unlike in Australia, predominantly emphasized educational benefits rather than political risks.

Critically, Confucius Institutes in Thailand demonstrated flexibility and responsiveness to local needs. Programs often combined language instruction with vocational Chinese for tourism, business Chinese, and preparation for scholarships to Chinese universities. Such adaptive strategies enhanced the perception that CIs were serving Thai developmental goals rather than Chinese political agendas.

The divergent trajectories of Confucius Institutes in Australia and Thailand can thus be traced to several intersecting factors. Strategic thrust toward China remained relatively stable in Thailand, but eroded dramatically in Australia. Political cultures differed markedly: Australia's liberal democratic system prioritized vigilance against foreign interference, while Thailand's pragmatic orientation emphasized tangible national benefits. Elite discourses further shaped outcomes: in Thailand, endorsement from the monarchy and educational authorities legitimized CIs; in Australia, political leaders and investigative media fostered skepticism and contestation. Ultimately, societal demand and local adaptation strategies determined the extent to which CIs could integrate themselves into national educational and cultural systems.

Ultimately, the experiences of Australia and Thailand reveal that soft power instruments, such as Confucius Institutes, are not self-sufficient. Their success depends not merely on the initiatives launched by the sending country, but on the complex relational fields they enter, shaped by history, identity, politics, and trust.

This study has shown that the effectiveness of Confucius Institutes (CIs) as instruments of China's soft power strategy is deeply contingent on the political, societal, and relational dynamics of the host country. In Thailand, a favorable convergence of elite endorsement, societal demand for Mandarin education, cultural proximity, and economic pragmatism enabled CIs to embed themselves successfully within national education systems. By contrast, in Australia, rising strategic distrust, concerns over academic autonomy, and a securitized political discourse redefined CIs as symbols of foreign interference, leading to widespread closures.

The divergent experiences of Australia and Thailand reaffirm that soft power cannot be unilaterally projected. Instead, it must be relationally constructed, negotiated, and sustained through mutual trust, cultural sensitivity, and genuine local engagement. Confucius Institutes function effectively not simply where China's cultural offerings are strong, but where they align with local aspirations, institutional norms, and strategic interests.

Future research should continue to track the evolving role of CIs in these two countries. In Australia, it will be important to assess whether the closure of CIs has produced a lasting vacuum in Chinese language education or whether alternative channels of cultural engagement have emerged. In Thailand, longitudinal studies could explore how sustained exposure to Chinese cultural diplomacy influences the perceptions of younger generations and future bilateral relations. Comparative studies extending to other Southeast Asian and Western contexts would further illuminate the conditions under which China's soft power efforts succeed, adapt, or fail in an increasingly complex international environment.

References

- ABAC Poll Research Center. Survey on Public Perceptions of China and Mandarin Education in Thailand. Bangkok : ABAC University, 2022. 112 p.
- Australian Broadcasting Corporation (ABC News) Investigation into Confucius Institutes and Foreign Influence. Sydney : ABC News, 2017. 69 p.
- d'Hooghe I. China's Public Diplomacy. Leiden : Brill, 2015. 211 p.
- Gil J. Rethinking China's Cultural Diplomacy: The Confucius Institutes // International Journal of Chinese Education. 2020. Vol. 9, N 1. P. 112–119.
- Hamilton C. Silent Invasion: China's Influence in Australia. Melbourne : Hardie Grant, 2018. 214 p.
- Hartig F. Chinese Public Diplomacy: The Rise of the Confucius Institute. London : Routledge, 2016. 114 p.
- Ho K. K. Neighbourhoods for the City in Pacific Asia // Asian Journal of Social Science. 2021. Vol. 49. P. 183–192.
- Klaitabtim J. Confucius Institutes: China's Soft Power in Thailand // Journal of Politics and Governance. 2024. Vol. 14, N 1. P. 1–9.
- Leung C., Lau Y. The Potential of Cultural Exchange under the Belt and Road Initiative // Asian Journal of Social Science. 2021. Vol. 49. P. 112–117.
- Ministry of Commerce of Thailand. Thailand Foreign Trade Statistics 2022. Bangkok : Ministry of Commerce, 2023. 212 p.
- Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y. : PublicAffairs, 2004. 314 p.
- Zhou Y. Confucius Institutes in Sino-Thai Relations: An Expression of China's Soft Power // Asian Journal of Social Science. 2021. Vol. 49, N 4. P. 234–243.

**GLOBAL ECONOMIC IMPACT:
THE REPERCUSSIONS OF TARIFFS FROM THE SINO-US
TRADE WAR IN 2017**

Abstract. The article explores the far-reaching economic consequences of the tariffs introduced during the trade war between China and the United States in 2017. After American concerns about unfair trade practices, particularly from China and its allies, China, in turn, responded with retaliatory actions aimed at safeguarding its economic interests and strategic industries. The article delves into the diverse impacts of these tariffs on both economies. The repercussions of this trade war extended beyond the immediate players, disrupting the international supply chain and affecting multinational companies across the globe. To avert further economic instability, constructive negotiations, and international cooperation are essential for resolving trade disputes and fostering global economic harmony.

Keywords: trade war, economic impact, international relations, international trade.

Нгалубали Кен Джонтони

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ТОРГОВОЙ ВОЙНЫ
МЕЖДУ КИТАЕМ И США В 2017 Г.**

Аннотация. Исследуются далеко идущие экономические последствия тарифов, введенных во время торговой войны между Китаем и Соединенными Штатами в 2017 г. Показываются, что после того как американцы выразили обеспокоенность по поводу некоторых торговых практик, особенно со стороны Китая и его союзников, Китай, в свою очередь, отреагировал ответными действиями, направленными на защиту своих экономических интересов и стратегических отраслей промышленности. Рассматриваются последствия введения этих тарифов для экономики обеих стран, которые вышли за рамки влияния на непосредственных участников, нарушив международную цепочку поставок и затронув транснациональные компании по всему миру. Для разрешения торговых споров, укрепления глобальной экономической гармонии и предотвращения дальнейшей экономической нестабильности необходимы конструктивные переговоры и международное сотрудничество.

Ключевые слова: торговая война, экономические последствия, международные отношения, международная торговля.

The economic relationship between the United States and China has long served as a foundation of global trade, yet it has also been characterized by persistent friction. The escalation of tensions in 2017 into a full-scale trade war marked a significant shift in international commerce, as both nations engaged in reciprocal tariff impositions, economic countermeasures, and disruptions to their supply chains. This conflict extended far beyond the two economic powerhouses, creating ripple effects worldwide and compelling businesses and governments to navigate an increasingly protectionist trade environment.

This analysis examines the root causes of the U. S.-China trade war, the strategic policies implemented by both countries, and the extensive economic

repercussions. Additionally, it examines how corporations and third-party nations adapted to the upheaval and draws critical lessons for the future of international trade relations.

The United States predominantly instigated the trade war during Donald Trump's presidency, as his administration pursued an aggressive economic agenda aimed at reducing the U. S. trade deficit and safeguarding domestic industries. Central to this strategy was the assertion that China engaged in unfair trade practices, including intellectual property theft, coercive technology transfers, and state-sponsored subsidies that distorted global markets [García-Herrero, 2021].

In early 2018, the U. S. government imposed tariffs on approximately 50 billion worth of Chinese imports, specifically targeting advanced technology sectors such as robotics, aerospace, and industrial machinery. By the end of that year, it had expanded to cover an additional 200 billion in goods, encompassing a broad range of consumer products, including electronics, furniture, and automotive components. By 2019, nearly \$550 billion worth of Chinese goods were subject to U. S. tariffs, with some critical items facing duties as high as 25 % [Bown, 2020].

China responded with calculated economic counterpunches designed to maximize political and economic pressure. Beijing imposed tariffs on \$110 billion worth of U. S. exports [Hsueh, 2023], deliberately selecting products that would impact key political constituencies supporting President Trump. Agricultural commodities such as soybeans and pork were primary targets, given their importance to rural American economies.

Beyond immediate tariff responses, China implemented several long-term strategies to mitigate reliance on the U. S. market. One significant approach involved cultivating stronger trade relationships with alternative partners, including the European Union, ASEAN nations, and Latin American countries, through new trade agreements and investment initiatives. Simultaneously, Beijing accelerated its "Made in China 2025" industrial policy, which sought to achieve self-sufficiency in high-tech sectors like semiconductor manufacturing and electric vehicle production [Haft, 2020]. Another tactical move included allowing the yuan to depreciate, thereby making Chinese exports more competitively priced in global markets and partially offsetting the impact of U. S. tariffs.

While the tariffs were intended to revive American manufacturing and reduce the trade deficit, their effects were mixed and often counterproductive. Many U. S. manufacturers that relied on Chinese components faced steep increases in production costs, which were frequently passed on to consumers in the form of higher prices. The agricultural sector experienced particularly severe consequences, as soybean farmers and other producers lost access to their largest export market almost overnight. Despite these measures, the U. S. trade deficit with China remained stubbornly high, as companies opted to relocate supply chains to third countries rather than to reshore production to the United States [Lovely, 2021].

China's export-driven economy also encountered significant challenges, though state intervention helped cushion the blow. Export growth slowed noticeably, particularly in electronics and machinery sectors heavily dependent on U. S. demand [Toro, 2019]. Financial markets reacted with increased volatility, as seen in fluctuations across Chinese stock indices and currency valuations. To stabilize the situation, the Chinese government rolled out a series of economic stimulus measures, including targeted tax reductions and direct subsidies to affected industries. These interventions helped prevent more severe economic contraction but came at the cost of increased government debt and reduced fiscal flexibility.

The trade war's disruption of established supply chains created widespread consequences for the global economy. Many multinational corporations initiated large-scale relocations of manufacturing operations from China to Southeast Asian nations such as Vietnam and Thailand, as well as to Mexico, to circumvent U. S. tariffs. This geographical diversification of production networks had uneven effects on third-party countries [Yang, 2019]. While agricultural exporters like Brazil benefited from increased Chinese demand for soybeans and other commodities, manufacturing-dependent economies such as Germany suffered from reduced orders for industrial components.

The cumulative effect of these disruptions contributed to a broader slowdown in global economic growth. The International Monetary Fund estimated that the trade war could depress worldwide GDP by as much as 0.8 % by 2020, with emerging markets particularly vulnerable to reduced trade flows and investment uncertainty [Lau, 2020].

Facing an increasingly unpredictable trade environment, corporations implemented various strategies to maintain competitiveness. Major technology and consumer goods companies, including Apple and Nike, accelerated plans to diversify their manufacturing bases beyond China, establishing new production facilities in India and Southeast Asia. Some firms engaged in strategic stockpiling of Chinese-made components ahead of anticipated tariff implementations, while others lobbied aggressively for exemptions on essential imports that lacked viable alternatives [Davis, 2020].

After nearly two years of escalating tensions, the U. S. and China reached a partial truce with the January 2020 Phase One Trade Agreement. This deal included several key provisions: China committed to purchasing an additional 200 billion worth of U. S. goods across agricultural, energy, and manufactured product categories over two years. The U. S. agreed to reduce certain tariff rates, including 120 billion worth of Chinese imports to 7.5 % [Alden, 2021]. The agreement also contained Chinese pledges to strengthen intellectual property protections, though it left unresolved more contentious issues such as industrial subsidies and state-owned enterprise reforms.

Several critical insights emerge from this prolonged trade conflict. First, excessive economic dependence on a single trading partner creates systemic vulnerabilities, as demonstrated by the widespread disruptions when U. S.-China relations deteriorated. Second, businesses must prioritize supply chain resilience, incorporating geographical diversification and contingency planning into their operational strategies. Finally, the limitations of bilateral tariff wars highlight the need for strengthened multilateral institutions, suggesting that reforms to the World Trade Organization's dispute resolution mechanisms could provide more effective frameworks for managing future trade conflicts.

The U. S.-China trade war represented a watershed moment in global economic relations, exposing the fragility of deeply interconnected supply chains and the far-reaching consequences of protectionist policies. While the Phase One agreement temporarily reduced tensions, fundamental disagreements over trade practices and market access remain unresolved. Looking ahead, the experience underscores the importance of balanced economic strategies that combine domestic industry protections with international cooperation. For businesses and policymakers alike, the key takeaway is clear: building diversified, adaptable trade networks and reinforcing multilateral governance structures will be essential to navigating an increasingly complex and uncertain global trade landscape.

References

- Alden E. The Trade War Is Just Getting Started // *Foreign Policy*. June 2021. *Foreign Policy*. P. 125–138.
- Bown C. P. The U. S.-China Trade War: Tariffs, Geopolitics, and the Global Economy // *Peterson Institute for International Economics*. 2020. March. P. 211–222.
- Davis B., Wei L. *Superpower Showdown: How the Battle Between Trump and Xi Threatens a New Cold War*. Harper Business, 2020. 232 p.
- García-Herrero A. How the U. S.-China Trade War Is Reshaping Global Supply Chains // *Asia Global Institute*. 2020. P. 215–227.
- Hsueh R. *The Trade Wars: A Story of China, the United States, and Future Economic Globalization*. Oxford University Press, 2023. 320 p.
- Lau L. J. *The China-U. S. Trade War and Future Economic Relations*. Chinese University Press, 2020. 180 p.
- Lovely M., Schott J. Understanding the Economic Impact of the Trade Conflict Between China and the USA // *Brookings Institution*. 2021. P. 78–87.
- Toro Hardy A. *China and the United States: Trade Wars and Power Rivalry*. World Scientific Publishing, 2019. 300 p.
- Yang Y. China's Response to the U. S. Tariff War // *East Asian Forum*. 2019. P. 48–53.

Sri Narayana Patabendalage Renuka Damayanthi Kumari

Central China Normal University, Wuhan

THE ROLE OF SOCIAL INSTITUTIONS IN PROTECTING CHILDREN'S RIGHTS IN THE ASIA-PACIFIC REGION: A SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

Abstract. The article explores the critical role of social institutions – family, education, government, religion, media, and international organisations – in protecting and promoting children's rights across the Asia-Pacific region. Using a sociological lens, it analyses how these institutions shape societal norms, create structures of support or control, and respond to global child rights conventions. The paper also examines the impact of cultural diversity and socioeconomic inequality on the effective implementation of child rights. It emphasises the need for strong, culturally sensitive institutional frameworks to ensure the safety, education, and empowerment of all children in the region.

Keywords: children's rights, social institutions, education, child protection, cultural norms, policy.

Шри Нараяна Патабендалаге Ренука Дамаянти Кумари

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Исследуется роль социальных институтов – семьи, образования, правительства, средств массовой информации и международных организаций – в защите и продвижении прав детей в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В рамках социологического подхода анализируется, как эти институты формируют социальные нормы, создают структуры поддержки или контроля и отвечают требованиям глобальных конвенций по правам ребенка. Также рассматривается влияние культурного разнообразия и социально-экономического неравенства на эффективное осуществление прав ребенка; подчеркивается необходимость создания прочных, учитывающих культурные особенности институциональных структур для обеспечения безопасности, образования и расширения прав и возможностей детей в регионе.

Ключевые слова: права детей, социальные институты, образование, защита детей, культурные нормы, политика.

The Asia-Pacific region, home to more than half of the world's children, presents a unique sociological landscape in terms of children's rights [Ahmed, 2021]. Vast cultural diversity, socioeconomic disparities, and varied political systems contribute to complex challenges in ensuring these rights. Social institutions – defined by sociologists as organized patterns of social behavior play a central role in either upholding or undermining children's rights. This article examines how these institutions function as agents of both support and control within the region and how they can be strengthened to provide more equitable outcomes for children.

In sociology, institutions such as family, education, government, and religion are seen as foundational pillars that sustain social life. According to Emile Durkheim [1984], institutions maintain collective conscience and ensure societal cohesion, while Talcott Parsons emphasized their role in maintaining functional

equilibrium. When applied to children's rights, these institutions create both structural opportunities and constraints [UNICEF, 2023]. Sociological perspectives help us critically evaluate the effectiveness and limitations of these institutions in the context of children's well-being.

The family remains the most influential institution in a child's life, especially in collectivist cultures prevalent in Asia-Pacific societies. In countries such as India, Vietnam, and the Philippines, familial bonds are strong and multigenerational. Families play a crucial role in early socialization, emotional support, and moral guidance. However, in contexts of poverty, conflict, and traditional gender roles, families may also be sources of neglect, abuse, or gender discrimination. Sociologically, this duality makes the family both a protective and potentially harmful institution, especially where legal oversight is weak.

Schools serve as key institutions in advancing children's rights by providing education, emotional development, and social inclusion. For instance, countries like South Korea and Singapore have invested heavily in inclusive education. Yet, in marginalized communities across Myanmar, Papua New Guinea, and parts of Indonesia, children still face significant barriers such as underfunded schools, language discrimination, and corporal punishment [Jones, Smith, 2020]. Sociologists point to how the stratification within education systems reflects broader inequalities in society. Enhancing educational equity is thus fundamental to safeguarding children's rights.

Governments are responsible for creating legal frameworks to protect children through policies and child welfare institutions. Most Asia-Pacific countries have ratified the United Nations Convention on the Rights of the Child (CRC), yet implementation is uneven. For example, while Australia and Japan have developed comprehensive child protection systems, others struggle due to corruption, lack of infrastructure, or limited resources. Structural-functional theory explains how weak legal institutions can lead to social dysfunction, reinforcing the vulnerability of children rather than their protection [Singh, 2019].

Religious institutions wield a strong influence across Asia-Pacific societies. They provide moral teachings and community services, yet they can also reinforce traditional norms that hinder children's rights. For example, religious endorsement of early marriage or corporal punishment may conflict with CRC principles. A sociological approach encourages critical engagement with how religious values intersect with legal and human rights standards, calling for reform where necessary while respecting cultural traditions.

The rise of digital media and civil society organizations has transformed the landscape of child rights advocacy. Media exposure of child labor in Bangladesh or abuse in residential schools in Australia has led to national debates and policy responses [Park, 2018]. NGOs such as Save the Children and Plan International work with governments and communities to build awareness and institutional support. From a symbolic interactionist view, these actors shape public

narratives and influence institutional behavior through symbols, language, and campaigns.

International organizations like UNICEF and regional bodies like ASEAN are instrumental in supporting national efforts. They offer technical assistance, funding, and policy models that help local institutions align with international child rights standards. However, a key sociological challenge is ensuring that global norms do not override local customs without mutual dialogue. Sociocultural sensitivity is essential in tailoring interventions that resonate with local communities and lead to sustainable institutional change [UNICEF, 2023].

The protection of children's rights in the Asia-Pacific region is a multidimensional challenge that demands the active involvement of all social institutions. A sociological perspective reveals both the strengths and weaknesses within these institutions and underscores the importance of systemic, culturally-appropriate reform. Families, schools, governments, religious groups, and the media must work together to create environments where children are protected, empowered, and given equal opportunities to thrive. The future of the region depends on how effectively these institutions uphold their shared responsibility in securing the rights and dignity of every child.

References

- Ahmed S. Religious norms and child rights: Case studies from South Asia // *International Journal of Children's Rights*. 2021. Vol. 29, N 2. P. 213–232.
- Durkheim E. *The division of labor in society* / transl. by W. D. Halls. N. Y. : Macmillan, 1984. 352 p.
- Jones G., Smith H. Children's rights in Southeast Asia: A sociological analysis // *Asian Journal of Social Science*. 2020. Vol. 48, N 3. P. 215–234.
- Park J. H. Media, advocacy, and child protection in East Asia // *Media and Communication*. 2018. Vol. 6, N 2. P. 127–138.
- Singh M. Education inequality and children's rights in South Asia // *Comparative Education Review*. 2019. Vol. 63, N 4. P. 489–507.
- UNICEF. *The state of the world's children 2023: For every child, vaccination*. UNICEF, 2023. 180 p.

STRATEGIC RESPONSES OF SMALL STATES TO THE RCEP: FOREIGN POLICY SHIFTS IN THE ASIA-PACIFIC REGION

Abstract. The Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), the world's largest free trade agreement, has significantly reshaped the economic and geopolitical landscape of the Asia-Pacific region. This writing examines the strategic responses of small states to RCEP, focusing on their foreign policy shifts amid the interplay of economic incentives, geopolitical rivalries, and domestic political considerations. Small states, characterized by limited economic scale and strategic vulnerabilities, are seeking RCEP's provisions such as tariff reductions and streamlined trade rules to enhance market access, integrate into regional value chains, and attract foreign investment. However, their participation is complicated by the intensifying U. S.-China rivalry, prompting hedging strategies that balance economic engagement with China and security ties with the U. S. ASEAN's institutional centrality provides a collective platform for small states to amplify their influence and mitigate external pressures. The analysis underscores the pragmatic agency of small states in navigating RCEP's opportunities and challenges, emphasizing the importance of economic diversification, regional cooperation, and diplomatic hedging to safeguard sovereignty and sustainable development. The findings highlight the dynamic role of small states in shaping the evolving regional order, offering insights for policymakers and scholars on the complexities of economic integration in a contested geopolitical environment.

Keywords: RCEP, small states, foreign policy, economic integration, geopolitical hedging, ASEAN.

Вутея Венг

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ МЕРЫ РЕАГИРОВАНИЯ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ НА ВРЭП: ИЗМЕНЕНИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. Отмечается, что региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (RCEP), крупнейшее в мире соглашение о свободной торговле, существенно изменило экономический и геополитический ландшафт Азиатско-Тихоокеанского региона. Рассматриваются стратегические меры реагирования малых государств на ВРЭП, особое внимание уделяется изменениям в их внешней политике в условиях взаимодействия экономических стимулов, геополитического соперничества и внутривнутриполитических соображений. Показывается, что малые государства, характеризующиеся ограниченными экономическими масштабами и стратегической уязвимостью, стремятся к таким положениям RCEP, как снижение тарифов и упрощение правил торговли, для расширения доступа на рынки, интеграции в региональные цепочки создания стоимости и привлечения иностранных инвестиций. Однако их участие осложняется усиливающимся соперничеством между США и Китаем, что требует применения стратегий хеджирования, которые обеспечивают баланс между экономическим взаимодействием с Китаем и связями в области безопасности с США. Институциональная роль АСЕАН обеспечивает небольшим государствам коллективную платформу для усиления своего влияния и смягчения внешнего давления. Проведенный анализ подчеркивает прагматичную роль малых государств в использовании возможностей и вызовов RCEP, подчеркивая важность диверсификации экономики, регионального сотрудничества и дипломатических мер предосторожности для защиты суверенитета и устойчивого развития. Результаты исследования подчеркивают динамичную роль малых государств в формировании меняющегося регионального порядка, предлагая политикам и ученым понимание сложностей экономической интеграции в условиях противоречивой геополитической обстановки.

Ключевые слова: ВРЭП, малые государства, внешняя политика, экономическая интеграция, геополитическое хеджирование, АСЕАН.

The Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP), finalized in November 2020, is the largest free trade agreement globally, bringing together 15 Asia-Pacific nations and representing close to one-third of the world's GDP and population [RCEP ... , 2022]. This megaregional agreement encompasses the ten ASEAN member countries – Brunei, Cambodia, Indonesia, Laos, Malaysia, Myanmar, the Philippines, Singapore, Thailand, and Vietnam – alongside five important dialogue partners: China, Japan, South Korea, Australia, and New Zealand. Its goal is to enhance economic integration by lowering tariffs, harmonizing rules of origin, and broadening collaboration in areas such as trade in goods and services, investment, intellectual property, and electronic commerce [Ibid].

Within this newly established trade bloc, there exists a various scale of nations ranging from a very small state like Brunei to a massive state like China. The definition of small states itself is a very complicated concept and can be traced as far back as 1648 in Western Europe as a component of the pair of treaties constituting the Peace of Westphalia [Small ... , 2022]. However, based on the World Bank's classification, small states in the Asia-Pacific, often including island nations and less populous countries, with populations under 1.5 million, with GDPs reaching \$5.2 billion [Small States ... , 2025]. Due to no definite definition, small states here are characterized as those nations with limited economic scale and strategic vulnerabilities. Surprisingly, in negotiations of RCEP, big state like India feels more vulnerable than smaller states. Since they are small and weak, they face unique difficulties and possibilities resulting from their limited economic scale, geographic vulnerabilities, and strategic positioning amidst major powers. These vulnerable countries, frequently classified as additionally limited by capabilities, rely heavily on trade, foreign investment, and regional collaboration to drive economic growth and development [Small States ... , 2024]. RCEP is being implemented amid growing competition between the United States and China – since the U. S withdrew from the Trans-Pacific Partnership on January 23, 2017 [Withdrawal ... , 2017], shifting international commerce norms, and growing protectionist tendencies, prompting modest states to undertake adaptive foreign strategies centered on navigating complex geopolitical landscapes. For small states, this institutional support (RCEP) underpins their capacity to adjust diplomatically while retaining autonomy even amid larger power competition.

This essay raises three main considerations: foreign policy adjustments to RCEP due to economic incentives, geopolitical challenges, and the interplay of domestic considerations that underscore their foreign policy shifts.

The initial factor to consider is the adjustment of foreign policies in response to RCEP's economic incentives. The agreement's economic measures provide significant advantages to small states by lowering tariffs and non-tariff obstacles, simplifying rules of origin, and improving market access, particularly benefiting key sectors such as textiles, agriculture, and light manufacturing, which are vital to many small economies [RCEP ... , 2022]. The harmonization of the agreement facilitates the integration of small states into regional value chains, making it easier for them to attract foreign direct investment (FDI) and improve their export competitiveness. For example, textile exports from smaller ASEAN member states have been growing within the RCEP region, becoming a more substantial component of their economic activity and trade volume. Meanwhile, RCEP member countries are actively building and strengthening a regional supply chain for textiles and apparel [Lu, 2021]. In a similar vein, agricultural exports gain advantages from RCEP's trade facilitation measures, which both support smaller producers and broaden export prospects. The range of agricultural exports traded among RCEP members includes processed seafood, plywood, vegetables, fruits, tea, rice, fragrant coconuts, passion fruit, and durian. For instance, China primarily exports processed seafood, plywood, vegetables, fruits, and tea to fellow RCEP members like Japan and ASEAN countries. Moreover, ASEAN nations contribute unique products such as Cambodian rice, Thai fragrant coconuts, and Vietnamese passion fruit and durian, thereby strengthening agricultural trade integration within the RCEP framework [RCEP facilitates ... , 2022].

Economic necessities have driven small states to adopt more proactive foreign policies that emphasize trade liberalization, regional integration, and multilateral economic cooperation. The opportunities for expanded market access and more stable trade conditions offered by RCEP motivate these governments to adjust their strategies, focusing on enhancing capacities, improving infrastructure, and strengthening ties with nearby economies [Thangavelu, Urata, Narjoko, 2021].

A well-noted example of a state within ASEAN is Cambodia. In 2024, Cambodia's trade volume with RCEP member countries amounted to 34.52 billion USD, representing a 17.7 % rise from the previous year. Exports from Cambodia to RCEP countries also experienced substantial growth, increasing by almost 13 % [Cambodia's ... , 2025]. Cambodia's key partners include China, Vietnam, Thailand, Japan, and Singapore. RCEP acts as a catalyst for export growth and a magnet for foreign direct investment, helping Cambodia diversify exports in sectors like garments, agricultural products, and vehicle spare parts [Ibid]. Another example is Vietnam. The World Bank projects that Vietnam's GDP may grow by approximately 4.9 %, while exports could rise by 11.4 % by 2030, underscoring the important role of RCEP in driving the country's economic growth [RCEP creates ... , 2023].

The second consideration is geopolitical challenges: Balancing and Hedging amid Great Power Rivalry. While RCEP offers clear economic promise, small states are deeply embedded within a competitive geopolitical environment marked by the intensifying rivalry in the relationship involving the United States and China. This marathon-like rivalry compels small states to adopt nuanced foreign policies that tactically achieve equilibrium in economic advantages accruing from closer ties with China and security relationships anchored in the U. S. alliance system.

New Zealand exemplifies an asymmetric hedging approach by preserving a strong security partnership with the United States, while simultaneously leveraging the economic benefits of RCEP to expand its trade and investment ties with China and ASEAN. This approach illustrates small states' capacity to maneuver between competing interests to safeguard sovereignty and maximize national gains. Nevertheless, the increasing strategic assertiveness of China – manifest in military expansion and aggressive maritime policies – has prompted subtle shifts toward soft or limited hard balancing measures, including expanded military cooperation with Western partners and investments in defense capabilities [Capie, Ayson, 2024].

Beyond individual state management, ASEAN's centrality serves as a collective mechanism through which small states coordinate responses, strengthen bargaining power, and mitigate external coercion. These regional institutions buffer smaller states from becoming pawns in broader geopolitical contests, allowing space for collaboration in economic activities and political dialogue within RCEP's framework.

Nevertheless, dependencies on China, particularly via investment and infrastructure projects associated with the Belt and Road Initiative, along with trade flows under the Regional Comprehensive Economic Partnership, create conditions that may render smaller states susceptible to strategic pressures and vulnerabilities [Jiang, 2025]. This economic asymmetry underscores the importance of strategic diversification and diplomatic hedging to preserve autonomy and developmental priorities.

The third consideration is the interplay of domestic considerations that underscore their foreign policy shifts towards RCEP responses. Domestic politics markedly shape how small states respond to RCEP's regional economic order. Protective sentiments toward vulnerable sectors, labor groups, and local industries frequently engender resistance to rapid trade liberalization, tempering foreign policy enthusiasm for deep integration. Not just small states, even a giant state like India, the original RCEP member, chose to withdraw in late 2019 because of worries about competition from Chinese goods, particularly in the textiles and apparel sectors [Lu, 2021]. Moreover, India's decision to exit the RCEP negotiations was driven primarily by heightened worries about trade imbalances, limited market access, and the need to safeguard specific sectors, es-

pecially agriculture and manufacturing, highlighting significant internal challenges [Basrur, Mukherjee, 2023].

Extracting examples about India's withdrawal, small states face analogous tensions, as policymakers must mediate the benefits of economic integration against public concerns over social disruptions and economic inequality. Public opinion, interest group lobbying, and political stability considerations intricately influence these foreign policy decisions, often prompting calibrated or staggered liberalization approaches. Moreover, political leadership's capacity to navigate these domestic gradations hinges on institutional frameworks and the coherence of elite consensus [Michalski, Brommesson, Ekengren, 2024]. Theoretical frameworks based on role theory emphasize that domestically contested foreign policies – characterized by differing elite and public expectations – may limit the effectiveness of foreign policy adjustment and slow integration [Michalski, Brommesson, Ekengren, 2024]. Contestation manifests when public opinion and elite views diverge, necessitating negotiated compromises and incremental changes.

To fully harness the advantages of RCEP and reduce potential risks, small countries need to adopt strategies that encourage economic diversification, enhance capacity development, and build resilience against external shocks. Enhancing regional collaboration through ASEAN frameworks is essential for addressing external challenges, maintaining fair trade conditions, and enabling unified actions to tackle the economic imbalances arising from industrial overcapacity in major members, especially China [Kelly, Wester, 2025].

Diplomatic hedging, as shown by states including Singapore, New Zealand, etc., will likely persist as a pragmatic strategy to balance relations with competing powers, maintain autonomy, and safeguard developmental imperatives. Enhancing transparency, strengthening domestic trade remedy systems, and fostering policy coherence among different sectors can help reinforce this resilience. Finally, the ongoing involvement and leadership of small states within ASEAN and RCEP frameworks are crucial for resisting geopolitical divisions, strengthening their unified influence, and guiding the changing regional economic landscape toward policies that address both developmental needs and strategic considerations [Pangestu, Teguh, 2024].

The Regional Comprehensive Economic Partnership has transformed the economic and geopolitical landscape of the Asia-Pacific region. Small states navigate distinct economic incentives provided by RCEP alongside geopolitical constraints imposed by the U. S.-China rivalry. Employing hedging strategies, leveraging ASEAN's institutional centrality, and addressing domestic political realities constitute the core elements of their foreign policy adaptations.

Economic integration via RCEP offers enhanced access to markets, improved trade facilitation, and expanded investment prospects crucial for the development and diversification of small economies, especially in sectors such as

textiles, agriculture, and light manufacturing. However, smaller nations continue to be cautious of challenges, including strategic reliance on bigger economies, issues of industrial overcapacity, and the need to safeguard domestic industries against external influences.

Their responses underscore a pragmatic pursuit of sovereignty and stability, embracing multilateralism to optimize advantages while maintaining autonomous diplomatic space. As such, small states play an active role, not merely passive victims, within the region's dynamic geopolitical economy, crafting nuanced strategies that reconcile economic development with complex strategic environments. Ongoing research and policy attention are essential to understand the evolving agency of small states under RCEP, support institutional mechanisms that advance their interests, and promote an inclusive regional order conducive to sustainable prosperity and security in the region of Asia-Pacific region.

References

- Basrur R., Mukherjee R. Understanding India's exit from the RCEP: A "two-level game" explanation // *Asian Survey*. 2023. Vol. 64, N 1. P. 1–27.
- Cambodia's trade with RCEP countries hits 34.52 billion USD in 2024 // *Xinhua News*. 2025. URL: <https://english.news.cn/20250121/497c99a306df4055bb1c2936ca491200/c.html> (date of access: 12.05.2025).
- Capie D., Ayson R. Our region is now a strategic theatre: New Zealand's balancing act // *Pacific Review*. 2024. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09512748.2024.2314764> (date of access: 12.05.2025).
- Jiang W. Navigating from next door: How China's neighbours weather U. S.-China rivalry // *Peace&Diplomacy*. 2025. URL: <https://peacediplomacy.org/2025/04/03/navigating-trade-and-geopolitics-amid-u-s-china-rivalry-lessons-from-chinas-neighbours/> (date of access: 12.05.2025).
- Kelly B., Wester S. ASEAN caught between China's Export Surge and Global De-Risking // *Asia Society*. 2025. URL: <https://asiasociety.org/policy-institute/asean-caught-between-chinas-export-surge-and-global-de-risking> (date of access: 12.05.2025).
- Lu A. S. Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) and Textiles and Apparel (Updated November 2021) // *FASH455 Global Apparel & Textile Trade and Sourcing*. 2021. URL: <https://shenglufashion.com/2021/11/04/regional-comprehensive-economic-partnership-rcep-and-textiles-and-apparel-updated-november-2021/> (date of access: 12.05.2025).
- Michalski A., Brommesson D., Ekengren A.-M. Small states and the dilemma of geopolitics: role change in Finland and Sweden // *International Affairs*. 2024. Vol. 100, N 1. P. 139–157.
- Pangestu M., Teguh R. ASEAN needs to reclaim RCEP for Regional Economic Leadership // *East Asia Forum*. 2024. URL: <https://eastasiaforum.org/2024/09/15/asean-needs-to-reclaim-rcep-for-regional-economic-leadership/> (date of access: 12.05.2025).
- RCEP creates new growth driver for Vietnam's trade // *Viet Nam National Trade Repository*. 2023. URL: <https://vntr.moit.gov.vn/news/rcep-creates-new-growth-driver-for-vietnams-trade> (date of access: 12.05.2025).
- RCEP facilitates ASEAN countries' agricultural exports to China // *Belt and road portal*. 2022. URL: <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/p/289521.html> (date of access: 12.05.2025).
- RCEP: Implications, challenges, and future growth // *ERIA*. 2022. URL: <https://www.eria.org/uploads/media/Books/2022-RCEP-Book1/RCEP-Implications-Challenges-Future-Growth.pdf> (date of access: 12.05.2025).
- Small States Overview // *World Bank*. 2024. URL: <https://www.worldbank.org/en/country/smallstates/overview> (date of access: 12.05.2025).

Small States Reconsidered: Small is What WE Make of It // Columbia Journal of International Affairs. 2022. URL: <https://jia.sipa.columbia.edu/content/small-states-reconsidered-small-what-we-make-it> (date of access: 12.05.2025).

Small States update // World Bank. 2025. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/773f8552584ad085407766611c9bb058-0290012025/original/WB-Small-States-Newsletter1-apr2025.pdf> (date of access: 12.05.2025).

Thangavelu S., Urata S., Narjoko D. A. Impacts of the Regional Comprehensive Economic Partnership on ASEAN and ASEAN Least Developed Countries in the Post-pandemic Recovery // ERIA. 2021. URL: <https://www.eria.org/uploads/media/policy-brief/Impact-of-RCEP-in-ASEAN-post-pandemic-recovery-new.pdf> (date of access: 12.05.2025).

Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement // United States Department of State. 2017. URL: <https://2017-2021.state.gov/us-TPP-withdrawal/> (date of access: 12.05.2025).

УДК 327.7

Chilaphone Phoummakeo

Central China Normal University, Wuhan

PUBLIC PERCEPTION OF DEBT TRAP DIPLOMACY: A CASE STUDY OF LAOS

Abstract. This article is an investigation into how the China-Laos High-Speed Railway is discursively constructed under the framework of Debt Trap Diplomacy (DTD), a narrative often employed in the Western world to understand China's financial involvement with the developing world – a context we have come to know through the lens of the Belt and Road Initiative (BRI). While the railway is hailed as a key step in Laos' transformation from landlocked to land-linked, there are concerns globally that the country's debt burden could soar and that it could become strategically dependent on China. This research adopts a qualitative case study methodology to examine public discourse, media coverage, and expert commentary to elucidate how narratives of debt traps are read within and outside Laos. The paper shows that where foreign critics foreground the perils of sovereignty surrender, in Laos, popular sentiment is more sanguine, concentrating on national development and subregional connectedness. This clearly shows a huge difference between global interpretations of the situation and what is happening on the ground. The findings suggest that rather than being a passive victim, Laos plays an active role in shaping its cooperation with China, driven by domestic priorities and pragmatic diplomacy.

Keywords: debt trap theory, Belt and Road initiative, Laos-China High-Speed Railway, public perception, infrastructure diplomacy.

Чилафон Фуммакео

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ДИПЛОМАТИИ «ДОЛГОВОЙ ЛОВУШКИ» НА ПРИМЕРЕ ЛАОСА

Аннотация. Статья представляет собой дискурсивное исследование того, как строится высокоскоростная железная дорога Китай – Лаос в рамках дипломатии «долговых ловушек» (DTD), которая часто используется в западном мире для понимания финансового участия Китая в развивающихся странах – контекст, известный через призму международного опыта и инициативу «Один пояс – один путь» (BRI). Хотя строительство железной дороги рассматривается как ключевой шаг в преобразовании Лаоса из страны, не имеющей выхода к морю, в страну, связанную с сушей, во всем мире существуют опасения, что долговое бремя может

резко возрасти и что страна может стать стратегически зависимой от Китая. Используется качественная методология тематического исследования для изучения общественного мнения, освещения в средствах массовой информации и комментариев экспертов, чтобы выяснить, как воспринимается дискурс о долговых ловушках в Лаосе и за его пределами. Показывается, что там, где иностранные критики выдвигают на первый план опасность отказа от суверенитета, в Лаосе народные настроения более оптимистичны и сосредоточены на национальном развитии и субрегиональных связях. Это рисует четкую картину огромной разницы между глобальными интерпретациями ситуации и тем, что происходит на местах. Полученные данные свидетельствуют о том, что Лаос не является пассивной жертвой, а играет активную роль в формировании своего сотрудничества с Китаем, руководствуясь внутренними приоритетами и прагматичной дипломатией.

Ключевые слова: теория «долговой ловушки», инициатива «Один пояс – один путь» (BRI), высокоскоростная железная дорога Лаос – Китай, общественное мнение, инфраструктурная дипломатия.

In recent years, the narrative of “Debt Trap Diplomacy” (DTD) has gained significant traction in international discourse, particularly with China’s Belt and Road Initiative (BRI). This narrative, often propagated by Western scholars and media, suggests that China intentionally extends unsustainable loans to developing countries, trapping them in a cycle of debt and thereby gaining strategic leverage [Chellaney, 2017]. Laos, with its significant involvement in the China-Laos High-Speed Railway project, has become a focal point of this debate. Western observers argue that Laos is on the brink of a debt crisis, potentially leading to bankruptcy and strategic dependency on China [Walker, 2024]. However, this narrative is far from universally accepted, especially when considering the local perspectives and realities within Laos.

The China-Laos High-Speed Railway, inaugurated in December 2021, is a flagship project of the BRI. Costing approximately USD 5.9 billion, the railway connects Vientiane, the capital of Laos, to Kunming in China’s Yunnan province. Laos financed its 30 % share in the project through substantial loans from China, which has raised concerns about the country’s debt sustainability. Proponents of the project highlight its potential to reduce transportation costs, boost trade, tourism, and logistics, thereby transforming Laos from a landlocked to a land-linked country. However, critics argue that the heavy debt burden could lead to long-term economic and political vulnerabilities for Laos.

The origins of the DTD narrative can be traced back to geopolitical competition, particularly between the United States and China. Western media and policymakers have played a significant role in shaping and disseminating this narrative, often using it to highlight perceived risks associated with China’s BRI projects [Himmer, Rod, 2022]. For instance, several Western media outlets have published articles claiming that Laos is on the verge of a debt crisis due to its participation in the China-Laos Railway project [Strangio, 2021]. These reports tend to focus on the high cost of the project and the large loans involved, while neglecting the potential long-term benefits. Such sensationalist reporting has

contributed to a widespread perception that Laos is in a precarious economic situation, primarily due to its engagement with China.

However, this narrative is often oversimplified and fails to account for the broader context of Laos' economic development needs and strategies. Laos is a landlocked country with a predominantly agricultural economy, and in recent years, the government has been focusing on infrastructure development to boost economic growth and reduce poverty [Bhatt, 2023]. The China-Laos Railway is a major infrastructure project to improve connectivity and facilitate trade between Laos and its neighboring countries. Laos' debt structure is diverse, with both domestic and external debt components [International Monetary Fund, 2023; World Bank, 2023]. While external debt does play a significant role, it is important to note that Laos' major creditors include international financial institutions such as the IMF and the World Bank, in addition to bilateral lenders like China. The terms of these loans are often negotiated based on Laos' development needs and repayment capacity.

To understand the reality of Laos' debt situation, it is essential to examine the country's economic context and the nature of its debt. Despite facing challenges, Laos has shown resilience in managing its debt obligations. The government has been working closely with international financial institutions to develop sustainable debt management plans. These efforts include debt restructuring and the implementation of economic reforms to boost growth and reduce vulnerabilities [International Monetary Fund, 2023; World Bank, 2023]. The role of international financial institutions such as the IMF and the World Bank is also significant in supporting Laos' debt sustainability efforts. These institutions provide technical assistance and financial support to help Laos manage its debt and improve its economic outlook.

Public perception of Laos' debt situation in the West is heavily influenced by media coverage and political discourse. Western media often highlights the risks associated with large-scale infrastructure projects, particularly those funded by China [Strangio, 2021]. This has led to a widespread belief that Laos is in a debt trap, primarily due to its engagement with China. For example, several articles have suggested that Laos may struggle to repay its loans, leading to potential economic and political instability. Political discourse in Western countries also plays a significant role in shaping public opinion. Policymakers and think tanks often use the debt trap narrative to criticize China's economic strategies and advocate for alternative approaches [Jones, Hameiri, 2020]. This has contributed to a perception that China's BRI projects are inherently risky and detrimental to the economic sovereignty of recipient countries. Public opinion surveys in the West generally reflect these concerns, with many respondents expressing skepticism about the benefits of BRI projects.

In contrast to Western perceptions, local views in Laos are often more nuanced and context-driven. The government of Laos has emphasized the im-

portance of infrastructure development for economic growth and poverty reduction [Manop Nokkaew, Nongpong, 2024]. Officials and economic experts argue that projects like the China-Laos Railway are essential for improving connectivity and creating new economic opportunities. While acknowledging the challenges associated with debt management, they stress the need for a balanced approach that considers both short-term risks and long-term benefits. Public opinion in Laos is also shaped by local media and social media platforms. Surveys and focus groups indicate that many Laotians are aware of the potential risks associated with large-scale infrastructure projects. However, they also recognize the importance of these projects for their country's development. Local communities along the route of the China-Laos Railway have reported positive impacts such as improved transportation and increased economic activity.

China's approach to infrastructure investment is guided by the principles of mutual benefit and sustainability. China evaluates and manages the risks associated with large-scale infrastructure projects through comprehensive feasibility studies and long-term planning. The China-Laos Railway is a prime example of how China's investments align with Laos' development goals. The project is expected to boost economic growth, reduce poverty, and improve regional connectivity. China has also been proactive in addressing debt concerns. In cases where recipient countries face repayment difficulties, China has provided debt restructuring and financial assistance. For example, China has worked closely with Laos to ensure that the country's debt remains sustainable and manageable [Ji, Liu, 2020]. This approach reflects China's commitment to supporting the long-term development of its partner countries. Public opinion in China is generally supportive of the country's role in international development. The Belt and Road Initiative is seen as a way to promote global economic growth and regional cooperation. China's investments in infrastructure projects like the China-Laos Railway are viewed as positive contributions to the development of recipient countries.

The findings of various studies and analyses suggest that Laos, rather than being a passive victim, plays an active role in shaping its cooperation with China, driven by domestic priorities and pragmatic diplomacy. The government of Laos has been proactive in managing its debt and ensuring the sustainability of major infrastructure projects. This includes working closely with international financial institutions to develop debt management strategies and implementing economic reforms to boost growth. The local public opinion in Laos reflects a more optimistic outlook, focusing on national development and regional connectivity. This contrast reveals a significant gap between international perception and local realities.

To evaluate the sustainability of Laos' debt, it is crucial to examine the country's economic growth trends and debt management strategies. Despite facing challenges, Laos has shown resilience in managing its debt obligations. The

government has been working closely with international financial institutions to develop sustainable debt management plans. These efforts include debt restructuring and the implementation of economic reforms to boost growth and reduce vulnerabilities. The role of international financial institutions such as the IMF and the World Bank is also significant in supporting Laos' debt sustainability efforts. These institutions provide technical assistance and financial support to help Laos manage its debt and improve its economic outlook. Looking forward, the potential for economic diversification and sustainable growth remains a key priority for the government. International cooperation, including continued engagement with China and other partners, will be essential in addressing debt challenges and promoting long-term economic stability.

In conclusion, the public perception of DTD in Laos is complex and often diverges from dominant international narratives. While foreign commentators focus on strategic risk and debt dependency, Laotians generally perceive the railway as a development opportunity. The findings challenge the universality of the debt trap theory and underscore the importance of including local voices in global policy debates. Moving forward, more empirical studies are needed to understand how citizens in other BRI countries perceive Chinese investment. The case of Laos highlights the need for a nuanced understanding of the economic, social, and geopolitical factors at play in China's infrastructure investments. It also underscores the importance of recognizing the agency of recipient countries in shaping their development trajectories.

References

- Bhatt A. Laos Is Not in a Chinese “Debt Trap” – But It Is in Trouble // *The Diplomat*. 2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/04/laos-is-not-in-a-chinese-debt-trap-but-it-is-in-trouble/> (date of access: 18.05.2025).
- Chellaney B. China's Debt Trap Diplomacy // *Project Syndicate*. 2017. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-debt-trap-diplomacy-by-brahma-chellaney-2017-01> (date of access: 18.05.2025).
- Himmer M., Rod Z. Chinese Debt Trap Diplomacy: Reality or Myth? // *Journal of the Indian Ocean Region*. 2022. N 18, Iss. 1. P. 1–15.
- International Monetary Fund. IMF Country Report № 23/171. Lao People's Democratic Republic. Washington, D. C., 2023. 214 p.
- Ji F., Liu X. China's Debt Trap Theory: Challenges and Countermeasures. Beijing : Chinese Academy of Social Sciences, 2020. 118 p.
- Jones L., Hameiri S. Debunking the Myth of “Debt-trap Diplomacy”. London : Chatham House, 2020. 311 p.
- Manop Nokkaew K., Nongpong P. Analyzing Online Public Opinion on Thailand-China High-Speed Train and Laos-China Railway Mega-Projects Using Advanced Machine Learning for Sentiment Analysis // *Social Network Analysis and Mining*. 2024. Vol. 14. P. 112–120.
- Strangio S. Laos-China Railway Inaugurated Amid Mounting Debt Concerns // *The Diplomat*. 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/12/laos-china-railway-inaugurated-amid-mounting-debt-concerns/> (date of access: 18.05.2025).
- Walker T. Is Laos facing a China debt trap? // *Deutsche Welle*. 2024. URL: <https://www.dw.com/en/is-laos-facing-a-china-debt-trap/a-69743921> (date of access: 18.05.2025).
- World Bank. Lao People's Democratic Republic: Joint Bank-Fund Debt Sustainability Analysis. Washington, D. C., 2023. 314 p.

汉唐女训的嬗变研究

- - 以陕西地区为中心的考察

摘要: 汉唐时期, 政治稳定、经济繁荣、文化昌盛, 丝绸之路促进了中外交流。在此背景下, 女训教育成为反映女性地位与社会文化的重要窗口。汉代儒家思想盛行, 女训主要在家庭范围内开展, 以培养传统美德和家务技能为主, 以刘向《列女传》和班昭《女诫》为代表。至唐代, 女训教育突破传统框架, 融入文学、艺术及政治领域, 以《女论语》等文献为代表。陕西地区作为汉唐政治文化中心, 其女训教育既传承传统, 又体现时代特色。研究通过运用文献分析、历史考察、比较研究等研究方法, 揭示汉唐女训文献内容从侧重家庭角色逐渐转向关注女性个人修养和社会参与, 反映出社会对女性角色和教育观念的转变。这一转变提升了女性的自我认知和社会地位, 使女性成为文化传承和社会变革的积极力量。本文聚焦汉唐时期陕西地区的女训教育, 深入探究其嬗变的历史经验, 有助于深入理解古代社会性别角色和教育观念, 为当代性别平等和女性发展提供重要启示。本文节选自同名著作前言, 内容包括著作的研究背景、研究意义、研究范围和研究方法。

关键词: 汉唐女训; 陕西地区; 文化嬗变

Feng Zhixun

Irkutsk State University, Irkutsk

A STUDY ON THE EVOLUTION OF WOMEN'S EDUCATION IN THE HAN AND TANG DYNASTIES – A STUDY CENTERED ON SHAANXI

Abstract. During the Han and Tang dynasties, the political situation was stable, the economy was prosperous, and the culture flourished. The Silk Road promoted exchanges between China and foreign countries. Against this background, women's education became an important window to reflect the status of women and social culture. Confucianism was prevalent in the Han Dynasty, and women's education was mainly carried out within the family, focusing on cultivating traditional virtues and housework skills, represented by Liu Xiang's Biographies of Women and Ban Zhao's Admonitions for Women. In the Tang Dynasty, women's education broke through the traditional framework and integrated into the fields of literature, art and politics, represented by literature such as The Analects of Women. As the political and cultural center of the Han and Tang dynasties, Shaanxi's women's education not only inherited traditions but also reflected the characteristics of the times. By using research methods such as literature analysis, historical investigation, and comparative research, this study reveals that the content of women's education literature in the Han and Tang dynasties gradually shifted from focusing on family roles to focusing on women's personal cultivation and social participation, reflecting the change in society's views on women's roles and education. This changes enhanced women's self-cognition and social status, making women a positive force in cultural inheritance and social change. This article focuses on women's education in Shaanxi during the Han and Tang dynasties, and explores its historical experience of evolution, which helps to understand the gender roles and educational concepts of ancient society, and provides important inspiration for contemporary gender equality and women's development. This article is excerpted from the preface of the book of the same name, and its content includes the research background, research significance, research scope and research methods of the book.

Keywords: women's education in the Han and Tang dynasties, Shaanxi region, cultural evolution.

一、研究背景与意义

（一）研究背景

研究汉唐时期的中国古代女训教育为我们提供了一个独特的窗口，通过这个窗口，我们不仅能够洞察到那一时代特有的教育形态，还能深入了解古代社会结构和文化变革的核心要素。汉唐时期，这两个历史时期在中国历史上占据着至关重要的地位，它们不仅见证了中国历史的辉煌时刻，也代表了社会各领域的全面发展和进步。

从政治稳定和经济发展的角度来看，汉唐两朝的建立和发展，为社会稳定和经济繁荣奠定了基础。政治上，汉朝的建立结束了秦朝的严酷统治和楚汉争霸的混乱局面，而唐朝的建立则结束了长达近一世纪的分裂和战乱。在这两个朝代的统治下，中国历史上出现了罕见的长期政治稳定时期，这为经济发展和文化繁荣提供了重要的外部条件。在经济领域，汉唐时期的农业、手工业和商业均经历了显著的发展，其中，丝绸之路的建立和利用在这一时期尤为重要。汉代就已经开始对中国与亚欧大陆其他部分的经济文化交流产生了深远的影响。汉代特别是在汉武帝时期，张骞克服重重困难不辱西域使命，中国开始了对丝绸之路的探索与利用，这不仅标志着中国与西域以及更远的亚欧地区直接联系的开始，也为后来的唐代丝绸之路的繁荣奠定了基础。汉代的丝绸之路主要通过陆地连接中国与中亚、欧洲，成为了一条重要的经济和文化交流通道。这条路线的开通促进了丝绸等中国商品的西行，同时也使得西方的金银、宝石以及罗马玻璃等商品流入中国，极大地丰富了中国物质文化。此外，汉代的丝绸之路还促进了宗教、科技和文化的交流，佛教就是在这一时期通过丝绸之路传入中国的。进入唐代，随着国力的进一步增强和国际影响力的扩大，丝绸之路的贸易和文化交流活动达到了顶峰。唐代的长安成为了东西方文化交流的中心，通过丝绸之路，中国的丝绸、瓷器、茶叶等商品远销海外，同时也吸引了大量外国商人、学者和僧侣来到中国，使得中国与亚欧大陆其他部分的经济文化交流更加频繁。汉代丝绸之路的建立和发展，不仅促进了中国与亚欧大陆其他部分的经济文化交流，也为唐代丝绸之路的繁荣提供了坚实的基础。在这一重要的交流通道中，中国经济在汉唐时期达到了新的高度，这是中国古代对外开放和交流早期实践重要成果，对后世产生了深远的影响。文化艺术的繁荣是汉唐时期的另一显著特点。在这一时期，无论是文学、绘画、音乐、建筑还是雕塑，都达到了前所未有的高度。汉

代的汉赋、唐代的唐诗，都成为了中国文学史上的瑰宝。同时，佛教的传入和发展，也极大地丰富了汉唐时期的文化艺术，促进了中国传统文化的多元化发展。

在这样的社会政治和文化背景下，女训教育作为当时女性生活和社会地位的重要反映，展现了女性在古代社会中的独特地位和角色。我们深入研究汉唐时期的女训教育，我们不仅能够更好地理解这一时期的社会结构和文化变革，也能够洞察到女性在古代社会中的角色和地位以及这些角色和地位随着时代变迁的演变过程。这对于今天的我们，理解性别平等和女性发展的历史脉络，具有重要的启发意义。

在汉代，随着儒家思想的官方化和广泛推广，女性教育开始受到重视，虽主要局限于家庭范围内，以培养贞洁、顺从及家务管理等传统美德为核心。这一时期，女性通过诗歌、书信等方式展示才华和智慧，这些作品尽管受限於家庭内部，但却成为家族女性成员学习和成长的重要资料。东汉末期的女训教育，反映了古代中国社会在继承与创新之间的努力作到性别教育的平衡。女性家庭教育不仅侧重于德行和道义的培养，也注重家庭生活技能的教授，旨在培育既有高尚道德品质又能应对日常生活需求的女性。这种教育模式体现了社会对女性角色的双重期待：既是家庭道德的传承者和楷模，又是高效的家务管理者。教育内容围绕忠孝仁爱等儒家传统美德，强调女性遵循的“三从四德”，通过家庭口头教学、经典诵读和日常实践传授。金璐璐：汉代女训比较研究 / 教育评论/2010 (02),pp. 122-124. 同时，生活技能教育包括烹饪、纺织等实用技能，关系到家庭经济基础和日常运作，使女性能够支持家庭经济，特别是在农业为主的社会背景下。此时期，刘向的《列女传》和班昭的《女诫》成为中国女性教育史上的标志性著作，它们不仅传递了关于女性德行和行为准则的知识，也体现了对女性角色和教育价值的深刻理解。《列女传》通过列举历史上贤妻良母的典范，强调了女性在维护家庭和社会稳定中的重要作用。《女诫》则从母亲对女儿的教诲角度，详细论述了女性应具备的德行和行为规范，体现了细致入微的女性教育。东汉末期这两部女训教育著作呈现出的特点，不仅是对女性传统角色的期望，同时也及力追求塑造女性角色的全面发展，体现了对女性全面价值的认可。【明】吕坤.女诚闺范/上上海古籍出版社/2020. 这种中国传统家庭女性教育模式的发展，为后世女性教育提供了经验和启

示，强调了道德修养与实用技能并重的重要性，反映了社会对教育内容和方法不断探索和调整的进步过程，以适应社会的变革和发展。

唐代女训教育是中国历史上的黄金时期，其教育范围从传统的德行教育拓展至文学、艺术乃至政治领域，显著提升了女性的社会地位。这一时期，女性教育成就的多样化不仅体现在丰富的家训文献如《女论语》《女仪》及《续曹大家女训》等，这些作品既彰显了对女性传统德行的坚守，也展示了对女性独立人格和智慧的赞赏。特别是《女论语》的流传，标志着女训教育在文化传承与创新中的积极作用。马静:唐代女性道德形象的塑造/西夏研究/2017, (04),pp. 101-111.唐代女性通过诗文、书法、绘画等艺术形式表达自我，如宋若莘、宋若昭姐妹的文学才华，崔氏夫人的家教文，女训教育的形式趋于广泛性和多样性。同时，女性的参与权从家庭延伸到政治和经济领域，武则天的政治才能尤为突出，从女性地位的角度来看，这是中国历史上女训教育的最高成果。唐代女训教育呈现出明显的阶层差异，皇族和贵族女性接触更广泛的知识领域，而普通女性的教育侧重于实用技能。无论社会地位高低，这种教育模式强调培养女性的道德品质和社会适应能力。通过教育，唐代女性不仅在家庭中占据重要位置，也在文化和政治领域发挥影响，推动了社会对女性能力和贡献的重估，并为争取更多社会权利奠定了基础。总而言之，唐代女训教育不仅是中国女性教育史上的一个里程碑，也为女性在各领域的全面发展提供了坚实基础，对后世女性教育产生了深远的影响。

陕西地区，作为汉唐政治和文化的中心，特别是长安（今西安市），不仅是帝王的都城，也是东西方文化交流的重要枢纽。这一地区的女训教育和实践，不仅继承了儒家的“内外之分”传统，也体现了时代背景下对女性才智和德行的重视，反映了文化传承和教育观念的特殊性和多样性。尽管汉唐时期女训教育的研究在学术界仍不足，尤其是对陕西地区的系统性研究较少，但深入分析这一时期的女训教育及其相关文献，我们能够揭示女训内容的变迁及其背后的社会文化因素。这不仅有助于我们更全面地理解古代社会的性别角色和教育观念，也为今天的性别平等和女性发展提供了重要的启发意义。通过对汉唐时期女训教育的研究，我们可以看到女性在教育和文化领域展现出的力量，这些成就是古代女性为追求个人发展和表达个性的体现，同时也为理解该时期社会结构和文化变迁提供了丰

富的内容和视角。陕西地区的女训教育和实践，不仅是研究古代女性社会地位变迁的重要资料，也是理解社会文化多元性和开放性的重要视角，对探索性别平等、教育多元化以及文化遗产的现代意义具有深远的影响。

（二）研究意义

在探索人类历史和社会发展的浩瀚长河中，教育作为文明传承和社会进步的重要工具，一直扮演着至关重要的角色。尤其是女性教育，它不仅反映了一个时代的文化和价值观，也是衡量社会进步和性别平等的重要标尺。在进一步深入探讨汉唐时期，尤其是陕西地区女训教育的理论意义时，本研究不仅注重其历史和文化背景的广泛研究，还特别关注了一些关键的女训文献，《女诫》、《列女传》、《女论语》和《女孝经》等重要女训文献的分析，这些文献为我们理解那个时代女性教育的特点和变迁提供了宝贵的直接资料。在当代社会，性别平等和女性发展仍然是全球性的挑战和追求。本研究通过深入探讨汉唐时期特别是陕西地区的女训教育，将女训文献中的积极、进步思想和价值融入到当代教育中，不仅能够促进性别平等和女性的全面发展，也有助于培养出更具有全球视野、道德责任感和独立思考能力的下一代。这样的教育不仅仅是对古代教育理念的传承，更是对现代社会发展需求的积极回应。

二、研究范围与方法论

在深入探索“汉唐女训的嬗变研究——以陕西地区为中心的考察”这一主题时，我们不仅需要将研究范围设定得广泛和深入，还特别重视汉朝至唐朝这一时间跨度的重要性。这一时期不仅是中国历史和文化的重大转折点，也标志着女性角色和地位经历了显著的变化。汉朝与唐朝作为中国历史上两个极为重要的朝代，它们在推动社会结构变革、塑造文化价值观，以及发展教育理念方面起到了决定性的作用，从而为研究古代中国女性的生活、教育及其在社会中的地位提供了独特而丰富的历史背景。

地理上，选择陕西地区作为“汉唐女训嬗变研究”的中心，不仅因为其独特的历史地位和丰富的文化遗产，更因为这一地区在中国古代历史上扮演了无可替代的角色。特别是长安（现西安），作为西汉与唐代的都城，它不仅是当时政治权力的集中地，也是经济和文化交流的枢纽，吸引了来自国内外的学者、文人、艺术家以及宗教使者；东汉时期的长安虽然

不是当时的政治中心，但作为陪都¹，仍是东汉王朝版图中重要的组成部分之一。这样的社会环境，为女训教育提供了独特的发展机遇和条件，使得女训文献在这一地区得到了丰富和发展，同时也反映了该地区女性在家庭和社会中角色的多层次演变。

长安作为古代东西方文化交流的桥梁，通过丝绸之路连接了远东与欧亚大陆的其他部分，使得陕西成为了一个多元文化融合的中心。这种文化的融合和交流不仅丰富了陕西地区的文化景观，也为女训教育带来了新的内容和形式。例如，佛教从印度传入后，其关于平等和慈悲的教义对传统儒家关于女性角色的定义产生了挑战和影响，为女性提供了更多的教育机会和社会参与的可能性。

此外，陕西地区在汉唐时期的经济繁荣也为女训教育提供了物质基础。随着商业和手工业的发展，以及农业生产力的提高，社会整体富裕度的增加为文化事业和教育事业的发展创造了条件。这使得更多的家庭有能力、有意愿投资于女性的教育，这些投资不仅限于家庭内部的传统教育，也包括书法、绘画、文学创作等艺术教育，以及佛教和道教知识的学习。

在陕西地区特有的社会环境和文化氛围中，汉代著名的女性人物，她们通过自己的知识、才能和行动在公众视野中占据了一席之地，对后世产生了深远的影响。其中最著名的例子包括出生于扶风安陵（今陕西咸阳）的班昭，她不仅是一位才华横溢的女性学者，还是《汉书》的完成者之一。班昭以其广博的学识和卓越的文学造诣，填补了《汉书》的空白，成为中国历史上第一位女性史学家，她的成就体现了汉代女性在学术和文化领域可以达到的高度。此外，《列女传》中记载的许多女性名人，如卷氏、黄妃等，她们以贞烈、智慧或柔弱的品质成为后世崇敬的对象，这些故事强调了女性在维护家庭、社会和国家利益中的积极作用。《列女传》不仅是汉代女性教育的重要文献，也是研究古代中国女性角色和地位的宝贵资料，展现了当时社会对女性德行和才华的认可和尊重。在唐代，随着社会开放度的增加和频繁的文化活动，女性在文学、艺术乃至政治上的参与度明显提高。长安等地成为了女性展示才华和参与社会活动的重要舞

台。唐代女性如薛涛、鱼玄机等通过自己的诗歌和书法作品，不仅表达了个人的情感和见解，也反映了当时女性对自我定位和社会角色的思考。这些女性的成功和社会认可，标志着社会对女性角色和能力认识的进步，同时也反映了女训教育的成果和社会文化氛围的变化。

通过对汉代及唐代陕西地区女性才华展示和社会活动参与的观察，我们不仅可以看到女性在不同历史时期内如何通过教育和个人努力挑战和扩展了她们的社会角色，也能够深刻理解教育和社会文化环境在塑造性别角色和提升女性社会地位中的重要作用。这些历史人物和故事为当代推动性别平等和女性全面发展提供了宝贵的历史经验和启示。因此，陕西地区不仅因其独特的地理位置和历史地位成为汉唐女训嬗变研究的理想中心，更因其特有的文化环境和社会结构为探究女训教育和社会地位的变迁提供了丰富的实证材料和独到的视角。这一地区的研究不仅能够揭示汉唐时期女训教育和女训的具体内容和形式，还能深入理解这一时期女性在社会中的地位变化，以及这些变化对后世女性教育和社会地位的影响。赵咏秋：汉代女教理想女性形象建构/兰州大学/2020.王艳秋：唐代女教文献简述/时代文学/2010, (11) pp. 218-219.

在内容上，本研究深入分析了女训文献的内容嬗变，这一分析不仅关注于家庭伦理、女性德行，以及教育内容等传统领域，还包括了对女性自我认知、社会地位以及在文化遗产中角色的探讨。通过对汉唐时期女训文献的比较分析，本研究揭示了随时间推移社会对女性角色和教育观念的深刻变化，这种变化不仅体现在文献的记载中，也显现在实际的社会实践和文化遗产中。

汉朝时期的女训文献主要强调女性在家庭中的角色和责任，如忠贞、顺从以及其他与家庭和谐相关的德行。这些文献反映了儒家思想对女性角色的定义，即女性应该致力于成为贤妻良母，她们的价值和地位主要通过家庭角色来体现。然而，到了唐朝，随着社会的开放和文化的多元化，女性的教育和角色开始出现更为广泛的变化。女训文献开始包含更多关于女性个人修养、文学艺术教育乃至政治参与的内容，反映了社会对女性角色的重新认识和评价。

此外，本研究还特别关注了女性如何通过教育改变自我认知以及在社会和文化遗产中的角色。在汉唐时期，随着教育内容的扩展，女性开始有

机会接触到文学、哲学，甚至政治等领域的知识，这不仅丰富了她们的内在世界，也提高了她们的社会地位和影响力。女性通过教育获得的知识和技能，使她们能够在文化传承中扮演更为积极的角色，不仅仅是作为传统道德和家庭价值观的传递者，更是作为文化和知识的创造者和传播者。

汉唐时期的女训教育和女训文献的变化，从某种程度上反映了当时社会对女性角色和能力的重新评价和认识。随着时间的推移，女性在文化、教育，甚至政治领域的参与度逐渐提高，她们的社会地位和影响力也随之增强。这一变化不仅体现在女性能够接受更广泛的教育，还体现在她们开始参与到文学创作、艺术活动、宗教事务乃至政治决策中，成为社会变革和文化发展的重要力量。

特别值得注意的是，教育使得女性开始重塑自我认知和社会角色。受过教育的女性开始质疑传统的性别角色划分，寻求更广泛的社会参与和个人发展空间。例如，唐代女诗人如薛涛、鱼玄机不仅以其诗歌才华著称，还通过作品表达了对女性角色和社会地位的思考和挑战。这些女性的生活和作品，成为后世女性争取教育和社会地位的重要参考和灵感来源。

在文化传承方面，受教育的女性通过创作文学作品、参与艺术活动和教育教学，积极参与到文化的保存和创新中，促进了文化多样性和社会进步。她们不仅传承了传统文化，还引入了新的思想和观念，推动了文化的发展和变革。

综上所述，汉唐时期女训教育的发展和女训文献的嬗变，不仅改变了女性的自我认知和社会角色，还促进了女性成为文化传承和社会变革中的积极参与者。这一历史经验为今天推动性别平等、提高女性教育和社会地位提供了宝贵的启示和灵感。

通过对这些女训文献的内容变化的深入探讨，本研究不仅揭示了古代中国女训教育和社会地位变化的历史脉络，也展现了女性如何在不同历史时期内，通过教育和个人努力，挑战和扩展了她们的社会角色和文化影响力。这一发现对于理解性别平等、女训教育以及文化传承的重要性具有深远的意义，同时也为当代推动性别平等和女性全面发展提供了宝贵的历史经验和启示。

为了达到上述研究目的，本研究采用了文献分析、历史考察和比较研究等多种方法。通过对汉唐时期陕西地区女训文献的全面梳理和深入分

析，我们旨在揭示女性角色和教育观念的历史嬗变过程。这不仅为理解中国古代女性的社会地位提供了新的视角，也为当前关于性别平等和女性教育的讨论提供了历史背景和深度洞见。通过这一研究，我们期望能够为女性历史和教育史的研究领域贡献出新的理解和解释框架。

附录 现存汉唐时期女训文献一览表^[1] 汤慧敏:汉唐时期女训研究/ 南京师范大学/2009, pp. 52.

年代	作者	作品	备注	来源
东汉	班昭	《女诫》	七篇	《后汉书》卷八十四《列女传》 《古今图书集成·明伦彙编·媛典》卷二《闺媛总部总论》 《文渊阁四库全书·子部·杂家类》之《说郛》卷七十下 《全后汉文》卷九十六
东汉	蔡邕	《女训》	一篇	《太平御览》卷五百七十七 《全后汉文》卷七十四
		《女诫》	一篇	《全后汉文》卷七十四
东汉	荀爽	《女诫》	一篇	《艺文类聚》卷二十三 《古今图书集成·明伦彙编·媛典》卷四《闺媛总部艺文》 《全后汉文》卷六十七
东汉	杜泰姬	《戒诸女及妇》	一篇	《华阳国志》卷十《先贤士女总赞论》《古今图书集成·明伦彙编·闺典》卷二十三《闺淑部》 《文渊阁四库全书·子部·杂家类》之《说郛》卷五十八下《梓潼士女志》 《全后汉文》卷九十六
东汉	杨礼珪	《敕二妇》	一篇	《华阳国志》卷十《先贤士女总赞论》 《古今图书集成·明伦彙编·闺媛典》卷二十三《闺淑部》 《文渊阁四库全书·子部·杂家类》之《说郛》卷五十八下《梓潼士女志》 《全后汉文》卷九十六
东汉	皇甫规	《女师箴》	一篇	《艺文类聚》卷十五
魏	程晓	《女典篇》	一篇	《艺文类聚》卷二十三 《古今图书集成·明伦彙编·闺媛典》卷四《闺媛总部艺文》 《全三国文》卷三十九
西晋	杜预	《女记》 (作《列女记》)	不详	《艺文类聚》卷八十六
晋	张华	《女史箴》	一篇	《古今图书集成·明伦彙编·闺媛典》卷四《闺媛总部艺文》 《全晋文》卷五十八

晋	裴頠	《女史箴》	一篇	《艺文类聚》卷十五 《古今图书集成·明伦彙编·闺媛典》卷四《闺媛总部艺文》 《全晋文》卷三十三
南朝宋	虞通之	《妒妇记》	不详	《艺文类聚》卷十八、卷三十五 《太平御览》卷五百二十一、卷七百五十八、卷九百六十七
南朝宋	刘义庆	《贤媛》	一篇	《世说新语》卷下之上
后魏	崔浩	《女仪》	一篇	《全后魏文》卷二十二
唐	侯莫陈邈妻郑氏	《女孝经》	十八章	《古今图书集成·明伦彙编·闺媛典》卷二《闺媛总部总论》 《文渊阁四库全书·子部·杂家类》之《说郛》卷七十下
唐	宋尚宫	《女论语》	十二章	《古今图书集成·明伦彙编·闺媛典》卷二《闺媛总部总论》 《文渊阁四库全书·子部·杂家类》之《说郛》卷七十下
唐	李商隐	《教女十则》	十则	《古今说海》卷一百三十三《说纂》 《文渊阁四库全书·子部·杂家类》之《说郛》卷七十六《义山杂纂》

УДК 327.57

Nguyễn Lê Yến Linh

Đại học Tổng hợp Hữu nghị các dân tộc Nga mang tên Patrice Lumumba, Moscow

TƯ TƯỞNG “NGOẠI GIAO CÂY TRE” CỦA VIỆT NAM TRONG GIẢI QUYẾT TRANH CHẤP Ở BIỂN ĐÔNG: KIẾN ĐỊNH TRONG NGUYÊN TẮC, LINH HOẠT TRONG HÀNH DỘNG.

Tóm tắt: Bài viết phân tích tư tưởng chiến lược “ngoại giao cây tre” như một đặc trưng của chính sách đối ngoại Việt Nam trong bối cảnh tình hình thế giới có nhiều biến động phức tạp, nhất là những vấn đề xoay quanh Biển Đông. Thông qua việc phân tích chính sách và hành động thực tiễn của Việt Nam ở khu vực này, tôi muốn làm rõ vai trò của chiến lược ngoại giao cây tre trong việc bảo vệ chủ quyền, duy trì hòa bình và thúc đẩy hợp tác, ổn định khu vực. Tư tưởng “ngoại giao cây tre” không chỉ là một chiến lược mang đậm bản sắc văn hóa, tinh thần của Việt Nam mà còn thể hiện một đường lối đối ngoại độc lập, sáng tạo, độc đáo, phù hợp với sức mạnh nội lực của đất nước và sự biến động toàn cầu.

Từ khóa: ngoại giao cây tre, Biển Đông, cây tre, UNCLOS, chính sách 4 không, kiên định, linh hoạt.

THE “BAMBOO DIPLOMACY” STRATEGY OF VIETNAM IN ADDRESSING THE SOUTH CHINA SEA DISPUTE: FIRM IN PRINCIPLE, FLEXIBLE IN ACTION

Abstract. This paper analyzes the strategic doctrine of “bamboo diplomacy” as a distinctive feature of Vietnam's foreign policy amid a complex and volatile international context, particularly regarding the South China Sea issue. By examining Vietnam's policies and practical actions in this region, the study aims to clarify the role of bamboo diplomacy in safeguarding national sovereignty, maintaining peace, and promoting regional cooperation and stability. The bamboo diplomacy doctrine not only embodies the cultural identity and spirit of Vietnam, but also reflects an independent, creative, and unique foreign policy approach – one that aligns with the country's internal strength and responds effectively to global transformations.

Keywords: bamboo diplomacy, the South China Sea, bamboo, UNCLOS, four-no policy, principle, flexibility.

Chính trường thế giới từ đầu thế kỷ XXI đến nay đặc trưng bởi những thay đổi sâu sắc, phức tạp với những diễn biến khó lường xoay quanh lợi ích chiến lược của mỗi quốc gia và những điểm nóng chính trị. Biển Đông, với vị trí chiến lược quan trọng và giàu tài nguyên thiên nhiên trở thành điểm nổi bật của những tranh chấp đa tầng và phức tạp. Trong bối cảnh đó, Việt Nam không lựa chọn những biện pháp đối đầu cực đoan mà chủ động tìm kiếm các giải pháp linh hoạt, mềm dẻo, giữ vững tinh thần độc lập, tự chủ mà biểu tượng sinh động là tư tưởng “ngoại giao cây tre”. Tư tưởng này thể hiện lập trường kiên định, nhất quán của Việt Nam về nguyên tắc, những cũng mềm dẻo, linh hoạt trong hành động nhằm bảo vệ lợi ích, chủ quyền quốc gia, đồng thời thúc đẩy môi trường đối thoại trong khu vực đồng thời chứng tỏ ý chí kiên cường cùng bản lĩnh trí tuệ Việt Nam trong việc xử lý các vấn đề quốc tế phức tạp.

1. Khái quát cây tre như một biểu tượng của tư tưởng ngoại giao Việt Nam:

Ngoại giao là một khía cạnh của đời sống chính trị và là công cụ quan trọng để thể hiện lập trường chính trị quốc gia trên trường quốc tế. Trải qua quá trình dựng nước và giữ nước đầy gian khổ, nền ngoại giao Việt Nam đã hình thành trong sự kết tinh của tinh thần đấu tranh kiên cường, bất khuất và thấm nhuần khí phách và hồn cốt của dân tộc. Sau gần 40 năm tiến hành đổi mới, Đảng đã ngày càng có sự phát triển trong lý luận chính trị và ngoại giao, nâng tầm nền ngoại giao để đáp ứng với tình hình mới. Theo đó, ngoại giao, với đúng vai trò của mình, cần phản ánh đầy đủ và chính xác tinh thần, bản sắc Việt Nam trong mối liên hệ với các mối quan hệ và lịch sử thế giới và đồng thời, thông qua những mối quan hệ ngoại giao được thiết lập mà hun đúc, học hỏi thêm những giá trị tốt đẹp của nhân loại và làm giàu bản sắc của chính mình.

Thuật ngữ “Ngoại giao cây tre” bắt đầu xuất hiện trong bài phát biểu của cố Tổng Bí thư Nguyễn Phú Trọng tại Hội nghị ngoại giao lần thứ 29 (năm 2016): “xây dựng trường phái ngoại giao độc đáo, mang đậm bản sắc “cây tre Việt Nam”- mềm mại mà cứng cỏi, nhân ái mà quật cường, biết nhu biết cương,

biết thời biết thế, biết mình biết người [Bài phát biểu ..., 2016]. Và sau đó được phát triển, mở rộng, hoàn thiện và xuất hiện chính thức trong Hội nghị Đối ngoại toàn quốc thực hiện nghị quyết đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII của Đảng năm 2021. Trải qua gần 1 thế kỷ kể từ khi Đảng Cộng sản ra đời, đường lối ngoại giao Việt Nam không ngừng được hoàn thiện từng bước, vừa kế thừa và phát huy những bản sắc của dân tộc, vừa tiếp thu những giá trị đẹp đẽ từ bên ngoài, xây dựng nên một nền ngoại giao đặc sắc, đậm đà hình ảnh Việt Nam gắn liền với biểu tượng văn hóa của dân tộc – cây tre.

Cây tre – một hình ảnh quen thuộc nằm trong ký ức của các thế hệ người Việt Nam và gắn liền với mọi thăng trầm lịch sử từ thuở đầu dựng nước. Trải qua khoảng 4000 năm lịch sử hình thành, xây dựng và phát triển đất nước tính từ khi Xích Quỷ – nhà nước đầu tiên được thành lập năm 2879 TCN cho đến nay, cây tre vẫn mang ý nghĩa tín ngưỡng và văn hóa quan trọng. Sau những sự tàn phá nặng nề do vó ngựa, vũ khí và bom đạn trong gần 12 thế kỷ đấu tranh, cây tre, tạo thành từng hàng lũy, vắn vững vàng, kiên cường, bất khuất, không khuất phục trước khói lửa chiến tranh. Cây tre, với phẩm chất và bản lĩnh của riêng mình, đã đi sâu vào đời sống và góp phần hun đúc nên tính cách của dân tộc Việt Nam – kiên định, không ngại gió mưa, không khuất phục, nhưng cũng rất mềm mại, linh hoạt.

Giống như cây tre “uốn mà không gãy”, mềm dẻo nhưng cũng cứng cáp, nền ngoại giao Việt Nam lựa chọn đối thoại thay vì đối đầu, chọn kết nối thay vì cô lập, mềm mại không yếu đuối, kiên định nhưng không bị động, hòa nhập nhưng kiên định giữ vững lập trường và những giá trị cốt lõi, biết người, biết ta, biết tiến, biết lùi tùy vào từng thời điểm và từng bối cảnh cụ thể. “Ngoại giao cây tre” thể hiện bản lĩnh, bản sắc, trí tuệ và khả năng thích ứng của Việt Nam trong môi trường quốc tế nhiều biến động, đồng thời là kim chỉ nam cho Việt Nam trong giải quyết tranh chấp Biển Đông, thể hiện qua hai nguyên tắc: kiên định trong lập trường và nguyên tắc – linh hoạt trong phương pháp và hành động.

2. Vấn đề biển Đông – một thách thức “thử lửa” của tư tưởng “ngoại giao cây tre”

Biển Đông, với vị trí địa chính trị chiến lược quan trọng, là cửa ngõ thông thương của nhiều nền kinh tế, là nơi có tuyến hàng hải xếp vào hàng sôi động nhất của toàn thế giới, từ lâu đã trở thành nơi cạnh tranh quyết liệt giữa nhiều quốc gia. Vấn đề biển Đông mang tính phức tạp, đa phương, đa tầng liên quan đến lợi ích của đa quốc gia trong và ngoài khu vực. Nơi đây chứng kiến sự cạnh tranh kinh tế, hàng hải, chủ quyền và an ninh của các quốc gia ASEAN, đồng thời cũng là nơi diễn ra sự đụng đầu chiến lược giữa Mỹ – Trung trong nhiều khía cạnh.

Vấn đề tranh chấp biển Đông không phải là một vấn đề mới mẻ mà đã kéo dài nhiều thế kỷ. Việt Nam đã có những hành động quản lý, khai thác và khẳng định chủ quyền ở Hoàng Sa và Trường Sa từ thế kỷ XVII. Tuy nhiên, khi Pháp xâm lược Việt Nam từ năm 1858, hai quần đảo này nằm dưới sự quản lý của

Pháp và trở thành căn cứ quân sự của Nhật trong những năm thế chiến thứ hai. Biển Đông thực sự trở thành nơi đụng đầu quốc tế sau chiến tranh thế giới thứ hai, sau khi Nhật đầu hàng, Trung Hoa Dân Quốc đã đưa quân ra chiếm đảo Phú Lâm thuộc đảo Hoàng Sa, và đến năm 1947, Trung Quốc đơn phương vẽ ra “đường lưỡi bò” gồm 11 đoạn (sau này rút còn 9 đoạn) khiến cho tình hình khu vực trở nên leo thang. Sau khi Pháp rút khỏi Đông Dương và chủ quyền hai quần đảo thuộc về tay Việt Nam Cộng hòa, sau đó Trung Quốc dùng vũ lực đánh chiếm toàn bộ Hoàng Sa (năm 1974). Sau khi thống nhất đất nước năm 1975, Việt Nam bắt đầu cuộc đấu tranh giành quyền chủ quyền đối với vùng biển này. Vào cuối những năm 80, sau sự kiện tại đảo Gạc Ma (1988), vấn đề Biển Đông trở thành tranh chấp đa phương và ngày càng trở nên phức tạp và là tranh chấp mang tính chất toàn cầu từ năm 2010.

Hiện nay, ở khu vực biển Đông đang tồn tại hai mâu thuẫn chủ yếu: mâu thuẫn về chủ quyền ở hai quần đảo Hoàng Sa và Trường Sa giữa Trung Quốc và Việt Nam cũng như giữa các nước trong khu vực; mâu thuẫn trong việc phân định ranh giới các vùng biển, vùng kinh tế biển và thềm lục địa chồng chéo giữa các quốc gia có vùng biển liền kề hoặc đối diện nhau. Với tính chất đa phương và phức tạp, việc giải quyết những mâu thuẫn ở vùng biển này không dễ dàng mà cần có sự chung tay của các bên, trong đó có Việt Nam. Đối mặt với vấn đề nhạy cảm và có xu hướng leo thang, sự áp dụng tư tưởng “ngoại giao cây tre” là cần thiết để vừa bảo vệ chủ quyền quốc gia, vừa giữ vững sự hòa bình và ổn định trong khu vực, tránh những cuộc xung đột không đáng có.

3. Kiên định trong nguyên tắc:

Theo quan điểm của Tổng bí thư Nguyễn Phú Trọng, ngoại giao Việt Nam là nền “ngoại giao rất đặc sắc và độc đáo của thời đại Hồ Chí Minh, mang đậm bản sắc “cây tre Việt Nam”, “gốc vững, thân chắc, cành uyển chuyển”, thấm đượm tâm hồn, cốt cách và khí phách của dân tộc Việt Nam” [Nguyễn Phú Trọng, 2021]. Sự kiên định trong lập trường, cứng rắn về nguyên tắc, kiên quyết bảo vệ chủ quyền quốc gia, toàn vẹn lãnh thổ và lợi ích của dân tộc là vấn đề luôn được nhấn mạnh trong các Hội nghị của Bộ Chính trị, Bộ Ngoại giao hay các phiên họp của Đại hội Đảng.

Vấn đề tranh chấp lãnh thổ ở Biển Đông có liên quan đến Việt Nam bao gồm: tranh chấp chủ quyền ở Hoàng Sa giữa Việt Nam và Trung Quốc, tranh chấp chủ quyền ở Trường Sa giữa 5 nước Việt Nam, Trung Quốc, Philippines, Malaysia và Brunei. Về việc phân định ranh giới trên biển có những tranh chấp liên quan đến đường chín đoạn mà Trung Quốc tuyên bố, tranh chấp ở vùng biển ngoài cửa Vịnh Bắc Bộ giữa Việt Nam và Trung Quốc, tranh chấp ở vùng biển giữa Việt Nam và Campuchia ở khu vực Vịnh Thái Lan [Nguyễn Hồng Thao, 2023]. Rất nhiều mâu thuẫn liên quan đến chủ quyền và lãnh thổ của Việt Nam và các quốc gia khác trong khu vực ở Biển Đông đòi hỏi Đảng và Nhà nước cần vận dụng tư tưởng ngoại giao cây tre và tính chất “vững gốc, chắc

cảnh” để tránh leo thang tranh chấp và giải quyết các vấn đề bằng biện pháp hòa bình.

Lập trường kiên định của Việt Nam đối với vấn đề này được thể hiện ở những điểm sau:

- Khẳng định chủ quyền đối với hai quần đảo Hoàng Sa và Trường Sa dựa trên cơ sở vững chắc về pháp lý và lịch sử:

- + Việc xác lập chủ quyền biển đảo đã được thực hiện từ triều đại nhà Nguyễn với việc huy động ngư dân bảo vệ biển đảo. Năm 1816, vua Gia Long chính thức ra lệnh cấm cờ trên các đảo, năm 1835 vua Minh Mạng giao nhiều nhiệm vụ cho các đội Hoàng Sa và Bắc Hải để tuần tra và bảo vệ ngư dân trên đảo. Bản đồ vẽ Hoàng Sa thuộc lãnh thổ Việt Nam được vẽ trong các tác phẩm Đại Nam nhất thống chí, hay Thiên Nam tứ chí lộ đồ thư. Ngoài ra, các bản đồ của thương nhân phương Tây cũng khẳng định quyền chủ quyền của nhà Nguyễn đối với 2 quần đảo này.

- + Lập trường về Biển Đông của Việt Nam luôn được duy trì qua các thời kỳ lịch sử, từ triều Nguyễn tới khi bị Pháp xâm lược, cho tới chính thể Việt Nam Cộng hòa và cho tới ngày nay. Kể cả khi đã mất quyền kiểm soát thực địa (sau sự kiện Gạc Ma 1988), Việt Nam vẫn luôn đấu tranh bằng biện pháp hòa bình để bảo vệ lập trường của mình: công bố sách trắng quốc phòng (2019), gửi đến Liên Hợp Quốc công hàm bác bỏ yêu sách “đường 9 đoạn” của Trung Quốc (2020).

- Đề ra các chính sách, chiến lược quan trọng về bảo vệ chủ quyền biển, đảo và phát triển kinh tế biển, thông thương, vận tải biển: Chiến lược biển Việt Nam đến năm 2020 (2007); Chiến lược phát triển kinh tế biển Việt Nam đến 2030, tầm nhìn đến 2045 (năm 2018)... Đặc biệt, “Chiến lược biển Việt Nam đến năm 2020” là chiến lược hoàn chỉnh, toàn diện đầu tiên với tầm nhìn chiến lược rộng, tính bao quát cao trên nhiều lĩnh vực với mục tiêu: “phấn đấu đưa nước ta trở thành quốc gia mạnh về biển, làm giàu từ biển, bảo đảm vững chắc chủ quyền, quyền chủ quyền quốc gia trên biển, đảo” [Đào Thị Tùng, 2014].

- Việt Nam kiên định sử dụng luật pháp quốc tế, nhất là UNCLOS năm 1982 – văn bản duy nhất và toàn diện nhất để giải quyết các tranh chấp trên biển. Việt Nam đề cao UNCLOS như một công cụ và là cơ sở pháp lý tối cao để duy trì trật tự trên biển, khuyến khích sự phát triển hợp tác quốc gia. Việt Nam cũng ủng hộ phán quyết của Trọng tài quốc tế năm 2016 trong vụ kiện Trung Quốc của Philippines, đồng thời không tiến hành các hoạt động vượt khỏi quy định của UNCLOS.

- Việt Nam cũng kiên định theo đuổi chính sách giải quyết các tranh chấp bằng biện pháp hòa bình theo đúng tinh thần của luật pháp quốc tế, kêu gọi các quốc gia không sử dụng vũ lực để áp đặt hoặc thay đổi nguyên trạng của khu vực, không thực hiện các hành động đơn phương như quân sự hóa gây mất ổn định khu vực. Mặt khác, Hà Nội cũng luôn nhấn mạnh và theo đuổi “chính sách 4 không” của Bộ Quốc phòng trong việc giải quyết các mâu thuẫn và tranh chấp

quốc tế: không tham gia các liên minh không sự, không đứng về phía này để chống lại phía kia, không dùng vũ lực hoặc đe dọa sử dụng vũ lực, không cho các nước khác đặt căn cứ quân sự trên đất nước mình.

Những biện pháp cứng rắn, kiên định trong lập trường về bảo vệ chủ quyền, toàn vẹn lãnh thổ luôn được Đảng, Nhà nước và Chính phủ Việt Nam nhấn mạnh và khẳng định, qua đó vừa thể hiện trách nhiệm của Đảng và Nhà nước trong việc bảo vệ chủ quyền quốc gia, nhưng cũng thể hiện tinh thần, ý chí quyết tâm của nhân dân trong việc bảo vệ từng tấc đất của dân tộc.

4. Linh hoạt, mềm dẻo trong hành động:

Theo đúng đặc tính “gốc vững, thân chắc, cành uyển chuyển” của cây tre, cùng với việc kiên định nguyên tắc, giữ vững lập trường, Việt Nam cũng chủ động đề xuất các giải pháp linh hoạt, sáng tạo, “uyển chuyển, mềm mại” để giải quyết các tranh chấp nóng tại khu vực, giữ vững tinh thần “mềm mại, khôn khéo, nhưng rất kiên cường, quyết liệt; linh hoạt, sáng tạo, nhưng rất bản lĩnh, kiên định; can trường trước mọi thử thách, khó khăn vì độc lập dân tộc, vì tự do, hạnh phúc của nhân dân” [Bài phát biểu ..., 2021].

Sự linh hoạt, khôn khéo này không chỉ giới hạn ở những quan hệ song phương mà được mở rộng trên bình diện đa phương, trên hầu hết các khía cạnh pháp lý, kinh tế, quốc phòng theo quan điểm không nhượng bộ về nguyên tắc, nhưng tích cực, chủ động hội nhập, mở rộng cánh cửa hội nhập, đối thoại và giải quyết một cách hòa bình.

Sự “uyển chuyển” mà vững vàng trong đường lối đối ngoại của Việt Nam được thể hiện qua việc “giương cao ngọn cờ hòa bình, hợp tác, tích cực trao đổi, đàm phán với các nước có liên quan để kiểm soát bất đồng, thúc đẩy việc tìm kiếm các giải pháp lâu dài” [Nguyễn Mạnh Hùng, 2024] và được tiến hành trên nhiều bình diện:

- Đẩy mạnh các cuộc đối thoại song phương hòa bình, mềm dẻo với Trung Quốc và duy trì các cơ chế trao đổi song phương định kỳ, các cuộc đối thoại cấp cao giữa hai Đảng, hai Chính phủ, giữa Bộ Ngoại giao và Bộ Quốc phòng của hai bên. Trong sự kiện dàn khoan ở Hải Dương HD 981 năm 2014, Việt Nam vừa kiên quyết phản đối các hành động của Trung Quốc, nhưng đồng thời cũng cử đặc phái viên và phái bộ ngoại giao sang đối thoại với chính quyền Bắc Kinh nhằm “hạ nhiệt” leo thang.

- Trong sự kiện năm 2016, Việt Nam không khởi kiện Trung Quốc, nhưng ủng hộ phán quyết của Trọng tài quốc tế như một công cụ pháp lý để bảo vệ chủ quyền và lập trường tại Biển Đông. Cùng với đó, chính quyền Hà Nội gửi Công hàm đề nghị bác bỏ các yêu sách từ phía Trung Quốc, khẳng định các chủ quyền và điều khoản đã được đề cập trong UNCLOS và ủng hộ, nêu cao nguyên tắc bình đẳng, tự do hàng hải trên biển. Tất cả những việc làm này khẳng định tinh thần cây tre, không đôi đầu, nhưng cũng không im lặng, không khơi mào chiến tranh nhưng cũng không né tránh.

– Đề cao tinh thần hợp tác trong khối các nước ASEAN, kết hợp ngoại giao đa phương với xây dựng hình ảnh quốc gia và nâng cao ý thức chủ quyền dân tộc: Việt Nam kêu gọi các nước thành viên ASEAN chung tay giải quyết các mâu thuẫn trên cơ sở tôn trọng luật pháp quốc tế và UNCLOS, thúc đẩy tiến trình đàm phán COC, tăng cường hợp tác giữa các quốc gia trong hàng hải, tuần tra vùng biển.

– Việt Nam cũng tận dụng vị trí Ủy viên Không thường trực Hội đồng Bảo an Liên Hợp Quốc (2008–2009 và 2020–2021), vị trí Chủ tịch ASEAN (2010, 2020) nêu cao tinh thần xử lý tranh chấp một cách hòa bình, sẵn sàng đối thoại, đàm phán song phương, đa phương để giải quyết mâu thuẫn trên cơ sở giữ vững nguyên tắc chủ quyền độc lập của quốc gia. Trong nhiều vấn đề quan trọng, tiếng nói, sáng kiến và cách thức giải quyết có lý, có tình trên tinh thần bình đẳng, hòa hiếu và nhân văn của Việt Nam đã nhận được sự đồng tình và ủng hộ của cộng đồng quốc tế.

– Đẩy mạnh việc tuyên truyền, quảng bá hình ảnh Việt Nam trên khu vực và quốc tế, khuyến khích việc tổ chức các hội thảo khoa học quốc tế (Hội thảo Biển Đông được tổ chức thường niên), tận dụng truyền thông để khẳng định lập trường nhưng không kích động hoặc gây thù địch.

– Duy trì và chủ động thúc đẩy các mối quan hệ hợp tác song phương, đa phương với các quốc gia ngoài khu vực như Mỹ, Nhật Bản, Ấn Độ, duy trì chính sách 4 không nhưng không chống lại bất cứ nước nào, vừa thể hiện thái độ rắn đe, vững vàng nhưng cũng không kích động xung đột hay không để đất nước rơi vào tình thế bị động trong bất cứ hoàn cảnh nào.

Như vậy, “ngoại giao cây tre”, với việc vận dụng tư tưởng, phương pháp, nghệ thuật, phong cách Hồ Chí Minh, luôn “nắm lòng” lời răn dạy của Người: “muốn làm gì cũng cần vì lợi ích của dân tộc mà làm”. Nguyên tắc của chúng ta là “hòa bình, hữu nghị, hợp tác và phát triển”, mọi quốc gia, dù lớn hay nhỏ, đều bình đẳng, tôn trọng chủ quyền, quyền và lợi ích chính đáng của nhau, giải quyết bất đồng trên tinh thần hữu nghị” [Minh Tự, 2024], tư tưởng “cây tre” đã phá “thế kẹt” giữa cạnh tranh và xung đột của Việt Nam với các nước khác ở Biển Đông và đạt được những thắng lợi cơ bản tổng việc khẳng định chủ quyền của Việt Nam trên biển, đảo, trong việc giúp các nước khác hiểu rõ hơn về lập trường của Việt Nam đối với những vấn đề phức tạp.

5. Tính hiệu quả và triển vọng:

Với tinh thần rất “cây tre”, vững ở gốc, chắc ở thân và uyển chuyển ở cành lá, kết hợp lý luận chính trị và sức mạnh của khối đại đoàn kết dân tộc dưới sự lãnh đạo của Đảng, tư tưởng “ngoại giao cây tre” đã làm tốt vai trò của mình trong việc duy trì hình ảnh một quốc gia hình chữ S nhỏ bé, vừa mềm dẻo nhưng cũng cứng rắn, nhu cương kết hợp. Việc áp dụng tư tưởng “cây tre” trong ngoại giao để giải quyết các tranh chấp nóng ở Biển Đông không chỉ giúp Việt Nam tránh những cuộc đụng độ không đáng có bằng vũ lực, nhưng cũng khẳng định sự đấu tranh vì chủ quyền dân tộc, bảo vệ hòa bình, ổn định khu vực và tạo

dựng niềm tin ở quốc tế về một quốc gia hòa bình, độc lập, tự chủ. Đây là một chiến lược thông minh, sáng tạo, phản ánh bản lĩnh chính trị Việt Nam mà đứng đầu là Đảng Cộng sản trong việc chèo lái con thuyền cách mạng giữa tình hình chính trường nhiều biến động phức tạp, khó lường.

Mặc dù đạt được những thành tựu nhất định trong việc đấu tranh bảo vệ chủ quyền biển đảo cũng như khẳng định tiếng nói trên trường quốc tế, tư tưởng “ngoại giao cây tre” cũng đối mặt với nhiều thách thức mới. Những thách thức đó không chỉ bao gồm sự gia tăng áp lực từ phía Trung Quốc với các hoạt động đơn phương của nước này ở biển Đông, mà còn bởi những sự bất đồng, chia rẽ và sự khác biệt lập trường giữa các quốc gia ASEAN. Đặc biệt, sự can thiệp ngày càng sâu của Mỹ vào khu vực, sự đối đầu ngày càng kịch liệt trên nhiều khía cạnh giữa Mỹ và Trung Quốc không chỉ làm Biển Đông “dậy sóng”, mà còn đòi hỏi nỗ lực hơn nữa từ phía Việt Nam để không để đất nước rơi vào bất cứ tình huống bị động nào của thời đại.

Để đối mặt với các thách thức lớn của thời đại, Việt Nam cần tiếp tục phát triển nền ngoại giao riêng biệt, tự chủ và linh động, thấm nhuần bản sắc dân tộc, kiên cường, bất khuất, vừa linh hoạt, chủ động học hỏi các tiến bộ từ bên ngoài, qua đó phát triển “ngoại giao cây tre” chủ động hơn, mưu trí hơn, hiệu quả hơn, đóng vai trò tiên phong trong việc bảo vệ đất nước từ sớm, từ xa, từ trước khi các nguy cơ kịp hình thành. Cùng với đó, tiếp tục khẳng định và giữ gìn đường lối “cứng rắn, kiên định trong nguyên tắc, linh hoạt, mềm dẻo trong hành động”. Đây mạnh ngoại giao nhân dân và nền quốc phòng toàn dân, huy động sức dân trong sự nghiệp xây dựng và bảo vệ đất nước, chủ quyền biển đảo. Tập trung phát triển khoa học kỹ thuật, hiện đại hóa và phát triển sức mạnh nội lực trong nước, tuyên truyền, nâng cao hình ảnh và uy tín quốc gia trên trường quốc tế, tranh thủ sự ủng hộ của quốc tế đối với sự nghiệp bảo vệ chủ quyền đất nước.

6. Kết luận:

Đời sống chính trị từ đầu thế kỷ XXI trở nên phức tạp, ngày càng mang tính chất đa phương nhưng cũng có sự phân cực trong quan hệ hợp tác giữa các quốc gia. Với ảnh hưởng từ dịch COVID-19, các lệnh trừng phạt mà Mỹ và các nước EU áp đặt lên Nga, những vấn đề giữa Nga-Ukraine, quan hệ giữa các nước ở khu vực Trung Đông làm gia tăng khả năng leo thang những xung đột và đẩy mạnh quá trình phân cực chính trị. Chính vì vậy, đường lối đối ngoại nói chung, tư tưởng “ngoại giao cây tre” nói riêng ngày càng được mở rộng, sâu sắc thêm, thể hiện tính kế thừa, phát triển, sáng tạo Chủ nghĩa Mac-Lenin, tư tưởng Hồ Chí Minh về ngoại giao, phù hợp với đòi hỏi thực tiễn và xu thế thời đại và là thành tố, động lực tạo nên sức mạnh mềm cho quốc gia trong hội nhập quốc tế, xây dựng và bảo vệ Tổ quốc [Lữ Ngàn, 2004].

Sự kiên định trong nguyên tắc, chủ động, linh hoạt trong hành động thực tiễn theo đúng tinh thần và bản sắc độc đáo nền ngoại giao thời kỳ Hồ Chí Minh cũng như bản chất “cây tre” không phải là một sự trốn tránh hay thỏa hiệp, mà là một chính sách khôn khéo, mềm mại nhưng cũng mạnh mẽ, vừa giữ vững

được bản sắc và chủ quyền dân tộc nhưng cũng mở ra cơ hội để đối thoại, hợp tác, giải quyết tranh chấp và duy trì an ninh khu vực. “Ngoại giao cây tre”, vượt ra khỏi ý nghĩa là một biểu tượng văn hóa, đã dần trở thành triết lý đối ngoại, là kim chỉ nam cho Việt Nam trong việc bảo vệ đất nước trong thời kỳ chính trị có nhiều biến động. Đồng thời, cũng truyền cảm hứng cho các quốc gia trong và ngoài khu vực trong việc ứng phó với những biến chuyển lớn lao của thời đại.

Trong bối cảnh toàn cầu hóa diễn ra ngày càng sâu sắc, Đảng, Chính phủ và Nhà nước Việt Nam chủ trương hội nhập quốc tế sâu rộng, lấy “ngoại giao cây tre” làm nền tảng và cơ sở để thiết lập, củng cố và phát triển các mối quan hệ đối tác chiến lược, thực hiện đúng tinh thần của Đại hội IX “Việt Nam sẵn sàng là bạn, là đối tác đáng tin cậy của các nước trong cộng đồng quốc tế, phấn đấu vì hòa bình, độc lập và phát triển” [Đảng Cộng].

Tài liệu tham khảo

Bài phát biểu của Tổng bí thư Nguyễn Phú Trọng tại Hội nghị Đối ngoại toàn quốc triển khai thực hiện Nghị quyết Đại hội Đại biểu toàn quốc lần thứ XIII của Đảng. Ngày 14 tháng 12 năm 2021. URL: <https://www.evn.com.vn/d/vi-VN/news/Toan-van-phat-bieu-cua-Tong-Bi-thu-Nguyen-Phu-Trong-tai-Hoi-nghi-Doi-ngoai-toan-quo-61-184-29919>.

Bài phát biểu của Tổng bí thư Nguyễn Phú Trọng tại Hội nghị Ngoại giao lần thứ 29. Báo Điện tử Chính phủ. Ngày 22 tháng 8 năm 2016. URL: <https://baohinhphu.vn/phat-bieu-cua-tong-bi-thu-tai-hoi-nghi-ngoai-giao-lan-thu-29-102207908.htm>.

Đảng Cộng sản Việt Nam: Văn kiện Đảng toàn tập. Sdd. T. 60. Tr. 146.

Đào Thị Tùng. Chính sách, pháp luật của Việt Nam về bảo vệ chủ quyền biển, đảo và đấu tranh bảo vệ chủ quyền biển, đảo và đấu tranh phản bác quan điểm sai trái, thù địch về vấn đề biển, đảo. Tạp chí cộng sản. 28.10.2014. <https://tapchicongsan.org.vn/web/guest/nguyen-cu-/2018/991402/chinh-sach%2C-phap-luat-cua-viet-nam-ve-bao-ve-chu-quyen-bien%2C-dao-va-dau-tranh-phan-bac-quan-diem-sai-trai%2C-thu-dich-ve-van-de-bien%2C-dao.aspx>.

Lữ Ngàn. Bảo vệ tính tất yếu, chính nghĩa của ngoại giao “Cây tre Việt Nam”: Thấm nhuần bản sắc văn hóa và chính nghĩa Việt Nam. Báo Quân đội Nhân dân. 20.02.2004. <https://www.qdnd.vn/phong-chong-dien-bien-hoa-binh/bao-ve-tinh-tat-yeu-chinh-nghia-cua-ngoai-giao-cay-tre-viet-nam-bai-2-tham-nhuan-ban-sac-van-hoa-va-chinh-nghia-viet-nam-765545>.

Minh Tự. Ngoại giao cây tre Việt Nam và nghệ thuật ngoại giao Hồ Chí Minh. Công thông tin điện tử Đảng cộng sản Việt Nam. 23.04.2024. URL: https://dangcongsan.org.vn/tinhuyphutho/Lists/XayDungDang/View_Detail.aspx?ItemID=619.

Nguyễn Hồng Thao. Lập trường và chủ trương của Việt Nam trong việc giải quyết các tranh chấp trên Biển Đông. 01.11.2023. Thông tin Đối ngoại. <https://ttdn.vn/bien-gioi-bien-dao/lap-truong-va-chu-truong-cua-viet-nam-trong-viec-giai-quyet-cac-tranh-chap-tren-bien-dong-90363>.

Nguyễn Mạnh Hùng. Trường phái đối ngoại, ngoại giao cây tre Việt Nam trong sự nghiệp đổi mới đất nước. 06.06.2024. Tạp chí cộng sản. URL: <https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/quoc-phong-an-ninh-oi-ngoai1/-/2018/929902/truong-phai-doi-ngoai%2C-ngoai-giao-%E2%80%9C9Ccay-tre-viet-nam%E2%80%9D9D-trong-su-nghiep-doi-moi-dat-nuoc.aspx>.

Nguyễn Phú Trọng. Xây dựng và phát triển nền đối ngoại, ngoại giao Việt Nam hiện đại và mang đậm bản sắc dân tộc. Tạp chí cộng sản. Số 980. Tháng 12/2021. Trang 18. URL: https://stbook.vn/read_book/CP111BK120231114102148/890.

РАЗДЕЛ V

ВОСТОКОВЕДЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81-114.4

Т. В. Агошкова

Московский авиационный институт, Москва

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЙ СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРАММАТИЧЕСКИХ СТРУКТУР ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЯЗЫКА ПРОГРАММИРОВАНИЯ PYTHON

Аннотация. Статья посвящена разработке и применению автоматизированного подхода к сравнительно-сопоставительному анализу естественных языков с использованием языка программирования Python. Рассматриваются синтаксические и морфологические особенности языков при помощи библиотек Python (SpaCy, NLTK) и построение моделей сопоставления грамматических структур. Отмечаются потенциальные области применения результатов исследования, включая компьютерную лингвистику, автоматизированный перевод и обучение иностранным языкам. Исследование основывается на последних достижениях современной лингвистики.

Ключевые слова: естественные языки, сравнительно-сопоставительный анализ, Python, лингвистика, автоматизированный перевод.

T. Agoshkova

Moscow Aviation Institute, Moscow

AUTOMATED COMPARATIVE ANALYSIS OF GRAMMATICAL STRUCTURES IN NATURAL LANGUAGES USING THE PYTHON PROGRAMMING LANGUAGE

Abstract. This article is devoted to the development and application of an automated approach to the comparative analysis of natural languages using the Python programming language. We examine syntactic and morphological features of languages through the use of Python libraries such as SpaCy and NLTK, and we explore the construction of models for comparing grammatical structures. The study also highlights potential areas of application for its results, including computational linguistics, machine translation, and foreign language education. Our research is grounded in recent advances in modern linguistics.

Keywords: natural languages, comparative analysis, Python, linguistics, machine translation.

Сравнительно-сопоставительный анализ в эпоху цифровизации является исключительно важной областью исследований в теоретической и прикладной лингвистике. К тому же объемы языковых данных, которые постоянно увеличиваются, требуют точного анализа и сопоставления грамматических структур естественных языков.

В первую очередь автоматизация анализа текста требует наличия разметки языковых корпусов [Павлова, 2021]. Например, формат универсальных зависимостей (Universal Dependencies) обладает функцией морфосинтаксической мультязыковой обработки текстовой информации, основанной на банках данных более 100 языков. Данный процесс анализирует грамматические отношения между словами и служит средством описания того, как предикатно-аргументные структуры получают выражение в различных языках [Universal ... , 2021, p. 255]. Образцы корпусов и скриптов доступны на репозитории проекта GitHub, а полные версии доступны для скачивания через репозиторий CLARIN.SI с возможностью дальнейшего исследования и анализа материала. В частности, проект ParlaMint объединяет более миллиарда текстов (включают метаданные о 24 тыс. спикеров), содержащих политические выступления и обеспечивающих достаточное количество данных для проведения статистического и качественного сравнительно-сопоставительного анализа. Тексты аннотированы для Universal Dependencies и делают возможным проведение исследований, не только касающихся ключевых понятий политического дискурса, но и при изучении динамики и эволюции языка как на морфосинтаксическом, так и на семантическом уровнях [The ParlaMint ... , 2023]. Эти данные позволяют создавать кросс-языковые модели на едином формализованном уровне.

Одним из наиболее эффективных инструментов для реализации задач сравнительно-сопоставительного анализа является язык программирования Python благодаря библиотекам spaCy и NLTK.

Библиотека spaCy предоставляет такие инструменты, как токенизация, морфологическая разметка, определение частей речи, синтаксический разбор с выделением зависимостей. Особенно значимой в данном контексте является возможность обработки множества языков с использованием предобученных моделей, соответствующих корпусам Universal Dependencies. Данная библиотека способна не только обработать текст, но и передать эти данные в модель глубокого обучения для проведения дальнейшего анализа. Таким образом, алгоритм обработки естественного языка проектируется так, что выделяет элементы не по принципу сопоставления частей предложения, а на основе универсальных зависимостей [Constructing ... , 2021].

Библиотека NLTK применяется для глубокого анализа текста, включая поддержку синтаксического анализа с использованием контекстно-свободных грамматик, морфологического анализа или леммизации. Данная библиотека позволяет составлять пользовательскую грамматику и применять собственные методы настраиваемой токенизации и парсинга для исследуемого лингвистического материала. Кроме того, NLTK способен размечать ранее неизвестные слова с наивысшей точностью среди прочих разметчиков данных [Barragán, 2024].

Помимо этого, существенным этапом автоматизированного сравнительно-сопоставительного анализа является визуализация полученных данных, позволяющая эффективно анализировать структурные различия между языками. Например, в контексте языка программирования Python упомянем инструмент Matplotlib, позволяющий визуализировать распределение зависимостей или диаграммы частотностей определенных категорий. Подобная визуализация эффективна при сравнительно-сопоставительном анализе языков разных типов, особенно при сопоставлении синтетических и аналитических языков [Han, 2023].

Так, совокупное использование библиотек данных и инструментов анализа позволит формировать графы знаний, связывающих как синтаксические, так и семантические компоненты и выйти за рамки классического сравнительно-сопоставительного анализа, а также расширить исследование, учитывая используемые лексико-грамматические структуры и дискурсивные особенности сопоставляемых языков.

Сравнительно-сопоставительный анализ, проведенный в Python, может быть применен не только в лингвистике, но и при машинном переводе или в образовательных технологиях. Например, при создании автоматизированного перевода сравнительно-сопоставительный анализ лексико-грамматических структур позволит по необходимости «выровнять» предложения с точки зрения синтаксиса и таким образом повысить точность перевода.

Образовательные технологии при внедрении Python в учебный процесс приобретают возможность использования адаптивных систем обучения, основанных на выявлении и анализе типичных ошибок, допускаемых носителями языка, либо в качестве корректирующего элемента, выявляющего ошибки обучающихся.

Таким образом, благодаря использованию библиотек и инструментов, работающих на основе языка программирования Python, а также корпусу универсальных зависимостей можно создавать воспроизводимые и расширяемые модели для глубокого сравнительно-сопоставительного анализа естественных языков. Такие модели позволят не только систематизировать и визуализировать дифференцированные межъязыковые признаки, но и способствовать развитию межъязыковой коммуникации в современном мире. Считаем перспективным направлением дальнейшую интеграцию лингвистических теорий и моделей в процесс компьютерного обучения и нейросетевые архитектуры, что позволит прийти к новому уровню понимания естественного языка с учетом всех его лексико-грамматических, прагматических и культурных особенностей.

Литература

Павлова О. Ю. Использование языковых корпусов в обучении иностранному языку // Язык и культура. 2021. № 54. С. 283–298.

Barragán S. D. Universal dependencies of old English. Automatic parsing with a computational model of language, 2024.

Constructing of semantically dependent patterns based on SpaCy and StanfordNLP libraries / V. P. Okhapkin, E. P. Okhapkina, A. O. Iskhakova, A. Y. Iskhakov // *Futuristic Trends in Network and Communication Technologies: Third International Conference, FTNCT 2020, Taganrog, Russia, October 14–16, 2020, Revised Selected Papers, Part I*. Springer, 2021. P. 500–512.

Han S. Python Library Dependency Analysis // *Scholarly Review Journal*. 2023. N 5.

The ParlaMint corpora of parliamentary proceedings / T. Erjavec, M. Ogrodniczuk, P. Osenova, N. Ljubešić, K. Simov, A. Pančur, M. Rudolf, M. Kopp, S. Barkarson, S. Steingrímsson // *Language resources and evaluation*. 2023. Vol. 57, N 1. P. 415–448.

Universal dependencies / M.-C. De Marneffe, C. D. Manning, J. Nivre, D. Zeman // *Computational linguistics*. 2021. Vol. 47, N 2. P. 255–308.

УДК 81-139

Ю. И. Бедненко

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ КОРПУСЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматриваются вопросы использования корпусов в лингвистических исследованиях, в частности, применение корпусной лингвистики для изучения китайского языка. Прослеживается эволюция корпусной лингвистики начиная с 1960-х гг. и подчеркивается ее возрастающая роль в современной лингвистике. Особое внимание уделяется развитию корпусной лингвистики в Китае и созданию межъязыковых корпусов, в том числе Глобальному корпусу китайского языка-посредника (全球汉语中介语语料库) и платформе для его использования (全球汉语中介语语料库建设与应用综合平台). Описываются структура, особенности и возможности платформы, в частности, многоуровневая разметка данных и типы доступных корпусов (письменная, устная речь, мультимодальный корпус). На примере поискового запроса по ключевому слову «китайский язык» демонстрируется доступ к статистической информации об авторах текстов, что подчеркивает важность корпусов для анализа языковых особенностей в зависимости от различных социолингвистических факторов.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, межъязыковой корпус, лингвистика, китайский язык, обучение китайскому языку.

Y. Bednenko

Russian State University for the Humanities, Moscow

INTERLANGUAGE CORPUS OF CHINESE

Abstract. The article discusses the use of corpora in linguistic research, specifically the application of corpus linguistics to the study of Chinese. It traces the evolution of corpus linguistics since the 1960s and emphasizes its increasing role in modern linguistics. Special attention is given to the development of corpus linguistics in China and the creation of interlanguage corpora, including the Global Interlanguage Corpus of Chinese (全球汉语中介语语料库) and the platform for its use (全球汉语中介语语料库建设与应用综合平台). The structure, features, and capabilities of the platform are described, including multi-level data annotation and the types of available corpora (written, spoken, multimodal). Using the keyword “Chinese language” as an example of a search query, the article demonstrates access to statistical information about the authors of the texts, highlighting the importance of corpora for analyzing linguistic features depending on various sociolinguistic factors.

Keywords: corpus linguistics, interlanguage corpus, linguistics, the Chinese language, teaching Chinese as a foreign language.

С момента появления компьютеров в 1960-х гг. компьютерные технологии быстро нашли применение в корпусной лингвистике. Благодаря стремительному развитию вычислительной техники многие страны достигли значительных успехов в создании языковых корпусов разных типов и масштабов. Технологии, которые используются для изучения и преподавания языков, интенсивно развиваются в настоящее время [Шелякин, 2022]. Большие возможности дает корпусное исследование. Изучением данного вопроса занимались В. П. Захаров [2005], Е. В. Рахилина [2016], В. А. Плунгян [2024].

Корпусная лингвистика – это научная дисциплина, изучающая язык на основе анализа текстовых корпусов. Она исследует языковые явления через вероятность их встречаемости в реальных данных. На данный момент использование корпусов играет ведущую роль при проведении большинства лингвистических исследований. Хотя еще в первой половине XX в. было возможно построение корпусов только вручную [Майорова, 2017, с. 42]. Корпусный подход делает результаты анализа более эмпирически релевантными [Борискина, Шилихина, 2017, с. 32]. Центральное место в корпусной лингвистике занимает электронный корпус текстов [Тао, 2015, с. 77].

Корпус – это крупная электронная база текстов, созданная путем сбора естественных языковых данных (письменных или устных) в соответствии с определенными лингвистическими принципами, включая метод случайной выборки. О. О. Борискина отмечает, что «корпус является средой для получения новых научных данных, осмысление которых представляется приоритетным для современного лингвистического описания и абсолютно необходимым в научной деятельности современного исследователя» [Борискина, 2015, с. 27]. В современной теоретической лингвистике корпус – это не только мощный инструмент исследования языка, но и новая идеология, ориентирующая исследователя на текст как главный объект теоретической рефлексии [Плунгян, 2008, с. 14].

В последние десятилетия корпусная лингвистика в Китае получила широкое распространение, в связи с этим был выстроен ряд современных корпусов китайских текстов [Лу, 2016, с. 22]. Создание и использование корпусов китайского языка открывают новые возможности для исследований в области грамматики, лексикологии, семантики, стилистики, перевода, обучения языку и других дисциплин.

Создание корпусов межъязыковых данных китайского языка (корпусов языкового посредничества) началось в 1990-х гг. В XXI в. им стало уделяться больше внимания: количество таких баз данных увеличилось, а

темпы их разработки ускорились. Межязыковые корпуса, представляющие собой собрания текстов, созданных изучающими иностранный язык, с анализом ошибок и сопоставлением с речью носителей языка, играют важную роль в современной методике преподавания иностранных языков. Их применение открывает новые возможности для более эффективного и индивидуализированного обучения. Умение работать с текстом определяет успешность профессиональной деятельности [Харченко, 2014, с. 1367].

Одним из важных корпусов является 全球汉语中介语语料库 – Глобальный корпус китайского языка-посредника. На его основе разработана 全球汉语中介语语料库建设与应用综合平台 – Комплексная платформа для создания и применения Глобального корпуса китайского языка-посредника [全球汉语...]. Проектный объем составляет 50 млн иероглифов, включая 22 млн размеченных данных, объединяющих корпус письменной речи, корпус устной речи, мультимодальный корпус. Разметка данных охватывает 10 уровней: иероглифы, лексика, словосочетания, предложения и их компоненты, дискурс, стили речи, риторические фигуры, пунктуация, фонетическая разметка устной речи и видео, разметка жестов в видео. Источники данных – экзаменационные работы, учебные сочинения. Для защиты учебного процесса данные представлены только на уровне предложений (без полных текстов, включая сканы, транскрипции и разметку). Перед поиском необходимо выбрать тип данных – весь корпус, письменная/устная речь или видео.

На рис. 1 представлены результаты по ключевым словам 汉语 «китайский язык». Тип данных – устная речь. По результатам поиска скачивается файл (рис. 2), в котором доступна практическая статистическая информация: тема сообщения, стиль текста, страна обучающегося, пол, возраст, образование, родной язык, уровень владения китайским языком, владение другими языками, цель изучения.

Большой интерес при подготовке к сдаче международного экзамена на знание китайского языка представляет корпус 北语 HSK 语料库 – Динамический корпус сочинений HSK Пекинского университета языка и культуры (сокр. Корпус сочинений HSK) [北语 HSK ...]. В современном мире, где сдача HSK – это важный шаг для многих изучающих китайский язык, эффективная подготовка к письменной части экзамена становится критически важной. В этом контексте использование корпуса сочинений, представляющего собой структурированную базу данных реальных работ кандидатов, является мощным инструментом для повышения качества подготовки.

В данном корпусе представлены реальные сочинения экзаменуемых с 1992 по 2005 г. В поиске вводится необходимое ключевое слово или словосочетание. Если используется несколько ключевых слов, то слова разделяются пробелами.

13	S: 我坐飞机来中国, 现在学习汉语。							
	A	B	C	D	E	F	G	H
1	导出数据清单-2025-04-18 15:35:59							
2	作文题目	内容	国籍	hsk等级	学习时长	学习目的	年龄	性别
3	诱导独白 1	S: 我坐飞机来中国	韩国	一级			four	W
4	诱导独白 2	S: 我觉得学习汉语很难	澳大利亚	一级			five	W
5	诱导独白 3	S: 但是我可以学得很好	土耳其	一级			five	W
6	诱导独白 4	S: 文化是一样一样的	土耳其	一级			five	W
7	诱导独白 5	S: 在中国学习汉语很有趣	土耳其	一级			five	W
8	诱导独白 6	S: 他不【可以】来中国	墨西哥	一级			four	M
9	看图说话 1	在这里我学习汉语	孟加拉国					
10	诱导独白 2	S: (嗯), 还挺好的	韩国	一级			five	W
11	诱导独白 3	S: 我待【在】日本	日本	五级			five	W
12	诱导独白 4	S: 我很喜欢俄罗斯	俄罗斯	三级			five	W
13	诱导独白 5	S: 对我决定了	韩国	五级			five	W
14	诱导独白 6	S: 我来中国学法语	法国	二级			five	W

Рис. 2

270

检索原句	原文	标注版
单个关键词检索结果页面	[1]:我是从德国来的留学生。现在(CQ在)复旦大学 学习汉语 。 [国籍:德国][性别:男][考试时间:199200][作文题目:一封求职信][口试:][作文:][听力:0][阅读:0][综合:0][总分:0][证书:无]	原文 标注版
	[2]:从去年九月起在北京师范大学 学习汉语 。现在在伦敦大学东亚系学习国际政治。 [国籍:日本][性别:男][考试时间:199200][作文题目:一封求职信][口试:][作文:][听力:0][阅读:0][综合:0][总分:0][证书:无]	原文 标注版
	[3]:一年(CJX)我在北京语言(CC语文)学院 学习汉语 以后[BQ、]90年[BQ、]转到复旦大学学习国际政治。 [国籍:意大利][性别:男][考试时间:199200][作文题目:一封求职信][口试:][作文:][听力:0][阅读:0][综合:0][总分:0][证书:无]	原文 标注版
	[4]:现在,我来到北京 学习汉语 ,今年七月就要(CC快要)毕业了。 [国籍:日本][性别:男][考试时间:199200][作文题目:一封求职信][口试:][作文:][听力:0][阅读:0][综合:0][总分:0][证书:无]	原文 标注版

多个关键词检索结果页面	字符串一般检索	检索
	我 学习 汉语	
	检索原句	原文 标注版
	[1]:我是从德国来的留学生。现在(CQ在)复旦大学 学习汉语 。 [国籍:德国][性别:男][考试时间:199200][作文题目:一封求职信][口试:][作文:][听力:0][阅读:0][综合:0][总分:0][证书:无]	原文 标注版
	[2]: 国籍 (CQA)从安卡拉大学毕业后转到中国 学习汉语 。 [国籍:土耳其][性别:男][考试时间:199200][作文题目:一封求职信][口试:][作文:][听力:0][阅读:0][综合:0][总分:0][证书:无]	原文 标注版
	[3]: 国 在中国已经两年了。正在(CD在)上海复旦大学 学习汉语 。 [国籍:土耳其][性别:男][考试时间:199200][作文题目:一封求职信][口试:][作文:][听力:0][阅读:0][综合:0][总分:0][证书:无]	原文 标注版
	[4]:一年(CJX) 国 在北京语言(CC语文)学院 学习汉语 以后[BQ、]90年[BQ、]转到复旦大学学习国际政治。 [国籍:意大利][性别:男][考试时间:199200][作文题目:一封求职信][口试:][作文:][听力:0][阅读:0][综合:0][总分:0][证书:无]	原文 标注版

Рис. 3

第 页共 页

一封写给父母的信

亲爱的父母:

你们都好吗? 家里的人都怎么样

我希望你们的身体都健康, 希望万事如意。

我在中国生活快要三年了, 在这一段时间

内我除了学习汉语以外, 还学习了生活中许多

在国内学不到的东西, 如: 各个国家的不同习

惯, 很多语言最根本的交流方式; 我学习怎么

能达到自己的目的, 因为我一个人住在那么远

Рис. 4

标注版语料 [语料编号:200104124941200137] ×

【作文标题:一封写给父母的信】[国籍:玻利维亚]【字数:348】【词数:230】【证书级别:无】【考试日期:200104】【性别:女】【作文分数:70】【口试分数:75】【听力理解分数:38】【阅读理解分数:25】【综合表达分数:47】【考试总分:244】

200104北语_00025300137

Title一封写给父母的信

亲爱[co]的父母:

你们都好吗? [bo,]家里的人都怎么样? [bc,]我希望你们的身体都健康, 希望万事如意。

我在中国生活快要三年了, 在这一段时间内我除了学习汉语以外, 还学习了生活中许多在国内学不到的东西, 如: 各个国家的不同习惯, 很多语言最根本的交流方式[bi试]; 我学习怎么能达到自己的目的, 因为我一个人住在那么远的地方真是不容易, 没有父母在身边我明白了唯[b维]一的方法是靠自己的努力, 所以我每天就是那样去做[b作]。

关于中国人, 我能够说的是[ccs能说]他们的思想跟他们的语言有密切的关系, 所以了解中国人的习惯并不容易。[bc,]我已学了三年汉语, 通过汉字的写[p方]法和历史[c], 我更进一步地[cc的]了解中国人。他们对外国人是很客气[Ccsd], 可很多时候他们之间不是如此, 原因可能是人口太多了, 人们容易发脾气[ccs发脾气], 但是到现在为止[b此]中国人对我都很好。关于这一点[BQ、]爸妈, 你们不用担心。

爸妈, 现在我得出去, 回来后再[hwz]

(104y) (113c)

Рис. 5

Процесс обучения китайской письменности сопровождается целым рядом трудностей, вызванных спецификой иероглифического строя и идеографичностью письма [Арекеева, 2020, с. 57]. В связи с этим еще один корпус, который необходимо отметить – 中大中介语语料库 – Корпус непрерывных межязыковых данных с ошибками в иероглифах Университета Чжуншань [中大中介语...]. Материалы в него поступают из сочинений и письменных работ на комплексных занятиях иностранных студентов из Колледжа международного китайского языка и Китайского отделения Центра китайского языка при Университете им. Сунь Ятсена. Материалы охватывают начальный, средний и продвинутый уровни.

При вводе ключевого слова 语 (Язык), система выдает варианты, в которых неверно написан данный иероглиф. Рассмотрим один пример, представленный на рис. 6. Дата написания письменной работы – 27.05.2016. Тип ошибки отмечен как «ошибка в компоненте иероглифа», отмечен написанный неверно элемент – □, причина возникновения ошибки – «влияние родного языка». Ошибка допущена учащейся 10-го класса из Японии с родным японским языком. Тема сообщения: «Интерес – лучший учитель».

字典					搜索字典		词典词典	
词典选择	取消选择	词典选择字典	词典上提供词典建议	导出词典	输入字典: 1000	输入字典: 1000		
字典 词典	序号	键字	词典类型	词典部 件	词典来源	上/下 文		
>	1001	读	键字	☐	词典影响	写本词典[来源]的词典。还有，我们不仅不 ⁵ ， ⁶ ， ⁷ ， ⁸ ， ⁹ ， ¹⁰ ， ¹¹ ， ¹² ， ¹³ ， ¹⁴ ， ¹⁵ ， ¹⁶ ， ¹⁷ ， ¹⁸ ， ¹⁹ ， ²⁰ ， ²¹ ， ²² ， ²³ ， ²⁴ ， ²⁵ ， ²⁶ ， ²⁷ ， ²⁸ ， ²⁹ ， ³⁰ ， ³¹ ， ³² ， ³³ ， ³⁴ ， ³⁵ ， ³⁶ ， ³⁷ ， ³⁸ ， ³⁹ ， ⁴⁰ ， ⁴¹ ， ⁴² ， ⁴³ ， ⁴⁴ ， ⁴⁵ ， ⁴⁶ ， ⁴⁷ ， ⁴⁸ ， ⁴⁹ ， ⁵⁰ ， ⁵¹ ， ⁵² ， ⁵³ ， ⁵⁴ ， ⁵⁵ ， ⁵⁶ ， ⁵⁷ ， ⁵⁸ ， ⁵⁹ ， ⁶⁰ ， ⁶¹ ， ⁶² ， ⁶³ ， ⁶⁴ ， ⁶⁵ ， ⁶⁶ ， ⁶⁷ ， ⁶⁸ ， ⁶⁹ ， ⁷⁰ ， ⁷¹ ， ⁷² ， ⁷³ ， ⁷⁴ ， ⁷⁵ ， ⁷⁶ ， ⁷⁷ ， ⁷⁸ ， ⁷⁹ ， ⁸⁰ ， ⁸¹ ， ⁸² ， ⁸³ ， ⁸⁴ ， ⁸⁵ ， ⁸⁶ ， ⁸⁷ ， ⁸⁸ ， ⁸⁹ ， ⁹⁰ ， ⁹¹ ， ⁹² ， ⁹³ ， ⁹⁴ ， ⁹⁵ ， ⁹⁶ ， ⁹⁷ ， ⁹⁸ ， ⁹⁹ ， ¹⁰⁰ ， ¹⁰¹ ， ¹⁰² ， ¹⁰³ ， ¹⁰⁴ ， ¹⁰⁵ ， ¹⁰⁶ ， ¹⁰⁷ ， ¹⁰⁸ ， ¹⁰⁹ ， ¹¹⁰ ， ¹¹¹ ， ¹¹² ， ¹¹³ ， ¹¹⁴ ， ¹¹⁵ ， ¹¹⁶ ， ¹¹⁷ ， ¹¹⁸ ， ¹¹⁹ ， ¹²⁰ ， ¹²¹ ， ¹²² ， ¹²³ ， ¹²⁴ ， ¹²⁵ ， ¹²⁶ ， ¹²⁷ ， ¹²⁸ ， ¹²⁹ ， ¹³⁰ ， ¹³¹ ， ¹³² ， ¹³³ ， ¹³⁴ ， ¹³⁵ ， ¹³⁶ ， ¹³⁷ ， ¹³⁸ ， ¹³⁹ ， ¹⁴⁰ ， ¹⁴¹ ， ¹⁴² ， ¹⁴³ ， ¹⁴⁴ ， ¹⁴⁵ ， ¹⁴⁶ ， ¹⁴⁷ ， ¹⁴⁸ ， ¹⁴⁹ ， ¹⁵⁰ ， ¹⁵¹ ， ¹⁵² ， ¹⁵³ ， ¹⁵⁴ ， ¹⁵⁵ ， ¹⁵⁶ ， ¹⁵⁷ ， ¹⁵⁸ ， ¹⁵⁹ ， ¹⁶⁰ ， ¹⁶¹ ， ¹⁶² ， ¹⁶³ ， ¹⁶⁴ ， ¹⁶⁵ ， ¹⁶⁶ ， ¹⁶⁷ ， ¹⁶⁸ ， ¹⁶⁹ ， ¹⁷⁰ ， ¹⁷¹ ， ¹⁷² ， ¹⁷³ ， ¹⁷⁴ ， ¹⁷⁵ ， ¹⁷⁶ ， ¹⁷⁷ ， ¹⁷⁸ ， ¹⁷⁹ ， ¹⁸⁰ ， ¹⁸¹ ， ¹⁸² ， ¹⁸³ ， ¹⁸⁴ ， ¹⁸⁵ ， ¹⁸⁶ ， ¹⁸⁷ ， ¹⁸⁸ ， ¹⁸⁹ ， ¹⁹⁰ ， ¹⁹¹ ， ¹⁹² ， ¹⁹³ ， ¹⁹⁴ ， ¹⁹⁵ ， ¹⁹⁶ ， ¹⁹⁷ ， ¹⁹⁸ ， ¹⁹⁹ ， ²⁰⁰ ， ²⁰¹ ， ²⁰² ， ²⁰³ ， ²⁰⁴ ， ²⁰⁵ ， ²⁰⁶ ， ²⁰⁷ ， ²⁰⁸ ， ²⁰⁹ ， ²¹⁰ ， ²¹¹ ， ²¹² ， ²¹³ ， ²¹⁴ ， ²¹⁵ ， ²¹⁶ ， ²¹⁷ ， ²¹⁸ ， ²¹⁹ ， ²²⁰ ， ²²¹ ， ²²² ， ²²³ ， ²²⁴ ， ²²⁵ ， ²²⁶ ， ²²⁷ ， ²²⁸ ， ²²⁹ ， ²³⁰ ， ²³¹ ， ²³² ， ²³³ ， ²³⁴ ， ²³⁵ ， ²³⁶ ， ²³⁷ ， ²³⁸ ， ²³⁹ ， ²⁴⁰ ， ²⁴¹ ， ²⁴² ， ²⁴³ ， ²⁴⁴ ， ²⁴⁵ ， ²⁴⁶ ， ²⁴⁷ ， ²⁴⁸ ， ²⁴⁹ ， ²⁵⁰ ， ²⁵¹ ， ²⁵² ， ²⁵³ ， ²⁵⁴ ， ²⁵⁵ ， ²⁵⁶ ， ²⁵⁷ ， ²⁵⁸ ， ²⁵⁹ ， ²⁶⁰ ， ²⁶¹ ， ²⁶² ， ²⁶³ ， ²⁶⁴ ， ²⁶⁵ ， ²⁶⁶ ， ²⁶⁷ ， ²⁶⁸ ， ²⁶⁹ ， ²⁷⁰ ， ²⁷¹ ， ²⁷² ， ²⁷³ ， ²⁷⁴ ， ²⁷⁵ ， ²⁷⁶ ， ²⁷⁷ ， ²⁷⁸ ， ²⁷⁹ ， ²⁸⁰ ， ²⁸¹ ， ²⁸² ， ²⁸³ ， ²⁸⁴ ， ²⁸⁵ ， ²⁸⁶ ， ²⁸⁷ ， ²⁸⁸ ， ²⁸⁹ ， ²⁹⁰ ， ²⁹¹ ， ²⁹² ， ²⁹³ ， ²⁹⁴ ， ²⁹⁵ ， ²⁹⁶ ， ²⁹⁷ ， ²⁹⁸ ， ²⁹⁹ ， ³⁰⁰ ， ³⁰¹ ， ³⁰² ， ³⁰³ ， ³⁰⁴ ， ³⁰⁵ ， ³⁰⁶ ， ³⁰⁷ ， ³⁰⁸ ， ³⁰⁹ ， ³¹⁰ ， ³¹¹ ， ³¹² ， ³¹³ ， ³¹⁴ ， ³¹⁵ ， ³¹⁶ ， ³¹⁷ ， ³¹⁸ ， ³¹⁹ ， ³²⁰ ， ³²¹ ， ³²² ， ³²³ ， ³²⁴ ， ³²⁵ ， ³²⁶ ， ³²⁷ ， ³²⁸ ， ³²⁹ ， ³³⁰ ， ³³¹ ， ³³² ， ³³³ ， ³³⁴ ， ³³⁵ ， ³³⁶ ， ³³⁷ ， ³³⁸ ， ³³⁹ ， ³⁴⁰ ， ³⁴¹ ， ³⁴² ， ³⁴³ ， ³⁴⁴ ， ³⁴⁵ ， ³⁴⁶ ， ³⁴⁷ ， ³⁴⁸ ， ³⁴⁹ ， ³⁵⁰ ， ³⁵¹ ， ³⁵² ， ³⁵³ ， ³⁵⁴ ， ³⁵⁵ ， ³⁵⁶ ， ³⁵⁷ ， ³⁵⁸ ， ³⁵⁹ ， ³⁶⁰ ， ³⁶¹ ， ³⁶² ， ³⁶³ ， ³⁶⁴ ， ³⁶⁵ ， ³⁶⁶ ， ³⁶⁷ ， ³⁶⁸ ， ³⁶⁹ ， ³⁷⁰ ， ³⁷¹ ， ³⁷² ， ³⁷³ ， ³⁷⁴ ， ³⁷⁵ ， ³⁷⁶ ， ³⁷⁷ ， ³⁷⁸ ， ³⁷⁹ ， ³⁸⁰ ， ³⁸¹ ， ³⁸² ， ³⁸³ ， ³⁸⁴ ， ³⁸⁵ ， ³⁸⁶ ， ³⁸⁷ ， ³⁸⁸ ， ³⁸⁹ ， ³⁹⁰ ， ³⁹¹ ， ³⁹² ， ³⁹³ ， ³⁹⁴ ， ³⁹⁵ ，<		

Типы ошибок по данным корпуса представлены в табл.

Таблица

Типы ошибок и их причины

Тип ошибки	Причина ошибки в замене (错字偏误原因)	Причина ошибки в путанице (别字偏误原因)	Тип нестандартного написания (不规范字类型)
笔画通漏 (blyl) – Пропуск черты	Влияние контекста	Омофоны / схожие по звучанию	Путаница целых компонентов
部件通漏 (bjyl) – Пропуск компонента	Влияние родного языка	Схожие по форме	Слитное написание
笔画误加 (bbwj) – Лишняя черта	Схожие по форме	Схожие по значению	Неправильное соотношение черт
部件误加 (bjyj) – Лишний компонент	Ошибка в семантическом компоненте	Схожие по звуку и форме	Неправильная форма черт
笔画误 (bbwd) – Неправильная черта	Ошибка в фонетическом компоненте	Схожие по звуку, форме и значению	Разболтанная структура
部件误 (bjwd) – Неправильный компонент	Не освоены основы письма	Схожие по форме и значению	Неправильное положение черт
笔画错位 (bbcw) – Смещение черты	Влияние составного слова	Схожие по звуку и значению	Влияние печатного шрифта
部件错位 (bjcw) – Смещение компонента	Внутриероглифное влияние	Нет связи (звук/форма/значение)	Неправильное положение компонента
笔画变形 (bbbx) – Искажение черты	–	Влияние контекста	Неправильная форма компонента
部件变形 (bjbx) – Искажение компонента	–	Путаница внутри слова	Неправильная длина черт
笔画断笔 (bhdb) – Разрыв черты	–	Влияние родного языка	Незавершенный компонент
笔画合笔 (bhbb) – Слияние черт	–	–	–
整字错误 (zzcw) – Ошибка во всем иероглифе	–	–	–

Подводя итог, нужно отметить, что межъязыковые корпуса китайского языка служат мощным инструментом для исследований и практики в различных областях, например: выявление систематических ошибок (грамматика, лексика, произношение) у носителей разных языков, создание адап-

тированных пособий на основе реальных ошибок, исследование влияния родного языка на изучение китайского, анализ культурных стереотипов в текстах иностранцев.

Дальнейшее расширение и совершенствование корпусов, разработка эффективных инструментов анализа и интеграция с другими областями знаний будут способствовать углубленному пониманию китайского языка и его роли в современном мире.

Литература

Арекеева Ю. Е. Методы обучения китайскому иероглифическому письму в раннем возрасте // Многоязычие в образовательном пространстве. 2020. Т. 12. С. 52–60.

Борискина О. О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 24–27.

Борискина О. О., Шилихина К. М. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике // Политическая наука. 2017. № 2. С. 30–53.

Захаров В. П. Корпусная лингвистика : учеб.-метод. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУ. 2005. 48 с.

全球汉语中介语语料库建设与应用综合平台 URL: <https://qqk.blcu.edu.cn/#/search/survey>(дата обращения: 20.04.2025).

北语 HSK 语料库 URL: <http://hsk.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 20.04.2025).

中大中介语语料库 URL: <https://cile.sysu.edu.cn/>(дата обращения: 20.04.2025).

Лу Исинь. Принципы создания корпусов китайского языка // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2016. № 181. С. 22–29.

Майорова А. Д. Корпусная лингвистика: исторический и лингводидактический аспекты // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 5 (59), ч. 2. С. 42–46.

Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2(16). С. 7–20.

Плунгян В. А. Корпусная лингвистика на современном этапе // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 9. С. 787–794.

Рахилина Е. В. О новых инструментах описания русской грамматики: корпус ошибок // Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 20–25.

Тао Юань. Создание и использование параллельного корпуса русского и китайского языков // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. С. 76–82.

Харченко Е. В. Филология в системе высшего образования: чему и как учить современных студентов // Наука ЮУрГУ : материалы 66-й науч. конф. 2014. С. 1367–1374.

Шелякин А. В. Повышение эффективности преподавания иностранных языков в условиях глобализации и цифровизации обучающего пространства // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 1. С. 91–96.

Л. А. Воробьева, А. Е. Бакулина

Иркутский государственный университет, Иркутск

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРНЕТ-НЕОЛОГИЗМОВ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Рассматриваются японские интернет-неологизмы, их происхождение и способы образования. Проводится анализ предпосылок появления интернет-неологизмов в современном японском обществе.

Ключевые слова: неологизм, интернет-коммуникация, интернет-пространство, способы образования неологизмов, японский язык.

L. Vorobeva, A. Bakulina

Irkutsk State University, Irkutsk

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF INTERNET NEOLOGISMS OF THE JAPANESE LANGUAGE

Abstract. The aim of the article is to consider Japanese Internet neologisms, determine their origin, and methods of formation. An analysis of the prerequisites for the emergence of Internet neologisms in modern Japanese society is carried out.

Keywords: neologism, Internet communication, Internet space, methods of neologism formation, the Japanese language.

Быстро развивающееся общество, непрерывные изменения и нововведения во всех сферах общественной жизни не могут не иметь отражения в языке. Словарный состав каждого языка постоянно расширяется за счет новых лексических единиц, а сфера интернет-пространства представляет собой место для постоянного пополнения новыми словами, от специальных терминов до обиходных слов, прочно укореняющихся в современном языке.

Интернет-пространство, являясь глобальной информационной системой, построенной на связи глобальных уникальных адресов в интернет-протоколе (IP), получило свое определение сравнительно недавно, а именно в конце 1995 г. [Абдульманов, Кузьмин, 2010]. Интернет является феноменом, реализуемым на обмене информацией в сети посредством моделирования коммуникации через новые технологии [Скородумова, 2004, с. 124], которая в свою очередь именуется интернет-коммуникацией.

По мнению И. Н. Розиной, интернет-коммуникация осуществляется человеком с целью самообразования, взаимообмена знаниями в различных сферах жизни, а также осуществления межкультурной коммуникации [Розина, 2005, с. 32]. Коммуникативное взаимодействие в сети Интернет характеризуется несколькими факторами, а именно частотой коммуникативного взаимодействия, глубиной обмена информацией, продолжительностью процесса взаимодействия участников коммуникации в реальном времени. В связи с этим можно говорить об особенностях языка в сети Интер-

нет. Несомненно, с развитием технологий, помимо письменной формы языка, с появлением мультимедиа реализуется и устная форма, однако под влиянием особенностей общения в интернет-пространстве неизбежно происходит искажение литературной нормы, о чем свидетельствуют нарушения грамматических, лексических, морфологических норм языка [Бойко, 2017, с. 164]. Интернет-язык обогащается, избавляясь от редко употребляемой лексики, и, как результат, пополняется достаточным количеством интернет-неологизмов, стремительно проникающих в повседневную жизнь человека.

Задача нашего исследования заключается в выявлении основных способов образования интернет-неологизмов в японском языке. Говоря о словообразовании в японском языке, доминантным можно считать морфологический метод, базирующийся на способе создания новых слов путем сложения двух или более значимых основ. Этот метод является популярным со времен реставрации Мэйдзи, когда Япония вновь вступила в контакт с остальным миром и нуждалась в расширении словаря для обработки новой информации [Green, 2009, p. 463]. Данный метод основосложения активно используется и сейчас. При создании нового слова в качестве компонентов используются иероглифы с определенным значением, формирующим лексическое значение слова в целом. Однако японские лингвисты придерживаются мнения, что этот способ в живой речи непродуктивен. Чаще всего лексические единицы, образованные таким способом, можно встретить на вывесках, в именах, названиях товара и т. д. Поскольку слова, образованные путем сложения нескольких основ, на письме представленные рядом иероглифических сочетаний, могут тяжело восприниматься на слух, носители языка предпочитают избегать таких слов и зачастую меняют их на заимствования, которые имеют такое же значение. Среди продуктивных способов образования неологизмов в японском языке можно выделить следующие: основосложение, заимствование, создание 和製英語 *васэй-эйго* (псевдоанглицизмы, конструкций, не существующих в английском языке, но использующихся в японском языке в качестве кальки с английского), аббревиацию и сокращение, аффиксацию.

Рассмотрим интернет-неологизмы японского языка, появившиеся в интернет-пространстве за последние несколько лет. Базой для нашего анализа послужили дефиниции, приведенные в словарях 新語時事用語辞典, Jardic, 別司 大典. Так, в настоящее время множество неологизмов образуется в японском языке в связи с созданием новых видов интернет-ресурсов, в том числе социальных сетей:

1. セルフィー *сэруфи*: «селфи» – автопортрет, созданный с помощью фотокамеры, иногда при помощи зеркала, монопода. Слово является производным от слова *selfie* из английского языка.

2. 自取り *дзидори* «селфи» – еще одно слово для обозначения автопортрета, снятого на камеру мобильного телефона или другого гаджета. В японском языке, помимо заимствованного слова, также используется японская лексическая единица, которая была специально создана для определения явления селфи. В составе данного слова используется соединение двух иероглифов 自 *дзи* «сам» и 取る *тору* «брать» (глагол, использующийся в выражении 写真を取る *сясин-о-тору* «фотографировать»).

3. バエる *баэру* «хорошо выглядеть на фотографиях в социальных сетях». Термин образован от глагола 映える *хаэру* «сиять; хорошо выглядеть». Таким образом произошло расширение значения слова.

4. ハンズフリー *хандзуфури*: «режим hands-free» – режим съемки видео внутри соцсетей, при котором пользователю не нужно держать камеру и кнопку «старт». Слово пришло из английского языка (*hands-free*).

5. ライブ *райбу* «стрим» – онлайн-трансляция, с помощью которой можно делиться текущими событиями, вживую общаться с подписчиками и многое другое. Данное слово также берет начало из английского языка, образовано от слова *live*.

6. ネームタグ *нэ:мутагу* «неймтэг» – именные изображения-метки (наподобие QR-кода), которые можно отсканировать с помощью камеры, включенной через приложение, найти человека, которому эта метка принадлежит, и подписаться на него.

7. ストスナ *сутосуна* (сокращение от ストリートスナップ *сутори:тосунаппу*, от англ. *street snap*) «уличные снэпы» – фотоснимки, которые делают на улицах города с целью запечатлеть модно одетых молодых людей.

8. アヒル口 *ахиругучи* «губы уточкой» – выпячивание губ при фотографировании себя таким образом, что это напоминает клюв утки. В английском языке это называется *duck face*. Выражение было образовано путем соединения записанного на катакане слова 家鴨 *ахиру* «домашняя утка» и слова 口 *кучи* «рот».

9. チュートリアル *тю:ториару* «туториал» – вид обучающего материала или информации, которые преподносятся пользователю в самой простой

форме. Все передаваемые при этом данные обычно оформляются в виде пошаговой инструкции или пособия, что обеспечивает простоту их восприятия. Слово пришло из английского языка от слова tutorial.

10. 呟く цубуяку «опубликовать пост». Исконное значение данного глагола «бормотать себе под нос», однако в связи с цифровизацией стал использоваться как синоним к слову «постить», «публиковать в интернет-пространстве». То есть слово со временем приобрело дополнительное значение.

11. リプライする *ripuray суру* «ответить» – аналог слова «комментировать» (оставлять комментарий под публикацией). Выражение образовалось путем присоединения глагола *する суру* «делать» к английскому слову reply «ответ».

12. アカウント *акаунто* «аккаунт» – страничка в соцсети. Слово пришло из английского языка (account).

13. 垢 *ака* «аккаунт» буквально означает «грязь» или «накись», но, так как имеет то же звучание, что и первые два слога в слове *カウウント акаунто*, используется пользователями в значении «аккаунт».

14. 鍵アカウント *кагиакаунто* / 鍵アカ *кагиака* / 鍵垢 *кагиака* «закрытый (приватный) аккаунт» – аккаунт, который могут просматривать только подписчики, чью заявку одобрили. Данное явление распространено во многих социальных сетях. Выражение образовано путем соединения японского слова 鍵 *каги* «ключ» и английского слова account, а также присоединением японского слова 垢 *ака* (см. прим. 13).

15. 裏アカウント *ураакаунто* / 裏アカ *ураака* / 裏垢 *ураака* «анонимный аккаунт» – аккаунт, который используется наряду с основным аккаунтом, секретный аккаунт, в котором человек не раскрывает свою личность. Выражение образовано путем соединения японского слова 裏 *ура* «обратная сторона» и английского слова account, либо японского слова 垢 *ака*.

16. 中の人 *нака-но хито*. Такие корпорации, как Nintendo и NHK, преуспевают в социальных сетях, но за их постами стоят определенные люди, и они известны как *нака-но хито*. Они получили это прозвище, поскольку их настоящие личности неизвестны. Буквально словосочетание можно понять как «внутренний человек», ведь оно образовано с помощью иероглифов 中 *нака* «внутри» и 人 *хито* «человек».

17. 炎上 *эндзё*: – буквально «уничтожение огнем». Термин *эндзё*: используется, когда кто-то вызывает бурю критики в интернете. То есть явление, при котором люди, особенно медийные персоны, буквально стираются из инфопространства и общественной жизни за спорные высказывания и поступки. Мы видим, что слово со временем приобрело новое значение среди интернет-пользователей.

18. 相互フォロー *со:го форо*: «взаимный подписчик» – человек, который подписан на другого взаимно. Словосочетание было получено путем соединения японского слова 相互 *со:го* «взаимость» и английского слова follow со значением «следовать, подписываться».

19. 無言フォロー *мугон форо*: «молчаливый подписчик» – человек, подписывающийся на активных пользователей, не представившись и не планируя вступать в коммуникацию с ними в будущем. Словосочетание объединяет в себе японское слово 無言 *мугон* «молчание» и английское слово follow «следовать, подписываться».

20. コメント *комэнто* «комментарий». Слово заимствовано из английского языка (comment).

21. シェア *шеа* «поделиться». Заимствование из английского языка (share).

22. チャット *тятто* «чат». Слово пришло из английского языка (chat).

23. プロフィール *пурофи:ру* «профиль». Источником является слово английского языка profile.

24. パスワード *пасува:до* «пароль» от английского password.

25. 近況アップデート *кинкё: аппудэ:то* «обновление статуса». Словосочетание образовано путем соединения японского слова 近況 *кинкё:* «текущее состояние (положение дел)» и английского update «обновление».

26. お知らせ *осирасэ* «уведомление». В японском языке данное слово понимается как сообщение или оповещение о чем-либо в повседневной жизни. Однако в интернет-сети под уведомлением понимается всплывающее окно, оповещающее пользователя о новом сообщении или любом другом взаимодействии с профилем. Таким образом, происходит расширение лексического значения.

27. メッセージ *мэссэ:dzi* «сообщение». Слово пришло из английского языка (message).

28. おすすめ *о-сусумэ* «рекомендованные записи». Изначально «совет, рекомендация, предложение». В интернет-пространстве под *о-сусумэ* подразумеваются рекомендованные к просмотру фотографии и посты, подобранные в соответствии с тем, что отмечается «избранным» и просматривается пользователем той или иной социальной сети.

29. ハッシュタグ *хасшютэгу* «хэштэг» – ключевое слово в сообщении, которое используется в социальных сетях для упрощения поиска информации по заданной теме. Слово отмечается специальным значком «#». Пришло из английского языка (hashtag).

30. 荒らし *араси* «интернет-тролль» – буквально «разрушение, разграбление». В сети данным словом *араси* называют человека, который публикует подстрекательские, неискренние, отступающие, посторонние сообщения с целью спровоцировать пользователей на эмоциональные реакции или манипулировать восприятием других людей.

31. バズる *бадзуру* «вызывать ажиотаж в интернете». Слово образовано путем присоединения глагольного окончания る *ру* к английскому слову buzz «гул, жужжание».

32. ずっと友 *дзуттомо* «лучшие друзья в сети». Слово образовано путем слияния слов ずっと *дзутто* «всегда» и 友達 *томодати* «друг».

33. 寝落ち *нэоти* «случайно заснуть», особенно во время просмотра фильмов в интернете или находясь в онлайн-игре. Выражение возникло на основе двух глаголов – 寝る *нэру* «спать» и 落ちる *отиру* «падать», т. е. буквально «проваливаться в сон».

34. インフルエンサー *инфуруэнса* «инфлюэнсер» – пользователь, имеющий обширную и лояльную аудиторию. Слово пришло из английского языка (influencer).

35. ネット住民 *нэттодзю:мин* «интернет-пользователь». Словосочетание включает в себя английское слово net «сеть» и японское слово 住民 *дзю:мин* «народ, население».

36. リア充 *риадзю:* «человек, который проводит много времени в реальной жизни». Выражение образовано путем соединения английского слова real «реальный» и японского иероглифа 充 *дзю:* «наполнять».

37. キョロ充 *кёродзю:* «человек, озабоченный тем, чтобы казаться популярным в сети». Выражение образовано соединением японского онома-

топозитического слова キヨキヨ *kёро-кёро* «оглядываться, беспокожно искать» и иероглифа 充 *дзю*: «наполнять».

38. いいね *ий нэ* «лайк». Выражение, буквально означающее «Это здорово». В японских социальных сетях используется для обозначения «нравится».

39. デジタルノマド *дэдзитаруномадо* «цифровой кочевник» – человек, который свободно путешествует, работая удаленно, используя технологии и интернет. Пришло из английского языка (*digital nomad*).

40. ネット中毒 *нэтто:доку* «интернет-зависимость». Словосочетание включает в себя английское слово *net* «сеть» и японское слово 中毒 *то:доку* «отравление».

41. ネットナンパ *нэттонампа* «интернет-знакомство». Словосочетание образовано путем соединения английского слова *net* «сеть» и записанного на катакане японского слова 軟派 *нампа*, означающего «романы о любви».

42. コピる *копиру* «копировать». Слово образовано путем присоединения глагольного окончания る *ру* к английскому слову *сору* «копия, копировать», однако изначально в языке функционирует глагол コピーする *копи: суру*.

43. テる *тэру* «звонить». Слово образовано путем присоединения глагольного окончания る *ру* к части английского слова *telephone* «телефон».

Таким образом, мы увидели, что интернет-неологизмы охватывают в основном сферу самого интернета и взаимоотношений людей в нем, а также фотографию, моду, спорт и многое другое. Некоторые лексические единицы приобретают совершенно новую коннотацию. Анализ выбранных лексических единиц показал, что самой многочисленной группой неологизмов является группа, где способами образования являются транслитерация – сохранение изначальной формы слов из английского языка, а также усечение одного или нескольких компонентов слова. Второй по количеству является группа неологизмов, образованных путем присоединения к неологизму-заимствованию глаголообразующего аффикса *する суру* или глагольного окончания *る ру*. Встречаются также неологизмы, образование которых реализуется через объединение заимствования и слова японского происхождения, а именно словосложение. Важно отметить, что с развитием социальных сетей, коммуникации в интернет-пространстве в японский язык активно внедряются интернет-неологизмы, которые в большинстве своем подчиняются нормам японской фонетики и грамматики.

Литература

Абдульманов А. А., Кузьмин И. С. Характеристика сети Интернет и ее значение в системе информатизации общества. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-seti-internet-i-ee-znachenie-v-sisteme-informatizatsii-obschestva> (дата обращения: 15.05.2025).

Бойко Е. И. Современные СМИ в сети интернет и их влияние на мировую культуру // Управленческое консультирование. 2017. № 6(102). С. 163–169. DOI 10.22394/1726-1139-2017-6-163-169. EDN ZBNBNV.

Розина И. Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация как Прикладная область коммуникативных исследований // ОТО. 2005. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-kompyuterno-oposredovannaya-kommunikatsiya-kak-prikladnaya-oblast-kommunikativnyh-issledovaniy> (дата обращения: 15.05.2025).

Скородумова О. Б. Интернет и его основные социокультурные функции // Философия и общество. 2004. № 1(34). С. 119–137.

Словарь 新語時事用語辞典. URL: <http://www.breaking-news-words.com>.

Breen J. Identification of Neologisms in Japanese by Corpus Analysis // ELexicography in the 21st Century: New Challenges, New Applications. Melbourne, 2009. P. 463.

Jardic. Японские словари. URL: <http://www.jardic.ru>.

別司 大典. 『新語・流行語分析: Google Trends を利用して』.

УДК 811.521'25

Д. А. Долженко

Иркутский государственный университет, Иркутск

ДИАЛЕКТЫ РЕГИОНА ТОХОКУ КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛЕ СЕРИАЛА «АМА-ТЯН»)

Аннотация. Статья посвящена разработке проблемы перевода диалектизмов северного региона Тохоку на материале экспериментального перевода телесериала «Ама-тян», снятого на основе сценария Кудо Канкуро. Также рассматриваются основные способы репрезентации диалектных особенностей при переводе с японского языка на русский язык.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, кинотекст, диалект Иватэ, регион Тохоку, японский язык.

D. Dolzhenko

Irkutsk State University, Irkutsk

DIALECTS OF THE TOHOKU REGION AS A TRANSLATION PROBLEM (ON THE MATERIAL TV SERIES “AMA-CHAN”)

Abstract. The paper is devoted to the research of the problem of translating the dialects of the Tohoku region on the basis of the material of the experimental translation of the TV series “Ama-chan” based on the screenplay by Kudo Kankuro. The paper also considers the main ways of representing dialect peculiarities in translation from Japanese into Russian.

Keywords: audio-visual translation, film text, Iwate dialect, Tohoku region, the Japanese language.

В последнее время количество аудиовизуального контента, поступающего на отечественный рынок из-за рубежа, ежегодно увеличивается в несколько раз, что побуждает и профессиональные студии перевода, и непрофессиональных переводчиков-любителей ориентироваться в первую очередь на количество и остро ставит проблему качественного выполнения аудиовизуальных переводов.

Аудиовизуальный перевод, помимо сложного технологического процесса, ставит перед переводчиками и проблемы, касающиеся теории перевода. Одной из таких проблем являются способы репрезентации диалектных особенностей, встречающихся в кинотексте, на решении которой и сосредоточится наше исследование.

Вслед за теоретиком аудиовизуального перевода Е. Д. Малёновой под этим термином будем понимать «процесс декодирования и передачи средствами языка перевода вербального компонента полисемиотического единства аудиовизуального произведения, в результате которого создается новый вербальный компонент этого единства, пригодный к дальнейшей обработке (субтитрованию, озвучиванию, локализации и т. п.) с учетом общего контекста произведения, ожидаемой реакции потребителя контента и функциональных ограничений, накладываемых каждым отдельным видом дальнейшей обработки» [Малёнова, 2017]. Каждый из этих видов дальнейшей обработки позволяет репрезентировать диалектизмы разными способами, но прежде нужно разобраться, как проблему отображения диалектизмов решают с помощью общей теории перевода в работе с художественным текстом.

Согласно С. А. Горской, диалектизмы – «это слова местных говоров, которые встречаются в речи выходцев из определенной диалектной среды и используются в языке художественной литературы как средство стилизации (с целью создания местного колорита, речевой характеристики персонажей)» [Горская, 2008]. Диалектизмы решают в тексте следующие задачи: «создание местного колорита, передачу особенностей речи героев, создание речевой экспрессии» [Голуб, 1997, с. 231].

Практически все исследователи (В. Н. Комиссаров, В. С. Виноградов, И. С. Алексеева и др.) сходятся в том, что диалектизмы являются отклонениями от литературной нормы, а каждое употребление диалектизма привносит в текст оттенок просторечия. При этом воспроизводить территориальный диалект, сформировавшийся в своей социокультурной среде, диалектом отдельно взятой территории языка, на который осуществляется перевод, считается неверным, поскольку «использование элементов того или иного территориального диалекта языка перевода неизбежно вступает в противоречие с реальным содержанием подлинника, с местом действия, с его обстановкой, с принадлежностью действующих лиц, как и самого автора, к определенной национальности» [Федоров, 2002, с. 343]. Для вы-

полнения адекватного перевода и передачи социокультурной характеристики персонажей предлагается применять переводческую компенсацию. К примеру, А. Д. Швейцер говорит о том, что «если локальный компонент диалектной речи непереволим, то это в известной мере компенсируется передачей ее социального компонента. Обычно это достигается с помощью просторечия и сниженной разговорной речи» [Швейцер, 1988, с. 104].

Несколько иначе обстоит дело в аудиовизуальном переводе. Как утверждает опытный исследователь и практик аудиовизуального перевода А. В. Козуляев, «плотность информационных потоков в рамках аудиовизуальных дискурсов такова, что... реципиент воспринимает их на грани сенсорного перегруза. ...Закономерным является вопрос о структурной основе процесса осмысления аудиовизуального произведения. Очевидно, что из-за многоуровневой его структуры, в которой вербальный компонент не является преобладающим, а подчинен видеоряду и сюжету, переводчику следует осмысливать АВ-произведение на уровне экстралингвистических единиц» [Козуляев, 2018]. Поэтому зачастую особенности диалектной речи, не имеющей эквивалента в русском языке, намеренно опускаются переводчиком, а социокультурную составляющую характеристики персонажа реципиенту предлагается добирать по визуальным каналам.

Однако японская телекомпания NHK, выпускающая утренние сериалы, известные под названием 朝ドラ асadora (сокращение от 朝ドラマ *аса дорама* *утренний сериал*), помимо несомненной художественной ценности сериала, преследует цель продемонстрировать разнообразие культуры японских регионов и префектур, а также пропагандирует сохранение местной культуры, чьей неперменной составляющей в представлении японцев является и местный диалект. Таким образом, репрезентация территориального диалекта в переводе асadora становится одной из ключевых проблем, которая встает перед переводчиками данных сериалов на русский язык. Очевидно, что в подобном случае нельзя «сгладить» речь персонажей, наполненную диалектизмами, до литературной нормы, так как именно диалект является главной характеристикой не только персонажей, но и места действия.

В нашей работе мы рассмотрим 88-й утренний сериал телекомпании NHK あまちゃん *аматян* «Ама-тян», который показывает массовому зрителю культуру северного региона Тохоку и рассказывает о ныряльщиках за морскими ежами.

Диалект, на котором разговаривают жители Кита-Санрику в сериале «Ама-тян», имеет несколько названий: 東北弁 *то:хокубэн*, 岩手弁 *иватэбэн*, 南部弁 *намбубэн*.

東北弁 *то:хокубэн* диалект северо-восточного региона – общее название для диалектов северо-восточной части острова Хонсю, имеющих схожие черты. Так, к примеру, 寿司 *суси* произносится в диалекте Тохоку как *сусу*. Диалект Тохоку можно разделить на северный и южный, а те в свою очередь делятся на множество отдельных субдиалектов: цугару, сэндай и т. д.

岩手弁 *иватэбэн* диалект Иватэ – общее название для диалектов префектуры Иватэ, входящих в группу диалектов Тохоку. Диалект Иватэ подразделяется на диалекты северного и южного Иватэ: диалект города Мориоки, диалект намбу и др.

南部弁 *намбубэн* диалект намбу – название диалекта северной части Иватэ, где многие реалии содержат в своем названии слово намбу: 南部せ んべい *намбу сэмбэй* рисовые крекеры намбу, 南部潜り *намбу могури* водолазное ныряние намбу и т. д. Такие названия даются в честь самурайского рода Намбу, который правил регионом Тохоку около 700 лет с эпохи Камакура до реставрации Мэйдзи.

В сериале «Ама-тян» действие происходит в северной части префектуры Иватэ, которая входит в регион Тохоку, поэтому местные жители говорят на северных диалектах, преимущественно на диалекте Иватэ. Сценарист Кудо Канкуро – уроженец префектуры Мияги, которая находится в 100 км от города Кудзи, ставшего прообразом главного места действия в первой части сериала «Ама-тян» города Кита-Санрику, – писал сценарий, сразу используя диалект Тохоку, характерный для префектуры Мияги. Затем специально нанятый инструктор по диалекту Иватэ, Нобуэ Кикуги, поправляла написанные реплики, используя диалект, характерный для города Кудзи. Чтобы сделать его максимально похожим, она приехала в Косодэ, прибрежный район города Кудзи, и слушала истории ныряльщиц, сказителей и рыбаков. Для актеров записывали реплики с ударениями и интонациями, после чего каждый из них прослушивал запись и повторял текст до тех пор, пока звучание реплик не становилось похожим на фразы, сказанные на местном диалекте [女性自身, 2013].

Японские диалекты отличаются лексически, грамматически и интонационно. Диалект Иватэ, вслед за многими другими диалектами региона Тохоку, характеризуется озвончением глухих звуков (行く *ику* идти становится *игу*, 分かった *вакатта* понял – *вагатта* и т. д.). Есть мнение, что произошло это под влиянием холодного климата: жители прибрежных районов северного моря не хотели широко открывать рот на холодном ветру и добавляли «звучности» словам иным способом. По той же причине

окончание глаголов в отрицательной форме *ない най* (произносится с широко открытым ртом) трансформируется в диалектах региона Тохоку в *ねえ нээ* (произносится со слегка разомкнутыми губами).

На конце фразы часто появляется *たべえ дабээ* – аналог глагола-связки *だろう даро:*, выражающего, в зависимости от интонации, предположение, вероятность или уверенность. Форма глагола *する суру* *делать*, выражающая приглашение к совместному действию *しよう сие:* *давай сделаем*, произносится как *すつ^へ сунтэ*. Также для образования пригласительной конструкции к словарной форме глагола может добавиться *ど (行くと игу до пойдем* – то же самое, что и *行こう ико:* *пойдем*).

Вместо вежливого глагола-связки *でございます дэ годзаимасу* используется сокращенная форма *дэ гасу*. Для выражения настоятельной просьбы на конце фразы появляется *けろ кэро* *давай-ка, сделай-ка* и заменяет *ください кудасай* *пожалуйста*.

Так как большая часть персонажей является не только жителями северного региона Тохоку, но также лицами преклонного возраста, для передачи особенностей местного диалекта подходит просторечная лексика, характерная для пожилых людей. Из уст молодой главной героини, приехавшей в Иватэ из Токио и являющейся носительницей литературной нормы произношения, приобретшей местный говор под влиянием общения со старушками, это звучит нестандартно и комично, что также закладывалось авторами сериала на уровне сценария. Таким образом, наличие просторечия в данном случае позволяет добиться адекватности перевода.

Для фраз, содержащих *たべえ дабээ* и выражающих уверенность, уместно использовать просторечные *же* и *же жэ*, а в репликах, где присутствуют диалектизмы-местоимения, особенность которых невозможно передать в русском языке, компенсировать их передачу добавлением в текст просторечного слова. Так, к примеру, можно поступить с названиями недель в сериале (утренние сериалы делятся на блоки из 5–6 серий по неделям их выхода и обычно серии одной недели имеют единое название и сквозную нумерацию от 1 до 5 или 6). Каждая из них начинается со слова *о́ра ора* – местоимения *я* на диалекте Тохоку. Его можно заменить на просторечное *эва*, имеющее значение усиления (название 8-й недели *о́ра、ドキドキが止まんねえ ора, докидоки га томаннээ* «Я не могу унять стук сердца») таким образом становится в переводе «Эва, не унять мне сердца стук», где *эва* компенсирует и *ора*, и диалектическое окончание глагола *нээ*).

Ниже в таблице приводятся часто употребляемые диалектизмы с найденными для них просторечными эквивалентами.

Таблица

Диалектизм	Эквивалент	Значение и этимология
しゃっこい <i>сяккой</i>	Зябкий	Используется вместо つめたい <i>цумэтаи</i> холодный
なして <i>наситэ</i>	Пошто?	Нечто среднее между разговорным なぜ <i>надзэ</i> почему? и более формальным どうして <i>до:ситэ</i> почему?
ばっぱ <i>баппа</i>	Баба	Видоизмененное おばあちゃん <i>оба:тян</i> бабушка
わがねえ <i>ва-ганээ</i>	Поди знай	Видоизмененное わからない <i>вакаранаи</i> не знаю
おら <i>ора</i>	Я	Видоизмененное おれ <i>орэ</i> я
おらあど <i>ора:до</i>	Мы	Видоизмененное おれたち <i>орэтати</i> мы
んが <i>нга</i>	Ты	Используется вместо おまえ <i>омаэ</i> ты
んだ <i>нда</i>	А то	Данная конструкция не является словом, но используется в диалекте для выражения согласия
やがましい <i>ягамасии</i>	Угомонись! (досл. «шумный, раздражающий»)	Видоизмененное やかましい <i>якамасии</i> шумный
めんこい <i>мэн-кой</i>	Красота	Используется вместоかわいい <i>кавайи</i> милый, красивый
お晩です <i>обан дэс</i>	Вечерок	Используется вместо こんにちは ! <i>комбанва</i> добрый вечер!
せっせど <i>сэссэ-до</i>	Шибче	Используется вместо 急いで <i>исоидэ</i> поспеши
いぐねえ <i>игунээ</i>	Никудышно	Видоизмененное 良くない <i>ёкунаи</i> нехорошо

При этом в зависимости от вида аудиовизуального перевода появляются разные способы отображения диалекта. В переводе субтитрами можно написать *што* вместо *что*, а при озвучивании (дубляже или закадровой озвучке) возможно «окать» или неправильно ставить ударения.

Однако главное, о чем стоит помнить переводчику, решившему отразить в своем переводе характерные особенности диалекта, – чувство меры. Большое количество диалектизмов затрудняет восприятие для зрителя, которому приходится следить и за происходящим на экране, и тратить большее время на осмысление написанного в тексте субтитров или произнесенное актером озвучания малознакомое слово, выбивающееся из литературной нормы, а значит, что подобные просторечные фразы должны использоваться по минимуму и только тогда, когда без их употребления для достижения лучшего результата перевода не обойтись.

Литература

- Голуб И. Б. Стилистика русского языка. Стилистика русского языка : учеб. пособие. М., 1997.
- Горская С. А. Практикум по современному русскому языку. Лексика. Фразеология. Лексикография. Ч. 1. Теория. Гродно : ГрГУ, 2008.
- Козуляев А. В. Понимание как составляющая процесса аудиовизуального перевода и методические приемы обучения пониманию аудиовизуальных произведений // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponimanie-kak-sostavlyayuschaya-protsess-audiovizualnogo-perevoda-i-metodicheskie-priemy-obucheniya-ponimaniyu-audiovizualnyh> (дата обращения: 16.05.2025).
- Малёнова Е. Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-i-praktika-audiovizualnogo-perevoda-otechestvennyy-i-zarubezhnyy-opyt> (дата обращения: 15.05.2025).
- Федоров А. В. Основы общей теории перевода. СПб. ; М., 2002. 415 с.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.
- 女性自身 = Журнал «Независимая женщина» / 『あまちゃん』人気を支える「岩手ことば指導」女性の奮闘 = Усилия женщины-инструктора диалекта Иватэ, способствующие популярности сериала «Ама-тян». 2013. URL: <https://jisin.jp/entertainment/entertainment-news/1609447/> (дата обращения: 17.05.2025).

УДК 811.58

О. Г. Кобжицкая

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОППОЗИЦИИ ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ В КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПОЭЗИИ)

Аннотация. Проводится сопоставительный анализ оппозиции жизнь/смерть в русской и китайской лингвокультурах на основе фразеологизмов и поэтических произведений. Выявлено, что на интерпретацию ключевых понятий человеческого бытия оказали влияние различные культурно-религиозные факторы, что лишний раз подтверждает уникальность и своеобразие каждой из рассмотренных лингвокультур.

Ключевые слова: лингвокультура, оппозиция жизнь/смерть, фразеологизмы, даосизм, буддизм, христианство, поэзия.

O. Kobzhitskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF THE OPPOSITION LIFE / DEATH IN CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES (BASED ON PHRASEOLOGY AND POETRY)

Abstract. This article presents a comparative analysis of the opposition life/death in Russian and Chinese linguocultures. The primary material for the analysis includes phraseological expressions and poetic works. The study reveals that the interpretation of key concepts of human existence is influenced by various cultural and religious factors, which once again confirms the uniqueness and distinctiveness of each linguoculture under consideration.

Keywords: linguoculture, opposition life/death, phraseology, Daoism, Buddhism, Christianity, poetry.

Жизнь и смерть, являющиеся универсальными категориями человеческого бытия, занимают одно из центральных мест в сопоставительных лингвистических исследованиях, посвященных изучению отношения к жизни и смерти носителей разных лингвокультур. Китайский ученый Ли Мань, исследовавший лингвокультурную антиномию жизни и смерти в русском и китайском языках, отмечает, что «в китайской традиции восприятие смерти более спокойное, чем в русской традиции. Объясняется это укоренившимся в традиционном сознании носителей китайского языка отношением к смерти не как к концу жизни, а как к переходу в новое неизбежное состояние человеческого бытия» [Ли, 2024, с. 21].

В данной статье оппозиция жизнь/смерть рассматривается как феномен, отражающий обобщенный социально-исторический и религиозно-философский опыт народа, заключенный в поэтических образах и фразеологизмах русского и китайского языков.

Фразеологизмы разных языков несут в себе индивидуальность культур: различия в их метафорике и происхождении раскрывают своеобразие мышления двух народов.

В русском языке множество библейских и литературных фразеологизмов, например из библейской притчи о зарытых в землю и неиспользованных деньгах: *зарывать талант в землю*, обр. в знач. *губить свои способности, не давать им развиваться* [Фразеологический ... , 1968, с. 170].

Тогда как в китайском языке много отсылок к древним легендам, историческим хроникам, конфуцианским канонам. Например, 三顾茅庐 *три посещения соломенной хижины*, обр. в знач.: *многократное искреннее приглашение талантливого человека на службу; выражение почтительности и настойчивости руководителя, ценящего мудреца*. Это выражение относится к эпизоду из эпохи Троецарствия, описанному в романе «Троецарствие»: полководец Лю Бэй трижды ездил в соломенную хижину к отшельнику-стратегу Чжугэ Ляну, уговаривая его стать его советником. Только с третьего раза Чжугэ Лян согласился [中国文化 ... , 1999, 第 228 页].

Вначале рассмотрим чэньюй – один из разрядов китайских фразеологизмов. Большинству чэньюй присуща высокая степень семантической слитности. Однако встречаются чэньюй с частично переносным значением и даже те, которые и вовсе употребляются в прямом значении.

В электронном словаре чэньюй нами было выявлено 149 фразеологизмов с разной позицией иероглифического знака 死. Однако нас интересовало в большей степени наличие оппозиции 死 – 生 и 死 – 活 (смерть/жизнь). В первой паре 死 – 生 было выявлено 23 фразеологизма чэньюй. Приведем пример:

九死一生 *досл. на девять шансов умереть лишь один – остаться в живых*, обр. в знач.: *чудом остаться в живых*. Например, 九死一生! Еле ноги унесли!

舍死忘生 *самоотверженно идти на смерть*.

Во второй паре 死-活 было выявлено 16 фразеологизмов чэньюй. Приведем пример: 七死八活 *досл. семь шансов погибнуть, восемь – остаться в живых*, обр. в знач.: *на грани смерти; между жизнью и смертью* [在线成语词典].

你死我活 *смертельная борьба* (ср. русск. *не на жизнь, а на смерть*).

Российская исследовательница А. Л. Семенас отмечает интересную особенность, касающуюся антонимичной пары 死 – 活, которая заключается в том, что при совместном употреблении в одном контексте 活 «жизнь» всегда встречается после 死 «смерть», что соответствует китайской национальной традиции» [Семенас, 2007, с. 154]. Нас заинтересовало данное утверждение и, обратившись к электронному словарю чэньюй, мы выявили, что обратный порядок следования знаков возможен только с компонентом 生. Например, 贪生怕死 *цепляться за жизнь и бояться смерти; трусливый*, обр. в знач.: *дрожать за свою шкуру*.

同生死, 共存亡 *вместе жить и вместе умирать*, обр. в знач.: *иметь общую судьбу*. Данный чэньюй построен по принципу параллелизма: в обеих частях используются три пары синонимов 同 – 共; 生 – 存; 死 – 亡.

生离死别 *навсегда разлучиться с кем-либо* (о смерти близкого человека) [在线成语词典].

Что касается фразеологизмов русского языка, то мы придерживаемся мнения сторонников широкого подхода, таких как Н. М. Шанский, В. В. Виноградов, рассматривающих пословицы, поговорки и крылатые выражения в контексте фразеологии. В рамках данного подхода фразеология представляет собой «совокупность фразеологических единиц, понимаемых как устойчивые раздельнооформленные, но семантически целостные сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением» [Кобжицкая, 2018, с. 61].

Ниже представим примеры фразеологизмов русского языка с компонентом «смерть» согласно их семантической отнесенности.

1. Смерть как отрезок времени

Идея смерти выражается с помощью слов-темпоративов. Например, *мафусаилов век прожить*, обр. в знач. долго жить; о долголетию кого-либо (от имени библейского патриарха Мафусаила, якобы прожившего 969 лет) [Фразеологический ..., 1968, с. 239]; *окончить дни свои* (умереть) [Там же, с. 296] и т. д.

2. Смерть как способ оставить после себя память

Смерть злым, а добрым вечная память.

Блаженной (незабвенной, светлой) памяти (умерший, о котором вспоминают с уважением и любовью).

Печальной (недоброй) памяти (умерший, о котором вспоминают с неприязнью и ненавистью).

3. Смерть как неизбежное событие

В христианстве жизнь и смерть – неизбежны и закономерны. В Библии написано: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» [Библия ... , 2004, с. 3].

В русском языке достаточно фразеологизмов, окрашенных в шуточные тона, выражающих идею неподкупности и неминуемости смерти:

Сколько ни жить, а смерти не отбыть.

Придет пора – турнет курносая со двора (с элементом олицетворения).

По дважды не умирают, а одна не миновать.

От смерти и под камнем не укроешься [Даль, 1984].

4. Смерть как итог жизненного пути

Земной быт – не всему конец. Смерть – душе простор.

Что припасла душа, то и на тот свет понесла.

Злому – смерть, а доброму – воскресение [Даль, 1984].

5. Смерть как переход в вечность

Отойти в вечность.

Получить вечное блаженство (библейское выражение).

Приобщиться к вечному блаженству.

6. Фразеологизмы со значением «смерть», отражающие религиозно-философские традиции

Дай бог легко в земле лежать, в очи Христа видать (на поминках).

Почить в Бозе (почить вечным сном) [Фразеологический ... , 1968, с. 350].

Отдавать богу душу.

Бог души не вынет, сама не выйдет.

Далее представим примеры фразеологизмов китайского языка с компонентом «смерть» согласно их семантической отнесенности.

1. Смерть как отрезок времени

В китайском языке идея смерти обычно выражается с помощью таких темпоративов, как 朝夕 «между утром и вечером» (ср. фразеологизм 一朝一夕 за утро и за вечер; кратковременный [Большой ... , 1983, с. 12]), 旦 «утро», 夕 «вечер», 日暮 «солнце заходит», 暮 «вечер; сумерки». Это связано с древнекитайской традицией проведения церемонии погребения в вечернее время суток, поэтому семантика вышеприведенных лексем 暮 и 夕 «вечер», «вечернее солнце» содержит компонент значения «что-либо

подходит к концу» [Ли, 2024, с. 105]. Например, 日薄西山 *солнце садится за западные холмы* (обр. в знач.: доживать последние дни; дышать на ладан [Фразеологический ... , 1968, с. 550]).

Во фразеологизмах с метафорическим выражением смерти содержатся антонимы-темпоративы: 朝 – 夕 или 旦 – 夕 «утро-вечер»: 危在旦夕 грозит непосредственная (близкая) опасность [Большой ... , 1983, с. 328].

2. Смерть как способ оставить после себя память

豹死留皮, 人死留名 *леопард после смерти оставляет шкуру, а человек – доброе имя.*

流芳百世 *добрая слава останется в веках.*

3. Сопротивление смерти

死马当活马医 *досл. лечить мертвую лошадь как будто она живая, обр. в знач.: не сдаваться до последнего; предпринять отчаянную попытку.*

垂死挣扎 *досл. близиться к смерти и отчаянно сопротивляться (обр. в знач.: последнее отчаянное усилие).*

4. Приближающаяся смерть

一息尚存 *досл. один вздох еще есть, обр. в знач.: при последнем дыхании (ср. в русском языке: дышать на ладан).*

行将就木 *досл. приближаться к гробу, обр. в знач.: доживать последние дни, стоять одной ногой в могиле.*

5. Смерть как самопожертвование

出生入死 *рискуя жизнью; самоотверженно.*

守死善道 *защищать, совершенствовать нравственную праведность смертью* 效死疆场 *жертвовать своей жизнью на поле сражения.*

6. Фразеологизмы со значением «смерть», отражающие религиозно-философские традиции

В китайской лингвокультуре «восприятие смерти и жизни базируется на таких религиозно-философских учениях, как буддизм, конфуцианство и даосизм. Каждому из них присуще уникальное понимание жизни и смерти. Согласно даосской традиции радость жизни – это всего лишь мирская радость, тогда как радость смерти является высшим счастьем» [Ли, 2024, с. 39].

Приведем устойчивое выражение со значением смерти, появившееся под влиянием даосизма: 羽化登仙 *стать бессмертным (святым)* (о смерти даосского священника). Первоначально термин 羽化 yǔhuà «вылупиться из куколки» обозначал процесс превращения насекомого из кокона во взрослое летающее насекомое: 羽 «крыло» + 化 «превращаться». Благодаря метафоризации произошло смещение значения термина и перенос его в область даосской философии, в частности, в учение о бессмертии. Так, термин 羽化 стал обозначать душу человека в момент расставания с физическим телом и вознесение ее в небо для обретения бессмертия.

Как видим, приведенные устойчивые выражения русского и китайского языков либо прямо номинируют процесс смерти (*на миру и смерть красна*; 生荣死哀 *при жизни славить, после смерти – оплакивать*), либо эвфемизируют смерть (*покинуть мир*; 见阎王 *встретиться с владыкой ада* – Янь-ван в буддизме бог смерти и владыка ада).

Еще большую глубину философского понимания жизни и смерти мы можем почерпнуть через искусство, в частности, – поэзию, как отражение индивидуального и весьма оригинального взгляда поэта-художника на тему человечества.

Перейдем к рассмотрению оппозиции жизни/смерти в творчестве китайских поэтов. Нельзя обойти вниманием золотой век китайской поэзии эпохи Тан, произведения которой общеизвестны высокой художественной ценностью. Помимо природы, танских поэтов волновала и вдохновляла тема смысла человеческого бытия, также в их творчестве довольно четко прослеживается отношение к жизни и смерти.

Приведем фрагмент стихотворения танского поэта Тао Юаньмина “有生必有死” «Если в мире есть жизнь, неизбежна и смерть»:

有生必有死,

Если в мире есть жизнь, неизбежна за нею смерть.

早终非命促。

Даже ранний конец не безвременен никогда.

昨暮同为人，

Я под вечер вчера был еще со всеми людьми,

今旦在鬼录。

А сегодня к утру в списке душ уже неживых.

В стихотворении присутствует как прямая номинация жизни и смерти (生 – 死), так и метафорическое обозначение смерти через 终 «конец», 鬼 «душа умершего». Антонимичная пара 旦 – 暮, 朝 – 夕 «утро-вечер», как уже было сказано выше, зачастую используется в качестве метафорического обозначения смерти.

Поэт Бо Цзюйи и его произведение “天老” «Ранняя смерть и старость» выражают скорбь поэта по рано ушедшему юноше и печаль по наступившей человека старости:

早世身如风里烛，

Мы умершего юношу можем сравнить со свечою, от ветра погасшей.

暮年发似镜中丝。

Лет вечерних виски уподобить легко нитям шелка, что в зеркале вижу.

谁人断得人间事，

Кто решительно скажет суждение свое о делах в человеческом мире:

少天堪伤老又悲。

Ранит ранняя смерть нас всегда тяжело и печалит настигшая старость [Бо Цзюйи].

Приведем строку из стихотворения Ли Бо “哭宣城善酿纪叟” «Оплакиваю славного сюаньчэнского винодела старика Цзи»:

纪叟黄泉里，

Ты, старый друг, ушел в загробный мир (досл. *старик Цзи ушел в желтый источник*)

«Желтый источник» 黄泉 в буддизме означает жизнь в вечном мире. У поэта он послужил в качестве эвфемизма для обозначения смерти.

В другом стихотворении Ли Бо прямо прослеживается оппозиция жизнь/смерть:

美人¹在世花满堂，

Когда красавица здесь жила – Цветами был полон зал.

美人²去世余空床。

Теперь красавицы больше нет – Это Ли Бо сказал.

Произведениям русских поэтов присуще жизнеутверждающее начало, благодарность и вера в человека, в его способность любить и прощать. Приведем строки из стихотворений поэтов-шестидесятников Роберта Рождественского и Евгения Евтушенко.

...А в общем, надо просто помнить долг от первого мгновенья до последнего [Рождественский, 1970].

В другом стихотворении поэта «Человеку надо мало» оппозиция жизнь/смерть напрямую звучит:

...Человеку надо мало: после грома – тишину. Голубой клочок тумана. Жизнь – одну. И смерть – одну.

И, наконец, стихотворение «Спасибо, жизнь» с призывом к каждому человеку любить и ценить свою жизнь:

...Спасибо, жизнь. За все тебе спасибо!

За слезы и за счастье наяву,

За то, что ты жалеть меня не стала,

За каждый миг, в котором я живу,

Но не за тот, в котором перестану [Рождественский, 1979].

У сибирского поэта Евгения Евтушенко есть довольно глубокое по силе воздействия на читателя произведение «Зашумит ли клеверное поле»

Зашумит ли клеверное поле,

Заскрипят ли сосны на ветру.

Я замру, прислушаюсь и вспомню,

Что и я когда-нибудь умру...

Чувства жизни нет без чувства смерти,

Мы уйдем не как в песок вода.

Но живые, те, что мертвых сменят,

Не заменят мертвых никогда... [Евтушенко, 1977].

В конце своего творческого пути поэт-песенник Булат Окуджава пришел к серьезному осознанию божественного присутствия в человеческой жизни. Так, в стихотворении «Почему мы исчезаем» поэт постигает истину о зорком и всеведущем божестве:

...Почему мы исчезаем
так внезапно, так жестоко,
даже слишком, может быть?
Потому что притяжаем,
докопавшись до истока,
миру истину открыть.
Вот она в руках как будто,
можно, кажется, потрогать,
свет ее слепит глаза...
В ту же самую минуту
Некто нас берет под локоть
и уводит в небеса... [Окуджава, 1986].

Проведенный лингвокультурологический анализ на материале фразеологизмов и стихотворений русского и китайского языков позволил выявить как сходства, так и различия в отношении к жизни и смерти. В силу исторических и религиозно-философских причин понятия жизни и смерти в рассматриваемых лингвокультурах интерпретируются по-разному. В русской поэзии и во фразеологизмах русского языка преобладает прямая номинация жизни и смерти. Для обозначения жизни и смерти в китайском языке чаще используются эвфемизмы, основанные на образных выражениях.

Литература

- Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Минск : Принткорп, 2004. 292 с.
- Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / рук. и ред.: И. М. Ошанин. М. : Наука, 1983.
- Даль В. И. Пословицы русского народа : сборник. В 2 т. Т. 1. М. : Худож. лит., 1984. 383 с.
- Евтушенко Е. Зашумит ли клеверное поле. 1977. URL: <https://www.culture.ru/poems/26524/zashumit-li-klevernoe-pole> (дата обращения: 12.05.2025).
- Бо Цзюйи (772–846) // Китайская поэзия. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&author_id=7. (дата обращения: 13.05.2025).
- Кобжицкая О. Г. Введение в стилистику китайского языка : учеб.-метод. пособие. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. 89 с.
- Ли Мань. Семантическая интерпретация лингвокультурной антиномии «жизнь-смерть» в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8. М., 2024. 245 с.
- Окуджава Б. Почему мы исчезаем... 1986. URL: <https://www.culture.ru/poems/14372/pochemu-my-ischezaem> (дата обращения: 12.05.2025).
- Рождественский Р. Мгновения. 1970. URL: <https://www.culture.ru/poems/42594/mgnoveniya> (дата обращения: 13.05.2025).
- Семенас А. Л. Лексика китайского языка. 3-е изд., стер. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 284 с.
- Рождественский Р. Спасибо, жизнь. 1979. URL: <https://www.culture.ru/poems/42532/spasibo-zhizn> (дата обращения: 12.05.2025).

Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков [и др.]. М. : Сов. энцикл., 1968. 544 с.

中国文化中的典型人物与事件/ 陈贤纯 编著. — 北京 : 北京语言文化大学出版社 1999. 323 页.

在线成语词典. URL: <http://chengyu.t086.com/> (дата обращения: 28.04.2025).

УДК 811.581'373(529)

В. А. Курдюмов

Московский городской педагогический университет, Москва

ТАЙВАНЬСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПОНЯТИЯ, ИХ ТРАКТОВКА И ЗАБЛУЖДЕНИЯ КИТАИСТОВ

Аннотация. Целью исследования является разработка расширенной модели понимания иноязычной (тайваньской) дискурсивной реальности, адаптированной для российских и зарубежных китаистов, на основе ранее опубликованных работ. Кратко обосновываются выделение термина «дискурсивное понятие» и его значимость для кросс-культурного анализа. В качестве практической иллюстрации представлены 12 словарных статей глоссария дискурсивных понятий, относящихся к тайваньской реальности, дополняющих 40 статей, опубликованных ранее. Исследование направлено на совершенствование концептуальной основы для дальнейшей интерпретации тайваньского дискурса, выявления его специфики – в том числе для аналитики и междисциплинарных исследований самого широкого плана.

Ключевые слова: дискурсивное понятие, дискурсивная реальность, тайваньский дискурс, тайваньский язык гоюй, словарная статья.

V. Kurdyumov (Moscow)

Moscow City University

TAIWANESE DISCURSIVE CONCEPTS: THEIR INTERPRETATION AND MISCONCEPTIONS OF SINOLOGISTS

Abstract. The primary objective of the study is to propose an expanded model for understanding foreign (specifically Taiwanese) discursive reality, tailored for Russian and international sinologists, building upon previously published works. The article briefly substantiates the delineation of the term “discursive concept” and its relevance to cross-cultural linguistic analysis. As a practical illustration, it introduces 12 glossary entries of discursive concepts pertinent to Taiwanese reality, complementing the 40 entries published in 2023. This research aims to enhance the conceptual framework for interpreting Taiwan-specific discourse, offering a more comprehensive tool for sinologists to navigate the nuances of linguistic and cultural phenomena in cross-national contexts.

Keywords: discursive concept, discursive reality, Taiwan-specific discourse, Taiwanese Mandarin, glossary entries.

I. Кратко о проблеме

Цель исследования – представить расширенную, по сравнению с ранее публиковавшимися материалами (к примеру, [Курдюмов, 2023]), модель понимания иноязычной (в данном случае тайваньской) дискурсивной реальности, ориентированную на российских китаистов: лингвистов, культурологов, этнографов, политологов и, шире, любых носителей русского

языка, не имеющих представления о данном политико-географическом образовании на базе глоссария базовых понятий (топиков коммуникации), проанализированных на основе сравнения референциального, денотативного, сигнификативного и коннотативного компонентов.

Дискурс (которым может быть и является реальность любой страны или «политико-географического образования» – поскольку в данном случае для терминов типа «страна» или «государство» существует табу) – это, с нашей точки зрения, лингвистическая категория для отображения бесконечного процесса порождения текстов с общим топиком. Топик и комментарий, понятия, первоначально базировавшиеся на достижениях Чжао Юань-жэня и Чарльза Ли, в нашем понимании являются универсальными для лингвистики в целом. Они присущи любому уровню языка и совершают кругооборот (трансформации, предикации) в ходе процессов порождения и восприятия, представляющих, в свою очередь, основу языка как динамического явления (предикацию как технику коммуникации).

Дискурсивное понятие, скорее всего, изоморфно понятию «концепт», при этом неприятие «концептов» разъяснено нами в предыдущих публикациях [Курдюмов, 2023]: принцип «лексики из лексики».

В данном тексте мы бы хотели представить расширения глоссария, включавшего первоначально 40 статей и в последующих публикациях дополнявшегося некоторыми новыми показательными примерами.

В основу анализа положено сравнение с подобными понятиями (словарными эквивалентами) русского языка по принципу полного или частичного (не) совпадения референта, денотата, сигнификата и коннотата.

Словарный эквивалент, словарный перевод предполагает, что некое явление должно осмысливаться и диктовать координацию действий коммуникантов – идентично применительно к носителям различных языков. В реальности, как правило, этого не происходит – в силу отличий упомянутых компонентов в языке (и ментальности) представителей различных национальных дискурсов (жителей разных стран), в силу функционирования понятий в неодинаковых дискурсах.

Референт – сам предмет или явление реальности, денотат – его визуальный образ, сигнификат – сформированное понятие, коннотат – оценка, которая в рамках предикационной концепции языка может быть восстановлена до дополнительной пропозиции «Мне нравится...» или «Мне не нравится...». Таким образом, дискурсивное понятие соответствует некоему фрагменту реальности, актуализируется как визуальный образ, может быть объяснено как понятие (что и будет выполнено в данном тексте), оценивается носителями разных языков как позитивное, негативное, заслуживающее уважения, пренебрежения и т. п.

Система дискурсивных понятий как лингвистическая категория предназначена для 1) реконструкции целостного дискурса, дискурсивной ре-

альности (синхронный аспект), 2) реконструкции причин формирования такого дискурса (диахронный аспект), т. е. – «что именно» и «почему».

Система дискурсивных понятий, с нашей точки зрения, позволяет более полно проиллюстрировать гипотезу, изложенную в трудах Бенджамена Ли Уорфа [Уорф, 1960], известную как гипотеза лингвистической относительности. Как правило, ее трактуют и о ней дискутируют, имея в виду «влияет ли СИСТЕМА языка» (в исходном соссюрианском, или, к примеру, в достаточно эклектичном «советском» понимании – со всеми компромиссами между «идеальным» и «материальным») на формирование «мышления», что во многом спекулятивно. В рамках предикационной концепции языка так называемые мышление, сознание являются частями языка как процесса, человек «живет в языке», «бытие» есть существование в языке (что следует понимать буквально, а не метафорически – проблема, связанная с толкованием экзистенциальной философии языка М. Хайдеггера), в китайской формулировке: «語言是存在之家», «人活在語言». Мышления, как и самой жизни («существования», DaSein), не существует вне коммуникации, техникой коммуникации является предикация, воплощенная в возобновляемых преобразованиях бинарных структур «топик-комментарий» (предицируемый и предицирующий компоненты).

II. Кратко о заблуждениях

Что касается заблуждений, то вполне очевидно, что тематика, связанная с Тайванем, становится все более актуальной и постоянно требует, к примеру, комментариев и аналитических обзоров со стороны китаистов: политологов, экономистов, культурологов, лингвистов и т. д. При этом подавляющее большинство таких специалистов либо не были на Тайване вообще, либо не жили там длительное время. Обсуждая тайваньскую реальность, они часто переносят на нее свои стереотипы и заблуждения, сформированные под влиянием реальности континентальной. Гораздо более причудливыми являются представления студентов-китаистов, число которых растет обратно пропорционально, как показывает наш опыт, качеству подготовки. Обычные же носители русского языка до сих пор часто путают Тайвань с Таиландом или, впечатлившись часто полуграмотными блогами, рассуждают о проблематике потенциально конфликтных ситуаций. Часто путаница (с континентальным Китаем) связана с именами собственными, к примеру, авиакомпания China Airlines является тайваньской и не связана с континентальной Air China.

При этом сложившаяся тайваньская реальность, будучи, возможно (хотя и не обязательно), уходящей (если сравнивать, к примеру, с Гонконгом после лета 2020 г.), безусловно, заслуживает и даже требует синхронного изучения, в то время как огромное количество западных (и очень качественных) исследований по большей части являются лишь историческими.

К примеру, одно из типичных заблуждений звучит как «политико-территориальное образование “включает остров Тайвань”». Однако под контролем Тайваня находится и ряд удаленных («внешних») островов, таких как архипелаги 澎湖 Пэнху и 媽祖 Мацзу (недолгое время также остров 海南 Хайнань), а остров (острова) 金門 Кинмэнь расположен на расстоянии 2–6 километров от города Сямэнь на континенте (что великолепно отражено в культовом тайваньском фильме «Paradise in Service» (『軍中樂園, 2014, режиссер 鈕承澤 Ню Чэн-цзэ, Doze Niu), который автор рекомендовал бы для изучения всем российским студентам-китаистам). Достаточно часто и студенты, и молодые преподаватели позволяют себе высказывания типа «Тайваньцы говорят на древнем языке вэньянь», имея в виду, безусловно, систему письменности, которую ошибочно отождествляют с языком, не различая при этом литературный классический язык вэньянь и древнекитайский.

III. О языке гоюй

Китайский язык на Тайване именуется 國語 гоюй (Taiwanese Mandarin), при этом (в рамках данного текста автор не предполагает развертывания дискуссии на тему «диалект» vs. «тополект» vs. «регионолект») он отличается от континентального языка 普通話 путунхуа. Значительно различаются фонетика, лексика, в некоторых аспектах – грамматика, во многом – система изобразительно-выразительных средств (стилистика); письменный официальный язык 公文國文 гунвэнь говэнь также расходится с континентальным аналогом. Опять же, в связи с этим среди не слишком квалифицированных китаистов распространены представления, что в рамках пары гоюй – путунхуа второй компонент якобы следует рассматривать как исходный, что, безусловно, неверно, поскольку два базировавшихся на «языке гоюй изначальной Китайской республики (中華民國, 1911–1949)» идиомы разошлись после 1949 г. и долгое время не взаимодействовали. Различия между гоюй и путунхуа отражены нами в ряде статей [Курдюмов, 2021].

IV. Глоссарий: примеры статей

Ниже представлена часть расширений глоссария в рамках подготовки комплексной монографии о языке гоюй и дискурсивной реальности Тайваня. В соответствии с русским алфавитом приводится наименование, наиболее соответствующее понятию, в рамках словарной статьи понятие истолковывается, а компоненты сравниваются с аналогами или эквивалентами в российской дискурсивной реальности и, при необходимости, в китайской континентальной.

Азия и Европа, части света. При, казалось бы, универсальных понятиях частей света, их восточных и западных составляющих, тайваньцы зачастую совершенно по-иному соотносят страну и ее географическое по-

ложение. Если житель России оформляет тайваньскую визу, то местоположение своей страны в электронной анкете он закономерно ищет в разделе «Европа» или «Восточная Европа», но (с трудом и удивлением) находит в разделе «Западная Азия». Иногда по отношению к России употребляется характеристика «Северная Азия», но принадлежность страны к той или иной части Европы вызывает у тайваньцев удивление и отторжение – поскольку две трети России располагаются в Азии. Точно так же конкретно не воспринимается общее деление на Восточную и Западную Европу в советском или постсоветском понимании. К примеру, Италия или Дания не могут быть странами Западной Европы, поскольку первая находится в Южной, а вторая – в Северной Европе. Понятно, что жителям Тайваня не знакомы реалии периода европейской холодной войны, и все характеристики – сугубо географические (и по-тайваньски **буквально** конкретные). При относительно общей денотации сигнификация резко отличается.

Архитектурные памятники, достопримечательности. Поскольку на Тайване не так много исторических памятников, застройка вполне утилитарна, при этом исторические сооружения уничтожались в японский период и позже, а сохранившиеся здания японского периода достаточно однотипны (чаще всего бетонные аналоги стиля ар-нуво (модерн), к примеру, улица 迪化街 Дихуа цзе в Тайбэе), тайваньцы воспринимают архитектурные памятники за рубежом (чаще всего выезжая в составе тургрупп, к примеру, в Турцию) достаточно равнодушно, обычно не более чем повод сделать эффектное фото. Исторический контекст, с которым они, скорее всего, знакомы крайне слабо, туристов почти не интересует, тем более, если культура вне пределов их восприятия (понятной страной, как мы уже упоминали [Курдюмов, 2023], считается Япония). Наиболее важным компонентом культуры для среднего тайваньца считается кухня, и, характеризуя ту или иную страну, он прежде всего будет упоминать, является ли вкусной еда. Таким образом, сигнификация и коннотация отличаются.

Байкал. Тайваньцы, как правило, слышали об озере Байкал, но многие полагают, что само озеро или, как минимум, его половина находится в Китае. Это никак не мотивировано политическими убеждениями и, вполне возможно, связано с историческими территориальными разногласиями и своеобразием преподавания истории в 1980–1990-е гг., точные причины нам выяснить не удалось. Таким образом, сигнификация и коннотация отличаются.

Буйвол, корова, говядина, свинина. Традиционным видом мяса на Тайване считается свинина – основа разнообразных блюд. С этим связаны достаточно жесткие ограничения на ввоз мяса индивидуальными пассажирами: пищевые отходы идут на кормление свиней и для предотвращения заноса вируса африканской чумы свиней власти Тайваня запретили ввоз всех видов мясных продуктов из наземных животных (включая свинину, говядину, баранину и т. д.), особенно из регионов, где зарегистрированы случаи заболевания.

Многие жители Тайваня не употребляют в пищу говядину (хотя она продается (дороже, чем свинина) и используется в кулинарии). Считается, что буйвол – опора и друг семьи, вместе с членами семьи он трудится в поле, поэтому рассматривать его в качестве еды недопустимо. Отличаются сигнификат и коннотат, при этом тайваньская денотация смещена в сторону понятия «буйвол», а русская – в сторону понятия «корова», «бык».

Вежливость и лицемерие. Вступая в трудовые отношения, к примеру, в крупных коммерческих компаниях или университетах, иностранец оказывается в рамках непривычного для него дискурса. Как и в случае с США или странами Западной Европы, ему поначалу кажется, что все настроены по отношению к нему исключительно доброжелательно и являются хорошими людьми. При этом вежливость и цивилизованность не означают доброжелательности, и нормы поведения при назначении на должность, определении выплат, при увольнении определяются достаточно жесткими (и весьма конкурентными) трудовыми традициями, которые вполне естественны для жителей острова и, казалось бы, должны быть очевидны и работникам из числа иностранцев. Различные нюансы типа лояльности по отношению к организации, достаточно скрытой (на фоне внешней демократичности) иерархии в отношениях часто недоступны россиянам, привыкшим к более прямому выражению мыслей. То же самое касается официальной переписки на канцелярском языке 公文國文 гунвэнь говэнь, где основная (и не всегда приятная) идея может быть скрыта за бесконечными комплиментами и формулами вежливости. Часто возникают ситуации, когда выводы или ответ по сути не доводятся до адресата, чтоб не расстроить его, хотя подобные решения могут стать жизненно важными. Вследствие этого у русских возникает впечатление о неискренности или даже лицемерии тайваньцев, которые в реальности лишь соблюдают нормы поведения и при этом не стремятся погружаться в чужие проблемы (для решения которых есть законы, правила, регулирующие инстанции). Сигнификат и коннотат и в целом, и применительно к конкретным ситуациям являются различными, вплоть до полной противоположности.

Внешний мир. Тайваньцы, которых обычно видят туристы, производят впечатление вестернизированных, открытых внешнему миру, до недавнего времени – в гораздо большей степени, чем континентальные китайцы. Тем не менее, как и во многих странах мира, основная масса населения погружена в местные реалии и представления, а для путешествий за границу обычно выбирает понятную, приятную и территориально близкую Японию [Курдюмов, 2023]. Типичный простой тайванец не интересуется внешним миром, и сам мир для него (как и для жителя любой небольшой островной страны) – лишь увеличенная копия Тайваня с его консервативными буржуазными и семейными ценностями. Жители острова достаточно активно смотрят телевидение, на каналах которого многочисленные (и не

всегда компетентные) обозреватели пытаются разъяснить нелогичные для тайваньцев международные события. Любое несовпадение в поведении людей, действиях зарубежных правительств требует типично местных объяснений. К примеру, совершенно логично, что жители России пьют водку для спасения от холода [Курдюмов, 2023], а сама Россия – это бесконечные ледяные поля, которые тайваньцы видят на канале «Дискавери». Отклонения от тайваньской логики заставляют полагать (что, естественно, не будет вербализовано открыто), что те или иные нации нецивилизованы, ненормальны, непостижимы, спонтанны. Компоненты значения, скорей всего, аналогичны подобным российским вне столичных регионов.

Город, агломерация. В России понятие «город» часто ассоциируется с крупными административными и культурными центрами, такими как Москва или Санкт-Петербург, а «агломерация» подразумевает сложную систему взаимосвязанных городов и пригородов с высокой плотностью населения и инфраструктуры. На Тайване, где плотность населения одна из самых высоких в мире (652 чел./км², согласно [United ... , 2022]), понятие «город» воспринимается более утилитарно. 臺北 Тайбэй, 高雄 Гаосюн или 臺中 Тайчжун – это не только административные центры, но и плотно застроенные территории, где границы между городом и пригородом размыты. Тайваньцы редко выделяют «агломерацию» как отдельное понятие, так как вся западная часть острова представляет собой непрерывную урбанизированную зону. Например, 臺北 Тайбэй и 新北 Новый Тайбэй (New Taipei City) воспринимаются как единое целое, несмотря на административное разделение, при этом в России два города (хотя Новый Тайбэй – это и город, плюс условно сельская местность) обычно обозначаются как Тайбэй (на Тайване это 大臺北 «Большой Тайбэй» или 兩北地區 «Два Бэя»). То есть визуально тайваньские города могут показаться сельскими и размытыми для россиянина, а сельская местность – достаточно стандартизованно урбанизированной. Сигнификация отличается: в России город несет историко-культурную нагрузку, тогда как на Тайване это скорее функциональное пространство для жизни и работы. Коннотация в России связана с престижем и культурным значением, а на Тайване – с удобством и доступностью инфраструктуры. Референциальная характеристика совпадает лишь частично, так как тайваньские города лишены той исторической глубины, которая присуща российским.

Гулять по городу, ходить пешком. В России гулять – это не только физическое перемещение, но и социальный ритуал, связанный с отдыхом, общением или размышлениями. На Тайване, где городская среда ориентирована на эффективность, а климат часто жаркий и влажный, гулять как досуг принято, к примеру, в парках, но категорически не в городе. Пешее перемещение в пределах 20–30 минут, особенно в Тайбэе, не считается нормальным и вызывает крайнее удивление. Тайваньцы предпочитают

перемещаться на мотоциклах, общественном транспорте (大眾交通) или такси, а пешие прогулки чаще связаны с посещением ночных рынков (夜市) или походами в горы (爬山), что воспринимается как активный отдых. Ходьба пешком в городах нередко считается неудобной из-за узких тротуаров, загруженности улиц и отсутствия пешеходных зон в европейском понимании. Сигнификат в России включает эмоциональную и социальную составляющие, тогда как на Тайване – утилитарную и ограниченную конкретными контекстами (рынки, природа). Коннотация в России положительная, связана с отдыхом, в то время как на Тайване пешие прогулки могут ассоциироваться с неудобством или необходимостью.

Добросердечность жителей, спасать, помогать. В российской культуре добросердечность часто проявляется через спонтанную помощь, эмоциональную вовлеченность и готовность поддержать даже незнакомого человека (например, помочь донести сумки). На Тайване добросердечность также высоко ценится, но проявляется в более структурированной форме, через соблюдение социальных норм и правил. Например, тайваньцы охотно помогают туристам, но редко вмешиваются в личные проблемы, если это не предусмотрено их ролью (например, обязанностями продавца или полицейского). Не принято уступать места в транспорте, к примеру, женщинам (хотя уступать места пожилым – норма, свидетельствующая прежде всего о хорошем воспитании). Но тайваньцы чаще всего не понимают, что такое спасать при возникновении внезапной экстремальной ситуации: в тайваньском дискурсе проблемы, как правило, предсказуемы и стандартны, спонтанность проблемы вызывает у тайваньцев подозрения и сомнения (в уровне цивилизованности). Концепция «спасать» или «помогать» на Тайване часто связана с коллективной ответственностью: в случае аварии или бедствия тайваньцы быстро организуют помощь, но в повседневной жизни индивидуальная инициатива менее выражена, чем в России. Сигнификат отличается: в России помощь – это личный порыв, на Тайване – часть социальной роли. Коннотация в России эмоционально окрашена, на Тайване – формализована и связана с долгом.

Комары. На острове представлены черные тайваньские комары (Tiny Black Mosquitoes, Forcipomyia Taiwana, 小黑蚊), отличающиеся мелким размером и повышенной (в восприятии русского) агрессивностью, вследствие чего жители и выбирают жилье (при возможности) так, чтоб от комаров защититься, и/или всячески препятствуют проникновению этих насекомых в квартиры. И денотат, и сигнификат, и степень коннотации отличны от русских.

Прибрежный речной парк (河濱公園). Ухоженные и охраняемые зоны на берегах рек (река 淡水 Тамсуй, ее притоки и рукава в Большом Тайбэе, река 愛河 Айхэ в Гаосюне и т. д.), обычно параллельные улицам и шоссе, отделенные от города и дорог стенами дамб (против разлива рек, звукоизоляция), достаточно широкие; места для занятий бегом, ходьбой,

велосипедным спортом, натурной фотографией, рыбалкой, де-факто – природные мини-заповедники с десятками видов водоплавающих птиц (уток, цапель, квакв), искусственными заводями (濕地) и лотосовыми прудами, живописными пешеходными мостами с вечерней иллюминацией, смотровыми, спортивными площадками, велодорожками. Проходят вдоль течения рек и их притоков через весь город. Внутренние стены дамб часто концептуально расписываются уличными художниками, к примеру, муралы в парке Цзян Цзы Цуй (新北江子翠河濱公園) в одноименном микрорайоне Нового Тайбэя, иронически переосмысливающие шедевры мировой живописи. Денотативно парк можно представить, однако подобной сигнификации – институциональной идеи превращения пространства за дамбами в бесконечные заповедники, спортплощадки, детские игровые зоны, дифференцированные зоны выгула животных (大型犬 крупногабаритные собаки, 小型犬 собаки малых размеров), кольцевые велосипедные трассы и т. п. – в российской ментальности почти нет.

Христианство, католичество, православие и другие конфессии (基督教、天主教、東正教). Если тайванец говорит о себе «Я – христианин», то это не то же самое, что христианин в привычном нам всемирном или общем понимании. В бытовой коммуникации данный термин вполне однозначен. Типичные вопросы, которые тайванец может задать иностранцу: «Чем отличаются христианство и католичество?», «А православные тоже верят в Христа?». На Тайване – фактически неограниченная религиозная свобода, а христианство противопоставляется католичеству, т. е. 基督教 – это различные протестантские конфессии: 長老會 пресвитериане, 安息日會 адвентисты и др. – вплоть до 耶穌基督後期聖徒教會 мормонов, достаточно серьезно представленных на острове (мормонский комплекс недалеко от парка Даань в Тайбэе). Таким образом, тайваньское 基督教 – это не религия 基督宗教, прописанная в энциклопедиях, а аналог более конкретного термина 耶穌新教, который в языке гоюй, тем не менее, не используется. Помимо христиан, существуют еще и «истинные христиане» – одна из разветвленных религиозных организаций (教會), в официальном российском понимании – сект: Местная или Поместная церковь, основанная на континенте в 1927 г., реформированная в 1937 г. и перенесенная на Тайвань, где получила значительное распространение. Тайваньские «истинные христиане» активно и регулярно занимаются прозелитизмом и проповедничеством, включая территории католических храмов; главным и непримиримым конкурентом, с их точки зрения, считаются именно католики. О референте и денотате речь может идти лишь как о конкретном лице, сигнификат – разный. Применительно к католичеству и православию термин «священник» переводится как «святой отец» (神父), применительно к «христианству» и протестантским конфессиям – как «пастор» (牧師). О православии тайваньцы знают мало.

Заключение

В нашей статье 2023 г. были представлены онтологические обоснования выделения термина «дискурсивное понятие», описаны история термина и возможные аналогии с терминами типа «концепт» (нами категорически не используемыми), приведен глоссарий из 40 понятий. В дальнейшем, в 2023–2025 гг., в докладах на конференциях, в ходе мастер-классов глоссарий расширился за счет тех или иных актуальных понятий.

Концепция дискурсивного понятия в целом и дискурсивных понятий тайваньской реальности в частности за это время была апробирована перед российской, индонезийской, тайваньской, австралийской и белорусской аудиториями. Сама идея такого подхода была инспирирована как соприкосновением с реальностью Тайваня, что потребовало переосмысления многих, казалось бы, аксиом китаеведения, так и редактированием русскоязычного пособия для зарубежных студентов [Савченко, Лю Синь Хуа, 2022], в процессе которого стало очевидно, что российский исследователь, от студента до профессора, помимо весьма полезных научно-популярных и исторических данных, вполне имеет право на осмысление и сравнение серии именно «бытовых» понятий и поведенческих ориентиров.

В данном тексте приведены расширения и уточнения в виде 12 словарных статей – как примеров изложения глоссария. Подробный глоссарий в виде примерно 100 или более статей планируется к публикации в составе монографии о современном тайваньском языке гоюй в ближайшие годы.

И, безусловно, познание китайского мира в целом, что мы не устаем подчеркивать, должно включать не только изучение некоего единственного «большого» региона, но и системное познание часто не попадающих в поле зрения россиян и кажущихся якобы «маргинальными» Тайваня, Гонконга, Макао, Сингапура, китайских диаспор в Азии и во всем мире.

Литература

Курдюмов В. А. Диалектный процесс и региональные варианты китайского языка в учебном процессе // Синология в XXI в. : материалы Междунар. науч. конф. Улан-Удэ, 12 окт. 2021 г. Вып. 1. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т им. Доржи Банзарова, 2021. С. 115–121. DOI 10.18101/978-5-9793-1678-9-2021-1-115-121

Курдюмов В. А. Система дискурсивных понятий тайваньской реальности. Опыт создания краткого толкового словаря // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 12. С. 4305–4316. DOI 10.30853/phil20230654

Савченко А. В., Лю Синь Хуа. Тайвань, или Формоза: Знакомимся с чудо-островом в Тихом океане. Илань Гоцзи, 2022. 238 с.

Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. Вып. 1. С. 135–168.

World Population Prospects: The 2022 Revision // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 08.06.2025).

В. О. Махракова, И. В. Шалина

Иркутский государственный университет, Иркутск

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЯПОНИИ. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА

Аннотация. Цель статьи – сформировать историко-культурную справку для ознакомления с особенностями драматургических произведений Японии, рассмотреть появление, а также историческое развитие театральных жанров Японии. Уделяется внимание особенностям перевода текстов драматургических произведений на русский язык.

Ключевые слова: театр, перевод драмы, драматургические произведения Японии.

V. Makhrakova, I. Shalina

Irkutsk State University, Irkutsk

JAPANESE DRAMATURGY. FEATURES OF TRANSLATION

Abstract. The purpose of the article is to form a historical and cultural reference for familiarization with the features of dramatic works of Japan, to consider the emergence, as well as the historical development of theatrical genres of Japan. The authors paid attention to the features of the translation of texts of dramaturgy works into Russian.

Keywords: theater, drama translation, dramaturgy works of Japan.

Говоря о совокупности драматических произведений Японии, необходимо проследить историю появления театральных жанров этой удивительной страны.

В Японии существует огромное количество театральных жанров. Каждый из них имеет свои уникальные особенности, присущие той или иной местности.

Начнем с наиболее раннего – 舞楽 *бугаку*. Этот жанр сочетает в себе элементы музыкальных и танцевальных японских традиций, а также традиций, заимствованных из Индии, Китая, Кореи и других восточных стран. Бугаку – это форма музыкально-хореографического представления. Музыка, сопровождающая это представление, называется 雅楽 *гагаку*. Эта музыка оказала значительное влияние на формирование японской традиционной музыки. Музыка и танец с древнейших времен были неотъемлемой частью обрядов и ритуалов, поэтому появление жанра бугаку было вполне закономерно.

В конце VI – начале VII в. в Японию проникает буддизм, а вместе с ним из Китая, Индии, Кореи ввозятся новые танцы и музыка. Заимствования в культуру неизбежны. На прилавках появляются книги по теории бугаку и гагаку, открываются школы для обучения этому искусству, которое распространяется как часть придворных церемоний, богослужений и праздников.

Расцвет бугаку пришелся на конец VIII – начало IX в. В то время японские специалисты в области музыки систематизировали заимствованные мелодии, преобразовав их в искусство, которое дошло до наших дней. Бугаку является также примером использования ярких костюмов и масок.

К началу XII в. искусство бугаку стало отходить на второй план в связи с появлением новых жанров театрального искусства, таких как 田楽 *дэнгаку* и 猿楽 *саругаку*, которые считаются предшественниками театра Но [Гришелева, 1977].

能楽 *но:гаку*, или театр Но – классический жанр японского театрального искусства. Изначально он предназначался для простого народа и совмещал в себе элементы Дэнгаку и Саругаку (акробатики). Затем к концу XIV в. Канъами Киёцугу (1333–1384) и его сын Дзэами Мотокиё (1363–1443) на основе вышеуказанных представлений создали театр Но.

Канъами и Дзэами считаются создателями 観世流 *кандзэрю*: (школы Кандзэ), основной существующей до сих пор школы искусства Но. Со временем искусство становилось все более аристократичным. Пьесы Канъами и Дзэами пользовались большой популярностью в среде военной аристократии. Их деятельности покровительствовали сёгуны Асикага [Лемзякова, 2018].

К сожалению, период междоусобиц приостановил развитие театрального искусства, однако с XVII в. начинается его новый этап. К власти приходит сегунат Токугава, представители которого любят устраивать различные торжества и церемонии. Более того, появляются первые театральные школы. До нашего времени дошло пять из них: Кандзэ, Компару, Хосё, Конго и Кита.

Театр Но, как и любой театр Японии, зиждется на танцевальных и музыкальных элементах. Однако нельзя недооценивать силу слова, а также оригинальное оформление сцены, реквизит.

Роли в театре Но принято делить на четыре основные категории: 1) 仕手 *ситэ* (основной герой) и 連れ *цурэ* (партнер 仕手 *ситэ*); 2) 脇 *ваки* (антагонисты, противоположность 仕手 *ситэ*); 3) 狂言 *кё:гэн* (играют в перерывах между актами и исполняют интерлюдии); 4) 囃子 *хаяси* (музыканты, играющие на флейтах и барабанах).

Но – уникальный театр. Во время представления герои не уходят за кулисы, а замирают на месте на заднем плане, оставаясь на сцене до конца пьесы. Кроме актеров на сцену выходят 後見 *ко:кэн* (смотрящие люди, одетые в черную одежду). Они выносят на сцену бутафорию 作り物 *цукурумоно*, а также помогают актерам во время метаморфоз.

Важнейшими атрибутами актеров являлись веера и маски. При помощи веера актеры могли изображать различные предметы, как, например, сосуд, жезл или меч. Маски изготавливались из древесины японского ки-

париса или кедра, покрывались глиной и расписывались соответствующими узорами [Там же].

Существует всего двести сорок пьес театра Но. На подмостках этого театра мы можем увидеть постановки таких драматургических произведений, как «Гэндзи Моногатари» или «Окина». Темы большинства постановок навеяны великими эпопеями феодального периода.

По популярности не уступает театру Но такой уникальный жанр японского театрального искусства, как 歌舞伎 *кабуки*. Как и многие другие, этот жанр берет свое начало от народных танцев, имеющих религиозный или ритуальный характер. Истоки театра Кабуки связаны с выступлениями трупп странствующих танцоров, в частности, танцовщицы по имени Окуни, жрицы храма Идзумо. Первым представлением Кабуки считают выступление в Киото в 1603 г.

В 1629 г. правительство, обеспокоенное популярностью и влиянием Кабуки, сначала запретило труппы, состоящие исключительно из женщин, а затем и все смешанные труппы. В настоящее время в театре Кабуки могут выступать только мужчины. Этот запрет просуществовал до Реставрации Мэйдзи, но традиция исключения женщин настолько глубоко укоренилась в театрах, что сегодня все еще прилагаются усилия, чтобы ее не нарушать. В ответ на этот запрет стали создаваться труппы 若衆歌舞伎 *вакасю кабуки* (Кабуки юношей). Поступить в подобную труппу могли только красивые юноши-подростки с длинными волосами, умеющие носить женские платья. Однако и такие труппы вскоре запретили. Остались труппы, состоящие исключительно из взрослых мужчин, а само искусство стало характеризоваться больше актерским мастерством и сложностью сюжетов, чем чувственностью и привлекательностью исполнителей, стало совершенствоваться искусство 女形 *оннагата*, актеров, исполняющих женские роли [Гришелева, 1977].

С развитием театра Кабуки пьесы стали писать не только актеры, как это было раньше, но и профессиональные драматурги. Сейчас на сцене Кабуки представлены такие драматургические произведения, как «Сибараку», «Наруками», «Сукэроку», «Я-но-Нэ» и «Кандзинтё».

После Реставрации Мэйдзи в театре произошли значительные изменения. Они были связаны с огромным влиянием европейской драматургии. В 1911 г. открылся театр в европейском стиле 帝国劇場 *тэйкоку гэкидзё*. Начали ставить европейские пьесы, проходили многочисленные гастроли. Также со временем Кабуки перестал считаться семейным развлечением и стал дорогим удовольствием, доступным далеко не всем.

Искусство Кабуки – это сочетание музыки, актерской игры, слова, традиционного танца и пантомимы. Музыка сопровождает все выступления от начала и до конца. В Кабуки используются только японские национальные традиционные музыкальные инструменты, такие как флейты, ба-

рабаны, сямисэны и кото. Сценическая речь в Кабуки ритмична и мелодична. В процессе формирования и развития Кабуки сложилась определенная система жестов, движений, поз. Для каждой роли и амплуа подбирались оригинальные костюмы, парики и грим. 隈取り *кумадори* является одним из самых интересных методов нанесения грима. На лицо наносятся различные по форме и цвету резкие линии для того, чтобы придать персонажу характерное выражение лица. Основные цвета кумадори – красный, синий и черный. Иногда к ним добавляются лиловый, коричневый и золотой.

浄瑠璃 *дзё:рури* – еще один уникальный традиционный японский жанр, возникший в конце XVI в., когда народный песенный сказ соединился с кукольным представлением, сопровождавшимся специфической музыкой [Гришелева, 1977].

Говоря о кукольных театрах, нельзя не вспомнить о крупнейшем кукольном театре Японии 文楽 *бунраку*. Бунраку появился в 1872 г. Его основателем считается постановщик Уэмура Бунракукэн (1737–1810). Династия Уэмура до сих пор продолжает дело своего предшественника.

Куклы в театре отличались реалистичностью и совершенством. Их рост составлял примерно 100–130 сантиметров. Туловище у них было довольно примитивным, однако головам уделялось особое внимание. У кукол двигались рот, глаза и брови. Ноги, руки и пальцы также были подвижны во всех сочленениях. Как и в других театрах, для определенных амплуа существовали особые парики, грим и костюмы.

Одним из самых известных драматургов Дзёрури является Тикамацу Мондзэмон (1653–1724), написавший огромное количество пьес для театров Дзёрури и Кабуки. После того как он создал пьесу 曾根崎心中 *сонэдзаки синдзю*: «Двойное самоубийство в Сонэдзаки», основой которой впервые в истории послужила не историческая хроника или легенда, а известное скандальное событие того времени – самоубийство юноши и куртизанки, появился новый вид пьесы – 世話物 *сэвамоно* (бытовая пьеса). Многие пьесы, написанные для театра Дзёрури, впоследствии ставились и в театре Кабуки, в том числе и пьесы Тикамацу Мондзэмона.

Существуют также так называемые новые театральные жанры, появившиеся в Японии после Революции Мэйдзи. К ним относятся 新派劇 *симпагэки*, 新国劇 *синкокугэки* и 新劇 *сингэки*. Рассмотрим наиболее интересный из них – сингэки, драму европейского типа. Появилась она в Японии в начале XX в. Все началось с постановок пьес Шекспира и Ибсена. Также на сцене первых театров Сингэки появились пьесы Чехова, Горького и Толстого. В дальнейшем стали ставиться и пьесы японских драматургов. В 30-х гг. театру приходилось развиваться в условиях жесткой цензуры, как и в военные годы. В послевоенные годы Сингэки пришлось столкнуться с нехваткой театральных помещений. Некоторые режиссеры Сингэки используют в своих работах элементы традиционного театра.

Также в Японии XX в. начинают распространяться такие жанры европейского театрального искусства, как опера, балет и ревю (вид театрального представления из отдельных эпизодов, как правило, объединенных общей темой) [Там же].

Популярность японских драматических произведений привела к необходимости их перевода, поскольку постановка иноязычных пьес иначе невозможна.

Перевод драмы относится к художественному переводу, однако имеет свои особенности. Драматургический текст может переводиться с одного языка на другой с разными целями. Он может быть переведен как непосредственно для чтения и ознакомления, так и для постановки на сцене. И если с переводом для чтения проблем обычно не возникает, ведь тогда пьеса переводится как обычное художественное произведение, то для постановки на сцене текст пьесы должен быть переведен с учетом всех особенностей.

Проблема перевода текста драмы для сцены впервые была признана известным словацким переводчиком Иржи Левым. Он обозначил четыре характеристики сценического диалога, на которые переводчику следует обращать особое внимание:

1. Сценический диалог должен быть удобным для произнесения и для понимания, а также отвечать всем стилистическим особенностям.
2. Сценический диалог имеет сложную семантическую структуру.
3. Переводчик должен сохранить принцип построения фразы с определенными темпом, ритмом и интонацией.
4. Главная задача переводчика – воссоздать манеру речи персонажа [Олицкая, 2012].

Требования, предъявляемые к инсценируемому тексту, вкупе с требованиями, которые предъявляются к переводу с позиции литературного произведения, усложняют создание и формирование переводного текста, пригодного для инсценизации.

По причине того, что полностью дословный перевод зачастую полон калькированных конструкций и незнакомых принимающей культуре реалий, из-за чего его перцептивная функция может быть нарушена, требуется адаптация переводного произведения под требования текста, подлежащего инсценизации, а также адекватная передача смыслов и лакунарных лексем, присутствующих в оригинальном тексте.

Итак, мы можем вывести ряд особенностей, на которые необходимо обратить внимание при переводе драматургических произведений: инсценируемый текст должен быть понятен актерам и зрителям, сценичен (т. е. удобен для произношения, приемлем для постановки на сцене, должен соответствовать ритму произведения драмы), сохранять ключевую идею и характеристики персонажей культуры-доминанты и совпадать с уровнем контекстности культуры, в которой воспроизводится.

Литература

Гришелева Л. Д. Театр современной Японии. М., 1977. 237 с.

Лемзякова А. А., Новак М. В. Театральные искусства Японии в прошлом и настоящем: основные характеристики и особенности // Наука. Искусство. Культура : электрон. журн. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnye-iskusstva-yaponii-v-proshlom-i-nastoyaschem-osnovnye-harakteristiki-i-osobennosti/viewer> (дата обращения: 12.12.2024).

Олицкая Д. А. Перевод драмы: специфика, проблемы, подходы // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 19–24.

УДК 811.581'373.612.2+003.212

А. С. Серова

Минский государственный лингвистический университет, Минск

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ЗНАКОВ В МЕТАФОРИЧЕСКИХ СОЧЕТАНИЯХ С ИЕРОГЛИФИЧЕСКИМ ЗНАКОМ 给 'ДАВАТЬ' В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Представлены результаты исследования метафорических сочетаний, реализуемых китайским иероглифическим знаком 给 'давать' в контексте его семантической комбинаторики. Выделяются и описываются основные семантические типы знаков в образных метафорических сочетаниях, устанавливается частотность их употребления в китайском языке.

Ключевые слова: метафорическое сочетание, процессуальный знак, 给 'давать', семантический тип, китайский язык.

A. Seroва

Minsk State Linguistic University, Minsk

SEMANTIC OBJECT'S TYPES OF METAPHORICAL PHRASES WITH THE CHARACTER 给 'TO GIVE' IN THE CHINESE LANGUAGE

Abstract. The article describes the results of a research on metaphorical phrases involving the Chinese character 给 ('to give') within the framework of its semantic combinatorics. The main semantic types of characters in figurative metaphorical phrases are identified and described, and their frequency of use in the Chinese language is established.

Keywords: metaphorical phrase, procedural character, 给 'give', semantic type, the Chinese language.

Особенностью современных лингвистических исследований является смещение фокуса с формальных характеристик языка на его восприятие в совокупности структуры и семантики как единого когнитивного механизма. Образные метафорические сочетания являются наиболее ярким воплощением процессов концептуализации действительности мыслительной деятельностью человека, что объясняет особый интерес лингвистов к подобным сочетаниям.

Исследования в области концептуальной метафоры, начавшие активно развиваться в связи с публикацией работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [2004], впоследствии стали предметом анализа множества ученых как в западном (Дж. Грейди [Grady, 2005],

Дж. Стен [Steen, 2017], К. Аринс [Ahrens, 2010], С. Глюксберг [Glucksberg, 2001] и др.), так и в китайском лингвистическом пространстве (Сюй Цзявэнь (许嘉文) [许嘉文, 2025], Ли Чжаоин (李兆英) [李兆英, 2025], Юй Хуэй (于辉) [于辉, 2017], Шу Динфан (束定芳) [束定芳, 2000] и др.). Они поддерживали представленную Дж. Лакоффом идею о взаимосвязи мышления и языка, а именно о понимании образных сочетаний как воплощения мыслительных процессов в языке. В современных исследованиях концептуальная метафора все чаще стала изучаться в контексте дискурса (А. Н. Баранов [2014], Э. В. Будаев [2018], О. И. Калинин [2022], А. Музолфф [Musolff, 2019] и др.), что позволило еще более всеобъемлюще подойти к понятию метафорических сочетаний, отразив социальный, коммуникативный и когнитивный компоненты знаков.

Несмотря на множество исследований, посвященных метафорическим сочетаниям современного китайского языка, область образной комбинаторики процессуальных знаков остается наименее изученной и одной из наиболее актуальных сфер синологии. Данное исследование является попыткой выделить и систематизировать семантические типы знаков при иероглифическом знаке 给 ‘давать’ в метафорических сочетаниях. Исследование проводилось на базе отобранных путем сплошной выборки из Национального корпуса китайского языка BCC 语料库 (BLCU Corpus Center) [BCC ...] сочетаний с процессуальным знаком 给 ‘давать’, например 给个肩膀 ‘дать плечо [опереться]’, 给个好建议 ‘выдвинуть предложение’, 给世界礼 ‘подарить миру подарок’, 给一个笑容 ‘подарить улыбку’, 给个真相 ‘дать правду’. Общее число отобранных единиц составило 312 конструкций, включающих процессуальный знак 给 ‘давать’ и единицы различных семантических категорий, например абстрактных единиц, обозначающих непосредственно чувства (快乐 ‘радость’, 悲伤 ‘печаль’, 恐惧 ‘страх’), состояние духа (希望 ‘надежда’, 压力 ‘давление’, 灵感 ‘вдохновение’), время (儿童 ‘детство’, 时间 ‘время’, 未来 ‘будущее’), социальные ценности (影响 ‘влияние’, 面子 ‘лицо (авторитет)’) и др.

Нами было выделено 11 основных семантических типов знаков при процессуальном знаке 给 ‘давать’ в составе метафор, каждый из которых представлен более частными подтипами (табл.). Семантическая классификация производилась на базе «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой [Русский ... , 2003].

Таблица

Семантические типы иероглифических знаков в метафорических конструкциях
с процессуальным знаком 给 'давать'

№	Семантические типы знаков				Количество, %	
1	ДУХОВНЫЙ МИР				27,56	
1.1.	Чувства, эмоциональные состояния и их проявления	Сами чувства	Восторг. Радость. Веселье. Довольство. Умиротворение		4,17	12,18
			Любовь. Нежность		3,85	
			Страдание. Раскаяние. Смущение. Стыд		0,64	
			Отчаяние. Печаль. Уныние		0,64	
			Обида. Досада. Недовольство		0,64	
			Сочувствие. Жалость		0,64	
			Страх. Тревога. Нетерпение		0,64	
		Чувства				
1.2.	Сознание	Мысль. Точка зрения		3,53	7,05	
		Задача и ее решение		1,60		
		Разум		0,64		
		Восприятие		0,64		
		Заблуждение		0,64		
1.3.	Психика	Состояние духа	Воодушевление, взлет, озарение		1,6	4,17
			Надежда, вера		0,96	
			Упадок духа		0,32	
		Подсознание		0,64		
		Разные черты характера, склада личности	Мужество. Решимость		0,32	
			Порядочность, честность, искренность		0,32	
1.4.	Внутренние регуляторы поведения и сознания	Опыт		0,96	2,24	
		Воля, желание		0,96		
		Мораль, долг, совесть		0,32		
1.5.	Поведение	Антиобщественное или аморальное поведение		1,28	1,92	
		Поведение		0,64		
2.	СВЯЗИ, ОТНОШЕНИЯ. СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА. СТРУКТУРА. МЕТОД				22,80	
2.1.	Связи. Отношения	Содействие. Помощь. Поддержка. Защита		3,53	7,69	
		Взаимопонимание. Согласие.		0,96		
		Кара		0,96		
		Семейные, брачные отношения		0,96		
		Само отношение		0,32		
		Награда		0,32		
		Принуждение		0,32		
		Отсутствие контактов		0,32		
2.2.	Ценность, её критерии	Социальная ценность		2,24	5,45	
		Польза		1,60		

Продолжение табл.

№	Семантические типы знаков		Количество, %	
		Собственно ценность	0,96	
		Вред	0,64	
2.3.	Содержание и форма. Структура. Метод	Метод. Средство. Способ	3,53	4,81
		Смысл. Содержание	0,64	
		Отклонение от нормы	0,32	
		Условие. Основание. Причина	1,28	
2.4.	Обусловленность	Результат. Итог. Следствие	1,28	2,88
		Цель	0,32	
2.5.	Модальность		1,32	
2.6.	Социальное взаимодействие в виртуальной среде		0,96	
3.	ФОРМЫ И СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕАЛИЙ		18,27	
3.1.	Время	Отрезки, периоды времени	3,85	6,73
		Единицы измерения времени	2,56	
		Ход. Течение времени	0,32	
3.2.	Состояния природы, окружающей среды	Физические состояния неживого	1,60	3,53
		Среда. Обстановка. Окружающие условия	0,96	
		Влажность и сухость	0,64	
		Состояние природы	0,32	
3.3.	Движение, изменение местоположения в пространстве	Телодвижения. Жесты. Мимика		3,21
3.4.	Пространство	Пространство	2,88	2,88
		Нормируемое количество	0,32	
3.5.	Физические состояния и свойства живых существ	Состояние здорового или нездорового организма	0,96	1,92
		Восприятие органами чувств	0,32	
		Физиологические реакции	0,32	
		Местоположение	0,32	
4.	ИМЕНОВАНИЕ. ИНФОРМАЦИЯ. РЕЧЬ		12,50	
4.1.	Речевые акты, характеризующие содержательно	Совет. Наставление. Назидание	1,92	6,73
		Предупреждение. Предсказание	1,60	
		Толкование. Объяснение	1,28	
		Приветствие	0,64	
		Про́сьба	0,32	
		Утешение	0,32	
		Угроза	0,32	
		Обещания	0,32	
4.2.	Обмен сообщениями		3,85	
4.3.	Наименование человека, живого или олицетворяемого существа		1,28	
4.4.	Деловая речь		0,32	
4.5.	Неполная информация		0,32	
5.	БЫТИЕ		5,48	
5.1.	Сложившиеся обстоятельства		2,88	
5.2.	Жизнь, ее ход и проявления	Жизнь, ее протекание	0,96	1,6
		Конец жизни	0,64	

№	Семантические типы знаков		Количество, %	
5.3.	Ход бытия		1	
6.	ФИНАНСОВЫЕ ОПЕРАЦИИ		4,5	
7.	СОЦИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ		3,21	
7.1.	Образование	Оценка знаний учащихся	1,60	1,92
		Обучение, воспитание	0,32	
7.2.	Профессиональная деятельность		1,28	
8.	ПРОИЗВЕДЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ		1,92	
8.1.	Форма и структура текста	Тексты разного содержания	0,64	0,96
		Части текста	0,32	
8.2.	Искусства	Художественная форма	0,64	0,96
		Части произведений	0,32	
9.	СОЦИАЛЬНЫЕ УСТОИ, ПРАВО, ЗАКОН		1,92	
9.1.	Социальные устои, права, закон		1,28	
9.2.	Власть, гос. устройство		0,32	
9.3.	Социальное состояние		0,32	
10.	ДОКУМЕНТАЦИЯ		0,96	
11.	ПРЕДМЕТ КАК ПОДАРОК, ПОДАЯНИЕ		0,64	

К наиболее распространенному (27,56 %) семантическому типу единиц в сочетании с иероглифическим знаком 给 ‘давать’ относятся слова, которые выражают значения, связанные с духовным миром. В частности, это шесть подтипов иероглифов, относящиеся к следующим семантическим категориям: «Чувства, эмоциональные состояния и их проявления» (12,18 %), «Сознание» (7,37 %), «Психика» (4,17 %), «Внутренние регуляторы поведения и сознания» (1,92 %), «Поведение» (1,92 %), «Разные черты характера, склада личности» (0,64 %). Большая часть (11,22 %) семантической категории «Чувства, эмоциональные состояния и их проявления» представлена наименованиями самих чувств, испытываемых человеком, таких как радость (痛快 ‘радость’, 幸福 ‘счастье’), любовь (爱 ‘любовь’, 恋爱 ‘влюбленность’, 浪漫 ‘романтика’), недовольство (失望 ‘разочарование’), страдание (痛苦 ‘страдание’), страх (不安感 ‘тревога’, 恐惧 ‘страх’), сочувствие (同情 ‘сочувствие’, 怜悯 ‘сопереживание’) и т. д., а меньшая – общим категориальным названием чувств (感受 ‘ощущение’, 感觉 ‘чувство’). При сочетании с подобными единицами процессуальный знак 给 ‘давать’ выражает эмоциональное воздействие на субъект действия: 给我快乐 ‘подарить мне радость’, 给上司不安感 ‘вызвать у начальства чувство тревоги’, 给他人一丝温暖 ‘подарить людям немного тепла’.

Иероглифический знак 给 ‘давать’ также сочетается с единицами, обозначающими мыслительные процессы и интеллектуальную деятельность. Наиболее широкой является группа «Мысль. Точка зрения» (3,53 %), где исследуемый процессуальный знак функционирует в конструкциях типа 给

个意见 ‘высказать мнение’, 给个评价 ‘дать оценку’, 给个大拇指 ‘поставить палец вверх’, выражая процесс формирования суждений. В группе «Задача и ее решение» (1,28 %) процессуальный знак 给 ‘давать’ актуализирует значение создания задачи и ее поручения субъекту действия (给个任务 ‘дать задание’, 把问题给谁 ‘кому поручить задачу?’, 给个项目 ‘поручить проект’). Менее частотные сочетания наблюдаются со знаками семантических категорий «Разум» (0,64 %), «Восприятие» (0,64 %) и «Заблуждение» (0,64 %), где процессуальный знак 给 ‘давать’ приобретает дополнительные коннотации интеллектуального воздействия или навязывания определенных состояний, например 给不给计算机判断力 ‘давать ли машинам способность мыслить?’, 给上级一个的好印象 ‘произвести на начальство хорошее впечатление’, 给个棒槌当针认 ‘путать теплое с мягким’. В подтипе «Психика» знак 给 ‘давать’ сочетается преимущественно с единицами, обозначающими ментальные состояния, сферу подсознательного (0,64 %) (给个好梦 ‘подарить хороший сон’), а также различные черты характера, формируемые психическими процессами (0,64 %) (给勇气 ‘дать смелость’, 给三滴真心 ‘дать немного искренности’). Больше всего в метафорических сочетаниях с иероглифом 给 ‘давать’ лексических единиц, которые могут быть отнесены к семантической категории «Состояние духа» (2,88 %), включающей как позитивные (给希望 ‘дать надежду’, 给信任 ‘оказывать доверие’), так и негативные (给失望 ‘принести разочарование’) коннотации. Особый интерес представляют сочетания с единицами семантической группы «Воодушевление, взлет, озарение» (1,6 %), где исследуемый процессуальный знак передает идею спонтанного эмоционального, интеллектуального или творческого импульса (给灵感 ‘дать вдохновение’, 给启发 ‘открыть [кому-то] глаза’). Семантическая категория «Внутренние регуляторы поведения и сознания» (2,24 %) представлена абстракциями, связанными с морально-этической и волевой сферами, которые можно объединить в следующие смысловые категории: «Опыт» (0,96 %), «Воля. Желание. Влечение. Наклонность» (0,96 %) и «Мораль. Долг. Совесть» (0,32 %), например 给中国一个“教训” ‘преподать Китаю урок’, 给两个陈家公平 ‘дать двум представителям семьи Чэнь справедливость’, 给受挫者一分执著的追求 ‘дать отчаявшимся упорство в достижении цели’. Подтип «Поведение» (1,92 %) представлен преимущественно социально маркированными единицами, например 给个反应 ‘отреагировать’, 给个正常人 ‘веди себя как нормальный человек’, в том числе с негативной коннотацией: 给一巴掌 ‘дать оплеуху’, 给个屁 ‘шиш тебе’, 给中国一记恶狠狠的耳光 ‘дать Китаю крепкую пощечину’.

В 22,80 % случаев процессуальный знак 给 ‘давать’ метафорически сочетается с единицами семантического типа «Связи, отношения. Содержание и форма. Структура. Метод». Наиболее частотным подтипом является «Связи. Отношения» (7,69 %), в котором единицы в сочетании с иероглифическим знаком 给 ‘давать’ выражают различные формы межличностного взаимодействия: 给一些支持 ‘оказать некоторую поддержку’, 给他一个温暖的依靠 ‘быть для него надежной опорой’ («Содействие. Помощь. Поддержка. Защита», 3,53 %); 给与更多的理解 ‘отнестись с пониманием’ («Взаимопонимание. Согласие», 0,96 %); 婚姻都给不了 ‘не мочь дать замужества’, 给个家 ‘подарить семью’ («Семейные, брачные отношения», 0,96 %); 给个处分 ‘вынести взыскание’ («Кара», 0,96 %); 给不了她应有的回报 ‘не мочь дать ей того, чего она заслуживает’ («Награда», 0,32 %); 给他冷漠对待 ‘холодно относиться’ («Само отношение», 0,32 %); 给下面压力 ‘оказывать давление’ («Давление», 0,32 %); 给我孤独感 ‘принести чувство одиночества’ («Отсутствие контактов», 0,32 %). Вторым по продуктивности (5,45 %) выступает подтип «Ценность, ее критерии», в котором сочетания с процессуальным знаком 给 ‘давать’ формируют лексические комплексы, описывающие значимость субъектов или объектов действия: 给个面子 ‘дать лицо (уважение)’, 给中国消费者重视 ‘проявить уважение к китайским потребителям’ («Социальная ценность», 2,24 %); 给好处 ‘дать пользу’, 给下属实惠 ‘дать сотрудникам преференции’ («Польза» 1,6 %); 给作用 ‘играть роль’ («Собственно ценность», 0,96 %); 给经济损失 ‘приносить ущерб’ («Вред», 0,64 %). Семантический подтип «Содержание и форма. Структура. Метод» (4,49 %) включает сочетания с единицами, передающими способы организации работы и ее содержания. Для выражения смысла передачи инструментов или стратегий деятельности знак 给 ‘давать’ сочетается с единицами семантической группы «Метод. Средство. Способ» (3,21 %): 给个做法 ‘предложить способ’, 给个台阶下 ‘дать лазейку’. Единичными являются сочетания со знаками групп «Смысл. Содержание» (0,64 %) (给一个话题 ‘дать тему разговора’, 给意义 ‘дать смысл’), «Отклонение от нормы» (0,32 %) (给限定 ‘накладывать ограничения»). Сочетаясь с единицами семантического подтипа «Обусловленность» (2,88 %), процессуальный знак 给 ‘давать’ передает причинно-следственные связи. Равномерное распределение между подгруппами «Условие. Основание. Причина» (1,28 %) и «Результат. Итог. Следствие» (1,28 %) свидетельствует о способности глагола выражать как предпосылки (给个理由 ‘дать причину’, 给道理 ‘дать резон’), так и последствия (给一个公正的结果 ‘дать справедливый результат’) социальных действий. Группа «Цель» (0,32 %) представлена единственной единицей 目标 ‘цель’ (给个内定目标 ‘поста-

вить внутреннюю цель'). Особого внимания заслуживает семантический подтип «Социальное взаимодействие в виртуальной среде» (0,96 %), включающий знаки со значением современных тенденций языкового развития. В этой группе знак 给 'давать' участвует в образовании метафорических неологизмов, характерных для китайских языковых реалий, типа 给个支付宝 'давать Алипей', 给个邀请码 'отправлять пригласительный код', 给个微信 'давать Вичат', демонстрируя свою адаптивность к новым формам цифровой коммуникации.

Процессуальный знак 给 'давать' может сочетаться в метафорическом значении с единицами, которые могут быть отнесены к семантическому типу «Формы и сущностные характеристики реалий» (18,27 %). Наибольшую группу в данном типе образуют комбинации процессуального знака с единицами темпоральной семантики (6,73 %), а именно с подтипами «Отрезки, периоды времени» (3,85 %) и «Единицы измерения времени» (2,56 %). Такая комбинаторика представлена наиболее широко: 给不了我最美好的童年 'не мочь дать мне самого счастливого детства', 不能给一个未来 'не мочь дать будущее, 给不了自己拥抱阳光的片刻 'не мочь подарить себе светлых моментов', 给一分钟 'дать минуту', 给个星期 'дать неделю'. Единичной является сочетаемость процессуального знака с иероглифом 时间 'время' (给我一点儿时间 'дай мне немного времени'). В данных примерах временной интервал концептуализируется как объект, который можно передать или получить. Употребляясь с единицами группы «Состояния природы, окружающей среды» (3,53 %), знак 给 'давать' представляет природные и физические явления как контролируемый процесс: 给个好天气 'дать хорошую погоду', 给阳光 'дать солнечный свет', 给个亮 'дать свет', 给短电脉冲 'подать короткий электрический импульс'. В 3,21 % случаев изучаемый процессуальный знак может образовывать метафорические сочетания с единицами подтипа «Телодвижения. Жесты. Мимика», наделяя метафору семантикой действий, совершаемых телом в направлении субъекта действия, например 给一个飞吻 'послать воздушный поцелуй', 给个拥抱 'подарить объятия', 给一个笑容 'подарить улыбку'. Как передаваемый ресурс также может концептуализироваться пространство при комбинаторике процессуального знака 给 'давать' с единицами семантического подтипа «Пространство» (2,88 %), как в примерах 给学生思考空间 'давать учащимся пространство для размышлений', 给足够空间 'давать достаточно пространства', 我给不了你全世界 'я не могу подарить тебе весь мир'. Единичными примерами представлена сочетаемость знака 给 'давать' с единицами подтипа «Физические состояния и свойства живых существ»: 给人民力量 'дать народу силу', 给人活力 'дать человеку жизнен-

ную энергию' («Состояние здорового или нездорового организма», 0,96 %);
给两道妒火中烧的目光 'бросить два взгляда, пылающих ревностью'
(«Восприятие органами чувств», 0,32 %); 给三滴真心为我流的泪 'дать три
капли искренних слёз, пролитых за меня' («Физиологические реакции»,
0,32 %); 给个地址 'дать адрес' («Местоположение», 0,32 %).

В 12,5 % случаев иероглифический знак 给 'давать' может метафорически сочетаться с единицами, обозначающими коммуникативные акты и процессы именования, входящими в семантический тип «Именование. Информация. Речь». Наиболее частотным подтипом единиц в подобных сочетаниях является «Речевые акты, характеризующие содержательно» (6,73 %), представляющий собой группу иллюкутивных актов разного содержания: «Совет. Наставление. Назидание» (1,92 %) – 给个建议 'дать совет', 给个指点 'дать указание'; «Предупреждение. Предсказание» (1,6 %) – 给个警告 'вынести предупреждение', 给七妹一言提醒 'напомнить седьмой сестре'; «Толкование. Объяснение» (1,28 %) – 给个合理解释 'предоставить разумное объяснение', 给个说法 'дать разъяснения', 给中国人民交代 'дать китайскому народу разъяснения'; «Приветствие» (0,64 %) – 给个祝福 'одарить добрыми пожеланиями'; «Просьба» (0,32 %) – 给个求婚 'сделать предложение руки и сердца'; «Утешение» (0,32 %) – 给一点安慰 'немного утешить'; «Угроза» (0,32 %) – 给极大的威慑 'оказать мощное сдерживающее воздействие'; «Обещания» (0,32 %) – 给不起承诺 'не мочь дать обещаний'. Процессуальный знак 给 'давать' также может использоваться для метафоризации процесса коммуникации как акта материальной передачи, для чего сочетается с единицами подтипа «Обмен сообщениями» (3,85 %), образуя сочетания типа 给个电话 'позвонить' (досл. 'дать звонок'), 给个准话儿 'дать окончательный ответ', 给个话 'дать ответ', 给一个答案 'дать официальный ответ', 他给个回应 'дать отклик'. Комбинируясь с единицами подтипа «Наименование человека, живого или олицетворяемого существа» (1,28 %), изучаемый процессуальный знак выступает как оператор присвоения идентичности, образуя конструкции типа 给个虚名称 'придумать фиктивное имя', 给你的角色命名 'дать персонажу имя', 给孩子名字 'дать ребенку имя'. Единичными являются случаи употребления знака 给 'давать' с единицами семантических групп «Деловая речь» (给个通知 'оповестить' (досл. 'дать оповещение')) и «Неполная информация» (给个暗示 'дать намек').

При сочетаемости с семантическим типом «Бытие» (5,48 %) процессуальный знак 给 'давать' выступает как оператор концептуализации жизненных процессов, где биологическое существование и социальные обстоятельства актуализируются в качестве объектов передачи: 给个温饱 'обес-

печить благосостояние', 给个惊喜 'сделать сюрприз', 给个幸运 'предоставить счастливую возможность' (подтип «Сложившиеся обстоятельства», 2,88 %); 给舒适的生活 'дать комфортную жизнь', 给人员死亡 'привести к гибели людей' (подтип «Жизнь, ее ход и проявления», 1,6 %); 给技术进步 'дать технологический прогресс', 给自己最佳高度 'обеспечить себе оптимальные позиции' (подтип «Ход бытия», 1 %).

Метафорические сочетания изучаемого знака с семантическим типом «Финансовые операции» (4,5 %) представлены конструкциями типа 给一个结算 'произвести расчет', 给个价 'назвать цену', 给个折 'дать скидку', 捐款给一些穷人 'сделать пожертвование бедным', где процессуальный знак приобретает специализированные значения, отражающие специфику рыночных отношений и механизмы распределения материальных благ. В комбинации с единицами группы «Социальная деятельность» (3,21 %) иероглифический знак 给 'давать' демонстрирует системную способность концептуализировать различные аспекты трудовых и педагогических процессов через модель передачи объектов. В подтипе «Профессиональная деятельность» (1,92 %) представлены следующие сочетания со знаком 给 'давать': 给工作 'дать работу', 给名额 'дать вакансию', 给位置 'дать должность'. Подтип «Образование» (1,92 %), помимо непосредственного сочетания 给教育 'дать образование', представлен комбинациями с семантической группой «Оценка знаний учащихся», в которых процессуальный знак формирует фактор оценочности учебных достижений субъектов действия, например 给个好分数 'поставить хорошую отметку', 给个高分 'поставить высокий балл', 给个苦劳分 'дать оценку за старание'. Семантический тип «Произведения творческой мысли» (1,92 %) включает единицы, сочетаясь с которыми, знак 给 'давать' функционирует как инструмент формирования текстовых единиц (给个摘要 'дать краткое содержание') и их частей (给个参考 'предоставить справочную информацию'), а также художественных форм (给个全造型 'создать полный образ') и частей произведений (给三人行一点美好的戏份 'дать трем главным героям немного хороших сцен'). В сочетаниях с единицами семантического типа «Социальные устои, право, закон» (1,92 %) процессуальный знак 给 'давать' функционирует как оператор распределения властных полномочий (给三权 'дать три права', 给中山市政府权力 'дать Чжуншаньскому муниципалитету полномочия') и социальной стратификации (给地位 'дать положение'). Единичными являются комбинации процессуального знака с единицами семантических типов «Документация» (0,96 %): 给心理测试 'дать психологический тест', 给毕业证 'выдать диплом'; и «Предмет как подарок, подаяние» (0,64 %): 给世界礼物 'подарить миру подарок', 给一次奖 'наградить один раз'.

Анализ семантических типов единиц в метафорических сочетаниях с иероглифическим знаком 给 ‘давать’ показал, что изучаемый иероглиф способен концептуализировать обширный спектр абстрактных понятий через модель физической передачи. Такая возможность характеризует процессуальный знак 给 ‘давать’ как ключевую единицу формирования концептуальных образных сочетаний с семантикой передачи в китайском языке.

Литература

- Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафор. М. : Языки славян. культуры, 2014. 632 с.
- Будаев Э. В., Кильдюшевская А. А. Метафоры природы в англоязычном дискурсе моды // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 73–78.
- Калинин О. И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе : дис. ... д-р филол. наук : 10.02.19. М., 2022. 480 с.
- Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : УРСС, 2004. 252 с.
- Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус. яз. ; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник, 2003.
- Ahrens K. Mapping principles for conceptual metaphors // *Researching and Applying Metaphor in the Real World* / ed. by G. Low, Z. Todd, A. Deignan, L. Cameron. Amsterdam : John Benjamins Publishing, 2010. P. 185–207.
- BCC 语料库 (BLCU Corpus Center). URL: <https://bcc.blcu.edu.cn/lang/zh> (дата обращения: 08.05.2025).
- Glucksberg S. Understanding Figurative Language: From Metaphor to Idioms // Oxford University Press. 2001. 136 p.
- Grady J. Primary metaphors as inputs to conceptual integration // *Journal of Pragmatics*. 2005. Vol. 37, N 10. P. 1595–1614.
- Musolff A. Metaphor Framing in Political Discourse // *Mythos-Magazin : Politisches Framing*. 2019. Vol. 1. P. 1–11.
- Steen G. Deliberate Metaphor Theory: Basic assumptions, main tenets, urgent issues // *Intercultural Pragmatics*. 2017. Vol. 14, N 1. P. 1–24.
- 于辉. 比喻的研究现状综述 / 于辉. 外语教学与研究出版社. 2017. N 11. P. 13–16.
- 李兆英. 概念隐喻理论在大学英语词汇教学中的应用研究 / 李兆英. 现代商贸工业. 2025. N 5. 231–233 页.
- 束定芳. 隐喻学研究 / 束定芳. 北京 : 外语教育出版社. 2000. 231 页.
- 许嘉文. 概念隐喻视角下的现代汉语“头”的词义演变 / 许嘉文 // 汉字文化. 2025. N 9. 89–94 页.

ФОРМЫ ВЕЖЛИВОСТИ В ДРЕВНЕКОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Статья посвящена древнекорейским формам вежливости, которые играют ключевую роль в коммуникации на корейском языке. Отмечается, что изучение истории вежливости играет значительную роль в понимании развития языка и позволяет осознать, как разные общества устанавливали свои нормы общения, какую ценность придавали межличностному общению и какие способы использовали для его успешного осуществления.

Ключевые слова: древнекорейский язык, Силла, Когурё, Пэкче, вежливость, гоноратив, деприциатив.

V. Sitdikova

Moscow City University, Moscow

FORMS OF POLITENESS IN THE ANCIENT KOREAN LANGUAGE

Abstract. This article focuses on ancient Korean forms of politeness, which play a key role in Korean language communication. The study of the history of politeness plays a significant role in understanding the development of language. It allows us to understand how different societies established their norms of communication, what values they placed on interpersonal communication, and what methods they used to make it successful.

Keywords: Old Korean, Silla, Goguryeo, Baekje, politeness, honorative, deprivative.

Вежливость как социальное явление имеет долгую и интересную историю. Общество развивалось через коммуникацию, повливав на все уровни языка. Культурные ценности и нормы поведения передаются от одного поколения к другому. Вежливость является результатом исторического процесса передачи социального и культурного наследия. Она имеет глубокие исторические корни, начав формироваться с развитием человека еще в первобытном обществе. Люди начали общаться между собой, поклоняться языческим богам. Все это уже тогда способствовало развитию системы вежливости. Первобытная религия и почитание богов начали формировать определенные прототипы поведения. В большинстве случаев вежливость связана не только с развитием языка, но и с историческими событиями. Страны завоевывались, что значительно влияло не только на политическую ситуацию, но и на культуру, обычаи и язык. Язык – это не просто средство общения; он также является носителем истории, традиций и идентичности народа.

Человечество эволюционировало на протяжении тысячелетий, и в процессе развития изменялись культурные традиции, нормы поведения и общения, что также отразилось на языке. Изучение истории вежливости играет значительную роль в понимании развития языка. Оно позволяет осознать, как разные общества устанавливали свои нормы общения и какую ценность придавали вежливости. Также это исследование освещает

изменения в социальных структурах, трансформацию ролей полов, классов и этнических групп в обществе. В настоящей статье предпринята попытка изучения форм вежливости в древнекорейском языке. Вежливость – один из ключевых элементов корейского языка на всех этапах его исторического развития. Даже в древнекорейском языке, несмотря на ограниченность письменных источников, уже существовала сложная система учтивой речи, отражающая социальную иерархию.

В большинстве работ корейских исследователей по истории корейского языка распространена периодизация по политическим событиям в стране. Ученые выделяют пять этапов развития корейского языка:

- 1) Древнекорейский язык – I в. до н. э. – VII в. н. э.
- 2) Раннесреднекорейский язык – VII–XIV вв.
- 3) Позднесреднекорейский язык – XV–XVII вв.
- 4) Новокорейский язык – XVIII–XIX вв.
- 5) Современный корейский язык – XIX в. – наше время [Кондратьева, 2005, с. 20].

Древнекорейский язык – это исторический этап развития корейского языка, который использовался на Корейском полуострове примерно около тысячи лет. Этот язык является предком современного корейского языка, но значительно отличается от него по лексике, грамматике и фонетике. Этот язык начинает свою историю с развития Трех государств: Когурё (37 г. до н. э. – 668 г. н. э.), Пэкче (18 г. до н. э. – 660 г. н. э.), Силла (57 г. до н. э. – 935 г. н. э.) [Мызникова, 2013, с. 47].

Стоит отметить, что под древнекорейским языком обычно понимают язык государства Силла, поскольку сохранились письменные памятники преимущественно этого государства. По языкам государств Пэкче и Когурё материалов почти не осталось. Отрывочные сведения можно найти в «Самгук саги». Это одна из трех великих саг в древней корейской литературе, которая рассказывает о легендарных основателях древнего корейского государства Когурё. Название «Самгук саги» переводится как «Сага о трех королевствах» и охватывает историю трех корейских государств: Когурё, Пэкче и Силла, начиная с их мифологических основ и до раннего Средневековья. Эта сага является важным источником для изучения древней истории, культуры и мифологии Кореи.

Письменных материалов по языку Силла сохранилось гораздо больше. Помимо материалов, которые содержатся в написании личных имен, географических названиях и государственных номинациях в «Саге о трех королевствах» (三國史記, Самгук саги) и «Оставшихся деяниях трех государств» (三國遺事, Самгук юса), на языке Силла еще сохранились аутентичные материалы, записанные на *иду* и *хянчхале* [Холодович, 1986, с. 34]. Таким образом, при описании системы вежливости древнекорейского языка в большинстве случаев за основу берется язык Силла [Мызникова, 2013].

Гонорифическая система древнекорейского языка была представлена учтивыми и скромными формами. Учтивые формы выражали вежливость к третьему лицу, таким образом, их можно назвать категорией гоноратива. Скромные (самоуничижительные) формы вслед за В. М. Алпатовым называем деприциативными [Алпатов, 2011]. Хотя для современного корейского языка не характерно употребление деприциативных форм, в древнекорейском языке они существовали.

Рассмотрим данные категории подробно в историческом аспекте древнекорейского языка.

Категория гоноратива выражается аффиксом вежливости 賜 (shi), именным суффиксом 主 (nim).

А. А. Холодович называл *аффиксом вежливости* «такой аффикс, который при присоединении к основе предикатива указывает на то, что действие или признак принадлежат лицу (выраженному в подлежащем), занимавшему в общественной иерархии, по понятиям того времени, относительно высокое положение» [Холодович, 1986, с. 34].

Согласно мнению большинства корейских лингвистов, современный аффикс вежливости ㅅㅣ возник от глагола ㅍㅣㅅㅣ다, что означает «быть». Изначально существовавшая морфема ㅍㅣㅅㅣ со временем преобразовалась в грамматическую форму ㅅㅣ.

Первые упоминания аффикса вежливости можно найти в древних ритуальных текстах Хянга, написанных на иду. В этих текстах всегда выделяются исполнитель и адресат. Исполнитель – это тот, кто стремится поддерживать порядок или восстанавливает его в случае нарушения. Адресат, как правило, представляет собой значимую фигуру «старшего», который олицетворяет силы космоса, а также целостность и благополучие сообщества. В ритуалах и текстах хянга особое внимание уделяется «облику старшего». Это понятие включает как конкретные физические качества (внешность, здоровье, болезнь), так и нравственные характеристики. Таким образом, в текстах хянга проявляется уважение младшего к старшему, что отражается в использовании аффикса вежливости при обращении к старшему по возрасту или занимающему более высокий социальный статус собеседнику, а также при описании его действий [李 太 煥, 2008].

Ниже представлены примеры использования гоноратива в древнекорейском языке:

1) 阿冬音乃叱好支賜烏隱 (慕竹旨郎歌)

Aram nathosyaon

Показалось красивое лицо.

2) 臣隱愛賜尸母史也 (安民歌)

Sineun tasyarosiyo

Моя любимая мама – вассал.

3) 郎也持以支如賜烏隱

Nanai tinitasyaon

Ваш облик наполнил душу.

Важно подчеркнуть, что аффикс вежливости 賜 совпадает со средневековой формой 시/샤. С точки зрения морфологии аффикс вежливости функционирует как корень. Аффикс вежливости 賜 также имел алломорф 샤, который использовался в языке Силла чаще, чем первый.

Японский лингвист Огура Симпэй, исследовавший историю корейского языка, обнаружил в древнекорейских текстах именной суффикс вежливости 主 (nim) [小倉進平, 2005]. Этот суффикс добавлялся к именам собственным и использовался при обращении к людям, занимающим более высокое социальное положение или старшим по возрасту.

善化公主主隱 (薯童謠)

sohwakonjunimeun

Принцесса Сонхва

Категория деприциативности представлена аффиксом уничижительности 白 (salp) и окончанием 音 (i).

Категория деприциативности выражается с помощью аффикса уничижительности 白 (salp) и окончания 音 (i). Деприциативные (скромные) формы демонстрируют пейоративный тип уважительного отношения, отражая самоуничижение говорящего. Деприциативные суффиксы добавлялись к основам глаголов или глаголу-связке, которые имели семантическую связь с существительными, выполняющими роли дополнения или обстоятельства [Трофименко, 2007, с. 294].

Деприциативные формы вежливости, они же самоуничижительные – это специальные грамматические конструкции, используемые для выражения уважения к собеседнику в древнекорейском языке, при этом говорящий умышленно принижал собственный статус или действия. Эти формы помогали создавать и поддерживать иерархические отношения в общении, подчеркивая скромность и смирение говорящего. Они часто использовались в ситуациях, когда необходимо проявить уважение к старшим или более высокопоставленным людям.

慕人有如白遣賜立 (願往生歌)

Keuril saram sakmsyasyo

Я дарю людям желание творить.

Древнекорейский аффикс уничижительности 白 имеет аналогичное значение со средневековым аффиксом sar. Этот аффикс использовался сразу после корня глагола и перед аффиксом вежливости. Еще одной формой категории деприциативности являлось предфинальное окончание 音.

До настоящего времени исследователи продолжают дискуссии о чтении этого окончания в древнекорейском языке. Многие корейские лингвисты интерпретировали его как ㅀ.

Говоря о категории адрессива в древнем периоде, можно отметить, что информации о ней немного. Огура Симпэй выделял несколько форм конечной сказуемости в древнекорейском языке [小倉進平, 2005]:

1) 賜立 (샤셔/쇼셔) использовалась при обращении к высокопоставленным людям или когда просили о помощи.

慕人有如白遣賜立 (願往生歌)

Keureul sarami itta salpkosyasyo.

Клянусь! Молвят, есть такие люди!

2) 以多 (이다) форма имела оттенок деприциативности.

安支尙宅都乎隱以多 (遇賊歌)

Anti sejip tawinita.

He стал новым домом.

3) 省如 (소다) использовалось в текстах, где упоминалось имя Будды.

今香藪未去遣省如 (遇賊歌)

Yottan sume kagosota.

Бегите прячьтесь.

В результате изучения материала можно сделать вывод, что уже в древнекорейском языке можно увидеть достаточно развитую систему форм вежливости, представленную не только лексическими, но и грамматическими средствами выражения. Формы вежливости играли ключевую роль в поддержании социальных норм и уважения в общении, отражая иерархические отношения в обществе. Они ранжировались в зависимости от социального статуса и возраста собеседника. Использование форм вежливости было связано с культурными традициями почитания вышестоящих (богов, людей) и обычаями, что делало их важным элементом корейской идентичности.

Литература

Алпатов В. М. Категории вежливости в современном японском языке. М. : Либроком, 2011. 152 с.

Кондратьева Е. Н. Грамматика предикатива в ранненовокорейском языке: от среднекорейского к новокорейскому : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2005. 293 с. EDN NNONPL.

Мызникова В. В. Сравнительный анализ гонорифических систем в корейском и японском языках : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22. СПб., 2013. 248 с. EDN SUYPWF.

Трофименко О. А. Особенности структуры и функционирования финитных окончаний в грамматике средневекового корейского языка (XV–XVI вв.) // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2007. Вып. 1, ч. 2. С. 293–303.

Холодович А. А. Материалы по грамматике корейского языка XV века (по материалам Оды). Морфология. Вып. 2. М. : Наука, 1986. 64 с.

小倉進平. 朝鮮語に於ける謙讓法, 尊敬法の助動詞. 2005. URL: http://ufind.carli.illinois.edu/vf-uiu/Record/uiu_3143377 (дата обращения: 19.05.2025).

李太煥. 한국어 경어법의 역사적 변천에 관한 연구. 경원대학교 대학원, 2008. 214 쪽.

УДК 811.581

А. В. Скворцов

Московский городской педагогический университет, Москва

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛИЗМОВ В СТИХОТВОРЕНИИ ДУ ФУ «ПИШУ ПИСЬМО ВСЕМ УЧЕНЫМ МУЖАМ УЕЗДОВ ЧЭНДУ И ХУАЮАНЬ»

Аннотация. Статья посвящена структурно-семантическому анализу параллельных фрагментов стихотворения Ду Фу «Письмо всем ученым мужам уездов Чэнду и Хуаюань». Новизна работы объясняется тем, что ранее параллельные фрагменты этого стихотворения Ду Фу не выступали в качестве объекта исследования. Доказано, что в изучаемом стихотворении доминирует вертикальная симметрия, в два раза превышающая горизонтальную. Анализ параллельных фрагментов позволяет лучше понять смысл стихотворения и тоньше почувствовать переживания лирического героя. Параллелизм усиливается риторическими вопросами и гиперболами. С семантической точки зрения в изучаемом стихотворении Ду Фу сетует на свое бедственное материальное положение и предательство друзей, которые перестали с ним общаться.

Ключевые слова: анализ по непосредственным составляющим, Ду Фу, классификация словосочетаний классического китайского языка, синтаксический параллелизм.

A. Skvortsov

Moscow City University, Moscow

CLASSIFICATION OF FRAGMENTS OF DU FU'S POEM "A LETTER TO ALL THE SCHOLARS OF CHENGDU AND HUAYUAN COUNTIES" HAVING SYNTACTIC PARALLELISM

Abstract. This article is devoted to the structural and semantic analysis of parallel fragments of Du Fu's poem "A Letter to all the scholars of Chengdu and Huayuan counties." The novelty of the work is explained by the fact that previously parallel fragments of this Du Fu poem did not act as an object of research. It is proved that the vertical symmetry dominates in the studied poem, which is twice as large as the horizontal one. The analysis of parallel fragments makes it possible to better understand the meaning of the poem and to feel the feelings of the lyrical hero more subtly. The parallelism is reinforced by rhetorical questions and hyperbole. From a semantic point of view, in the poem under study, Du Fu laments his poor financial situation and the betrayal of friends who stopped communicating with him.

Keywords: analysis by direct components, Du Fu, classification of phrases in classical Chinese, syntactic parallelism.

Тема настоящего исследования является актуальной в связи с тем, что до настоящего времени не выработано общепризнанной методики прозаического перевода танских стихотворений с классического китайского языка на русский. В рамках настоящего исследования будет предложена одна из возможных методик перевода, в основе которой лежит разбор всех строк изучаемого стихотворения по непосредственным составляющим от малого к большому с последующим анализом параллельных фрагментов. Такой подход позволяет выполнить более точный перевод рассматриваемого произведения и лучше понять семантику оригинала.

Объектом исследования является стихотворение Ду Фу «Пишу письмо всем ученым мужам уездов Чэнду и Хуаюань».

В качестве предмета исследования выступают параллельные фрагменты рассматриваемого произведения и его прозаический перевод на русский язык.

Цель исследования заключается в количественной оценке параллельных фрагментов изучаемого стихотворения Ду Фу, обладающих вертикальной и горизонтальной симметрией.

Для достижения этой цели решались следующие задачи: 1) изучить комментарии и переводы рассматриваемого стихотворения на современный китайский язык; 2) разобрать все строки этого произведения от малого к большому; 3) выполнить прозаический перевод изучаемого стихотворения на русский язык; 4) проклассифицировать параллельные фрагменты по направлению и вычислить их процент от общего числа иероглифов.

В ходе выполнения исследования использовались следующие методы: 1) анализ по непосредственным составляющим; 2) метод перевода; 3) сопоставительный метод. Теоретическая база исследования представлена следующими работами: [Дрейзис, 2016; Кобзев, 2017; Скворцов, 2024; Скворцов, Кондратова, 2021; 张国举, 2009]. Практическая значимость выполненного исследования заключается в возможности использовать его результаты в процессе чтения лекций по дисциплине «Основы классического китайского языка вэньянь».

Приведем текст стихотворения Ду Фу «Пишу письмо всем ученым мужам уездов Чэнду и Хуаюань».

朝代：唐

杜甫 《投簡成、華兩縣諸子》

赤縣官曹擁材傑，軟裘快馬當冰雪。

長安苦寒誰獨悲，杜陵野老骨欲折。

南山豆苗早荒穢，青門瓜地新凍裂。
 鄉里兒童項領成，朝廷故舊禮數絕。
 自然棄擲與時異，況乃疏頑臨事拙。
 饑臥動即向一句，敝裘何啻聯百結。
 君不見空牆日色晚，此老無聲淚垂血。

На рис. 1–4 покажем разбор всех строк этого произведения от малого к большому.

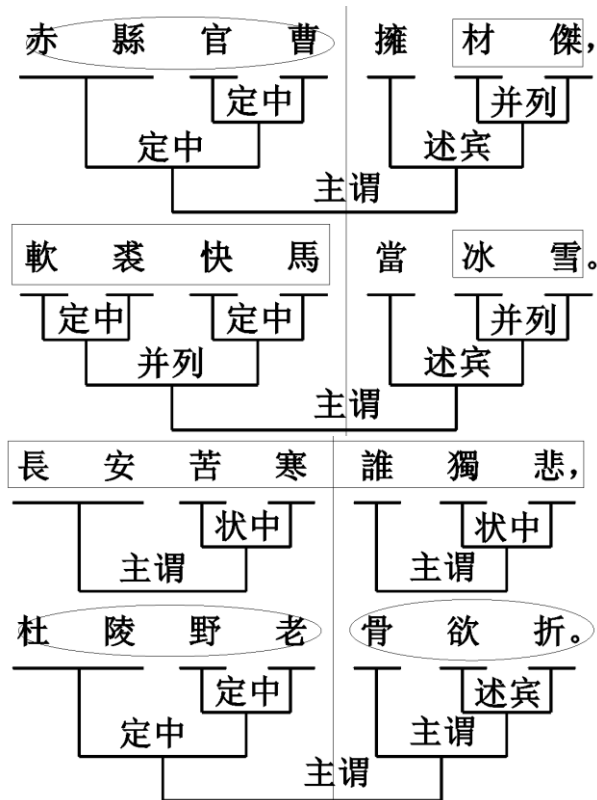

Рис. 1. Синтаксический анализ строк 1–4 стихотворения Ду Фу
 «Пишу письмо всем ученым мужам уездов Чэнду и Хуаюань»

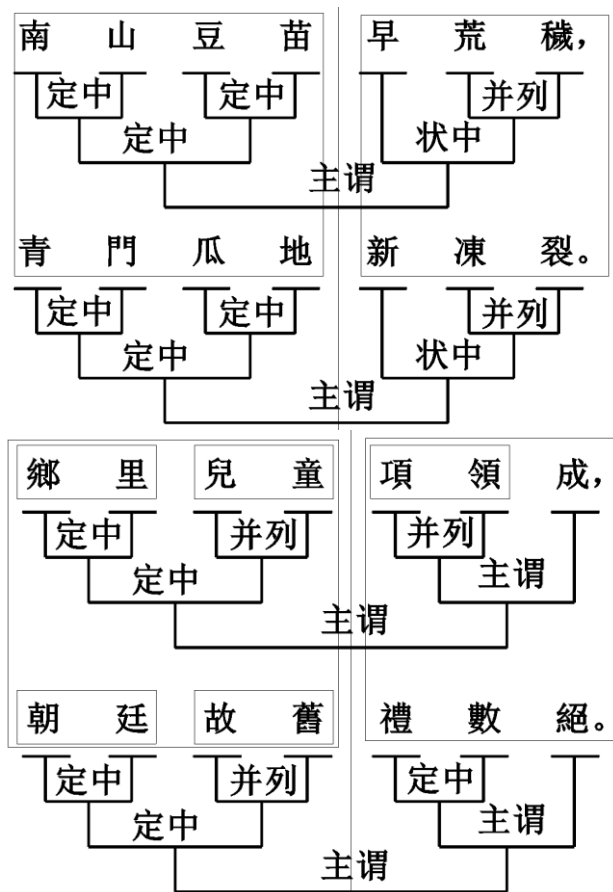

Рис. 2. Синтаксический анализ строк 5–8 стихотворения Ду Фу
«Пишу письмо всем ученым мужам уездов Чэнду и Хуаюань»

С классификацией словосочетаний классического китайского языка можно познакомиться с помощью работы Чжана Юйцзиня [张玉金, 2010, с. 196–200].

С опорой на рис. 1–4 выполняем прозаический перевод изучаемого стихотворения, который представим в табл. 1.

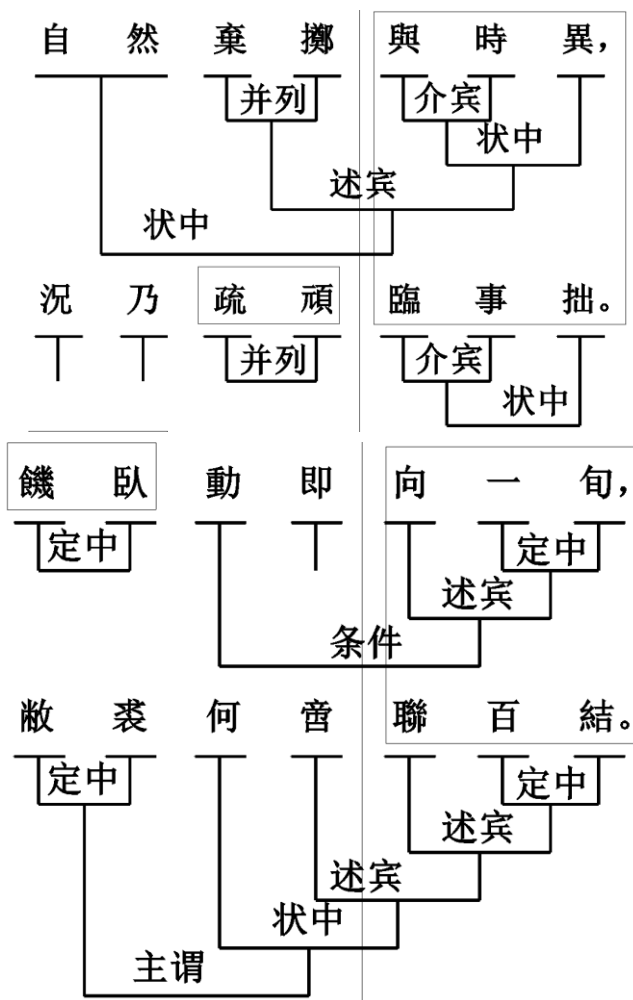

Рис. 3. Синтаксический анализ строк 9–12 стихотворения Ду Фу
 «Пишу письмо всем ученым мужам уездов Чэнду и Хуаюань»

При переводе этого стихотворения строка 12 вызывает большие трудности. Приведем ее перевод, близкий к дословному: «Рваная шуба соединена разве только сотней узлов?» Такой перевод противоречит нормам стилистики русского языка, поэтому он был трансформирован следующим образом: «Рваный халат [на меху] весь в многочисленных заплатах». При этом риторический вопрос заменяется повествовательным предложением.

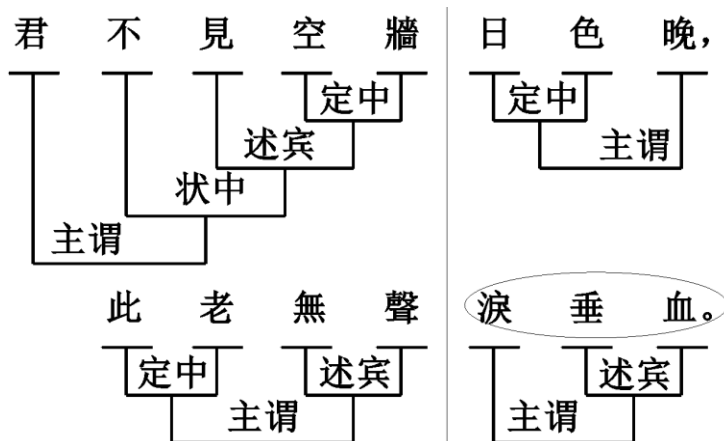

Рис. 4. Синтаксический анализ строк 13–14 стихотворения Ду Фу
«Пишу письмо всем ученым мужам уездов Чэнду и Хуаюань»

Таблица 1

Прозаический перевод стихотворения Ду Фу «Пишу письмо всем ученым мужам
уездов Чэнду и Хуаюань»

№	Текст стихотворения-первоисточника	Прозаический перевод на русский язык
1	赤縣官曹擁材傑，	Все приказы Чанъяня полны талантливыми людьми.
2	軟裘快馬當冰雪。	[Они] в легких [и теплых] шубах на быстрых лошадях среди снега и льда.
3	長安苦寒誰獨悲，	В Чанъяне жестокий холод. Кто в одиночестве грустит?
4	杜陵野老骨欲折。	У старика из Дулина кости готовы переломиться.
5	南山豆苗早荒穢，	Ростки сахарного горошка на южной горе давно заросли сорняками,
6	青門瓜地新凍裂。	Цинмэньские тыквы потрескались от мороза.
7	鄉里兒童項領成，	В деревнях мелкие чиновники отрастили себе широкие шеи,
8	朝廷故舊禮數絕。	Мои старые друзья, находящиеся при дворе, перестали со мной зняться.
9	自然棄擲與時異，	[Они] естественным образом покинули того, кто не соответствует своему времени.
10	況乃疏頑臨事拙。	Тем более, что [я] небрежен и упрям, а также не искусен в делах.
11	饑臥動即向一旬，	Голодный [и больной], лежу часто по десять дней
12	敝裘何啻聯百結。	Рваный халат [на меху] весь в многочисленных запла-тах.
13	君不見空牆日色晚，	Вы, судари, не видите пустые стены [моего жилища]. Время [идет] к вечеру.
14	此老無聲淚垂血。	Я молчу. Из глаз льются [капли] крови [вместо слез].

Примечание. Под 青門 (Цинмэнь) следует понимать расположенные на юго-востоке ворота Чанъяня.

Приведем близкий к дословному перевод строки 11: «Голодаю и лежу постоянно по десять дней». Этот перевод следует заменить следующим: «Голодный и [больной], [я] часто лежу по десять дней».

В табл. 2 покажем параллельные фрагменты изучаемого произведения, обладающие горизонтальной симметрией.

Таблица 2

Обладающие горизонтальным параллелизмом фрагменты стихотворения Ду Фу
«Пишу письмо всем ученым мужам уездов Чэнду и Хуаюань»

№	Параллельные фрагменты		Тип параллельных фрагментов
1	材 Талант	傑 Выдающийся человек	Отдельные лексемы-существительные
2	冰 Лед	雪 Снег	
3	故 Друзья	舊 Старая дружба	
4	鄉 Деревня, село	里 [Родная] деревня	
5	兒 Ребенок	童 Подросток	
6	項 Шея	領 Шея	
7	荒 Заброшенный, невостребованный	穢 Заросший сорняками	Отдельные лексемы-прилагательные
8	凍 Замерзнуть	裂 Трескаться	Отдельные лексемы-глаголы
9	棄 Бросить	擲 Кинуть	
10	饑 Голодать	臥 Лежать	
1	疏 Отдаляться; неприветливый	頑 Быть упрямым; упрямый	Отдельные лексемы-прилагательные
2	敝裘 Рваная шуба, рваный халат	百結 Сотня узлов	Определительные словосочетания
3	長安苦寒 В Чанъане сильный холод	誰獨悲 Я один грущу	Предикативные словосочетания
4	軟裘 Легкая шуба	快馬 Быстрые лошади	Определительные словосочетания

Анализ табл. 2 показывает, что параллельные фрагменты, обладающие горизонтальной симметрией, составляют 37 иероглифов, т. е. 37,4 % от их общего числа.

Представленные в строках 1–11 табл. 2 параллельные фрагменты, обладающие горизонтальной симметрией, состоят из двух слогов, которые можно трактовать как а) параллельные словосочетания и б) как двусложные лексемы, состоящие из двух корней.

Глобальной горизонтальной симметрией обладает строка 3 изучаемого стихотворения. В ней слева и справа от цезуры расположены два предикативных словосочетания, имеющие структуру «П+Об+С». В этой строке Ду Фу жалуется на свое горе, привлекая к нему внимание читателя с помощью риторического вопроса: «В Чанъане жестокий холод. Кто в одиночестве грустит?».

Параллельные фрагменты 軟裘 (легкая шуба) и 快馬 (быстрые лошади) описывают прекрасное материальное положение бывших друзей Ду Фу, которые занимают высокие должности при дворе императора. Эти фрагменты противопоставляются обстоятельному словосочетанию 獨悲 (грустить в одиночестве).

Словосочетания 敝裘 (рваная шуба) и 百結 (сотня узлов) рассматриваются как параллельные, будучи расположенными в начале и конце строки 12.

Обладающие вертикальным параллелизмом параллельные фрагменты рассмотрим в табл. 3.

Таблица 3

Обладающие вертикальным параллелизмом параллельные фрагменты стихотворения Ду Фу «Пишу письмо всем ученым мужам уездов Чэнду и Хуаюань»

№	Параллельные фрагменты		Тип параллельных словосочетаний
1	赤縣官曹 Приказы Чанъаня	杜陵野老 Старик из Дулина	Определительные
2	骨欲折 Кости собираются переломиться	淚垂血 Из глаз капаят [капли] крови	Предикативные
3	擁材傑 Собирать талантливых людей	當冰雪 Находиться среди снега и льда	Глагольно- объектные
4	南山豆苗 Ростки сахарного горошка	青門瓜地 Цинмэньское тыквенное поле	Определительные
5	早荒穢 Давно зарасты сорняками	新凍裂 Недавно замерзнуть и растрес- каться	Обстоятельственные
6	鄉里兒童 Деревенские старосты	朝廷故舊 Старые друзья, находящиеся при дворе	Определительные
7	項領成 Шеи отросли; шеи стали широкими	禮數絕 Почтительное отношение ис- чезло	Предикативные
8	與時異 Отличаться от современников	臨事拙 Быть неискусным в делах	Обстоятельственные

№	Параллельные фрагменты		Тип параллельных словосочетаний
9	棄擲 Бросить и выкинуть	疏頑 Небрежный и упрямый	Параллельные
10	向一句 Приближаться к десяти дням	聯百結 Связывать сотней узлов	Глагольно-объектные с вкраплением определения
11	敝裘 Рваный халат	軟裘 Легкая [дорогая] шуба	Определительные
12	此老 Этот старик	朝廷 Императорский двор	
13	南山 Южная гора	青門 Зеленые ворота	
14	快馬 Быстрые лошади	野老 Деревенский старик	

Анализ табл. 3 показывает, что обладающие вертикальной симметрией фрагменты составляют 72 иероглифа, т. е. 72,7 % от их общего числа.

Очевидно, что в изучаемом стихотворении доминирует вертикальная симметрия. Глобальной вертикальной симметрией обладают строки 1, 2, 4–8.

Изучение табл. 3 позволяет сделать вывод о том, что фрагменты, представленные в строках 1, 11, 12 и 14, обладают антонимическим параллелизмом [Эйдлин, 1946, с. 171]. В них лирический герой противопоставляет себя, живущего в крайней нужде, своим бывшим друзьям, занявшим высокое положение в обществе, ни в чем не нуждающимся, однако переставшим знаться с Ду Фу.

Параллельные фрагменты, представленные в строках 2, 4, 5, 7 и 10 табл. 3, характеризуются синонимическим параллелизмом [Эйдлин, 1946, с. 171]. В них каждый второй параллельный фрагмент усиливает эмоциональное воздействие на читателя, который невольно начинает сопереживать горю лирического героя, его трудному материальному положению.

В нескольких строках синонимический параллелизм усиливается такими антонимичными парами, как 成 (преуспеть) и 絕 (прерваться); 早 (давно) и 新 (недавно).

Параллельные фрагменты, обладающие вертикальной и горизонтальной симметрией, составляют 85 иероглифов, т. е. 85,9 % от их общего числа.

Перейдем к изложению выводов. В изученном стихотворении Ду Фу параллельные в двух направлениях фрагменты составляют 85,9 % от общего числа иероглифов. Доминирует вертикальная симметрия, почти в два раза превышая горизонтальную. Полной вертикальной симметрией обла-

дают семь строк рассматриваемого произведения, тогда как полная горизонтальная симметрия соблюдается только во второй строке. Анализ параллельных фрагментов позволяет лучше понять смысл стихотворения и выполнить его более точный прозаический перевод.

Литература

Дрейзис Ю. А. Параллелизм классического типа как механизм связности в современной китайской поэзии // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 192–202.

Кобзев А. И. О русских переводах стихов Ду Фу и Бо Цзюй-и // Общество и государство в Китае. 2017. Т. 47, № 2. С. 558–578.

Скворцов А. В. Анализ по непосредственным составляющим как способ преодоления трудностей перевода на примере стихотворения Ду Фу «Восемь стансов об осени» // Didactica Translatoria. 2024. № 1. С. 25–35.

Скворцов А. В., Кондратова Т. И. Анализ параллелизма и перевод на русский язык избранных танских стихотворений : монография. М. : ВКН, 2021. 432 с.

Эйдлин Л. З. Параллелизм в поэзии Бо Цзюй-и // Труды Московского института востоковедения. 1946. Вып. 3. С. 169–180.

张玉金. 古代汉语语法学. 广州: 广东高等教育出版社. 2010. 407 页.

张国举. 唐诗精华注译评. 长春: 长春出版社, 2009. 891 页.

УДК 811.581'37+811.581'35

Сяо И

Минский государственный лингвистический университет, Минск

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ КИТАЙСКИХ ИДЕОГРАММ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ОБЪЕКТЫ РАЗЛИЧНОГО ТИПА

Аннотация. Описываются разработанные структурно-семантические модели соединения смысловых компонентов в 381 китайской идеограмме, обозначающей объекты. Выделено пять семантических групп: предметы производства/быта (43,2 %), государственные атрибуты (22,6 %), части тела (15 %), природные объекты (11,5 %) и фитонимы (8,1 %). Для каждой группы определены структурно-семантические модели соединения компонентов, включая редупликацию смысловых элементов и комбинации различных категорий (производство + фитонимы, природа + государство и др.).

Ключевые слова: иероглиф, смысловой компонент, семантическая классификация, китайский язык

Xiao Yi

Minsk State Linguistic University, Minsk

SEMANTIC COMPONENTS OF CHINESE LOGOGRAMS DENOTING OBJECTS OF DIFFERENT TYPES

Abstract. The article examines the structural-semantic patterns of component combinations in 381 Chinese ideograms denoting objects. Five semantic groups are identified: production/household items (43.2 %), state attributes (22.6 %), body parts (15 %), natural objects (11.5 %), and phytomorphs (8.1 %). For each group, specific structural-semantic models defined, including semantic element reduplication and cross-category combinations (production+phytomorphs, nature+state, etc.).

Keywords: characters, semantic component, semantic classification, the Chinese language.

Идеограммы китайской иероглифической письменности, сформировавшись за тысячелетия как система знаков с имманентными принципами организации, продолжают оставаться в фокусе синологических и междисциплинарных научных исследований. Исследования Хуан Тяньшу (黄天树), Ли Сюэцзин (李学勤) и других ученых показали, что идеограммы возникли как ответ на потребность в номинации сложных абстрактных понятий, которые невозможно было бы выразить через пиктограммы [黄天树, 2014, с. 46] [李学勤, 2013, с. 9], и отражают определенные культурные коды китайской нации [夏军, 2009, с. 131]. В работах Чжан Инин (张莹莹) и Чэнь Чжицзюня (陈志群) выделены три когнитивных механизма создания идеограмм [张莹莹, 2017, с. 245] [陈志群, 2004, с. 29], китайскими учеными также описаны функции смысловых компонентов¹ в идеограммах [王玉新, 2009, с. 11].

Целью настоящей работы является выявление этимологических моделей соединения смысловых компонентов идеограмм, позволяющих установить семантические принципы выбора конститuentов сложных иероглифов. Материалом исследования послужила 381 идеограмма, именующая объекты окружающего мира различного типа, отобранная путем сплошной выборки из словарей «汉语大字典» (Большой словарь китайских иероглифов) [徐中舒, 2010] и «说文解字» (Объяснение простых и толкование сложных знаков) [许慎, 2006]. В результате анализа полученных идеограмм были выделены пять семантических групп знаков, в каждой из которых определены структурно-семантические модели образования входящих в них идеограмм: идеограммы-объекты со значением предметов производства (выращивания) или бытия – 43,2 %; идеограммы-объекты со значением предметов, связанных с государственными делами – 22,6 %; идеограммы-объекты со значением частей тела человека или животных – 15,0 %; идеограммы-объекты со значением природных объектов – 11,5 %; идеограммы-фитонимы – 8,1 %.

Первая группа представляет собой идеограммы-объекты со значением предметов производства (выращивания) или бытия. Данная группа составляет 163 идеограммы (43,3 % от общего числа идеограмм, именующих объекты). Они созданы по 17 семантическим моделям соединения смысловых компонентов и представлены в количественном отношении в табл. 1.

¹ Смысловый компонент – это термин китайской письменности, обозначающий графему в структуре иероглифа, которая имеет прямую связь с его значением. Это является письменным знаком в системе построения иероглифов, используемым для обозначения категории смысла [王玉新, 2009, с. 7].

Таблица 1

Количественная представленность структурно-семантических моделей идеограмм-объектов со значением предметов производства (выращивания) или бытия

№	Наименования соединяемых компонентов идеограмм	Количество, %
1	«Производство и бытие» + «производство и бытие»	23,9
2	«Производство и бытие» + «фитоним»	20,2
3	«Производство и бытие» + «природное обозначение»	14,1
4	«Производство и бытие» + «человек/часть тела»	13,5
5	«Производство и бытие» + «зооним»	10,4
6	«Производство и бытие» + «абстрактное понятие»	4,9
7	«Производство и бытие» + «государство и общество»	4,3
8	«Человек / часть тела» + «фитоним»	2,5
9	«Фитоним» + «абстрактная сущность»	1,2
10	«Фитоним» + «фитоним»	0,6
11	«Фитоним» + «природное обозначение»	0,6
12	«Государство и общество» + «природное обозначение»	0,6
13	«Государство и общество» + «фитоним»	0,6
14	«Зооним» + «фитоним»	0,6
15	«Зооним» + «зооним»	0,6
16	«Человек / часть тела» + «природное обозначение»	0,6
17	«Природное обозначение» + «природное обозначение»	0,6

Первая наиболее распространенная структурно-семантическая модель составления идеограмм-объектов со значением предметов производства или бытия представляет собой редупликацию семантических компонентов, связанных с производством и бытием. Например, 厶 ‘населенный пункт с запасом продовольствия’ – идеограмма, куда включаются смысловые компоненты 口 ‘городская стена’ и 囿 ‘амбар для зерна’. Компонент 口 ‘городская стена’ в понимании древних китайцев часто репрезентирует объект для выражения понятия, связанного с территорией.

Вторая структурно-семантическая модель составления идеограмм-объектов предметов производства или бытия представляет собой соединение смыслового компонента, обозначающего предметы производства и бытия и смыслового компонента, репрезентирующего понятие, связанное с фитонимом или частью растения. Например, идеограмма 牀 ‘кровать, кушетка’ создана из смысловых компонентов 片 ‘доска’ и 木 ‘дерево’.

Третья модель позволяет создавать идеограммы обозначения объектов производства и бытия путем объединения, с одной стороны, семантических компонентов, обозначающих предметы производства и бытия, с другой стороны, семантического компонента со значением природных объектов и явлений. Например, 衤 ‘бытовая одежда’ – идеограмма, в структуру которой включаются смысловые компоненты 衤 ‘одежда’ и 日 ‘солнце’. Компонент 衤 ‘одежда’ представляет собой репрезентант объекта для вы-

ражения атрибута понятия «бытовая одежда». А компонент 日 ‘солнце’ – природный объект для обозначения соответствующего признака.

Четвертая модель, с помощью которой образуются обозначения объектов производства и бытия в китайской письменности, включает соединение двух типов компонентов: это семантические конститuenty, которые обозначают непосредственно понятие производства и бытия, и семантические компоненты, выражающие человека или часть его тела. Например, идеограмма 灰 ‘пепел’ составляется из смысловых компонентов 火 ‘огонь’ и 又 ‘правая рука’.

Пятая структурно-семантическая модель составления идеограмм-объектов производства или бытия является соединением семантических компонентов, выражающих понятие производства или бытия, и семантического компонента-зоонима. Например, 牢 ‘хлев для животных’ – идеограмма, в состав которой входят смысловые компоненты 宀 ‘крыша’ и 牛 ‘бык’. В осознании древних китайцев компонент 牛 ‘бык’ часто репрезентирует субъекта для обозначения понятия, связанного с животными.

Шестая выделенная нами структурно-семантическая модель представляет собой объединение семантического компонента, связанного с производством и бытием и семантического компонента – абстрактной сущности. Например, идеограмма 炆 ‘пылающий огонь’ создана из смысловых компонентов 火 ‘огонь’ и 多 ‘много’.

Седьмая разработанная структурно-семантическая модель позволяет образовать идеограмму со значением объекта производства и бытия с помощью соединения двух типов компонентов: это семантические конститuenty, которые обозначают понятие производства и бытия, и семантические компоненты, выражающие государственные или общественные дела (предмет). Например, идеограмма 綆 ‘трос на телеге’ – это соединение смысловых компонентов 糸 ‘нить’ и 妥 ‘политика умиротворения’.

Восьмая структурно-семантическая модель является соединением смысловых компонентов, один из которых выражает человека или часть его тела, второй компонент обозначает фитоним. Например, идеограмма 桀 ‘деревянный каркас для отдыха птиц’ создана из смысловых компонентов 舛 ‘пара ступней вниз’ и 木 ‘дерево’. Компонент 舛 ‘пара ступней вниз’ репрезентирует инструмент для выражения функции объекта «деревянный каркас для отдыха птиц».

Наименьшее распространение имеют следующие модели идеограмм, обозначающих объекты, связанные с производством и бытием: 9) «фитоним» + «абстрактное понятие», например, 薪 ‘рубленные дрова’ = 艹 ‘травы’ + 新 ‘новый’; 10) «фитоним» + «фитоним», например, 耒 ‘ручная соха’ = 耂 ‘дикие травы’ + 木 ‘дерево’; 11) «фитоним» + «природное обозначение».

ние», например, 欄 ‘бокал с рисунком облака и грома’ = 木 ‘дерево’ + 轟 ‘гром’; 12) «государство и общество» + «природное обозначение», например, 堅 ‘куча земли’ = 取 ‘забрать (в плен)’ + 土 ‘земля’; 13) «государство и общество» + «фитоним и значение, связанное с растениями», например, 梲 ‘деревянный штатетник’ = 林 ‘лес’ + 爻 ‘черты на гексаграмме «Ицзин»»; 14) «зооним» + «фитоним», например, 櫟 ‘дом, нависающий над водой’ = 巢 ‘гнездо птицы’ + 木 ‘дерево’; 15) «зооним» + «зооним», например, 貝 ‘колье из ракушек или жемчужин’ = 貝 ‘ракушка’ + 貝 ‘ракушка’; 16) «человек / часть тела» + «природное обозначение», например, 尸屋 ‘временное жилище на природе’ = 尸 ‘лежащий человек’ + 至 ‘прибывать’ + 厂 ‘горная круча’; 17) «природное обозначение» + «природное обозначение», например, 垚 ‘терраса из утрамбованной земли’ = 土 ‘земля’ + 土 ‘земля’ + 土 ‘земля’.

Вторая группа представляет собой идеограммы-объекты со значением предметов, связанных с государственными делами. Данная группа составляет 85 идеограмм (22,6 % от общего числа идеограмм, именующих объекты). Они созданы по 17 семантическим моделям соединения смысловых компонентов (табл. 2).

Таблица 2

Количественная представленность структурно-семантических моделей идеограмм-объектов со значением предметов, связанных с государственными делами

№	Наименования компонентов идеограмм	Количество, %
1	«Производство и бытие» + «человек/часть тела»	17,6
2	«Производство и бытие» + «государство и общество»	15,3
3	«Производство и бытие» + «производство и бытие»	11,8
4	«Государство и общество» + «человек/часть тела»	9,4
5	«Производство и бытие» + «зооним»	7,1
6	«Производство и бытие» + «природное обозначение»	7,1
7	«Государство и общество» + «природное обозначение»	4,7
8	«Человек / часть тела» + «человек/часть тела»	4,7
9	«Человек / часть тела» + «абстрактная сущность»	4,7
10	«Государство и общество» + «государство и общество»	3,5
11	«Производство и бытие» + «фитоним»	3,5
12	«Человек / часть тела» + «фитоним»	3,5
13	«Государство и общество» + «абстрактная сущность»	2,4
14	«Производство и бытие» + «абстрактная сущность»	1,2
15	«Государство и общество» + «зооним»	1,2
16	«Государство и общество» + «фитоним»	1,2
17	«Природное обозначение» + «природное обозначение»	1,2

Первая наиболее распространенная структурно-семантическая модель составления идеограмм-объектов, связанных с государственными делами, представляет собой соединение смыслового компонента, обозначающего предметы производства и бытия, и смыслового компонента, репрезентирующего человека или часть его тела. Например, 胖 ‘половина тушки животного для жертвоприношения’ – идеограмма со смысловыми компонентами 半 ‘половина тушки быка’ и 月 (肉) ‘мясо, тушка’.

Вторая модель, с помощью которой образуются обозначения идеограмм-объектов государственных дел в китайской письменности, включает соединение двух типов компонентов: это семантические конститuenty, которые обозначают непосредственно понятие производства и бытия, и семантические компоненты, выражающие понятие «государственные дела». Например, идеограмма 鈴 ‘колокольчик для передачи приказа’ создана из смысловых компонентов 金 ‘металл’ и 令 ‘приказать’. Конstituent 金 ‘металл’ представляет собой репрезентант объекта для выражения материала предмета «колокольчик для передачи приказа». А компонент 令 ‘приказать’ – инструмент для обозначения функции [谷衍奎, 2008, с. 1060].

Третья структурно-семантическая модель составления идеограмм-объектов со значением предметов, связанных с государственными делами, представляет собой редупликацию семантических компонентов, связанных с производством и бытием. Например, идеограмма 璫 ‘нефритовое изделие у императора для надевания на скипетры’ включает в своей структуре смысловые компоненты 王 (玉) ‘нефрит’ и 冒 ‘шапка’. Компонент 冒 ‘шапка’ репрезентирует объект для выражения функции предмета [Сюй, 2010, с. 1865].

Четвертая модель, с помощью которой образуются обозначения объектов, связанных с государственными делами в китайской письменности, включает соединение двух типов компонентов: это семантические конstituenty, которые обозначают непосредственно предмет государства и общества, и семантические компоненты, выражающие человека или часть его тела. Например, идеограмма 巷 ‘дорога в населенном пункте’ составляется из смысловых компонентов 邑 ‘город, городок’ и 共 ‘пара рук, общая сила’. Объединение данных компонентов дало древним китайцам понятие о объекте «дорога в населенном пункте», так как дорога – коммуналная инфраструктура.

Пятая структурно-семантическая модель составления идеограмм-объектов предметов государственных или общественных дел представляет собой соединение семантических компонентов, выражающих объект производства или бытия и семантического компонента-зоонима. Например, 琥 ‘право военного командования’ – идеограмма, в которую включаются смысловые компоненты 王 (玉) ‘нефрит’ и 虎 ‘тигр’, так как нефритовые

изделия с функцией права военного командования в Древнем Китае делали в форме тигра.

Шестая выделенная нами структурно-семантическая модель представляет собой объединение семантического компонента, связанного с производством и бытием, и семантического компонента – обозначение природного объекта. Например, 泮 ‘императорский дворец для учебы и встречи на озере’ – идеограмма, в чьей структуре соединяются смысловые компоненты 半 ‘половина тушки быка’ и 冫 ‘вода, река’. Компонент 半 ‘половина тушки быка’ представляет собой репрезентанта объекта для выражения особенности здания.

Седьмая разработанная структурно-семантическая модель позволяет образовать идеограмму со значением объекта государственных дел с помощью соединения двух типов компонентов: это семантические конститuenty, которые обозначают предмет государства и общества, и семантические компоненты, выражающие природный объект. Например, идеограмма 邕 ‘город с защитным рвом’ создана из смысловых компонентов 邑 ‘город, городок’ и 川 ‘река’.

Восьмая структурно-семантическая модель является редупликацией семантических компонентов, связанных с человеком или частью его тела. Например, 印 ‘правительственная печать’ – идеограмма, в структуру которой включаются смысловые компоненты 手 ‘рука берущая’ и 人 ‘человек, сидящий на коленях’. Компонент 手 ‘рука берущая’ в осознании древних китайцев репрезентирует инструмент для выражения понятий, связанных с управлением или контролем.

Наименьшее распространение имеют следующие модели идеограмм, обозначающих объекты, связанные с государственными делами: 9) «человек/часть тела» + «абстрактное понятие», например, 桎 ‘ручные кандалы’ = 九 ‘дерево’ + 手 ‘рука’; 10) «государство и общество» + «государство и общество», например, 陲 ‘пограничный город’ = 邑 ‘город, городок’ + 垂 ‘пограничная зона’; 11) «производство и бытие» + «фитоним и значение, связанное с растениями», например, 圃 ‘императорский сад’ = 田 ‘поле с разграничением’ + 木 ‘дерево’; 12) «человек/часть тела» + «фитоним», например, 杙 ‘деревянные ручные кандалы’ = 木 ‘дерево’ + 手 ‘рука’; 13) «государство и общество» + «абстрактное понятие», например, 戣 ‘оружие и доспехи’ = 戈 ‘клевец, оружие’ + 甲 ‘первый небесный ствол, латы’; 14) «производство и бытие» + «абстрактное понятие», например, 豊 ‘емкость для жертвоприношения’ = 豆 ‘ваза для еды с крышей’ + 曲 ‘изгиб’; 15) «государство и общество» + «зооним», например, 旆 ‘флаг с украшением хвоста яка’ = 放 ‘флаг’ + 毛 ‘шерсть, волосы’; 16) «государ-

ство и общество» + «фитоним», например, 杓 ‘оружие’ = 木 ‘дерево’ + 殳 ‘ударить’; 17) «природное обозначение» + «природное обозначение», например, 圭 ‘нефритовая дощечка для ритуальной службы’ = 土 ‘земля’ + 土 ‘земля’.

Третья группа представляет собой идеограммы-объекты со значением частей тела человека или животных. Данная группа составляет 58 идеограмм (15,0 % от общего числа идеограмм, именующих объекты). Они созданы по девяти семантическим моделям (табл. 3).

Таблица 3

Количественная представленность структурно-семантических моделей идеограмм-объектов со значением частей тела человека или животных

№	Наименования компонентов идеограмм	Количество, %
1	«Человек / часть тела» + «человек/часть тела»	34,5
2	«Человек / часть тела» + «производство и бытие»	25,9
3	«Человек / часть тела» + «природное обозначение»	13,8
4	«Человек / часть тела» + «зооним»	12,1
5	«Человек / часть тела» + «фитоним»	3,4
6	«Зооним» + «зооним»	3,4
7	«Зооним» + «производство и бытие»	3,4
8	«Человек / часть тела» + «абстрактное сущность»	1,7
9	«Зооним» + «абстрактное сущность»	1,7

Первая наиболее распространенная структурно-семантическая модель составления идеограмм-объектов со значением частей тела человека или животных представляет собой редупликацию семантических компонентов, связанных с человеком или частью его тела. Например, идеограмма 肘 ‘локоть’ создана из смысловых компонентов 月(肉) ‘мясо’ и 寸 ‘точка биения пульса на руке’ [许慎, 2010, с. 1919].

Вторая модель, с помощью которой образуются обозначения идеограмм-объектов частей тела человека или животных в китайской письменности, включает соединение двух типов компонентов: это семантические конститuenty, которые обозначают непосредственно человека и часть его тела, и семантические компоненты, выражающие предметы производства и бытия. Например, 齲 ‘зуб у пожилого человека’ – 齒 ‘зуб’ + 臼 ‘ступка’.

Третья модель позволяет создавать идеограммы обозначения объектов частей тела человека или животных путем объединения, с одной стороны, семантических компонентов, обозначающих человека и часть его тела, с другой стороны, семантического компонента со значением природных объектов. Например, идеограмма 脈 ‘кровеносные сосуды’ составляется из смысловых компонентов 月(肉) ‘мясо’ и 辰 ‘проток’.

Четвертая структурно-семантическая модель составления идеограмм-объектов частей тела человека или животных является соединением семантических компонентов, выражающих человека или часть его тела, и семантического компонента-зоонима или значения, связанного с животными. Например, 瘧 ‘малярия’ – в чьей структуре включаются смысловые компоненты 疒 ‘пациент’ и 虐 ‘удар от тигра’. Конституент 虐 ‘удар от тигра’ репрезентирует инструмент для выражения объекта «малярия», так как малярия – мучительная болезнь, которая может привести к смерти.

Наименьшее распространение имеют следующие модели идеограмм, обозначающих объекты, связанные с частями тела человека или животных: 5) «человек/часть тела» + «фитоним», например, 筋 ‘связка’ = 竹 ‘бамбук’ + 月(肉) ‘мясо’ + 力 ‘сила’; 6) «зооним» + «зооним», например, 虿 ‘бычий хвост’ = 毛 ‘шерсть’ + 犛 ‘як’; 7) «зооним» + «производство и бытие», например, 彪 ‘рисунок у тигра’ = 虎 ‘тигр’ + 彡 ‘рисунок’; 8) «человек/часть тела» + «абстрактная сущность», например, 左 ‘плечо (до локтя)’ = 又 ‘правая рука’ + 亼 ‘частные интересы’; 9) «зооним» + «абстрактная сущность», например, 犴 ‘бычий хвост’ = 犴 ‘собака’ + 音 ‘звук голос’.

Четвертая группа представляет собой идеограммы-объекты со значением предметов, связанных с природным обозначением. Данная группа составляет 44 идеограммы (11,5 % от общего числа идеограмм, именуемых объектами). Они созданы по шести семантическим моделям соединения смысловых компонентов (табл. 4).

Таблица 4

Количественная представленность структурно-семантических моделей идеограмм-объектов со значением предметов, связанных с природным обозначением

№	Наименования компонентов идеограмм	Количество, %
1	«Природное обозначение» + «природное обозначение»	50,0
2	«Природное обозначение» + «человек/часть тела»	20,5
3	«Природное обозначение» + «производство и бытие»	13,6
4	«Природное обозначение» + «зооним»	6,8
5	«Природное обозначение» + «государство и общество»	4,5
6	«Природное обозначение» + «абстрактная сущность»	4,5

Первая наиболее распространенная структурно-семантическая модель составления идеограмм-объектов со значением предметов природных обозначений представляет собой редупликацию семантических компонентов, связанных с природным обозначением. Например, идеограмма 岳 ‘великая гора’ создана из смысловых компонентов 丘 ‘курган’ и 山 ‘гора’.

Вторая модель, с помощью которой образуются обозначения идеограмм-объектов со значением природных предметов в китайской письменности, включает соединение двух типов компонентов: это семантические

конституенты, которые обозначают непосредственно природные предметы или появления, и семантические компоненты, выражающие человека и часть его тела. Например, 睨 ‘свет солнца’ – идеограмма, в чей состав входят смысловые компоненты 日 ‘солнце’ и 見 ‘смотрящий человек, видеть’. Конституент 見 ‘смотрящий человек, видеть’ представляет собой репрезентант субъекта для выражения признака предмета «свет солнца».

Третья выделенная нами структурно-семантическая модель представляет собой объединение семантического компонента – природного объекта или явления и семантического компонента, связанного с производством и бытием. Например, идеограмма 沙 ‘речной песок’ образована путем соединения смысловых компонентов 水 ‘вода, река’ и 少 ‘крупинки, мало’, так как древние китайцы часто собирали речной песок в сезон, когда мало воды в реке.

Наименьшее распространение имеют следующие модели идеограмм, обозначающих объекты, связанные с природным обозначением: 4) «природное обозначение» + «зооним и значение, связанное с животными», например, 塵 ‘пыль’ = 鹿 ‘олень’ + 土 ‘земля»; 5) «природное обозначение» + «государство и общество», например, 暈 ‘ореол’ = 日 ‘солнце’ + 軍 ‘располагаться лагерем (о войсках)’; 6) «природное обозначение» + «абстрактная сущность», например, 坪 ‘ровная земля’ = 土 ‘земля’ + 平 ‘ровно, справедливо’.

Пятая группа представляет собой идеограммы-объекты со значением предметов, связанных с фитонимами и частями растений. Данная группа составляет 31 идеограмму (8,1 % от общего числа идеограмм, именующих объекты). Они созданы по шести семантическим моделям (табл. 5).

Таблица 5

Количественная представленность структурно-семантических моделей идеограмм-объектов со значением предметов, связанных с фитонимами и частями растений

№	Наименования компонентов идеограмм	Количество , %
1	«Фитоним» + «фитоним»	41,9
2	«Фитоним» + «человек/часть тела»	22,6
3	«Фитоним» + «абстрактная сущность»	12,9
4	«Человек / часть тела» + «производство и бытие»	12,9
5	«Фитоним» + «природное обозначение»	6,5
6	«Фитоним» + «зооним»	3,2

Первая наиболее распространенная структурно-семантическая модель составления идеограмм-объектов со значением фитонимов и частей растений представляет собой редупликацию семантических компонентов, связанных с фитонимом. Например, идеограмма 蔴 ‘плоды тыквенных расте-

ний' создана из смысловых компонентов 艹 'травы' и 𣎵 'много плодов на слабой лиане'.

Вторая структурно-семантическая модель составления идеограмм-фитонимов представляет собой соединение смыслового компонента, обозначающего фитонимы и части растения, и смыслового компонента, репрезентирующего понятие, связанное с человеком и частью его тела. Например, идеограмма 苻 'омела' образована путем соединения семантических конститuentов 艹 'травы' и 从 'два человека, следовать'.

Наименьшее распространение имеют следующие модели идеограмм, обозначающих объекты, связанные с фитонимами и частями растений: 3) «фитоним» + «абстрактная сущность», например, 忍 'жимолость' = 艹 'травы' + 忍 'терпение'; 4) «человек/часть тела» + «производство и бытие», например, 舜 'ползучие растения' = 手 'рука берущая' + 夨 'ступни на противоположенных направлениях' + 冫 'покрытие'; 5) «фитоним» + «природное обозначение», например, 萍 'ряска малая' = 艹 'марсилия' + 氵 'вода, река'; 6) «фитоним» + «зооним», например, 薦 'кормовые травы' = 艹 'травы' + 鹿 'единорог'.

Таким образом, анализ знакообразования идеограмм, обозначающих объекты в китайской письменности, показал, что графическое составление данных знаков обусловлено прежде всего включением в состав идеограмм семантических компонентов, обозначающих лица и части тела, а также действия, связанные с государственной деятельностью. Среди дополнительных признаков наиболее часто используются смысловые компоненты, обозначающие объекты производства и бытия и объекты живой природы.

Литература

- 黄天树. 说文解字通论 / 黄天树著. 北京: 北京大学出版社, 2014. 361 页。
李学勤. 字源 / 李学勤著. 天津: 天津古籍出版社, 2013. 1420 页。
夏军. '说文'会意字研究 / 夏军著, 许嘉璐指导. 华东师范大学, 上海: 2009. 160 页。
张莹莹. 会意字意符的认知功能分析 / 张莹莹著. 期刊: 东南学术. 福州: 福建师范大学, 2017 年第 1 期, 238—246 页。
陈志群. 会意字的认知研究 / 陈志群著, 黄亚平指导. 中国海洋大学, 武汉: 2004. 35 页。
王玉新. 汉字部首认知研究 / 王玉新著. 济南: 山东大学出版社, 2009. 304 页。
许慎. 说文解字 / 许慎著. 岳麓: 岳麓书社, 2006. 540 页。
汉语大字典编委会. 汉语大字典 / 徐中舒、李格非、赵振铎等著, 学术顾问组: 于省吾、王力等. 武汉: 崇文书局, 2010. 5727 页。
谷衍奎. 汉字源流字典 / 谷衍奎著. 北京: 语文出版社, 2008. 2037 页

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА ПРИМЕРЕ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. Рассматриваются лингвистические особенности процесса лексикализации словосочетаний в японском языке. Анализируются теоретические подходы к определению лексикализации, выделяются типы устойчивых и лексикализованных конструкций, характерных для японской речи. Особое внимание уделяется влиянию морфологической структуры японского языка, а также проблемам идентификации границ между свободными словосочетаниями и лексическими единицами. В качестве иллюстрации приводятся конкретные примеры из современного японского языка.

Ключевые слова: лексикализация, японский язык, словосочетание, идиома, лексическая единица.

E. Uliyanova, I. Shalina

Irkutsk State University, Irkutsk

LEXICALIZATION OF WORD COMBINATIONS AS A LINGUISTIC PROBLEM (ON THE EXAMPLE OF THE JAPANESE LANGUAGE)

Abstract. The article examines the linguistic features of the process of lexicalization of phrases in the Japanese language. Theoretical approaches to the definition of lexicalization are analyzed, and types of stable and lexicalized constructions characteristic of Japanese speech are identified. Particular attention is paid to the influence of the morphological structure of the Japanese language, as well as to the problems of identifying the boundaries between free phrases and lexical units. Specific examples from modern Japanese are given as illustrations.

Keywords: lexicalization, Japanese language, phrase, idiom, lexical unit.

Вопрос лексикализации словосочетаний представляет особую актуальность в контексте японского языка в силу его специфической морфологии, графики и синтаксической структуры. Современная японская речь богата устойчивыми выражениями, идиомами и ономатопами, значение которых часто невыводимо из суммы значений составляющих слов.

Цель настоящей статьи – рассмотреть лексикализацию словосочетаний в японском языке, выявить ее особенности, условия и критерии, а также обозначить проблемные аспекты, возникающие при анализе и переводе таких единиц.

Лексикализация в лингвистике – это процесс превращения свободного словосочетания или синтаксической конструкции в единую лексическую единицу, значение которой не сводится к значению ее составных частей. Как отмечает Р. З. Гинзбург, лексикализация сопровождается утратой грамматической разборчивости и усилением семантической цельности [Лексикология ... , 1979].

Словосочетания могут существовать как в свободной (например, ご飯を食べる – «есть рис»), так и в лексикализованной форме (腹が立つ – буквально «живот встает», данное сочетание имеет смысл «злиться»). В последнем случае наблюдаются наличие идиоматичности, невозможность замены компонентов, а также устойчивость употребления, что отличает такие выражения от свободных конструкций.

Условия лексикализации, по мнению А. А. Пашковского, включают в себя:

- семантическую неделимость – невозможность интерпретации значения через сумму значений компонентов;
- частотность и устойчивость в языке;
- наличие культурной обусловленности [Пашковский, 2006].

Особого внимания в рамках японского языка заслуживают ониматопеи и фразеологизмы. С. А. Быкова в своих исследованиях подчеркивает сложности перевода японской ониматопеи, указывая, что многие такие выражения лексикализуются и требуют учета контекста, культурной специфики и семантического фона, что делает их близкими к фразеологическим единицам [Быкова, 2005].

Японский язык обладает рядом структурных и функциональных особенностей, которые непосредственно способствуют процессу лексикализации словосочетаний. Прежде всего это агглютинативный тип строя, морфологическая компактность и специфика графической системы.

Японский язык относится к агглютинативным языкам, что означает последовательное присоединение аффиксов (показателей времени, вежливости, залога, модальности и т. д.) к корню слова без изменения его внутренней структуры. Морфологическая прозрачность позволяет легко соединять компоненты, в том числе создавать устойчивые словосочетания, которые в процессе частотного употребления могут переходить в разряд лексикализованных единиц. Например, глагольно-именные конструкции часто приобретают устойчивость: 顔を出す (букв. «выдать лицо») – «появиться где-либо».

Графическая особенность японского письма заключается в отсутствии пробелов между словами, что значительно затрудняет визуальное разграничение лексических единиц. Разделение смысловых блоков происходит на основе синтаксического, морфологического и контекстного анализа, что способствует формированию устойчивых сочетаний, которые воспринимаются носителями как единое целое. Лексикализация, таким образом, может происходить не только на уровне морфологии, но и на когнитивном уровне – в ментальной лексике [Чертушкина, 2024].

Смешанное иероглифико-фонетическое письмо усиливает визуальную и смысловую связь между компонентами словосочетания. Одни и те же

слоги, записанные азбукой хирагана, могут иметь десятки значений в зависимости от иероглифа и контекста. Высокий уровень омонимии требует создания устойчивых конструкций, которые помогают разрешать неоднозначность. Например, выражение 手を貸す («одолжить руку») используется в значении «помочь» – и именно устойчивость формы позволяет мгновенно распознать смысл, несмотря на потенциальную многозначность входящих компонентов.

Многие японские слова функционируют в языке как многозначные. Одно и то же слово может быть глаголом, существительным или прилагательным в зависимости от контекста. Это делает язык гибким, но одновременно требует устойчивых формул выражения [Горбачевский, 2011].

Лексикализованные словосочетания в японском языке охватывают различные типы конструкций – от традиционных идиом до новых заимствованных форм. Их можно классифицировать следующим образом:

1. Сложные слова, образованные путем соединения нескольких иероглифов. Например, 計画 (план) = 計 («считать») + 画 («чертеж, схема»), или 自動車 (автомобиль) = 自 («сам») + 動 («движение») + 車 («машина»). Хотя первоначально они представляют собой словообразовательные конструкции, со временем они утрачивают внутреннюю разложимость для носителя.

2. Заимствования из английского и других языков, записываемые с помощью азбуки катакана. Конструкции часто переходят в разряд устойчивых единиц – например ビジネスマン (бизнесмен), コンビニ (универсальный магазин), バイト (подработка). Некоторые из них могут сливаться с японскими элементами и создавать гибридные формы, например, サボる (лениться, саботировать от англ. sabotage).

3. Глагольные словосочетания. В таких случаях глагол используется с дополнением или наречием и вместе они приобретают новое значение. Пример: 腰を据える (букв. «посадить поясницу») означает «основательно взяться за дело». В этих конструкциях важны устойчивость формы и невозможность замены одного из компонентов без потери смысла.

Выявление лексикализованных словосочетаний в японском языке связано с рядом трудностей, обусловленных как внутренними свойствами языка, так и различиями в теоретических подходах к понятию «лексическая единица».

Главным критерием является невозможность вывести значение словосочетания из суммы значений его компонентов. Фразеологическое выражение 足を引っ張る (букв. «тянуть за ногу») используется в значении «ме-

шать, тормозить процесс» и не воспринимается буквально. Семантическая неделимость – ключевая черта фразеологических единиц.

Лексикализованные словосочетания, как правило, часто встречаются в речи и сохраняют фиксированную форму. Замена или перестановка компонентов ведет к утрате смысла. Например, если изменить выражение 顔を出す («появиться где-либо») на 顔を見せる, это не даст идентичного результата в семантическом плане.

Лексикализованные конструкции вызывают сложности при переводе на другие языки, поскольку требуют нахождения функционального эквивалента, а не дословной передачи. Переводчик должен учитывать контекст, культурную окраску и прагматическую нагрузку выражения.

Особую сложность представляют конструкции, находящиеся на грани между словосочетанием и сложным словом. Выражения типа 一人暮らし («жить одному») могут быть интерпретированы как полулексикализованные, в зависимости от контекста. Возникает вопрос: считать ли их единым лексическим элементом или синтаксическим соединением? Такие случаи требуют дополнительного контекстуального анализа.

Для иллюстрации процесса лексикализации рассмотрим несколько выражений, употребляемых в современном японском языке.

- 手を貸す (букв. «одолжить руку») – значение: «помочь кому-либо». Компоненты «рука» и «одалживать» не предполагают автоматически значение «помощь», однако в данном сочетании оно стало устойчивым. Аналог в русском языке: «протянуть руку помощи».

- 頭が切れる (букв. «голова может резать») – значение: «быть умным, сообразительным». Буквальная интерпретация не соответствует смыслу. По-русски можно перевести как «сообразительный» или «острый ум».

- 猫をかぶる (букв. «надеть кошку») – значение: «притворяться тихим, скрытным». Яркий пример культурно обусловленной идиомы, где кошка ассоциируется с внешней мягкостью и скрытностью. В русском языке аналогичное выражение отсутствует, возможен лишь описательный перевод.

Подводя итоги, стоит сказать, что лексикализация словосочетаний в японском языке – сложный и многогранный процесс, на который влияют особенности грамматической структуры, графики, омонимии и контекста. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с более детальной типологизацией лексикализованных конструкций, автоматическим выявлением таких единиц в корпусах и их анализом в переводческих практиках.

Литература

Быкова С. А. Лексические проблемы перевода на примере перевода японской ониматопеи // Актуальные проблемы преподавания практического курса перевода в вузе : материалы межвуз. науч.-практ. конф. М., 2005. С. 328–340.

Горбачевский А. А. Теория языка. Вводный курс : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2011. 280 с.

Лексикология английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / Р. З. Гинзбург, С. С. Хидекель, Г. Ю. Князева, А. А. Санкин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. школа, 1979. 269 с.

Пашковский А. А. Слово в японском языке. М. : КомКнига, 2006. 208 с.

Чертушкина Е. В. Важность понимания культурной картины мира японца для успешного освоения японского языка (на материале учебника “An Integrated Approach to Intermediate Japanese”) // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2.

РАЗДЕЛ VI

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

УДК 372.881.1

М. А. Брюггеман

Министерство экономики и регионального развития
Красноярского края, Красноярск

БРЕНД КАК ЗНАК-КОМПОНЕНТ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА: ИССЛЕДОВАНИЕ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ АТТРАКТИВНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме продвижения территориального бренда во внешнеэкономическом медийном дискурсе. Бренд предлагается исследовать в качестве знака-компонента данного типа дискурса, а тексты, репрезентирующие территориальный бренд, – в качестве текстов продвигающего типа. Исследуется траектория процесса дискурсивизации, включая коммуникативные стратегии продвижения бренда в иноязычной среде и инструменты реализации стратегий – аттракторы. Аттракторы рассматриваются как лингвокогнитивные механизмы, структурирующие внешнеэкономический медийный дискурс и активизирующие внимание адресата.

Ключевые слова: бренд, продвигающий текст, внешнеэкономический медийный дискурс, аттрактивность, аттрактор.

M. Bruggeman

Ministry of economy and regional
development of the Krasnoyarsk kray, Krasnoyarsk

BRAND STUDY AS THE SIGN-COMPONENT OF FOREIGN MEDIA ECONOMIC DISCOURSE: ATTRACTION THEORY-BASED APPROACH

Abstract. The article deals with the issues of promoting territorial brand in foreign economic media discourse. The article proposes to study the brand as a sign-component of foreign economic media discourse and brand defining texts as promoting type texts. The article examines the trajectory of discursivisation process, including communicative strategies of brand promotion in the foreign-language environment and attractors as tools of strategy implementation. Attractors are considered as linguocognitive mechanisms, these mechanisms structurize foreign economic media discourse and activate the addressee's attention.

Keywords: brand, promoting text, foreign economic media discourse, attractiveness, attractor.

В настоящее время утверждается положение о том, что «товарные знаки и бренды из коммуникативной периферии перемещаются в ее центр, вторгаясь в глубинные презумпции современного дискурса...» [Голев,

Яковлева, 2010, с. 74]. На фоне коммерциализации отношений человека с языком бренд, включая территориальный бренд, становится объектом исследования маркетинговой лингвистики, приобретая статус лингвоэкономического феномена [Лингвопрагматические ... , 2020], а тексты, репрезентирующие бренд, изучаются как тексты особого продвигающего типа [Брюггеман, 2024, с. 325]. Исследователями установлено, что текст продвигающего типа выступает в качестве коммуникативной единицы, функционирующей в пространстве маркетинговых коммуникаций, предназначенной для эффективного воздействия на целевую аудиторию и обладающей системой релевантных вербальных и невербальных средств его усиления/оптимизации. Цель данной коммуникативной единицы – привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной в тексте информации и в идеале побудить к определенному действию [Ухова, 2018, с. 79].

Продвигающая интенция как ключевое понятие маркетинговой лингвистики направлена на достижение перлокутивного эффекта – декодирования получателем информации смысла послания в соответствии с интенцией автора и инициации к действию [Остин, 1986]. Интенция продвижения бренда, в частности территориального бренда, состоит в формировании высокого уровня доверия к нему, придании брендируемой территории особой значимости и ценности в сознании целевой аудитории, что, в свою очередь, требует решения вопросов конструирования региональной идентичности [Moilanen, Rainisto, 2008; Feijó de Almeida, 2023; Региональный ... , 2024]. В вопросах продвижения территориального бренда особый интерес представляет ситуация, когда адресатом бренда выступают представители иной лингвокультуры, продвижение осуществляется в пространстве межкультурной коммуникации, а способом продвижения выступает внешнеэкономический дискурс.

Внешнеэкономический дискурс является подвидом / частным дискурсом более общего экономического институционального дискурса (Солодникова, 2017; Хазраткулов, 2020 и др.), представляя собой «экспликацию определенной когнитивной модели, в рамках которой не только специфическим образом отражается окружающая действительность, но и конструируется присущий определенному социуму способ видения мира» [Шамраева, 2011, с. 130]. Внешнеэкономический дискурс как вид профессионального дискурса является на сегодняшний день «одним из наиболее интересных и проблемных видов дискурса в целом» [Зайцева, 2010, с. 36]. Объектом дискурса выступает объективная реальность, связанная с деятельностью физических, юридических лиц, а также органов публичной власти в сфере внешней экономики, включающая прагматическую ситуацию и ментальные процессы участников внешнеэкономической коммуникации. Определить границы современного внешнеэкономического дискурса

са представляется довольно сложным: помимо освещения мероприятий в области внешней экономики, информирования общественности о состоянии данной сферы, формирования определенного отношения к мерам государственного регулирования внешнеэкономической деятельности, побуждения юридических и физических лиц к определенным действиям, сюда могут быть включены разработка документов стратегического характера (концепций) [Мохова, Шарыкина, 2020, с. 98], а также продвижение товарных и территориальных брендов в зарубежных странах.

Организация внешнеэкономического дискурса соответствует тем правилам, которые характерны для данной сферы использования языка. Внешнеэкономическая коммуникация характеризуется свойствами ритуальности и информативности, институциональности, эзотеричности, полноты информации, стандартности и экспрессивности, диалогичности и монологичности, интертекстуальности, явной и скрытой оценочности [Вальковский, 2012, с. 78]. Важнейшей особенностью внешнеэкономического дискурса является то, что участники внешнеэкономической коммуникации – адресант и адресат – это носители разных языковых кодов. Тексты, репрезентирующие территориальный бренд, несут в себе определенную когнитивную информацию, которая может быть неизвестна представителям иной лингвокультуры, что обуславливает высокую вероятность возникновения когнитивных барьеров и актуализирует вопросы конструирования и качественного перевода текстов, опредмечивающих территориальный бренд.

В обществе XXI в. большинство коммуникаций, включая внешнеэкономические, осуществляется в едином сетевом пространстве. Развитие информационно-коммуникационных технологий привело к появлению на рынке множества технических носителей информации и взрывному росту цифровых коммуникаций, а появление дигитальных каналов передачи информации способствовало развитию новых форм, жанров и типов текстов (чаты в мессенджерах, гипертексты и т. д.). Цифровые масс-медиа, куда перемещаются вербальные и невербальные коды, являются каналом распространения официальной информации, источником мониторинга общественного мнения, мостом, соединяющим конечного потребителя государственных услуг (адресата) с поставщиком этих услуг (адресантом). Часто именно они становятся катализатором принятия политических решений, осуществления крупных экономических и социальных проектов. Текст трансформируется в медиатекст, который сочетает знаки различных семиотических систем и реализуется в рамках медиадискурса – «совокупности речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2014, с. 182].

Таким образом, в русле рассматриваемой проблематики справедливым будет уточнение, что контекстом продвижения территориального бренда в современном пространстве межкультурной коммуникации выступает внешнеэкономический медийный дискурс, а текст (медиа́тэкст), опредмечивающий бренд, может рассматриваться в качестве знака-компонента данного типа дискурса.

Интересный опыт продвижения территориальных брендов в цифровой среде демонстрирует Китай. В современном Китае количество пользователей интернета превышает 1 млрд человек [我 ..., 2022], а основная масса коммуникаций как персонального, так и институционального характера осуществляется в формате так называемых новых медиа 新媒体 (xīn méi tǐ). К последним китайские эксперты относят блоги/подкасты/вики, поисковые системы, социальные сети, цифровое телевидение, интернет-телевидение, SMS/MMS/газеты для мобильных телефонов/радио [新媒体]. Начиная с 2010-х гг. для конструирования положительного образа провинций, городов, уездов и повышения эффективности обратной связи с населением органы публичной власти Китая активно используют пространство социальных сетей, таких как 微信 (WeChat), 微博 (Weibo), 抖音 (Douyin), 小红书 (RED) [Челнокова-Щейка, 2022, с. 167].

Сетевое информационное пространство, с одной стороны, предоставляет новые возможности для включения в коллективную практику осмысления иноязычной аудиторией знания о брендируемой территории; с другой – оно существенным образом меняет традиционные представления о том, как складывается и поддерживается идентичность, о типизации и формах идентичности, акцентирует внимание на семиотических ресурсах как инструментах ее конструирования [Чернявская, 2020, с. 9–10]. Конструирование идентичности образа территории является базовой составляющей процесса территориального брендинга. Репрезентирующие бренд тексты должны обладать воздействующим на сознание целевого (иноязычного) адресата эффектом, продвигая идею уникальности брендируемой территории, что обуславливает необходимость включения в них аттрактивных механизмов, понятных адресату – носителю иного культурного кода.

Конструирование указанных механизмов возможно на основе использования динамического лингвоаксиологического подхода, основанного на принципе продвижения особо значимого смысла в траектории дискурсивизации [Плотникова, Серебренникова, 2013]. В рамках данного подхода траектория дискурсивизации может быть описана как движение от точки интенции к точке дестинации посредством реализации дискурсивных стратегий (рис.).

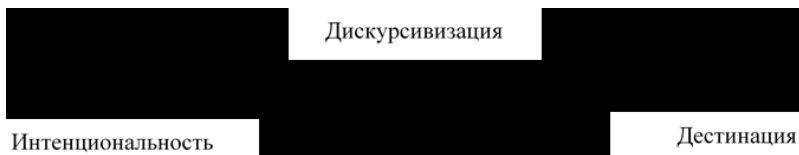

Рис. Траектория дискурсивизации

Дестинация, являясь точкой завершения дискурса, характеризует «достижение (степень достижения) событийности дискурса, в соответствии с его предназначенностью, с одной стороны, и его эффективностью (достигнутым эффектом/результатом), с другой стороны...» [Динамика ... , 2021, с. 18]. Дестинацию продвижения территориального бренда в рамках внешнеэкономического медийного дискурса можно определить как формирование у адресата (зарубежных потребителей, инвесторов, туристов) позитивного отношения к товарам и услугам, производимым на брендируемой территории, инспирирование интереса к культурно-историческому наследию территории, желания посетить данную территорию и инвестировать в проекты ее развития.

Дестинация как точка завершения внешнеэкономического дискурса определяет дискурсивную стратегию/стратегии. Дискурсивная стратегия по определению С. Н. Плотниковой – это «унифицированный способ конструирования дискурса, которого человек преимущественно придерживается в процессе общения» [Плотникова, 2018, с. 78]. Важные характеристики стратегии содержит определение, предложенное В. И. Карасиком: «Коммуникативные стратегии представляют собой структурированные цели, в которых конкретизируются этапы и средства реализации дискурса» [Карасик, 2023, с. 125]. Дискурсивные стратегии придают коммуникации стабильность и обеспечивают ее прогнозируемость.

Инструментами реализации дискурсивных стратегий выступают аттракторы – лингвокогнитивные механизмы, структурирующие дискурс и активизирующие внимание адресата. Аттракторы являются носителями доминантных смыслов дискурса и наилучших в данном контексте способов разъяснения адресату сути проблемной ситуации [Серебренникова, 2015], они выполняют функцию зон притяжения смысла, упорядочивая информацию, направляя интерпретацию [Орсоева, 2020]. Аттракторы выступают операторами аттракции, а аттрактивность – качественной характеристикой внешнеэкономического медийного дискурса.

С позиции направления «Маркетинг территории» аттрактор территориального бренда (геобрендинга) характеризуется и как «... предмет брендинга в рамках конкретной территории (персона, музей, театр, спортивный клуб, фестиваль, мультимедийный или онлайн-проект и т. п.)», и «...как коммуникационный продукт, имеющий индивидуальные процессу-

альные, информационные характеристики, зависящие от целеустановки позиционирования территории и соответствующие конкретной тактической установке в стратегии геобрендинга территории» [Брендинг ... , 2023, с. 9–10]. С позиции лингвистики интерес представляют семиотические ресурсы языка, с помощью которых в текстах, опредмечивающих территориальный бренд, реализуются дискурсивные структуры/единицы, выступающие в статусе аттракторов.

На примере территориального бренда «Енисейская Сибирь» были выделены типы аттракторов, актуальных для внешнеэкономического медийного типа дискурса, конструируемого в коммуникативном дискурсивном пространстве с целью продвижения территориального бренда в иноязычном пространстве. В настоящее время актуальным направлением продвижения территориального бренда «Енисейская Сибирь» выступают рынки Юго-Восточной Азии, в частности рынок Китая. В связи с этим материалом исследования послужил корпус текстов на русском и китайском языках, опредмечивающих территориальный бренд и размещенных на официальном интернет-портале АНО «Корпорация развития Енисейской Сибири» [Интернет-портал ...] и инвестиционном портале Красноярского края [Интернет-портал ...]. В качестве основных методов исследования были выбраны методы интерпретации и когнитивного моделирования, контекстуальный и концептуальный анализ.

Принимая во внимание, что «реализация дискурса организуется вокруг опорного концепта и рассматривается как дискурсивизация в связи с ее порождением ситуации когнитивной неопределенности» [Садовникова, 2020, с. 108], в качестве основного типа аттракторов в текстах, опредмечивающих территориальный бренд, были выделены аттракторы, раскрывающие наименование бренда как основного концепта. В единой структуре имени бренда «Енисейская Сибирь» уточняются топоним Сибирь и гидроним Енисей [Интернет-портал ...]. Для представителей русской лингвокультуры концепт, именем которого является топоним «Сибирь», представляет собой особый «национальный образ, сложившийся под влиянием исторических и культурных процессов и отражающий ментальность русского народа» [Литовкина, 2008, с. 3]. Словарь bkrs.info предлагает следующий вариант перевода наименования территориального бренда на китайский язык: «Енисейская Сибирь» – «叶尼塞西伯利亚» (yèní sāi xībóli yà). В русле продвижения указанного бренда в китайском медийном пространстве перед адресантом бренда возникает когнитивная проблема: лексема «Сибирь» является именем одноименного концепта в русской лингвокультуре, но лексема 西伯利亚 не будет являться именем концепта в лингвокультуре современного Китая.

В качестве примера имени китайского территориального бренда, включающего значимые для представителей китайской лингвокультуры

концепты, можно привести наименование бренда провинции Шаньдун: 山东省《孔孟之乡，礼仪之邦》(провинция Шаньдун «Родина Конфуция и Мэнцзы, край вежливости и этикета») [Челнокова-Щейка, 2023, с. 168]. В наименовании присутствуют имена концептов 义 (yì), «справедливость» и 礼 (lǐ), «благопристойность». В конфуцианстве, системе убеждений, играющей огромную роль в развитии китайской цивилизации, существует понятие 《三纲五常》, «Три устоя и пять постоянств». Данное понятие содержит ключевые принципы, которые на протяжении нескольких тысяч лет определяли этику китайского народа [Ван Юйчжи, Ремчукова, 2021, с. 153]. В число «пяти постоянств» (五常) входят справедливость (义) и благопристойность (礼). Указанные концепты выступают в роли аттракторов для представителей китайской лингвокультуры, но не будут являться таковыми для представителей русской лингвокультуры, что формирует дополнительные трудности в процессе перевода текстов, репрезентирующих продвижение бренда провинции Шаньдун в русскоязычном дискурсе.

Территориальный бренд как ценностно насыщенная лингвоэкономическая категория, с одной стороны, может быть отнесен к сфере абстрактных социально-экономических феноменов, а с другой – связан с реальной, локализованной в пространстве и времени территориями. Посредством конструирования образа территории в аксиологически и концептуально насыщенном формате дискурсивные стратегии продвижения бренда нацелены на валоризацию предмета осмысления – ресурсов и потенциала брендируемой территории, а также проецирование позитивного будущего состояния территории. Это позволяет выделить следующие группы аттракторов, выступающих в роли инструментов реализации стратегии продвижения территориального бренда:

- аттракторы, акцентирующие значимую фактологическую информацию о брендируемой территории;
- аттракторы, профилирующие оценочно-образный компонент.

Включение в продвигающий текст аттракторов, акцентирующих значимую фактологическую информацию о брендируемой территории, обусловлено необходимостью последовательной валоризации в ходе дискурсивизации рассматриваемого предмета. Под валоризацией в данном случае понимается «дискурсивная аксиологическая стратегия, состоящая в придании особой значимости предмету дискурса в различных его аспектах посредством совокупности аксиологем в контексте их формулирования и разработки в номинативных и пропозитивных структурах» [Серебrenникова, 2015, с. 133]. Принимая во внимание характеристику области топикализации дискурса, наличие большого массива числовых данных, характеризующих позитивную динамику развития территории (*количество и стоимость инвестиционных проектов, валовый региональный продукт,*

новые рабочие места и т. д.), ссылок на включенность проектов развития территории в национальные программы и стратегии позволяет валоризировать преобразования в тех сферах деятельности, к которым апеллирует коллективный адресант текстов, опредмечивающих территориальный бренд.

Аттракторы, профилирующие оценочно-образный компонент, призваны «возвести» информацию о территориальном бренде в аксиологически более насыщенный формат знания. Высвечивание преимуществ реализации проектов под брендом реализуется за счет использования отдельных слов и фраз в дискурсе, выражающих положительную оценку результатов модернизационных процессов, создающих эффект новизны: например, строительство, модернизация, развитие, создание, освоение, повышение мощностей и т. д. В доступных для анализа текстах на китайском языке используются такие операторы развития, как 建造 (сооружать), 成立 (создавать), 发展 (развивать), 提高 (поднять, повысить), 开发 (развивать, осваивать) и т. д. Посредством аттракторов «мощный (强大)», «уникальный (独特的)», «развитый (发达的)», «многообразный (非常多彩)» внимание целевого адресата акцентируется на масштабе изменений в будущем.

Следует отметить, что в китайском дискурсе в качестве средства валоризирующей оценочной номинации, позволяющей осмыслить объект (бренд) в координатах аксиологически более насыщенного формата знания, также часто используется метафоризация. В качестве примера можно привести характеристику процесса производства набивной ткани – уникального локального продукта из провинции Шаньдун – фразеологизмом «一生一事» (Одна жизнь, одно дело). Данный фразеологизм, формирующий представление о производственном процессе в сфере-источнике «жизнь, дело жизни», подчеркивает значимость следования традициям, преемственность поколений. Вместе с тем анализ продвигающих бренд «Енисейская Сибирь» текстов показывает, что данный способ адресантом бренда в процессе создания текстов на русском и китайском языках не используется.

Итак, аттракторы как средства выражения категории аттрактивности способствуют достижению точки дестинации в процессе дискурсивной реализации продвижения территориального бренда. Основываясь на данных анализа текстов, опредмечивающих территориальный бренд «Енисейская Сибирь», можно сформулировать несколько рекомендаций по конструированию и переводу на китайский язык продвигающих бренд текстов:

1. Использование при выборе графической оболочки наименования бренда на китайском языке приемов языковой игры (трансформация общепринятой графической формы знака), начертание иероглифических знаков одним из традиционных стилей (например, стилем сяочжуань (小篆)). Это позволит нестандартно представить информацию для целевого адресата, инициировать интерес и избежать возможных негативных ассоциаций в

отношении лексем, входящих в имя бренда и начертанных современным стилем кайшу (楷字).

2. Включение в тексты фразеологизмов как репрезентантов культурной среды бренда.

3. Конструирование аттракторов, которые апеллируют к понятным и известным целевому адресату (представителям деловых кругов Китая, гражданам, интересующимся российской историей и культурой) образам с учетом взаимодействия и организации всех типов знаний в когнитивной базе лингвокультурного сообщества [Гудков, 2000, с. 57]. Например, это могут быть ссылки на китайские исторические хроники, содержащие упоминания о брендируемой территории, качественных и количественных показателей, отражающих позитивную динамику изменений в основных отраслях жизнедеятельности и высокий культурный потенциал.

Литература

Брендинг как коммуникационная технология XXI века : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 27 февр. – 2 марта 2023 г. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2023. 311 с.

Брюггеман М. А. Продвижение территориального бренда «Енисейская Сибирь» во внешнеэкономическом медийном дискурсе: аттрактивность и вопросы перевода на китайский язык // VII Готтлибские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 1–3 окт. 2024 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2024. С. 324–332.

Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Лингвопрагматические параметры маркетинговых коммуникаций // Коммуникативные исследования. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvopragmaticheskie-parametry-marketingovyh-kommunikatsiy> (дата обращения: 08.12.2025).

Вальковский М. А. Внешнеэкономический дискурс: от информационного повода к интерпретации смыслов // Информационное поле современной России: практики и эффекты : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., 18–20 окт. 2012 г. В 2 т. Т. 1. Казань, 2012. С. 70–78.

Ван Юйчжи, Ремчукова Е. Н. Конфуцианство в национально-ориентированном рекламном тексте Китая // Научный диалог. 2021. № 8. С. 149–169.

Голев Н. Д., Яковлева О. Е. Язык как собственность // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2010. С. 73–81.

Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. М. : Изд-во МГУ, 2000. 120 с.

Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации : монография / под общ. ред. Е. Ф. Серебrenниковой. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. 285 с.

Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13(184). С. 181–187.

Зайцева И. Д. Дискурсивные особенности текстов юридических документов (общая характеристика) // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2010. С. 36–40.

Инвестиционный интернет-портал Красноярского края. URL: <http://krskinvest.ru> (дата обращения: 15.04.2025).

Интернет-портал АНО «Корпорация Енисейская Сибирь». URL: <https://ensib.ru> (дата обращения: 15.04.2025).

Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 2(50). С. 118–129.

Литовкина А. М. Концепт «Сибирь» и его эволюция в русской языковой картине мира: от «Сибирских летописей» до публицистики В. Г. Распутина : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2008. 21 с.

Мохова О. Л., Шарыкина Э. А. Особенности экономического дискурса // Вестник Академии. 2020. № 4. С. 97–107.

Орсоева А. А. Атрактивность дискурса коммуникативного события: факторы, механизмы, характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы III Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–8 дек. 2020 г. / отв. ред. Е. Ф. Серебrenникова. Иркутск, 2020. С. 99–107.

Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17. С. 22–129.

Плотникова С. Н. Концептуальные основания конструирования дискурсивных стратегий // Вестник МГПУ. Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 3(31). С. 78–86.

Плотникова С. Н., Серебrenникова Е. Ф. Когнитивная траектория дискурсивизации: дестинация, стратегия, технология // Вестник ИГЛУ. 2013. № 1(22). С. 183–188.

Региональный бренд: сущность и модель формирования / В. А. Клименко, Е. А. Чудинова, Т. И. Банникова, И. О. Дыдыкин // Вестник университета. 2024. № 1. С. 80–88.

Садовникова О. Н. Модус как параметр аксиологической стратегии дискурса об инновациях // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы III Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–8 дек. 2020 г. Иркутск, 2020. С. 107–118.

Серебrenникова Е. Ф. Аксиологическое измерение дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Языкознание и литературоведение. 2015. № 21(732). С. 128–137.

Солодникова Т. В. Специфика современного экономического дискурса как категории // Экономическая наука сегодня. 2017. № 5. С. 80–86.

Ухова Л. В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 71–82.

Хазраткулов А. П. Когнитивно-прагматическая специфика экономического дискурса в коммуникативном пространстве медиа : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 18.09.20. Майкоп, 2020. 20 с.

Челнокова-Щейка А. В. Культурный аспект брендинга территорий в китайских соцсетях // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 11. С. 165–172.

Чернявская В. Е. Модусы сетевого пространства: вводные замечания // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 2. С. 7–13.

Шамраева К. В. Коммуникативная обусловленность текстов экономического дискурса // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 2. С. 129–135.

Feijó de Almeida G. G. Brand in Regional Development: Interdisciplinary Discussions // Encyclopedia. 2023. N 3. P. 870–886. URL: <https://doi.org/10.3390/encyclopedia3030062>.

Moilanen T., Rainisto S. How to brand nations, cities and destinations: a planning book for place branding. Springer, 2008. 202 p.

我国网民规模达 10.32 亿 = Количество интернет-пользователей в нашей стране достигло 1,032 млрд. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-02/25/content_5675643.htm (дата обращения: 06.05.2025).

新媒体 = Новые медиа. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-02/25/content_5675643.htm (дата обращения: 29.04.2025).

О. Ю. Вербицкая, Е. В. Ватолина

Иркутский государственный университет, Иркутск

КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ КАК ЧАСТЬ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕГИОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению коллективного бессознательного как одного из элементов общественного сознания. Анализ эмпирического материала показывает наличие общих черт у архетипов народов Прибайкалья и племен североамериканских индейцев, так же как и схожих ритуалов, определяющих этапы взросления людей и отношение к природе.

Ключевые слова: общественное сознание, коллективное бессознательное, архетип, ритуал, зеркальные нейроны.

O. Verbitskaya, E. Vatolina

Irkutsk State University, Irkutsk

COLLECTIVE UNCONSCIOUS AS A PART OF THE STRUCTURE OF SOCIAL MIND: TOWARDS PROBLEMATIZING THE ISSUE IN REGIONOLOGICAL RESEARCH

Abstract. This article is devoted to the consideration of the collective unconscious as one of the elements of social mind. Analysis of empirical material shows the presence of common features in the archetypes of the peoples of the Baikal region and the tribes of North American Indians, as well as similar rituals that determine the stages of people's maturation and attitude to nature.

Keywords: social mind, collective unconscious, archetype, ritual, mirror neurons.

Различные понимания и концепции структурных элементов общественного сознания встречаются в классической и современной социологии и в связанных с ними социальных науках.

Общественное сознание является той ментальной средой, которая существует внутри каждой социокультурной группы и является культурно специфическим феноменом.

Человек погружен в социокультурную среду, воспитан в соответствии с культурно специфическими ценностями и традициями и находится в динамичном пространстве социума, воздействующего на него. Личность формируется под влиянием таких факторов, как семейное воспитание, круг общения, образование, условия жизни, социально-политическая среда. По мере взросления человека эти аспекты определяют структуру сознания индивидуума, формируют этнокультурную идентичность.

Общественное сознание является комплексной и уровневой структурой, подверженной изменениям, обусловленным значимыми историческими, культурными и социальными событиями.

Гарднер Мерфи в своей новаторской работе «Человеческие потенциалы» предложил «архитектуру мышления», которую он рассматривал во взаимосвязи с историческими волнами творчества [Murphy, 1958]. Мерфи

не рассматривал понятие «общественное сознание», но он, вслед за Эмилем Дюркгеймом, анализировал сознание группы (общности) людей. В качестве примера формирования сознания группы Мерфи описал западноевропейский Ренессанс, который был «дополнен географическими открытиями, изобретениями, заимствованными с Востока или сделанными заново, накоплением ликвидного капитала и банковских учреждений, сокращением населения за счет чумы и постоянного оттока масс в новый мир в процессе создания империи, и многие другие переходящие движения. Здесь ... ускорение темпа социальных изменений очевидно» [Murphy, 1958, p. 143]. Более того, в каждом из этих «периодов быстрого культурного ускорения» существовала некоторая взаимозависимость между различными стилями человеческого самовыражения. И, по мнению Мерфи, само собой разумеется, что Веласкес и Сервантес появляются в один и тот же период испанской истории.

Наиболее очевидным фактом, характеризующим великие эпохи, является то, что они зависят от уровня культурных достижений, который сохраняется на протяжении столетий или тысячелетий; «но затем довольно внезапно культура начинает испытывать экзальтацию, поднимаясь ускоренными темпами к пику блестящей креативности». Так, итальянская живопись на фоне византийского расцвета быстро перешла к великолепию Боттичелли и Микеланджело» [Murphy, 1958, p. 146]. Мерфи заключил, что в таком представлении о творческих периодах возникает концепция, согласно которой культурные открытия «накапываются как снежный ком» по той же причине, что и индивидуальное приобретение вкусов и навыков, иными словами, культурные открытия формируют определенные пласты в общественном сознании. Следовательно, сознание группы отражает индивидуальное сознание; оба демонстрируют принципы формирования в социальной и культурной среде.

Безусловно, не только культурные открытия определяют новый виток в формировании общественного сознания. Существенные изменения в обществе на социальном, политическом или религиозном уровнях также способствуют динамике компонентов общественного сознания. К примеру, было проведено исследование зумеров и миллениалов на предмет влияния последствий COVID-19 на менталитет американских подростков. Данное исследование показало, что ряд параметров общественного сознания, обусловленных традиционными ценностями американской культуры, претерпел изменения: американские подростки демонстрируют более высокий уровень индивидуализации и атомизации в принятии решений, менее высокий уровень готовности усердно работать и достигать поставленной цели [Differential ... , 2022].

Эмиль Дюркгейм, один из французских основоположников современной социологии, ввел термин «коллективное сознание» [Дюркгейм, 1995].

Он полагал, что коллективное сознание формируется убеждениями и чувствами представителей социума и представляет собой конвенциональную и структурированную систему, поддерживающую сплоченность и солидарность, систему, которую можно исследовать методами социологии.

Эмиль Дюркгейм считал религиозные, моральные, политические, правовые и экономические институты, определяемые в целом как «убеждения и способы поведения, установленные коллективом» [Дюркгейм, 1995], структурными элементами социальной системы, включая современные социальные институты. Интересно, что он одним из первых определил коллективное сознание, основанное на моральных принципах, как основу социальной стабильности в обществе.

Карл Юнг, швейцарский психиатр и психоаналитик, принимая во внимание важность коллективного сознания, исследовал человеческий опыт не только на уровне индивидуума, но и на уровне социума. Если Эмиль Дюркгейм писал о коллективном сознании как о наборе убеждений, ценностей, норм, благодаря которым общество представляет собой единую структуру, то Юнг ввел различие между личным бессознательным – опытом каждого индивидуума, и коллективным бессознательным – слоем подсознательного, определяемого архетипами [Юнг, 2023]. Так, базовые архетипы, такие как Герой, Мать, Тень, представляют собой универсальные паттерны, глубоко укорененные в нашем индивидуальном опыте. Они рассматриваются через сны, мифы, художественные произведения и являются символами, формирующими восприятие всех людей, независимо от их этнокультурной принадлежности. Как пример можно сопоставить образы Женщины-Матери в культуре народов Прибайкалья, где Мать (Манзан Гурмэн Тоодой) олицетворяется в мифоритуальных понятиях об эжинах огня, солнца, луны, плодородия, творческого начала и заботы о домашнем очаге, и Женщину-Белую Буйволицу в мифах североамериканских индейцев,двигающуюся за огнем как символом роста, просвещения, плодородия и развития, как духовного, так и физического.

Эти повторяющиеся символы, хотя и выраженные по-разному, подразумевают наличие общих черт в системе мышления. Более того, наличие схожих обрядов и ритуалов, особенно практик, связанных с жизнью и смертью, браком и вступлением во взрослую жизнь, удивительно похожи в разных культурах несмотря на различия в специфике: бар-мицва, кинсеаньера или племенной обряд инициации – суть остается неизменной. В этом контексте коллективное бессознательное является основой человеческой психики, подчеркивая универсальность, которая превосходит временные, культурные и индивидуальные границы. В то время как законы и правила варьируются от культуры к культуре, фундаментальные принципы, такие как убийство, воровство и честность, остаются поразительно постоянными. Эти общие этические компасы свидетельствуют о глубоко укоренившемся коллективном понимании добра и зла.

Отношение к природе также является частью коллективного бессознательного. От древних кельтов, празднующих солнцестояние, до коренных американцев, исполняющих танец дождя, коллективное бессознательное проявляется в общем почитании человечеством природы. Эти практики подразумевают, что мы как вид неразрывно связаны с окружающим миром, отмечая его красоту, силу и тайну.

Исследования Юнга в области коллективного бессознательного указывали на общие архетипические символы-действия, присущие человеческой психике. Это понятие поддерживается различными духовными традициями, от госпела афроамериканцев до «собраний» американских квакеров (Friends United Meeting).

В ходе изучения эволюции человеческого общения были сделаны увлекательные открытия, такие как зеркальные нейроны, которые реагируют на намерения и эмоции. Есть предположение, что эти нейроны могут играть центральную роль в формировании коллективного опыта, а также в появлении языка и рефлексивного самосознания [Косоногов, 2009].

В грандиозном гобелене человечества концепция общественного сознания служит напоминанием о том, что за пределами наших культурных и эмпирических различий нас объединяют общие убеждения, чувства и архетипы. Все это возвращает нас к мысли о том, что на тонком уровне мозг индивидуумов, разделяющих обычное коллективное сознание небольших социальных групп, может, при оптимальных обстоятельствах, также характеризоваться этноспецифическим общественным сознанием, поддерживаемым нейронными процессами, частью которого является коллективное бессознательное.

Литература

- Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение. М. : Канон, 1995. 352 с.
- Косоногов В. Зеркальные нейроны: краткий научный обзор. Ростов-н/Д, 2009. 24 с. URL: https://lit.lib.ru/k/kosonogow_w_w/kosonogow-zerkalnyenejrony-kratkijnauchnyjobzordoc.shtml (дата обращения: 10.05.2025).
- Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М. : АСТ, 2023. 224 с.
- Differential personality change earlier and later in the coronavirus pandemic in a longitudinal sample of adults in the United States / A. Sutin, Y. Stephan, M. Luchetti, D. Aschwanden, Ji Hyun Lee, A. A. Sesker, A. Terracciano // PLOS ONE. 2022. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0274542#ack>. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0274542> (дата обращения: 10.05.2025).
- Murphy G. Human Potentialities. 1958. URL: <https://pep-web.org/search/document/IJP.041.0642A> (дата обращения: 20.07.2024).

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «КИТАЙ»
В ПОЭЗИИ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ И ЕЕ ПЕРЕВОДАХ
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

Аннотация. Описываются когнитивные признаки индивидуально-авторского концепта КИТАЙ М. И. Цветаевой, актуализированного в ее поэтических текстах, проводится сопоставление их со способами актуализации концепта CHINA в переводах поэзии Цветаевой на английский язык. Делается вывод, что индивидуально-авторский концепт предстает в англоязычном тезаурусе поэта сильно искаженным, что связано не только с переводческими решениями, но и с отсутствием переводов большого количества текстов, в которых актуализируется рассматриваемый концепт.

Ключевые слова: индивидуально-авторский концепт, Китай, М. И. Цветаева, художественный перевод.

E. Volkova

St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St. Petersburg

**ACTUALIZATION OF THE CONCEPT "CHINA" IN MARINA TSVETAeva'S POETRY
AND ITS ENGLISH TRANSLATIONS**

Abstract. The purpose of the article is to describe the cognitive features of Marina Tsvetaeva's individual-author's concept CHINA, actualized in her poetic texts, and to compare them with the ways of actualization of the concept CHINA in English translations of Tsvetaeva's poetry. The individual-author's concept appears in the English-language thesaurus of the poet strongly distorted, which is rooted not only in translation decisions, but also in the lack of translations of a large number of Tsvetaeva's texts where the concept is actualized.

Keywords: individual-author's concept, China, Marina Tsvetaeva, literary translation.

Любое художественное произведение так или иначе отражает картину мира его автора. Понятие целостного видения мира, введенное еще В. фон Гумбольдтом, рассматривается как «образ мира, полуосознанное или осознанное представление, являющееся результатом всей деятельности человека, его контактов с окружающей средой» [Словарь ... , 2013, с. 151]. Ученые отмечают, что, несмотря на свою системность, картина мира «не бывает логически непротиворечивой и завершенной» [Там же, с. 151]. Действительно, картина мира человека формируется в течение всей его жизни, расширяясь и углубляясь в результате получения нового жизненного опыта. Мы говорим в данном случае о концептуальной картине мира и понимаем концепт как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Краткий ... , 1997, с. 90].

Описать концептуальную картину мира человека на данном этапе развития науки возможно только через анализ его речи, детерминированной языковой картиной мира данного народа. Речь писателя или поэта мы анализируем через его тексты. Таким образом, объектом нашего исследования должна стать индивидуально-авторская картина мира, под которой мы понимаем отраженное языковыми средствами через тексты произведений видение автором мироустройства и окружающей действительности и его представление об абстрактных жизненных явлениях, т. е. это концептуальная картина автора как человека, объективированная средствами его индивидуально-авторского языка в его текстах. Говоря о художественной литературе, стоит помнить о том, что авторы часто создают лирических героев, отличных от себя, но поэзии это касается все же гораздо в меньшей степени. Более того, многие ученые, характеризуя особенности поэзии М. И. Цветаевой, отмечают такое ее свойство, как исповедальность. Лирическая героиня Цветаевой – всегда она сама. Она пишет о том, что думает и чувствует в данный момент.

Что же представляет собой эта система – концептуальная картина мира? Существует несколько вариантов того, как можно систематизировать ее в исследовании. Так, авторы проекта «Концептосфера русского языка», целью которого было описание ключевых концептов русского языка и их репрезентации [Концептосфера ... , 2017, с. 13], подразделяют концептосферу на двенадцать денотативно-идеографических групп, которые, в свою очередь, включают в себя по несколько подгрупп: 1. Неживая природа (небесное пространство, земная поверхность, погодные явления). 2. Живая природа (растительный мир, животный мир, физиологические состояния и процессы живого существа). 3. Человек как живое существо (процесс жизненного существования человека, питание, бытовые потребности человека). 4. Населенный пункт. 5. Родственные и семейные отношения. 6. Человек и его внутренний мир (эмоции, оценочная концептуализация, интеллект и интеллектуальная деятельность). 7. Язык и речь. 8. Общественно-государственная сфера (государственная сфера, экономика, образование и наука, религия, средства массовой информации, военная служба, право, сельское хозяйство, транспорт, техника, охота и рыболовство, развлечение и отдых, сфера обслуживания). 9. Конкретная физическая деятельность. 10. Социальная сфера жизни человека (социальные понятия, социальные и межличностные отношения, социальная деятельность, трудовая деятельность, социальные качества, свойства человека, особенности поведения). 11. Восприятие окружающего мира (акустическое восприятие, обонятельное восприятие, осязательное восприятие, форма и структура, пространство, время, количество). 12. Универсальные представления, смыслы и отношения [Там же, с. 3–8]. В данной системе не представлена мировая география и даже нет характеристики такого значимого концепта, как «Россия».

Другой вариант исследования, в котором авторы представляют структуру концептуальной системы, принадлежит В. В. Колесову и М. В. Пименовой, которые распределяют концепты, объективированные в языке, по трем категориальным классам: базовые концепты (составляют фундамент языка и всей картины мира: 1) космические; 2) социальные; 3) психические (духовные) концепты), концепты-дескрипторы (квалифицируют базовые концепты), концепты-релятивы (реализуют типы отношений) [Колесов, 2017, с. 145]. В этой системе концепты стран относятся к разряду социальных концептов из класса базовых. Именно на этот подход мы опираемся в попытке конструирования индивидуально-авторской картины мира поэта Марины Цветаевой.

М. И. Цветаева – один из самых читаемых и издаваемых русских поэтов в XXI в. Кроме того, «русскость» поэзии Цветаевой не раз отмечалась исследователями и переводчиками (О. Г. Ревзина, И. А. Бродский, М. В. Цветкова, Д. Макдафф, П. Р. Соллнер). Это касается как языка, так и самой картины мира, несмотря на свободное владение поэтом еще двумя языками – французским и немецким. М. И. Цветаева – также и один из самых переводимых русских поэтов на сегодняшний день. Книги с новыми переводами ее произведений (поэзии и прозы) на английский язык выходят за рубежом ежегодно. Через ее тексты происходит столь необходимая межкультурная коммуникация с англоязычным читателем и прежде того – с переводчиком. От того, как поймет текст переводчик и как он представит его на языке перевода, зависит наше взаимопонимание. Поймет ли читатель ход мысли автора? Увидит ли представленные им образы? Прикоснется ли к иной картине мира и осознает ли причины и обоснованность этой инаковости? Актуальность исследований текстов М. И. Цветаевой и их переводов на языки мира именно сейчас обусловлена, таким образом, высокой популярностью книг автора и неисследованностью когнитивного аспекта перевода ее поэзии.

География Цветаевой обширна: в ее поэзии присутствуют образы Австрии, Америки (США), Англии (в поэзии М. И. Цветаевой упоминается также Британия), Аргентины, Белоруссии, Венесуэлы, Гвианы, Голландии, Греции (Древней), Дании, Израиля (Древнего), Индии, Испании, Италии, Китая, Мексики, Монако, Польши, Сербии, Туниса, Турции, Узбекистана и др. [Волкова, 2019, с. 264]. Наиболее ярко актуализированы в текстах Цветаевой концепты «Россия», «Германия», «Чехия» и «Франция», т. е. представление о тех странах, где она жила. Китай имеет всего несколько упоминаний в текстах стихотворений и поэм М. И. Цветаевой, тем интереснее понять, какие именно артефакты китайской культуры нашли отражение в картине мира русского поэта первой половины XX в.

Основными методами данного исследования выступают контекстный анализ и метод когнитивной интерпретации. На основе контекстного анализа произведений, отобранных по признаку наличия упоминаний в них Китая или китайского, производится отбор лексических единиц, характеризующих Китай в данных текстах. С помощью метода когнитивной интерпретации выводятся когнитивные признаки концепта, актуализированные в текстах. Мы опираемся на оттекстовый подход выполнения когнитивной интерпретации, который «опирается на анализ концепта в художественном тексте путем выявления контекстов употребления ключевого слова» [Абрамова, 2009, с. 702].

Концепт КИТАЙ актуализирован в поэтических текстах М. И. Цветаевой следующим образом: прямая номинация «Китай» встречается в поэмах «Крысолов», «Царь-девица» и «Поэма воздуха», а также в стихотворении «Сколько у тебя дружочков?»; номинация «китайский» – в стихотворении «Сядешь в кресло, полон лени» из цикла «Комедьянт»; номинация «китаец» – в поэме «Егорушка».

В стихотворении «Сколько у тебя дружочков?», написанном в Москве в 1920 г., Китай предстает как далекая страна. С расстоянием до Китая сравнивается ряд, в который можно сложить сердца тех, кого любила лирическая героиня. В стихотворении «Сядешь в кресло, полон лени», написанном в 1918 г., герой свесит с кресел «С перстеньком китайским – руку» [Цветаева, 1994, т. 1, с. 457]. Китайские украшения – перстни и браслет – описаны М. И. Цветаевой в очерке «Китаец» (1934 г.), где она рассказала о случае в Москве, в 1916 г., когда купила у китайки эти украшения. Таким образом, серебряные перстни с иероглифическими надписями и браслет с птицей – это одна из ассоциаций с Китаем, имевшихся у поэта. Она раздарила перстни, так что (и об этом написано в «Повести о Сонечке») на руке ее возлюбленного – ее подарок.

В поэме «Крысолов» (1925 г.) номинация «Китай» встречается в последней, шестой главе: «– Зарастай, / След от ног наших. Спросят – в Китай» [Цветаева, 1994, т. 3, с. 106–107]. Здесь, так же как и в стихотворении «Сколько у тебя дружочков?», Китай предстает как далекая страна, на которую можно сослаться, если спросят, куда идете. Так же видится Китай и в поэме «Царь-девица»: «Встречных птиц считай, / Звезды в лоб шелкай, – / Не очнешься – и уж царство-нам-Китай» [Там же, с. 266]. Здесь Китай не просто далекая земля, но царство.

«Поэма Воздуха», опубликованная в 1930 г., написана по следам первого беспосадочного перелета через Атлантический океан, совершенного Чарльзом Линдбергом 21–22 мая 1927 г. Номинация «Китай» встречается в поэме в следующем контексте:

«В тугом

Шаг. Противу – мнения:

Не удобохож
Путь. Сопротивлением
Сферы, как сквозь рожь
Русскую, сквозь отроду –
Рис, – тобой, Китай!» [Там же, с. 139].

Рис в Китае здесь сравнивается с рожью в России. Для Цветаевой рожь – один из символов России. Она писала в эмиграции: «Русской ржи от меня поклон, / Ниве, где баба застится» [Цветаева, 1994, т. 2, с. 259]. Согласно тексту поэмы, рис для Цветаевой – такой же символ Китая.

В поэме «Егорушка» (не окончена) есть такие строки: «Как болванчик какой китаец, / Ровно в люльке лежу – мотаюсь» [Цветаева, 1994, т. 3, с. 722]. Известно, что в начале XX в. все китайское вновь вошло в моду, и в европейских домах появились китайские болванчики – статуэтки, которые могли быть сделаны из различных материалов (глина, дерево, фарфор, папье-маше), но которые объединял принцип создания: «голова с тяжелым противовесом, вставленная в полое "туловище", будет монотонно покачиваться даже от легкого прикосновения» [Рощина, 2024]. Болванчик призван отгонять злых духов и символизирует счастье и удачу. Самый распространенный китайский болванчик изображает пожилого улыбающегося китайца. Вероятно, о таком болванчике идет речь в поэме.

Поскольку Китай или китайское упомянуты в каждом из произведений всего по одному разу, применив метод когнитивной интерпретации, мы можем выявить следующие когнитивные признаки индивидуально-авторского концепта:

Китай – далекое царство;
Китай – серебряные украшения;
Китай – страна, где живут китайцы;
Китай – страна, где выращивают рис;
Китай – страна, где изготавливают статуэтки (болванчиков).

Мы видим, таким образом, что, помимо связи с серебряными украшениями, когнитивные признаки концепта КИТАЙ, актуализированные в поэтических текстах М. И. Цветаевой, не основаны на ее личном опыте взаимодействия с Китаем, а представляют собой, скорее, стереотипные образы и общие представления об этой стране. Известно, что позже, в 1930-х гг., М. И. Цветаева высоко оценила трилогию П. Бак «Дом земли», которую читала во французском переводе, о чем писала в письме к Анне Тесковой от 27 сентября 1937 г. [Цветаева, 1991, с. 136]. В поэтических текстах Цветаевой, однако, новые познания о Китае не отражены.

История переводов поэзии М. И. Цветаевой на английский язык берет свое начало во второй половине XX в., когда переводы отдельных стихотворений начали появляться в зарубежных антологиях. В 1971 г. в Великобритании вышел первый сборник избранных стихотворений М. И. Цветаев

вой в переводе Элейн Файнстайн (по подстрочнику Анжелы Ливингстон). Постепенно, большей частью уже в XXI в., начали появляться не только книги избранной поэзии, но и переводы авторских сборников Цветаевой. В английских переводах опубликованы «Юношеские стихи» (2020), «Версты» (2003), «Лебединый стан» (1980) и «После России» (1992; 2018; 2020). В подборку избранного включали и поэмы. Самые популярные у переводчиков – «Поэма Горы» и «Поэма Конца», каждая из которых имеет как минимум по шесть переводов на английский язык. Тем не менее некоторые поэмы, как и большинство пьес М. И. Цветаевой, на английский язык не переведены.

Поэмы «Царь-девица» и «Егорушка» не изданы в английских переводах. Поэма «Крысолов» полностью переведена А. Ливингстон и впервые издана в Лондоне в 1990 г. Также частично – отрывками – данная поэма была переведена Э. Файнстайн. Перевод опубликован в книге избранного, но та часть текста, где упомянут Китай, переведена не была. В тексте перевода поэмы «Крысолов» – «The Ratcatcher» А. Ливингстон вместо прямого перевода «China» использует «Peking»: «Over-grow, / Footprints. 'We're off to Peking'» [Tsvetaeva, 1999, p. 107], добавляя, таким образом, отсутствующий у М. И. Цветаевой когнитивный признак концепта – столицу Пекин и, поскольку это уже не ответ на вопрос («Спросят – в Китай»), убирая дальность расстояния.

«Поэма Воздуха» переведена на английский язык дважды: Ниной Коссман и Дианой Льюис Бургин. Перевод Коссман был впервые опубликован в 1998 г. в США. В тексте исследуемые строки выглядят следующим образом:

«Stepping
Through dense substance.
Against the current.
This road is not easy
To tread. Pushing through air:
Like wading through Russian rye,
Through miracle-rice,
And through you, China!» [Tsvetaeva, 2004, p. 123].

Переводчица сохраняет цветаевские образы, добавляя к слову *rice* характеристику *miracle*, подчеркивая таким образом его значимость для страны.

Перевод Бургин вышел в 2018 г. в ее книге «Five Hard Pieces», где она опубликовала также свои литературоведческие статьи, посвященные поэмам Цветаевой. Исследуемый отрывок переведен так:

«The route's –
Taut. Against the commonly
Thought: not fun-to-do –

Since resistance from the sphere
Feels as if – it's through
Russian rye, through ripened rice –
China – sown by you!» [Burgin, 2018, p. 169].

В данном варианте англоязычного текста рис «созревший», что усиливает его значение как важного продукта, посеянного Китаем («China – sown by you!»).

Стихотворения «Сколько у тебя дружочков?» и «Сядешь в кресло, полон лени» не являются самыми известными или знаковыми, по мнению критиков и литературоведов, в творчестве М. И. Цветаевой, поэтому их не включают в подборки избранного для перевода (в авторские сборники Цветаева их не включала). Ни в одном из девяти проанализированных нами сборников переводов избранной поэзии Цветаевой на английский язык (переводчики: Э. Файнштейн, Н. Коссман, К. Уайт, Д. Макдафф, А. Кнеллер, Г. Рудь, И. Каминский и Дж. Валентайн, М. М. Найдан и С. И. Ястремский) этих стихотворений нет.

Таким образом, концепт CHINA в англоязычном представлении индивидуально-авторской картины мира М. И. Цветаевой имеет следующие когнитивные признаки:

China – страна со столицей Пекин;

China – страна, где выращивают рис.

Сохранен лишь один когнитивный признак концепта, актуализированный в индивидуально-авторской картине мира М. И. Цветаевой. Один признак добавлен. Картина мира представлена в сильно искаженном виде. Добавление нового когнитивного признака вызвано переводческой заменой (Китай – Пекин), обусловленной необходимостью соблюдения рифмы в переводе. Именно эта причина является основной для применения переводческих трансформаций при соблюдении общей стратегии форенизации. Когнитивный анализ призван показать, какие использованные автором языковые единицы являются необходимыми для отражения когнитивных признаков индивидуально-авторского концепта, и, значит, переводчик должен всеми силами стремиться сохранить тот смысл, что в них заложен. При этом, понимая, что без использования трансформаций перевод поэзии невозможен, с помощью применения метода когнитивной интерпретации переводчик может очертить круг языковых единиц, которые можно трансформировать без глубинных потерь.

Второй причиной искажения индивидуально-авторского концепта КИТАЙ в англоязычном тезаурусе М. И. Цветаевой стала неполнота переводов ее текстов. Этот недостаток может быть устранен путем создания новых переводов цветаевской поэзии. Учитывая ее популярность и тот факт, что первые переводы некоторых произведений появились в последние годы (так, например, первый англоязычный перевод поэмы «Пере-

улочки» вышел в США в 2024 г.), существует вероятность скорых перемен и появления возможности более полного воссоздания индивидуально-авторской картины мира М. И. Цветаевой в переводах ее поэзии на английский язык.

Литература

Абрамова Е. К. Когнитивная интерпретация как метод выявления признаков концепта // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 4-3. С. 700–704.

Волкова Е. В. Актуализация концепта ЧЕХИЯ в поэтическом дискурсе М. И. Цветаевой // Лингвистика XXI века: традиции и инновации : сб. науч. ст. к 30-летию юбилею С.-Петерб. ин-та иностр. яз. Вып. 23 / под общ. ред. М. В. Пименовой. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2019. С. 264–269.

Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию : учеб пособие. 4-е изд., стер. М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. 248 с.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии, паремиологии) : словарь / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : Азбуковник, 2017. 1020 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 197 с.

Рощина Е. Предметы из прошлой жизни: история статуэтки китайского болванчика. 2024. URL: <https://vm.ru/society/1121925-predmety-iz-proshloj-zhizni-istoriya-statuetki-kitajskogo-bolvanchika> (дата обращения: 11.05.2025).

Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова, М. Г. Лебедько, З. Г. Прошина, Н. Г. Юзефович ; под ред. М. Г. Лебедько и З. Г. Прошиной. М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. 632 с.

Цветаева М. И. Письма к Анне Тесковой / подгот. изд., предисл. и коммент. И. Кудровой. СПб. : Внешторгиздат. С.-Петербург. отд-ние, 1991. 189 с.

Цветаева М. И. Собр. соч. В 7 т. Т. 3. Поэмы. Драматические произведения / сост., подгот. текста и коммент.: А. Саакянц и Л. Мнухина. М. : Эллис Лак, 1994. 816 с.

Цветаева М. И. Собр. соч. В 7 т. Т. 2. Тихотворения. Переводы / сост., подгот. текста и коммент.: А. Саакянц и Л. Мнухина. М. : Эллис Лак, 1994. 592 с.

Цветаева М. И. Собр. соч. В 7 т. Т. 1. Стихотворения / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. М. : Эллис Лак, 1994. 640 с.

Burgin D. L. Five Hard Pieces. Translations & Readings of Five Long Poems by Marina Tsvetaeva. N. Y. : The Troy Book Makers, 2018. 261 p.

Tsvetaeva M. Poem of the End. Selected Narrative and Lyrical Poetry with facing Russian text / translated by N. Kossman, A. Newcomb. Woodstock & N. Y. : Ardis Publishers, 2004. 190 p.

Tsvetaeva M. The Ratcatcher. Translated with an introduction and notes by Angela Livingstone. London : Angel Books, 1999. 123 p.

ГАРМОНИЯ И ПРЕДЕЛЬНОСТЬ ДАОССКОЙ СИМВОЛИКИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ САКРАЛЬНОГО В КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ ЭПОХИ ТАН (唐) (VI–IX ВВ.) В КОНТЕКСТЕ АЛХИМИИ И ВИНОПИТИЯ (на примере поэзии Чэнь Цзыана, Мэн Хаожаня, Ли Бо)

Аннотация. Рассматривается символика, выражающая Дао (道) (путь, ян) в китайской поэзии эпохи Тан (唐) (618–908 гг.), в плане обозначения сакрального, выражения предельности и гармонии в концептах, связанных с Дао. Делается попытка проследить даосское мировосприятие в поэзии Чэнь Цзыана (陈子昂), Мэн Хаожаня (孟浩然) и Ли Бо (李白): как выражены гармония и предельность Дао (道) в их текстах. Основное внимание сосредоточено на концептах «яшма» («нефрит») и «вино». Анализируется вопрос о том, насколько они пересекаются и дополняют друг друга в поэзии указанных авторов и как они выражают Великий Предел (太极).

Ключевые слова: даосизм, даосская символика, эпоха Тан, китайская поэзия, алхимия, сакральность, винопитие, яшма (нефрит), отшельничество.

T. Zhikhareva

independent researcher, Tyumen

HARMONY AND ULTIMATENESS OF DAOIST SYMBOLISM AS AN EXPRESSION OF THE CATEGORY OF THE SACRED IN CHINESE POETRY OF THE TANG ERA (唐) (VI – IX CENTURIES) IN THE CONTEXT OF ALCHEMY AND WINE DRINKING (BASED ON THE POETRY OF CHEN ZI-AN, MENG HAO-ZHAN, LI BO)

Abstract. The article concerns the symbols expressing Tao (道) (way, yang) in the Chinese Tang poetry (唐) (618–908) with respect to denoting the sacral, revealing the Limit and harmony in the Taoist concepts. The Taoist world perception is traced in the poetry of Cheng Tsi-an (陈子昂), Meng Haoran (孟浩然) and Li Bai (李白), that is, their way of expressing Tao is under study. We focused our attention on the concepts “Jade” (玉) and “Wine” (酒): in what way they intersect and complete one another in the poetry of these authors and how they express the Great Limit (太极).

Keywords: Taoism, Taoist symbols, the Tang period, Chinese poetry, alchemy, sacrality, drinking wine, jade, reclusion.

Проблема, которой посвящена статья, может быть сформулирована так: как преломляются даосские идеи эпохи Тан – гармония, всеобщее становление, созерцание – в поэзии Чэнь Цзыана, Мэн Хаожаня и Ли Бо через концепты «вино», «нефрит» («яшма»), как реализуются «алхимические» идеи в поэзии этих авторов. Для достижения цели используется метод сравнительного анализа, контент-анализа, герменевтического анализа поэтических текстов.

Основные, наиболее важные с точки зрения А. Ф. Райта черты даосизма – это сплетение всех явлений в *единую суть* взаимовлияющих сил,

как видимых, так и невидимых (даосская идея «потока» – всеобщего становления), возвращение к первоистоку, к первозданной *простоте* с минимумом целенаправленной активности, а также вера в *совершенство*, которое может быть достигнуто путем практики мистического созерцания, диеты и алхимии [Торчинов, 1993, с. 14–16]. Среди нескольких «субтрадиций» даосизма выделяются следующие: 1) в рамках философско-спекулятивного направления adeпты стремятся достичь совершенства через слияние с Дао (道); 2) **алхимия** внутренняя и внешняя (Дж. Нидэм видит в этом начало развития естественнонаучных знаний в Китае); 3) монастырский даосизм, который, согласно Райту и Скипперу, получил развитие в школе Маошань в IV–V вв. Это так называемый буддизированный даосизм, реакция на проникновение даосизма в китайское общество [Там же, 14–16].

Взгляд японских ученых, в частности, Кимуры Эйити, указывает на прагматическую, «жизненную» особенность даосизма: именно в укорененности в реальной жизни состоит отличие китайского даосизма от буддистского трансцендентализма. Даосизм имеет в виду «процветание потомства, освобождение от болезней, горести, старости, ...от всех тревог жизни и смерти» [К. Эйити, 1974, с. 18–19, цит. по Торчинову, 1993, с. 28].

М. Элиаде в своей работе «Азиатская алхимия» отмечает сакральность китайской алхимии и металлургии, упоминая пять плавких металлов с *инь* (阴), пять металлов с *ян* (阳) [Элиаде, 1998, с. 51]. Элиаде подчеркивает мифический, магический и иррациональный характер китайской алхимии. Например, маг Ли Чжао-цзюнь говорит императору У-ди из Ханьской династии о заклании сверхъестественных существ: заклание их превратит порошок киновари в желтое золото, из желтого золота можно будет сделать сосуды для еды и питья и так продлить свою жизнь (об этом говорит трактат Баопу-цзы (抱朴子), «Мудрец, объемлющий первозданную простоту» (320 г., Гэ Хун (葛洪)). Продление жизни сделает возможным увидеть блаженных с острова Пэнлай (蓬莱仙岛 – penglai xiandao – остров бессмертных [БКРС]), что находится посреди моря. «Тогда сможешь совершить жертвоприношение *фэн* (风) и *шень* (神) и никогда не умрешь» [Там же, с. 43]. Три момента обнаруживаются здесь: алхимическое превращение киновари в золото путем *заклинания* (магические формулы), *усвоение золота* с пищей и уподобление *бессмертным* с острова Пэнлай, который имеет символическое значение и фигурирует во многих китайских алхимических и религиозных легендах. И еще один момент виден достаточно ясно: золото нужно китайскому алхимику не для обогащения, но для приготовления «эликсира бессмертия». Золото, полученное именно в результате «алхимической сублимации и трансмутации», является наиболее ценным элементом из всех, поскольку обладает витальностью и

трансцендентными свойствами, необходимыми для достижения бессмертия, для сообщения телу наивысшей духовности, как свидетельствует известный синолог Бертольд Лауфер [цит. по: Элиаде, 1998, с. 44].

Е. А. Торчинов отмечает *натурализм, витализм (энергизм) и холизм* как основные важные моменты китайского мироощущения, а также сакральность самой китайской культуры, «нашедшей свой глубинный источник в глубинах абсолютного принципа самого бытия – Дао-Пути как высшего первоначала в традиционном китайском понимании этих слов» [Торчинов, 2007, с. 32]. Самая важная категория для понимания – 气 (ци): газ, воздух, атмосфера, климат, дух, настроение, душевные силы, энергия, мощь, жизнеспособность, сила, гнев, ярость. Также в китайской натурфилософии *ци* – эфир [БКРС]. *Ци* предельно динамично, онтология даосизма – онтология *процессов*, а не вещей, Дао-Путь – великий Регулятор перемен [Торчинов, 2007, с. 34].

Эпоха Тан (618–908 гг.) богата как философскими алхимическими текстами, так и образцами поэзии. Государственные люди должны были сдавать экзамен, на котором подвергались рассмотрению такие качества, как высокая духовность, способность служить людям, а также способность слагать стихи.

Мы обратились к поэзии Чэнь Цзыана (陈子昂, 661–702), Ли Бо (李白, 701–761) и Мэн Хаосяна (孟浩然, 689–740). Именно у этих авторов, в прошлом чиновников, государственных деятелей, можно видеть в большом количестве символику Дао, которая преломляется в концептах «вино» (酒), «яшма» (玉), «лотос» (莲花) и др.

Чэнь Цзыан, будучи недоволен современным ему положением вещей, обращается к даосизму. В цикле из 38 стихотворений «Потрясен встречей» («Впечатления от встреченного») поэт сравнивает духовное начало с низким, мирским, с помощью метафоры, утверждая нематериальность, тонкость, правильность. Людям рынка, занимающимся торговлей и обманывающим ближних своих, он противопоставляет *созерцание*, которое непонятно указанному типу людей, ищущих выгоду. Эти люди, торговцы, лишены реального знания, в то время как жизнь есть *путь* (道), на котором мудрый человек это знание приобретает, идя к *пределу*. Прагматическому восприятию времени, сосредоточению внимания на себе, на суете, Чэнь Цзыан, по мнению переводчика В. Рогова, противопоставляет постижение бытия в нефритовом (яшмовом) чайнике Дао (玉壺), т. е. в сосуде для вина. Человек, постигший Дао, может только разочароваться в земном, уйти от предела в *беспредельность*:

«Им бытие узреть бы в яшмовом чайнике Дао

И, в разочарованье оставив небо и землю,

По правилам превращений в беспредельности кануть» («Потрясен встречей», перевод В. Рогова) [Классическая ... , 1977, с. 239].

Оригинал:

苍苍丁零塞，今古缅荒途。

亭堠何摧兀，暴骨无全躯。

黄沙幕南起，白日隐西隅。

汉甲三十万，曾以事匈奴。

但见沙场死，谁怜塞上孤 [Китайская ...]

但见沙场死，谁怜塞上孤。

(塞上 – sāishàng – граница, предел, 孤 – gū – одинокий, осиротелый).

(今古缅荒途(今古 – jīngǔ – древность и современность, 荒 – huāng – запустение, заброшенность) [БКРС])

В этих строках, именно в оригинале, нет упоминания нефритового чайника Дао, но автор указывает на границу, предел, на смерть на поле боя (沙场死), мы видим обращение к истории, противопоставление прошлого и настоящего – предполагаем, что не в пользу современных автору событий.

Следует отметить, что *яшмовый чайник Дао* – это сосуд для вина, и можно предположить, что сам процесс употребления вина становится в эпоху Тан одним из путей ухода из суетного мира, одним из путей просветления. Этот момент упоминается в работе О. А. Хо «Культура вина в Китае»: именно в эту эпоху процесс употребления алкоголя переосмысливается и «становится актом эстетического наслаждения» [Хо, 2018, с. 48].

Переплетение мотива *вина* с мотивом *природы* и *пространства* можем видеть у Мэн Хаожаня:

«Высмотреть друга я всхожу на вершину.

Сердце летит, вслед за птицами исчезает.

Как-то грустно: склонилось к закату солнце.

Но и радость: возникли чистые дали.

...

Ты когда же с вином ко мне прибудешь?

Нам напиться надо в осенний праздник!» («Осенью поднимаюсь на Ланьшань, посылаю Чжану пятому», перевод Л. Эйдлиной) [Классическая ... , 1977, с. 242])

Оригинал: «Осенью поднимаюсь на Ланьшань...»

北山白云里，隐者自怡悦。北山白云里，隐者自怡悦。(隐者 – yǐnzhě – отшельник, 白云 – белые облака, также перен: чиновники, которые удалились от службы)

相望试登高，心飞逐鸟灭。

愁因薄暮起，兴是清秋发。(愁 – chóu – грусть, тоска, печаль, 兴 – xīng – интерес, настроение, радоваться, 清秋 – qīngqiū – ясная осень; поздняя осень, глухая осень)

时见归村人，沙行渡头歇。

天边树若荠，江畔舟如月。

何当载酒来，共醉重阳节 (酒 – вино, алкоголь, 共醉重 – gòng – вместе, zuì – напиться, опьянеть, chóngyángjié – праздник хризантем, праздник двойной девятки) [Китайская ...]

«В ранние холода на реке мои чувства»:

木落雁南渡，北风江上寒。

我家襄水曲，遥隔楚云端。

乡泪客中尽，孤帆天际看。

迷津欲有问，平海夕漫漫。 [Там же]

В переводе Л. Эйлина, который является точным, последняя строка звучит так:

«Где переправа? Кого бы спросить мне об этом?

Ровное море безбрежно вечерней порой» [Классическая ... , с. 245]. Исходя из того, что 迷津 (míjīn) – заблудиться, плутать, ступать на ложный след, идти по ложному следу [БКРС], а также – переправа заблуждений (будд.), заблуждения чувственного характера, можно предположить, что в этих строчках как раз и есть даосское влияние: необходимо отойти от чувственного мира, чтобы не быть под властью чувственных заблуждений и осуществить переправу в духовную сферу, где нет ничего ложного.

Мотив винопития отчетливо видим у Ли Бо:

«Прекрасен крепкий аромат ланьлинского вина.

Им чаша яшмовая вновь, как янтарем, полна» («Среди чужих», перевод А. Гитовича [Там же, с. 266].

«Говорю я тебе: от вина отказаться нельзя, – Ветерок прилетел и смеется над трезвым тобой» [Там же, с. 267]

Оригинал: 勸君莫拒杯，春風笑人來。(杯 – винная чарка, кубок),

«В золотые бокалы глядит золотая луна»

Оригинал: 流鶯啼碧樹，明月窺金壘。(明月 – яркая, полная луна, 碧樹 – bīshù – нефритовое дерево, вечнозеленое дерево).

Очевиден мотив времени, которое не знает конца и уничтожает этот материальный мир: «Тем, кто только вчера малолетними были детьми, Тем сегодня, мой друг, побелила виски седина» [Классическая ... , с. 267]

Оригинал: 昨日朱顏子，今日白髮催。(昨日 – вчера, 今日 – сегодня, 朱顏 – zhūyán – краснощекий, здоровый цвет лица, 白髮 – báifà – седые волосы)

«Все мы смертны. Ужели тебя не прельщает вино?

Вспомни, друг мой, о предках – их нету на свете давно» («За вином», перевод А. Гитовича) [Там же]).

Оригинал: 城闕閉黃埃 昔人安在哉。(黃埃 – huángāi – желтая пыль (земля), перен.: суетный мир) [Китайская ...].

Здесь символ *времени*, которое бесконечно, беспредельно и не знает конца, соединяется с мотивом *вина*. Именно поэтому «от вина отказаться нельзя».

Стихотворение Ли Бо «Под луною одиноко пью» иллюстрирует основной принцип китайского мироощущения «мир как единый оркестр» и дает возможность видеть интерактивную коммуникацию «воздействие – отклик» («Не можешь ты цветка сорвать, чтобы звезды не потревожить»):

«Но в собутыльники луну позвал я в добрый час,

И тень свою я пригласил – и трое стало нас.

Оригинал: 花间一壶酒，独酌无相亲。(一壶酒 – кувшин вина, 独酌 – dúzhuó – в одиночестве пить вино)

举杯邀明月，对影成三人。(举杯 – поднимать бокал, 明月 – яркая, полная луна) [Китайская ... ; БКРС]

Я начинаю петь – и в такт колышется луна,

Пляшу – и пляшет тень моя, бесшумна и длинна» [Классическая ... , с. 268].

月既不解饮，影徒随我身。(饮 – yǐn – напиваться вином)

Несмотря на то что поэт одиноко пьет вино под луной, здесь можем видеть три действующих лица: поэта, его тень (影) и луну (明月). И все они действуют вместе, как единый оркестр. Е. А. Торчинов отмечает, что человек силой своей искренности (诚 – chéng) может воздействовать на Вселенную, которая откликается ему в соответствии с характером воздействия [Торчинов, 2007, с. 37].

Концепт *яшма (нефрит)* (玉), взаимосвязь его с *дао*. М. Элиаде в своей книге об азиатской алхимии отмечает тождественность мужского начала *ян* (阳) и *дао* (道) в даосских кругах: предполагалось, что чем больше *ян* или *дао* содержит субстанция, тем больше в ней добродетели, благородства, чистоты, «абсолюта». В даосской китайской традиции «золото, нефрит и другие вещества, содержащие *ян*, не только даровали человеку гармонию, но и делали его способным стать частью Принципа, войти в тесную связь с Космосом, ввести жизнь в совершенное русло» [Элиаде, 1998, с. 44–45]. Список веществ, богатых *ян*, достаточно длинен: во всех царствах природы есть такие вещества, в частности, свойства «эликсира» заложены в *черепахе* и *петухе* (черепаший панцирь, петушиный гребень). *Журавль* также представляет собой символ бессмертия. Сосна и кипарис содержат в себе неограниченное количество *ян*, о чем свидетельствуют многие исследования [Элиаде, 1998, с. 45–46]. Нефрит как средоточие элемента *ян* фигурирует во всех древнекитайских легендах о героях и императорах, например об императоре Хуанди говорится, что он принимал

жидкий нефрит¹ [Там же, с. 48]. Известный синолог В. М. Алексеев, говоря о символическом смысле яшмы (нефрита) в китайской культуре, отмечает наивысшую ценность яшмы: «Решительно все лучшее – это яшма» [цит. по: Хо, 2018, с. 64]. Метафорика яшмы косвенно подтверждает доминирование ее в китайской картине мира эпохи Тан: 冰壺 (bīnghú) яшмовый сосуд со льдом (чистое сердце, непорочная душа), 寒壁 (hánbì) холодный яшмовый диск (луна), 玉茗 (yù míng) яшмовый чай (лучший сорт дикорастущего чая), 玉仙 (yù xiān) (даос. миф.) яшмовый бессмертный (вкусивший листьев древа бессмертия на Луне), 大弓 (dà gōng) драгоценная яшма, яшмовый скипетр, 玉衡 (yù héng) яшмовый балансир (нефритовое равновесие: астроном. инструмент), 玉兔精 (yù tù jīng) яшмовый заяц-оборотень (*поэст.* Луна), 玉闕 (yù què) яшмовый дворец (*обр.* о жилище отшельника), 玉屑 (yù xiè) жемчужина (о литературном произведении), (*даос.*) яшмовый порошок, порошок бессмертия, 玉洞 (yù dòng) яшмовый грот (в знач.: жилище бессмертных, пещера отшельника, даосский монастырь) [БКРС].

Поскольку яшмовый чайник Дао ((玉壺 – yùhú – нефритовый чайник для вина) – воплощение духовной чистоты и добродетели) представляет собой сосуд для вина, необходимо обратить внимание на **вино** как символ *гармонии* в даосском мировосприятии. Стиль «ветер и поток» (风流 fēngliú) – основа духовной жизни китайских художников и поэтов эпохи Тан [Бежин, 1982, с. 132] – иллюстрирует даосское мировосприятие: гармония именно в природно-стихийном существовании. Вино рассматривалось как «символ отрешенности от мира, символ духовного поиска» [цит. по: Хо, 2018, с. 33]. Одновременно «чарка с вином в руке "знаменитости" была своего рода символом социальной пассивности и пессимизма...» [Там же]. Вино для Чэн Цзыана, как и для Ли Бо, и для Мэн Хаожаня, и для Тао Юань-мина, и для других поэтов «ветра и потока» – некая священная субстанция, дающая возможность духовного очищения, совершенствования, гармонического восприятия Вселенной.

У Ли Бо вино налито в *яшмовую* чашу («Среди чужих») или в золоченый кубок, свидетелем винопития у него является *луна*.

Луна неотделима от мотива *вина* и *времени*; луна во все времена разная (луна древнейших времен, которую мы не можем увидеть теперь), но – вечный источник света и красоты:

¹ Хуанди, мифический император Китая III тысячелетия до н. э., в даосизме считается отцом «оккультных наук» и бессмертным [Торчинов, 2007, с. 222].

«Но люди всегда любовались луной, как я люблюсь сейчас» («С вином в руке вопрошаю луну») [Классическая ... , с. 268, 269].

白兔捣药秋复春,

嫦娥孤栖与谁邻? (白兔 – белый заяц, символ луны, также сама луна, 秋复春 – смена осени весной, 嫦娥 – chang'e – фея Луны, небожительница).

В «Песне о восходе и заходе солнца» Ли Бо можем видеть даосский мотив слияния всех начал в Единое (Дао дэ-цзин): «Я хочу смешать с землею небо, Слить всю необъятную природу С первозданным хаосом навеки» («Песня о восходе и заходе солнца», перевод А. Ахматовой) [Классическая ... , с. 273–274].

Оригинал: 吾将囊括大块, 浩然与溟涔同科! (囊括 – nángkuò – объять, охватить, 大块 – dàkuài – земля-родительница, мать-природа, небо и земля как начало всего сущего, 浩然 – hàorán – безостановочный, текущий (о воде), конф.: всеобъемлющий, великодушный, справедливый в восприятии мира; 溟涔 – míngcén – первозданный хаос, беспредельное) [БКРС].

Даосский мифологический символ – гора Пэнлай (蓬萊山 – pénglái shān), сказочный остров бессмертных в заливе Бохай. Волшебное место, связанное с поиском бессмертия, вечной юности [Элиаде, 1998, с. 52–53], где растут нефритовые рощи: «Гора Пэнлай среди вод морских Высится, говорят. Там, в рощах нефритовых и золотых Плоды, как огонь, горят» [перевод А. И. Гитовича, Классическая ... , с. 267]

Оригинал: 乃有蓬萊山。玉樹生綠葉 (玉樹 – яшмовое дерево, также: древо жизни (на горе Пэнлай) [Китайская ...]).

灵仙每登攀 (灵仙 – língxiān – небожитель, бессмертный) – 食驻玄发 (玄发 – xuánfā – перен.: молодость)

Китайские алхимические тексты содержат миф об «островах блаженных», иррациональный, мифический опыт поиска «травы бессмертия» («эликсира бессмертия») связывает алхимию и идею путешествия, идею преодоления пространства.

Также в этих строках прослеживается желание вернуться к простоте, к элементарному, которое в русском переводе несколько видоизменяется («Хотел бы уйти я в небесный дым, Измученный человек») [«Без названия», перевод А. И. Гитовича, Классическая .. , с. 267].

Оригинал: 吾欲从此去, 去之无时还 (之无 – zhīwú – обр.: простейшие, элементарные знания, которые необходимо возвратить).

Анализ позволяет сделать следующие выводы:

- даосское мироощущение выражается у всех трех поэтов – Чэнь Цзыана, Мэн Хаожаня и Ли Бо – в мотиве *одинокчества, отшельничества, любви к созерцанию, ухода из предельного мира в «небесный дым»*;

- мотив *отшельничества* тесно связан с природой, с космосом (луна, земля-мать, нефрит) и с *винопитием*, а также с мотивом *времени*, которое все уничтожает, мотивом *бренности* и *суетности* этого мира. Даосская символика, выделенная нами в указанных стихах: луна (белый заяц 白兔, фея Луны 嫦娥), яшмовая чаша с вином, гора Пэнлай 蓬萊山, нефритовые рощи (также яшмовое дерево, древо жизни 玉树), вечная молодость, бессмертие, первозданная простота, первозданный хаос;

- в соответствии с даосским представлением необходимо *слияние с природой и с первозданным хаосом*, принесение индивидуального в жертву Единому Целому, Всеобщему, и в этом возвращении к элементарным знаниям – достижение гармонии;

- алхимия (получение золота, нефрита) служит для соединения с беспредельным, являясь инструментом для достижения состояния первозданной простоты. Алхимия, будучи магической, сакральной, оказывается тесным образом связанной с поэзией и даосской символикой. И алхимия, и даосские идеи, и символика – все это дает нам достаточно глубокое представление о мировосприятии эпохи Тан, основными чертами которого являются стремление к нематериальному, божественному, небесному.

Литература

Бежин Л. Е. Под знаков «ветра и потока»: образ жизни художника в Китае в III–VI вв. М. : Наука, 1982. 220 с.

БКРС. URL: bkrs.info.

Китайская поэзия. URL: chinese-poetry.ru.

Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М. : Худож. лит., 1977. 926 с.

Торчинов Е. А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб. : Андреев и сыновья, 1993. 309 с.

Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб. : Азбука-Классика, Петербургское востоковедение, 2007. 334 с.

Хо О. А. Культура вина в Китае : монография. М. : ВКН, 2018. 184 с.

Элиаде М. Азиатская алхимия : сб. эссе. М. : Янус-К, 1998. 605 с.

АМЕРИКАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ XX ВЕКА КАК УНИКАЛЬНЫЙ ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ИСКУССТВА

Аннотация. Рассматриваются особенности американской живописи середины XX в. на примере таких уникальных, авангардных и противостоящих друг другу направлений, как абстрактный экспрессионизм и поп-арт. Опираясь на исследования, посвященные американскому искусству, описываются специфические черты каждого из направлений, предпринимается попытка объяснения их особенностей и устанавливается, что искусство американской живописи обладает своим уникальным визуальным кодом, отражающим историю, жизнь и ценности американского общества и отличающим его от искусства других стран.

Ключевые слова: американская живопись, современное искусство, абстрактный экспрессионизм, поп-арт, массовая культура.

A. Ignatieva

Irkutsk State University, Irkutsk

AMERICAN PAINTING OF THE 20th CENTURY AS A UNIQUE VISUAL LANGUAGE OF ART

Abstract. The purpose of the article is to consider the features of American painting of the middle of the 20th century using the example of such unique, avant-garde and opposing art movements as abstract expressionism and pop art. Based on the research on American art, the author describes the specific features of each of the art movements, attempts to explain their features and proves that the art of American painting has its own unique visual code that reflects the history, life and values of American society and distinguishes it from the art of other countries.

Keywords: American painting, modern art, abstract expressionism, pop-art, mass culture.

Что такое американское искусство? Как его понять? В чем его суть? И почему оно является таким популярным сегодня? Такие вопросы часто возникают у зрителей, воспитанных на произведениях классических художников, традиционных стилей искусства, таких как реализм, романтизм, классицизм, барокко, сравнительно легко поддающихся объяснению и пониманию. Однако современное американское искусство, помимо реализма, представлено множеством оригинальных художественных стилей и направлений, которые относят к авангардным, наполненным глубоким смыслом и требующим особого понимания.

Актуальность исследования продиктована в первую очередь необходимостью изучения американской традиции искусства как средства отражения американской культуры, ценностей, а также как одного из ключевых направлений, имеющего свой особый уникальный визуальный язык, повлиявший на судьбу мирового искусства и заложивший основы для новых стилей и направлений. Без понимания этого визуального языка невозможно понять современное искусство, объяснить его эволюцию и смысл для человечества.

Для начала хотелось бы отметить, что среди европейских культурологов и искусствоведов долго существовало мнение, что в США нет культуры как таковой, откуда, дескать, ей взяться? Ничего своего нет, государство молодое, не имеющее многовековой и богатой истории, где проживает большое количество иммигрантов, проповедующих свои культурные ценности и традиции. В итоге некоторые исследователи называли эту страну «культурной пустыней» или «культурной провинцией» [Шестаков, 2013, с. 21]. Такое мнение можно встретить и сегодня среди представителей «антиамериканизма, который создает традиционное лицо врага» [Там же]. Особенно популярным такое мнение было в Советском Союзе во времена «железного занавеса», когда российская публика практически ничего не знала об американском искусстве, поскольку музыка, живопись, кинематограф и другие виды искусства североамериканского континента запрещались в стране из-за цензуры и считались пропагандой американского образа жизни.

Сегодня мы имеем доступ к литературе, посвященной американскому искусству, его истории и уникальности. Эти вопросы изучались и изучаются как в России и Европе, так и в самой Америке [Чегодаев, 1960; Якимович, 2011; Шестаков, 2013; Bjelajac, 2001; Pohl, 2002; Huges, 1997].

А. К. Якимович, российский искусствовед и историк искусства, выделяет три континента искусств – три типа художественной культуры: американскую, европейскую и русскую. При этом если европейская художественная культура содержит некоторый скептицизм и самокритику, российская полна парадоксов, то американская несет в себе идею надежды и веры в светлое будущее. Автор пишет: «Там (в американском искусстве) нет европейских буздыков и ... безнадежности. Там нет российских ... парадоксов Достоевского и Чехова. Американский художник тоже ужасается тому, что в мире творится, в том числе в Америке. Но все равно верит в мощь духа и энергию жизни» [Якимович, 2011, с. 67].

Интересно также отметить, что развитие американского искусства шло своим тернистым путем, и, несмотря на то что американские художники сделали значительно меньше европейских мастеров, «... за последние годы мы (американцы) стали создавать художественные формы, которые в большей мере оригинальны и в меньшей степени зависят от европейского опыта» [Lipman, 1963, p. 23].

Самые яркие и выдающиеся течения американской живописи, поднявшие ее на пьедестал искусства и поставившие ее рядом со многими великими художниками прошлого и настоящего, начинают появляться в США к середине XX в. Речь пойдет о двух основных, уникальных американских стилях живописи, без которых трудно представить какой-либо современный художественный музей мира: абстрактный экспрессионизм и

поп-арт – две крайности, два полюса, два противоположных направления, противостоящих друг другу в искусстве и в жизни.

Итак, абстрактный экспрессионизм зародился в США в 1940-е гг. Его часто определяют как абсолютное искусство («чистое», «абстрактное»), основным посылом которого является скорее обращение к чувствам и переживаниям зрителя, чем к простой передаче какого-либо образа или сюжета, а также побуждение к размышлениям о смысле искусства и жизни в целом.

Данный вид искусства относят к разряду монументальных, т. е. масштабных по размерам, поскольку считается, что большие картины, наполненные цветом, формами и текстурой, могут вызвать у зрителя сильные эмоции. Например, в зале галереи Барнетта Ньюмана висела инструкция, которая призывала посетителей стоять очень близко к картинам; автор считал, что на близком расстоянии его картины способны разбудить в зрителе чувство самосознания и заставить его заплакать.

Аскетичным это искусство называют благодаря присутствию в нем простоты, минимализма и лаконичности, а также отсутствию всевозможных излишних художественных украшений.

Его также считают искусством шедевров, поскольку художники-абстракционисты смогли выйти за рамки традиционного представления о красоте, выразив свои глубокие чувства и переживания в беспредметной живописи и показав, что искусство может быть свободной импровизацией, уникальным и неповторимым. При этом они экспериментировали с новыми техниками, такими как «капание», рисование хаотичными мазками, разбрызгивание краски и т. д.

До сих пор принято считать, что данный стиль живописи относится к элитарному, высокому искусству – так называемому искусству для «высоколобых», для понимания которого необходимы определенные знания, доступные узкому кругу высокоинтеллектуальных зрителей.

И наконец, абстрактное искусство называют искусством трагического, экзистенциального восприятия мира, в котором жизнь человека абсурдна и бессмысленна. Вероятно, это мировосприятие повлияло на жизнь этих художников, многие из них страдали от различных зависимостей и трагично закончили свои дни: Марк Ротко, Аршил Горки покончили жизнь самоубийством, Франц Кляйн умер от сердечного приступа, Мишель Баския – от передозировки наркотиков, Джексон Поллок погиб в автокатастрофе.

Однако, несмотря на свою уникальность, сложность, непонятность и авангардизм, данный стиль живописи обладает огромной художественной и культурной ценностью и оказывает влияние на многие стили живописи и виды современного искусства.

Неискушенный российский зритель часто задается вопросом, почему художники вдруг стали рисовать абстракцию, непонятную обычному чело-

веку, называя эти картины «мазней». Однако не стоит забывать, что искусство – это отражение нашей жизни, нас самих, наших проблем, нашей горестей и радостей. Абстрактный экспрессионизм появляется в первой половине XX в., во время Второй мировой войны. Познав ужасы этой войны, душа художника перевернулась, и выразить те чувства, о которых он раньше говорил с помощью фигуративной живописи, рисуя лежащую обнаженную или красивый натюрморт, не представляется возможным. Единственным желанием современного художника становится найти новый язык, который помог бы ему рассказать, что у него на душе.

И вот, в качестве протеста против высокого, элитарного искусства, появляется поп-арт, искусство китча. Это происходит в 1950-х гг., примерно в то время, когда об ужасах Второй мировой постепенно начинают забывать. Зародившись в Великобритании, оно получило свое наибольшее развитие в США благодаря таким выдающимся художникам, как Энди Уорхол, Рой Лихтенштейн, Джаспер Джонс и др. Основной идеей этого направления стало соединение изобразительного искусства и популярной культуры, что в абстракционизме и вообще в искусстве того времени считалось неслыханной дерзостью. Они отвергали идею самовыражения личности в искусстве и вернулись к использованию фигуративной живописи.

Интересным представляется и тот факт, что не только стили живописи как бы противостояли друг другу, но также и сами художники, работающие в этих двух стилях, не любили друг друга, и доподлинно известно, что между ними происходили стычки во время случайных встреч [Кулик, 2011].

Художники поп-арта считали абстракционистов слишком серьезными, поэтому, глядя на их полотна, можно увидеть некоторую иронию, простоту и даже остроумие, хотя они тоже поднимали очень серьезные для общества проблемы.

К примеру, Энди Уорхол изображает не сам предмет, а его логотип, этикетку, то, что останется в вечности после смерти и будет в неизменном виде передаваться следующим поколениям. В его творчестве отразилась вся суть американской демократии и массовой культуры. Он говорил, что любит США за то, что «Америка положила начало традиции, по которой самые богатые потребители покупают то же самое, что и бедные. Ты смотришь телевизор и видишь кока-колу, и ты знаешь, что президент пьет кока-колу, Лиз Тейлор пьет кока-колу, и только подумай, ты тоже можешь пить кока-колу. ... и ни за какие деньги ты не купишь кока-колы лучше, чем та, что пьет бродяга на углу. Все кока-колы одинаковы, и все они хороши. Лиз Тейлор это знает, президент это знает, и ты это знаешь» [Уорхол, 2022].

Для данного художника очень характерным является повторяемость объекта. Как считают некоторые авторы, это не что иное, как вариант бессмертия этой вещи или человека [Кулик, 2011]. Для того чтобы этот объект

не ушел, его нужно умножить, изобразить несколько раз. Таким образом, Э. Уорхол испытывает к изображаемым им вещам и популярным личностям не любовь, как считают некоторые критики поп-арта, утверждая, что данный вид искусства поверхностен, – а жалость, переживает ощущение их бренности, недолговечности, поэтому он их повторяет, разукрашивает в разные цвета. Используя объекты массовой культуры в своих работах, он критикует их, иронизируя над массовым потребителем, видя в жизни современного человека суету и преходящесть времени.

К другим характеристикам поп-арта относят также использование эстетики потребительского общества, которая включает рекламу, плакаты, фотографии, звезд кино, музыки и политики, ономаптоею (Рой Лихтенштейн), новые материалы и техники (шелкография, коллаж), а также монументальные размеры [Шестаков, 2013; Кулик, 2011; Кулик, 2012].

Данное направление в живописи по праву считается истинно американским, поскольку среди его представителей нет ни одного неамериканца. Причиной тому, как считает С. Харрисон, является то, что Америка – единственная страна, где начинает очень быстро распространяться массовая культура потребления [Harrison, 2001].

Итак, рассмотрев два наиболее ярких американских стиля живописи, мы открыли страницы американской жизни середины XX в., культурные ценности и настроения общества того времени. Популярность и влияние этих двух наиболее значимых стилей невозможно переоценить. Как видим, американское искусство отличается от европейского своим новым, «незамысленным» взглядом, оно использует новые техники, материалы, идеи, тем самым приобретая свой колорит, уникальный визуальный язык искусства. Предположения о том, что в молодой стране не может быть культуры, если сравнивать ее с древнейшими цивилизациями мира, устарели и являются ошибочными. Нельзя забывать, что любое искусство, будь то скульптура, музыка, кино, театр, архитектура и т. д., отражает нашу жизнь и нас самих, а значит, всегда актуально, оно «дитя своего времени» [Кандинский, 2020], полно глубокого смысла и существует не для того, чтобы показать зрителю красивую картинку, а для того, чтобы спровоцировать его на определенные эмоции, заставить задуматься – и в этом его великая и незыблемая сила.

Литература

- Кандинский В. В. О духовном в искусстве. М. : Эксмо-Пресс, 2020. 160 с.
- Кулик И. А. Энди Уорхол. Поп-арт как *vanitas*. 15.12.2011. URL: https://youtu.be/2_33-YoIM6k (дата обращения: 05.04.2025).
- Кулик И. А. Джефф Кунс. Китч и минимализм. 29.03.2012. URL: <https://youtu.be/J5OCefykHE?si=-zoh9LbqsB3O0c1> (дата обращения: 07.04.2025).
- Уорхол Э. Философия Энди Уорхола (от А к Б и наоборот). М. : Ад Маргинем, 2022. 268 с.
- Чегодаев А. Д. Искусство США. От войны за независимость до наших дней. М. : Искусство, 1960. 324 с.

Шестаков В. П. История американского искусства: в поисках национальной идентичности. М. : Рип-холдинг, 2013. 454 с.

Якимович А. Двадцатый век. Три лика мистерии // Собрание. 2011. № 1. С. 67–68.

Bjelajac D. American art: a cultural history. N. Y. : H. N. Abrams, 2001. 424 p. URL: https://archive.org/details/americanartcultu0000bjel_j5k7/page/n5/mode/2up (дата обращения: 25.02.2025).

Harrison S. Pop-art and the origin of post-modernism. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 280 p. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/pop-art-and-the-origins-of-postmodernism/891E2BA54B2CB71F51BEDAF256FD7AF9> (дата обращения: 03.03.2025).

Huges R. The American Images. The Epic History of Art in America. N. Y. : Alfred A. Knopf, 1997. 635 p. URL: https://archive.org/details/americansonse0000hugh_i3i7 (дата обращения: 25.03.2025).

Lipman J. What is American in American art. N. Y. : McGraw Hill, 1963. 180 p.

Pohl F. Framing America. A social history of American art. Chicago : University of Chicago Press, 2002. URL: https://www.academia.edu/73925574/Framing_America_A_Social_History_of_American_Art (дата обращения: 01.04.2025).

УДК 811.521

А. Д. Калихман

ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», Иркутск

АГВАН ДОРЖИЕВ МЕЖДУ ЛХАСОЙ, ПЕТЕРБУРГОМ И ПАРИЖЕМ

Аннотация. Предпринята попытка определить наиболее достоверную цепь событий в период с 1897 до 1917 г., когда Агван Доржиев осуществлял дипломатическую миссию по поручению главы Тибета, Далай-ламы XIII, в России. Отмечено, что несколько аудиенций у царя Николая II и ряда высокопоставленных чиновников позволяли рассчитывать на покровительство России в противостоянии Тибета с Англией в условиях ослабления цинского Китая, а также на понимание важности поддержки бурят и калмыков в исповедании буддийской веры. Рассмотрен первый выезд в Европу Агвана Доржиева и проведение буддийской мессы в Париже в 1898 г. Анализируются события, связанные с подготовкой и реализацией проекта строительства буддийского храма в Петербурге в 1908–1915 гг.

Ключевые слова: Агван Доржиев, Далай-лама, Лхаса, буддизм, буддийская месса, буддийский храм.

A. D. Kalikhman

FSBO “Zapovednoe Pribaikalie”, Irkutsk

AGVAN DORZHIEV BETWEEN LHASA, PETERSBURG AND PARIS

Abstract. The article attempts to determine the most reliable chain of events in the period from 1897 to 1917, when Agvan Dorzhiev carried out a diplomatic mission on behalf of the head of Tibet, the XIII-th Dalai Lama, in Russia. Several audiences with Tsar Nicholas II and a number of high-ranking officials allowed him to count on Russia's patronage in the confrontation between Tibet and England in the context of the weakening of Qing China, as well as an understanding of the importance of supporting the Buryats and Kalmyks in the confession of the Buddhist faith. The article examines Agvan Dorzhiev's first trip to Europe and the holding of a Buddhist mass in Paris in 1898. The article analyzes the events associated with the preparation and implementation of the project to build a Buddhist temple in St. Petersburg in 1908–1915.

Keywords: Agvan Dorzhiev, Dalai Lama, Lhasa, Buddhism, Buddhist mass, Buddhist temple.

Введение. Конец XIX и начало XX в. стали для Агвана Доржиева периодом важных дел, которые он сумел осуществить, находясь в России в статусе эмиссара главы Тибета Далай-ламы XIII. К дипломатической миссии в России и во Франции Агвана Доржиева вел долгий путь. Известно, что, с детства проявив интерес к буддийскому учению и освоению тибетской и старомонгольской азбуки, он в 14 лет побывал в Урге (Улан-Батор), где принял обеты мирянина (убаши) [Андреев, 2004, 2006]. Родители Агвана (он родился в 1853 г. в улусе Харашибирь Хоринского аймака) знали о его необычных способностях к обучению. Дед Доржиева Ухин был родом из нагатайского племени (имя третьей жены Хоридоя, предка всех хори-бурят, было Нагатай), отец Доржи родился в Тухэли, недалеко от Баяндая, а мать Долгар происходила из рода хори, села Сундулга. Село Баяндай и место рождения отца оказались для Агвана Доржиева обязательными для последующего устройства дацанов, возрождения буддизма и ламаистских традиций уже после прихода большевиков к власти. Одним из этих дацанов стал дацан на острове Ольхон в поселке Харанцы, уничтоженный в 1929 г., согласно документам авторского исследования [Саенко, Саенко, Калихман, 2019].

Изначальное семейное родовое смешение, возможно, проявилось в стремлении выйти за пределы этнических рамок, овладеть духовными ценностями ламаизма, приобщиться к вершинам буддийского учения. В Ацагатском дацане Доржиев получил начальное образование и после непродолжительной работы писарем в Хоринской степной думе в 1873 г. вместе с наставником Балдан-чойнпэлом отправился в Лхасу. В автобиографии Агван Доржиев писал, что «был зачислен в Гоман-дацан Брайбунского монастыря ... к пребыванию подданных России относились с подозрением, поэтому вернулся назад» [Доржиев, 2003, 44].

Через несколько лет Доржиев с китайским караваном из монастыря Утайшань, где проходил служение, отправился в Тибет и вторично приступил к обучению в Гоман-дацане. Об окончании десятилетнего обучения в 1888 г. он писал: «У мудрецов трех монастырей, не убоявшись, по пяти книгам единственный выдержал экзамен, так я прославился» [Доржиев, 2003, 46]. Высшая ученая степень геше-лхарамба позволила не только остаться в Лхасе, но и попасть в число учителей юного Далай-ламы XIII по философским диспутам, проживать во дворце владыки в Потале, а затем почти два десятилетия быть его ближайшим советником и дипломатическим посланником Тибета в России. Понимая опасность захвата Тибета войсками Великобритании, ненадежность защиты Китаем, он полагал прибегнуть к покровительству России, где исповедание бурятами и калмыками буддийской веры было свободным. Убедив в этом Далай-ламу, Доржиев был командирован в Петербург и Париж с целью поиска путей сближения с сильными странами [Андреев, 2006].

Осенью 1897 г. он проделал долгий путь через Индию, Китай, Монголию и Сибирь и в начале 1898 г. прибыл в Петербург. В столице благодаря содействию князя Э. Э. Ухтомского, к которому Доржиев обратился еще из Монголии, через российского консула, по телеграфу, 27 февраля с депутатией был принят Николаем II. На просьбу от имени Далай-ламы XIII об оказании Россией политической поддержки Тибету царь посоветовал составить официальное письменное обращение, что и было сделано, и через год обращение было доставлено Доржиевым ко времени его второй встречи с царем. Контакты в Петербурге с известными востоковедами и географами, академиком С. Ф. Ольденбургом, П. П. Семеновым, Ф. И. Щербатским позволили определить уровень научного и политического интереса к положению Тибета.

Весной того же 1898 г. Доржиев отправился в степи Калмыкии к своим единоверцам, где ему оказывали почести в местных дацанах и несли дары для передачи Далай-ламе. После возвращения в Петербург началась подготовка к поездке во Францию. Получив рекомендательные письма у академика Ольденбурга, Доржиев вместе со своим помощником Будой Рабдановым выехал в Париж [Андреев, 2006].

Буддийская месса в Париже

Первым, к кому обратился Агван Доржиев с письмом академика, был Жозеф Деникер, известный в научных кругах французский антрополог. Они общались на родном для них русском языке. Деникер был сыном астраханского купца французского происхождения, позже, во время обучения в Петербургском технологическом институте, из-за участия в народовольческом движении ему пришлось покинуть страну, скрываться от преследования во Франции и стать с 1874 г. ее гражданином [Кацис, 2022]. Деникер о первой встрече с Агваном Доржиевым в одной из заметок писал: «В июне 1898 года у меня появился монгольский курьер с рекомендательными письмами от одного из русских друзей и спросил, не хотел бы я познакомиться с тибетским священником, прикомандированным к Далай-ламе. Часом позже Агван Доржиев сидел у меня в парижском доме. Он был в европейской одежде, лет сорока, невысокий и коренастый. Его бронзовое лицо имело строгий монгольский тип, и он казался умным и добрым. В ходе беседы я расспрашивал его о буддизме; и тогда, в свою очередь, он начал расспрашивать меня, много ли буддистов в Париже. Сказал ему, что число его единоверцев мало, но французские ученые интересуются учением Будды и в музее Гиме есть коллекция культовых буддийских предметов. Через несколько дней мы вместе осмотрели музей» [Deniker, 1904, p. 73–74].

Речь шла о Музее восточных искусств, созданном в 1889 г. по инициативе Эмиля Гиме, который и предложил Доржиеву после осмотра экспозиций провести в музее богослужение с акцентом на научную сторону

буддийского культа, поскольку ранее их уже проводили здесь дважды [Ковзун, 2009, 276–298]. Жозеф Деникер в упомянутой выше заметке первым определил его как «буддистскую мессу в библиотеке музея», поскольку был одним из организаторов [Deniker, 1904, р. 73–74]. Широкий круг знакомых Деникера оказался в числе приглашенных на показательное богослужение, где были представители парижского бомонда, дипломаты, политики и даже будущий премьер Жорж Клемансо. Наверняка жена Деникера пожелала видеть здесь родного брата Иннокентия Анненского, находившегося в Париже, позже описавшего событие в стихотворении «Буддийская месса в Париже». Лекцию об истории буддизма Доржиев читал на монгольском языке. Ее переводил на русский Буда Рабданов, а на французский – Жозеф Деникер. Затем последовали традиционные храмовые молитвы-песнопения, восседание на импровизированный трон и погружение в состояние транса.

О событии в музее 27 июня 1898 г. было рассказано во многих статьях и книгах, а наиболее полно оно было освещено Джоном Снеллингом в книге «Буддизм в России: история Агвана Доржиева, посланника Лхасы к царю». Снеллинг писал: «Хамбо-лама Агван Доржиев провел хурал-богослужение в Музее Гиме "Воззвание к Будде Шакьямуни и другим Буддам, способствующее всем сущим к пробуждению чувства любви и сострадания", сначала преклонившись перед алтарем со священными предметами, затем уже сидя продолжил излагать историю распространения буддизма в Тибете через переводчиков. За лекцией следовала тибетская молитва с призывом ко всем буддам и бодхисаттвам сойти просветлением на собравшихся. После этого Доржиев опустил цветы на алтарь и помощники последовали его примеру» [Snelling, 1993, р. 59].

Поэтические строки Иннокентия Анненского передавали происходившее как дисгармонию обыденного и возвышенного [Анненский, 1988, с. 98–99]:

Священнодействовал базальтовый монгол,
И таял медленно таинственный глагол
В капризно созданном среди музея храме,
Чтоб дамы черными играли веерами
И, тайне чуждые, как свежий их ирис,
Лишь переводчикам внимали строго мисс.
...Обедня кончилась, и сразу ожил зал,
Монгол с улыбкою цветы нам раздавал,
И, экзотичные вдыхая ароматы,
Спешили к выходу певцы и дипломаты,
И дамы, бережно поддерживая трен, –
Чтоб слушать вечером Маскотту иль Кармен.

Тубтен Джигме Норбу, родной брат Далай-ламы XIV, в опубликованном им в 1991 г. обобщении известных автобиографий Агвана Доржиева так цитировал его впечатления: «Перед большим сообществом, с уважением относившимся к буддийскому учению, я совершил богослужение перед ликом Будды и воздал молитву во имя Трех Драгоценностей, полагая, что даже немного из сделанного могло посеять семена достойной кармы» [Norbu, 1991, p. 31].

Буддийский храм в Петербурге

Трудно установить точно исторический период, когда Агван Доржиев задумал создать в столице России буддийский храм, в итоге сочетавший традиции тибетского зодчества с популярной тогда архитектурой модерна. Возможно, сказалось близкое знакомство с буддийской общиной Петербурга в лице бурят Забайкальской области и калмыков Астраханской и Ставропольской губерний во время первого приезда в 1898 г. в столицу. Последующие приезды в 1900 и 1901 г. с полномочиями «чрезвычайного посольства» Тибета, встречи с Николаем II, сложные политические варианты Доржиева с предложениями покровительства России по отношению к Тибету в итоге свелись к предпочтительности взаимодействия с высшими буддийскими властями страны. В это же время Доржиев вел разговоры об устройстве в столице буддийской молельни, которая могла бы стать местом духовного представительства в России Далай-ламы, главы тибетской буддистской церкви [Андреев, 2004].

В 1904 г. Агван Доржиев сопровождал Далай-ламу XIII во время бегства из Лхасы от англичан в Ургу и размещения в монастыре Гандан, а уже осенью 1905 г. окончательно переселился в столицу России в статусе уполномоченного Далай-ламы. В начале 1906 г. во время очередной аудиенции с Николаем II опять зашел разговор о буддийском храме в Петербурге, но дальше отсутствия возражений на возведение храма дело не шло, наталкиваясь, вероятно, на противодействие со стороны Синода. Поездка в 1908 г. к Далай-ламе, находившемуся в монастыре Утайшань, позволила заручиться обращением к русскому правительству за политической поддержкой, а также содействием в постройке храма в столице. Глава правительства и министр внутренних дел П. А. Столыпин ответил на просьбу Далай-ламы согласием на возведение буддийской молельни. Позже решение одобрил Николай II – в феврале 1909 г., когда Доржиев, получив очередную аудиенцию в Царскосельском дворце, успел добиться разрешения на постройку еще и дацана на земле предков, недалеко от Баяндая в Иркутской губернии [Андреев, 2004].

В очень краткие сроки в том же 1909 г. решились вопросы с покупкой земли на берегу Большой Невки в Старой Деревне, тогда окраине Петербурга. Архитектурный проект выполнил студент Института гражданских инженеров Николай Березовский, уже побывавший в качестве художника

в экспедиции академика В. В. Радлова в Восточной Азии, где выполнил много рисунков древних буддийских храмов Кучара в Туркестане. Проект был представлен Доржиевым в Губернское правление в апреле 1909 г., утвержден почти сразу, а уже к маю появились фундамент и часть цоколя. Сложности с реализацией проекта и его остановка Столыпиным на полгода не стали критическими, и в конце 1910 г. храм обрел внешние законченные очертания вместе с жилым домом в четыре этажа рядом для Доржиева и его сподвижников.

А. И. Термен в своей книге передал мнения и домыслы вокруг строительства храма: «Он постепенно переносит центр тяжести буддизма в Петербург, чем в глазах населения придает буддизму новую окраску, и теперь слухи о том, что "царь для Доржиева приказал построить великолепный дацан рядом со своим дворцом", что "у самого царя во дворце живут ламы", что "царь очень сочувствует ламаизму и хочет, чтобы все буряты были ламаитами", упорно циркулируют в народе» [Термен, 1912, с. 107].

Отделкой интерьеров, продолжавшейся до 1915 г., руководил Н. К. Рерих, по-видимому, тогда услышавший от Доржиева легенду о Шамбале [Андреев, 2004]. Освящение храма цаннид-хамбо Агваном Доржиевым состоялось 10 августа 1915 г., о чем он писал в своей биографии: «После завершения остававшейся работы по строительству храма я совершил краткую церемонию его освящения и учредил ритуалы покаяния, проводившиеся раз в две недели, регулярные религиозные службы» [Norbu, 1991, p. 39].

Мифы и домыслы

Пути Агвана Доржиева в Тибет и пребывание там известны не только по его автобиографиям, но и по нескольким изданиям, сообщавшим о шпионском и даже конспирологическом характере его деятельности [Андреев, 1999; Шишкин, 1999]. Пожалованные в 1886 г. «ламе Агвану» золотые часы с вензельным изображением высочайшего имени связываются с оказанной Доржиевым помощью в посещении Лхасы агентами П. А. Бадмаева под видом паломников для сбора политической информации о Тибете [Андреев, 1997]. В другой книге прямо говорится: «Русский секретный политический агент "Шамбала" был внедрен в окружение Далай-ламы XIII в конце прошлого века. В Доржиеве долго боролись его российский патриотизм и этика буддиста. В один из моментов этой битвы конфессиональное начало одержало верх, и бурят признался Благородному Тубдену в своей тайной миссии. Повелитель Тибета, пораженный раскаянием своего друга, не только не репрессировал его, но сделал главным порученцем в секретных и явных переговорах с Россией – страной, называвшейся Белой Северной Шамбалой» [Шишкин, 1999, с. 10].

За годы пребывания Агвана Доржиева в России в качестве дипломатического посланника Далай-ламы XIII вокруг него возникали различные

мифы и домыслы, нередко имевшие под собой основания. Первые мифы были связаны с посещением Парижа и несколькими встречами с Доржиевым в воспоминаниях Семена Ан-ского [Сафран, 2020]. Детальному разоблачению приведенных в книге Сафран лживых воспоминаний Ан-ского была посвящена большая статья [Кацис, 2022]. Недостаточно подтвержденными кажутся сведения о встрече поэта Максимилиана Волошина с Доржиевым в Париже и его присутствии на «буддийской мессе» [Бернюкевич, 2015]. В период после захвата власти в России большевиками высказывались предположения о неизбежной встрече Агвана Доржиева с поэтом Осипом Мандельштамом [Сангадиева, 2020; Кацис, 2020]. Вряд ли Доржиев мог участвовать в коминтерновской конференции и при этом не быть упомянутым в очерке Мандельштама, например, как в характерной для поэта манере в очерке «Нюэн-Ай-Как» о ставшем во Вьетнаме коммунистическим правителем Хо Ши Мине [Мандельштам, 1923]. Наконец, о встрече с Агваном Доржиевым летом 1937 г. упоминал поэт Даниил Хармс в своей записной книжке [Мароши, 2008]. В том же году Доржиев покинул Ленинград, отправился в Бурятию по делам буддизма, но был схвачен осенью в Улан-Удэ, помещен в застенки, а в начале 1938 г. умер в тюремной больнице в возрасте 85 лет.

Литература

- Андреев А. И. Незвестная страница из истории Большой игры. Дело о посылке русского агента в Тибет (1869–1873) // Ариаварта. 1999. № 3. С. 120–133.
- Андреев А. И. От Байкала до священной Лхасы. Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб. ; Самара ; Прага, 1997. 335 с.
- Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб. : Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2006. 464 с.
- Андреев А. И. Храм Будды в Северной столице. СПб. : Изд-во А. Терентьева «Нартанг», 2004. 220 с.
- Анненский И. Ф. Избранные произведения. Л. : Худож. лит., 1988. С. 98–99.
- Бернюкевич Т. В. Буддизм в судьбе и творчестве М. Волошина: «моя первая религиозная ступень» // Ученые записки ЗабГУ. Культурология. 2015. № 4 (63). С. 77–85.
- Доржиев А. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография). М. : Вост. лит., 2003. 160 с.
- Кацис Л. Ф. Postscriptum к статье Э. Г. Сангадиевой «Кто такие коронационные буряты?» // Ostkraft / Литературная коллекция. Научное обозрение. М. : Модест Колеров, 2020. № 2–3. С. 159–182.
- Кацис Л. Ф. Из материалов к биографии и творчеству Семена Ан-ского: 1. Очерк об Агване Доржиеве как исторический и историографический источник биографий Ан-ского и Доржиева // Русский сборник: Исследования по истории России: 300 лет Российской империи. Т. 32. М. : Модест Колеров, 2022. 656 с.
- Ковзун А. А. Несколько комментариев к «Буддистской мессе в Париже» И. Анненского // «Слово – чистое веселье...» : сб. ст. в честь А. Б. Пеньковского. М. : Языки славян. культуры, 2009. С. 276–298.
- Мандельштам О. Э. Нюэн-Ай-Как. В гостях у коминтерщика // Огонек. 1923. № 39. С. 10.

Мароши В. В. Обэриуты и монголы: к постановке проблемы // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии. Барнаул, 2008. С. 55–68.

Саенко Ю. В., Саенко И. В., Калихман А. Д. Харанцинский дацан на карте Ольхона // Краевед Приангарья. 2019. № 1. С. 34–40.

Сангадиева Э. Г. Кто такие коронационные буряты? Из комментария к очеркам О. Э. Мандельштама «Первая международная крестьянская конференция и «Международная крестьянская конференция» // OSTKRAFT / Литературная коллекция. Научное обозрение. М. : Модест Колеров, 2020. № 2-3. С. 152–158.

Сафран Г. Неприкаянная душа. Семен Ан-ский: русский революционер, еврейский этнограф, автор «Дибук». Биография. СПб. : Симпозиум, 2020. 565 с.

Термен А. И. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Очерки и впечатления. СПб. : Типография МВД, 1912. 143 с.

Шишкин О. А. Битва за Гималаи. НКВД: магия и шпионаж. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 400 с.

Deniker J. A Leader of the Tibetans // The Century Magazine. Vol. 69, N 1. 1904. P. 73–74.

Norbu Thubten J. Dorjiev: Memoirs of a Tibetan Diplomat // Hokke bunka kenkyu. 1991. N 17. P. 1–105.

Snelling J. Buddhism in Russia: The Story of Agwan Dorjiev, Lhasa's Emissary to the Tsar. Shaftsbury, Dorset, 1993. 320 p.

УДК 94(510)

Е. В. Карпенко

Сибирский федеральный университет, Красноярск

«ТОЛКОВАНИЕ О РАНГАХ ЧИНОВНИХ ЛЮДЕЙ КИТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, СОБРАННОЕ ПО АЛФАВИТУ» ИЗ ФОНДА Г. И. СПАССКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЦИНСКОГО КИТАЯ

Аннотация. Изучается архивное дело ГАКК из фонда 805 – личный архив известного издателя, собирателя документов и материалов по истории Китая, Сибири Г. И. Спасского. Источник представляет собой тематический словарь, который содержит толкование чинов, титулов, названий учреждений Цинского Китая. Представлены первые результаты анализа источника, раскрывается его научный потенциал.

Ключевые слова: титул, чин, Цинская империя, Г. И. Спасский.

E. Karpenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

“INTERPRETATION OF THE RANKS OF OFFICIALS OF THE CHINESE STATE, COLLECTED ALPHABETICALLY” FROM THE G. I. SPASSKY FOUNDATION AS A HISTORICAL SOURCE ON THE HISTORY OF QING CHINA

Abstract. The purpose of the article is to characterize the archival affairs of the GACC from the 805 fund, the personal archive of the famous publisher, collector of documents and materials on the history of China and Siberia, G. I. Spassky. The source is a thematic dictionary that contains the interpretation of ranks, titles, and names of institutions in Qing China. The paper presents the first results of the analysis of the source, reveals its scientific potential.

Keywords: title, rank, Qing Empire, G. I. Spassky.

В настоящее время в отечественных архивах, как центральных, так и региональных, хранится весьма значительный объем рукописного наследия китаеведов. Введение в научный оборот этих исторических документов остается важной задачей современного востоковедения. В государственном архиве Красноярского края в фонде исследователя XIX в. Г. И. Спасского хранится большая коллекция личных материалов и собранных им исторических документов (фонд 805 ГАКК). На богатую коллекцию обращали внимание красноярские историки В. Г. Дацышен, С. А. Пономарева, В. П. Зайцев и др. В разные годы XX в. о наследии Г. И. Спасского, его научной деятельности писали Б. Смирнов, М. Будылина, Т. К. Шафрановская, А. Д. Сергеев, Н. Н. Днепровский и др. Диссертационное исследование на соискание степени кандидата исторических наук С. А. Пономаревой посвящено различным этапам жизни и научной работы Г. И. Спасского. Обширный обзор некоторых материалов, написанных лично Г. И. Спасским, и собранных им коллекций представлен в работах В. Г. Дацышена. Однако стоит признать, что значительная часть материалов до сих пор не введена в научный оборот. Среди собранных материалов особый интерес представляют документы, связанные с историей Цинской империи. Обращает на себя внимание дело 100 фонда 805 ГАКК «Толкование о рангах чиновных людей Китайского государства, собранное по алфавиту» (далее – «Толкование о рангах»). Характеристика данного документа была дана известным китаеведом В. Г. Дацышеном. Исследователь предполагает в качестве автора «Толкования о рангах» П. И. Каменского, определяет временные рамки создания документа второй половиной XVIII – началом XIX вв. [Дацышен, 2018, с. 857]. В пользу авторства П. И. Каменского свидетельствуют следующие факторы. Общеизвестно, что китаевед подготовил к изданию большой китайско-русский словарь, который, к сожалению, не был опубликован. Часть его материалов утеряна. П. И. Каменский работал над его составлением, собирал материалы во время пребывания в Цинской империи в составе духовной миссии в Пекине. Коллекция Г. И. Спасского содержит много материалов по истории Китая и большая часть этих материалов связана с П. И. Каменским. Кроме того, проведенный сравнительный анализ маньчжуро-русских словарей XIX в. и переводов А. Леонтьева позволяет исключить ряд известных исследователей в качестве авторов «Толкования о рангах». Транскрипция, представленная в документе, совпадает с транскрипцией, используемой П. И. Каменским. Несомненно, требуется более расширенное и глубокое изучение вопроса авторства «Толкования о рангах», так как представленные аргументы имеют косвенный характер. До настоящего времени сам исторический документ не подвергался глубокому исследованию и не был введен в научный оборот. Данная статья представляет собой попытку общего анализа дела 100 фонда 805 ГАКК.

«Толкование о рангах» является маньчжуро-китайско-русским тематическим словарем. Архивное дело состоит из 40 листов формата 21 × 15 см. Оформлен словарь в виде таблицы в алфавитном порядке: первая колонка содержит наименование титула/должности/учреждения на маньчжурском языке, вторая – на китайском, третья колонка (наиболее объемная по содержанию) представляет толкование термина на русском языке. Листы 1–37 полностью занимает тематический словарь, на листах 38–39 расположен текст на китайском языке (108 клеточек с иероглифами). Маньчжурские и китайские наименования представлены транскрипцией на русском языке (без иероглифического пояснения), это значительно затрудняет работу со словарем. Упомянутые ниже представленные транскрипцией с китайского названия чинов частично удалось перевести в иероглифический вид, часть титулов требуют более глубокого исследования и тщательной проверки. В процессе работы с «Толкованием о рангах» были привлечены маньчжурско-русский словарь, составленный В. П. Васильевым [Маньчжуро-русский словарь, 1866], маньчжурско-русский словарь, составленный И. Захаровым [Захаров, 1875], «Тайцин гурунь и Ухери коли, т. е. все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства» (перевод А. Леонтьева) [Тайцин гурунь, 2024].

Все названия чинов представлены в формате русской транскрипции с маньчжурского и китайского языка. В период создания документа написание маньчжурских и китайских терминов отличалось от современной транслитерации китайской лексики. Транскрипция маньчжурских терминов совпадает с написанием в переводах и словарях конца XVIII–XIX вв. Китайские термины представлены транскрипцией, наиболее распространенной до принятия транскрипции Палладия: она частично совпадает с современной. Отличия от палладицы есть в написании некоторых сочетаний: в «Толковании о рангах» «юй» пишется как «юу», «сяо» – как «сио», «чж» – как «дж» и т. п. В данной работе орфография автора в названиях и терминах полностью сохранена.

Автор «Толкования о рангах» традиционно придерживается деления чинов китайского государства на девять классов, в каждом из которых выделяются старшие и младшие чины. «Толкование о рангах», являясь тематическим словарем, содержит подробное описание титулов, чинов. Только в данном источнике можно встретить информацию о количестве служащих в какой-либо коллегии, иногда – о численности чиновников высокого ранга, военных чинов во всем государстве. Алиха амбаней (кит. 尚书 shàngshū, шаншу), именуемых президентами в коллегии, автор насчитывает семь персон [ГАКК, л. 2], адаха битхей да (ассессор в Сенате или секретарь младшего четвертого класса) в Дорги Ямуне на момент составления словаря находилось восемь человек [ГАКК, л. 2]. Практически все чины высших классов представлены точным количеством.

Стоит отметить, что понятие «чиновные люди» автор источника расширяет до титулов членов императорской семьи, родственников высших чинов. Титул «гунджу» (кит. 公主 gōngzhǔ) – «царевна или принцесса, ханская дочь» – и другие титулы женщин – членов императорской семьи, ханских семей также включены в словарь. В целом автор источника подробно описывает подобного рода титулы, которые не имеют класса, а являются скорее статусом, чем чином.

Толкование некоторых терминов дается весьма подробно, словарные статьи в деталях описывают функции чина. Например, наиболее известному в иерархии чинов титулу «амбань» посвящена целая страница. В переводе Леонтьева, словаре Васильева амбанем именуют вельможу [Маньчжуро-русский словарь, 1866, с. 14], представителя чиновника высших степеней [Тайцин ... , 2024, с. 332]. В словаре Захарова титулу «амбань» также уделено много внимания: помимо общего названия для всех чиновников государя, Захаров выделяет еще один важный аспект данного понятия – «вассал», так себя титуловали зависимые от Китая владельцы [Захаров, 1875, с. 44]. В «Толковании о рангах» автор также выделяет несколько функциональных значений термина «амбань». В первом значении амбань – «вельможа, министр, этим словом называются те, которые имеют ранг 1 или 2 класса» [ГАКК, л. 3 об.]. Далее следуют примеры должностей с добавлением титула «амбань». Во втором значении автор, как и Захаров, истолковывает титул как специфическую форму обращения нижних чинов к высшим: «оное слово также значит раба», имеется в виду обращение чинов чуть ниже к хану в переписке, донесениях. Истолкование титула «амбань» требует уточнения, связанного с эволюцией его функционального значения в разные периоды Цинской империи.

Расширенная статья посвящена «бойхони джургань» (кит. 戶部 hùbù). Большая часть названий коллегий в словаре переведена без пояснений, так как их функции отражены в самом переводе названия. Перевод «бойхони джургань» подробный: «Земская коллегия, которая ведала все государственные сборы, деревни, земли и содержит все государственные сборы и расходы, из которых все государственные чины получают жалованье» [ГАКК, л. 8]. В других маньчжуро-китайских словарях данный термин отсутствует – скорее всего, по причине широко используемого привычного названия «хубу».

Большое внимание автор уделяет восьмизнаменным войскам, подробно (на нескольких страницах) описывая как рода войск, так и офицерский состав. Толкование военных чинов сопряжено с численностью в войсках или в государстве в целом. Согласно данным автора источника, офицеров войск зеленого знамени (соответствуют капитану старшего пятого класса) 140 человек во всем государстве [ГАКК, л. 37], офицеров пехотных восьмизнаменных войск (майоры старшего четвертого класса) в каждом зна-

мени по три человека, а всего – 24 [ГАКК, л. 37], байрай джалани джангун (старший третий класс) во всех знаменах автор насчитывает 128 человек [ГАКК, л. 6] и т. д.

Данный словарь требует дальнейшего изучения, глубокого исследования с привлечением не только маньчжуро-русских словарей, но и современных китайских тематических словарей и трудов по представленной тематике китайских и отечественных историков. Значительная часть статей нуждается в подробных комментариях. Дальнейшая работа над «Толкованием о рангах» не только позволит ввести в научный оборот ценные материалы, но и может стать основой для создания современного маньчжуро-китайско-русского тематического словаря о чинах и титулах Цинского Китая.

Литература

- Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 805. Оп. 1. Д. 100.
Дацышен В. Г. К проблеме словарей в русском Китаеведении // Общество и государство в Китае. 2018. № 2. С. 851–865.
Захаров И. И. Полный маньчжурско-русский словарь, составленный преподавателем маньчжурского языка при Императорском Санкт-Петербургском университете, действительным стат. советн. Иваном Захаровым. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1875. 1174 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003587970/ (дата обращения: 13.05.2025).
Маньчжурско-русский словарь / сост. для руководства студентов проф. С.-Петерб. ун-та В. Васильевым. СПб., 1866 (2016). 134 с. URL: <https://elibr.rgo.ru/handle/123456789/211747?ysclid=maulkimse8160021510> (дата обращения: 13.05.2025).
Тайцин гурунь и Ухери коли, т. е. все законы и установления китайского (а ныне маньчжурского) правительства / пер. с маньчжур. яз. А. Леонтиева // Право народов Китая и Центральной Азии: Памяти Евгения Ивановича Кычанова (1932–2013). Сборник воспоминаний и научных трудов (историко-правовые исследования) / редкол. В. М. Рыбаков [и др.]. Екатеринбург : Урал. гос. юрид. ун-т, 2024. С. 327–493.

УДК 821.161.1

Л. В. Кульгавова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПИЩЕВОЙ КОД КУЛЬТУРЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ СКАЗКЕ «И ПЕРСТЕНЕК УПАЛ К ЕЕ НОГАМ»: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Рассматривается употребление в сказке «И перстенок упал к ее ногам» лексических единиц, объективирующих пищевой код культуры. Под объективацией пищевого кода подразумевается употребление лексических единиц, соответствующих гастрономическим реалиям средневековой Руси, что позволяет достичь большей исторической достоверности при описании жизни и быта героев произведения. Указывается, что пищевой и растительный коды культуры имеют зоны пересечения в тех концептуальных областях, в которых растения используются в гастрономических практиках. Отмечается, что, хотя сказка представляет собой художественный вымысел, следует соблюдать соответствие контексту времени и культуры.

Ключевые слова: поэтическая сказка, средневековая Русь, пищевой код культуры, гастрономические практики.

L. Kulgavova
Irkutsk State University, Irkutsk

FOOD CULTURE CODE IN THE POETIC FAIRY TALE “AND THE RING FELL AT HER FEET”: LEXICAL ASPECT

Abstract. The article examines the use of the lexical units objectifying the food code of culture in the fairy tale “And the Ring Fell at Her Feet”. The objectification of the food code means the use of the lexical units corresponding to the gastronomic realities from medieval Russia, which contributes to the historical accuracy in describing the characters’ lives and daily activities. It is indicated that the food and plant culture codes intersect in certain conceptual areas, such as those related to the use of plants in gastronomic practices. The article emphasizes that although the fairy tale is a work of fiction, it should comply with the context of time and culture.

Keywords: poetic fairy tale, medieval Russia, food culture code, gastronomic practices.

В поэтической сказке «И перстенок упал к ее ногам» [Кульгавова, 2025], написанной по мотивам русских народных сказок, рассказывается о детстве главного героя Ивана и его взрослении, знакомстве с учителем-колдуном и овладении лукавым ремеслом, волшебных превращениях и диковинах, приключениях в Заморье, борьбе за справедливость и обретении счастья. Темпоральная референция произведения не имеет четких границ и представлена размытым временным отрезком средневековой Руси.

Настоящая статья посвящена рассмотрению лексических единиц, объективирующих в сказке пищевой код культуры.

Под объективацией пищевого кода в сказке подразумевается употребление лексических единиц, соответствующих отдельным гастрономическим реалиям средневековой Руси, что позволяет достичь большей исторической достоверности при описании жизни и быта героев произведения.

1. Напитки

К напиткам, упоминающимся в сказке, относятся вода/водица, козье молоко, водка, вино шипучее, мед/мед-пиво.

Идеальным средством для утоления жажды в любую погоду традиционно является вода:

Он мучим страшной жаждой / (Водицы бы испить!) / И просит одну девушку / Воды ему налить [Кульгавова, 2025, с. 82].

Скромный обед небогатого человека мог состоять из воды и хлеба:

Старик воды напился, / Лепешкой закусил... [Кульгавова, 2025, с. 27].

Крестьянское хозяйство семьи главного героя было маломощным, поэтому в сказке речь идет о козьем молоке:

Прополет в огороде, / Глядь – козочку доит... [Кульгавова, 2025, с. 7].

В России водка появилась в конце XIV в. Первую водку (*Aqua Vitae* «живая вода») привезло в Москву в 1386 г. генуэзское посольство. На Руси

водка имела разные названия, в частности называлась *хлебным вином* и вырабатывалась из ржи, пшеницы или ячменя [Михайлов, 2012].

Пример из сказки:

А водка шибко крепкая – / Старик и захмелел; / В доверчивой головушке / Будто ковыль шумел. <...> / Старик дал сильно маху: / За чаркой еще две – / Уже не вяжет лыка / И бесы в голове [Кульгавова, 2025, с. 76–77].

Виноградные (заморские) вина были напитками редкими и дорогими. «Они делились на "греческие" (привозились с территорий Византийской империи) и "сурьские" (то есть "сирийские" – это вина из Малой Азии). Покупалось виноградное вино в основном для нужд Церкви. Но часто вина не хватало даже для причастий, и тогда его приходилось заменять олуем (разновидность пива). Вне церкви "заморское" вино мог позволить подать к столу лишь князь или богатый боярин, да и то не каждый день, а по праздникам. При этом вино, в соответствии с греческой традицией, вплоть до XII века разбавляли водой» [Рыжов, 2021]. Вина попадали на столы русской знати как изысканное угощение [Кабакова]. В сказке крепкой водке противопоставляется шипучее заморское вино. Оно представлено как диковинный продукт, обладающий особыми качествами, отличающими его от водки:

...А вино шипучее / Будоражит кровь. / Совсем не то что водка: / В голову не бьет, / А томно и приятно / По крови течет [Кульгавова, 2025, с. 93–94].

Одним из важнейших продуктов питания для людей, живших на Руси в период Средневековья, и, соответственно, для сказочных героев был мед, употреблявшийся в пищу не только как напиток. Слово *мед* встречается в сказке восемь раз, что связано со значимостью данного пищевого продукта в рационе русского человека того исторического периода. Доступность и виды меда различались в зависимости от социального статуса и способа приготовления. Мед пили и ели как в обычной повседневной жизни, так и в праздники.

На свадьбе пир горюю, / Мед по усам потек [Кульгавова, 2025, с. 122].

Перечисление товаров, продававшихся на базаре в городе, включает и мед, характеризующийся эпитетом *душистый*:

И душистый мед [Кульгавова, 2025, с. 59].

Дикий мед и воск диких пчел добывали в дуплах деревьев в лесу, поэтому в сказке речь идет о бортении:

Язык и пчел, и птиц / Учился понимать. / Бывало, в бор уходит, / Чтоб дикий мед собрать. / Однажды случай вышел: / Медведя испугал... / Иван в лесу далеком / Мед дикий бортывал [Кульгавова, 2025, с. 9].

2. Грибы и ягоды

Помимо сбора дикого меда, главный герой сказки Иван занимался собирательством ягод и грибов:

А ягод на опушках – / Тьма-тьмущая кругом! / Чуть солнышко встанет, / Иван уж в лес бегом [Кульгавова, 2025, с. 9].

А летом – вот раздолье! – / По белые грибы, / Чтоб жарить и сушить. / Ох, вкусные они! / Пирог с грибами чуден, / Пикантность лук придаст. / Грузди собирать – / У Ивана страсть. / Он к рыжикам питал / Особый интерес, / За красно-желтым лакомством / Бежал вприпрыжку в лес [Кульгавова, 2025, с. 7, 9].

С мохнатыми груздями, / Холодными в соку [Кульгавова, 2025, с. 117].

В книге идет речь только о трех видах грибов – белых грибах, груздях и рыжиках. На протяжении многих веков грибы были важной составляющей рациона русского человека. Однако еще 400 лет назад на Руси не собирали ничего, кроме белых грибов, груздей и рыжиков. Причиной этого являлось отсутствие у этих грибов двойников, т. е. похожих на них ядовитых грибов. Грузди и рыжики варили, жарили, использовали в качестве грибной начинки для пирогов. Белые грибы тоже готовили разными способами. Грибные блюда особенно ценились в пост, когда мясо полностью исключалось из меню. На званые обеды подавали белые грибы с хреном, рыжики с маслом, грузди холодные в соку и другие грибные блюда [Маслята ...].

3. Щи и каша

Паремиологический фонд русского языка, являясь хранилищем национальной культуры и представляя собой ценное лингвистическое наследие народа, отображающее его историю, обычаи и традиции, содержит большое количество языковых манифестаций, объективирующих концепты «щи» и «каша». Например:

Щи да каша – пища наша.

Щи да каша – еда наша.

Щи да каша – мать наша.

Щи да каша – кормилицы наши.

Где щи да каша, там и место наше.

Каши нет – щей больше лей.

Щи белены, каши нет – это девичий обед.

Щи хоть кнutom хлещи: пузыри не вскочат, брюха не обкормят.

Каша – мать наша, а хлеб – кормилец.

Не наша еда орехи, а наша – каша.

Без каши обед не в обед.

Русского мужика без каши не накормишь.

Хороша кашка, да мала чашка.

Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец наш родной.

Гречневая каша сама себя хвалит: я-де с маслом хороша.

Овсяная каша хвалилась, что с коровьим маслом родилась.

Кашу маслом не испортишь.

Густая каша семьи не разгонит.

В сказке щи и каша упоминаются в следующих контекстах:

Позавтракали кашей, / Запив ее медком [Кульгавова, 2025, с. 70].

Печет лепешки вкусно, / Знает, как щи варить. / С такою бы женою / Жить и не тужить! [Кульгавова, 2025, с. 96].

А скатерть-самоварка / Сама накроет стол / С кашей, щами, рыбой / (Свеженький засол)... [Кульгавова, 2025, с. 116].

4. Хлеб

Хлебные продукты представлены в сказке тремя лексическими единицами – *пирог*, *каравай* и *лепешка*. Слова *пирог* и *каравай* встречаются по одному разу, слово *лепешка* – три раза.

На Руси лепешки были распространены с Х в. [История ...]. Изначально их готовили без дрожжей и заквасок, они были пресными и плоскими.

По замыслу автора, лепешки символизируют в сказке простую пищу бедного человека, которая хороша и для сытного обеда, и для перекуса в дороге:

Старик воды напился, / Лепешкой закусил... [Кульгавова, 2025, с. 27].

Лепешек напекут, / Насолят огурцов, / Капусты понаквасят – / И пир горой готов! [Кульгавова, 2025, с. 6].

5. Овощи и фрукты

Овощи представлены в сказке следующими лексическими единицами: *огурцы*, *капуста*, *репа*, *морковь*. Последний пример объективирует информацию о том, что в средневековой Руси были распространены практики консервирования продуктов, например соление и квашение. «Квашение овощей в Средние века было единственным способом сохранить урожай. Капуста появляется в славянской культуре примерно в VIII–IX вв., постепенно занимая устойчивое место, хотя и не обладая сверхвысокой питательной ценностью» [Квашеная ...]. Квашеная капуста была популярным блюдом: ее ели и знать, и крестьяне.

Гастрономические практики в Заморье включают такое фруктовое лакомство, как апельсины, использованные в сказке для того, чтобы противопоставить их гастрономическим практикам соотечественников Ивана, питавшихся более скромно:

*В их царстве апельсины – / Не репа и морковь... <...> Отколь сии ди-
ковины? / Отцова благодать – / Царь с иноплеменными / Умеет торго-
вать* [Кульгавова, 2025, с. 93, 94].

Апельсины в сказке противопоставляются репе как символу простоты в народном творчестве, что отражается в поговорке *Проще пареной репы*.

Читатель поэтической сказки может задаться вопросом о том, почему в поэме не упоминается картофель. Картофель был завезен в Россию из

Европы позднее – во времена Петра I, а массовое внедрение картофеля в севооборот относится уже к временам Екатерины II.

6. Рыба

В средневековой Руси практиковались ловля рыбы и ее приготовление разными способами, например из рыбы варили уху, рыбу сушили.

Пример из сказки:

А как наловит рыбы, / Так радость старикам. / Мать ухи наварит – / Аж ложка стоит там! [Кульгавова, 2025, с. 7].

В описании товаров, продававшихся на базаре в городе, встречается сухая рыба [Кульгавова, 2025, с. 59].

Косвенная интерпретация рыбы как пищевого продукта дана в следующих ситуациях:

1) в описании магической практики колдуна: слово *карась* употребляется в сказке пять раз, *карасик* – один раз;

2) в описании схватки Ивана и учителя-колдуна, где упоминаются такие рыбы, как ерш, сом, лещ, щука.

Анализ лексических единиц в сказке показывает, что пищевой код культуры имеет зоны пересечения с растительным кодом культуры в тех концептуальных областях, в которых растения используются в гастрономических практиках. Употребление в сказке лексических единиц, именующих пищевые реалии средневековой Руси, а также растительные реалии, участвовавшие в гастрономических практиках, позволяет достичь исторической достоверности при описании жизни и быта героев произведения. Несмотря на то что сказка представляет собой художественный вымысел, важно соблюдать соответствие контексту времени и культуры.

Литература

История со вкусом. Древний хлеб: калабуха, ботанец, жбень. URL: <https://kulpole.ru/article/istoriya-so-vkusom.-drevnij-hleb-kalabuha-botanec-zhben> (дата обращения: 15.05.2025).

Кабакова Г. Что мы знаем о кухне Древней Руси. URL: <https://arzamas.academy/materials/2244> (дата обращения: 18.05.2025).

Квашеная капуста. URL: <https://nastroenie.tv/episode/243480> (дата обращения: 26.05.2025).

Кульгавова Л. В. И перстенок упал к ее ногам : поэт. сказка. Иркутск : Аспринт, 2025. 128 с.

Маслята, опята и лисички: почему на Руси не ели эти грибы // Кириллица. URL: <https://cyrillitsa.ru/past/164308-maslyata-opyata-i-lisichki-pochemu-na-rusi.html> (дата обращения: 06.01.2025).

Михайлов А. 19 июня 1751 года слово «водка» впервые попало в государственный акт // Правда.Ру. 19.06.2012. URL: <https://nasledie.pravda.ru/1119706-vodka/> (дата обращения: 17.05.2025).

Рыжов В. А. Алкогольные традиции в русских княжествах и Московском царстве // Военное обозрение. 15.06.2021. URL: <https://topwar.ru/183962-alkogolnye-tradicii-v-russkikh-knjazhestvah-i-moskovskom-carstve.html> (дата обращения: 11.04.2025).

КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СО СТРАНАМИ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Отмечается, что в XXI в. содержание понятия национальной безопасности постоянно расширяется: культура как важнейшая составляющая «мягкой силы» всё более активно интегрируется в ее стратегию. Подчеркивается, что в условиях глобализации и многополярности культурный обмен не только затрагивает имидж и влияние государства, но и оказывает влияние на международное доверие и сотрудничество в сфере безопасности. С философской точки зрения рассматривается роль культурных обменов в стратегии восточного вектора России для национальной безопасности.

Ключевые слова: культурный обмен, национальная безопасность, стратегия поворота на Восток, философская перспектива.

Liu Ruiwei

Transbaikal State University, Chita

CULTURAL EXCHANGE AND NATIONAL SECURITY: A PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE ON THE COOPERATION BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND ASIA-PACIFIC COUNTRIES

Abstract. The content of national security is constantly expanding in the 21st century. Culture, as an important component of soft power, is increasingly integrated into its strategy. Cultural exchange affects not only the image and influence of the state in the context of globalization and multipolarity. It affects international trust and cooperation in the field of security. The article examines the role of cultural exchanges in the strategy of Russia's eastern vector for national security from a philosophical point of view.

Keywords: cultural exchange, national security, turn to the East strategy, philosophical perspective.

Связь между культурой и национальной безопасностью проистекает из философского переосмысления сущности безопасности. Традиционное понимание национальной безопасности сосредоточено на военной сфере и обороне как элементах «жесткой» безопасности, тогда как современная концепция безопасности акцентирует внимание на ее комплексном характере, охватывающем политическую, экономическую, социальную и культурную составляющие. Культурный обмен, являясь инструментом «мягкой силы», способствует укреплению взаимопонимания, снижению уровня недоверия и конфликтных рисков.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) государства постепенно отходят от традиционного конфронтационного восприятия безопасности и переходят к концепции общей безопасности, основанной на диалоге и сотрудничестве. Как отмечает китайский исследователь Юй Цзяньцзюнь:

«Страны АТР приняли концепции общей и кооперативной безопасности, выступают за принципы консенсуса, добровольности и постепенности, настаивают на решении региональных проблем безопасности путём контактов, обмена, диалога и консультаций, тем самым формируя многостороннюю модель безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона» [余建军, 2007, с. 103].

Эта модель отражает философское основание безопасности как коллективного блага, подчеркивая ее взаимозависимость: «выигрывают все – проигрывают все». В этом контексте укрепление культурных обменов, образовательного сотрудничества и народной дипломатии способствует формированию доверия и созданию прочной социальной базы региональной безопасности, что делает ее важным путем к достижению устойчивого мира.

С начала XXI в. Россия постепенно переориентирует свою стратегию с «европоцентризма» на «восточное направление», что отражается не только в изменении геополитических и экономических приоритетов, но и в перестройке культурной стратегии.

Так называемый поворот на Восток означает, по словам Ма Бо, «с одной стороны, активизацию освоения Дальнего Востока и Сибири, а с другой – развитие всесторонних отношений с государствами АТР» [马博, 2017, р. 50], что призвано ослабить глубоко укоренившееся в российской политической культуре «западоцентричное» мышление.

При этом корректировка культурной стратегии играет ключевую роль, особенно в формировании понимания и признания азиатской культуры среди населения восточных регионов России, тем самым создавая общественную опору для восточного вектора развития. Как справедливо отмечает Лю Фэнхуа, китайско-российские отношения уже поддерживаются пятью основными опорами: политику, экономику и торговлю, энергетику, дипломатию и военно-техническое сотрудничество. «А с развитием гуманитарного обмена и сотрудничества между двумя странами формируется и шестая опора» [柳丰华, 2019, р. 21].

В. Л. Ларин отметил: «Россия должна активно содействовать культурному обмену в Азиатско-Тихоокеанском регионе, чтобы жители российского Дальнего Востока могли адаптироваться к культуре и традициям этого региона» [拉林, 2013, р. 24]. Повышая уровень осведомленности о языках, религии и обычаях АТР, Россия создает благоприятную культурную атмосферу внутри страны, способствуя консолидации общества и демонстрируя открытость вовне. Это, в свою очередь, способствует более глубокой ее интеграции в систему безопасности и развития Азиатско-Тихоокеанского региона.

На фоне стратегии «поворота на Восток» гуманитарное сотрудничество между Китаем и Россией продолжает углубляться и становится важной опорой двусторонних отношений. Еще во времена Советского Союза и в 1990-е гг. страны начали активное взаимодействие в сферах науки, образования и культуры.

В XXI в. проведение годов стран, годов языка, годов молодежных обменов и других мероприятий способствовало формированию устойчивых механизмов гуманитарного сотрудничества и значительно увеличило интенсивность межгосударственных и межобщественных контактов. Такое сотрудничество приносит значительные стратегические эффекты.

С одной стороны, российско-китайское гуманитарное сотрудничество создает платформу для стратегического диалога между Китаем и Россией, укрепляя доверие в сфере безопасности; с другой – расширяет общественную базу двусторонних отношений, способствует формированию рационального восприятия между народами двух стран, снижая уровень недопонимания и взаимной настороженности.

Сюн Гуанкай отмечает: «Гуманитарное сотрудничество и народная дипломатия между Китаем и Россией стремительно развиваются, а стратегическое взаимодействие по международным и региональным вопросам становится все более тесным» [熊光楷, 2013, р. 5]. Таким образом, культурное сотрудничество приобретает стратегическое значение и становится важной движущей силой укрепления всеобъемлющего стратегического партнерства в новую эпоху.

Например, в рамках Шанхайской организации сотрудничества обе страны активно развивают взаимодействие в области культуры и образования, тем самым усиливая стратегическое доверие. В процессе сопряжения инициативы «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза Китай и Россия используют механизмы культурного обмена на региональном уровне для укрепления взаимопонимания и поддержки среди населения стран-участниц.

Практика показывает, что культурный обмен становится ключевым инструментом Китая и России в обеспечении стабильности и развития Азиатско-Тихоокеанского региона. Это способствует формированию региональной системы безопасности, основанной на мире и общем процветании.

Культурный обмен занимает все более значимое место в системе национальной безопасности. Для России «поворот на Восток» представляет собой не только коррекцию геополитического и экономического курса, но и философскую трансформацию концепции безопасности – стремление укрепить ее посредством развития «мягкой силы» через культурное сотрудничество. Взаимодействуя с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, Россия стремится сформировать образ полноправного участника азиатского сообщества безопасности, одновременно обеспечивая защиту своих восточных территорий и реализуя стратегию великой державы.

Культурное сотрудничество Китая и России в Азиатско-Тихоокеанском регионе уже перешло на стратегический уровень и стало философским основанием как для укрепления двусторонних отношений, так и для поддержания региональной стабильности.

В перспективе, при условии дальнейшего расширения общих интересов, углубления стратегического доверия и активизации культурного взаимодействия, Китай и Россия способны сформировать синергетический потенциал, который окажет положительное влияние не только на регион, но и на глобальный порядок.

По замечанию Фэн Шаолэй, «совместные усилия Китая и России способны не только изменить расстановку сил, но и духовно и психологически вдохновить мир, придав уверенности и энергии для более разнообразного развития» [冯绍雷, 2013, p. 11]. Именно такая уверенность и энергия являются ценным ресурсом для поддержания мира и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Таким образом, с философской точки зрения культурный обмен стал незаменимым стратегическим элементом взаимодействия России с государствами АТР, способствуя преодолению «мышления с нулевой суммой» и формированию новой модели партнёрства в сфере безопасности, основанной на диалоге, взаимоуважении и совместном развитии.

Литература

拉林, 高原 (译), 糜绪洋 (校). 愿景的方向与可能性的边界: 对俄罗斯制定 21 世纪上半叶亚太地区战略的几点意见. 俄罗斯研究, 2013, (2), pp. 24–41.

柳丰华. 未来十年中俄战略协作的关键——维护亚太地区的稳定与发展. 俄罗斯学刊, 2019, 9(4), pp. 20–33.

马博. 俄罗斯“转向东方”战略评析——动机、愿景与挑战. 俄罗斯研究, 2017, 0(3), pp. 49–75.

熊光楷. 深化中美俄三边关系, 维护亚太和平与稳定. 俄罗斯研究, 2013, (2), pp. 3–9.

冯绍雷. 面向亚太地区未来的中俄关系. 俄罗斯研究, 2013, (02), pp. 10–23.

余建军. 亚太安全合作的方式. 国际政治科学, 2007, (2), pp. 90–112, 154.

顾炜. 俄罗斯东向战略的安全化: 特点、动因与前景. 东北亚学刊, 2023, (2), pp. 57–74, 148.

УДК 811.161.1'37

М. Е. Новичихина

Воронежский государственный университет, Воронеж

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ СХОДСТВА СЛОВЕСНЫХ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ, ОТЛИЧАЮЩИХСЯ УДАРНЫМ ЗВУКОМ

Аннотация. Анализируются трудные случаи лингвистической экспертизы товарных знаков. Обсуждаются дискуссионные вопросы определения звукового сходства до степени смешения словесных товарных знаков. Показывается, что исследование товарных знаков, отличающихся ударным звуком, должно осуществляться с учетом степени семантической идентификации и последующего распознавания лексем, составляющих обозначения, потенциальным потребителем.

Ключевые слова: товарный знак, сходство до степени смешения, ударный звук, лингвистическая экспертиза.

M. Novichihina

Voronezh State University, Voronezh

ON THE PECULIARITIES OF THE INVESTIGATION OF CONFUSING SIMILARITY OF VERBAL TRADEMARKS DISTINGUISHED BY AN ACCENTED SOUND

Abstract. The purpose of the publication is to analyze the difficult cases of linguistic expert examination of trademarks. Discussion issues of determining sound confusing similarity of verbal trademarks are discussed. It is shown that the study of trademarks distinguished by an accented sound should be carried out taking into account the degree of semantic identification and subsequent recognition of the lexemes constituting the names by a potential consumer.

Keywords: trademark, confusing similarity, accented sound, linguistic expert examination.

Словесный товарный знак, являясь, с одной стороны, сугубо юридическим понятием, трактуемым в соответствии с ГК РФ [Гражданский кодекс ...], становится тем не менее объектом пристального лингвистического изучения.

Отчасти это обусловлено тем, что законодательство накладывает ограничения на возможность регистрации того или иного обозначения как товарного знака (нельзя регистрировать обозначения, сходные с существующими).

Естественно, что вывод о таком сходстве (или, соответственно, несходстве) формируется на основании учета и звукового сходства, и семантического, и графического (если товарный знак является изобразительным, а также в случаях, когда словесный товарный знак содержит визуальную составляющую). Исследование же некоторых названных видов сходства (в частности, звукового и семантического) требует сугубо лингвистических познаний и осуществляется в рамках так называемой лингвистической экспертизы.

Лингвистическая экспертиза представляет собой исследование продуктов речевой деятельности с целью установления и обоснования юридически значимых фактов. Это «процессуально регламентированное лингвистическое исследование устного и/или письменного текста, завершающееся дачей заключения по вопросам, разрешение которых требует применения специальных познаний в языкознании...» [Судебная ..., 2018, с. 126].

В контексте данной публикации мы будем говорить о таком виде сходства, как звуковое (иногда его называют аудиальным), и, соответственно, о лингвистической экспертизе товарных знаков на предмет звукового сходства (несходства).

Алгоритм исследования товарных знаков на предмет звукового сходства описан в ряде документов Роспатента (см.: [Правила ..., 2003; Методические ..., 2009] и др.). На практике этот алгоритм сопровождается расчетом количественного показателя – коэффициента звукового сходства

(о расчете этого показателя см. подробнее: [Новичихина, 2016, с. 79]). При этом критерием отнесения обозначений к сходным в звуковом отношении является коэффициент звукового сходства, превышающий или равный 50 %.

Может показаться, что такая четкая алгоритмизация исследования, а также введение и расчет конкретных количественных показателей избавляют от различных непредвиденных обстоятельств в процессе работы. Между тем выясняется, что исследование звукового сходства товарных знаков сопряжено с целым рядом как прогнозируемых, так и непрогнозируемых трудностей, а также появлением следующих дискуссионных вопросов:

- вопрос о методике анализа звукового сходства товарных знаков, один из которых (или же оба) выполнен латинским шрифтом (следует ли в данном случае подвергать исследованию русский звуковой аналог?);
- вопрос о необходимости учета значимости начальных звуков обозначения (бесспорно, определяющих звуковое восприятие) в процессе количественных расчетов;
- предписание документов Роспатента [Правила ..., 2003] исследовать число слогов в сопоставляемых обозначениях и мн. др.

Еще одна проблема связана со следующей практикой Роспатента: не единожды принималось решение об отказе в регистрации обозначения в тех случаях, когда это обозначение отличалось от ранее зарегистрированного единственным (однако ударным) звуком.

Например, в п. 4.2.1.2. «Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство» близость звучания начальных частей обозначений и их конечных частей трактуется как весомое основание для формулировки вывода о звуковом сходстве обозначений, при этом в качестве примера приводится пара обозначений ZIBO – ZEBO, которая представляет собой именно такую пару [Методические ..., 2009].

Не останавливаясь сейчас подробно на истоках нашего вывода о причинах трактовки в качестве ударных в обозначениях ZIBO и ZEBO именно различающихся звуков (отметим лишь, что об этом свидетельствует пилотный эксперимент, проведенный с 50 носителями русского языка), заметим, что на первый взгляд здесь все логически верно, поскольку в рассматриваемых обозначениях совпадает большинство звуков. Отличие же в один звук способно лишь незначительно скорректировать аудиальный ряд обозначения. Коэффициент звукового сходства таких обозначений достаточно высок (75 %).

Конечно, при расчете такого коэффициента нередко предлагается удваивать вес ударного звука (см., например: [Журавлев, 1991, с. 31], [Журавлев, 1974, с. 122]), однако и такое удваивание приводит к высоким показателям и не позволяет сформулировать однозначные выводы.

С нашей точки зрения, к решению вопроса о сходстве обозначений, отличающихся одним звуком, не следует подходить единообразно, каждая ситуация требует индивидуального разрешения.

Конечно, в случае семантически незнакомых единиц вывод об их смешении с другими, отличающимися лишь ударным звуком, вполне закономерен. Подчеркнем, однако, что семантически различимые единицы в этой же ситуации не становятся предметом смешения. Это целиком совпадает с логикой звукового восприятия носителя языка, для которого становятся абсолютно различимыми в звуковом отношении все лексические единицы, различающиеся ударным звуком (даже при тождестве остального звукового состава), например: *лес* и *лис*, *балка* и *булка* и т. п.

Получается, таким образом, что звуковой анализ нельзя осуществлять в отрыве от семантического исследования и изучения особенностей идентификации и понимания спорных обозначений конкретным адресатом – потребителем товаров и услуг.

Конечно же, подобные обозначения могут смешиваться носителями других языков (например, эксперимент со студентами-иностранцами – носителями китайского языка показал, что в 70 % случаев такое смешение действительно возникает). Что же касается носителей родного языка, то обсуждаемое смешение не возникает в принципе.

Размышления по поводу описанной проблемы позволили наметить следующую методику исследования звукового сходства обозначений, различающихся ударным звуком:

- 1) определение целевой аудитории сопоставляемых обозначений (товарных знаков);
- 2) определение происхождения лексем, образующих обозначения;
- 3) в случае их иноязычного происхождения для выявленной целевой аудитории правомочно сформулировать вывод о звуковом сходстве обозначений – это полностью соответствует предписаниям документов Роспатента и принимаемым Роспатентом решениям. Исключения составят лишь общеизвестные лексемы иноязычного происхождения (например, *love*, *money* и т. п. – даже в том случае, когда речь идет о потребителе – носителе русского языка);
- 4) в случае фантазийности, неологичности сопоставляемых обозначений также правомочно сформулировать вывод об их звуковом сходстве. Исключения будут составлять лишь те фантазийные обозначения, которые созданы в соответствии с продуктивными словообразовательными моделями (например, обозначения типа «Фурнителъ», «Фосфорелъ», «Мясоедов», «Комфортастика», «Зоовет», «Ювелюкс» и мн. др.). Эти названия сформированы по моделям, уже имеющимся в языке – именно это обуславливает их понимаемость.

5) в случае принадлежности лексем, составляющих обозначения, к языку выявленной целевой аудитории необходимо оценить степень известности этих лексем среди носителей языка – представителей целевой аудитории. Степень известности определяется различными способами, например, по результатам анализа словарей частотности языка, опросов респондентов и др. Результаты реализации этих способов позволяют сформулировать выводы следующим образом:

- в случае известности лексем, составляющих обозначения, среди выявленной целевой аудитории формулируется вывод об их звуковом несхождении;

- в случае неизвестности (или осложненной семантической идентификации и дифференциации лексем, составляющих обозначения – например, «Арьергард») – формулируется вывод об их сходстве.

В целом анализ описанной и возникающей на практике проблемы позволяет сформулировать следующие выводы:

- задача о звуковом сходстве товарных знаков не должна решаться единообразно;

- исследование словесных товарных знаков, отличающихся ударным звуком, должно осуществляться с учетом степени семантической идентификации и последующего распознавания лексем, составляющих обозначения, потенциальным потребителем;

- методика сопоставления обозначений, отличающихся ударным звуком, при реализации алгоритма исследования на сходство требует дополнительного научного осмысления лингвистическим сообществом, а также тщательной практической апробации;

- методика исследования товарных знаков, отличающихся ударным звуком, на предмет сходства до степени смешения должна стать частью общей методики звукового анализа спорных товарных знаков.

Литература

Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 30.04.2025).

Журавлев А. П. Звук и смысл. М. : Просвещение, 1991. 160 с.

Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1974. 160 с.

Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство (утв. приказом Роспатента от 31.12.2009 № 197 «Об утверждении Методических рекомендаций по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство»). М., 2009.

Новичихина М. Е. О некоторых спорных моментах в исследовании звукового сходства товарных знаков // X Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы Междунауч.-практ. конф. Севастополь, 18–20 сент. 2016 г. / ФГАОУ ВО «СГУ». Севастополь : Шико-Севастополь, 2016. С. 77–82.

Правила составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания (утв. приказом Роспатента от 5 марта 2003 г. № 32, зарег. в Минюсте России 25.03.2003 г., рег. № 4322.). М., 2003.

Судебная экспертиза в гражданских процессах : науч.-практ. пособие. М. : Проспект, 2018. 702 с.

ОБРАЗ РОССИИ В КИТАЙСКИХ МЕДИАХОЛДИНГАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНИМАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ ТЕОРИЙ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Исследуется образ России в китайских медиахолдингах с точки зрения интеграции регионоведческих и востоковедческих теорий с использованием лингвистических и культурологических методов для углубленного понимания. Отмечается, что с ускорением глобализации и углублением регионального сотрудничества обмена и кооперация между Китаем и Россией в политической, экономической, культурной и других областях участились, а сообщения китайских СМИ и внимание к России растут день ото дня.

Ключевые слова: Россия, китайские медиахолдинги, региональные исследования, востоковедение, язык и культура, национальный имидж, кросс-культурные исследования, содержание репортажей, культурные коннотации.

Ou Guanyuan

Transbaikal State University, Chita

THE IMAGE OF RUSSIA IN CHINESE MEDIA HOLDINGS: LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECTS OF UNDERSTANDING IN THE CONTEXT OF INTEGRATION OF THEORIES OF REGIONAL STUDIES AND ORIENTAL STUDIES

Abstract. "Russia's Image in Chinese Media Holdings: Linguistic and Cultural Understanding in the context of the integration of Regional Studies and Oriental Studies Theories" explores Russia's image in Chinese media holdings from the perspective of the integration of regional studies and Oriental studies theories, and uses linguistic and cultural methods for in-depth understanding. With the acceleration of globalization and the deepening of regional cooperation, exchanges and cooperation between China and Russia in political, economic, cultural and other fields have become more frequent, and Chinese media reports and attention to Russia have also increased day by day.

Keywords: Russia, Chinese media holdings, regional studies, Oriental studies, language and culture, national image, cross-cultural studies, reportage content, cultural connotations.

Исследование показало, что освещение России китайскими СМИ отличается диверсификацией и углублением, так как они не только уделяют внимание основным событиям и политическим тенденциям на национальном уровне, но и глубоко исследуют ее уникальное очарование и ценность на социальном и культурном уровнях. В то же время китайские СМИ также демонстрируют свое понимание русской культуры и уважение к ней в процессе освещения событий, показывают богатство и разнообразие образа России через призму языка и культуры.

Движимые волной глобализации обмена и сотрудничество между странами становятся все более активными. Средства массовой информации играют ключевую роль в формировании и передаче имиджа страны. Китай и Россия являются партнерами по всестороннему стратегическому

сотрудничеству, и развитие их отношений не только затрагивает интересы двух стран, но и оказывает глубокое влияние на международную обстановку. С углублением китайско-российских отношений освещение России китайскими СМИ растет день ото дня, поэтому имидж России в китайских медиахолдингах постепенно оказывается в центре внимания не только научных кругов.

Мы, вслед за Лю Янь, придерживаемся мнения, что для более полного понимания образа России в китайских СМИ необходимо предпринять попытку объединить три теории – регионализм, ориентализм и взаимообусловленность языка и культуры, что, в свою очередь, обеспечит новую перспективу для данного исследования [刘岩, 2012, 第242页]. Хэ Сюань отмечает, что регионализм дает нам макрорегиональную перспективу, которая помогает понять политическую, экономическую и культурную специфику конкретного региона; ориентализм фокусируется на глубоком исследовании восточных стран, выявляя их уникальные культурные особенности и контекст исторического развития; а лингвокультура раскрывает культурные коннотации и когнитивные искажения в средствах массовой информации, где отчеты составляются с помощью лингвистического анализа [贺绚, 2007, 第141页]. По мнению Лу Наньцюань, с помощью данных подходов возможен углубленный анализ образа России в китайских СМИ; изучение его характеристик, выявление влияния образа России на китайско-российское сотрудничество в различных областях [陆南泉, 2015, 第28页]. В то же время, как пишет Ли Цзинцзе, мы рассматриваем отражение возможностей и вызовов китайско-российского сотрудничества в области СМИ и предполагаем возможность новых идей для обмена информацией и сотрудничества между двумя странами [李静杰, 2007, 第57页].

В условиях глобализации Китай и Россия, являясь важными мировыми державами, развивают свои отношения, которые оказывают глубокое влияние на международную ситуацию. В условиях углубления всестороннего стратегического сотрудничества и партнерства между Китаем и Россией средства массовой информации, являясь важным механизмом распространения информации, играют жизненно важную роль в формировании и трансляции китайско-российских отношений.

Освещение России китайскими СМИ не только отражает политические, экономические и культурные условия в России, но и влияет на восприятие и отношение китайского народа к России. Поэтому, по замечанию Чжан Шимин, изучение имиджа России в китайских медиахолдингах имеет большое значение для укрепления взаимопонимания между Китаем и Россией и для содействия дальнейшему развитию отношений между двумя странами [张世明, 2005, 第114页].

Китайские СМИ освещают Россию во многих областях, таких как политика, экономика, культура и общество. С политической точки зрения

они уделяют внимание внутренним делам и дипломатии России, международному статусу и развитию китайско-российских отношений. С экономической стороны в репортажах основное внимание направлено на экономическое развитие России, динамику рынка и перспективы китайско-российского экономического и торгового сотрудничества. Что касается культурной стороны, то здесь представлены исторические традиции России, народные обычаи, культурные и художественные достижения и т. д. Благодаря углубленному анализу содержания этих репортажей мы можем прийти к выводу, как пишут Чэнь Сянлян, Тэн Хуэйи, что освещение России китайскими СМИ является объективным и всеобъемлющим процессом, который отражает не только ее истинное лицо, но и внимание китайских СМИ к России [陈宪良, 滕惠伊, 2019, 第25页].

В данной ситуации язык является носителем культуры и незаменимым элементом освещения событий в средствах массовой информации. Когда китайские СМИ пишут о России, языковой стиль, подбор лексики и методы выражения, используемые ими, содержат богатые культурные коннотации. Например, при описании политической системы и экономического развития России китайские СМИ могут придерживаться более формального и строгого языкового стиля; при представлении российской культуры и искусства они используют более яркий и наглядный язык.

На это обращает внимание Ван Цзоюй, отмечая, что эти языковые особенности не только отражают восприятие России китайскими СМИ, но и влияют на узнаваемость образа России читателями [王作剩, 2021, 第58页]. В то же время сообщения СМИ содержат уникальные культурные коннотации, связанные с Россией, отражающие российские исторические традиции и народные обычаи, которые дают китайским читателям возможность лучше понять русскую культуру.

Являясь важной частью национального имиджа, имидж России в средствах массовой информации оказывает значительное влияние на развитие китайско-российских отношений. Он влияет не только на восприятие и отношение китайского народа к России, по замечанию Дин Вэньцзин, но и на обмены, сотрудничество между Китаем и Россией в политической, экономической, культурной и других областях [丁文静, 2019, 第189页]. Позитивный имидж в средствах массовой информации помогает укрепить взаимопонимание и доверие между двумя народами и способствует дальнейшему развитию отношений между странами, в то время как негативный имидж может вызвать недоразумения и подозрения, препятствуя нормальному развитию отношений.

Благодаря постоянному развитию новых медиатехнологий китайско-российское сотрудничество в области СМИ также сталкивается с новыми возможностями и вызовами, по замечанию Ли Суйань [李随安, 2007, 第54页]. Мы должны использовать возможности, отвечать на вызовы и способ-

ствовать укреплению китайско-российского сотрудничества в области средств массовой информации.

Таким образом, фокусируясь на образе России в китайских СМИ, мы открываем новую перспективу, интегрируя теории регионализма, ориентализма, языка и культуры. Китайские СМИ освещают Россию разнообразно и всесторонне, с уникальными языковыми стилями и богатыми культурными коннотациями.

Имидж в средствах массовой информации оказывает глубокое влияние на китайско-российские отношения. Перед лицом изменений в новых медиатехнологиях и в международной ситуации китайские и российские СМИ должны работать сообща, чтобы использовать возможности, отвечать на вызовы, содействовать сотрудничеству и развитию, а также способствовать укреплению взаимопонимания и доверия.

Литература

王作剩. 对镜自省: 中国电影中的俄罗斯形象[J]. 电影新作, 2021年. (05): 第54—61页. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Journal/Article/DYSZ202105008.html>.

丁文静. 俄罗斯文化与俄语教学的关系研究[J]. 中外企业家, 2019年. (17): 189页. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Journal/Article/ZWQY201917158.html>.

李随安. 中国和俄罗斯: 国家形象之比较[J]. 西伯利亚研究, 2007年. (04): 第53—55页. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Journal/Article/XBLJ200704023.html>.

李静杰. 跨入新世纪的中俄关系[J]. 俄罗斯中亚东欧研究, 2007. (02): 第55—65页. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Journal/Article/XBLJ200604003.html>.

陆南泉. 中俄关系现状与前景 [J]. 新疆师范大学学报(哲学社会科学版), 2015. (01). 20—29 DOI: 10.14100 / j.cnki.65-1039/ g4.2015.01.003. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Journal/Article/XJSF201501003.html>.

刘岩. 浅谈俄罗斯城市之星 [J]. 剑南文学(经典教苑), 2012年. (11): 242—244. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Journal/Article/JNWJ201211167.html>.

贺绚. 19世纪下半叶俄罗斯绘画展在京开幕[J]. 美术, 2007年. (01): 141—142. DOI: 10.13864/j.cnki.cn11-1311/j.2007.01.007. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Journal/Article/MEIS200701007.html>.

张世明. 现实主义与现实中的中俄关系[J]. 阜阳师范学院学报(社会科学版), 2005. (01). 第112—115页. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Journal/Article/FYSS200501029.html>.

陈宪良, 滕惠伊. 新时代中国特色大国外交视域下的中俄关系[J]. 西伯利亚研究, 2019: (03): 第19—29页. URL: <https://wap.cnki.net/touch/web/Journal/Article/XBLJ201903004.html>.

КИТАЙСКАЯ КУХНЯ ГЛАЗАМИ КИТАЙСКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «СЯОХУНШУ»

Аннотация. Исследование направлено на описание языковых средств выражения оценки китайской кухни в дискурсе китайскоязычных пользователей социальной сети «Сяохуншу». В процессе анализа аутентичных комментариев, размещенных под публикациями, посвященными национальным блюдам, установлены характерные особенности языковой репрезентации китайской кухни носителями китайской культуры. Особое внимание уделяется механизмам вежливой коммуникации, проявляющимся в сетевом взаимодействии между авторами постов и другими участниками дискурса.

Ключевые слова: национальная кухня, Китай, китайский язык, социальные сети, языковые средства оценки.

A. Petrishcheva

Tomsk State University, Tomsk

CHINESE CUISINE THROUGH THE EYES OF CHINESE SPEAKING USERS OF THE XIAOHONGSHU SOCIAL NETWORKING SITE

Abstract. The present study aims to describe the linguistic means of expressing the evaluation of Chinese cuisine in the discourse of Chinese-speaking users of the Xiaohongshu social network. In the process of analysing authentic comments posted under the publications devoted to national dishes, the characteristic features of linguistic representation of Chinese cuisine by the speakers of Chinese culture were established. Special attention is paid to the mechanisms of polite communication manifested in the network interaction between the authors of the posts and other participants of the discourse.

Keywords: national cuisine, China; Chinese language, social media, linguistic means of evaluation.

Актуальность настоящего исследования обусловлена возрастающим интересом к саморепрезентации национальной культуры в условиях цифровой коммуникации. Изучение того, как представители определенной культуры воспринимают и оценивают элементы собственной гастрономической традиции, имеет важное значение для лингвокультурологии, поскольку позволяет глубже понять систему национальных ценностей, коммуникативные установки и языковые способы выражения культурной идентичности.

Целью исследования является выявление языковых средств выражения оценки китайской кухни носителями китайской культуры.

Методологической основой настоящего исследования послужили лингвокультурологический и аксиологический подходы. Первый позволяет рассматривать язык как репрезентант культурных смыслов, второй – исследовать оценку как проявление ценностных установок, зафиксирован-

ных в языке. В качестве теоретического основания используется трактовка оценки как семиотического процесса, отражающего нормативную картину мира [Телия, 1986; Маркелова, 1993; Гальперин, 2011; Бархударов, 1975].

Материалом исследования послужили 200 комментариев из 21 публикации в китайской социальной сети «Сяохуншу», посвященных национальным блюдам Китая. Материал отбирался методом сплошной выборки. Лингвистический анализ проводился с использованием методов контекстуального, семантического и количественного анализа.

Социальная сеть *小红书 Xiaohongshu* (в русской транслитерации – «Сяохуншу») представляет собой китайскоязычную цифровую платформу, на которой пользователи размещают мультимедийный контент, преимущественно в виде фотографий и видеозаписей, сопровождаемых текстовыми комментариями. Особенностью данной платформы является ее открытость для представителей различных культур, включая как носителей китайской культуры, так и пользователей из других культурных сообществ. Для обеспечения репрезентативности и целенаправленного отбора эмпирического материала внимание было сосредоточено исключительно на публикациях, посвященных китайской кухне. Отбор постов осуществлялся по ключевому запросу *中国菜 zhongguo cai* (китайская еда), что позволило сфокусироваться на контенте, представляющем традиционные китайские блюда. Поскольку алгоритмы платформы формируют ленту на основе популярности и активности пользователей, применялся метод сплошной выборки, включавший в анализ все предлагаемые системой посты на момент исследования.

Проанализированные публикации преимущественно представляют собой видеорецепты, отражающие процесс приготовления знакомых для китайской аудитории блюд. Такое преобладание рецептурного контента объясняется высокой степенью культурной и кулинарной узнаваемости представленных блюд, что стимулирует активное взаимодействие пользователей. Наиболее часто встречающимися блюдами в выборке стали *губажаоу* (хрустящая свинина в кляре), *свинина в рыбном соусе*, *свинина в коле*, *блюда из тофу*, *курица*, а также традиционные китайские пельмени. Общая направленность рецептов на мясные и овощные компоненты обусловлена важностью принципа сбалансированного питания в китайской гастрономической традиции, что отражает соответствующие культурные ценности [Ли, Колода, 2023, с. 228].

В комментариях, сопровождающих публикации, пользователи не только задают вопросы об ингредиентах и способах приготовления блюд, но и активно выражают свое отношение к представленным блюдам. Всего было проанализировано 200 комментариев, из которых 170 содержат положительную оценку, что свидетельствует о преимущественно позитивном восприятии представленной пищи. Наибольшую оценочную активность вызвали публикации, посвященные таким блюдам, как *губажаоу*, *курица*,

свинина в рыбном соусе, мясо в коле, пельмени и тофу – т. е. обладающим высокой степенью культурной узнаваемости и значимости для носителей китайской культуры. В частности, курица получила исключительно положительные оценки, тогда как, например, лапша со свиным фаршем вызвала преимущественно негативные отклики, что позволяет предположить наличие определенных вкусовых и культурных предпочтений внутри китайской аудитории.

Анализ лингвистических средств, используемых для выражения оценки в комментариях китайскоязычных пользователей, показал преобладание лексических единиц с мелиоративной и пейоративной семантикой (197 ед.). Так, в комментарии (1) 这个好香啊 *zhege hao xiang a* (в дословном переводе «это так вкусно пахнет!») автор использует лексику 好香 *hao xiang*, которая является выражением высокой степени положительной оценки, подчеркивающей привлекательность блюда. В комментарии (2) 锅包肉真的是北方人的爱 *guobaorou zhende shi beifang ren de ai* (в дословном переводе «губаожоу действительно любовь северян») использована лексема 爱 *ai*, маркирующая эмоционально значимую положительную оценку в отношении блюда. Контекстно подчеркивается, что блюдо очень нравится определенной группе населения Китая (жителям Севера). Отрицательные оценки, напротив, реализуются через конструкции с отрицанием, как, например, в комментарии (3): 这不是我喜欢的鱼香肉丝 *zhe bushi wo xihuan de yuxiangrousi* (в дословном переводе – не то, что мне нравится), где негативная установка выражена мягко, через указание на несоответствие индивидуальным предпочтениям автора комментария.

На втором месте по частотности использования находятся графические средства (25 ед.). Например, в комментарии (4) «666» автор для выражения позитивной оценки в отношении блюда использует цифровой код, который является сленговым выражением. В китайском языке «666» произносится как *liu liu liu*, что созвучно с выражением 牛牛牛 *niu niu niu*, которое имеет значение «круто, классно». В комментарии (5) 我要吃!! *wo yao chi !!* (в дословном переводе «я хочу съесть!!») автор использует знаки восклицания, что служит маркером высокой степени эмоциональной вовлеченности по отношению к описываемому блюду.

В ходе анализа были зафиксированы случаи использования гиперболических выражений для передачи позитивной оценки (7 ед.). Так, в комментарии (6) 看着口水直流 *kan zhe kou shui zhi liu* (в дословном переводе «смотрю и слюнки текут») наблюдается гиперболизация физиологической реакции: выражение 口水直流 *kou shui zhi liu* (в дословном переводе – «слюна течет») в китайской культуре служит общепринятым образом для выражения сильного аппетита и желания попробовать блюдо.

Особый интерес с точки зрения лингвокультурной специфики представляет наблюдаемая форма вежливого взаимодействия между авторами публикаций и другими пользователями. Распространенной практикой является размещение подписчиками фотографий приготовленного по рецепту блюда с сопровождающим комментарием *交作业 jiao zuoye* (в дословном переводе «сдаю домашнее задание»). Подобный речевой акт выполняет функцию благодарности и выражения признательности, а также демонстрирует уважительное отношение к автору публикации. Данное явление можно интерпретировать как реализацию стратегии вежливости, характерной для китайской коммуникативной культуры, где важную роль играют взаимное уважение и сохранение гармоничных социальных отношений.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цифровая коммуникация в китайской социальной сети отражает устойчивые модели культурной самоидентификации через язык оценки, используемый в отношении национальной кухни. Комментарии китайскоязычных пользователей демонстрируют высокий уровень положительного отношения к традиционной кухне, что свидетельствует о ее важном значении как элемента культурной памяти и идентичности. Выражение оценки пользователями осуществляется с помощью разнообразных лингвистических средств – преимущественно мелиоративной лексики, графических маркеров выражения оценки и гиперболических конструкций, – что подтверждает функциональную многослойность и экспрессивную насыщенность пользовательских высказываний. Вежливые формы взаимодействия, проявляющиеся в ритуализированных речевых актах, указывают на важность поддержания гармоничных социальных связей и демонстрируют специфику китайской коммуникативной культуры. Таким образом, анализ оценочной лексики и коммуникативных стратегий пользователей китайской социальной сети позволяет глубже понять механизмы вербализации культурных ценностей и способы репрезентации культурной идентичности в условиях цифровой медиасреды.

Литература

- Бархударов Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М. : Междунар. отношения, 1975. 240 с.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М. : Наука, 2011. 148 с.
- Ли С., Колода С. А. Национальная кухня Китая как культурный код: лингвокультурные и когнитивные особенности кулинарных рецептов // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2(131). С. 225–239.
- Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке : учеб. пособие. М. : МПУ, 1993. 125 с.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 144 с.

Е. М. Сорокина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

ПРОДВИЖЕНИЕ КИТАЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЗА РУБЕЖОМ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ

Аннотация. Анализируются механизмы продвижения китайского культурного наследия за рубежом. Рассматриваются государственные программы в области культуры, образования и туризма, направленные на популяризацию китайского языка, искусства и исторических памятников. Наряду с государственной поддержкой, изучается роль общественных инициатив в продвижении китайского культурного наследия за рубежом. Учитывается деятельность неправительственных организаций, культурных фондов, диаспоральных сообществ.

Ключевые слова: внешняя культурная политика КНР, культурная дипломатия, культурное сотрудничество РФ и КНР.

E. Sorokina

Lomonosov Moscow State University, Moscow

PROMOTING CHINESE CULTURAL HERITAGE ABROAD: GOVERNMENT SUPPORT AND PUBLIC INITIATIVES

Abstract. This article is dedicated to analyzing the mechanisms of promoting Chinese cultural heritage abroad. It examines government programs in culture, education, and tourism aimed at popularizing the Chinese language, art, and historical monuments. Alongside state support, the study analyzes the role of public initiatives in promoting Chinese cultural heritage abroad. The activities of non-governmental organizations, cultural foundations, and diaspora communities are taken into account.

Keywords: China's foreign cultural policy, cultural diplomacy, Russia-China cultural cooperation.

Китайская Народная Республика последовательно демонстрирует приверженность принципам гармоничного межкультурного взаимодействия, реализуя конкретные меры, направленные на укрепление международного культурного сотрудничества. Данная стратегия подтверждается двусторонними соглашениями с 157 государствами, охватывающими сферы культуры, сохранения культурного наследия и развития туризма, что свидетельствует о масштабном и диверсифицированном подходе к продвижению межкультурного диалога и укреплению международных связей.

Концепция построения культурно сильной страны рассматривается в КНР как неотъемлемый элемент модернизации китайского общества, реализации стратегии национального возрождения и повышения конкурентоспособности государства на международной арене. В докладе Си Цзиньпина на 17-й коллективной учебной сессии Центрального политического бюро 20-го созыва в качестве стратегической цели, намеченной к 2035 г., обозначено формирование культурной державы. Реализация данной цели предполагает развитие социалистической культуры с китайской специфич-

кой, характеризующейся выраженным идеологическим лидерством, духовной консолидацией общества, привлекательностью ценностных ориентиров и, что особенно важно, существенным расширением международного влияния [习近平, 2024]. Последовательное укрепление духовной силы нации рассматривается как ключевой фактор не только для формирования прочной культурной базы, необходимой для построения сильного государства и реализации национального возрождения, но и для усиления позиций Китая как глобального культурного актора, способного оказывать значительное воздействие на международные процессы и формировать глобальную повестку дня.

В десятой главе «Социалистическое культурное развитие и "мягкая сила" Китая» Программы 14-го пятилетнего плана национального экономического и социального развития на период с 2021 по 2025 г. внимание акцентируется на укреплении культурных основ нации, что также включает активизацию государственной поддержки культурных мероприятий за пределами страны [Outline...]. Государство принимает меры по оптимизации распределения культурных ресурсов и расширению доступа населения к культурным услугам. Правительственные структуры способствуют расширению культурных обменов, формированию центров по изучению китайского языка, организации масштабных фестивалей китайской культуры.

Перед государственными организациями поставлена задача по распространению высококачественных отобранных правительством творческих произведений, так как это рассматривается как важный фактор продвижения культуры и улучшения международного имиджа страны. Особое внимание уделяется произведениям, отражающим современные реалии китайского общества, исторические аспекты и традиции, идентичность нации. Правительство поддерживает талантливых деятелей искусства путем предоставления грантов и создания эффективных связей. Также грантовая система помогает отдельным творческим коллективам, способным создавать высокохудожественные и характеризующие китайские традиции и ценности произведения.

Следующим направлением в реализации стратегии продвижения культуры является создание и развитие сети китайских культурных центров за рубежом, функционирующих в качестве инструментов диалога между Китаем и принимающими странами [陈银儿, 2023]. Данные центры выполняют многофункциональную роль, обеспечивая распространение информации о китайской культуре, языке и истории, а также организуя широкий спектр мероприятий, направленных на популяризацию китайского культурного наследия. В частности, проводятся выставки, лекции, мастер-классы и другие интерактивные мероприятия, ориентированные на формирование интереса и углубленное понимание китайской культуры среди международной аудитории.

Кроме того, на правительственном уровне наблюдается рост сотрудничества с международными организациями, что проявляется в участии Китая в культурных форумах и мероприятиях, где происходит обмен опытом и знаниями. Строительство доверительных отношений в таких организациях, как ШОС, БРИКС и др., позволяет продвигать культурные инициативы и интегрировать китайскую культуру в различные международные контексты.

В 2023 г. по инициативе Китая был создан Альянс за культурное наследие в Азии (АСНА), объединивший более 20 стран. Целью АСНА является стимулирование сотрудничества в сфере сохранения, наследования и развития азиатского культурного наследия [Chen, 2024]. Деятельность Альянса направлена на консолидацию международного консенсуса в вопросах защиты культурного наследия посредством совместных исследований, археологических проектов, сохранения объектов культурного наследия. В рамках АСНА активно развивается практическое сотрудничество, примером чему служат текущие совместные археологические и реставрационные проекты.

В статье Е. И. Тарасовой отмечается усиление внимания китайских государственных и научных кругов к формированию глобальной коммуникационной системы китайской культуры в интернет-пространстве. Данная инициатива предполагает двойственный подход к информатизации: с одной стороны, активную интеграцию КНР в международные информационные потоки, а с другой – создание уникальной информационной коммуникационной платформы, отражающей специфику китайской культуры и формирующей «сетевую цивилизацию» с китайской идентичностью [Тарасова, 2023]. Преследуется цель не только расширить присутствие Китая в глобальном информационном пространстве, но и создать альтернативный взгляд, транслирующий китайские ценности и культурные особенности, что, в свою очередь, может оказывать влияние на восприятие Китая в мире. Таким образом, в результате развития целенаправленных государственных мер культурное наследие Китая становится более заметным на международной арене.

Общественные инициативы по продвижению китайской культуры за рубежом характеризуются участием широкого круга негосударственных акторов и нацелены на популяризацию китайского языка, искусства, традиций и ценностей. Эти инициативы, в отличие от государственных программ культурной дипломатии, отличаются большей гибкостью, ориентацией на локальные контексты и вовлечением гражданского общества.

Значимую роль в сфере общественных инициатив играют некоммерческие организации (НКО). В статье К. С. Семиной отмечается, что отличительной чертой функционирования НКО в Китае является их преимущественно неконфронтационная стратегия взаимодействия с государствен-

ными органами. В своей деятельности НКО, как правило, ориентируются на соответствие правительственной повестке дня и приоритетам развития, установленным государством, что обусловлено как законодательными ограничениями, так и социокультурными факторами [Семина, 2024]. Основными направлениями деятельности НКО в КНР являются обучение китайскому языку и культуре, молодежные обмены, волонтерские программы, грантовые программы и консультационная поддержка. Они разрабатывают и реализуют языковые программы, программы обмена и стажировок, а также организуют фестивали и мероприятия, направленные на популяризацию китайской культуры, занимаются разработкой образовательных материалов и оказывают поддержку культурным инициативам. Такие программы помогают формировать интерес к китайской культуре и создают условия для более глубокого понимания китайских традиций.

В последние десятилетия наблюдается активное формирование и расширение неправительственных творческих объединений, аккумулирующих ресурсы и потенциал китайских художников, писателей, музыкантов, архитекторов и др. как на территории КНР, так и за ее пределами. Примерами таких организаций могут служить Лю Дао (六岛), Ассоциация китайских женщин-художников (中国女画家协会), Международная ассоциация молодых художников Гонконга (香港国际青年艺术家协会) и пр. [Син, 2019]. Данные объединения выполняют функции организаторов выставочных проектов и иных культурных мероприятий, обеспечивают платформу для демонстрации творческих достижений, оказывают содействие молодым и перспективным художникам посредством грантовой поддержки и менторства. Объединения художников популяризуют произведения китайского искусства, а также способствуют расширению контактов между мастерами разных стран.

Необходимо отметить, что объединения китайской диаспоры также можно рассматривать в качестве общественных инициатив. Они формируются на основе единого языка и общности происхождения. Эти организации играют важную роль в сохранении национальной идентичности и выступают в качестве каналов общения между эмигрантами и населением страны проживания. Участники объединений активно представляют и демонстрируют традиционную культуру на организуемых ими мероприятиях. Многие из указанных организаций сотрудничают с местными центрами, университетами и школами для реализации совместных проектов.

Ярким примером общественных инициатив могут служить народные ассоциации дружбы с зарубежными странами. Часто подобные организации создаются и управляются представителями китайской диаспоры, выступают в качестве платформ для продвижения китайской культуры. Они организуют языковые курсы, культурные мероприятия, проводят лекции и семинары, а также предоставляют доступ к ресурсам о китайской культуре

и истории. Важно отметить, что эти центры во многом автономны от прямого государственного контроля и адаптируют свои программы к потребностям местной аудитории. В Российской Федерации функционирует Общество российско-китайской дружбы (ОРКД), выступающее в качестве значимого актора в сфере народной дипломатии и межкультурного обмена [Ян, 2025]. Деятельность ОРКД способствует развитию горизонтальных связей между представителями гражданского общества, академическими кругами и деловыми сообществами обеих стран, что, в свою очередь, оказывает влияние на формирование благоприятного климата для развития двустороннего сотрудничества в различных сферах.

В контексте российско-китайского сотрудничества в сфере культуры наблюдается комплексный подход, направленный на укрепление двусторонних связей и продвижение общих ценностей. В Совместном заявлении РФ и КНР о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху от 8 мая 2025 г. стороны подчеркивают особое значение деполитизации культурно-гуманитарного обмена, что выражается в категорическом неприятии дискриминационных подходов, ксенофобии и попыток навязывания деструктивных идеологий. Это направлено на защиту культурного суверенитета и предотвращение использования культуры в качестве инструмента политического давления [Совместное ...]. Сотрудничество в области культуры РФ и КНР охватывает широкий спектр направлений, включая исполнительские искусства, выставочные обмены, библиотечное дело, творческое образование и кинематографию.

Эффективным способом продвижения китайской культуры за рубежом становятся социальные сети и онлайн-платформы. Благодаря преодолению географических и физических барьеров эти платформы имеют больше возможностей для привлечения широкой аудитории. Создание веб-сайтов, аккаунтов в социальных сетях, блогов и пр. помогает распространять любую информацию обо всех аспектах китайской культуры, начиная от философских учений до мастер-классов по китайской кухне. Информация на данных платформах представляется в разных форматах, включая аудио- и видеоформаты, сообщения от первого лица, подкасты, фотографии и пр., что делает возможным для любого потребителя данной информации выбрать наиболее подходящий формат. Онлайн-платформы предоставляют возможность для аудитории посетить многие мероприятия не «вживую», а в интерактивном формате. На данный момент доступны различные варианты посещения виртуальных экскурсий, концертов китайской музыки, записей мастер-классов и многих других мероприятий, связанных с китайской культурой.

Таким образом, мы можем констатировать, что продвижение китайской культуры за рубежом является многогранным процессом. Этот процесс формируется посредством двух основных акторов: государственной поддержки и общественных инициатив. Правительственные организации формируют системные процессы передачи культурных символов, общественные инициативы, в свою очередь, являясь более гибким инструментом, ориентируются на конкретные проекты и адаптируются к местным условиям. Соответственно, формируется общая система распространения китайских ценностей с целью создания позитивного имиджа Китая. Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на изучение взаимодействия государственных и общественных программ и эффективности различных стратегий продвижения.

Литература

Семина К. С., Рунова Н. Ю., Сагинова О. В. Роль некоммерческих организаций в системе сохранения культурного наследия: сравнительный анализ международной практики // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14, № 3. С. 843–858.

Син Ничжэнь. Художественные объединения КНР в XXI веке // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 11 (89), ч. 2. С. 109–113.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху // Посольство России в Китае : сайт. URL: https://newchina.mid.ru/ru/news/sovместnoe_zayavlenie_rossiyskoy_federatsii_i_kitayskoy_narodnoy_respubliki_o_dalneyshem_uglublennii/ (дата обращения: 17.05.2025).

Тарасова Е. И. Современная культурная политика Китая: цели и векторы развития // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 11 (879).

Ян Вэньхуэй. История сотрудничества обществ дружбы России и Китая в формате БРИКС: народная дипломатия и межкультурный диалог // Общество: философия, история, культура. 2025. № 4. С. 211–216.

Chen Xi. More countries join cultural heritage alliance, deepening dialogue on civilizations // Global Times. 2024. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202406/1314429.shtml> (дата обращения: 17.05.2025).

Outline of the 14th Five-Year Plan (2021–2025) for National Economic and Social Development and Vision 2035 of the People's Republic of China // General Office of Fujian Provincial People's Government. 2021. URL: https://fujian.gov.cn/english/news/202108/t20210809_5665713.htm (дата обращения: 17.05.2025).

习近平：加快建设文化强国 28.10.2024. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202504/content_7018749.htm (дата обращения: 17.05.2025).

陈银儿. 关于海外中国文化中心的发展现状、问题及建议. 2023. URL: http://rd.shhuangpu.gov.cn/website/html/shprd/shprd_dbjy_2023/2023-05-22/Detail_30840.htm (дата обращения: 17.05.2025).

СИНЕРГИЯ ВИЗУАЛЬНОГО, МУЗЫКАЛЬНОГО И ЯЗЫКОВОГО КОДОВ В ТВОРЧЕСТВЕ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ В ЖАНРЕ VISUAL KEI

Аннотация. Рассматривается творчество исполнителей жанра Visual kei с целью выявления визуального, музыкального и языкового кодов и характера их взаимодействия. Исследование проводится в рамках семиотического подхода. На основе изучения характеристик визуальных знаков, представленных в виде одежды, причесок и макияжа, музыкальных субзнаков и языковых знаков в текстах песен, осуществляется реконструкция Visual kei как уникальной субкультуры.

Ключевые слова: синергия, визуальный код, музыкальный код, языковой код, Visual kei, японский язык.

N. Trazanova

Irkutsk State University, Irkutsk

SYNERGY OF VISUAL, MUSICAL AND LINGUISTIC CODES IN CREATIONS OF VISUAL KEI GENRE

Abstract. The article is devoted to studying the creative works of Visual kei groups with the purpose to reveal visual, musical and linguistic codes and essence of their interaction. The research is held in the framework of semiotic approach. As a result of studying visual signs, such as costumes, hair-styles and makeup, musical signs and linguistic signs found in the texts of songs we attempt to reconstruct the nature of Visual kei as a unique subculture.

Keywords: synergy, visual code, musical code, linguistic code, Visual kei, Japanese Language.

В 1980-е гг. в Японии среди рок-музыкантов зарождается новое музыкальное движение под названием Visual kei – ヴィジュアル系 *Виджюару кэй* – букв. «визуальный стиль». Отличительной особенностью данного направления является использование его последователями макияжа, сложных причесок и ярких костюмов, а также проявление в образах артистов одновременно и женских, и мужских качеств, так называемая андрогинная эстетика.

Группы музыкантов, развивающих данное направление, стремительно обрели популярность и признание не только в Японии, но и далеко за ее пределами: в России, Америке, европейских и азиатских странах. В жанре Visual kei важны все три составляющие: внешний облик, исполнительское мастерство и тексты песен. Сами участники движения Visual kei считают, что их объединяет не только жанр, но цельная субкультура с оригинальной свободой самовыражения, собственным стилем.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении характерных черт визуального, музыкального и языкового кодов, закономерностей

функционирования и взаимодействия данных кодов. В качестве материала для исследования отобраны тексты песен групп X Japan и Buck-Tick, а также видеоролики музыкальных клипов.

Основываясь на положениях У. Эко о коде как «отсутствующей» структуре в рамках герменевтического подхода, в данной работе мы определяем код как открытую семиотическую систему, обладающую динамической структурой, конвенциональностью, воспроизводимостью и способностью «переключаться» на различные фрагменты лингвокультуры [Эко, 2004, с. 375; с. 416–417].

В связи с этим код представлен в качестве метамодели, которая открывает возможность приблизиться к глубинному инвариантному уровню кода, но никогда не достигает его.

Для получателя информации код представляет собой ключ, который позволяет расшифровать сообщение. Если код неизвестен или недоступен, восприятие информации становится невозможным. Подобная ситуация побуждает адресата: «а) отказаться от восприятия сообщения; б) реконструировать код сообщения; в) заняться процессом дешифровки передаваемого сигнала. Однако декодирование сообщения может потребовать больших интеллектуальных усилий и времени» [Бразговская, 2008, с. 50].

В случае с изучением исполнительского творчества групп, принадлежащих к движению Visual kei, необходимо рассматривать комбинацию музыкального, визуального и вербального кодирования.

Визуальный компонент важен не только как «визитная карточка» жанра и субкультуры, маркер направления Visual kei, но и как отображение сути японского мировосприятия, которое преимущественно происходит посредством созерцания и осмысления предметов окружающего мира.

Для настоящего исследования целесообразно принять во внимание и предметно-функциональный код, который распространяется на «язык» одежды, моды, аксессуаров. «В индивидуальном сознании, сформированном в данной культуре, этим представлениям соответствуют перцептивные схемы, соотнесение с которыми позволяет узнать в видимой форме предмет, принадлежащий к тому или иному классу» [Чертов, 2014, с. 84].

Что касается музыкального кода, то, с одной стороны, он универсален, так как услышать, воспринять, «прочувствовать» мелодию способен как человек, принадлежащий к культуре, внутри которой она была создана, так и носитель иной культуры. С другой стороны, глубина проникновения в сущность музыки, уровень осмысления и освоения будут отличаться, так как декодирование тесно связано с культурным фоном, контекстом, коллективным и индивидуальным опытом человека.

Е. Е. Бразговская отмечает, что музыкальный звук представляет собой субзнак, который сам по себе ничего не обозначает, но представляет собой не только «акустический, но и грамматический феномен, изначально

встроенный в определенную высотную “грамматику” (звукоряд, лад, тональность) и выступающий в тексте ее репрезентантом», и, таким образом, служит основой для создания собственно знака. «Первая самостоятельно функционирующая и значимая единица музыки – мотив» [Бразговская, 2008, с. 88].

Семантика музыкального знака реализуется «не через соотнесение носителя знака с референтом, а благодаря предшествующему знакомству с конвенциями стиля, культуры, эпохи. Такие знаки оказываются значимыми только в системе – своего языка, текста, а также определенной культуры / стилистической традиции. Без такого априорного знания музыкальный знак для нас не является таковым: он не функционирует как заместитель другого содержания и у нас нет ключа к его интерпретации. Только в том случае, если слушателю известно, что именно стоит за музыкальной фигурой, он в состоянии воспринять посылаемую ему композитором/исполнителем информацию, т. е. расшифровать этот знак» [Бразговская, 2008, с. 89].

Также предварительно следует отметить значительные отличия музыкальной традиции Востока от традиции Запада в отношении сочетания звуков и их отсутствия. В европейской музыке привлекательным считается непосредственно звучание, в то время как в восточной музыке особое внимание уделяется тишине, которая связана с концепцией о звуке явленном и неявленном. «В музыке тишина обозначается понятием *ikita ma*, что в переводе – “живая пауза”. В исследованиях музыковедов *ma* называют метрически неопределенным временным интервалом. Для того чтобы услышать, как исчезают отдельно взятый звук и его резонанс, необходима пауза, тишина» [Данилова, Шамсутдинова, 2020].

Языковой код реализуется в текстах песен, осуществляя функции отображения мира, кодирования и передачи информации, коммуникации. При этом на первый план выходит функция фасцинации (завораживания, зачаровывания), которая признается значимой для сценического искусства [Бразговская, 2008, с. 59].

В данном исследовании предполагается, что в рамках жанра Visual kei визуальный, музыкальный и языковой коды не просто связаны друг с другом, но формируют синергетическое единство, которое и обуславливает возникновение цельной субкультуры.

Синергия (от греч. *synergeia* – содружество, сотрудничество) в данном случае определяется как взаимодействие двух или более факторов, при котором эффект от их действия превосходит сумму эффектов каждого отдельного компонента [Синергия ...].

Обратимся к вопросу возникновения названия Visual kei, вокруг которого образовалась своеобразная субкультура.

Термин Visual kei был образован от слогана группы X Japan «Psychedelic Violence – Crime of Visual Shock», изображенного на обложке их второго студийного альбома «Blue Blood» (1989). Считается, что производное от слогана придумал Хосико Сэйити, основатель и главный редактор журнала Shoxx, который был основан в 1990 г. как первое издание, посвященное данной теме. Однако в интервью в 2012 г. он объяснил, что Visual kei был придуман ведущим гитаристом группы X Japan Хидэто Матsumото. Он также сообщил, что в то время такой стиль назывался お化粧系 *окэсё:кэй* «Стиль макияжа» [世界].

Термин *окэсё:кэй* использовался по отношению к группе X Japan, однако, по словам Сэйити, данное название не полностью описывало неординарность музыкальной группы. Поэтому вместо *окэсё:кэй* он предложил использовать Visual-shock kei. После того как распространилось новое название, фанаты сократили его до Visual kei. Сам Сэйити считает Visual kei отличительным жанром японской музыки и определяет его как «самую музыку вместе со всеми ее визуальными аспектами» [世界].

Сущность стиля Visual kei состоит в том, чтобы донести свое творчество не только через музыку, но и через внешний вид: объединяясь, они привлекают и очаровывают слушателей. Центральное место в эстетике Visual kei занимает андрогинный идеал человека. С точки зрения японского мышления, привлекательность не приравнивается к женственности, поэтому в японском обществе и для мужчин, и для женщин стремление выглядеть красиво признается естественным.

История японской культуры говорит о том, что нанесение макияжа мужчине для создания женского образа не было абсолютно новым явлением. Актеры театра Кабуки *оннагата* – прекрасный тому пример. Изящные в движениях, одетые в женские одежды и с мастерски выполненным макияжем, они были неотличимы от настоящих женщин.

В мюзиклах Такарадзука, напротив, женский состав играет и женские, и мужские роли. При этом мужские образы представлены преувеличенно привлекательными, поскольку основная задача такого облика – быть притягательным для зрителя [McLeod, 2013, p. 318].

Комбинация стереотипно закодированного маскулинного (хеви-метал, панк) и фемининного (классика и популярная музыка) звучания создает гибридную репрезентацию мужского и женского начал как в рамках музыкального, так и визуального кода [McLeod, 2013, p. 313].

На стиль внешнего вида японских исполнителей оказали влияние западные глэм-рок и глэм-метал группы Kiss и Guns and Roses. основоположниками нового поджанра в Японии стали рок-группы X Japan, Dead End, Buck-Tick, D'erlanger (デランジェ *дэрандзэ*) и Color.

Развитие направления Visual kei можно разделить на три периода. Первый – зарождение японского глэм-метала в 1982–1992 гг. После успешного выступления западной рок-группы Kiss в Токио Японию охватывает увлечение творчеством группы. X Japan становятся не только «последователями» Kiss, но и новаторами в Visual kei. Visual kei-группы – X Japan и Color – делают упор на гротескный имидж, а группы D'erlanger и Buck-Tick – на готическую музыку.

Второй период (1992–2001) характеризуется появлением готики и андрогинности. Нанесение макияжа и использование женской одежды в образах музыкантов – такой образ создала и впоследствии популяризовала группа Malice Mizer. В плане музыки также произошли изменения: в отличие от старых рок-групп, Malice Mizer сочетали такие жанры, как дарквейв, техно, синти-поп и готический метал. Наиболее популярными Visual kei-группами в этот период являются, помимо Malice Mizer, Kuroyume, Baiser и Syndrome.

В третий период (2001 – наст. время) появляется противопоставленный готическому стилю *おしゅれ系* *Осярэ-кэй* – «щегольский стиль». Альтернативный рок и электроника составляют стилистическую основу в музыке нового направления. В текстах появляются темы позитивных моментов жизни, что отличает его от других направлений жанра. Внешний вид музыкантов сменился на повседневный стиль с использованием более ярких цветов. Первой группой данного направления считается Baroque.

Популярность Visual kei не угасла – после воссоединения групп Luna Sea и X Japan сформировалось движение под названием Neo visual kei. An Cafe, The Gazette, DeathGaze, Lynch и Alice Nine – известные группы движения Neo visual kei. Однако следует признать, что с течением времени Visual kei не просто изменяется, но трансформируется и перевоплощается вместе со сменой поколений музыкантов, новыми направлениями моды и переменами в языке и культуре.

Проследим трансформации на примере творческого пути двух групп классического направления Visual kei – X Japan и Buck-Tick.

Группа X Japan «задает тон» и закладывает основы японского направления Visual Kei, как визуального, так и музыкального. С точки зрения внешнего вида музыкальный коллектив на самом деле оказывал шокирующее воздействие на зрителя: у каждого из членов группы были прически, неподвластные законам гравитации, волосы, окрашенные в самые яркие цвета, вызывающий макияж, костюмы из кожи, кружева, цветных платков и шляп. Лидер группы нередко появлялся в женском облике, надевая длинное платье, бусы и кружевные перчатки.

Изначально группа создана двумя друзьями детства Ёсики Хаяси и Тосимицу Дэяма, которые были увлечены музыкой со школьных времен. На волне популярности американской группы KISS в 1982 г. в префектуре

Тиба появилась группа X. Название группы происходит из значения знака «X» – «множество возможностей». Со временем обнаружилось, что такая группа уже существует, и поэтому название было изменено на X Japan. Группа работает и развивается в различных музыкальных направлениях, включая симфонический метал и альтернативный рок.

Лидер группы X Japan – талантливый музыкант, композитор, мультиинструменталист и обладающий невероятной харизмой Ёсики. Сценический образ артиста неоднозначен: словно двуликий Янус, он может преобразиться и предстать перед зрителями благородным пианистом, облаченным в роскошный фрак, играющим проникновенную мелодию, то вдруг обратиться в дику стихию за барабанной установкой.

За два периода существования группы было записано несколько альбомов и музыкальных шедевров, не теряющих популярности и в настоящее время. Наиболее известные хиты: «Endless Rain», «Kurenai», «Crusify my love» и т. д. Невозможно не упомянуть о музыкальной композиции «Art of life», которая примечательна тем, что длится 29 минут и представляет собой целое музыкальное повествование, в котором чередуются история, соло на пианино и соло на барабанной установке.

В 1996 г. выходит альбом «DANLIA», который звучит иначе: появляются песни-баллады «Forever Love», «Tears» в сопровождении фортепианных мажорных мелодий. Внешний облик группы X Japan меняется: замечен отказ от причесок в стиле панк, яркого макияжа, немыслимых нарядов. Только гитарист Хидэ придерживается прежнего стиля, оставив волосы окрашенными в огненно-красный цвет и надевая блестящий костюм такого же цвета.

Не менее популярна группа BUCK-TICK, которая образовалась в 1983 г. в г. Фудзюка (префектура Гумма). Название звучит на японском 爆竹 *бакутику*, что означает «фейерверк» и очень удачно описывает творчество группы и визуальные образы, мистические, яркие, как огоньки во мраке ночи.

Уникальность творческого пути группы состоит в непрерывности и плодотворности креативной и исполнительской деятельности. BUCK-TICK существует по сей день; состав почти не менялся. На протяжении музыкальной карьеры группа записала около 25 альбомов, экспериментируя с разнообразными жанрами. Среди них готический рок, классическая музыка, гранж, индастриал, электроника, брейкбит, ню-вейв и т. д.

Первый альбом «HURRY UP MODE» вышел в 1987 г. В названиях песен («One Night Ballet», «Moonlight», «Romanesque», «Fly High», «Secret Reaction») и содержании текстов заметны западные веяния. В то время данное явление объяснялось всеобщим модным увлечением западной музыкой. Более 50 % текста песни могло быть написано на английском языке.

И даже в редких строках японского текста добавлялись вкрапления броских слов и выражений на английском языке.

Например, в песне «HURRY UP MODE» показателен фрагмент:

あざやかすぎたのは無数の jealousy
つかみそこねたのはつかのまの merry
ネオンをかくせいろどる silhouettes
わかってるさ «hurry up mode»

Адзаякасугита-нова мусу:-но jealousy
Цуками соконэта-нова цука-но ма-но merry
Нэон-о какусэ иродору silhouettes
Вакаттэру са «hurry up mode»
«Ослепляющая бесконечная jealousy
Испорченное эфемерное merry
Спрячь неон, разноцветные silhouettes
Узнаёшь его? «hurry up mode»

Сингл «Just one more Kiss» становится хитом в октябре 1988 г. Этот сингл и сейчас входит в десятку самых популярных песен группы. В музыкальном видеоклипе наблюдаются ранние образы членов группы: акцент сделан на макияж и высокие прически с начесами, обесцвеченные волосы. Что касается одежды, она довольно лаконична и элегантна: черные пиджаки, блестящая кожаная куртка, на вокалисте – красный пиджак с черной рубашкой, украшенной массивной брошью.

В 1990 г. увидел свет альбом 悪の華 Аку-но хана – «Цветы зла», вдохновленный духом стихотворных произведений французского поэта Бодлера. В сравнении с ранними альбомами, в которых звучание отчасти сродни популярной эстрадной музыке, *Аку-но хана* определяет формирование узнаваемого стиля: группа движется в направлении готических образов. В названиях песен обнаруживаются вкрапления японского языка: 幻の都 *Мабороси-но мияко* – «Столица грез», 悪の華 *Аку-но хана* – «Цветы зла».

Заслуживает особого внимания альбом «Symphonic Buck Tick in Berlin» (1990), записанный в сопровождении Берлинского камерного оркестра. Сочетание традиций западной классической музыки и японской музыкальной культуры создает неожиданный бленд инструментальной музыки с паузами, внезапным развитием темы, нетривиальным повествованием.

Также в 1993 г. появляется еще один сингл «Dress», который стал одним из самых известных. Именно в 90-е гг. группа переживает бум популярности и в качестве представителя жанра Visual kei появляется не только в журналах SHOXX, FULL'S MATE, уделяющих внимание данному

направлению, но и в специализированных музыкальных журналах [小島, 2024, с. 200].

Эксперименты с музыкой продолжаются и основываются на применении терменвокса – инструмента, которым управляют с помощью движений рук и изменения емкости электромагнитного поля, окружающего устройство. Звучание терменвокса – психоделичное, энигматичное, мистическое – обнаруживается впервые в альбоме «COSMOS» (1996), создавая ауру звучания вселенной, космических тел, бесконечности.

В 1998 г. выходит сингл 月世界 *гэссэкай* – «Лунный мир» к аниме-адаптации Nightwalker Midnight Detective. В припеве автор слов Ацуси Сакурай рисует живописные, насыщенные яркими красками лунные пейзажи:

赤黄色向日葵

橙群青紫陽花

波に漂う

月の光

Ака-киро химавари

Дай-дай-гундзё: адзисаи

Нами-ни тадаёу

Цуки-но хикари

«Красно-желтые подсолнухи,

Оранжево-бирюзовые гортензии,

На волнах покоится

Лунный свет...»

Альбом «Mona Lisa OVERDRIVE» (2003) передает атмосферу жанра киберпанк и отсылает к научно-фантастическому роману «Мона Лиза Овердрайв», написанному Уильямом Гибсоном в 1988 г. в завершение трилогии «Киберпространство». Если бы роман имел звук, то ему бы подошло такое музыкальное оформление, представленное в альбоме BUCK-TICK: электронная музыка в сочетании с техническими шумами, роботизированные голоса вокалистов, дерзкое, смелое, бунтарское, драйвовое звучание.

Новый виток музыкального творчества находит отражение в нарративе альбома 2005 г. 十三階は月光 *Дзю:санкай-ва гэкко*: «13-й этаж в лунном свете». Музыкальное повествование альбома представляет собой историю, которая творится ночью, в лунном свете, клоунами, игрушками, призраками и духами. Инструментальные композиции, причудливо сочетающие в себе готичную меланхолию с вставками классической музыки и цирковых барабанов, перемежаются песнями, составляющими кусочки

сюжета из мистического мира ночи. И когда музыкальное звучание достигает накала в песне-гимне «Passion», сразу за ним следует *икита ма*, «живая пауза» – 13 секунд тишины, того самого неявленного звука, который позволяет слушателю осознать услышанное, поймать угасание звуков, просто побыть наедине с собой. После молчания и возможного ожидания, предвкушения происходит погружение в лиричную композицию «Romance». В завершение истории снова звучит стилизованная цирковая музыка, перемежающаяся вставками классики, пауз, мистическими переходами.

Выступления группы в тон музыке становятся драматичными, театрализованными. Внешний облик участников группы сочетает готику и мистический романтизм: черные или коричневые фраки, плащи, высокие шляпы, туфли на каблуках. Например, в 2006 г. к анимационному фильму XXXholic в качестве эндинга используется песня группы 蜉蝣 *каэро*: «Стрекоза» (в буквальном переводе «поденка, однодневка»). Клип к синглу выдержан в строгих черно-бело-красных тонах. Все участники группы одеты в черное.

Далее, в 2010 г. выходит сингл *くちづけ* *кутидзукэ* – «Поцелуй» и к нему – музыкальный видеоклип, в котором вокалист одет в коричневый пиджак с черным блестящим жабо и крупной брошью. Рукава украшены белыми кружевными манжетами. Образ дополнен аксессуарами ярко-красного цвета, которые Ацуси Сакураи держит в руках: воздушные шары, букет роз, яблоко.

Особенным, наполненным «сказочными» персонажами видится альбом 天使のリボルバー *Тэнси-но риборуба*: «Револьвер ангела» (2007). В воображаемом музыкальном мире по-новому рассказываются истории Белоснежки, Алисы в стране Андеграунд, Мистера Мрака и Миссис Лунный Свет, человека-паука, ангелов и демонов.

Если говорить о текстах песен в творчестве группы BUCK-TICK в целом, несмотря на обилие образов и создаваемых повествований, удастся выявить общий мотив, единый стиль и сконструировать возможный мир, в котором существуют и взаимодействуют герои. Истории творятся ночью, при свете луны, нередко во сне или в иллюзии, похожей на грезы и мечты: в составе почти каждого альбома в текстах песен упоминаются выражения 夢見る *юмэ миру* «видеть сны», 幻 *мабороси* «видение, иллюзия, мечта», 夢幻 *мугэн* «грезы, фантазии», 暗闇 *кураями* «тьма», 月の光 *цуки-но хикари* «лунный свет», 月世界 *гэссэкай* «лунный мир», 夢魔 *мума* «ночной кошмар» и др. В центре внимания – притягательность бесконечной вселенной и космических тел: 宇宙 *утю*: «космос», 宇宙サーカス *утю*:

са:касу «звездный цирк», 流星 *рю:сэй* «звездопад», 星屑 *хосикудзу* «звездная пыль», 銀河 *гинга* «Млечный путь», galaxy, cosmos, Universe, Jupiter и т. д. Атмосферу космоса позволяет создавать использование термenvокса.

Также наблюдается неоднократное упоминание категорий красоты и образов, которые отражают прекрасное в японской лингвокультуре, возвышенной и поэтической лексики: 幽玄 *ю:эн* «сокровенное, таинственное, мистическое» (*поэт.*), ものの哀れ *моно-но аварэ* «печальное очарование вещей», 白蓮 *бьякурэн* «белый лотос» и т. д.

Таким образом, изучение музыкального, визуального и языкового кодов творческих проектов исполнителей в жанре Visual kei позволяет сделать следующие выводы:

1. Отличительные характеристики визуального кода группы X Japan на начальном этапе творчества: прически в стиле панк, окрашенные волосы, вызывающий гротескный макияж, кожаные облегающие костюмы, прозрачные блузы, длинные платья и плащи, бусы, кружевные перчатки. После 1996 г. – отказ от яркого макияжа, создания женских образов, предпочтении темных тонов в одежде.

2. Характерными чертами визуального кода группы BUCK-TICK, продемонстрированными предметно-функциональным компонентом в виде сценических костюмов, причесок и макияжа, являются лаконичность и элегантность в одежде и внешнем облике. Только в ранних клипах акцентируются высокие прически с начесами, обесцвеченные волосы, яркий блестящий макияж.

3. В основе музыкального кода лежат такие социокультурные особенности, как чередование явленного и неявленного звучания («живых пауз»), гармоничное сочетание стереотипно маскулинного и фемининного звучания (бленд из классики, готики, киберпанка и популярной музыки), стиль мистического романтизма.

4. Языковой код группы BUCK-TICK, выявленный на материале текстов песен, служит для создания воображаемого мира, бесконечного и таинственного, как вселенная, полная звезд, планет и неизведанных тайн. История создается ночью, когда светит луна, просыпаются духи, ангелы, оживают грезы, исполняются мечты либо охватывает грусть и меланхолия от одиночества и осознания мимолётности бытия.

5. Музыкальное, визуальное и языковое настолько тесно связаны в жанре Visual kei, что, взаимодействуя и проникая друг в друга, они создают единое синергетическое целое, воздействие которого проявляется гораздо в большей степени по сравнению с другими жанрами.

6. Жанр Visual kei возник и развился в цельную субкультуру именно в Японии не случайно, так как одной из характерных черт японской культуры,

искусства, мировоззрения является эстетизм – стремление к красоте. При этом привлекательный облик создают не только женщины, но и мужчины.

7. Гибридная репрезентация мужского и женского начал в музыке и визуальном облике позволяет расширить границы возможного в плане сочетания музыкальных жанров, театрализации в исполнительском искусстве.

Литература

Бразговская Е. Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры : учеб. пособие. Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2008.

Данилова Ю., Шамсутдинова Л. Философия звука и тишины в японской традиционной музыке // Общество «Россия – Япония». 26.09.2020. URL: <https://russaijapansociety.ru/?p=22686#> (дата обращения: 10.05.2025).

Синергия // Методология : словарь системы основных понятий. URL: <https://terme.ru/termin/sinergija.html> (дата обращения: 10.05.2025).

Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М. : Языки славянской культуры, 2014.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. СПб. : Симпозиум, 2004.

McLeod K. Visual Kei: Hybridity and Gender in Japanese Popular Culture // Young, SAGE Publications and YOUNG Editorial Group. 2013. Vol. 21, N 4. P. 309–325.

世界へファン層を拡大するヴィジュアル系の現状 (株) スターチャイルド代表取締役星子誠一氏インタビュー 2012 年 2 月 27 日 // Musicman (cross-network music industry guide). URL: <https://www.musicman.co.jp/interview/19119>. (дата обращения: 08.05.2025).

小島 智 検証・80 年代日本のロック 東京: 株式会社アルファベータブックス, 2024.197–208 ページ.

УДК 316.77

А. В. Чайкисова

Иркутский государственный университет, Иркутск

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЗНАКОВ ЦИФРОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Рассматриваются культурные, гендерные и возрастные особенности использования невербальных знаков в современной онлайн-коммуникации. Приводятся примеры вариативной интерпретации эмодзи пользователями, принадлежащими к разным социальным группам. Анализируется выбор коммуникантов в пользу смайликов, эмодзи и стикеров. Делается вывод о необходимости развития навыков использования невербальных знаков в различных контекстах для успешного достижения коммуникативных целей.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, невербальные знаки, эмодзи, смайлики, стикеры, национально-культурная специфика.

SOCIOCULTURAL ASPECTS OF THE NONVERBAL SIGNS USAGE IN DIGITAL COMMUNICATION

Abstract. The purpose of this article is to consider cultural, gender and age peculiarities of the usage of nonverbal signs in digital communication. Some cases of the variation in interpretation of emojis by online users of different social groups are considered. We analyze why people give preferences to certain forms: emoticons, emojis or stickers. In conclusion we emphasize how important it is to study the specific features of digital nonverbal signs and develop skills of their usage in different contexts.

Keywords: digital communication, nonverbal signs, emojis, emoticons, stickers.

В связи с развитием цифровых технологий и ростом онлайн-коммуникации в XXI в. продолжают происходить различные изменения в том, как осуществляется взаимодействие между людьми. На смену коммуникации «лицом к лицу» пришли социальные сети, мессенджеры и другие способы обмена сообщениями. Цифровая коммуникация привлекает внимание разнообразием форматов общения: пользователи могут обмениваться текстовыми сообщениями, голосовыми сообщениями, видеосообщениями (так называемыми кружками). Тем не менее она уступает непосредственной коммуникации с точки зрения использования невербальных и паравербальных средств, которые предоставляют дополнительную информацию о высказывании, такую как намерение говорящего, его эмоциональное состояние и отношение. Чтобы заполнить этот пробел, в цифровой коммуникации стали использовать различные невербальные знаки.

Первыми средствами передачи эмоций в цифровой коммуникации стали эмодзи (смайлики), представляющие собой различные комбинации пунктуационных знаков. Они распространились в связи с развитием электронной почты и форумов. Позднее появились графические смайлики (эмодзи), которые входят в стандартный набор большинства мессенджеров и социальных сетей. В настоящее время популярными становятся стикеры (анимированные или статичные изображения, которые позволяют более полно выразить чувства и реакции по сравнению с эмодзи). Упомянутые невербальные знаки стали неотъемлемой частью цифровой коммуникации, поскольку могут передавать различные смыслы – используются для пояснения/дополнения/изменения смысла текстового сообщения, проявления чувств и эмоций собеседников и др. По данным статистических исследований, 92 % пользователей сопровождают текстовые сообщения визуальными средствами [Emoji ...]. Сами пользователи утверждают, что использование невербальных знаков делает общение более эффективным, понятным, дружелюбным и даже «человечным».

С одной стороны, визуальные элементы коммуникации стали универсальным языком в цифровом мире, позволяя пользователям выражать эмо-

ции, идеи и идентичности в различных культурных контекстах. Многие социальные сети и мессенджеры, в которых общаются представители разных культур, имеют стандартный набор эмодзи. Это поддерживается консорциумом Unicode, который устанавливает унифицированную и уникальную двоичную кодировку для каждого символа в каждом языке, «чтобы соответствовать требованиям межъязыкового и кроссплатформенного преобразования» [Лю, 2023, с. 68]. Считается, что универсальный характер эмодзи и смайликов может способствовать более эффективному межкультурному взаимодействию.

С другой стороны, использование и интерпретация невербальных знаков цифровой коммуникации являются культурно специфичными.

Если говорить об эмотиконах (смайликах), то японцы, китайцы и южнокорейцы используют вертикальный стиль: ^ ^, в то время как на Западе используют горизонтальный стиль: :-). Это объясняется тем, что в культурах, где эмоциональное подавление является нормой (например, в Японии), при интерпретации эмоций другие люди склонны больше фокусироваться на глазах, а в культурах, где открытое выражение эмоций является нормой (например, в США), эмоции считываются на основе положения рта [Yuki, Maddux, Masuda, 2007].

Эмодзи, по сравнению с эмотиконами, включают в себя больше культурных символов и разнообразных представлений, поэтому они играют еще более значимую роль в межкультурной коммуникации. Считается, что в западных культурах они используются в основном для выражения дружелюбия и позитивных эмоций. В восточных культурах они могут передавать более сложные смыслы.

Рассмотрим один из самых популярных эмодзи – (красное сердце). Это традиционный и признанный символ любви, страсти, романтических отношений, поэтому обычно сопровождает любовные послания или говорит о хороших дружеских отношениях. Однако есть определенные культурные особенности. Так, например, согласно статистическим данным, французы используют данный эмодзи в четыре раза чаще, чем другие европейцы [What words ...]. В Саудовской Аравии предпочитают использовать эмодзи (белое сердце), так как красное сердце может интерпретироваться как домогательство и его отправителю будет угрожать штраф или тюремное заключение [Saudi Arabia ...].

Особую сложность для межкультурной коммуникации представляют те случаи, когда один и тот же знак имеет разные, а иногда и противоположные толкования в разных культурах. Например, эмодзи (слегка улыбающееся лицо) обычно используется для выражения одобрения и дружелюбия. В Китае с его помощью выражают чувство недоверия к чему-либо сообщению. Эмодзи (ангел) означает чистоту помыслов и

невинность. В Китае это символ смерти, который может расцениваться как угроза жизни.

Существуют культурные особенности, вытекающие из характера цифровых средств, распространенных в той или иной культуре. Так, например, WeChat отличается от других медиаплатформ тем, что не имеет ограничений на авторские смайлики. Утверждается, что в Азии не ограничиваются универсальными знаками, а используют более разнообразные формы, в частности, многочисленные авторские анимодзи. Кроме того, в Китае пользователи предпочитают стикеры, а не эмодзи, так как последние, по их мнению, не могут передать всей испытываемой гаммы эмоций. Широкое распространение получили так называемые 表情 (biǎo qíng), что буквально означает «выражение лица». В цифровой коммуникации данный термин относится к любому изображению (смайликам, анимированным изображениям, так называемым гифкам, стикерам), которое служит визуальным и эмоциональным дополнением к текстовому сообщению. Интересен тот факт, что в 2020 г. в китайском мессенджере WeChat появились новые эмодзи, например, смайлик, поедающий арбуз, и смайлик-собака doge . Уникальность этих знаков заключается в том, что они основаны на интернет-мемах. Первый из них отсылает к людям, которые пассивно наблюдают за некоторым онлайн-событием, не комментируя его и не предпринимая никаких действий. Использование второго в конце предложения означает, что слова отправителя наполнены сарказмом. А если кто-то сказал что-то интересное, он работает в качестве реакции.

Результаты сравнительного анализа использования эмодзи различными этническими группами, населяющими Малайзию, показывают, что существуют некоторые сходства в интерпретации значений эмодзи представителями разных культур, а также определенные различия. Например, малайцы используют эмодзи (спящее лицо) в значении «не беспокоить», китайцы интерпретируют эмодзи (лицо со слезами радости) как неловкость, индийцы могут использовать эмодзи (воздушный поцелуй) для выражения благодарности [Amalina, Azam, 2020]. Незнание этих особенностей может привести к неверным толкованиям, особенно в межкультурной коммуникации.

Наблюдаются определенные особенности в использовании невербальных знаков цифровой коммуникации и среди представителей разных поколений. Согласно статистическим данным, представители поколения Z отправляют около 100 эмодзи в день, что намного превышает количество отправляемых эмодзи у представителей других поколений. Пятерку самых частотных эмодзи у Z-поколения составляют следующие: , , , , , в то время как у миллениалов это , , , , , у поколения X – , , , , , а у бумеров – , , , , . Кроме того,

зумеры отмечают, что часто используют эмодзи не в буквальном значении, а более креативно [The Future ...]; например, эмодзи 😊 они используют для выражения сарказма: «You really should have made a better choice 😊». Адресантом это воспринимается как недовольство, скрытая агрессия или даже ненависть, направленные в его сторону. Таким образом, данный эмодзи превратился в символ пассивной агрессии среди молодежи. В деловых сообщениях он воспринимается как проявление неискренности, скрытого пренебрежения. При этом сотрудники старше 30 лет все еще используют этот эмодзи для создания дружелюбной атмосферы в беседе, не осознавая, что он приобрел новый смысл.

Подобным же образом изменилась и интерпретация эмодзи 🖐️ (поднятый вверх большой палец). В то время как миллениалы используют его для передачи позитивного смысла, в частности, одобрения, например: «Хорошая работа 🖐️», поколение Z опять подключает иронию и привязывает его к пассивно-агрессивному общению. Недопонимание у миллениалов вызывает и применение зумерами эмодзи 🧠 (череп) в ответ на шутку. Для первых это символ смерти, а для вторых – значение «до смерти смешно». Поколение X не понимает и следующие эмодзи, распространенные среди поколения Z: комбинацию эмодзи 🙄 🙄 🙄, чтобы представить что-то шокирующее, и эмодзи 🙄, показывающий, что человек грустит или злится, но при этом притворяется веселым [How ...].

Проведенный анализ использования эмодзи в социальных сетях подтверждает, что молодые и пожилые пользователи сети Интернет иногда понимают функции эмодзи по-разному. Более того, пользователи старше 30 лет, как правило, интерпретируют эмодзи более буквально или вовсе не понимают их [Herring, 2020].

В русскоязычном цифровом пространстве распространилось шутливое выражение «дед ногтей насыпал», которое свидетельствует о неодобрительном отношении молодежи к использованию старшим поколением пунктуационных знаков для выражения эмоций в онлайн-коммуникации.

Существуют и гендерные различия в использовании невербальных знаков цифровой коммуникации. Согласно статистическим данным, в США женщины в целом чаще, чем мужчины, используют эмодзи для выражения эмоций. Кроме того, наблюдается, что мужчины и женщины используют разные эмодзи для выражения одних и тех же эмоций, например удивление – 😲 (мужчины), 😲 (женщины); разочарование – 😞 (мужчины), 😞 (женщины); гордость – 😏 (мужчины), 😏 (женщины). Коммуникативные цели и контекст также различаются: при помощи эмодзи женщины выражают свои чувства, выстраивают отношения с коллегами и делятся радостными новостями. Мужчины при помощи эмодзи прощупывают поч-

ву во время флирта и свиданий, в романтической переписке, а также для завершения отношений [Adobe ...].

Интересно наблюдение за тем, что китайки используют больше «милых» стикеров, чем американки. При этом американские мужчины используют больше «милых» стикеров, чем китайские мужчины [Cuteness ... , 2023].

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что невербальные знаки цифровой коммуникации являются весьма сложными образованиями, обладающими различными функциями и претерпевающими постоянные изменения. Их использование и интерпретация обуславливаются множеством факторов, в том числе возрастными, гендерными и культурными особенностями. Для того чтобы осуществлять онлайн-коммуникацию эффективно, в частности, избегать коммуникативных неудач в мультикультурной среде, необходимо отслеживать и изучать специфику функционирования данных знаков, развивать коммуникативную компетенцию.

Литература

Лю Цици. Эмодзи как средство проявления агрессии в интернет-коммуникации (на материале русского и китайского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 66–70.

Adobe Global Emoji Trend Report 2021 Key Findings. URL: <https://www.inputmag.dk/wp-content/uploads/2021/07/Adobe-Global-Emoji-Trend-Report-2021-Findings.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).

Amalina I. N., Azam Y. Cultural Interpretation of Emoji in Malaysian Context // Innovation and Transformation in Humanities for a Sustainable Tomorrow. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2020. Vol. 89. P. 751–758.

Cuteness in mobile messaging: An exploration of virtual “cute” sticker use in China and the United States / D. Yang, L. Labato, S. M. Davis, Y. Qin // International Journal of Communication. 2023. Vol. 17. P. 819–840.

Emoji: what they are, what they mean, and how to use them. URL: <https://www.seozoom.com/emoji/> (дата обращения: 23.03.2025).

Herring S. C., Dainas A. R. Gender and Age Influences on Interpretation of Emoji Functions // Transactions on Social Computing. 2020. Vol. 3, N 2. P. 1–26.

How Gen Z Uses Emoji: A Guide For Millennials. URL: <https://www.dictionary.com/e/gen-z-explains-emoji-to-millennials/> (дата обращения: 23.03.2025).

Saudi Arabia: Sending red heart emoji can land people in jail for 5 years. URL: <https://www.siasat.com/saudi-arabia-sending-red-heart-emoji-can-land-people-in-jail-for-5-years-2278530> (дата обращения: 05.04.2025).

The Future of Creativity: 2022 U. S. Emoji Trend Report reveals insights on emoji use for 📧, 🤖 and more 🤖. URL: <https://blog.adobe.com/en/publish/2022/09/13/emoji-trend-report-2022> (дата обращения: 12.04.2025).

What Words Won't Say. URL: <https://www.statista.com/chart/14775/what-words-wont-say> (дата обращения: 20.03.2025).

Yuki M., Maddux W. W., Masuda T. Are the windows to the soul the same in the East and West? Cultural differences in using the eyes and mouth as cues to recognize emotions in Japan and the United States // Journal of Experimental Social Psychology. 2007. Vol. 43, Iss. 2. P. 303–311.

КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию контекстуальных лексических оппозиций. Предпринимается попытка выявить особенности формирования контекстуальных оппозиций английских фразовых глаголов.

Ключевые слова: категоризация, онтологические оппозиции, прагматические оппозиции, контекстуальные лексические оппозиции, английские фразовые глаголы, ориентационная метафора.

A. Chimitova

Irkutsk State University, Irkutsk

CONTEXTUAL LEXICAL OPPOSITIONS

Abstract. The article is devoted to the study of contextual lexical oppositions. An attempt is made to identify the features of the formation of contextual oppositions of English phrasal verbs.

Keywords: categorization, ontological oppositions, pragmatic oppositions, contextual lexical opposition, English phrasal verbs, orientational metaphor.

Под категоризацией понимают процесс «членения внешнего и внутреннего мира человека сообразно сущностным характеристикам его функционирования и бытия» [Краткий ... , 1996, с. 42]. В основе данного процесса лежит мыслительная операция противопоставления. Выделение человеком противоположностей предметов и явлений окружающей действительности фиксируется средствами языка в оппозициях.

Под языковыми оппозициями (от лат. *oppositio* – противопоставление) понимают «лингвистически существенное (выполняющее семиологическую функцию) различие между единицами плана выражения, которому соответствует различие между единицами плана содержания, и наоборот» [Лингвистический ... , 1990]. В языке оппозиции представлены на всех его уровнях.

Рассматривая языковые оппозиции, К. В. Гудкова характеризует их как онтологический класс. Онтологические оппозиции описываются как «закрепленные в системе языка и зафиксированные в словарном фонде» [Гудкова, 2011, с. 126]. Онтологические оппозиции зафиксированы в системе языка, и носителями языка сразу воспринимаются как противоположности. На дискурсивном уровне оппозиции интерпретируются как прагматические. Под прагматическими оппозициями понимают «оппозиции, создаваемые говорящим или пишущим в конкретный момент и служащие его прагматической цели» [Там же]. Прагматические оппозиции не зафиксированы в системе языка как противоположности. Категоризация на данном уровне определяется контекстуальными факторами.

Н. В. Соловьева понимает контекстуальные оппозиции как «передающие значение противоположности в пределах конкретного контекста и

представленные словосочетаниями с предлогами, не являющимися системными антонимами, или синтаксическими конструкциями, лексическое наполнение которых не совпадает полностью» [Соловьева, 2015, с. 184]. Контекстуальные оппозиции рассматриваются как несистемные типы оппозиций, реализуемые в рамках связного текста.

Являясь примером несистемных, неконвенциональных отношений, контекстуальные оппозиции представляют особый интерес для лингвистического исследования. Целью данной работы является выявление особенностей формирования контекстуальных оппозиций английских фразовых глаголов в произведениях художественной литературы.

В настоящем исследовании под контекстуальными лексическими оппозициями мы понимаем отношения противопоставления между членами одной лексико-семантической парадигмы в пределах конкретного контекста. Рассматриваемые оппозиции не зафиксированы в системе языка и не воспринимаются носителями языка как противоположные единицы вне анализируемого контекста.

Примером контекстуальных лексических оппозиций может служить пара фразовых глаголов *burn down* и *build back up*, взятая из романа Л. Сноу *Garden of Lions* из серии книг Sydney: Harlequin Books. В рассматриваемом примере целью автора является противопоставить характеры двух личностей, героини, которая могла бы сжечь место дотла, и ее деда, противоположного ей по темпераменту, который бы попытался исправить положение и отстроил бы все заново.

*I sincerely think that if she took it into her mind **to burn the place down**, her grandfather would merely apologize for her and **build it back up** again [Snow, 1985, p. 303].*

В данном примере контекстуальную оппозицию образуют фразовые глаголы, которые не противопоставляются в языковой системе. Фразовый глагол *burn down* имеет значение «уничтожать огнем». Согласно ориентационным метафорам [Lakoff, 1980], послелог *down* в структуре фразового глагола указывает на завершенность действия. Подразумевается полное уничтожение места с помощью огня. *Build back up* употребляется в значении «отстроить заново». Послелог *back* в структуре фразового глагола указывает на отношение обратной направленности действия. Первичное действие выражается глаголом *burn*, а действие, имеющее обратное направление, – глаголом *build*, который сопровождается послелогом *back*. Послелог *up* в структуре фразового глагола имеет переосмысленное значение «завершенности действия». Семантическим признаком, по которому происходит противопоставление, является «уничтожение места – восстановление (построение) места». Происходит контекстуальное противопоставление глагольных компонентов фразовых глаголов, исполняющих прагматическую функцию. Оба послелога *down* и *up* имеют переосмысленное значение «завершенности действия», они образуют оппозицию, однако не

являются равнозначными. Значение «завершенности» действия у рассматриваемых послелогов определяется переносным значением «уменьшения объема действия» у послелога down и переносным значением «увеличения объема действия» у послелога up [Ногина, 1977]. Послелог down и up, помимо завершенности действия, имеют переосмысленное пространственное значение. Если дом сгорает, он сравнивается с землей, а если строится, то от фундамента растет вверх. Переосмысленное пространственное значение рассматриваемых послелогов образует противопоставление. Рассматриваемая пара фразовых глаголов burn down и build back up образует оппозицию лишь в контексте для реализации замысла автора произведения.

В романе Стивена Кинга «Tommyknockers» одна из героинь по имени Рут Маккосланд, пытаясь побороть напавших на нее летучих мышей, падает в люк. Рут теряет сознание и приходит в себя через четыре минуты.

She grayed out and came back some four minutes later [King, 1988, p. 747].

В рассматриваемом примере оппозицию составляют фразовые глаголы gray out и come back. В результате падения в люк героиня романа теряет сознание от удара, полученного при приземлении. Согласно словарной статье, представленной в Merriam-Webster Dictionary, фразовый глагол gray out означает «испытать временное ухудшение или нечеткость зрения, возникающее в результате нарушения мозгового кровообращения» [Merriam-Webster Dictionary]. Ухудшение зрения может сопровождаться кратковременной потерей сознания. Глагольный компонент gray в составе фразового глагола обозначает серую пелену, возникшую перед глазами человека в результате нарушения кровообращения в мозге. Согласно ориентационным метафорам, жизнь концептуализируется как «контейнер», а нахождение вне «контейнера», на которое указывает послелог out, обозначает умирание [Богданова, 2006]. Послелог out в составе фразового глагола gray out указывает на покидание, хоть и временное, героиней пределов «контейнера». С потерей сознания происходит временная «смерть» героини.

Возвращением к жизни является возвращение в пределы «контейнера». Концепт «жизнь» может репрезентироваться в терминах движения: чтобы прийти в себя, героиня словно проделывает путь, направляясь обратно в пределы «контейнера». Глагол come имеет семантический компонент «движения к чему-либо», в рассматриваемом контексте происходит движение к жизни. Послелог back в составе фразового глагола come back описывает действие, направленное назад. Героиня романа движется обратно к «контейнеру», репрезентирующему жизнь. Так, фразовый глагол come back приобретает переосмысленное значение «очнуться», «вернуться к жизни». Оппозиция фразовых глаголов gray out и come back в рассматриваемом контексте обусловлена наличием переосмысленных значений у каждого фразового глагола в отдельности. Семантическим признаком, по

которому происходит противопоставление, является «потеря сознания – возвращение сознания».

Согласно теории концептуальной метафоры [Lakoff, 1980], люди – это «контейнеры», отделенные от мира поверхностью кожи. Люди воспринимают остальной мир как находящийся вне них. Даже если не существует естественного физического препятствия, которое возможно воспринимать как границы «контейнера», человек может мысленно очертить эти границы. Примером этого могут служить ситуации, в которых человек мысленно выстраивает личные границы, как бы отделяя себя от других людей. Особенно четко это проявляется при взаимодействии незнакомых или малознакомых людей друг с другом. В таких случаях общепринято соблюдать некую негласную как физическую, так и эмоциональную дистанцию между людьми. Нам непривычно и некомфортно, когда незнакомые или малознакомые нам люди находятся очень близко к выстроенным нами границам или пересекают их.

Рассказ «In a Season of Calm Weather» входит в сборник Рэя Брэдбери «A Medicine for Melancholy». Герой рассказа, ценитель искусства Джордж Смит, отдыхая на побережье, встречает своего кумира – художника Пабло Пикассо. Однако встреча не оправдала ожиданий Джона, ведь, встретив кумира, он не смог вымолвить ни слова, а лишь открыл рот, закрыл его, протянул художнику руку и сразу же отдернул ее.

George Smith opened his mouth, closed it, put out his hand, took it back [Bradbury, 1981, p. 183].

Субъектом действия в рассматриваемом примере выступает Джон Смит. Ошеломленный внезапной встречей со своим кумиром, Джон протягивает ему руку в знак приветствия, но сразу же отдергивает ее. Протягивая руку, Джон выходит за границы «контейнера», свои личные границы. Привычный жест приветствия в данной ситуации играет большую роль, чем обычные правила этикета. Джон стремится прикоснуться к своему кумиру, однако из-за волнения или неспособности осознать реальность происходящего сразу же возвращается в «безопасное место», мысленно очерченные границы своего «контейнера». Общим компонентом в семантической структуре глаголов *put* и *take* и основой для противопоставления является *move* [Cambridge Dictionary]. Пространственно-направительную функцию в составе фразовых глаголов играют послелогов. Послелог *out* в составе фразового глагола *put out* обозначает направление перемещения за границы «контейнера», в свою очередь, послелог *back* указывает на направление обратно в границы «контейнера».

Рассмотренные пары фразовых глаголов являются примерами несистемных оппозитивных отношений среди данных лексических единиц. Безусловно, формирование таких видов оппозиций напрямую зависит от контекста и намерений автора. Однако, как показал проведенный анализ

контекстуальных лексических оппозиций английских фразовых глаголов, важную роль в формировании противопоставления играют механизмы концептуализации действительности. В рассмотренных примерах оппозиции основываются на переосмысленных пространственных отношениях (в паре фразовых глаголов *burn down* и *build back up* и в паре фразовых глаголов *gray out* и *come back*). При этом глагольные компоненты *burn* и *build*, *gray* и *come* образуют оппозиции только в рамках данных контекстов. Важное значение в формировании оппозиций во фразовых глаголах имеют пространственные послелого. Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирование контекстуальных лексических оппозиций в системе английских фразовых глаголов является сложным и многоаспектным явлением.

Литература

- Богданова С. Ю. Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов. Иркутск : Репроцентр А1, 2006. 180 с.
- Гудкова К. В. Английские бинарные оппозиции в языке и тексте // Вестник СПбГУ. 2011. № 4. С. 122–129.
- Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. 248 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.
- Ногина И. В. О номинативных единицах типа *get out* в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. М., 1977. 288 с.
- Соловьева Н. В. Оппозиция как объект теоретического исследования (на материале английского языка) // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2015. № 4 (46), ч. 2. С. 179–185.
- Bradbury R. *A Medicine for Melancholy*. Toronto ; N. Y. : Bantam Books, 1981. 183 p.
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/put?q=PUT> (дата обращения: 13.06.2025).
- King S. *The Tommyknockers*. N. Y. : Signet, 1988. 747 p.
- Lakoff G. *Metaphors we live by*. Chicago : University of Chicago Press, 1980. 242 p.
- Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/gray%20out> (дата обращения: 06.06.2025).
- Snow L. *Garden of Lions*. Sydney : Harlequin Books, 1985. 303 p.

РЕФЛЕКСИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНКРЕТИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОНЦЕПЦИЙ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ

Аннотация. Отмечено, что в условиях растущей глобализации культурные обмены становятся все более интенсивными. Исследование позволяет глубже понять эволюцию традиционной культурной идентичности в процессе модернизации, предлагая новые перспективы для теории культурной самоидентификации и имея чрезвычайно важное теоретическое значение для развития культурного разнообразия.

Ключевые слова: модернизация, глобализация, традиционная культурная идентичность, динамичность, взаимовлияние.

Chen Hongli

Transbaikal State University, Chita

REFLECTION AND CONSTRUCTION OF TRADITIONAL CULTURAL IDENTITY: THEORETICAL ELABORATION AND RESEARCH FRAMEWORKS OF CHINESE SCHOLARS

Abstract. In today's increasingly globalized world, cultural exchanges are becoming more frequent. This study allows for a deeper understanding of the evolution of traditional cultural identity during the modernization process, offering new research perspectives for cultural identity theory. It also holds significant theoretical importance for the development of cultural diversity.

Keywords: modernization, globalization, traditional cultural identity, dynamic nature, mutual influence.

В многообразном контексте современного общества, независимо от того, откуда вы родом, фундаментальный вопрос «Кто я?» остается неизбежным. Люди часто ищут ответы на вопросы «Кто мы?» и «Откуда мы пришли?» в традициях, что и составляет культурную идентичность. Возвращаясь к истокам, можно отметить, что уже в середине XX в. культурная идентичность стала одной из ключевых тем академических исследований. Одна из важных причин возникновения этой проблематики заключается в том, что процесс модернизации не только ускорил перемещение капитала, информации и технологий, но и привел к масштабной миграции населения в глобальном масштабе. Все больше людей выбирают иммиграцию в поисках лучших условий жизни и возможностей для своего развития.

В этом случае у людей возникает противоречивый сплав стремления и тревоги в отношении своей культурной идентичности. Столкнувшись с этими изменениями, Стюарт Холл пытался сформулировать проблему: «Я должен найти временный способ существования – как для мира, в который я вхожу, так и для себя самого» [Hall, 2017, p. 271]. Его идеи имеют клю-

ческое значение для понимания проблем культурной идентичности меньшинств и маргинализированных групп, так как предлагают теоретическую перспективу для анализа индивидуальной культурной идентичности в условиях социальных и культурных трансформаций.

С ускорением глобального процесса модернизации все более очевидно, что отношения между человеком и природой становятся более отдаленными, связь с семьей ослабевает, а это, в свою очередь, вызывает насущную потребность в самоидентификации, что приводит к размышлениям о том, как сохранить духовную связь с «традицией». В работах Хань Юэхуа и Су Чжицзя подчеркивается: «Культурная идентичность становится проблемой именно в силу развития современности и ее глобального распространения: модернизация разрушает устойчивые социальные структуры и модели взаимодействия, характерные для традиционного общества» [韩月华, 苏志加, 2006, 第51页]. Религия, семья и другие традиционные авторитеты, некогда занимавшие центральное место в жизни людей, постепенно теряют свое влияние, что ведет к растущему отчуждению между традиционной культурной идентичностью и реалиями современной жизни.

Примечательно, что в конце 1960-х гг. К. Е. Блэк опубликовал ряд работ, таких как «Модернизация России и Японии», «Динамика модернизации» и «Сравнительная модернизация», которые внесли значительный вклад в развитие теории модернизации. Как отмечает Блэк: «До этого термин “современность” широко использовался для описания общих черт наиболее развитых стран в технологической, политической, экономической и социальной сферах, а “модернизация” – для обозначения процесса, посредством которого эти страны приобретали данные характеристики» [布莱克, 1988, 第9–10页]. Ученый подчеркивает: «Мы ни в коем случае не должны воспринимать модернизацию как простой переход от традиционного к современному, а скорее как часть бесконечного континуума, протянувшегося от древнейших времен до неопределенного будущего» [布莱克, 1988, 第75页].

В начале 1980-х гг. в многочисленных исследованиях Эдварда Шилза значительное внимание уделялось осмыслению традиции – ее сущности, формированию, эволюции, а также взаимосвязи с модернизацией. В своей книге «О традиции» ученый определяет традицию как «то, что передается из поколения в поколение» [希尔斯, 2014, 第12页]. Он подчеркивает, что традиция не является статичной, а представляет собой «серию вариаций вокруг принятой и передаваемой темы» [希尔斯, 2014, 第14页]. Традиция связывает прошлое с современностью, передает эмоциональные связи между людьми и помогает им глубже понимать мир и самих себя. Чэнь Лай отмечает: «Функция традиции заключается в сохранении культурной непрерывности» [陈来, 2016, 第5页]. Для отдельного человека традиция

часто несет в себе глубокие эмоциональные узы и память, например через язык. Ду Вэймин пишет: «Мы глубоко укоренены в первоначальных узах, которые придают смысл нашему существованию каждый день. Эти изначальные связи не могут быть произвольно отвергнуты ни одним человеком, точно так же человек не может сознательно выбрать путь, противоречащий его природе» [杜维明, 2002, 第5页]. Жизненная сила традиции заключается в ее преемственности, которая и позволяет передавать ее из поколения в поколение.

Традиция рождается в прошлом и неизбежно ограничена уровнем познания людей и историческими условиями своего времени. Чжу Кэцзюнь отмечает: «Наука отличается от традиционной культуры, отвергая и отрицая ее. Роль и ценность традиционной культуры заключаются в сохранении и накоплении уже созданного культурного наследия, чья сверхстабильность и консервативность проявляются в различных периодах и этапах развития науки» [朱恪钧, 1987, 第42–43页]. Однако нельзя однозначно утверждать, что все элементы традиции следует принимать или отвергать. Чжэн Ханшэн подчеркивает, что традиция – «это и преемственность поколений в культуре, и ее обновление через изменения; это конструктивный диалектический синтез со стороны современности по отношению к наследию предшествующих поколений и культурное взаимоконструирование, перенимаемое из этого наследия» [郑杭生, 2012, 第5页]. Традиция сохраняется и развивается в динамике, так как фактически в процессе передачи она постоянно обретает новое содержание. Лю Мэнси приводит пример: «Конфуцианство в разные эпохи – в период до Цинь, при Хань, в эпоху Сун-Мин и при Цин – претерпевало изменения, обогащаясь новыми элементами» [刘梦溪, 2004, 第6页].

Как пишет Фэн Цинь, известный российский историк В. О. Ключевский однажды сказал: «Если мы потеряем память о истории, наша душа заблудится во тьме». Эти слова пробудили широкое внимание к важности исторической памяти и заставили задуматься о культурной идентичности традиций. Фэн Цинь утверждает: «Необходимо рассматривать традиционную культуру в ее исходном культурно-историческом контексте» [冯勤, 2006, 第160页], избегая измерения ее ценности через призму «модернизации». В работе группы авторов подчеркивается мысль Цзинь Чунци: «Традиция – это продолжение истории, наиболее верный подход к традиции заключается в том, чтобы следовать ее естественному ходу и обновлять, отбрасывая устаревшее» [金冲及, 1991, 第30页]. Поэтому реализация этой задачи не только уважение к традиции, но и глубокое осознание истории. Это напоминает о необходимости сохранять целостность и подлинность традиции, передавая ее суть следующим поколениям, что напрямую связано с сохранением культурной идентичности и преемственностью традиций.

В условиях глобализации важность культурной идентичности становится все более очевидной. Хантингтон отмечал: «Когда люди из разных цивилизаций в межкультурном пространстве отвечают на вопрос “кто мы?”, они обращаются к “наиболее значимым символам” – предкам, религии, языку, истории, ценностям, обычаям и институтам, чтобы определить свою идентичность» [亨廷顿, 2009, 第5页]. С одной стороны, национальный характер культуры отражает коллективную историческую память, ценностный консенсус и образ жизни народа. По этому поводу Ли Хунту подчеркивает: «Культурная идентичность дает нам ощущение принадлежности, отвечая на вопрос о том, кто мы есть» [李宏图, 2004, 第8页]. Она становится духовной связью, объединяющей национальные чувства, и основой сплоченности нации. С другой стороны, временная природа культуры проявляется в постоянной трансформации ее форм и обогащении содержания в соответствии с запросами эпохи. Ее суть заключается в развитии через наследие, адаптацию и творчество. Чжэн Сяюнь утверждает: «Культурная идентичность – это динамическое понятие, сопровождающее развитие человеческой культуры. Она является ключевым фактором ее существования и развития» [郑晓云, 1992, 第4页].

Глобализация значительно расширила возможности для распространения традиционной культуры. Благодаря интернету, социальным сетям и другим технологиям усиливается межкультурный обмен, а также обогащаются содержание и границы традиционной культуры. Как отмечает Цзе Сяо: «Глобальная сеть радикально упростила контакт и диалог между различными культурными формами, создав основу для мирового культурного обмена. Все это предоставляет благоприятные условия для развития традиционной культуры» [揭晓, 2005, 第204页]. В условиях растущего материального благополучия сегодня люди особенно нуждаются в мудрости и силе, которые можно почерпнуть из традиционной культуры. Шэнь Мин подчеркивает: «Ценность традиционной культуры должна основываться на реальной деятельности. Каждое поколение, выступая субъектом культурного творчества, исходит из существующей традиции, преобразуя ее в элементы своей актуальной практики. Через эту практику традиция преодолевается и возвышается до нового уровня» [申明, 1996, 第40页].

С точки зрения исторической преемственности Китай и Россия, будучи странами с богатой историей и глубокими культурными традициями, демонстрируют высокий уровень ответственности в вопросах сохранения и передачи культурного наследия. Это проявляется, во-первых, в аспекте идейных источников традиционной культуры. Китайская традиционная культура основывается на трех столпах – конфуцианстве, буддизме и даосизме, тогда как Россия опирается на тысячелетнюю православную традицию. Во-вторых – в аспекте трансляции традиционных ценностей. Здесь Китай и Россия имеют значительное сходство: обе страны культивируют

патриотизм, коллективизм, сплоченность, взаимное уважение. Эти ценности занимают центральное место в их культурных системах и считаются ядром культурной идентичности. В-третьих – в аспекте механизмов культурной преемственности: обе страны не только укрепляют защиту культурного наследия, но и интегрируют традиции в современную образовательную систему, воспитывая у молодого поколения интерес к культурному наследию. Именно в этом контексте укрепляется культурная идентичность. Как пишет Ли Чжунхуа: «Культурная идентичность – это достижение консенсуса или нового понимания традиций своего народа в новых исторических условиях» [李中华, 2007, 第101页].

В условиях глобализации разрыв времени и пространства разрушил традиционную локальную замкнутость, усиливая взаимосвязь и взаимозависимость между различными странами и регионами. Эта тенденция создала возможности для диалога между цивилизациями и стимулировала развитие культурного разнообразия. Людям необходимо подходить к изучению других культур с открытым и толерантным мышлением. Как отмечает Чжан Дайнянь: «Хотя экономика движется к глобализации, великие нации неизбежно сохранят независимость своей национальной культуры. Многообразие культур – это будущее мировой культурной эволюции» [张岱年, 2000, 第4页].

Литература

- Hall. Familiar Stranger: A Life Between Two Islands. N. Y. : Duke University Press, 2017. 320 p.
- 亨廷顿.文明的冲突与世界秩序的重建[M].周琪译,北京:新华出版社,2009,总页数:345页.
- 冯勤.论全球化时代中国传统文化的困境与重构[J].西南民族大学学报(人文社科版),2006,(12):第157–160页.
- 刘梦溪.百年中国:文化传统的流失与重建[J].南京师范大学文学院学报,2004,(01):第1–10页.
- 布莱克.现代化的动力[M].段小光译,成都:四川人民出版社,1988,总页数:282页.
- 希尔斯.论传统[M].傅铿,吕乐,译.上海:上海人民出版社,2014,总页数:358页.
- 张岱年,季羨林,张岂之,李文海,李侃,金冲及.批判民族文化虚无主义建设社会主义新文化——“如何正确对待中国传统文化”学术座谈会发言摘编[J].高校理论战线,1991,(01):第26–30页.
- 张岱年.经济全球化与中国文化发展的道路[J].华夏文化,2000,(04):第4页.
- 揭晓.经济全球化与中国传统文化的走向[J].求实,2005,(S1):第203–205页.
- 朱格钧.论科学与传统文化的矛盾关系[J].社会科学,1987,(06):第42–45页.
- 李中华.国学、国学热与文化认同[J].北京行政学院学报,2007,(03):第96–101页.
- 李宏图.全球化时代的多元文化认同[J].社会观察,2004,(04):第8页.
- 杜维明,刘德斌.文明对话的语境:全球化与多样性[J].史学集刊,2002,(01):第1–13页.
- 申明.传统文化的评价原则与中国传统文化的价值评判[J].理论与改革,1996,(10):第40–42页.
- 郑晓云.文化认同论[M].北京:中国社会科学出版社,1992,总页数:366页.
- 郑杭生.论“传统”的现代性变迁——一种社会学视野[J].学习与实践,2012,(01):第5–12+2页.
- 陈来.守望传统的价值[J].社会主义核心价值观研究,2016,2(04):第5–10页.
- 韩月华,苏志加.对中国传统文化的当代认同的几点思考[J].宜宾学院学报,2006,(03):第50–52页.

MEDIA MANIPULATION THROUGH DISCOURSE: A CRITICAL ANALYSIS APPROACH

Abstract. The article offers a comprehensive perspective on media discourse manipulation by exploring three key areas: discourse and discourse analysis, critical discourse analysis, and manipulation in media discourse. We focus on manipulative and linguistic techniques that allow demonstrating the power of language. Through this approach, the article seeks to reveal how media language shapes public perception and influences opinion.

Keywords: discourse, media, critical discourse analysis, manipulation.

С. Н. Зарезина

Даляньский университет, Далянь
Иркутский государственный университет, Иркутск

МАНИПУЛЯЦИЯ В МАССМЕДИА: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Аннотация. Представлен анализ манипуляции в медиадискурсе через рассмотрение трех ключевых аспектов: дискурс и его анализ, критический дискурс-анализ и механизмы манипуляции в медиaprостранстве. Особое внимание уделяется технологиям воздействия на аудиторию, включая лингвистические приемы, что позволяет раскрыть, каким образом язык СМИ формирует общественное восприятие и влияет на общественное мнение.

Ключевые слова: дискурс, медиа, критический анализ дискурса, манипуляция, лингвистические приемы.

Media discourse plays a powerful role in shaping public perception, often subtly influencing opinions through language and framing. By examining key aspects of discourse analysis, critical discourse analysis, and media manipulation, this article uncovers the strategies used to shape narratives and control information flow.

In the introduction of “The handbook of Discourse Analysis” D. Tannen et al. noted that there are three main categories of discourse definition:

1. *Discourse refers to any use of language that goes beyond a single sentence.* It encompasses everything beyond the sentence level, integrating such aspects as phonology, morphology, syntax, semantics, and pragmatics. When two sentences are connected, or when two individuals engage in conversation, we move into the realm of discourse. It is where language operates in context and interaction, creating meaning beyond isolated sentences.

2. *Discourse is the practical use of language in context.* It pertains to how individuals engage with language to perform actions or communicate within specific situations. For instance, a casual conversation between us in a coffee shop would serve as an example of discourse, showcasing language in action within a particular setting.

3. *Discourse encompasses a wider scope of social practices, including elements beyond linguistic usage and specific language instances.* “It incorporates non-linguistic aspects, such as the clothing people wear, the objects they carry, like devices or bags, and even props. It involves non-verbal elements like gestures, body posture, facial expressions, and other signals that are not considered linguistic language. Furthermore, discourse includes non-specific instances of language use, extending beyond individual conversations in particular contexts. It reflects a general understanding of how language is employed in interactions, both spoken and written, across different types of discourse. On a broader level, discourse represents a collection of themes, ideas, and shared knowledge that exist prior to actual language use. This background understanding influences what can be expressed or thought within specific discourses, such as those related to Military, Religion, Madness, Diseases, or Travel. These frameworks of discourse are acquired through upbringing, experience, and education, shaping our understanding and expression within specific contexts. Thus, in this perspective, both non-linguistic and non-specific aspects are integral to the study of discourse” [Tannen, 2015, p. 34].

Discourse Analysis or *Discourse Studies* is a general term for a number of approaches to analyse written, vocal, sign language use, or any significant semi-otic event. J. P. Gee breaks down discourse analysis into two basic approaches:

The first one is basically *pure descriptive (largely linguistic)*. It looks at the language details and how languages and their grammars work together to cohere and make things that people say meaningful in a broad sense.

The second key approach is *the critical perspective*, which emphasizes the applied understanding of linguistic information. Researchers working within this framework seek to explore how power operates within society through language. Initially, this approach was used to study political discourse, but over time, it was extended to analyze mass media and advertising narratives – areas that play a role in shaping people’s beliefs and, indirectly, influencing their actions [Gee, 2014].

Critical Discourse Analysis (CDA) is a multidisciplinary method for examining discourse, treating language as a form of social practice. Scholars in this field argue that linguistic and non-linguistic practices influence each other, focusing on how language both establishes and reinforces societal structures. Essentially, CDA investigates how power is exercised through language.

This approach emerged in East Anglia in the 1970-s, a time when linguistic studies paid little attention to social hierarchy and power dynamics in language. N. Fairclough, along with the Lancaster School of Language, was a central figure in developing CDA. Other key contributors, such as R. Wodak and T. van Dijk, examined socio-political contexts and political speech, identifying ways in which language can be used to manipulate audiences.

Transitioning to media manipulation, it is worth mentioning that beyond direct, face-to-face communication, contemporary society also engages in dis-

course where participants are separated by time and space. While this applies broadly to written language, mass media – including television, radio, films, and newspapers – has become a major platform for such communication. Media discourse is particularly compelling because the nature of power dynamics within it is often obscured, with underlying structures of influence that may not be immediately visible.

N. Fairclough mentions that “the British media work overwhelmingly in favour of power-holders. The media operate as a means for the expression and reproduction of the power of the dominant class and bloc. It’s usually a hidden power because it is implicit in the practices of the media rather than being explicit” [Fairclough, 2001, p. 51].

The clearest distinction between face-to-face discourse and media discourse is the latter’s inherent one-sidedness. In direct interaction, individuals switch between the roles of producer and interpreter, engaging in a dynamic exchange. In contrast, media discourse – and written communication in general – creates a distinct separation between those who produce content and those who interpret it. Additionally, since media products often function as commodities, participants alternate between producers and consumers. Another notable difference is that in face-to-face discourse, speakers tailor their messages specifically for the individuals they are engaging with. In contrast, media discourse is crafted for a broad audience, where journalists do not directly address specific people but rather an idealized recipient – a viewer, listener, or reader.

Teun A. van Dijk explores how manipulation in media discourse functions as a communicative and interactional practice, where a manipulator exerts control over others, often against their best interests or without their full awareness. While manipulation is typically seen in a negative light, van Dijk notes that, in certain contexts, it can resemble legitimate persuasion. The key distinction lies in the recipient’s autonomy: in persuasion, individuals freely choose whether to accept the arguments presented, whereas in manipulation, they are placed in a passive role, influenced in ways that limit their ability to critically assess the information. His study highlights how manipulation operates within political and media discourse, subtly shaping perceptions and reinforcing power structures [Van Dijk, 2006].

When considering whether the hidden power of the media is manipulative, we must acknowledge that there is no definitive answer. While it can shape audience perceptions, it does not operate in the same way for those who produce media discourse – journalists and media professionals. For them, this influence is embedded within production practices and professional frameworks, which function as mechanisms enabling media to serve those in positions of power.

Exploring the concepts of media manipulation and potential power abuse naturally leads to the question of whether clear norms and ethical standards exist to guide journalists in presenting information responsibly within media discourse.

Discussing journalistic ethics, J. Willis developed a concept known as the “formula of objectivity”. He asserts that journalists should maintain a strict level of detachment from the events they report. This means avoiding personal involvement, refraining from forming biased relationships with individuals involved, setting aside personal prejudices, and adopting the role of impartial observers on behalf of the wider public who are unable to witness events firsthand [Willis, 1991].

According to BBC’s viewpoint taken from BBC web-site, articles in broadsheet papers are “more complicated, with the vocabulary more advanced, the tone more formal and serious as they focus on important national and international issues. They are full of facts, like names, dates and places as well as opinions presented accurately and giving quotes and direct statements. Articles and news reports tend to have a more formal and neutral tone” [BBC website].

In examining the nature of reality, journalists often reshape the portrayal of real events in their news coverage and articles, employing various techniques to influence how information is perceived by the audience. Let us focus on mostly commonly used ones:

1. *Positive self-presentation and negative framing of others* – one form of manipulation occurs when journalists emphasize their own favourable aspects while highlighting the negative aspects of others.

2. *Selective information and omission* – distorting facts or providing limited details can lead to biased reporting. For instance, if media outlets offer incomplete or otherwise skewed portrayals of a politician during an election campaign, they influence the voting decisions of readers or listeners.

3. *Emphasis on irrelevant details* – news stories may contain elements of truth but also include extraneous information, making them misleading or exaggerated. This technique relates to presupposition, where certain unstated assumptions are embedded within the narrative to subtly shape audience perception. Such misleading narratives can also stem from “urban myths” – stories that circulate widely but lack factual accuracy.

4. *Shifting focus away from crucial facts* – by downplaying significant details and emphasizing trivial elements, journalists can influence how a situation is perceived. This often involves ambiguity, where statements are left open to interpretation, allowing different audiences to interpret them in different ways.

5. *Generalization of information* – instead of presenting specific, concrete examples, journalists may use broad statements that obscure precise details, making the narrative more vague. This ties into contrastive pairs, where journalists juxtapose opposing ideas to highlight differences – shaping the overall perception of an issue.

To manipulate audiences and impose certain viewpoints, journalists apply a wide range of linguistic techniques:

Lexical choices – word selection plays a crucial role in shaping narratives. Because languages contain numerous synonyms and variations in tone, journalists can craft specific atmospheres and emotional undertones within their articles.

Stylistic devices – these rhetorical tools enhance persuasion, emotional appeal, and engagement. They fall into two categories:

Lexical stylistic devices – examples include hyperbole (exaggeration), euphemism (softening harsh language), dysphemism (using harsher wording), metonymy (substituting one term for another associated with it, “the crown” representing authority), metaphor (drawing comparisons based on shared traits), oxymoron (pairing contradictory words), and general comparisons. Additionally, loaded language – the use of emotionally charged words (“freedom fighter” instead of “rebel”) – plays a significant role in shaping audience perception, influencing how issues are framed and understood.

Syntactical stylistic devices – sentence structure is strategically employed to shape emphasis. Techniques such as active vs. passive voice, nominalization (converting a verb into a noun phrase), inversion (altering word order), ellipsis (omitting words while retaining meaning), rhetorical questions, anaphora (repeating words at the beginning of sentences), and epiphora (repeating words at the end) help highlight key points and guide audience perception. The use of parallelism – repetition of sentence structures – can create rhythm and reinforce particular viewpoints.

In conclusion, different sorts of linguistic techniques employed in journalism play a crucial role in shaping public perception and influencing discourse. While some approaches aim to provide balanced and factual information, others may introduce bias, manipulation, or subtle persuasion through selective framing, word choice, and rhetorical devices. By recognizing these methods, such as omission, loaded language, presupposition, and stylistic elements, readers can develop media literacy skills that allow them to critically evaluate news and distinguish between objective reporting and editorial influence. Ultimately, understanding the power of language in media discourse empowers audiences to engage with information more thoughtfully, fostering a more informed and discerning society.

References

BBC website. URL: www.bbc.co.uk/bitesize/guides/z2t3rdm/recision/6 (date of access: 23.04.2025).

Gee J. P. *An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method*. 4th ed. L. : Routledge Taylor & Francis Group, 2014. 248 p.

Tannen D., Hamilton H. E., Schiffrin D. *The handbook of Discourse Analysis*. 2nd ed. N. J. : Wiley-Blackwell, 2015. 992 p.

Van Dijk T. A. *Discourse and Manipulation // Discourse and Society*. 2006. Vol. 17, N 3. P. 359–383.

Willis J. *The Shadow World: Life between the News Media and Reality*. Westport : Praeger, 1991. 272 p.

Fairclough N. *Language and Power*. 2nd ed. L. : Routledge, 2001. 240 p.

亚太国家语言、文化与社会在不同话语实践中的符号学研究——以中俄文化交流年为背景

摘要. 2024–2025 年中俄文化交流年为深化两国之间以及更广泛亚太地区国家间的语言与文化交流提供了重要契机。语言作为文化的重要载体，在社会交往与不同话语实践中扮演着至关重要的角色。本文基于符号学理论，探讨了亚太国家在不同社会语境中语言、文化和社会符号的互动机制。文章首先梳理了符号学视角下语言与文化关系的基本理论框架，随后分析了中国、日本、韩国及东南亚国家在官方、商业、网络及传统领域的话语实践特点。进一步结合中俄文化交流实际案例，剖析了文化符号在跨语言交流中出现的误读、重构与创新现象。最后，本文指出，在全球化与区域一体化加速发展的背景下，亚太地区的跨文化交际正呈现出同质化与异质化并存的趋势。文章呼吁，应通过提升跨文化符号理解与运用能力，推动区域内更加深度、精准的文化对话与合作。本文对于深化中俄文化交流及提升亚太地区文化互通具有一定的理论价值和实践意义。

关键词：符号学；语言符号；文化交流；亚太地区；话语实践；跨文化交际；中俄文化交流年；社会符号系统

Ma Guangdong

Zabaikalsky State University, China

A STUDY ON THE SEMIOTICS OF LANGUAGE, CULTURE AND SOCIETY IN DIFFERENT DISCOURSE PRACTICES IN ASIA-PACIFIC COUNTRIES – IS BASED ON THE YEAR OF CULTURAL EXCHANGE BETWEEN CHINA AND RUSSIA

Abstract. The Sino-Russian Year of Cultural Exchange from 2024 to 2025 provides a significant opportunity for deepening linguistic and cultural exchanges between the two countries and more broadly across the Asia-Pacific region. Language, as an essential medium of culture, plays a crucial role in social interactions and diverse discursive practices. This article, grounded in semiotic theory, explores the interactive mechanisms of language, culture, and social symbols among Asia-Pacific nations in various social contexts. It first outlines the basic theoretical framework of the relationship between language and culture from a semiotic perspective, then analyzes the characteristics of discourse practices in official, commercial, online, and traditional domains in China, Japan, South Korea, and Southeast Asian countries. Further, it examines the misinterpretation, reconstruction, and innovation phenomena of cultural symbols in cross-linguistic communication through actual cases of Sino-Russian cultural exchange. Finally, the article points out that, against the backdrop of accelerated globalization and regional integration, intercultural communication in the Asia-Pacific region is showing a trend of coexistence between homogenization and heterogenization. The article calls for enhancing the ability to understand and use intercultural symbols to promote deeper and more precise cultural dialogue and cooperation within the region. This paper has both theoretical value and practical significance for deepening Sino-Russian cultural exchange and improving cultural connectivity in the Asia-Pacific region.

Keywords: semiotics, language symbols, cultural exchange, Asia-Pacific region, discourse practice, intercultural communication, China-Russia Year of Cultural Exchange, social symbol system.

1. 引言

中俄建交以来，一直保持着密切的文化交流与合作，2024—2025 年被确定为中俄文化交流年，标志着中俄关系进入了更加全面深入发展的新阶段，中俄文化交流年活动也将由此拉开序幕。在此背景下，语言与文化的互动成为促进理解和加强合作的重要桥梁，语言不仅是沟通的工具，更是文化认同和社会结构的重要体现；文化则通过语言符号得以延续，并得到传播和创新。因此，深入研究语言、文化与社会的关系，对于有效促进中俄乃至亚太地区的文化交流具有十分重要的现实意义和理论价值。

符号学作为研究符号及其意义建构机制的学科，为分析语言与文化之间复杂互动提供了强有力的方法论支持。从索绪尔的“能指—所指”⁰ 理论到皮尔斯的“符号三分法”，⁰ 符号学不仅揭示了语言内部结构的规律，也为跨文化交际中意义生成与理解的差异提供了解释框架。尤其是在多语种、多文化并存的亚太地区，不同社会群体在公共交流、商业广告、网络传播及传统礼仪等不同话语实践中，构建了丰富多样的语言符号系统。这些符号系统既反映了各自独特的文化传统，也在全球化进程中不断演化与交融。

与此同时，中俄文化交流过程中也不可避免地出现了文化误读与符号误译的现象。颜色象征意义、称谓使用、礼仪习惯等方面的差异，往往在跨文化交际中引发理解偏差，甚至形成交流障碍。面对这些挑战，需要在更深层次上把握符号系统背后的文化逻辑与社会背景，以实现更加精准、有效的跨文化沟通。本文拟从符号学视角出发，系统探讨亚太国家不同话语实践中的语言、文化与社会符号现象。通过理论分析与案例研究，揭示语言符号在文化交流中的关键作用与演变趋势，为中俄文化交流年及未来亚太地区跨文化合作提供参考和启示。

2. 理论框架：符号学与语言文化研究

2.1 符号学基本理论概述

符号学（semiotics）作为一门独立的学科，旨在研究符号及其在社会交往和意义建构中的作用。现代符号学的奠基人费迪南·德·索绪尔（F. de Saussure）在其《普通语言学教程》中提出了语言符号的二元结构，即能指（signifier）与所指（signified）。⁰ 能指是符号的物质表现，如文字、声音；所指则是与之相关联的概念或意义。索绪尔强调，符号的关系是任意

的 (arbitrary), 即符号形式与其意义之间没有必然联系, 这种关系是通过社会习惯固化下来的。

查尔斯·桑德斯·皮尔斯 (C. S. Peirce) 则提出了另一种符号三分理论, 将符号划分为象征符 (symbol)、指示符 (index) 和图像符 (icon)。象征符是通过约定或习惯而确定意义的符号, 如语言文字; 指示符是通过直接联系指向对象的符号, 如指路标志; 而图像符则是通过相似性来指代对象的, 如照片、地图等。皮尔斯的理论强调了符号与其对象之间多样化的关系, 为理解跨文化交流中符号多义性和解释弹性提供了重要视角。

此外, 尤里·洛特曼 (Ю. М. Лотман) 作为俄罗斯符号学的重要代表, 提出了“文化语境中的符号学空间”概念, 认为文化本身就是一个符号系统, 通过符号的生成、传递和再编码实现文化的动态演变。[4] 洛特曼强调, 在不同文化背景中, 同一符号可能承载不同甚至对立的意义, 这一观点对于分析跨文化交流中的符号变异具有重要的启发意义。

2.2 符号学视角下的语言与文化关系

语言是人类沟通的工具, 也是文化经验和社会价值观的集中体现, 从符号学的角度看, 语言是一套复杂的符号系统, 它通过编码和解码的过程, 实现了意义的建构和传递, 语言的符号系统是一套复杂的符号系统。每一种语言符号都植根于特定的文化语境中, 反映了文化的世界观、价值系统和社会结构。

在不同的文化中, 同样的语言符号可能有着截然不同的含义, 比如在汉语中, “龙”象征着力量和吉祥, 而在西方文化中, 则往往把龙看作是邪恶和毁灭的象征。这种符号意义的差异在跨文化交流中显得尤为重要, 稍不留神就可能造成误解或冲突, 因此, 对语言背后文化符号体系的理解是进行有效跨文化交流的先决条件, 这是跨文化交流的一个重要因素。

此外, 文化交流不仅仅是对现成的符号意义的传递, 还包括新符号的创造、旧符号意义的转变等。比如在全球化条件下, 英语中有很多来自亚太地区的文化符号, 如“feng shui” (风水)、“karaoke” (卡拉 OK) 等。

2.3 话语实践中的符号建构机制

话语实践 (discourse practice) 是语言符号在具体社会交往情境中的实际运用过程。从符号学角度来看, 话语实践不仅仅是语言的简单使用, 而

是符号意义不断建构、协商与变异的动态过程。每一次话语实践，都是意义在特定社会文化背景下重新生产与调整的过程。

在亚太地区，由于文化、宗教、历史背景的多样性，不同国家和地区在话语实践中展现出显著的符号差异。例如，在日本商业广告中，礼貌性表达和间接性话语占主导地位，体现了日本文化中对和谐与礼仪的高度重视；而在东南亚国家，如泰国和菲律宾，广告话语则更强调亲切感与情感投入，展现出不同的社会文化符号逻辑。

中俄文化交流中话语实践上也存在差异。在正式场合称谓上，俄语重视职务和姓氏，中文则更注重礼貌和尊称，这也容易在跨文化交际中引发不适或误解，因此了解话语实践中的符号建构有助于加强跨文化交际的有效性和敏感性。

3. 亚太国家语言文化符号实践特征

3.1 中国：传统与现代符号系统的融合

作为亚太地区重要的文明古国，中国的语言文化符号体系具有悠久的历史传统和鲜明的当代转化特征，汉字作为主要的书写符号，在承担语言沟通功能的同时，也占据着文化遗产的核心地位。每一个汉字本身，都是蕴含哲学思想、社会价值和审美观念的高度浓缩的文化符号。

现代社会，随着经济全球化和互联网技术的发展，中国语言文化符号系统呈现出传统与现代共存的特点。比如，寓意“福到”的“福”字倒贴，在新媒体平台上通过微信发送“福”字表情包等方式，将这种寓意“福到”的传统习俗赋予了更多现代元素，形成了一种新的数字符号做法[曾昕, 2021]。

此外，在国际交往中，中国常通过礼貌用语和成语引用来传递文化内涵。例如，“和而不同”“海纳百川”等表达，不仅体现出中华文化的包容性理念，也在跨文化交流中扮演着重要的文化符号角色。

3.2 日本：礼仪性与间接性的符号实践

日本文化中非常重视社会秩序与人际关系的和谐，而这种文化特性在语言符号实践中表现得尤为明显，在日语中存在复杂的敬语(*keigo*) 体系，通过动词的不同变化和称谓，表达出尊重他人身份和谦卑自己的态度。

从符号学的角度看，日本的语言实践具有显著的间接性和模糊性，比如日语中的“ええ、ちょっと……”(嗯，有点……)(在不同语境中可能意

味着拒绝、犹豫或另有安排,需要通过上下文和非语言符号(如表情、语调)来理解真正的意图。

此外,日本在公共符号系统设计上也体现出文化中的秩序感与集体主义精神。地铁站内统一规范的图形符号、商业广告中细腻而温和的话语表达,均展现出符号实践中对社会规则与礼貌的高度依赖。

3.3 韩国:集体认同与情感表达的符号体系

在韩语文化符号实践中,强调情感联结和社会集体认同,韩语中的“情”(“情”)概念是理解韩国符号实践的核心,指的是代际之间感情深厚、经久不衰的联系。

在日常交际中,韩国人倾向于使用体现亲密关系和集体归属感的表达方式,如在正式与非正式场合之间切换称谓(使用亲昵称呼“오빠”“언니”等),以及在语言中频繁使用感叹词、模糊语气助词(如“진짜로?”“대박!”)以增强情感共鸣。

在全球传播中,韩国流行文化(如K-POP、韩剧)也通过极富情感色彩和视觉符号强化的语言实践(如特定手势、特定用语),塑造出鲜明的国家形象,使语言文化符号成为国家软实力的一部分,而这种文化符号在韩国的传播中,又具有了鲜明的形象。

3.4 东南亚国家:多语言共生与跨文化符号适应

东南亚国家由于历史上受到多种文明(印度、中国、伊斯兰、欧洲殖民等)的影响,形成了语言文化的高度多元共生格局。以新加坡为例,官方语言包括英语、中文、马来语、Temil语,但在实际交流中,体现多文化融合与创意的本土适应,“新式英语”(新式英语)成为一种非常具有本土特色的符号实践形式。在泰国、菲律宾、马来西亚等国,商业领域广泛采用英语作为交流工具,但当地文化符号(如宗教礼仪、节日符号)在语言实践中仍占据重要地位。例如泰国商业广告中常嵌入佛教元素,以体现社会主流价值,提升文化认同,东南亚国家在符号实践中表现出极高的灵活性和包容性,并能根据沟通对象和场景,对语言和文化符号的选择和组合进行调整。这种灵活的适应性,使得东南亚成为一个跨语言、跨文化交流的重要试验场域。

4. 中俄文化交流年背景下的跨文化符号交流问题与前景分析

4.1 当前中俄跨文化交流中的符号实践现状

2024—2025 年中俄文化交流年为两国提供了前所未有的文化互动平台。在这一背景下，语言与文化符号作为跨文化交际的重要媒介，发挥着核心作用。

当前中俄交流中的符号实践具有以下特点：

首先，象征性符号的应用增多。如在官方活动中，使用具有民族特色的符号（中方的书法、剪纸艺术，俄方的民间手工艺、东正教图像等）来强化国家形象与文化认同。其次，语言融合现象显著。在交流活动中，出现了大量融合性语言实践，例如，中文与俄文标语并列出现，双语导览系统增设，以及在教育与科技领域推行的中俄双语项目。再次，媒体与新兴平台成为主要载体。通过社交媒体（如微博、VK、抖音国际版 TikTok、YouTube）进行符号传播，形成了新型、多模态的语言文化实践场域，符号的多样性与流动性进一步增强。

4.2 中俄符号交流中存在的主要问题

尽管中俄文化交往比较频繁，但在具体语言文化符号的使用方面仍有一些问题，具体表现在：

符号理解偏差：不同的文化背景下存在差异的符号，有些传统符号在跨文化传播中容易被误读，例如中国的“龙”在中国本土的文化语境中象征权威和吉祥，在俄罗斯的文化语境中则可能带有负面意义[张驰, 2025]。

语言中介障碍：虽然中俄双方都在开展对方国家语言教育工作，但是总体上仍然存在双语人才数量不足的情况，导致在符号解释与转译中出现误差。

文化符号本地化适应性不足：在推广过程中部分文化符号缺乏本地化策略导致文化传播效果受到限制，例如，部分中国传统节日符号在俄罗斯受众中并不具有广泛认知度，限制文化交流。

4.3 中俄跨文化符号交流的未来发展前景

针对以上问题，中俄双方在未来合作中可以从以下几个方向优化符号交流实践：

加强符号语义对接与文化适配：在交流项目设计中，深入研究彼此文化符号的语义系统，避免误解与歧义，推动建立符号对等的跨文化解释机制[骆明弟, 2025]。

培养双语双文化复合型人才：系统提升翻译、外语教育、跨文化交际专业人才培养质量，尤其是增强跨文化符号敏感性与符号创新能力。

拓展多模态传播渠道：利用 VR/AR、短视频、沉浸式展览等新兴数字技术，丰富符号传播方式，提升文化体验的沉浸感与互动性。

推动地方文化细分交流：除了首都间的大型官方活动，应鼓励地方城市、高校、民间组织等开展小规模、多样化的文化交流，利用地方性符号促进多层次、多渠道的文化认知与理解。

通过系统优化，中俄在文化符号层面的交流不仅能够实现信息传递，更能促进深层次文化认同与情感共鸣，为两国关系发展注入持续动力。

5. 结论

2024—2025 年中俄文化交流年为两国深理解、拓展合作提供了重要契机。本文基于文化学与语言学交叉视角，探讨了中俄跨文化交流中符号实践的重要性、现存问题及发展前景，得出以下主要结论：

首先，符号在中俄文化交流中起着桥梁作用。无论是语言文字、传统艺术、礼仪习俗，还是当代多模态媒介下的视觉、听觉符号，它们共同构建了跨文化交际的基础框架。通过符号，语言与文化得以相互渗透、理解与认同 [段永, 2025]。

其次，当前中俄跨文化交流呈现出象征性符号应用广泛、多语融合趋势明显、新兴平台活跃等新特点，展现了交流实践的活力与多样性。然而，在具体实践中也存在符号理解偏差、语言中介不足、本地化策略缺失等问题，亟需系统化应对与改进。

再次，未来中俄文化符号交流的发展应以加强文化适配、培养复合型人才、拓展传播渠道、深化地方互动为主要方向，推动符号实践由表层交流走向深层认同。这不仅有助于文化软实力的提升，也为中俄关系的长期稳定与繁荣注入了新的动力。

最后，本文强调，文化符号交流不仅是技术性传播，更是价值体系、认知模式与情感体验的深度互动。在全球化与区域合作交织发展的背景下，中俄应以文化交流年为起点，持续深化符号学层面的合作探索，打造兼具特色性与共通性的文化交流新范式。

通过深入研究与实际行动，中俄文化交流将在语言与文化符号的交融中不断拓展新的边界，助力构建更加紧密的人文纽带与命运共同体。

参考书目

骆明弟.索绪尔语言符号任意性“不可论证”内涵探讨[J].同济大学学报(社会科学版),2025,36(01):118-128.

张驰.指示符号[J].外国文学, 2025, (01):109-120.DOI:10.16430/j.cnki.fl.2025.01.008.

曾昕.谈索绪尔语言学思想对现代语言学教学的影响—评《普通语言学教程》[J].中国教育月刊, 2021, (02):126.

段永.传统地理学中的“天地人”合一[J].中华建设,2025,(04):20-21.

РАЗДЕЛ VII

ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 811.581.11

Н. С. Асланова

Портал по этимологии китайских иероглифов «Вэнь Цзы», Санкт-Петербург

ЦИФРОВЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ЭТИМОЛОГИИ КИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

Аннотация. Представлен обзор цифровых методов в изучении этимологии китайских иероглифов. В связи с этим рассматриваются ключевые проекты и специализированные базы данных в Китае, западных странах и России. Особое внимание уделено российскому portalу «Вэнь Цзы» как локальной инициативе по систематизации этимологических знаний и популяризации китайской письменности. Показано, что цифровые технологии способствуют сохранению культурного наследия, повышают доступность научной информации и интеграцию этимологических данных в образовательную среду.

Ключевые слова: этимология, китайские иероглифы, китайский язык, даосизм.

N. Aslanova

The Etymology Portal of Chinese Characters “Wen Zi”, St. Petersburg

DIGITAL METHODS IN THE STUDY OF THE ETYMOLOGY OF CHINESE CHARACTERS

Abstract. The purpose of this article is to review digital methods in the study of the etymology of Chinese characters. It examines key projects and specialized databases developed in China, Western countries, and Russia. Special attention is given to the Russian portal “Wen Zi” as a local initiative for systematizing etymological knowledge and promoting the study of Chinese script. The study demonstrates that digital technologies contribute to the preservation of cultural heritage, enhance access to scholarly information, and support the integration of etymological data into educational contexts.

Keywords: etymology, Chinese characters, Daoism.

Изучение этимологии китайских иероглифов на протяжении многих веков опиралось на традиционные бумажные словари и сборники. Однако в условиях стремительного развития цифровых технологий методы исследования радикально изменились. В последние десятилетия накопленные массивы оцифрованных текстовых данных и археологических находок потребовали новых инструментов для их систематизации, анализа и визуализации. Цифровые методы позволили автоматизировать трудоемкие процессы сбора и анализа данных, что высвободило трудовые ресурсы и дало

толчок дальнейшим исследованиям. Более того, оцифровка больших массивов данных позволила сохранять культурное наследие в удобной для последующих поколений форме.

Развитие цифровых методов в Китае

Китай является одним из лидеров в применении цифровых технологий для этимологических исследований. С 1980-х гг., когда персональные компьютеры начали широко использоваться, китайские ученые активно изучают возможности цифровых инструментов в гуманитарных науках. В этот период формируются направления «цифровых гуманитарных наук» и «компьютерного источниковедения». В рамках научного дискурса анализируется влияние электронных баз данных, архивов визуальных материалов, специализированного программного обеспечения и других цифровых ресурсов на исследовательские подходы и методологию работы в гуманитарной сфере. При этом особое внимание уделяется не только потенциальным возможностям, открываемым этими технологиями, но и их ограничениям. В результате создаются обширные базы данных и исследовательские платформы для изучения древнекитайской письменности.

В обобщенном виде основные направления цифровизации исследований китайских иероглифов можно представить следующим образом:

1. Систематический сбор и оцифровка изображений и текстов древних письменных памятников, а также формирование специализированных баз и связанной с ними археологической информации.
2. Обработка научных публикаций: извлечение изображений из академических работ, последующая расшифровка текстов и интеграция этих данных в электронные хранилища.
3. Формирование комплексных баз данных: систематизация информации о графических формах, структурных элементах, вариантах прочтения, текстовых примерах, лексических значениях и интерпретациях древних знаков.
4. Создание тематических междисциплинарных баз данных, способствующих более глубокому изучению китайской иероглифики в контексте смежных научных областей.

Одним из распространенных классификационных подходов является группировка цифровых баз по хронологическому признаку. В частности, создаются и активно используются базы данных, посвященные письменностям различных эпох, таких как период Шан, Западная Чжоу, Вёсен и Осеней, эпоха Сражающихся царств, а также династии Цинь и Хань и последующих периодов. Каждая из баз отражает особенности графической системы, употребления и эволюции иероглифов, характерных для соответствующего времени. В качестве примеров можно указать базу иероглифов на панцирях и костях «Хранилище иньских письмен» (殷契文淵) [База иероглифов ...] и каталог надписей на бронзе и камне до эпох Цинь и Хань

«Полное собрание китайских эпиграфических памятников» (中國金石總錄) [Каталог надписей ...].

Другим важным критерием классификации цифровых ресурсов является тип материального носителя, на котором зафиксированы иероглифические памятники. В этой связи выделяются специализированные справочники и базы данных, посвященные знакам, обнаруженным на гадательных панцирях и костях (цзягувэнь), бронзовых сосудах (цзиньвэнь), бамбуковых и деревянных дощечках, шелке и других артефактах Древнего Китая. В качестве примера можно привести платформу «База данных графики и текстовых примеров на древнекитайских бамбуковых и шелковых свитках» (中國古代簡帛字形, 辭例數據庫) [Платформа ...].

Кроме того, цифровые базы можно дифференцировать в зависимости от характера представленной информации и функционального назначения. Сюда относятся собрания графических форм иероглифов, этимологические словари, лексикографические справочники, а также базы данных, содержащие различные варианты толкований и комментариев к знакам и текстам. Такая многоуровневая структура электронных ресурсов способствует более глубокому и системному изучению древнекитайской письменности как в рамках специализированных исследований, так и для междисциплинарного научного применения.

Особое значение имеют ресурсы, посвященные изучению словаря «Шовэнь цзецзы» (說文解字) как основы этимологических исследований. Один из наиболее значимых проектов в этой сфере был запущен в августе 2019 г. под руководством профессора Ван Нин (王寧) из Пекинского педагогического университета (北京師範大學). Данный проект [Научно-исследовательский проект ...] реализуется в рамках Государственного фонда общественных наук Китая «Цифровое изучение „Шовэнь цзецзы“ и создание исследовательской платформы» (數字化說文學及其研究平臺構建). Эта база данных позволяет осуществлять поиск по иероглифам, проводить полнотекстовый поиск по комментариям и толкованиям, анализировать исторические формы, чтения и значения знаков.

Проект Wenlin: западный опыт

На международной арене одним из наиболее известных проектов, реализующих цифровые методы в области этимологии китайских иероглифов, является англоязычная платформа Wenlin Software и связанный с ней ресурс Wenlin.co [Англоязычная платформа ...].

Wenlin представляет собой комплексную онлайн-платформу, сочетающую функции электронного словаря и обучающей системы по китайской этимологии. Этимологический раздел Wenlin базируется на переводах «Шовэнь цзецзы», работах Леона Вигера, Бернарда Карлгрэна, а также современных этимологических словарях.

Проект Wenlin, изначально разработанный для англоязычной аудитории, занял важную нишу в исследовательской практике, став специализированным инструментом для китайстов, занимающихся системным изучением этимологии китайских иероглифов.

Российский проект: Портал по этимологии китайских иероглифов «Вэнь Цзы» (wenzi.ru)

На российском научном поле цифровая этимология китайских иероглифов только начинает развиваться. Уникальным примером является Портал по этимологии китайских иероглифов «Вэнь Цзы» (文字) [Портал ...]. Проект был инициирован Центром «Дао Дэ» (道德) [Центр ...] и реализован под руководством Д. А. Артемьева. Центр «Дао Дэ» специализируется на комплексном изучении даосской традиции, включая как практические аспекты, так и теоретические исследования с акцентом на перевод древнекитайских текстов и анализ развития китайской письменности. Созданный в рамках деятельности Центра этимологический портал представляет собой первую в русскоязычном пространстве систематизированную базу данных для исследований в данной области.

Цели создания Портала по этимологии «Вэнь Цзы»:

- объединение в одной базе данных всех значимых источников по этимологии китайских иероглифов с переводами на русский язык;
- обеспечение быстрого и удобного поиска по иероглифам;
- систематизация знаний о формах, значениях и историческом развитии знаков.

Особенности Портала «Вэнь Цзы»:

- более 3000 иероглифов с подробными этимологическими комментариями;
- представление древних форм (сяочжуань, кайшу) с разбором составных компонентов;
- возможность проследить развитие производных знаков от простых к сложным;
- переводы ключевых трудов по этимологии на русский язык, включая как классические, так и современные источники.

Отличительной чертой проекта является его инклюзивный характер: база данных открыта для сотрудничества с профессиональными исследователями (преподавателями и студентами Китаеведческих специальностей), а также с волонтерами и энтузиастами, обладающими знаниями в области китайской иероглифики и мотивированными на популяризацию знаний об этимологии китайских иероглифов. Таким образом, создается не только академический ресурс, но и платформа для вовлечения широкой аудитории в научные исследования.

Стоит подчеркнуть, что Портал «Вэнь Цзы» становится важным учебным ресурсом для российских образовательных учреждений, где изучают китайский язык – от школ до профильных вузов. Применение этимологического анализа при изучении китайских иероглифов позволяет выявлять их системную организацию и внутреннюю логику построения, что способствует более глубокому пониманию структуры письменных знаков. Этимологический подход раскрывает смысловые связи между графическими элементами, демонстрируя закономерности их формирования в исторической перспективе. Это не только облегчает процесс запоминания, но и обеспечивает осознанное усвоение материала через понимание культурно-исторического контекста возникновения иероглифических форм. Данная методика обучения трансформирует восприятие китайской письменности из набора черт в стройную систему визуально-смысловых соответствий, где каждый компонент обладает четкой функциональной нагрузкой и историческим обоснованием.

В заключение следует отметить, что цифровые методы в изучении этимологии китайских иероглифов открывают новые горизонты для преподавателей, лингвистов, историков и всех, кто интересуется китайской письменностью. Опыт Китая, западных стран и России свидетельствует о растущей роли цифровых технологий в гуманитарных науках. Такие проекты, как Wenlin и «Вэнь Цзы», способствуют интеграции традиционного научного знания в современные информационные среды, обеспечивая доступность, точность и актуальность исследований.

Развитие подобных инициатив в России имеет важное значение для популяризации китайской культуры и углубленного изучения китайского языка. Совмещение научного подхода с цифровым инструментарием является ключом к будущим открытиям в области этимологии китайских иероглифов.

Литература

Англоязычная платформа по изучению этимологии иероглифов. URL: <https://wenlin.cn/> (дата обращения: 14.05.2025).

База иероглифов на панцирях и костях «Хранилище иньских письмен» (殷契文淵). URL: <https://jgw.aynu.edu.cn/> (дата обращения: 14.05.2025).

Каталог надписей на бронзе и камне до эпох Цинь и Хань «Полное собрание китайских эпиграфических памятников» (中國金石總錄). URL: <http://www.ch5000.com.cn/> (дата обращения: 14.05.2025).

Научно-исследовательский проект «Цифровое изучение „Шовэнь цзецзы“ и создание исследовательской платформы» (數字化說文學及其研究平臺構建). URL: <https://szsw.bnu.edu.cn/> (дата обращения: 14.05.2025).

Платформа «База данных графики и текстовых примеров на древнекитайских бамбуковых и шелковых свитках» (中國古代簡帛字形辭例數據庫). URL: <http://www.bsm.org.cn/zxcl/> (дата обращения: 14.05.2025).

Портал по этимологии китайских иероглифов «Вэнь Цзы» (文字). URL: <http://wenzi.ru/> (дата обращения: 14.05.2025).

Центр изучения даосизма «Дао Дэ» (道德). URL: <http://daode.ru/> (дата обращения: 14.05.2025).

РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. Изучается влияние регионального компонента АТР на преподавание иностранного языка в неязыковом вузе. Приведены причины необходимости включения данного компонента и указаны факты положительного влияния такой практики на уровень подготовки обучающихся.

Ключевые слова: региональный компонент, лингводидактика, обучение английскому языку, неязыковой вуз.

S. Gartung

Maritime State University named after admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok

REGIONAL COMPONENT IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY IN ASIA PACIFIC REGION COUNTRIES

Abstract. This article aims to consider the influence of the regional context of the Asia-Pacific (APAC) on foreign language teaching at non-language universities. The reasons for including this component are given, as are the facts demonstrating the positive impact of such a practice on students' training.

Keywords: APAC, lingvodidactics, English language teaching, non-linguistic university.

Последние тенденции в образовании отмечены переходом методик преподавания в личностно ориентированную плоскость, а также обращением к сохранению исторического и культурного наследия для формирования национальной идентичности. В этой связи включение национальных и региональных компонентов в образовательные программы в эпоху глобализации видится особенно актуальным. Их интеграция позволяет не только «передать нравственный, культурный код нашего народа» и «обязательно учитывать традиции, культуру каждого региона» по указу Президента Российской Федерации В. В. Путина [Стенограмма ...], но и повысить мотивацию к изучению новых дисциплин через призму уже имеющихся знаний о регионе.

Зачастую региональный компонент рассматривается как методическая необходимость в дошкольном образовании. Методикам развития личности детей и формирования картины мира с использованием материалов о родном регионе посвящено немало научных и методических работ. Авторы программ дисциплин общего среднего образования также активно используют национально-региональный компонент для обучающей, развивающей и воспитательной целей. Установлено, что содержание образовательного процесса, отражающее региональное своеобразие культуры (истории, литературы, географии и т. д.), способствует всестороннему развитию обу-

чающегося, пониманию культурного кода и становлению патриотичной личности. Чаще всего региональный компонент внедряют в дисциплины, содержание которых так или иначе связано с изучением культуры, истории, языка и географии. Иностранный язык при этом не рассматривается как необходимое поле для подобного содержания. Однако в последнее время, с появлением учебных материалов, реализующих федеральный компонент в образовании, все больше педагогов стали включать и региональный аспект, который обеспечивает осмысление учащимися языковых фактов, специфичных для того или иного региона [Фаткуллина, 2013]. Проекты и коммуникативные задания, связанные с историей города, края или культурной составляющей региона (народно-прикладное творчество, сказания, традиции), стимулируют у обучающихся интерес к изучению языка, а также обеспечивают уверенность в успешности коммуникации, так как в ходе их выполнения рассматриваются знакомые им концепты.

В высшем профессиональном образовании в большинстве случаев свое отражение находит лишь федеральный компонент, поскольку разработка регионального компонента находится в ведении субъектов. Тем не менее его полное отсутствие не представляется возможным – закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» (ст. 7) прямо определяет, что в Российской Федерации устанавливаются государственные образовательные стандарты, которые обеспечивают единое образовательное пространство [Об образовании ...]. В большинстве случаев региональный компонент находит свое отражение в образовательных программах и продуктах региональных вузов, а также в отраслевых высших учебных учреждениях.

Региональный компонент Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) находит свое отражение в первую очередь в реализуемых образовательных программах и дисциплинах. Будучи частью огромной логистической и транспортной цепи со странами АТР, субъекты РФ, расположенные ближе к границам, реализуют образовательные программы, связанные с транспортными перевозками и логистикой, международными отношениями и региональными исследованиями. Все это напрямую влияет на наполнение курсов и дисциплин, однако в большей степени влияние приходится на иностранный язык. В целом внедрение регионального компонента в преподавание иностранных языков в неязыковых вузах АТР играет фундаментальную роль в повышении эффективности обучения и подготовке специалистов, способных к межкультурной коммуникации. Данный подход обнаруживает разные пути реализации в странах АТР, но, несомненно, имеет единую цель – преодоление культурных барьеров и формирование профессиональной компетентности студентов на уровне, достаточном для успешной коммуникации.

Специалистам, ведущим свою деятельность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, необходим высокий уровень владения английским языком, так как он является основным средством коммуникации. Подобного уровня при подготовке обучающихся неязыковых специальностей не просто достичь. Для этого используются аутентичные материалы, которые, помимо примеров реального использования изучаемой грамматики и лексики, также дают им знания об англоязычных странах. Однако полноценное понимание и восприятие другой культуры вкупе с ее ценностями и историческими традициями невозможно без знаний о своем регионе. По словам Г. З. Тажитовой, «недостаток знаний о родном регионе является причиной непонимания, источником конфликтов и кризисов в процессе межкультурной коммуникации» [Tazhitova, 2021, p. 173].

Несмотря на немалое количество курсов профессионально ориентированного английского языка, в программах подготовки большинства специальностей именно иностранный язык является дисциплиной базового блока, он необходим для освоения современных коммуникативных технологий, для академического и профессионального взаимодействия. Основным фокусом здесь является развитие коммуникативных навыков с помощью разного рода коммуникативных заданий, ролевых игр и проектов. Региональный компонент мы видим в тематике заданий: они направлены на установление контакта и успешной коммуникации с представителями Азиатско-Тихоокеанского региона, учитывая их социокультурные особенности. Подобное происходит и в обычной жизни обучающихся и ожидает их в период трудовой деятельности, поэтому такой подход повышает активность и вовлеченность студентов на занятиях. Так, коммуникативные задания, построенные на туристическом, географическом и этнографическом компонентах региона, о которых обучающиеся имеют представление, помогают им лучше смоделировать, а затем и воспроизвести в жизни ситуацию представления достопримечательностей своего города, края, страны, обмен информацией, планирование маршрутов в странах АТР, написание текстов в социальных сетях, предназначенных для международного читателя. Также это могут быть ролевые игры, воплощающие ситуации из профессиональной деятельности – диалоги с клиентом, заказ грузов, уточнение информации, телефонные звонки и прочее.

Что касается туристической составляющей, ее включение необходимо как для облегчения будущей коммуникации с представителями других стран на их территории благодаря пониманию в том числе менталитета представителей региона, так и для достоверной и выгодной репрезентации своей страны (историко-культурный и геоклиматический аспекты, особенности флоры и фауны, направления и отрасли производства и т. д.) через призму региона.

Поскольку познание через уже знакомые сущности проще, грамматические структуры объясняются на уже знакомой лексике. Таковыми под влиянием регионального компонента становятся некоторые заимствования из соседствующих стран: «Sakura trees are blooming now», «Would you like some ramen?», «A monsoon is coming in a couple of days so all the vessels are going to wait for its end in the bay», «Have you already watched that k-drama I told you about?» и прочие.

Проживание в логистическом и транспортном хабе также накладывает свой отпечаток – обучающиеся обладают знанием немалого числа транспортных терминов, слов, связанных с торговлей и логистикой, даже если их специальность не сосредоточена на этом. Области АТР, расположенные у моря, обладают некоторым преимуществом в изучении английского языка – как известно, в английском немало слов и выражений, имеющих мореходную подоплеку и историю, что объясняется историей англоговорящих стран; жизнь в области с активной морской навигацией помогает изучающим язык-посредник лучше понимать такие слова, в том числе и специализированные термины, например относящиеся к погодным условиям или типам судов. Здесь же можно отметить интерес обучающихся к географическим наименованиям, хотя зачастую это одна из сложных грамматических тем в изучении английского языка в неязыковых вузах в силу обширности материала. Проживание в регионе позволяет лучше запоминать топонимы из-за непосредственной близости к ним.

Особое внимание уделяется тренировке восприятия устной речи, поскольку в Восточно-Азиатском регионе существуют своеобразные разновидности английского языка, фонетические особенности которых делают восприятие акцентной речи затруднительным. Отдельную сложность эта проблема представляет из-за того, что подавляющее число взаимодействий на языке-посреднике происходит между неносителями. Исследователи выделяют восточноазиатский стандарт английского языка, характеризующийся некоторыми особенностями произношения, а именно слоговым характером восточных языков, несоответствием акцентно-тональных черт, опущением согласных, отсутствием четкого фонологического контраста согласных по признаку звонкости/глухости и контрастов ударных/безударных слогов [Завьялова, 2014]. Регулярная отработка навыков аудирования и опыт взаимодействия с носителями такого акцента помогают обучающимся в дальнейшем лучше понимать устную речь и увеличивают степень успешности коммуникации.

Вышеуказанные факторы позволяют обучающимся реализовать себя как в научной сфере (участие в международных исследованиях, форумах и конференциях), так и в профессиональной. Знание английского языка является для специалиста региона не столько конкурентным преимуществом на рынке труда, сколько необходимостью: англоязычное взаимодействие с

носителями и неносителями происходит во всех сферах, а в некоторых отраслях производства, например судостроительной, большая часть документации реализована на английском языке. Профессиональное взаимодействие является фокусом специализированных курсов: деловой английский язык, базовый профессиональный английский язык, морской английский язык. Данные курсы направлены на развитие навыков устной и письменной коммуникации на английском языке в ситуациях делового профессионального общения, для достижения достаточного уровня которых привлечены различные коммуникативные методики. Понимание особенностей геополитики региона, экономических отношений, ценностей и нюансов менталитета способствует не только успешному деловому взаимодействию, но и налаживанию трансграничных отношений.

Страны АТР в целом показывают тенденцию к усилению языковой подготовки будущих специалистов под влиянием социально-экономических причин. В отчете ЮНЕСКО было отмечено, что учебные программы не отвечают потребностям современных обучающихся, и необходимо не только внедрение таких программ и методик, которые смогут обеспечить подготовку к жизни и профессиональной деятельности в быстро меняющемся мире, но и трансформация образовательной системы [Transforming teaching ...]. Исследователи отмечают разницу в уровнях подготовки в более экономически значимых городах в сравнении с малыми и удаленными населенными пунктами, а также превалирующую роль культуры англоязычных стран в учебных пособиях.

Опыт других стран АТР показывает, что включение местного культурного материала помогает студентам в изучении английского языка, использование культурного материала уменьшает иностранный оттенок материала, снижает уровень стресса студентов благодаря знакомству с материалом [Mahardika, 2018]. Были проведены исследования, доказывающие это на примере аудирования. Так, японские обучающиеся легче и лучше воспринимали аудиоотрывки, содержащие знакомые культурные элементы. Было отмечено, что они эффективнее запоминали лексику, грамматику и лучше понимали контекст [Carlson, 2019].

Таким образом, региональный компонент в регионах АТР при изучении английского языка в вузах является отражением не только повседневных реалий, но и торговых отношений и геополитических тенденций. Свою реализацию находит также и профессиональная составляющая, предполагающая взаимодействие с партнерами, которая является основополагающей для подавляющего числа студентов, изучающих английский язык.

Литература

Завьялова В. Л. Специфика речевого взаимодействия на языке-посреднике в АТР: проблемы восприятия восточноазиатского акцента // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (42). С. 50–57.

Об образовании : закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 // Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 150.

Стенограмма выступления Путина на заседании Президиума Государственного совета. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedaniiprezidiuma-gosudarstvennogo-soveta-25-08-2021.html> (дата обращения: 15.05.2025).

Фаткуллина З. Р. Использование национально-регионального компонента в обучении для повышения интереса к иностранному языку // Международный научно-исследовательский журнал. 2013. № 11–2 (18). С. 106–109.

Carlson G. Listening comprehension through culturally familiar contexts: A case study in Japan // 2019. N 58. P. 39–59.

Mahardika I Gusti Ngurah Agung Wijaya. Incorporating Local Culture in English Teaching Material for Undergraduate Students // SHS Web of Conferences. 2018. N 42. P. 35–45.

Tazhitova G. Regional approach in the content of English language instruction at the university level: A case of Kazakhstan // International Journal of Society, Culture and Language. 2021. Vol. 9, N 2. P. 170–179.

Transforming teaching and learning in Asia and the Pacific: case studies from seven countries UNESCO Office Bangkok and Regional Bureau for Education in Asia and the Pacific. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000232909.locale=ru> (дата обращения: 15.05.2025).

УДК 372.881.111.1

В. В. Калинина

Иркутский государственный университет, Иркутск

ОСОБЕННОСТИ РАННЕГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В РЯДЕ СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Отмечается, что вопрос раннего обучения иностранному языку остается открытым во всем мире; не существует единого подхода по поводу того, когда и как начинать учить детей дошкольного возраста иностранному языку и стоит ли вообще его изучать до школы. Исследуются вопросы раннего обучения иностранным языкам в ряде стран Азиатско-Тихоокеанского региона, таких как США, Канада, Мексика, Колумбия, Китай, Россия. Описывается, какие иностранные языки популярны в тех или иных странах, указывается на возраст, с которого начинают учить иностранный язык, обсуждаются приемы, используемые в обучении. Исследование имеет сравнительный характер, поскольку принимает во внимание особенности обучения дошкольников в каждой приведенной стране. Обобщается опыт г. Иркутска, в котором есть различные образовательные центры, предлагающие обучение иностранным языкам для дошкольников.

Ключевые слова: иностранные языки, раннее обучение, дошкольники, частные школы, детские сады, образовательные центры, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР).

V. Kalinina

Irkutsk State University, Irkutsk

FEATURES OF EARLY LEARNING OF FOREIGN LANGUAGES IN SOME ASIA-PACIFIC COUNTRIES

Abstract. The issue of early foreign language learning remains open all over the world. There is no single approach to when and how to start teaching preschool children a foreign language, and whether it is worth studying it before school at all. The article examines the issue of early foreign language learning in some Asia-Pacific countries, such as the USA, Canada, Mexico, Colombia,

China, and Russia. The author describes which foreign languages are popular in certain countries, indicates the age at which they begin to learn a foreign language, and describes the techniques used in teaching. The study is comparative in nature, since it takes into account the specifics of teaching preschoolers in each country. The author dwells in more detail on the experience of the city of Irkutsk, which has various educational centers offering foreign language training for preschoolers.

Keywords: foreign languages, early learning, preschoolers, private schools, kindergartens, educational centres, Asia-Pacific (APAC).

В последние годы обучение иностранным языкам в раннем возрасте стало важной темой во всем мире. Овладение языком, как правило, является спонтанным процессом, который происходит при участии отдельных людей во время взаимодействия с окружающими, не требуя каких-либо особых усилий, до определенного возраста. Изучение языка предполагает сознательное освоение слов и грамматических правил. Когда взрослый человек изучает новый язык, усвоение и использование знаний – это осознанный процесс, требующий усилий. В то же время дети раннего дошкольного возраста получают новые знания неосознанно, в процессе игры или в повседневных бытовых ситуациях.

По поводу раннего обучения иностранным языкам высказываются различные мнения. Согласно одной точке зрения, дети в период от рождения до подросткового возраста обладают гибкой структурой мозга, и эта гибкость уменьшается с возрастом. Другими словами, психологические особенности детей дошкольного возраста дают им преимущества при изучении иностранного языка на последующих этапах [Симонова, 2021]. Поэтому целесообразно начинать обучение иностранному языку в раннем возрасте. Согласно другой точке зрения, изучение иностранного языка в раннем возрасте негативно влияет на развитие родной речи: дети, рожденные в двуязычной семье, позже начинают говорить, путают слова из разных языков, уже в школе не способны грамотно изложить мысли на родном языке в силу интерференции с изучаемым практически с рождения иностранным языком.

На сегодняшний день невозможно утверждать, когда стоит начать изучение иностранного языка. Равно как и не существует единого метода, который был бы универсальным для всех детей, родители которых решили развивать их в языковом направлении. Каждый ребенок имеет индивидуальные особенности, свои желания, темперамент – следовательно, при обучении иностранному языку используется множество различных методов обучения [Yegenoglu, Bekir, Varol, 2020, p. 382].

В США изучение иностранных языков в дошкольном возрасте не является популярной темой. Во-первых, США являются самодостаточной страной, предоставляющей много возможностей для работы и путешествий. Во-вторых, английский язык является международным языком, и его понимают во всем мире. Поэтому изучение иностранного языка не-

сколько десятилетий назад рассматривалось в рамках спецкурса в старших классах. Согласно данным Центра прикладной лингвистики США за 2008 г., иностранные языки изучаются в 25 % начальных школ США, только 15 % из которых являются государственными, остальные 85 % – частными [Biletska, 2015]. Более того, по данным «Форбс», только 18 % взрослого населения США заявляют, что они владеют иностранным языком, в то время как в Европе 53 % людей способны говорить на иностранном языке [Skorton, Altschuler].

Тем не менее важность изучения иностранного языка подчеркивают в Америке не только лингвисты, психологи, педагоги, но и государственные деятели, считая, что изучение иностранного языка улучшает память, воображение, критическое мышление, когнитивные способности. В современных геополитических условиях Департамент обороны США считает необходимым знание арабского, персидского и русского языков [Biletska, 2015].

В последние годы в основном изучение иностранного языка в США начинается с первого класса, в некоторых школах – с пятого. Самым популярным иностранным языком для американцев является испанский, на втором месте стоит французский, на третьем – немецкий [Orr, 2016]. Неудивительно, что американцы отдают предпочтение испанскому языку, ведь 40 миллионов жителей США являются носителями испанского языка. В качестве второго иностранного языка в школах предлагаются японский, итальянский, китайский, язык жестов, русский и корейский языки (выстроены по популярности) [Там же].

Дошкольные учреждения США не так часто предлагают в своей программе изучение иностранных языков для самых юных американцев. Например, Dwight School New York предлагает для дошкольников курсы по изучению испанского и китайского языков [Dwight schools]. В Bridges Preschool можно изучать испанский язык и язык жестов [Bridges Preschool].

В Канаде существует особый интерес к раннему изучению иностранного языка, поскольку в данной стране два официальных языка: английский и французский. Не вызывает сомнения необходимость раннего изучения английского языка во франкоязычной части страны, поскольку это продиктовано политическими и экономическими условиями. Однако в англоязычной части Канады отношение к изучению французского языка до школы достаточно скептическое. Тем не менее в дошкольном образовании изучению французского языка отводится большая роль. Так, например, в стране используется методика полного погружения во французский язык, включающая три ступени. Начальная ступень (одноязычная) начинается в детском саду, длится до 2–3 класса школы и подразумевает, что все учебные материалы представлены на иностранном языке (французском), при этом детям разрешается общаться друг с другом и с учителем на родном языке (английском). Вторая ступень (двуязычная) длится до 6 класса, во время нее процесс обучения строится на двух языках. Во время третьей

ступени, которая длится до окончания школы, учащиеся изучают 3–5 предметов на французском языке [Stern, Leblanc, Laurendeau]. В частности, «Альянс Франсез» предлагает курсы французского языка для детей от пяти лет в Ванкувере [Alliance Francaise].

В странах Латинской Америки признается важная роль изучения иностранных языков в раннем возрасте. Исследователями подчеркивается взаимосвязь между игрой на иностранном языке и когнитивными навыками, такими как память, критическое мышление, навыки общения [Harris-Van Keuren, Rogriguez-Gomez, 2013, p. 28]. Однако страны Латинской Америки сталкиваются с проблемой нехватки учителей, в частности, учителей английского языка. Например, в Мексике преподавать английский язык детям от 5 до 11 лет может человек, не имеющий педагогического образования; в начальной школе учащиеся сталкиваются с проблемой больших языковых групп, небольшим количеством часов на изучение иностранного языка, недостаточным обеспечением информационных ресурсов дома, таких как кабельное телевидение или интернет [English ... , 2021, p. 25]. Тем не менее есть и положительные примеры. В Колумбии в частных школах существуют двуязычные программы, где преподавателями английского языка являются носители [Correa, Gonzalez, 2016, p. 3].

В Китае существуют как государственные, так и частные дошкольные учреждения, но программы обучения иностранным языкам для дошкольников чаще предлагаются в частных заведениях. Частные детские сады, особенно международные или элитные, включают в программу изучение иностранных языков, чаще всего английского. Занятия могут проходить в игровой форме или через творческие виды деятельности. В таких садах могут предлагаться факультативы по английскому, а также другим языкам (например, французскому или немецкому, реже испанскому), но это зависит от конкретного учреждения. Обучение языкам может начинаться с трех лет, особенно в садах, ориентированных на международные стандарты. Поскольку Китай сейчас является одной из самых передовых стран в плане технологий, для китайских детей 3–8 лет разработали специальные приложения по изучению английского языка. Так, например, компания Apple создала приложение The ABCmouse English Language Learning app, которое включает в себя более 150 уроков, в результате изучения которых дети усваивают более 1000 английских слов в активном запасе и более 2500 слов и фраз в пассиве [Mobile app ...].

В России изучению иностранных языков с раннего детства отводится большая роль. Практически каждый частный детский сад может похвастать обучением английскому языку. Языковые школы предлагают обучение иностранным языкам не только для школьников, но и для детей дошкольного возраста. Родители, задумывающиеся о хорошем образовании для своих старших.

Так, например, в городе Иркутске одной из самых популярных школ по изучению иностранных языков является Частное учреждение дополнительного профессионального образования «Легкая школа» (известная как Easy School). Данная организация предлагает курсы по изучению английского языка с 3 лет, применяя разные формы работы в зависимости от возраста: в возрасте 3–4 лет акцент делается на изучение языка через песни, в возрасте 4–5 лет – через аудирование, в возрасте 5–6 лет – через говорение, в возрасте 6–7 лет обучение фокусируется на чтении и письме. Более того, данное учреждение предлагает билингвальный детский сад, обеспечивающий двуязычную среду для пребывания детей от 2 до 7 лет. В разделе своего сайта, посвященном детскому саду, Easy School указывает, что чтобы накопить словарный запас, дети в течение дня должны слышать около 30 000 слов, именно постоянное языковое окружение помогает им увеличить количество используемых фраз и конструкций. Для обеспечения успешного овладения языком в раннем возрасте детский сад в «Легкой школе» строит обучение через полное погружение в языковую среду в течение дня: в свободной игре, на уроках, во время творческих занятий, на прогулке, во время ролевых и активных игр, во время чтения книг и просмотра коротких мультфильмов, приема пищи, гигиенических процедур и подготовки ко сну [Билингвальный детский]. Китайский язык в «Легкой школе» предлагают для детей с 7 лет, делая акцент на разговорном языке, игровом обучении, использовании транскрипции вместо иероглифов, применяя принцип «говорить, не боясь делать ошибки» [Китайский язык].

Также для детей с 4 лет в Иркутске существуют курсы по изучению английского языка по международной программе GrapeSEED в образовательном центре «Умка», где дети активно вовлекаются в языковое взаимодействие, изучают язык посредством многочисленного повторения по принципу носителей языка, занимаются по специально разработанному приложению с видеоматериалами [Английский по международной]. Английским языком для дошкольников занимаются и другие частные школы, например ЧУДПО «Иркутский Языковой Центр Биг Бен», ЧУДО «Образовательный центр Эй-Би-Си» и другие. Все они ограничиваются английским языком для детей дошкольного возраста.

Обучение пяти иностранным языкам (английский, китайский, немецкий, французский и испанский) предлагает языковой центр «Полиглотики» для детей с 1 года. Данное образовательное учреждение имеет 185 филиалов, располагающихся не только на территории России, но и в Казахстане, Белоруссии и других странах СНГ. На сайте центра указано, что авторская методика и специально разработанные преподавателями центра учебники позволяют построить обучение так, чтобы малыши запоминали новые слова неосознанно, занятия были наполнены творчеством, рисованием, лепкой, песнями, танцами и постоянной сменой видов деятельности [Полиглотики]. Методисты центра утверждают, что дети в самом раннем воз-

расте (от 1 года до 2 лет) при посещении занятий вместе с родителями интуитивно понимают речь преподавателя, в течение года овладевают 80 словами и готовятся к изучению языков на более интенсивном уровне. В возрасте от 2 до 3 лет происходит более активное освоение иностранного языка, когда ребенок способен пополнить свой словарный запас до 420 слов и правильно произносить звуки на иностранном языке. В возрасте от 4 до 6 лет дети могут общаться на простые знакомые темы из повседневной жизни, увеличить словарный запас на 750 слов, читать простые тексты и понимать звучащую речь [Там же].

Говоря о плюсах изучения иностранного языка в раннем возрасте, отметим, что дети очень хорошо овладевают произносительной стороной речи, им не приходится объяснять, как правильно произносится тот или иной звук. Также хорошо формируются простейшие грамматические навыки, когда используется метод многочисленного повторения, который на практике оказывается эффективнее заучивания правил. Детям проще учиться читать, поскольку они могут узнавать в буквенном сочетании знакомые слова. Однако есть и минусы. Наблюдая за детьми, которые начали изучать иностранный язык в раннем возрасте, можно отметить, что если в доме присутствует иноязычная атмосфера, например мама разговаривает с ребенком на иностранном языке в ситуации бытового общения или играет с ним, говоря на иностранном языке, то эффект от такого обучения есть. Словарь накапливается в том случае, когда иностранные слова постоянно окружают детей, а не только на занятиях. Так как в раннем возрасте для детей, в силу их психологических особенностей, не предусмотрены домашние задания, невозможно заставить ребенка выучить определенный список слов, прописать черты, буквы, иероглифы. Этот факт в совокупности с тем, что периодичность занятий составляет два-три дня (стандартный промежуток между занятиями в языковых школах), приводит к риску забывания слов. Более того, в возрасте 3–5 лет у ребенка появляется критическое мышление, он задается вопросом, для чего ему говорить на иностранном языке, когда все вокруг него говорят на родном языке. Ему надоедают одни и те же игры, мультфильмы, книги, преподаватель сталкивается с вопросом, чем еще «удивить» юных учащихся. Навязывание родительской воли и удовлетворение их амбиций могут не помочь, а навредить, вызовут полный отказ от изучения иностранного языка не только в раннем детстве, но и в школе. Поэтому иногда стоит сделать паузу, подождать, когда ребенок снова проявит интерес, и продолжать изучение языка ненавязчивым способом посредством игр, чтения новых книг, просмотра новых мультфильмов.

Литература

Английский по международной программе GrapeSEED. URL: <https://umka-detvora.ru/grapeseed?ysclid=m9gj2v14sm504955139> (дата обращения: 26.04.2025).

- Билингвальный детский сад. URL: <https://onlineeasy.ru/easykindergarten> (дата обращения: 26.04.2025).
- Китайский язык. URL: <https://e-a-s-y.ru/course/chinese-old/#kids> (дата обращения: 26.04.2025).
- Полиглотики. URL: <https://www.poliglotiki.ru> (дата обращения: 26.04.2025).
- Симонова Я. А. Раннее обучение иностранному языку // Форум молодежной науки. 2021. Вып. 2, № 2. С. 68–74.
- Our French classes are tailored for 5 to 7 years old // Alliance Francaise. URL: <https://www.alliancefrancaise.ca/en/language/kids-and-teens-classes/5-to-7/> (дата обращения: 01.05.2025).
- Biletska I. Organizational Principles and Content of Early Foreign Language Learning in the USA // Comparative Professional Pedagogy. 2015. N 5(1). P. 33–38.
- Private Kindergarten // Bridges Preschool. URL: <https://bridgespreschool.com/private-kindergarten/> (дата обращения: 01.05.2025).
- Correa D., Gonzalez A. English Language Teaching in Public Primary Schools in Latin America // Education Policy Analysis Archives. 2016. Vol. 24, N 83. P. 1–25.
- Dwight schools. URL: <https://www.dwight.edu/newyork/academics/languages> (дата обращения: 03.05.2025).
- English Language Teaching in Latin America / ed. by Davies P. Berkeley. California, 2021. 148 p.
- Harris-Van Keuren Chr., Rogriguez-Gomez D. Early Childhood Learning Guidelines in Latin America and the Caribbean. Inter-American Development Bank, 2013. 135 p.
- Mobile app helps Chinese kids learn English by University of Michigan // Phys.org. URL: <https://phys.org/news/2015-06-mobile-app-chinese-kids-english.html> (дата обращения: 01.05.2025).
- Orr M. How Americans Learn Foreign Languages: from Kindergarten to College. Izhevsk, 2016. 2028 p.
- Skorton D., Altschuler G. America's Foreign Language Deficit // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/collegeprose/2012/08/27/americas-foreign-language-deficit/> (дата обращения: 10.05.2025).
- Stern H. H., Leblanc R. A., Laurendeau P. Second-Language Instruction. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/second-language-instruction> (дата обращения: 16.05.2025).
- Yegenoglu F. N., Bekir H. S., Varol S. N. Foreign Language Teaching in Early Childhood. Istanbul : Ekim, 2020. 414 p.

ПРЕПОДАВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КИТАЙСКИМ СТУДЕНТАМ: ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Проводится комплексный анализ особенностей преподавания английского языка китайским студентам в российских вузах. Исследование охватывает три ключевых аспекта: современные тенденции образовательной миграции из Китая, этнопсихологические характеристики китайских учащихся и методические рекомендации по оптимизации учебного процесса. На основе статистических данных и педагогических наблюдений выявляются основные трудности в обучении китайских студентов английскому языку и предлагаются практические решения для повышения эффективности образовательного процесса. Особое внимание уделяется вопросам межкультурной коммуникации и адаптации традиционных российских методик преподавания к когнитивным особенностям китайской аудитории.

Ключевые слова: адаптация, преподавание английского языка, китайские студенты, образовательная миграция, межкультурная коммуникация, методика преподавания.

O. Kuznetsova

Irkutsk State University,
Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch of the Federal Research
Institute of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk

TEACHING ENGLISH TO CHINESE STUDENTS: ETHNOPSYCHOLOGICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the specifics of teaching English to Chinese students in Russian universities. The study covers three key aspects: current trends in educational migration from China, ethnopsychological characteristics of Chinese students, and methodological recommendations for optimizing the educational process. The author identifies the main difficulties in teaching Chinese students English on the basis of statistical data and pedagogical observations. Some practical solutions to improve the effectiveness of the educational process are given. Special attention is paid to the issues of intercultural communication and the adaptation of traditional Russian teaching methods to cognitive characteristics of the Chinese audience.

Keywords: adaptation, teaching English, Chinese students, educational migration, intercultural communication, teaching methods.

Современная политика Российской Федерации в сфере высшего образования предполагает активное развитие международного сотрудничества, и особое место отводится работе с китайскими студентами. По словам главы Минобрнауки России В. Фалькова, за последние несколько лет российско-китайское взаимодействие в сфере высшего образования придало новый импульс образовательным контактам. В рамках восьмого совещания министров образования государств – членов ШОС, прошедшего в 2024 г., министр отметил, что «одним из главных показателей успешной совместной работы стало сохранение высокого уровня академической мобильно-

сти. Реализуется большое количество программ взаимовыгодного сотрудничества региональных университетов, интересных проектов, предлагаются новые формы обучения. Наша задача – развивать и укреплять дружбу между университетами России и Китая и способствовать расширению контактов» [Валерий Фальков ...].

Представляется, что рост числа студентов из КНР в российских вузах обусловлен как политикой «мягкой силы» Китая, так и стратегией российского образования по привлечению иностранных учащихся. Таким образом, все большую актуальность приобретает изучение данного контингента обучающихся с целью их наиболее эффективной адаптации в образовательном пространстве нашей страны. Актуальность таких исследований определяется несколькими факторами. Во-первых, китайские студенты составляют значительную часть иностранного контингента во многих российских университетах. Во-вторых, процесс их обучения сопряжен с рядом трудностей, связанных с культурными и когнитивными различиями. В-третьих, существующие методики преподавания английского языка часто оказываются недостаточно адаптированными к особенностям китайского образовательного менталитета.

Согласно данным Института статистики ЮНЕСКО, Китай сохраняет лидерство по числу студентов, обучающихся за рубежом. В 2022/23 учебном году за пределами КНР обучалось более 1,1 миллиона китайских граждан, что составляет около 16 % от общего количества иностранных студентов в мире. Примечательно, что за последнее десятилетие этот показатель вырос почти в 2,5 раза, демонстрируя устойчивую тенденцию к увеличению образовательной миграции из Китая.

Традиционно наиболее популярными направлениями для китайских студентов остаются следующие:

- 1) США – около 372,5 тыс. студентов (34 % от общего числа);
- 2) Великобритания – 143,8 тыс. (13 %);
- 3) Австралия – 132,7 тыс. (12 %);
- 4) Канада – 105,4 тыс. (9,6 %) [Global ... , 2024].

Эти страны привлекают китайских учащихся высоким качеством образования, признанными дипломами и возможностями для последующей иммиграции. Однако в последние годы наметилась новая тенденция – рост интереса к образовательным программам в азиатских странах. В частности, значительное увеличение числа китайских студентов наблюдается в Японии (+4,54 % в 2022 г.), Южной Корее (+3,91 %), Сингапуре (+3,84 %) [Global ...].

Эксперты связывают эту тенденцию с несколькими факторами: географической близостью, культурным сродством, относительно невысокой стоимостью обучения и улучшением качества образования в этих странах.

Основными факторами, влияющими на выбор китайскими студентами России в качестве места обучения, являются:

- доступная стоимость образования, которая в среднем в 2–3 раза ниже, чем в США или Великобритании;
- географическая близость, что особенно актуально для регионов Дальнего Востока и Сибири;
- наличие определенной сложившейся традиции российско-китайского сотрудничества в сфере образования;
- перспективы трудоустройства – в настоящее время наблюдается растущий спрос на специалистов со знанием русского языка в Китае.

Интересную динамику показывает распределение китайских студентов по регионам России. Если в начале 2010-х гг. большинство выбирало вузы Москвы и Санкт-Петербурга, то в последние годы наблюдается рост популярности университетов Дальнего Востока и Сибири. В частности, в Иркутском государственном университете доля китайских студентов за последние пять лет увеличилась с 48 до 67,5 % от общего числа иностранных учащихся [Кузнецова, Дерюгин, Карапетян, 2025].

Проанализированные исследования подтверждают, что китайские студенты демонстрируют уникальные когнитивные особенности, сформированные многовековой образовательной традицией и особенностями родного языка [Портрет ... , 2011; Ballard, Clanchy, 1991; Jin, Cortazzi, 1998; Watkins, Biggs, 2002; Gieve, Clark, 2005]. Эти характеристики требуют особого внимания при разработке методик преподавания английского языка. Кратко охарактеризуем некоторые из них.

Фундаментальной особенностью является **визуально-аналитический** тип восприятия информации. Это напрямую связано с иероглифической системой письма, где каждый знак представляет собой сложный визуальный образ. В результате у китайских учащихся развивается особая зрительная память, позволяющая эффективно запоминать графические формы, но создающая определенные трудности при работе с фонетическими языками, такими как английский. На практике это проявляется в том, что студенты лучше усваивают материал, представленный в письменной форме – тексты, схемы, таблицы, в то время как устные объяснения и задания на аудирование требуют от них дополнительных усилий и времени на обработку информации.

Важной характеристикой является ориентация на **детализацию и последовательное изучение материала**. В отличие от студентов – представителей западных стран, которые часто стремятся сначала понять общую концепцию, а затем переходить к частностям, учащиеся из КНР предпочитают двигаться от конкретных элементов к обобщениям. Такой подход обусловлен конфуцианской традицией обучения, где большое значение придается тщательному изучению классических текстов с их последующим анализом. В контексте изучения английского языка это выражается в стремлении сначала освоить отдельные слова и грамматические правила и только затем пытаться применять их в речи.

Особого внимания заслуживает **контекстуальность** мышления китайских студентов. Их когнитивный стиль характеризуется высокой зависимостью от конкретного контекста при решении задач. Абстрактные понятия и обобщения даются им сложнее, чем работа с конкретными примерами и практическими ситуациями. Это создает определенные трудности при изучении грамматики английского языка, где требуется оперировать абстрактными категориями и правилами. Преподавателям рекомендуется иллюстрировать грамматические явления максимально наглядными примерами из реальных ситуаций общения.

Еще одной важной особенностью является так называемый **аналитический стиль обработки информации**. Китайские студенты склонны воспринимать объекты как совокупность взаимосвязанных элементов, а не как целостные образы. Это влияет на их подход к изучению языка – они часто стремятся понять каждое слово в предложении, что может замедлять процесс чтения и затруднять понимание общего смысла. Развитие навыков языковой догадки и понимания общего содержания без детального анализа каждого элемента должно стать специальной задачей в работе с данной категорией учащихся.

Таким образом, представляется возможным сформулировать некоторые методические рекомендации для преподавателей, обучающихся студентов из КНР английскому языку. Отметим, что к наиболее серьезным фонетическим проблемам китайских студентов при изучении английского языка можно отнести трудности в различении звуков, отсутствующих в китайском языке, а также сложности с интонацией и ритмом английской речи. При обучении грамматике студенты могут столкнуться с трудностями при усвоении правил употребления артиклей, отсутствующих в китайском языке; большие сложности вызывает понимание системы английских времен; часто встречаются ошибки в согласовании частей предложения. К частотным лексическим ошибкам относят ошибки при использовании многозначных слов; проблемы с многочисленными фразовыми глаголами; злоупотребление буквальным переводом с китайского языка.

Эффективное преподавание английского языка китайским студентам требует тщательной адаптации традиционных методик с учетом когнитивных особенностей обучающихся. Основой такого подхода должно стать постепенное введение коммуникативных методов на фоне сохранения привычных для студентов форм работы.

На начальном этапе обучения целесообразно сочетать традиционные методы, знакомые китайским студентам по их образовательному опыту, с элементами коммуникативного подхода. Например, объяснение новой лексики может начинаться с привычного для них перевода и заучивания, но затем обязательно должно включать упражнения на использование этих слов в конкретных речевых ситуациях. Такой переход от знакомых форм

работы к новым помогает снизить психологический барьер и постепенно адаптировать студентов к активным методам обучения.

Особое внимание следует уделять визуальным опорам в учебном процессе. Учитывая развитую зрительную память китайских студентов, мы можем утверждать, что эффективными оказываются различные формы графического представления информации: схемы грамматических структур с цветовым выделением важных элементов, таблицы сопоставления языковых явлений, инфографика с ключевыми правилами. Например, система английских времен может быть представлена в виде наглядной временной шкалы с примерами, что помогает студентам лучше понять абстрактные грамматические категории.

Работа над произношением требует специальных методических решений. Фонетические различия между китайским и английским языками создают значительные трудности для студентов. Помимо традиционных упражнений на артикуляцию, полезно использовать современные технологии визуализации речи – спектрограммы, которые позволяют студентам видеть особенности произношения и сравнивать их с эталоном. Важно создавать специальные фонетические опоры – например подбирать китайские слова со схожими звуками для облегчения усвоения английской фонетики.

Организация групповой работы также требует адаптации. Коллективистская ориентация китайских студентов может сделать групповые формы работы весьма эффективными, но их нужно вводить постепенно. На первых этапах лучше использовать парные задания с четко определенными ролями, а затем переходить к более сложным формам группового взаимодействия. Важно создавать атмосферу психологической безопасности, где ошибки воспринимаются как естественная часть учебного процесса, а не как угроза «потери лица».

Особое значение приобретает система обратной связи. Китайские студенты, воспитанные в традиции уважения к учителю, могут не задавать вопросы даже при непонимании материала. Поэтому преподавателю важно использовать различные формы проверки понимания – невербальные сигналы, короткие письменные опросы, систему «вопросов на выходе» в конце занятия. Оценки следует давать максимально тактично, акцентируя внимание на прогрессе, а не на недостатках.

Постепенное увеличение доли устных заданий должно сопровождаться созданием четких алгоритмов и образцов. Например, перед дискуссией можно предоставить студентам список полезных фраз и выражений, а ролевые игры сначала проводить по готовым сценариям. Такой структурированный подход помогает снизить тревожность и дает студентам необходимую опору для речевой деятельности.

Таким образом, можно предложить следующую памятку по организации работы с китайскими студентами:

Визуально-аналитический тип восприятия информации	• Лучше усваивают информацию, представленную в графической форме; • испытывают трудности при восприятии устной речи; • нуждаются в дополнительном времени для обработки аудиоматериалов
Ориентация на детализацию	• Концентрируются на отдельных элементах материала; • предпочитают последовательное, пошаговое изучение тем; • испытывают дискомфорт при необходимости делать обобщения
Контекстуальное мышление	• Демонстрируют высокую зависимость от контекста при решении задач; • испытывают трудности при работе с абстрактными понятиями; • испытывают потребность в конкретных примерах и практических приложениях теорий
Отношение к преподавателю как к непререкаемому авторитету	• Избегают публичных вопросов и дискуссий с учителем; • соблюдают значительную дистанцию в отношениях «преподаватель – студент»
Коллективистская ориентация	• Предпочитают групповые формы работы; • избегают выделяться из коллектива; • болезненно воспринимают критику, так как она затрагивает не только индивида, но и всю группу
Концепция «сохранения лица»	• Испытывают страх совершить ошибку и «потерять лицо» перед группой; • избегают ситуаций, где можно проявить некомпетентность; • имеют склонность к молчанию при неполной уверенности в ответе

Итак, китайские студенты представляют собой значительную и перспективную группу иностранных учащихся в российских вузах, численность которой продолжает расти. Эффективное преподавание английского языка этой категории студентов требует учета их этнопсихологических особенностей, включая специфику когнитивных стилей, культурных установок и языковых трудностей. Разработка методических рекомендаций, основанных на принципах постепенности, визуализации и культурной чувствительности, может позволить существенно повысить эффективность учебного процесса. Существенную помощь при преподавании могут оказать разработка специализированных учебных пособий для китайских студентов, изучение эффективности различных технологий в обучении данной категории учащихся и анализ долгосрочных результатов применения адаптированных методик.

Литература

Валерий Фальков провел встречу с Министром образования Китайской Народной Республики Хуай Цзиньпэном. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/81895/?sphrase_id=8794702 (дата обращения: 06.06.2025)

Кузнецова О. В., Дерюгин П. П., Карапетян К. А. Социальный портрет китайского студента-мигранта (на примере Иркутского государственного университета) // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2025. № 1 (6). С. 25–32.

Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации : монография / науч. ред. Е. Ю. Кошелева. Томск : РАУШ МБХ, 2011. 204 с.

Ballard B., Clanchy J. Teaching Students from Overseas: A Brief Guide for Lecturers and Supervisors. Melbourne, 1991. 100 p.

Gieve S., Clark R. The Chinese approach to learning': Cultural trait or situated response? The case of a self-directed learning programme // System. 2005. N 33 (2). P. 261–276.

Global flow of tertiary-level students // UNESCO Institute for statistics. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow> (дата обращения: 04.03.2024).

Jin L., Cortazzi M. Dimensions of dialogue: Large classes in China // International Journal of Educational Research. 1998. N 29. P. 739–761.

Watkins D., Biggs J. Teaching the Chinese learner: psychological and pedagogical perspectives // International Journal of Intercultural Relations. 2002. N 26. P. 595–607.

УДК 130.2:008

Лю Сюаньцзы

Забайкальский государственный университет, Чита

ГРАНИЦЫ И МОСТЫ: МЕХАНИЗМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ПРИГРАНИЧНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КИТАЯ И РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена механизмам межкультурного взаимодействия, влияющим на международное образование. Раскрываются межкультурные особенности приграничного образования: языковой обмен, учебные программы, взаимодействие между преподавателями и студентами. Анализируются способствующие и ограничивающие факторы. Отмечено, что образование эффективно способствует межкультурному взаимодействию через создание образовательного пространства, инновационные модели сотрудничества и усиление культурного обмена.

Ключевые слова: китайско-российское приграничье, международное образование, межкультурное взаимодействие, образовательное сотрудничество, культурный обмен.

Liu Xuanzi

Transbaikal State University, Chita

BORDERS AND BRIDGES: MECHANISMS OF INTERCULTURAL INTERACTION IN THE FIELD OF CROSS-BORDER INTERNATIONAL EDUCATION IN CHINA AND RUSSIA

Abstract. The article is devoted to the mechanisms of intercultural interaction that influence international education. The article reveals the intercultural features of cross-border education: language exchange, curricula, interaction between teachers and students. It analyzes the factors that

promote and limit international education. The article notes that education effectively promotes intercultural interaction through the creation of educational space, innovative models of cooperation and strengthening of cultural exchange.

Keywords: Sino-Russian border area, international education, intercultural interaction, educational cooperation, cultural exchange.

Приграничные районы Китая и России, являясь важными воротами двустороннего взаимодействия, обладают уникальными геополитическими преимуществами и межкультурными особенностями для сферы международного образовательного сотрудничества. С углублением реализации инициативы «Один пояс – один путь» перед китайско-российским приграничным образованием открываются новые возможности развития [杨萍, 2019, 第 43–44 页]. Цель данного исследования – изучить механизмы межкультурного взаимодействия в международном образовании приграничных районов, проанализировать влияющие факторы и предложить стратегии содействия. В работе использованы методы анализа литературы, полевых исследований и кейс-стади, а в качестве объектов исследования выбраны типичные международные образовательные проекты в приграничных районах, таких как Хэйлунцзян и Внутренняя Монголия. Системное изучение моделей функционирования, механизмов взаимодействия, достижений и вызовов этих проектов позволило раскрыть внутренние закономерности межкультурного взаимодействия в китайско-российском приграничном образовании, что может послужить теоретической основой и практическим руководством для углубления образовательного сотрудничества между двумя странами.

Анализ текущего состояния международного образования в китайско-российском приграничье

После многих лет развития международного образования на китайско-российской границе сформировалась многоуровневая и разнотипная модель сотрудничества. В области высшего образования сотрудничество между китайскими и российскими университетами неуклонно расширяется. Так, например, в рамках совместного учебного проекта это проявляется между Хэйлунцзянским университетом и Дальневосточным федеральным университетом России, а также между Харбинским технологическим институтом и Санкт-Петербургским государственным технологическим университетом. В этих проектах обычно используется модель совместного обучения, такая как «2+2» или «3+1». Студенты проходят часть обучения в Китае и России и получают двойную степень или совместный диплом. Что касается профессионального образования, то в приграничных районах между Китаем и Россией был создан ряд центров обучения профессиональным навыкам, как, например, китайско-российская база обучения профессиональным навыкам в Маньчжурии, где основное внимание уде-

ляется подготовке двуязычных специалистов в области трансграничной электронной коммерции, логистики, туризма и в других областях.

Языковое образование является важной частью международного образования на китайско-российской границе. Ряд университетов в Хэйлунцзяне, Цилине и других провинциях открыли отделения по изучению русского языка, в то время как университеты на Дальнем Востоке России также усилили преподавание китайского языка. Институты Конфуция получили широкое распространение на Дальнем Востоке России и стали важной платформой для продвижения китайского образования и китайской культуры. Кроме того, многие начальные и средние школы в приграничных районах предлагают факультативные курсы русского или китайского языков, а некоторые школы запустили программы китайско-российского обмена [赵萱, 2011, 第 70–71 页].

Что касается студенческой мобильности, то китайско-российские приграничные районы демонстрируют характерные черты двусторонней мобильности. Китайские студенты, обучающиеся в России, в основном изучают язык, искусство, энергетику и другие области, в то время как российские студенты, обучающиеся в Китае, в основном изучают китайский язык, экономику, медицину и другие специальности. Благодаря преимуществам географической близости и культурного сходства студенческие обмены в приграничных районах между Китаем и Россией происходят чаще, чем в других регионах. Многие университеты учредили специальные стипендии, чтобы побудить студентов из приграничных районов участвовать в проектах по обмену.

Значительный прогресс был достигнут в создании платформы сотрудничества в области образования. Китай и Россия создали ряд альянсов по сотрудничеству в области образования, например Китайско-российский альянс инженерных университетов и Китайско-российский альянс экономических университетов. Образовательные выставки, основные форумы и другие мероприятия регулярно проводятся в приграничных районах, чтобы обеспечить платформу для обменов и сотрудничества между учебными заведениями. В приграничных районах между Китаем и Россией был создан ряд совместных научно-исследовательских центров для содействия академическим обменам и сотрудничеству в области научных исследований.

Проявления межкультурного взаимодействия

Межкультурное взаимодействие в международном образовании на китайско-российской границе отражается во многих аспектах, таких как языковой обмен, интеграция учебных программ, взаимодействие преподавателя и студента и культурные мероприятия в кампусе. Что касается языкового обмена, то двуязычное обучение между Китаем и Россией стало стандартом большинства проектов сотрудничества. В то время как студенты получают профессиональные знания, они постоянно совершенствуют

свои языковые навыки [杨萍, 2019, 第 44 页]. Во многих проектах создана система языкового партнерства, в рамках которой китайские и русские студенты объединяются в пары, чтобы помогать друг другу, что не только повышает уровень владения языком, но и способствует взаимопониманию. Стоит отметить, что феномен смешанных языков, характерный только для приграничных районов, – «китайско-русские смешанные языки» – проявляется в повседневном общении. Это спонтанное языковое новшество отражает глубину межкультурного взаимодействия [高郁, 2017, 第 12 页].

Что касается разработки учебных программ, то в проектах китайско-российского сотрудничества, как правило, уделяется внимание интеграции культурных элементов. Китайские университеты предлагают российским студентам курсы, предполагающие изучение культуры: история Китая, философия и искусство, в то время как российские университеты предлагают специальные курсы – русская литература, фольклор и музыка. На профессиональных курсах преподаватели проводят сравнительный анализ на примере двух стран, чтобы развить у студентов навыки межкультурного понимания. В рамках некоторых проектов были разработаны совместные курсы, которые ведут китайские и русские преподаватели, чтобы предоставить студентам широкий спектр возможностей.

Взаимодействие между преподавателями и учащимися характеризуется многоуровневостью. В рамках формального обучения китайские и российские преподаватели обмениваются педагогическим опытом посредством совместного преподавания и исследования, совместными лекциями и т. д. В неформальной обстановке более часты культурные обмены между преподавателями и студентами благодаря организации совместных праздников, традиционных китайских и российских фестивалей, организации культурных салонов и т. д. Эти взаимодействия не ограничиваются кампусом. Многие проекты организованы в форме экскурсий по культурным местам, чтобы студенты могли ближе познакомиться с социальной и культурной средой страны.

Культурные мероприятия в кампусе являются важным средством межкультурного взаимодействия. Китайские и российские университеты регулярно проводят культурные фестивали, недели кино, художественные выставки и другие мероприятия, которые демонстрируют культурную сущность двух стран. Студенческие объединения вузов также активно проводят мероприятия по культурному обмену между Китаем и Россией: китайский уголок, русский клуб, мастерская традиционных ремесел и т. д. Эти мероприятия предоставляют студентам непринужденную и приятную платформу для обмена мнениями, что эффективно способствует культурному взаимопониманию и укреплению дружбы.

В частности, стоит отметить, что уникальная география и культура китайско-российских приграничных районов придают межкультурному

взаимодействию особый оттенок. Трансграничная культурная идентичность, сформированная в результате длительного сосуществования жителей приграничья, а также общая историческая память заложили хорошую основу для межкультурного взаимодействия в области образования. Многие образовательные проекты в полной мере используют это преимущество для проведения таких мероприятий, как приграничные культурные исследования и трансграничные полевые исследования, что обогащает понятие межкультурного образования [袁方方, 2024, 第 195–196 页].

Анализ факторов, влияющих на межкультурное взаимодействие

На межкультурное взаимодействие в сфере международного образования на китайско-российской границе влияет множество факторов, как стимулирующих, так и ограничивающих. Как стимулирующий фактор выступает политическая поддержка, которая является наиболее важной движущей силой. Соглашение о сотрудничестве в области образования, подписанное правительствами Китая и России, обеспечивает институциональные гарантии приграничного сотрудничества в области образования. Так, например, «Китайско-российский план действий по гуманитарному сотрудничеству» предлагает конкретные меры по расширению образовательных обменов. Местные органы власти в приграничных провинциях внедрились политику поддержки через «План реализации образовательных обменов и сотрудничества с Россией» в провинции Хэйлунцзян, который предусматривает финансовую поддержку и удобные условия для проектов сотрудничества в области образования.

Историческое происхождение и географическая близость являются уникальными преимуществами приграничных районов. Их жители долгое время жили бок о бок, формируя тесные социально-экономические связи и традиции культурного обмена. Такое историческое содружество создало благоприятную среду для межкультурного взаимодействия в сфере образования. Географическая близость значительно снижает затраты на связь, поэтому обмен преподавателями и учащимися становится более удобным и эффективным. Например, г. Хэйхэ находится через реку от Благовещенска, и университеты этих городов легко осуществляют постоянные обмены.

Важным фактором, способствующим этому, является экономическая взаимодополняемость. С углублением китайско-российского экономического и торгового сотрудничества спрос на двуязычные таланты в приграничных районах продолжает расти, что непосредственно способствует развитию соответствующих образовательных проектов. Проекты сотрудничества в энергетике, сельском хозяйстве, логистике и других областях требуют большого количества талантов, обладающих профессиональными знаниями и межкультурными способностями, что побуждает университеты корректировать свои профессиональные установки и укреплять сотрудничество с промышленным сектором.

Однако межкультурное взаимодействие также сталкивается со многими ограничениями. Языковой барьер – это самая серьезная проблема. Несмотря на то что Китай и Россия поощряют преподавание иностранных языков друг у друга, по-прежнему ощущается нехватка двуязычных специалистов. В совместных школьных проектах недостаточное знание языка часто сказывается на эффективности преподавания и академических обменах. Также нельзя игнорировать отклонения в понимании, вызванные культурными различиями. Между Китаем и Россией существуют очевидные различия в образовательных концепциях, методах преподавания, академических нормах и т. д., и эта разница иногда приводит к трениям в процессе сотрудничества.

Институциональные барьеры являются еще одним важным сдерживающим фактором. Существуют различия в системах образования, стандартах академической сертификации и механизмах оценки качества в Китае и России, которые затрудняют взаимное признание кредитов и присуждение ученых степеней. Административные разногласия также приводят к увеличению расходов на совместные проекты. Кроме того, практические вопросы, такие как визовая политика и трансграничные потоки капитала, также влияют на углубленное развитие сотрудничества в области образования.

Психологические факторы, такие как когнитивные предубеждения и стереотипы, также ограничивают межкультурное взаимодействие и понимание друг друга некоторыми студентами и преподавателями двух стран. Национальный имидж, формируемый средствами массовой информации, иногда не соответствует действительности, и это когнитивное отклонение может повлиять на глубину и качество коммуникации. Изменения в общественном мнении также могут оказывать незначительное влияние на сотрудничество в области образования.

Построение и оптимизация механизма межкультурного взаимодействия

Создание эффективного механизма межкультурного взаимодействия для международного образования на китайско-российской границе требует многоуровневых и систематических усилий. Прежде всего создание единого образовательного пространства является ключевой основой. Это включает в себя разработку единых стандартов качества, осуществление взаимного признания кредитов и академических квалификаций, а также свободный обмен образовательными ресурсами между двумя странами. Поэтому необходимо сформулировать научные и обоснованные стандарты перевода, общий механизм оценки студентов для двух стран, чтобы заложить прочную основу для сотрудничества и обмена. В то же время необходимо разработать соответствующую политику стимулирования, например на национальном уровне – гранты и стипендии [马红, 2021, 第 100 页]. Министерства образования Китая и России могут совместно разработать «Рамки сотрудничества в области образования на границе Китая и России»,

уточнить принципы, стандарты и процедуры сотрудничества и предоставить институциональные гарантии для различных образовательных проектов. В ходе конкретной реализации для пилотных проектов может быть выбран ряд дисциплин и специальностей, отвечающих современным требованиям, и сфера взаимного признания будет постепенно расширяться.

Инновационная модель сотрудничества является основным содержанием построения этого механизма. В дополнение к традиционным совместным учебным проектам можно изучить более гибкие и разнообразные формы сотрудничества. Например, это может быть создание «трансграничного кампуса», позволяющего студентам свободно выбирать курсы по обе стороны границы; разработка «проекта виртуального обмена» с использованием платформы онлайн-образования для совместного использования ресурсов; создание «системы двойного преподавания», в которой китайский и русский языки будут использоваться в качестве учебного пособия. Российские и китайские преподаватели будут в этом случае совместно руководить учебой и исследованиями студентов. Также стоит продвигать модель совместного обучения с участием промышленности, такую как «обучение на основе заказов», которая адаптирует содержание курса в соответствии с потребностями предприятий, чтобы обеспечить стыковку между цепочкой обучения и производства.

Укрепление культурных обменов является важным способом содействия углубленному взаимодействию. Образовательным учреждениям следует включить развитие способности к пониманию различных культур в систему учебных программ и создать обязательные курсы по межкультурной коммуникации. Регулярно проводить семинары по сравнению китайской и российской культур, на которые должны приглашаться ученые из двух стран для обсуждения культурных различий и их последствий. Необходимо поддерживать студентов в спонтанной организации мероприятий по культурному обмену в форме китайско-российских молодежных форумов, культурных и творческих конкурсов и т. д., чтобы предоставить молодым людям платформу для демонстрации и обмена опытом. Кроме того, для поощрения студентов к участию в культурных мероприятиях в другой стране могут быть разработаны «зачетные баллы за культурный опыт».

Подготовка учителей является гарантией устойчивого функционирования этого механизма. А для этого необходимо создать механизм обмена между китайскими и российскими преподавателями для повышения их межкультурных способностей посредством визитов, лекций, совместных научных исследований и т. д. Можно учредить специальный фонд для поддержки участия учителей в языковой подготовке и межкультурном тренинге. Колледж и университет могут нанимать отраслевых экспертов с международным опытом работы в качестве преподавателей на неполный рабочий день, чтобы интегрировать практический опыт в преподавание. Для учителей с выдающейся успеваемостью могут быть предусмотрены такие правила, как присвоение звания, аттестация и приоритетная оценка.

Также необходимы механизмы оценки качества и обратной связи. А для этого необходимо создать систему научной оценки проектов китайско-российского приграничного сотрудничества в области образования и регулярно проводить сторонние оценки эффективности их реализации. Создание каналов обратной связи со студентами позволит быть в курсе их мнений и предложений. Успешный опыт сотрудничества следует своевременно обобщать и пропагандировать, чтобы сформировать воспроизводимую модель.

Таким образом, необходимо создать сеть поддержки с многосторонним участием. Правительственные ведомства обеспечивают политическую поддержку и финансовую безопасность; отраслевые ассоциации создают платформу для сотрудничества школ и предприятий; средства массовой информации укрепляют позитивный имидж, общественные организации содействуют гражданским обменам. Благодаря многостороннему сотрудничеству будет создана благоприятная среда для поддержки межкультурного сотрудничества в области образования. В частности, необходимо обратить внимание на то, чтобы в полной мере использовать географические преимущества приграничных районов и тесно интегрировать образовательное сотрудничество с местным экономическим и социальным развитием для достижения взаимной выгоды и создания беспроигрышной ситуации.

Межкультурное взаимодействие в сфере международного образования на китайско-российской границе – это сложный и динамичный процесс, который сталкивается как с уникальными возможностями, так и с особыми вызовами. Китайско-российское межкультурное образовательное сотрудничество может эффективно повысить качество подготовки талантливых специалистов между двумя странами, а это позволит в свою очередь повысить уровень экономического развития Китая и России, будет способствовать преобразованию достижений научных исследований и внедрению инноваций в модели, методы и системы обучения [马红, 2021, 第 101 页]. Создавая механизм систематического взаимодействия и в полной мере используя географические и культурные преимущества приграничных районов, можно эффективно содействовать углубленному развитию сотрудничества в области образования. Будущие исследования могут способствовать дальнейшему изучению новой модели трансграничного образования в контексте цифровизации и всестороннего влияния межкультурного взаимодействия на региональное развитие. Практика международного образования на китайско-российской границе не только будет обогащать теоретические представления о межкультурном образовании, но и предоставлять ценный опыт для образовательного сотрудничества в рамках проекта «Один пояс – один путь». По мере углубления всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Россией сотрудничество в области образования в приграничных районах, несомненно, откроет более широкие перспективы развития.

Литература

- 高郁. 地缘文化背景下中俄高等教育合作新策略研究 [J] 教育教学论坛. 2017 (28). 第 12–14 页.
- 马红. 中俄边境跨文化教育合作的现状与实践 [A] 湖北开放职业学院报 2021 (04). 第 100–101 页.
- 赵萱. 历史评述: 联合国教科文组织和跨文化教育实践 [J] 现代教育科学. 2011 (1). 第 70–75 页.
- 袁方方. 教育语境下双向跨文化互动对跨文化能力影响研究 [J] OverseasEnglish. 2024 (10). 第 193–196 页.
- 杨萍. “一带一路”视域下跨文化教育理论与实践研究 [A] 湖北开放职业学院学报. 2019 (17). 第 43–45 页.

УДК 811.521

Ma Ин

Забайкальский государственный университет, Чита

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПУТИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. Изучаются современное состояние и дальнейшие тенденции развития языкового и культурного образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе с помощью междисциплинарных исследовательских методов. Акцентируется внимание на семиотических аспектах взаимодействия языка, культуры и общества, а также опирается на научное наследие выдающегося российского синолога Олега Марковича Готтлиба (1951–2016) для анализа текущих вызовов и возможностей в сфере языково-культурного образования. Посредством эмпирического анализа и теоретического обобщения предлагаются рекомендации по оптимизации моделей языкового и культурного образования с целью их адаптации к сложным условиям современной глобализации и локализации.

Ключевые слова: языковое и культурное образование, Азиатско-Тихоокеанский регион, междисциплинарное исследование, семиотика, научное наследие О. М. Готтлиба.

Ma Ying

Transbaikal State University, Chita

CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PATHWAYS OF MODERN LANGUAGE AND CULTURAL EDUCATION: AN INTERDISCIPLINARY STUDY OF THE ASIA-PACIFIC REGION

Abstract. This study employs interdisciplinary research methodologies to examine the current status, and future trajectories of modern language and cultural education in the Asia-Pacific region. Focusing on the semiotic dimensions of language-culture-society interactions, the research incorporates the scholarly legacy of distinguished Russian sinologist Oleg Markovich Gottlieb (1951–2016) to analyze contemporary challenges and opportunities in language and cultural education. Through empirical analysis and theoretical synthesis, this paper proposes optimized models for language and cultural education that better align with the complex dynamics of today's globalized environment (simultaneous globalization and localization).

Keywords: language and cultural education, Asia-Pacific region, interdisciplinary research, semiotics, Gottlieb's academic legacy.

Введение

В эпоху взаимосвязи процессов глобализации и локализации языковое и культурное образование, выступая важным инструментом культурной преемственности и межкультурного диалога, сталкивается с беспрецедентными возможностями и вызовами. VIII Международная научная конференция по востоковедным и региональным исследованиям в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) создала важную платформу для углубленного изучения данной проблематики. Ключевой задачей конференции стало развитие академического наследия профессора Готлиба и стимулирование междисциплинарного диалога в исследованиях языка, культуры и общества АТР. В условиях глобализации современное языково-культурное образование остро нуждается в обновлении теоретических и практических подходов. В данной статье синтезируются методы семиотики, педагогики и культурологии для анализа актуального состояния языкового образования в регионе и выработки перспективных векторов его развития.

1. Теоретическая база и методология

1.1. Научный вклад О. М. Готлиба

Профессор Олег Маркович Готлиб (1951–2016) – выдающийся российский синолог, чьи исследования заложили фундаментальные теоретические основы для изучения языково-культурных взаимодействий в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ключевым аспектом его научного наследия стало исследование трансграничной миграции культурных знаков. О. М. Готлиб утверждал, что язык функционирует не просто как инструмент коммуникации, но прежде всего как носитель культурных смыслов.

1.2. Методы исследования

В данном исследовании применяется комбинированный метод, включающий междисциплинарный анализ, эмпирическое исследование и семиотический подход.

Междисциплинарный анализ: интеграция лингвистики, культурологии и педагогической теории позволяет всесторонне изучить текущее состояние языкового и культурного образования, а также спрогнозировать пути его дальнейшего развития.

Эмпирическое исследование: основное внимание уделено сравнительному анализу репрезентативных образовательных кейсов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Китай, Япония, Дальний Восток России и др.). Сбор данных осуществляется посредством анкетирования, интервью и кейс-стади, что позволяет выявить особенности и проблемные аспекты языково-культурного образования в разных регионах.

Семиотический подход: анализ трансляции культурных знаков и процессов смыслообразования в языковом обучении, исследование способов репрезентации культурных символов в преподавании языка и их влияния на формирование культурного сознания учащихся.

2. Современное состояние языкового и культурного образования

2.1. Противоречие между глобализацией и локализацией

Глобализация оказывает глубокое влияние на языковое и культурное образование. С одной стороны, английский язык как средство международного общения получил повсеместное распространение, что создает серьезную конкуренцию локальным языкам и культурам. Многие страны и регионы, стремясь соответствовать требованиям глобализации, отводят приоритетное место преподаванию английского, что в определенной степени приводит к забвению традиционного языкового и культурного образования.

С другой стороны, развитие цифровых технологий открывает новые пути для распространения многоязычия и мультикультурализма. Такие инструменты, как онлайн-платформы, социальные сети и мобильные приложения, не только обогащают образовательные ресурсы, но и создают дополнительные возможности для межкультурного обучения.

2.2. Практические кейсы Азиатско-Тихоокеанского региона

2.2.1. Китай: интеграция культурных модулей в международное преподавание китайского языка

Китай активно развивает методику интеграции культурных модулей в обучение китайскому языку как иностранному, органично сочетая языковое преподавание с культурным просвещением.

С одной стороны, через специализированные культурные курсы, тематические мероприятия и мультимедийные ресурсы иностранным учащимся системно передаются ключевые элементы китайской традиции. Например, в учебные материалы по китайскому языку включаются аспекты истории, литературы, искусства и философии, что позволяет глубже понимать культурный контекст в процессе изучения языка.

С другой стороны, Китай эффективно продвигает язык и культуру на глобальном уровне через институты Конфуция и другие платформы, демонстрируя устойчивые результаты в этой сфере.

2.2.2. Япония: интеграция стратегии Cool Japan с продвижением языка и культуры

В последние годы правительство Японии реализует стратегию Cool Japan, направленную на усиление международного влияния страны через популяризацию японской культуры. Данная стратегия органично сочетает продвижение языка и культуры с развитием креативных индустрий, используя такие продукты массовой культуры, как аниме, кино и музыка, для демонстрации культурного своеобразия Японии мировому сообществу.

В области языкового образования Япония уделяет особое внимание интеграции культурных элементов. Через специализированные культурные курсы и разнообразные практико-ориентированные мероприятия система образования целенаправленно развивает у учащихся межкультурную коммуникативную компетенцию. В частности, преподавание японского языка как иностранного включает не только собственно языковую подготовку, но и знакомство с национальными традициями, праздниками и другими аспектами культуры, что способствует более глубокому пониманию и эмоциональному принятию японской культурной идентичности.

2.2.3. Дальний Восток России: политика и практика образования на языках коренных малочисленных народов

Дальневосточный регион России представляет собой территорию с многонациональным составом населения, обладающую богатыми языковыми и культурными ресурсами коренных народов. Российское государство разработало ряд соответствующих политических мер для поддержки развития языкового образования этнических меньшинств. В дальневосточном регионе языки коренных народов включены в систему школьного образования. Это осуществляется через введение специальных учебных курсов по языкам этнических меньшинств, разработку учебных пособий на языках коренных народов, другие методы, направленные на сохранение и передачу языкового и культурного наследия.

Параллельно в России организуются фестивали культур этнических меньшинств, языковые конкурсы, иные мероприятия, призванные пробудить у учащихся из числа коренных народов интерес и любовь к родному языку и культуре.

3. Пути развития и рекомендации

3.1. Усиление междисциплинарного подхода в разработке учебных программ

Языковое и культурное образование должно выйти за рамки традиционной однодисциплинарной модели, органично интегрируя семиотику, культурологические исследования и языковую дидактику. Тщательно разработанные междисциплинарные курсы призваны развивать у студентов способности к поликультурному восприятию. На практике это означает следующее: при преподавании языковых дисциплин следует включать теоретические и методические аспекты культурной семиотики, что позволит обучающимся анализировать культурные знаки в языке и процессы их смыслообразования. В культурологические курсы необходимо вводить лингвистические знания, помогая студентам осознать взаимосвязь между языком и культурой.

Такой междисциплинарный подход дает учащимся возможность:

- многопланово осмысливать языковые и культурные феномены;
- совершенствовать навыки межкультурной коммуникации;

- повышать общий уровень культурной грамотности.

3.2. Использование технологий для развития образования

Цифровые технологии открывают новые возможности для языкового и культурного образования. Разработка многоязычных культурно-образовательных инструментов на основе искусственного интеллекта позволяет повысить инклюзивность и персонализацию обучения. Например, создание интеллектуальных приложений для изучения языков с использованием ИИ-технологий дает возможность предоставлять персонализированный учебный контент и индивидуальные траектории обучения в зависимости от уровня владения языком, скорости усвоения материала и личных интересов учащихся. Одновременно с этим такие технологии, как виртуальная и дополненная реальность, позволяют создавать иммерсивную учебную среду, значительно усиливающую восприятие и эмоциональное погружение в изучаемую языковую культуру. Кроме того, использование онлайн-платформ для проведения межкультурных курсов помогает преодолевать географические ограничения и способствует активному взаимодействию между учащимися из разных культурных сред.

3.3. Политическая поддержка и международное сотрудничество

Государствам необходимо разрабатывать соответствующую политику для поддержки развития языкового и культурного образования. По аналогии с политикой языкового разнообразия, реализуемой Европейским союзом, следует содействовать сотрудничеству в сфере языкового образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Правительства разных стран могут укреплять сотрудничество в этой области посредством подписания соглашений, создания механизмов обмена и других способов. Например, возможно совместное осуществление проектов, связанных с языковым и культурным образованием, взаимный обмен преподавателями и студентами, а также образовательными ресурсами. Одновременно с этим международные организации и неправительственные организации (НПО) также должны активно участвовать в этом процессе, способствуя развитию и обмену опытом в сфере языкового и культурного образования в регионе через проведение международных конференций и реализацию исследовательских проектов.

Заключение

Современное языковое и культурное образование пытается найти баланс между глобализацией и локализацией, что представляет собой сложную и важную исследовательскую задачу. Научное наследие О. М. Готлиба может дать ключевые идеи и направление для этой области – его семиотическая теория помогает лучше понять процессы передачи символов и построения смыслов в языковом и культурном образовании. Благодаря междисциплинарному проектированию учебных программ, технологическому обогащению образования, политической поддержке и международ-

ному сотрудничеству мы можем оптимизировать модели языкового и культурного образования, способствуя культурному взаимовлиянию и социальному развитию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В будущих исследованиях следует глубже изучить практическое применение междисциплинарных методов в данной сфере, чтобы обеспечить более прочную теоретическую основу и практическое руководство для дальнейшего развития языкового и культурного образования в регионе.

Литература

Хоянь Ван // Сюэнь Тун. Анализ языкового ландшафта в регионах национальных меньшинств с позиций глобальной социолингвистики: на примере Даочжэнь-Гэлао-Мяоского автономного уезда // Современные исследования иностранных языков. 2024. № 1. С. 69–80.

Ли Дяньди. Конструирование национального имиджа в контексте японской культурной дипломатии. Шанхай, 2024. 23 с. <https://doi.org/10.27303/d.cnki.gshgs.2024.000023>

Цзин Сунь // Хунли Фу. Стратегии идеологического воспитания в вузах в эпоху мультикультурализма // Вестник высшей школы. 2025. № 6. С. 39–42.

Хуан Пэй. Трансформация образования в эпоху ИИ: теория мышления как основа технологической интеграции // Офисная автоматизация. 2025. № 2. С. 45–48.

Чжэн Гофэн // Тинъюй Чу. Международное китайское образование в перспективе репутационного менеджмента: эмпирическое исследование языково-культурных мероприятий европейских институтов // Прикладная лингвистика. 2024. № 1. С. 32–45. URL: <https://doi.org/10.16499/j.cnki.1003-5397.2024.01.008>.

Чэнь Ци. От китайских нарративов к мировой литературе: генерация культурных кодов, рекурсивная интерпретация и динамическая трансформация // Сравнительное литературоведение Китая. 2025. № 2. С. 71–84. <https://doi.org/10.16234/j.cnki.cn31-1694/i.2025.02.017>

Шэнь Фанхуа. Гибридное обучение в международном преподавании китайского языка: на материале современной китайской литературы // Наука, образование и культура. 2025. № 7. С. 144–147. <https://doi.org/10.16871/j.cnki.kjwh.2025.07.034>

Юань Чуанью // Гао Чуньхун. Новые перспективы в исследовании паралингвистики: рецензия на книгу «Моделирование паралингвистики на основе системно-функциональной семиотики: теория и применение» // Иностранные языки. 2025. № 3. С. 114–119.

Ян Нань. Накопление индивидуального языкового опыта в междисциплинарном обучении // Мир китайского языка. 2025. № 6. С. 68–69.

Н. Ю. Хлызова, Ю. Б. Дюндик

Иркутский государственный университет, Иркутск

АНАЛИЗ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПО ФОРМИРОВАНИЮ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ США

Аннотация. Проводится анализ образовательных программ ведущих высших учебных заведений США, направленный на выявление подходов к формированию критического мышления и его роли в различных областях знаний. Исследование охватывает более 30 университетов и свыше 50 учебных программ, включая как государственные, так и частные учебные заведения, а также программы бакалавриата, магистратуры и аспирантуры. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что критическое мышление является важной составляющей современного образования в разных областях профессиональной подготовки в США, способствуя развитию навыков работы с информацией и принятия обоснованных решений.

Ключевые слова: критическое мышление, образовательные программы, высшие учебные заведения США, региональные исследования, информационное общество, профессиональная подготовка.

N. Khlyzova, Yu. Dyundik
Irkutsk State University, Irkutsk

ANALYSIS OF US UNIVERSITY EDUCATIONAL PROGRAMS FOR THE DEVELOPMENT OF CRITICAL THINKING

Abstract. This article presents an analysis of educational programs at leading universities in the United States, focusing on approaches to develop critical thinking across various fields of study. The study examines more than thirty universities and over fifty academic programs, including both public and private institutions, as well as undergraduate, graduate, and doctoral level courses. The study concludes that critical thinking is a vital component of the modern education and professional training in the USA, contributing to the development of skills necessary to navigate complex information environments and make informed decisions.

Keywords: critical thinking, educational programs, U. S. higher education institutions, area studies, information society, professional training.

В эпоху коммуникационного изобилия и роста объема информации важными становятся умения личности по работе с информацией: осуществлять сбор нужных сведений, проводить их оценку, выявлять искажение информации и делать обоснованные выводы. В педагогическом процессе появилась дисциплина по формированию критического мышления, предполагающая развитие и систематизацию данных умений. Проведем анализ образовательных программ высших учебных заведений США, чтобы выявить распространенность данной дисциплины, цель и научно-образовательные подходы, в рамках которых формируются критическое мышление, а также приоритетность направлений подготовки.

В выборку учебных заведений включены вузы из разных районов США, чтобы проследить динамику развития, тенденции к централиза-

ции/децентрализации. Выбранные учебные заведения имеют разный профиль и статус. Проанализированы государственные и частные учебные заведения, бакалавриат, магистратура, аспирантура. В проведенный анализ вошло 32 высших учебных заведения северо-восточных, юго-западных штатов, штатов Среднего Запада.

В ходе изучения установлено, что критическое мышление формируется во время изучения профильных программ на определенных направлениях подготовки и выступает в них отдельной обязательной дисциплиной. Так, например, в Колледже Колби критическое мышление преподается в магистратуре на направлении подготовки «Американистика» (American Studies) с целью предоставить студентам инструменты для критического изучения истории Америки, проведения критических исследований коренных народов, которые охватывают общины в Колби и за его пределами [Colby College ...].

В Колледже Святого Михаила формирование критического мышления как отдельная профильная дисциплина идет на нескольких направлениях бакалавриата: «Американистика» (American Studies) с целью изучения культур и политики Соединенных Штатов и Северной и Южной Америки, их прошлого и настоящего через критический анализ и активное гражданское участие; «Медиаобразование, журналистика и цифровое искусство» (Media Studies, Journalism and Digital Arts) с целью научить создавать значимые медиапродукты, развить профессиональные навыки на современных медиаплатформах и в коммуникационных ландшафтах (<https://www.smcvt.edu>).

Образовательная программа «Кино и медиакультура» (Film and Media Culture) в Колледже Миддлбери содержит профильную дисциплину «Критическое мышление», чтобы совместить критические исследования кино и медиа с созданием медийной работы, изучение и анализ широкого спектра фильмов и средств массовой информации, включая повествовательные и неописательные формы с использованием образовательной лексики; размещение медиатекстов в отношениях друг с другом и в их более широком историческом, институциональном и культурном контексте; понимание кино и медиа как искусства, ремесла, культуры и индустрии; анализ медиа как ресурсов представления и эстетических практик по отношению к их создателям, отраслям, аудитории, технологическим и культурным контекстам (<https://www.middlebury.edu>).

В Университете Вермонта в образовательных программах бакалавриата и магистратуры критическое мышление как дисциплина не заявлено. Предположим, что в данном учебном заведении навыки критического мышления формируются в интегрированном подходе, ассимилируясь с дидактическими целями других дисциплин.

В Университете Пейс критическое мышление преподается как обязательная дисциплина на направлении бакалавриата «Онлайн-бакалавр в

профессиональных коммуникационных исследованиях» (Online bachelor of science in professional communication studies). Приоритетными являются формирование экспертных знаний о современных тенденциях в области массовых коммуникаций, включая традиционные и цифровые СМИ и каналы распространения; получение представления о том, как общественные отношения и исследования общественного мнения могут поддерживать успех любого бизнеса; изучение способов эффективного общения с людьми различных культур и уровней в рамках профессиональной организации. Как дисциплина по выбору оно изучается по программе подготовки «Критическое мышление и решение проблемных ситуаций» (Critical Thinking and Problem Solving). Цель – научить мыслить эффективно, распознавать и развивать качество эффективного мыслителя, оценивать и улучшать процессы мышления, строить коммуникацию, практикуя систематические размышления, устанавливая интеллектуальные стандарты и стремясь к оригинальности; применять навыки критического и творческого мышления к решению проблем и определению смысла в различных контекстах; оценивать и повышать эффективность интерпретаций, решений и других результатов мышления путем их оценки в соответствии со стандартами мышления; распознавать и понимать темы, явные и неявные основные идеи, вспомогательные детали и модели организации текста, представляя их в заметках, аннотациях, резюме и т. д.; распознавать чужую и свою собственную цель, точку зрения, тон и стиль, как все это представлено в лингвистическом тексте; различать факт и мнение; делать обоснованные выводы [Pace University ...].

Обязательная дисциплина в Государственном колледже в Олд Уэст-бери на направлениях подготовки бакалавриата и магистратуры – «Американистика/Либеральные исследования» (American Studies/Liberal Studies). Цель – изучить многообразие американского общества на всех исторических этапах в различных социальных аспектах: образование, медиа, закон, политическая система, общественная работа и многое другое.

«История и философия» (History and philosophy) преподается с целью сформировать у студентов критическое мышление, подготовить их к сотрудничеству и лидерству в современном взаимосвязанном мире с помощью курсов, которые подчеркивают мультикультурные и международные перспективы в следующих дисциплинах: история, философия, география и религиоведение; поощрить студентов к взаимодействию с разнообразным человеческим опытом, одновременно прививая приверженность к построению справедливого и устойчивого будущего (<https://www.owc.suny.edu>).

В Нью-Йоркском университете «Критическое мышление» (Critical thinking) – непрофильная дисциплина по выбору, но она доступна на большинстве программ подготовки бакалавриата. Курс преподается на направлениях «Либеральное искусство», «Бизнес», «Управление в здраво-

охранении», «Менеджмент информационных систем», «Прикладные общие исследования», «Гуманитарные науки», «Социология», «Прикладная информационная аналитика и визуализация», «Цифровая коммуникация и медиа», «Менеджмент и управление», «Маркетинг», «Недвижимость и урбанизация». Дисциплина направлена на изучение фундаментальных вопросов, которые нужно задать, чтобы проанализировать устный и письменный материал; идеи, образы и тексты в риторических и исторических контекстах; различные инструменты для анализа структуры аргументов и логических стратегий. Работа ведется на текстах, которые заставляют пересмотреть культурные реалии, обычно воспринимаемые как нечто само собой разумеющееся (<https://www.nyu.edu>).

Курс «Критические мыслители» (Critical Thinkers) является профильной программой в магистратуре Университета в Олбани, введенной с целью подготовить специалистов в области информации и преподавать основы работы с ней в штате Нью-Йорк и по всей стране. Студенты овладевают информационной грамотностью и технологическими компетенциями, критическим мышлением. Направление подготовки бакалавриата «Философия» (Philosophy) строится на изучении критического мышления, чтобы студенты могли усвоить основы философии через неформальную логику, аргументацию, рассуждения, уметь мыслить критически, оценивать факты и убеждения.

В этом же университете читается непрофильный курс по выбору «Критическое мышление» (Critical thinking) на бакалавриате с целью научить точно формулировать сложные вопросы, проблемы и гипотезы и применять знакомые и новые концепции при разработке решений и выводов; осуществлять сбор и оценку соответствующей информации/данных; проводить проверку гипотез на соответствие критериям и стандартам, учет фактов; разрабатывать обоснованные аргументы и эффективно доводить их до сведения других; демонстрировать привычки размышлять над собственными и чужими идеями: выявлять, анализировать и оценивать аргументы; оспаривать выводы с альтернативными объяснениями или точками зрения (<https://www.albany.edu>).

Профильная программа «Критическое и творческое мышление» (Critical and creative thinking) магистратуры в Бостонском университете имеет цель развить знания, умения, навыки и опыт, необходимые для эффективных изменений в образовании, работе, общественных движениях, науке или искусстве. А целью непрофильной программы «Критическое чтение и письмо» (Critical Reading and Writing) на бакалавриате является обучение оценке текстов и вопросов из области социальных, гуманитарных и физических наук, формирование навыков пользования компьютером и поисковыми системами [Boston University ...].

В Гарвардском университете на профильной программе «Афроамериканистика» (African American Studies) аспирантуры критическое мышление осваивается с целью изучения синергизма теории, концепции и методологии об африканской диаспоре, учитывая общие проблемы, связанные с расой, расизмом, рабством, колониализмом, постколониализмом, проблемы современного состояния африканского сообщества и другими концептуальными средствами понимания Африки и Северной и Южной Америки через критический анализ [Harvard University ...]. Студентам рекомендуется изучение предмета через наблюдение, анализ сходств, различий и связей в африканской диаспоре. Программа предусматривает междисциплинарную подготовку по гуманитарным и социальным наукам с акцентом на формирование критического мышления. В аспирантуре данному направлению соответствует профильная программа «Африканистика» (African Studies).

«Глобалистика» (Global studies) – профильная программа Университета Кин на бакалавриате, в ее рамках изучают, выявляют и анализируют основные процессы и вопросы глобализации с учетом различных теоретических перспектив и междисциплинарных подходов. Программа направлена на развитие глобальной осведомленности, межкультурной компетентности и критического мышления, предусматривает формирование навыков количественных и качественных исследований и анализа политического влияния, процессов глобализации на общество на местном, национальном и международном уровнях [Там же].

«Латиноамериканские исследования» (Latin American Studies) как непрофильная программа бакалавриата нацелены на то, чтобы расширить сферу исследований в области политической и социальной истории, экономического развития, искусства и культурного разнообразия Латинской Америки; подготовить выпускников с латиноамериканским образованием к работе в профессиональной сфере через овладение двумя иностранными языками, формирование критического мышления и аналитических навыков, ориентированных на решение глобальных и социальных проблем [Там же].

В Университете Роуэна на профильной программе бакалавриата «Американистика» (American studies) изучают суждения и обстоятельства, которые создают американское общество, историю, культуру, по мере формирования критического мышления, навыков письма, чтения и коммуникации. Здесь готовят сильных и продуктивных граждан, способных адаптироваться в новых условиях [Rowan University ...].

На профильной программе «Социология» (Sociology) бакалавриата целью является научить студентов исследовать мир, используя эмпирические данные, социологические факторы, которые влияют на культуры и общества и формируют их. Предполагается развитие критического мышления, навыков решения проблемных ситуаций и навыков коммуникации (<https://admissions.rowan.edu>).

«Писательское искусство» (Writing arts) – профильная программа бакалавриата, направленная на изучение множества аспектов письменного общения.

А при освоении программы «Философия и мировые религии» (Philosophy & world religions) цель – изучить, как принимать ответственные решения и руководить другими в принятии этических решений, сформировать навыки критического мышления, поиска выхода при локальных и глобальных этических, научных и религиозных конфликтах, изучить различные регионы по вопросам, связанным с гендерной проблематикой, средствами массовой информации и глобализацией. В рамках данной программы изучаются также наука, техника, искусство, литература, экологическая этика, экзистенциализм, философия и раса.

В Принстонском университете критическое мышление изучается только в непрофильной программе бакалавриата «Принстонская программа по письму» (Princeton Writing Program), которая уделяет особое внимание методам академического исследования и аналитической аргументации по всем дисциплинам (<https://www.princeton.edu>).

В Университете Алабамы в Хантсвилле критическое мышление представлено в профильных и непрофильных программах бакалавриата: «Латиноамериканские исследования» (Latin American Studies), цель которой состоит в содействии более глубокому пониманию испаноязычного наследия, а также прививать учащимся критические, языковые и культурные навыки и поощрять обучение за рубежом (<https://www.uah.edu>).

Программа «Философия» (Philosophy) призвана дать студентам возможность понять и принять свои обязанности как граждан и будущих лидеров, а также преуспеть в своей профессиональной деятельности с навыками критического мышления, творческого решения проблем и точности мысли, которую формирует философская наука. «Психология» (Psychology) преподается с целью стимулировать личностный и профессиональный рост студентов, приобретение знаний, развитие навыков, формирование критического мышления, технического письма, навыков устного общения и статистического анализа (<https://www.uah.edu>).

Проанализировав учебные программы университетов северо-восточных штатов, можно заключить, что критическое мышление играет важную роль в образовательной системе, как самостоятельная дисциплина представлено в программах разного уровня, и только в программах одного из исследуемых заведений дисциплины по формированию навыков критического мышления не найдены. Относительно содержания программ с данной дисциплиной можно сказать, что большая их часть связана с изучением региона. Цели программ отражают суть понятия критического мышления и направлены на формирование навыков и умений по поиску, оценке и анализу информации.

В юго-западных штатах так же широко представлены курсы по формированию критического мышления. Так, в Техасском технологическом университете на направлении подготовки «Основы архитектурного мышления» (Fundamentals in Architectural Thinking) бакалавриата критическое мышление формируется с целью изучить критические работы по архитектуре и другим смежным дисциплинам; проследить, как различные системы идей трансформировали архитектурное производство с древности и до сегодняшнего дня (<https://www.ttu.edu>).

«Критические современные проблемы в учебной программе и педагогическом образовании» (Critical Contemporary Issues in Curriculum Studies and Teacher Education) – непрофильная программа бакалавриата, в которой критическое мышление изучается, чтобы научить студентов размышлять о важнейших современных вопросах преподавания и обучения и обсуждать их с помощью интерактивных дискуссий и диалога.

Христианский университет Абилин готовит бакалавров по истории (Bachelor of arts in history) по профильной программе с элементами критического мышления, чтобы студенты могли понять современное состояние мира через течения прошлого и глобальные сложности настоящего. Программа призвана развить навыки критического мышления, исследования и письма через формирование ясного представления о мире, в котором мы живем (<https://www.acu.edu>).

«Введение в критическое мышление» (Introduction to Critical Thinking) преподается в этом университете как дисциплина по выбору с целью научить размышлять о том, как знания формируют наши взгляды на себя и различные сообщества. Особое внимание уделяется христианской перспективе онлайн-образования как основе для интеграции веры, идей и действий.

Определять достоверность и обоснованность аргументов как на обычном языке, например, религии, так и на техническом языке науки, права, теологии и критики обучают в рамках непрофильной программы «Вводная логика и критическое мышление» (Introductory Logic and Critical Thinking) бакалавриата.

Дисциплина по выбору «Критическое мышление, идентичность и общество» (Critical Thinking, Identity and Community) вовлекает студентов в критическое, миссионерское и глобальное размышление об идеях, которые формируют наши нынешние и будущие взгляды на нас самих. Здесь обучают также анализировать различные исторические представления о человеке, понимать факторы, формирующие личную идентичность и веру. Особое внимание уделяется христианской перспективе идентичности и общности. Программа включает исследовательский проект (<https://www.acu.edu>).

В Университете штата Оклахома обязательная дисциплина «Образовательные технологии» (Educational Technology) магистратуры ставит своей целью научить отбирать и создавать образовательные ресурсы, крити-

чески оценивать материал для школьных библиотечных и технологических программ, литературу для детей, подростков и взрослых. Изучаются передовые компьютерные приложения в сфере образования, основы образовательных технологий, библиотечные сети и базы данных, инструктивное проектирование, дизайн и методология исследований, производство цифровых носителей, цифровые игры и симуляции, творчество и инновации в образовательных технологиях (<https://www.okstate.edu>).

В университете штата Мичиган с целью научить критически мыслить, используя структурированный процесс, преподается обязательная дисциплина магистратуры «Критическое мышление для командных лидеров» (Critical thinking for team leaders). Слушатели изучают шестиступенчатую стратегию критического мышления, которая включает так называемое дисциплинированное инстинктивное мышление. В результате они должны будут уметь оценивать причину и находить эффективное решение проблемы, анализировать способы выявления и оценки когнитивных ошибок в мышлении, предотвращать иллюзию причинно-следственной связи, которая приводит к неправильным представлениям и неверно идентифицированным причинам и последствиям, видеть разницу между инстинктивным и гениальным мышлением, уметь применять стратегии преодоления инстинктивного мышления и использования способности рассуждать, изучить простые, но эффективные когнитивные стратегии, такие как Einstein's Needles and Occam's Razor, понимать значимость новаторского мышления (творчества) в критическом мышлении [University of Michigan ...].

В Государственном университете Гранд Вэлли критическое мышление отражено в профильной программе бакалавриата «Студийное искусство» (Studio Art), цель которой определена так: научить идентифицировать, получать доступ, оценивать и синтезировать множество форм информации в отношении керамики, формулировать и демонстрировать интерпретацию искусства посредством процесса и концепции, разрабатывать и оценивать стратегии ответа на открытые вопросы, описывать техники керамики и ее историю для разной аудитории (<https://www.gvsu.edu>).

В этом же университете критическое мышление формируется на профильной программе бакалавриата «Лучевая терапия» (Radiation Therapy) с целью сформировать клинические компетенции, критическое мышление и умение разрешать проблемные ситуации, чтобы правильно и точно позиционировать пациентов для моделирования и подбора лечения, а также на непрофильной программе «Критическое мышление и трансформативное обучение» (Critical thinking and transformative learning), чтобы научить анализировать информацию через факты, составление доказательной базы, разработку исследования на основе умозаключений с целью демонстрации результатов обществу (<https://www.gvsu.edu>).

Университет Уэйна формирует критическое мышление на профильных программах только бакалавриата: «Кино и медиаобразование» (Film and media studies) и «Философия» (Philosophy). Целью первой программы является научить анализировать и критически оценивать медиаландшафт через анализ исторического, культурного, политического регионального материала, развить интеллектуальную структуру для критического взаимодействия со СМИ из широкого спектра исторических эпох и теоретических подходов. Цель второй – изучить общие основы философии и культуры, овладеть знаниями и навыками критической оценки доводов и аргументов, уметь формулировать и определять дедуктивно и индуктивно обоснованные выводы из имеющихся доказательств; оценивать сильные стороны аргументов; оценивать согласованность, несогласованность последствий и эквивалентности заявлений; выявлять ошибочные модели вывода; проводить анализ их связей (<https://www.gvsu.edu>).

В Университете Калвин критическое мышление отражено только в непрофильной программе «Средневековые исследования» (Medieval studies), при изучении которой формируются критическое мышление и глубокие исторические перспективы, которые учащиеся могут применить к любой области обучения. Средневековый период продолжает формировать современный язык, религию, литературу и политику (<https://www.calvin.edu>).

В Университете Пердью (Индианаполис) единственная программа с элементами критического мышления – «Педагог медиатеки» (Teacher of Library Media). Программа направлена на изучение информационных технологий, используемых в школе, через освоение 27 дисциплин, в числе которых «Критическое мышление и образование», «Критическое чтение» [Purdue University ...].

Университет Висконсин-Милуоки формирует критическое мышление студентов в магистратуре и бакалавриате. Так, профильная программа магистратуры «Архитектура и градостроительство» (Architecture and Urban Planning) направлена на изучение новых концепций и прохождение курсов архитектуры, позволяющих студентам улучшить навыки решения проблем, гибкость и адаптируемость к различным новым реалиям. Формирование навыков критического мышления осуществляется через создание новых ситуаций, с которыми студенты никогда раньше не сталкивались, вне зоны комфорта (<https://www.uwm.edu>).

На профильной программе бакалавриата «Английское образование: медиа, кино и цифровые исследования» (English Education: Media, Cinema, and Digital Studies) идет обучение с акцентом на чтение и формирование критического мышления (<https://uwm.edu>).

«Критическое мышление» (Critical thinking) выступает дисциплиной по выбору в Университете штата Миссури на бакалавриате с целью сфор-

мировать интеллектуальное самосознание, обучая канонам и навыкам критического рассуждения. Здесь есть возможность изучить дедуктивные и индуктивные рассуждения, применение логики ко множеству значимых вопросов, связь между языком и аргументацией [University of Missouri ...].

Также в качестве непрофильной дисциплины критическое мышление выступает в программе «Латиноамериканские, карибские и испаноязычные исследования» (Latin American, Caribbean, and Hispanic studies) бакалавриата с целью расширить знания студентов об изучаемом регионе, сформировать критическое и междисциплинарное мышление по важнейшим вопросам, стоящим перед регионом, помочь учащимся в развитии навыков владения испанским или португальским языками, сформировать профессиональные навыки по дипломатии, бизнесу, переводу, здравоохранению и образованию (<https://www.missouristate.edu>).

В программе «Озарские исследования» (Ozarks Studies) в процессе изучения культуры и традиций региона, его истории, литературы и географии формируются навыки критического мышления и культурная компетентность (<https://www.missouristate.edu>).

Университет штата Южная Дакота предлагает непрофильную программу бакалавриата «Проектные исследования» (Design Studies) с целью сформировать творческое и критическое мышление, которое является основой стратегии развития во многих успешных предприятиях в мире, умение решать задачи. Преподается на следующих направлениях: «Реклама», «Сельскохозяйственная деятельность», «Коммуникация и управление», «Коммуникационная деятельность и исследования в области коммуникации», «Предпринимательская деятельность», «Журналистика», «Связи с общественностью».

В магистратуре профильная программа «Исследования в области коммуникации и средств массовой информации» (Communication & Media Studies) имеет цель сформировать умение понимать, создавать и оценивать сообщения в различных контекстах (<https://www.usd.edu>).

В Канзасском университете магистры русистики, восточноевропейских и евразийских исследований (Master of Arts in Russian, East European, and Eurasian Studies) в магистратуре изучают критическое мышление как профильную дисциплину с целью получить представление о регионах мира, их геополитическом положении, культуре, экономике, экологии на историческом и современном этапах через критический анализ.

Там же на «Американистике» (American Studies) бакалавриата получают фундаментальный набор навыков: критическое мышление, навыки устного и письменного общения, исследовательский навык, а также изучают многокультурный и многонациональный характер США.

«Иностранный язык и регионоведение» (Foreign Language and Area Studies) на бакалавриате и в магистратуре изучается как стипендиальная

программа, чтобы выучить иностранный язык по выбору, получить представление о регионе изучаемого языка, сформировать критическое мышление (<https://www.ku.edu>).

В университете штата Монтана на профильной программе бакалавриата «Философия» (Philosophy) развивают способности студентов мыслить критически, анализировать точку зрения – как свою, так и чужую, беспристрастно, через рассуждения, расшифровку ее связи с другими идеями и позициями, извлекая ее последствия, преднамеренные или непреднамеренные, и оценивать ее сильные и слабые стороны. Читать критически, критически обсуждать, не только ясно говорить, но и внимательно слушать других, писать эссе критически (<https://www.montana.edu>).

Университет штата Вашингтон в рамках непрофильной программы «Критическое и креативное мышление» (Critical and creative thinking) формирует умения анализировать и решать проблему, интегрировать и обобщать знания из различных источников, оценивать точность и достоверность выводов и заключений, выявлять различные точки зрения, включая философские и культурные контексты, объединять и синтезировать существующие идеи, образы оригинальными способами. Акцентируются мышление и работа через творчество и инновации (<https://wsu.edu>).

В Колледже Южной Невады профильная программа «Социология» (Sociology) бакалавриата изучает фундаментальные вопросы социологии и позволяет овладевать навыками критического мышления, анализа данных, письменного и устного общения. В рамках программы «Исследования женского гендера» (Women's Studies) изучают исторические и современные вопросы гендерной проблематики, развивают навыки критического мышления и письма, умения анализировать материал, использовать абстрактное мышление и устные презентации. Целью профильной программы бакалавриата «Английский язык» (English) является изучение английского языка, развитие критического мышления, аналитического письма, навыков коммуникации, использование критических навыков чтения и письма для анализа литературных текстов.

Программа «Прикладные технологии» (Applied Technologies) призвана обеспечить подготовку для развития профессиональных навыков, необходимых для работы в технологически развитых отраслях в Южной Неваде и во всей стране. Формируются критическое мышление, навыки работы в команде и коммуникативные навыки. На профильной программе бакалавриата «Философия» (Philosophy) цель заключается в получении интеллектуальных навыков, полезных во всех профессиональных, личных и академических контекстах, анализе вопросов, поиске и оценке аргументов в процессе рассуждения, умений отвечать на философские вопросы, развитии навыков критического мышления (<https://www.csn.edu>).

В Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе представлена профильная программа бакалавриата «Регионоведение» (Area studies), направленная на формирование критического мышления с целью изучить основы гуманитарных и социальных дисциплин, сформировать навыки, необходимые для анализа культур, социальных структур, политических институтов и истории региона по выбору, сформировать критическое мышление для отбора и оценки материала по региону (<http://www.ucla.edu>).

В Университете Сонома «Критическое мышление» (Critical thinking) преподается как непрофильная программа (Minor) с целью изучить средства защиты от интеллектуального обмана и самообмана, методы и инструменты, позволяющие избежать заблуждения в нашем собственном мышлении и в рассуждениях собеседников. Критическое мышление и не-критическая мысль противопоставляются в контексте мира человеческих интересов и деятельности – социальной, политической и научной. Предоставляется возможность изучить основные уловки для убеждения людей принять ложные доводы и выводы как истинные [Sonoma State ...].

Анализ системы преподавания более чем в 30 учебных заведениях и свыше 50 учебных программ показал следующее:

- критическое мышление изучается во всех вузах за исключением одного. В Университете Вермонта (The University of Vermont) в описании направлений подготовки и профилей не обнаружено целей и задач по формированию критического мышления. Отсутствуют материалы по такому обучению и определению его уровня. Указанный университет не формирует искомую характеристику. Данный вывод сделан только на основании анализа содержания сайта университета (www.uvm.edu) и учебных программ, представленных на нём;

- критическое мышление формируется на разных направлениях: регионоведение, религиоведение, педагогика, медиаобразование, лингвистика, культурология, социология, философия, психология, журналистика, архитектура, медицина, история;

- критическое мышление формируется при обучении разным дисциплинам: американистика, африканистика, русистика, градостроительство, английский язык, философия, история, социология, экономика, психология, педагогика, информатика, медиакоммуникации и др.;

- критическое мышление формируется на разных этапах обучения: в бакалавриате, магистратуре, аспирантуре;

- критическое мышление выступает как профильная дисциплина, непрофильная, курс по выбору, факультатив;

- критическое мышление является популярной темой лекций, книг, мастер-классов в учебных заведениях США.

На сайтах рассмотренных учебных заведений в свободном доступе находятся материалы по теории и практике критического мышления.

В большинстве рассмотренных учебных заведений можно пройти тестирование для выявления своего уровня критического мышления.

На основании данного анализа можно заключить, что критическое мышление – актуальное явление, формируемое при подготовке профессионалов в разных областях, в том числе регионоведении. Критическое мышление выступает необходимой характеристикой личности современного человека, живущего в информационном обществе. Большое внимание уделяется необходимости формирования умения работать с информацией через мыслительную деятельность.

В отношении преподавания рассматриваемой дисциплины нет единого научно-образовательного подхода. В программах применяются различные подходы к формированию критического мышления: педагогический, философский, когнитивно-психологический, общий, подход интеграции и погружения, смешанный. Выбор подхода осуществляется исходя из цели обучения, периода времени, этапа обучения. Но при любом реализованном подходе формирование критического мышления происходит систематично и целенаправленно.

Литература

Boston University. Master of Arts in Critical and Creative Thinking. URL: <https://www.bu.edu> (дата обращения: 12.12.2023).

Colby College. American Studies Program. URL: <http://www.colby.edu> (дата обращения: 02.12.2023).

Harvard University. African American Studies Program. URL: <https://aas.harvard.edu> (дата обращения: 23.11.2023).

Pace University. Professional Communication Studies Program. URL: <https://www.pace.edu> (дата обращения: 10.12.2023).

Purdue University Indianapolis. Teacher of Library Media Program. URL: <https://www.purdue.edu> (дата обращения: 12.12.2023).

Rowan University. American Studies Program. URL: <https://www.rowan.edu> (дата обращения: 12.12.2023).

Sonoma State University. Critical Thinking Minor. URL: <https://www.sonoma.edu> (дата обращения: 14.11.2023).

University of Michigan. Critical Thinking for Team Leaders Program. URL: <https://www.umich.edu> (дата обращения: 14.11.2023).

University of Missouri. English Graduate Program URL: <https://english.missouristate.edu/MasterofArtsEnglish/default.htm> (дата обращения: 14.11.2023).

СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ В КИТАЕ В КОНТЕКСТЕ ИХ ПРЕПОДАВАНИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МНЕНИЙ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ

Аннотация. Рассматриваются исследования китайских ученых архивных материалов с начала XVIII в. Изучается модель обучения русскому языку, основанная на национальных интересах.

Ключевые слова: русский язык в Китае, преподавание русского языка в Китае, образ России, русская культура, национальные интересы.

M. Fomina

Transbaikal State University, Chita

STRATEGY FOR RESEARCHING THE RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE IN CHINA IN THE CONTEXT OF TEACHING THEM: INTERPRETATION OF THE OPINIONS OF CHINESE SCIENTISTS

Abstract. The article examines Chinese scholars' research into archival materials from the early 18th century. A model of Russian language teaching based on national interests is explored.

Keywords: Russian language in China, teaching the Russian language in China, image of Russia, Russian culture, national interests.

Китайская философия культуры как новое направление в философском знании подходит к вопросам исследования образования с позиций изучения культуры стран содружества, чтобы понять национальную культуру в контексте сопоставительного анализа. Поэтому изучение русского языка и культуры становится не только фактором их преподавания китайским студентам, но и средством, обеспечивающим понимание «я» через понимание «другого». Изучая особенности и специфику русского языка и культуры, китайские ученые не оставляют без внимания и исторические факты, источником которых являются архивные документы.

Еще в эпоху династии Цин, более 300 лет тому назад, в Китае началось преподавание русского языка. Как еще в 2005 г. писали Ван Минью и Мэн Ся, представители секретариата Китайской ассоциации исследований преподавания русского языка Университета Сиань Шию, этот процесс прошел четыре периода: ранний период, период до основания, период после основания и период после реформ и открытости [王铭玉, 孟霞, 2005, р. 1]. Исследование этого процесса в контексте стратегии российско-китайского сотрудничества может выявить многие проблемы в образовательном процессе не только в Китае, но и в России, которые необходимо сегодня учитывать и искать пути их разрешения, так как гуманитарное сотрудничество двух стран сегодня находится в поиске нового вектора.

Для подготовки первых переводчиков с русского языка в 1708 г. была открыта школа, уроки в которой вели русские учителя. По результатам своих исследований Сюй Гаоюй пишет, что русское образование в Китае началось с создания Российской академии правительством Цин в 1708 г. [许高渝, 2009, p. 88]. Хотя Кяхтинский договор о приграничной торговле был подписан только в 1727 г., приграничные отношения между Российской империей и династией Цин существовали задолго до этого акта. По результатам исследований Ван Минюй и Мэн Ся пишут, что в 1901 г. при Императорском университете Пекина был открыт Институт русского языка [王铭玉, 孟霞, 2005, p. 2], в котором была подготовлена первая группа русских дипломатических переводчиков.

Большую роль в развитии образования на русском языке, изучении русской культуры в истории Китая, по мнению Сюй Гаоюй, сыграло основание Русской библиотеки в 1757 г. Хотя здесь же автор замечает, что другие ученые полагают, что она была основана между 1754 и 1761 годами, или после 28-го года правления императора Канси. Возможно, пишет Сюй Гаоюй, что это было на 47-м году правления, так как это мнение в настоящее время поддержано большинством исследователей правления Канси (1708 г. н. э.) [许高渝, 2009, p. 88].

После революции 1917 г. в России и Китае начался процесс изучения марксизма, революционной теории и первого опыта социалистической страны, что диктовало необходимость подготовки опытных переводчиков. Следствием этого стало открытие в 1921 г. в Шанхайском университете специальной кафедры русского языка.

Политика в области образования и подготовки по иностранным языкам часто тесно связана с внешней политикой, экономическими и торговыми отношениями, поэтому в период основания Китайской Народной Республики, когда Советский Союз оказывал помощь Китаю в социалистическом строительстве, русский язык стал самым востребованным языком. И не случайно, что к 1951 г. уже в 36 университетах были открыты отделения русского языка [王铭玉, 孟霞, 2005, p. 3].

В период реформ и открытости стало быстро развиваться образование на иностранных языках, особенно на английском. А с 90-х гг. период приграничной торговли, восстановления российско-китайского сотрудничества практически во всех областях, от энергетики до туризма, способствовал развитию преподавания русского языка не только в университетах, но и в школах, особенно в приграничных провинциях Китая. И, как следствие, с развитием промышленной базы в провинции Хэйлунцзян, как отмечают Ван Минюй и Мэн Ся, был запущен опрос общественного мнения (重视和保护大学、中学俄语教学) [王铭玉, 孟霞, 2005, p. 3–4], который должен был, с одной стороны, уделить внимание преподаванию русского языка, а с другой – защитить его.

Начиная с 1944 г. в Нанкинском университете была основана специализация по преподаванию русского языка. В 2014 г. по решению Департамента международного сотрудничества и обмена Министерства образования был создан «Научно-исследовательский центр по изучению русского языка Нанкинського университета», который в 2017 г. был включен в список страновых и региональных исследовательских центров Министерства образования. В 2020 г. он стал ведущей национальной площадкой для подготовки бакалавриата по русскому языку [俄语系].

По утверждению Сунь Цюхуа Фан Синьяо, стратегия России «Взгляд на Восток» указывает на то, что сотрудничество между Китаем и Россией открывает новые возможности, так как его фокусом является укрепление стратегии выхода китайской культуры «вовне» [孙秋花 ... , 2022]. Данное положение – выход китайской культуры – является в образовательной политике Китая одним из ведущих. Именно этот принцип определяет тенденцию теоретического обоснования глобализации с китайской спецификой, новой модели глобализации, в которой доминирующую роль играет ее культурная направленность. Это говорит о том, что увеличение экспорта традиционных китайских культурных ценностей через систему образования является проявлением ее «мягкой силы».

Реализация практики обучения иностранных студентов постоянно сопровождается ее научным обоснованием, что характерно для китайской системы, которой свойственна логика взаимообусловленности практики–теории, теории–практики. Для объединения преподавателей русского языка по всей стране в 1981 г. была официально создана Китайская ассоциация исследований в области преподавания русского языка (КАПРЯЛ – ACTRLL) [中国 ...], которая занимает важное место в Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Данная научная ассоциация позиционирует себя как вторичное учреждение при Китайском обществе изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии, т. е. можно предполагать, что она является его научным филиалом, вся деятельность которого регламентируется уставом, в том числе и выпуск журнала «Преподавание русского языка в Китае» (《中国俄语教学》). На сайте журнала указано, что он издается с 2015 г. (а последние выпуски датированы 2020 г.). Как академическое издание журнал охватывает не только область лингвистики, но и культуры языка, исследование языка русских писателей, особенности и специфику языкового общения и проблемы переводов с одного языка на другой, историю преподавания русского языка в Китае. Естественно, этот журнал должен представлять большой интерес для российских специалистов в данной области знания.

Изучение русского языка как одного из самых сложных мировых языков китайские ученые соотносят со способностями студентов, которые Ван Минью и Мэн Ся подразделяют на пять видов.

1. Умение применять русский язык.
2. Хорошие коммуникативные способности на английском языке.
3. Надежные навыки общения на китайском языке.
4. Навыки работы с компьютером.
5. Необходимые навыки межкультурного общения [王铭玉, 孟霞, 2005, p. 12].

Естественно, на первый взгляд сразу вызывает вопрос второй вид способностей. Но авторы уточняют, что английский язык является международным языком и он необходим в связи с развитием информатизации, технологий и глобальной интеграции. Третий пункт вполне закономерен – надо знать свою культуру, свой язык. Но Ван Минью и Мэн Ся интерпретируют его через ту роль, которая отводится китайскому языку в условиях глобализации – его использование в качестве метаязыка. Поэтому не случайно, что и сущность пятого пункта они раскрывают через связи между гуманитарными и естественными науками, между китайской и русской культурой, объясняя это тем, что в информационную эпоху научные знания играют жизненно важную роль в социальном развитии. Поэтому русскоязычные таланты в XXI в. должны иметь не только базовые знания по гуманитарным и естественным наукам, но и быть посланниками и мостами для культурного обмена между Китаем и Россией, следовательно, им очень важно понимать и осваивать две культуры. И здесь же речь идет о том, что наличие достаточных знаний о китайской культуре не только является необходимостью для сопоставления культур двух стран в процессе обучения, но и служит основанием для продвижения китайской национальной культуры в будущих международных обменах. Таким образом, принцип «знать другого, чтобы изучить себя», чтобы позиционировать китайскую культуру для всего мира, можно считать доминирующим в системе обучения иностранным языкам.

По замечанию Сунь Цюхуа Фан Синьяо, китайские специалисты в области международного преподавания заинтересованы не только в подготовке специалистов, но и в том, чтобы создать для российских вузов единую систему китайского образования, подготовив для этого китайских и российских экспертов [孙秋花 方馨瑶, 2022]. Объясняют это тем, что качество образования зависит не только от знания языка, но и от его сочетания со знанием китайской культуры, истории, литературы и живописи. Данный вывод обусловлен тем, что сегодня большинство учебных программ, созданных для российских студентов, обучающихся в Китае, представляют модель «китайский язык + основная специальность», где собственно на китайское образование (изучение истории, культуры Китая и т. п.) выделяется мало часов. Аналогичную мысль высказывают и Ван Минью и Мэн Ся [王铭玉, 孟霞, 2005, p. 6]. В своем исследовании, обращаясь к словам М. Ломоносова, который утверждал, что «русский язык обла-

дает великолепием испанского, живостью французского, силой немецкого, мягкостью итальянского, изяществом, простотой и выразительностью греческого и латинского», они отмечают, что уровень развития России во многих передовых областях науки и техники по-прежнему намного опережает мировой, а 1/6 часть книг в мире издается на русском языке, что культура и искусство России известны во всем мире, а великолепная классическая архитектура и живописные природные пейзажи заставляют людей задерживать на них внимание [王铭玉, 孟霞, 2005, p. 8]. И это признание русской культуры не единично в Китае.

Осенью 2024 г. в Российском культурном центре в Пекине прошла международная конференция, организатором которой выступил Южно-Уральский государственный университет. Она объединила преподавателей русского языка в Китае и ведущих специалистов международного образования из России [教育创新 ..., 2024] и показала, что новые условия, в которых развивается российско-китайское гуманитарное сотрудничество, диктуют необходимость введения инновационных подходов в преподавании русского языка в китайских вузах.

Стоит заметить, что основные публикации, посвященные исследованию истории преподавания русского языка и изучения русской культуры в Китае, представлены в журнале «Русский язык и литературоведение» (俄语语言文学研究), который издается с 2003 г. Первый выпуск привлекает внимание тем, что исследователи обращают внимание на онтологические, гносеологические, эпистемологические особенности русского языка и культуры, что дает основание говорить о преимущественно философско-культурологическом векторе направленности выпуска, хотя наряду с этим также затронуты вопросы русской психолингвистики и постмодернистских теорий в русской литературе.

Сюй Гаоюй, ориентируясь на работы Выготского и его учеников, последователей, при исследовании особенностей русского языка и культуры исходит из того, что подразделяет индивидуальное сознание, которое отражает смысл реальности, и индивидуализированный смысл, который связывает смысл с жизненной реальностью и мотивацией субъекта [意识, 2003, 48]. По мнению Сюй Гаоюй, это разграничение дает основание говорить о языковом сознании, которое рассматривается как тип повседневного сознания, контролирующего речь (语言意识是日常意识中的一类, 它控制言语) [意识, 2003, 52]. И здесь она приходит к заключению, которое можно рассматривать как методологическую рекомендацию для специалистов в области языковой подготовки. Двуязычие и двуязычное мышление – это говорить и думать одновременно на двух языках [意识, 2003, p. 53]. Следовательно, речь идет о формировании двуязычного сознания с сосуществованием двух языковых картин и соответствующими отношениями.

Насколько это достижимо в конкретной практике? Это риторический вопрос.

Особый интерес представляют исследования творчества русских писателей, посвященные освещению образа русского человека через идею православия. В системе китайского образования православие как смысловой критерий русской культуры представляет достаточно сложный предмет исследования, исходя из его смыслового поля. Но тем не менее, воспринимая православие как идейную основу русской культуры и русского самосознания, китайские философы подходят к его объяснению не только через работы русских философов, что свойственно Чжан Байчуню [张百春, 2015], пожалуй, единственному, кто занимается его глубоким и системным исследованием через анализ произведений русских философов, но и через литературные образы. В данном контексте представляют научный интерес и работы Пань Чэньси, изучающего самосознание русского народа через литературных героев. Так, например, описывая героиню И. Тургенева, он привносит в ее облик коннотации, отражающие смысловое содержание, свойственное китайской культуре: Елена – одинокая, молодая дворянка, которая жаждала действия, но жила в омуте стоячей воды [潘晨曦, 2024, p. 47].

В одной из последних работ Юй Исин анализируется и сопоставляется русское обращение с китайским. Обращение к другому как форма субъективного выражения в процессе межличностной коммуникации раскрывает не только личностную культуру, взаимоотношения участников общения, но и историческое время, его порождающее. Юй Исин отмечает, что русские слова-обращения выполняют функции, которые поддерживают коммуникацию, эмоциональное выражение, описания, риторическое выражение [俞一星, 2022, p. 25]. Так, например, в его интерпретации обращение «любезный» рассматривается как общепринятая форма в XIX–XX вв., которая имела уважительное и дружеское значение и употреблялось при обращении к родственникам, друзьям, знакомым. А в современной действительности «любезный» как обращение имеет отчетливо ироничный и разговорный тон, звучит непринужденно и легкомысленно в публичной речи [俞一星, 2022, p. 29].

Сунь Жэньчжэ в своем исследовании останавливается на анализе философии немецкого философа Гердера, мысли которого, по его мнению, оказали глубокое влияние на русское общество вначале XIX в. и сыграли важную роль в пробуждении славянского национального самосознания у Жуковского, Гоголя, Толстого и других русских писателей и поэтов. Анализируя влияние Гердера на работу Н. Гоголя «Преподание всемирной истории», автор останавливается на том, что он обсуждает целостность человеческой истории [孙人哲, 2021, p. 12]; поддерживает мнение немецкого философа, что любая нация хочет искать истину и счастье, которые ей нужно найти только в собственных традициях и истории, развиваясь в

соответствии со своими собственными врожденными способностями [孙人哲, 2021, p. 13].

Это обращение к некоторым публикациям китайских ученых раскрывает особенности не только исследования русского языка и культуры, но и их преподавания в китайских учебных заведениях. Изучение данных исследований позволит российским специалистам, во-первых, открыть совершенно новый мир – образ России в Китае, который формируется у тех будущих специалистов, которые уже завтра будут определять и реализовывать российско-китайское сотрудничество. А во-вторых, изучение научного опыта и практики в Китае, возможно, будет и определяющим фактором трансформации образовательного процесса, ориентированного на модель «русский язык + специальность» при работе с иностранными студентами.

Литература

王铭玉, 孟霞. 中国俄语教学的历史、现状与发展方略 // [J] 俄语语言文学研究. 2005. № 3 总第 9 期. P. 1–13.

中国俄语教学研究会: KAPRIAL. URL: <http://www.kaprial.org.cn/index.aspx> (дата обращения: 15.05.2025).

教育创新：俄语教学的最佳实践在京研讨. 22.11.2024. URL: <https://russianculture.cn/ru/zh/%E6%95%99%E8%82%B2%E5%88%9B%E6%96%B0%E5%9A%E4%BF%84%E8%AF%AD%E6%95%99%E5%AD%A6%E7%9A%84%E6%9C%80%E4%BD%B3%E5%AE%9E%E8%B7%B5%E5%9C%A8%E4%BA%AC%E7%A0%94%E8%AE%A8%E5%9F%BC/> (дата обращения: 22.05.2025).

潘晨曦. 论《前夜》中叶琳娜的精神追寻与东正教文化意识 [J] 俄罗斯语言文学与文化研究. 2024. N 4 总第 86 期. P. 46–52.

俄语系：School of Foreign Studies, Nanjing University. URL: <https://sfs.nju.edu.cn/gywy/xsxx/cyx/index.html> (дата обращения: 12.05.2025).

孙人哲. 果戈理早期作品中的赫尔德思想 // 俄罗斯语言文学与文化研究 2021. № 4 总第 74 期. P. 10–17.

孙秋花 方馨瑶. 探寻对俄中文教育新思路: China Social Sciences Network-China Social Sciences Daily. 26.12.2022. URL: https://cssn.cn/gjgc/gjgc_whsh/202212/t20221226_5572607.shtml (дата обращения: 15.02.2025).

许高渝. 张玉全及其《俄罗斯馆始末记》// 俄语语言文学研究. 2009. № 2 总第 24 期. P. 88–94.

意识. 意识中的意义. 语言意识 – 俄罗斯心理语言学的研究 [J] 俄语语言文学研究. 2003. N 1 总第 1 期. P. 47–56.

张百春. 俄罗斯哲学与东正教: Philosophy. URL: http://philosophy.org.cn/zxts/wgzx/eszx/201507/t20150713_2726935.shtml (дата обращения: 10.03.2023).

俞一星. 现代俄语称呼言语行为的使用特点和变化趋势 // 俄罗斯语言文学与文化研究. 2022. N 4 总第 78 期. P. 25–32.

TEACHER PROFESSIONALISM IN LINGUISTIC EDUCATION: CHALLENGES, COMPETENCES AND PEDAGOGICAL IMPLICATIONS

Abstract. This article examines the concept of teacher professionalism in linguistic education, emphasizing the core competences required, the challenges teachers encounter, and the pedagogical implications of their positions. It draws attention to the increasingly complicated nature of teaching languages in multicultural and multilingual classrooms, highlighting the necessity of intercultural competency, reflective practice, and technology integration. The research emphasizes the value of continual professional development and supportive educational policies by drawing on relevant case studies and academic literature.

Keywords: linguistic education, language pedagogy, intercultural competence, multilingualism, professional development.

Эгву Ндидиамака Миранбель
Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

ПРОФЕССИОНАЛИЗМ УЧИТЕЛЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПРОБЛЕМЫ, КОМПЕТЕНЦИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Аннотация. Рассматривается концепция профессионализма учителей в области лингвистического образования. Отмечаются ключевые компетенции, необходимые преподавателям, а также проблемы, с которыми они сталкиваются, и педагогические последствия их деятельности. Особое внимание уделяется сложному характеру преподавания языков в мультикультурных и многоязычных классах; подчеркивается важность межкультурных компетенций, рефлексивной практики и интеграции технологий. Исследование демонстрирует ценность профессионального развития и поддерживающей образовательной политики, опираясь на тематические исследования и академическую литературу.

Ключевые слова: лингвистическое образование, языковая педагогика, межкультурные компетенции, многоязычие, повышение квалификации.

Linguistic education is now a fundamental component of both individual growth and societal advancement in a society that is becoming more linked and multilingual. The position of the language teacher has become increasingly complex and demanding as the need for effective language instruction continues to expand, especially in multicultural and diverse educational contexts [Richards, 2017]. In linguistic education, where cultural responsiveness, technological fluency, and reflective practice are crucial, teacher professionalism characterized by competence, ethical behavior, and ongoing development now includes a wider range of expectations [Shulman, 1987; Hargreaves & Fullan, 2012]. According to Byram [Byram, 1997], linguistic education is a dynamic, participatory process that encompasses communication, identity formation, and intercultural understanding. It is not just about imparting vocabulary or grammar knowledge. This expanded role places significant demands on teacher profes-

sionalism as educators are expected to address the needs of multilingual learners, integrate technology meaningfully, and adapt to rapidly changing pedagogical landscapes [Darling-Hammond, 2006]. As a result, language teachers are expected to not only master linguistic and pedagogical content but also navigate diverse classrooms with sensitivity and innovation.

The goal of this article is to explore the complex nature of teacher professionalism within the field of linguistic education. It looks into the key competencies that teachers must develop, the main challenges they face in diverse linguistic settings, and the broader pedagogical implications of these evolving expectations. The key point is that, rather than being a static collection of qualities, teacher professionalism in language education is a dynamic, context-sensitive activity that needs to adapt to institutional, technical, and cultural demands. It is essential to comprehend these aspects to inform classroom procedures, educational policies, and teacher preparation programs that seek to create inclusive and productive language learning settings.

The concept of teacher professionalism is complex and has evolved with changes in educational theory. In general, teacher professionalism refers to having and using specialized knowledge, adhering to ethical standards, being dedicated to lifelong learning, and participating in reflective and collaborative practices [Evans, 2008]. The concept becomes even more complex in the context of linguistic education because language teachers must balance linguistic competence, cultural sensitivity, and pedagogical adaptability. Language education calls for more than just fluency in the target language; it entails a profound understanding of language as a social practice in which communication is influenced by interpersonal relationships, cultural norms, and contextual meanings [Canagarajah, 2006]. As such, teacher professionalism in this subject is anchored not only in topic knowledge but also in intercultural communicative ability and sociolinguistic awareness. This means that teachers must be prepared to discuss topics such as linguistic diversity, language ideologies, and student identity inside the classroom [García & Wei, 2014].

From a theoretical perspective, constructivist and sociocultural models, which see language acquisition as a socially mediated activity, can be used to frame teacher professionalism in linguistic education. Vygotskian theory, for instance, emphasizes the role of social interaction in language development, positioning the teacher as a guide who facilitates learners' engagement with language in meaningful contexts [Vygotsky, 1978; Lantolf & Thorne, 2006]. Professional language teachers are expected to act as facilitators, creating tasks and experiences that promote real-world language use. This shift requires ongoing professional development, adaptability, and a willingness to embrace learner-centered approaches. Additionally, linguistic education is increasingly influenced by the principles of communicative language teaching (CLT), which prioritize functional communication and learner autonomy over repetition, memo-

rization, or structural drills [Savignon, 2007]. Such a conceptualization requires professional language teachers to not only impart knowledge but also to create inclusive and interactive learning environments that reflect their students' lived experiences.

Teacher competence in the field of linguistic education encompasses a wide range of information, abilities, and attitudes necessary for successful language instruction, going beyond standard topic mastery. According to the European Commission, these competencies enable teachers to respond to the various demands of learners, cultural contexts, and changing educational technologies while navigating the difficulties of language instruction [European Commission, 2013]. Therefore, recognizing and developing these key competencies is essential to the professionalism of teachers in linguistic education.

1. Language and metalinguistic knowledge

A thorough understanding of language's structure and function is a fundamental competency for language educators. This includes Phonology, morphology, syntax, semantics, pragmatics, and the capacity for self-reflection on language use known as metalinguistic awareness [Andrews, 2007]. Teachers must be capable of analyzing and explaining language features clearly, as well as adapting their instruction to different learner proficiency levels.

2. Intercultural and Sociolinguistic Competence

Teachers are required to have the capacity to negotiate and arbitrate between other cultural viewpoints, because language is fundamentally cultural [Byram, 1997]. This includes an understanding of how social characteristics such as ethnicity, gender, and class influence language use. To promote an inclusive classroom and affirm students' backgrounds, educators must also be ready to handle issues of linguistic identity, prejudice, and multilingualism [Kramsch, 1993].

3. Pedagogical Content Knowledge (PCK)

Pedagogical content knowledge, a concept introduced by Shulman, refers to the ability to transform subject matter into teachable content [Shulman, 1986]. In linguistic education, this means selecting appropriate teaching strategies, materials, and assessments that facilitate second language acquisition.

4. Technological Competence

The use of digital tools in language instruction has grown in significance, particularly in the wake of the trends toward mixed and remote learning. Using tools like virtual classrooms, multimedia materials, and language learning applications, teachers must be able to use technology for both instruction and evaluation [Hampel & Stickler, 2005]. Understanding the impact of digital communication on language use and literacy development is another aspect of technological competence [Selwyn, 2011].

5. Collaborative and Reflective Practice

Continuous professional development requires reflective teaching, which is the process of critically analyzing one's teaching strategies and student outcomes [Farrell, 2015]. Skilled language instructors evaluate their methods regularly, solicit input, and modify their methods in response to the needs of their students [Freeman & Johnson, 1998]. Furthermore, cooperation among coworkers via a professional learning community fosters creativity and information exchange [Lave & Wenger, 1991].

Despite the growing recognition of teacher professionalism in language education, educators regularly meet major hurdles that hamper their ability to maintain and enhance professional standards. These problems are determined by sociolinguistic diversity, institutional structures, and shifting pedagogical expectations, each of which affects how language instructors perform and grow within their professions. The linguistic and cultural diversity found in today's classrooms is one of the most urgent issues. More and more teachers are collaborating with students from multicultural and multilingual backgrounds, frequently with varying educational backgrounds and language proficiency levels. While this diversity enriches the learning environment, it also demands pedagogical adaptability and intercultural sensitivity. Teachers must not only deliver curriculum content but also act as mediators across languages and cultures, which can be overwhelming without sufficient training or institutional support [García & Kleifgen, 2010; May, 2014].

Another barrier is the limitations imposed by curriculum and policy. In many educational systems, standardized outcomes are given precedence over individualized instruction due to strict curricula and high-stakes assessment regimes. These kinds of systems have the potential to suppress teacher autonomy and impede the adoption of creative and inclusive teaching methods. Teachers frequently feel low professional control and job satisfaction when they are forced to follow rigid prescriptive teaching guidelines [Shohamy, 2006; Day, 2002].

Insufficient professional development makes the problem worse. Many language teachers receive little ongoing training, despite the fact that the demands placed on them are constantly changing [Day & Gu, 2009]. Professional development programs, while offered, may lack definition, relevance, or follow-up. Teachers are left without the resources they need to stay current on language acquisition research, contemporary techniques, and digital advancements in education as a result of this gap [Borg, 2018].

Language teachers also frequently have to deal with difficult social and emotional demands, especially for non-native speakers of the language they teach, who may have difficulties with confidence or credibility. Managing heterogeneous classes, fulfilling institutional requirements, and attending to students' linguistic and emotional needs often without adequate institutional ac-

knowledge or support can also lead to emotional tiredness [Tsui, 2007; Llurda, 2005]. When taken as a whole, these related issues highlight the necessity of a comprehensive strategy to promote teacher professionalism in language instruction [Motala & Menon, 2020]. Individual resiliency is necessary to address these problems, but so are systemic adjustments to professional development, policy frameworks, and teacher preparation.

There are important pedagogical ramifications for teacher professionalism in linguistic education, especially in light of the demands for inclusive education, expanding linguistic variety, and technological innovation [Creese & Blackledge, 2010]. One significant change is the move toward inclusive, learner-centered instruction that respects students' linguistic backgrounds and fosters equity [Littlewood, 2007; Cummins, 2001]. To enable students to use their entire linguistic repertoire for participation and meaning-making, teachers are urged to embrace translanguaging and plurilingual techniques [García & Lin, 2017].

Another important implication is reflective practice, which calls for professional educators to regularly assess and modify their teaching methods via introspection and peer cooperation [Zeichner & Liston, 2013]. Furthermore, students can apply language skills in actual and task-based learning environments, which boosts motivation and relevance [Ellis, 2009]. The TPACK framework facilitates dynamic and accessible language learning experiences in the digital age, but it also necessitates continuous teacher preparation [Mishra & Koehler, 2006].

In the end, pedagogical professionalism entails inclusive, flexible, and dynamic teaching methods that foster both academic success and cross-cultural understanding [Hockly, 2012; Warschauer, 2004]

In a qualitative study conducted in international schools in Shanghai, Harsch studied how English language teachers from varied national backgrounds incorporated intercultural communication skills into their instruction [Harsch, 2018]. These teachers frequently spoke about social justice, cultural stereotypes, and global citizenship. To encourage pupils to critically examine their language and cultural presumptions, teachers incorporated talks on global issues and cultural comparison exercises. This study demonstrates how culturally responsive education can operationalize intercultural competence, a crucial component of teacher professionalism.

“Professionalism in linguistic education involves not just language instruction but the cultivation of globally aware, culturally competent learners” [Harsch, 2018].

Farrell conducted a longitudinal study in Japan that followed an EFL teacher who used journaling and peer observations to practice reflective teaching [Farrell, 2015]. Over a school year, the teacher reported increased self-awareness, better classroom management, and more individualized instruction.

This case highlights how consistent reflective practice enables language teachers to improve their pedagogical choices, match their values with their teaching strategies, and develop a strong sense of professional identity.

"Reflection is not optional but essential to teacher professionalism; it drives growth and accountability in practice" [Farrell, 2015].

In linguistic education, professional teachers are crucial to creating inclusive, responsive, and successful language learning settings. As the classroom becomes more linguistically and culturally diverse, teachers must exhibit intercultural awareness, pedagogical adaptation, reflective practice, and excellent language proficiency. Notwithstanding, obstacles, including policy limitations, insufficient professional growth, and digital inequalities persist in impeding the attainment of complete professionalism in this domain. Educational institutions should prioritize long-term, context-specific teacher training, support inclusive language policies, and invest in technology and emotional support systems to enhance teacher professionalism. By providing language teachers with the tools, freedom, and collaborative spaces they need, they can better meet the demands of 21st-century linguistic education and assist students from diverse backgrounds.

References

- Andrews, S. Teacher Language Awareness. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
- Borg S. Teacher cognition and language education: Research and practice. London : Bloomsbury, 2018. 280 p.
- Byram, M. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Multilingual Matters, 1997.
- Canagarajah, A. S. TESOL at Forty: What Are the Issues? // TESOL Quarterly. 2006. Vol. 40, N 1. P. 9-34.
- Creese A., Blackledge A. Translanguaging in the bilingual classroom: A pedagogy for learning and teaching? // The Modern Language Journal. 2010. Vol. 94, N 1. P. 103-115.
- Cummins J. Negotiating identities: Education for empowerment in a diverse society. 2nd ed. Los Angeles : California Association for Bilingual Education, 2001. 296 p.
- Darling-Hammond, L. Constructing 21st-Century Teacher Education // Journal of Teacher Education. 2006. Vol. 57, N 3. P. 300-314.
- Day C. School reform and transitions in teacher professionalism and identity // International Journal of Educational Research. 2002. Vol. 37, N 8. P. 677-692.
- Day C., Gu Q. Teacher emotions: Well-being and effectiveness. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 320 p.
- Ellis R. Task-based language teaching: Sorting out the misunderstandings // International Journal of Applied Linguistics. 2009. Vol. 19, N 3. P. 221-246.
- European Commission. Supporting Teacher Competence Development for Better Learning Outcomes. Brussels : European Commission, 2013.
- Evans, L. Professionalism, professionalism and the development of education professionals // British Journal of Educational Studies. 2008. Vol. 56, N 1. P. 20-38.
- Farrell T. Promoting teacher reflection in second language education: A framework for TESOL professionals. N. Y. : Routledge, 2015. 224 p.
- Freeman D., Johnson K. E. Reconceptualizing the knowledge-base of language teacher education // TESOL Quarterly. 1998. Vol. 32, N 3. P. 397-417.

- García O., Kleifgen J. Educating emergent bilinguals: Policies, programs, and practices for English learners. N. Y. : Teachers College Press, 2010. 192 p.
- García O., Lin A. Translanguaging in bilingual education // Bilingual and multilingual education. Springer, 2017. P. 117-130.
- García, O., & Wei, L. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. Palgrave Macmillan, 2014.
- Hampel, R., & Stickler, U. New skills for new classrooms: Training tutors to teach languages online // Computer Assisted Language Learning. 2005. Vol. 18, N 4. P. 311-326.
- Hargreaves, A., & Fullan, M. Professional Capital: Transforming Teaching in Every School. Teachers College Press, 2012.
- Harsch C. Developing intercultural communicative competence through English: Reflections from international school teachers in China // Language and Intercultural Communication. 2018. Vol. 18, N 3. P. 265-284.
- Hockly N. Digital literacies // ELT Journal. 2012. Vol. 66, N 1. P. 108-112.
- Kramsch, C. Context and Culture in Language Teaching. Oxford University Press, 1993.
- Lantolf, J. P., & Thorne, S. L. Sociocultural Theory and the Genesis of Second Language Development. Oxford University Press, 2006.
- Lave, J., & Wenger, E. Situated Learning: Legitimate Peripheral Participation. Cambridge University Press, 1991.
- Littlewood W. Communicative and task-based language teaching in East Asian classrooms // Language Teaching. 2007. Vol. 40, N 3. P. 243-249.
- Llurda E. Non-native language teachers: Perceptions, challenges and contributions to the profession. N. Y. : Springer, 2005. 314 p.
- May, S. (Ed.). The Multilingual Turn: Implications for SLA, TESOL, and Bilingual Education. Routledge, 2014.
- Mishra P., Koehler M. Technological pedagogical content knowledge: A framework for teacher knowledge // Teachers College Record. 2006. Vol. 108, N 6. P. 1017-1054.
- Motala S., Menon K. In search of the “new normal”: Reflections on teaching and learning during COVID-19 in a South African university // Southern African Review of Education. 2020. Vol. 26, N 1. P. 80-99.
- Richards J. C. Teaching professional development for language teachers: Strategies for teacher learning. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. 312 p.
- Savignon, S. J. Beyond communicative language teaching: What’s ahead? // Journal of Pragmatics. 2007. Vol. 39, N 1. P. 207-220.
- Selwyn N. Education and technology: Key issues and debates. London : Bloomsbury, 2011. 208 p.
- Shohamy E. Language policy: Hidden agendas and new approaches. N. Y. : Routledge, 2006. 192 p.
- Shohamy E. Language teachers as partners in crafting educational language policies? // TESOL Quarterly. 2009. Vol. 43, N 2. P. 307-310.
- Shulman, L. S. Those Who Understand: Knowledge Growth in Teaching // Educational Researcher. 1986. Vol. 15, N 2. P. 4-14.
- Shulman, L. S. Knowledge and Teaching: Foundations of the New Reform // Harvard Educational Review. 1987. Vol. 57, N 1. P. 1-23.
- Tsui A. Complexities of identity formation: A narrative inquiry of an EFL teacher // TESOL Quarterly. 2007. Vol. 41, N 4. P. 657-680.
- Vygotsky, L. S. Mind in Society: The Development of Higher Psychological Processes. Harvard University Press, 1978.
- Warschauer M. The rhetoric and reality of aid: Promoting educational technology in Egypt // Globalisation, Societies and Education. 2004. Vol. 2, N 3. P. 377-390.
- Zeichner K., Liston D. Reflective teaching: An introduction. 2nd ed. N. Y. : Routledge, 2013. 256 p.

CHALLENGES AND OPPORTUNITIES IN ALIGNING SECONDARY EDUCATION WITH INDUSTRY NEEDS IN MALAWI

Abstract. The alignment of education and industry is an area that is increasingly getting attention among scholars, given the huge investments governments are making in education. This paper considers the expected role of secondary education in skills development for the local industry in Malawi. The paper identifies existing challenges that affect the alignment of secondary education to industrial needs. A review of the literature exposed both systemic challenges. Therefore, it recommends systemic and multi-stakeholder strategies that can be adopted to improve the industrial alignment of secondary education in Malawi.

Keywords: skills development, school-industry alignment, education, Malawi

Эммануэль Чивамба

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИВЕДЕНИЯ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СООТВЕТСТВИЕ С ПОТРЕБНОСТЯМИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В МАЛАВИ

Аннотация. Отмечается, что взаимосвязь образования и промышленности – это область, которая привлекает все большее внимание ученых, учитывая огромные инвестиции, которые правительства вкладывают в образование. Рассматривается роль среднего образования в Малави. Определены существующие проблемы, влияющие на приведение среднего образования в соответствие с потребностями промышленности. Выявлены две системные проблемы. Рекомендуются стратегии с участием многих заинтересованных сторон, которые могут быть приняты для улучшения отраслевой ориентации среднего образования в Малави.

Ключевые слова: развитие навыков, увязка школьного и отраслевого образования, образование, Малави.

Malawi is a landlocked country Sub Saharan African country located in South Eastern region. It shares borders with Tanzania to the north and east, Zambia to the West, and Mozambique to the south [MoEST, 2013]. Malawi runs a basic 8-4-4 education system, i. e., 8 years of primary school, 4 years of secondary school, and a maximum of 4 years for tertiary education [World Bank, 2010; MoEST, 2019]. Preschool education remains optional, but it is supported by the government, mainly at the policy level [MoEST, 2016; MoEST, 2019]. The government provides Free primary education, tuition-free secondary school education. It further subsidizes Tertiary education, which comprises Teacher Education at various levels, Higher Education, Technical and Vocational Training, as well as other forms of post-secondary education [MoEST, 2019].

The official age range for secondary education in Malawi is fourteen to seventeen, and the official adulthood age starts at 18 [MoEST, 2024]. Secondary education, then, is expected not only to advance the knowledge and skills intro-

duced in primary education but also to prepare the learner for adulthood responsibilities [MoEST, 2019].

According to MoEST [MoEST, 2024], a secondary school graduate should be eligible for government and industry employment at the basic level and possess prerequisite levels of knowledge and skills for further development. In Malawi, the Ministry of Education's vision regards education as "a catalyst for socioeconomic development, industrial growth and national unity, while espousing marginalized populations". The vision is grounded in Gary Becker's Human capital theory. The theory regards investment in education and skills development as investment in human capital [Becker, 1992]. This would produce both individual and social benefits of education. That way, Malawi would achieve its agenda for 2063.

Malawi 2063 is an ambitious target for Malawi to become a wealthy, self-reliant, industrialized upper-middle-class country by the year 2063 [Malawi's ... , 2020]. This ambitious endeavor is kick-started when the economy relies on subsistence farming, with 85 % of the population being small-scale farmers depending on rain-fed Agriculture [MoEST, 2016; MoEST, 2019]. In 2022, the GDP per Capita was 645.20 USD [World Bank, 2010], with a Human Development Index of 0.508 in 2022, and 50 % of its population living under the poverty line, while 51 % of the total population was aged below 18 years [MoEST, 2020].

Malawi is therefore listed among the world's least developed countries (LDC), taking position 172 out of 189 [Malawi ... , 2024]. Worse still, its 0-19 age population, the majority of which gets free primary education and subsidized secondary education, is projected to reach 55 % of the total population by 2030 [MoEST, 2020]. The demand for public resources is huge. The country, therefore, carries the burden to educate almost half of its population, expecting that through education it will rise out of poverty.

This is the context in which Malawi's secondary education operates. Secondary education is therefore a key player in the Agenda 2063, where industrialization is a must. The need for ensuring alignment of secondary education with the industry needs cannot be overemphasized, failing which, a huge population without relevant skills will cripple the economy of the country.

According to UNICEF, the primary school completion rate as of 2022 was at 56 %, out of which 43 % transitioned to secondary school education. Worse still, only 19.4 % complete secondary education, and from among those who complete, 8 % transition to tertiary education [UNICEF, 2019]. With these statistics, secondary education ought to aggressively pursue the training of its students; the age group that is to be entrusted with future industrial growth and productivity, considering their proportion of the whole population and the age at which they would leave school. The direct contribution of secondary education to human capital development for Malawi is, therefore, critical. Consequently, it is imperative to ensure proper alignment with industry needs for industrial

growth and sustainable development. That way, anyone who goes through secondary education gets prepared for productivity in the industry.

Considering that the tertiary education sector admits only 8 % of the secondary school graduates [UNICEF, 2018], the majority of secondary school graduates are expected to directly enter the workforce soon after secondary school. However, the majority do not possess skills that the industry needs for advancement in the 21st century.

This paper endeavors to determine major obstacles to the industrial relevance of secondary school in Malawi and to explore opportunities that can be exploited to increase the secondary school education's alignment with industry needs, hence improving its relevance, given the direct relevance of secondary education to the industry.

One major challenge that has characterized secondary education in Malawi is limited and inequitable access to secondary education [Mkandawire, Luo, & Maulidi, 2018]. Access to secondary education is limited due to inadequate schools, such that every year, many primary school graduates do not transition to secondary education due to limited space [Mkandawire, Luo, & Maulidi, 2018; UNICEF, 2018]. By default, a certain proportion of the population is cut off from accessing skills provided at the secondary education level. Furthermore, despite having a tuition waiver in public secondary schools, there are other extra financial costs, e.g., boarding facility costs for boarding schools, textbook fees, examination fees, and security contribution fees. These are also a barrier to access. In 2022, out of 22,073 students who dropped out of secondary school, 9,219 students dropped out because of failure to pay the fees in government schools [MoEST, 2023]. This represents 42 % of the total dropout rate. This creates and enhances inequalities between the haves and have-nots, just as it was observed by James Coleman in the famous Coleman report [Dickinson, 2016]. Government efforts and those of international partners have intervened with various forms of support, ranging from offering bursaries for girls [MoEST, 2024], funding construction of new school infrastructure, and government bursaries help but still fall short of meeting the demand. The government also introduced a double shift mechanism in many day schools to expand access. This allows a double intake where one set of learners comes in the morning hours while the other group comes in the afternoon, and alternates through the weeks. It also encouraged open secondary schools in a bid to expand access for many students; however, many more remain unabsorbed by the school system, thereby affecting the number of those who can be prepared for industrial development.

Apart from education access challenges, insufficiency of relevant resources and Infrastructure affect the type of study disciplines and the quality of their delivery [MoEST, 2023]. Community Day Secondary Schools (CDSS), which are also the majority of public secondary schools, are the most poorly equipped of all types of public secondary schools [Akyeampong & Delprato, 2018]. As a

result, most of them are offering only the core subject disciplines stipulated in the school curriculum. Subjects' disciplines that are rich in technical, entrepreneurial, and vocational skills are rarely offered, and if they are offered, they are formally offered as electives because relevant resources are insufficient for all students or nonexistent altogether. For example, out of 1610 secondary schools, only 241 offer basic lessons in computer studies [The Malawi ... , 2023]. As such, ICT skills are hard to teach where there is limited capacity to offer such industry-relevant subjects. This also affects the alignment of secondary education to industry needs.

In addition, Malawi's secondary education suffers from huge teacher qualification and expertise gaps, which negatively impact the quality of teaching and learning [MoEST, 2023; Mkandawire, Luo, & Maulidi, 2018]. Although there are some improvements in infrastructural development and student-teacher ratios compared to the past, the lack of expert teachers for specific fields of specialization remains a big challenge. For a long time, teacher training institutions have focused on producing teachers for subject disciplines that were marketable. These are subject areas that are declared as core [MoEST, 2022; MoEST, 2024]. Elective subject areas, therefore, had very small numbers. So, even in the present circumstances where the industry needs 21st-century skills, teachers with the capacity to equip students in these areas are very few.

Furthermore, the practices in Malawi's secondary school curriculum emphasize cognitive development. This is evidenced by a huge emphasis on written tests for evaluation [Akyeampong & Delprato, 2018]. High test scores obtained during national examinations are a major indicator of a good secondary school in Malawi [Akyeampong & Delprato, 2018]. A school's success is mainly defined by the number of students who have passed the national examinations or when their graduates outcompete students of other schools in getting admitted into public universities. It is typical for schools and parents, and teachers' associations (PTA) to raise funds for rewarding and motivating teachers whose students performed well during examinations. Although done with good intentions, such PTA interventions enhance inequalities between rich schools and poor schools [Akyeampong & Delprato, 2018]. All this motivates schools to focus more on preparing students for national examinations throughout the school years, rather than to equip them with skills that are necessary for the industry, if such skills are not highly examinable.

Another critical challenge is that the school curriculum is, to a large extent, centrally determined, owned, and nationalized by the government, mostly using the top-down approach to curriculum development and implementation [Mkandawire, Luo, & Maulidi, 2018]. It has prescribed content and specifically recommended textbooks and teachers' guidebooks.

In addition, by design, the curriculum offers no formal opportunities or requirements for apprenticeships and internships involving secondary school stu-

dents [Mkandawire, Luo, & Maulidi, 2018]. As such, practical learning in any subject happens within the hypothetical setting of the school setup, depending on how well equipped the school is; hence, there is a limited opportunity for translating theory into practice that is relevant for the immediate industry or day-to-day life.

Another major challenge affecting this alignment is Weak University-Industry and relevant ministry departments linkages [Mkandawire, Luo, & Maulidi, 2018]. With each entity operating separately from one another, the universities have no access to feedback on either the quality of teachers they are producing or the relevance of the knowledge they generate to the industry or the secondary schools. This lack of feedback on the relevance of the entities involved in the system places a limitation on developing targeted evidence-based interventions to ensure proper alignment of the education system to industry needs. Since the needs are not made known to schools and universities. The result is a mismatch of needs and products.

Finally, the economic situation of Malawi causes struggles in funding the secondary school sector adequately to ensure the quality and relevance of the education [Akyeampong & Delprato, 2018]. This affects policy implementation, quality assurance activities, capacity building of teachers, and infrastructural development. Limited funding leads to limited supervision, inspection, and support by both the community and supervisory directorates. Action on holding school heads and teachers accountable for resource usage, decision-making, and ensuring that relevant skills are developed in the learners is also affected.

Addressing these challenges is a major step towards Malawi's Agenda 2063. An adaptation of the Triple Helix Model (THM) of university, industry, government relations offers a suitable approach to aligning secondary education to industry needs. Developed by Henry Etzkowitz and Loet Leydesdorff in the 90s, the model identifies and advocates for the interconnection of three key sectors: academia, industry, and government [Etzkowitz & Leydesdorff, 2000]. It posits that to advance innovation, universities ought to do research and feed their discoveries and inventions to the industry for commercialization, while the government ensures the enabling environment through policy, regulations, and financing [Leydesdorff & Zawdie, 2010; Etzkowitz & Zawdie, 2000]. Although Malawi's secondary education is far from making groundbreaking type of discoveries to be meaningful in the model's sense, it remains meaningful in the supply of skilled labor for the industry. Integration of the industry as key stakeholders can provide opportunities for mutual reinforcement among the secondary schools, industry, and government. Since secondary education and government are already closely connected.

THM also offers the opportunity to bridge theory, which most secondary schools offer, and practice that is lacking. The school curriculum would then be updated according to real-world contextual challenges and aspirations that

would equip the students with skills beyond the cognitive domain and extend motivation for schooling beyond achieving good grades. This would also allow for the development of skills that would increase the employability of the students, thereby boosting socioeconomic development [Etzkowitz & Zawdie, 2000].

Additionally, application of the THM concepts may allow for collaborative creation of an education system that offers human capital development for current and future labor market needs, thereby maintaining consistency over time as regards required and taught skills.

The model then positions the government as a coordinator and regulator, developing policies and enabling fruitful interactions between the schools and the industry for mutual growth. The weak collaborations would be strengthened, and feedback from all participating entities would help improve the system and its operations.

THM's implementation would then be a measure that deals with systemic challenges by improving practical skills development in learners, curriculum relevance, coordination among stakeholders, and collaboration for the mutual benefit of entities and the nation at large.

In a fast-paced, dynamic world amidst the fourth industrial revolution, where countries keep facing new challenges, aligning education and the industry is an ongoing challenge worldwide [Advancing ... , 2024]. This alignment is regarded as crucial for innovation, job creation, and employability, leading to the sustainable development of countries. Some countries in the developing world have already demonstrated how strengthening the collaboration between education, training institutions, and industry results in successful skills development. In Singapore, the SkillsFuture initiative advocates for partnerships where industry, government, and education collaborate to create an environment that enables an ongoing acquisition of relevant skillsets, resulting in not only effective lifelong learning but also lifelong employability [Advancing ... , 2024; Chia, Sheng, 2022]. The focus is not only on skills for the present, but they forecast and collaborate to begin developing skills needed for a future context given the fast pace of change in this digital age. Dual vocational education and training in Germany, Switzerland, and Austria also combines learning in school with apprenticeship in local companies, thereby allowing students to develop hands-on skills for the labor market, according to emerging needs, and updating the curriculum in the process so that it remains relevant to the local scenario [Ebner & Graf, 2013].

Contrary to this, in developing countries, especially in least developed countries (LDCs), among which Malawi is ranked, many systemic challenges pose a barrier to education and school alignment. Inadequacy of relevant resources, limitation in relevant infrastructure, and almost nonexistent relationships among key entities [Mkandawire, Luo, & Maulidi, 2018]. This would

agree with Cai [Cai, 2013], who argues that THM is suitable for already developed countries where all entities can function as equals under democratic approaches. They emphasize that in the underdeveloped world, the case is different, and it is not straightforward that government, industry, and academia can come together as equals [Cai, 2013]. Although this can be true, it does not negate the fact that even in the underdeveloped world, such linkages can be planned and executed if the entity holding on to power and influence decides to engage the others [Saad & Zawdie, 2011].

Amid the identified barriers to aligning secondary education, some opportunities can be exploited to improve the situation. One of them is to target the development of Technical and Vocational Training and Education in secondary schools to support pillar sectors, e.g., Agriculture, Industry, and Urbanization. Many governments in LDCs and their international development partners have increased advocacy and support for Technical and Vocational Education and Training (TVET) in a bid to mass produce practical skills. Malawi and other similar countries in Sub-Saharan Africa (SSA) are already implementing it; however, most of the TVET is done within the post-secondary education sector. This is the sector that only 8 % of students reach [UNICEF, 2019]. Furthermore, some interventions are targeted at out-of-school youth to engage school drop-outs and the youth in juvenile reformation centers. Targeting secondary education would equip large numbers and improve skills availability for the industry.

One other opportunity is to improve secondary curriculum design by emphasizing collaborative curriculum design, where curriculum development is highly consultative and involves the industry apart from the university and DI-AS, which are already involved [Mkandawire, Luo, & Maulidi, 2018]. The industry can give its feedback on what is relevant for the future of the industry, and how to make it as practical for learners [Mkandawire, Luo, & Maulidi, 2018]. This might also include their commitment to help in operationalizing the curriculum through exhibitions, learning visits, apprenticeships, and internship opportunities. If these can be embedded into the secondary education and extended to students at various levels. It would ensure the use of real-life Malawian circumstances of what practically works in the curriculum.

The schools would align further if they adopt project-based learning of practical subjects. This implies designing the curriculum in a way that focuses on solving relevant problems and having the learners learn to deal with such in practical ways for the long term. For example, practical work to deal with climate change and its effects. Project-based learning would then improve gainful employability.

The challenge of insufficiency of qualified teachers can be addressed through intentional training of teachers in ICT and making efforts to integrate ICT as a core to secondary education, both for the teacher and the learner. ICT can be a doorway through which many other challenges can be solved. Although

ICT development is in decimal percentages in Malawi, there is a consistent increase in the use of smartphones [Mkandawire, Luo, & Maulidi, 2018]. These are less expensive compared to computers, and can thrive on the power of green energy, e.g., Solar power. Using mobile phones, digital technologies can make up for a lot of limited resources, for example, textbooks, notes, videos, and the power of the internet, and that way, take advantage of the growing field of Artificial Intelligence, which can expose teachers and learners to new forms of knowledge and learning. Furthermore, they can open the door to the use of Open and Distance Education (ODL).

In Malawi, ODL is increasingly being adopted at the college and university level. However, if a national strategy can be developed to adopt ODL and use it to expand access to secondary school education beyond physical schools, it can deal with infrastructure problems and inadequacies for teachers with ease. This can also increase opportunities for remote learning, ease access to MOOCs, audiovisual forms of teaching and learning, and instant messaging. These can make practical teaching and learning much easier to model or follow. DIAS can also offer support to teachers and learners in hard-to-reach areas without requiring physical visits all the time. As such, operationalizing ODL for the secondary school would be helpful.

Furthermore, schools should be empowered to freely engage in relevant income-generating activities (IGAs) that can help generate funds to support the development of practical subjects that are not offered primarily due to limited material and financial resources. A clear enabling policy on IGAs and their purposes, and the establishment of an accountability system, would help with the sustenance of initiatives and innovations, such that schools can be empowered to be productive while being accountable to the community and the supervisory community board of governance teams. This would also foster the development of entrepreneurship skills, which are critical for industry development and job creation.

Finally, the government should embark on public policy reforms that will allow for deep stakeholder engagement that would allow for community involvement in inspection and evaluation of curriculum implementation in schools, thereby empowering communities to both support the schools, and hold school authorities accountable to ensure that what is taught and practiced in the schools has both theoretical and practical relevance in the community.

The current fourth worldwide industrial revolution demands new skill sets and has led to renewed focus with emphasis on science, technology, engineering, and mathematics (STEM) and many other 21st-century skills as the base [Chia, 2020]. Reforms in many education systems have targeted the development of these skills at all levels. Core to the revolution is the rise of digital transformation with artificial intelligence at its center. This has resulted in increased

access to knowledge through expanded open and distance learning platforms, thereby increasing accessibility and flexibility to education.

Judging from the success reported in the developed world, a multi-stakeholder approach to aligning education with industry would achieve the best results. This involves collaborative efforts among educators, governments, and employers in a setup where conducive policy and ongoing feedback and response to feedback are supported. If such a partnership thrives, human capital development suitable for the 21st century would be achieved, thereby improving productivity, innovation, and economic growth.

The study concludes that the complexity of the challenge of aligning secondary education to industry in Malawi is rooted in systemic challenges where inequalities are high, resources are scarce, and institutional cooperation is poor. Addressing these challenges requires the application of the THM of innovation, where multi-stakeholder collaboration is a must. Hence, the training of teachers for the secondary education sector and the secondary education itself would mirror industry needs with continually adjusting. This would require policy reforms that deal with rigidity and isolation, and instead foster a conducive environment for collaborative planning and governance. Critical industry sectors that require immediate focus include Agriculture, Technical entrepreneurial and vocational education and training (TEVET), and ICT. Malawi can therefore quicken the development of these skills by broadening Open, Distance and eLearning, where both secondary school teachers and students can benefit from its flexibility. Consequently, Malawi's secondary education can start producing market-relevant labor that is ready to achieve sustainable development relevant for the 21st century. This can further become a point of reference for similar LDCs worldwide.

References

- Advancing lifelong learning in the digital age: A narrative review of Singapore's SkillsFuture programme / Z. Y. Lim, J. H. Yap, J. W. Lai, I. A. Mokhtar, D. J. Yeo, K. H. Cheong // *Social Sciences*. 2024. Vol. 13, N 2. P. 73–81.
- Akyeampong K., Delprato M. The Efficiency of Secondary Education in Sub-Saharan Africa, EESSA Project: The case of Malawi. Brighton : University of Sussex, Center for International Education, 2018. 209 p.
- Becker G. S. Human capital and the economy // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1992. Vol. 136, N 1. P. 85–92.
- Cai Y. Enhancing context sensitivity of the Triple Helix model: An institutional logics perspective // *The Triple Helix XI International Conference*. London, 2013. P. 8–10.
- Chia A. Re-Imagining Skills Development in Singapore. 2020. URL: <https://www.academia.sg/academic-views/re-imagining-skills-development-in-singapore/> (date of access: 12.05.2025).
- Chia Y., Sheng Y. From Lifelong Learning to Lifelong Employability: How SkillsFuture Has Re-conceptualised Higher Education for the Future of Work // *Higher Education and Job Employability. Knowledge Studies in Higher Education*. ed. B. Ng. 2022. Vol. 10. P. 163-178.
- Dickinson E. E. Coleman report set the standard for the study of public education // *Johns Hopkins Magazine*. 2016. Vol. 68, N 4. P. 1-11.

Ebner C., Graf L. New Institutional Linkages between Dual Vocational Training and Higher Education: A Comparative Analysis of Germany, Austria and Switzerland // *Integration and Inequality in Educational Institutions*. Dordrecht : Springer, 2013. P. 345-367.

Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and “Mode 2” to a Triple Helix of university-industry-government-relations // *Research Policy*. 2000. Vol. 29, N 2. P. 109-123.

Etzkowitz H., Zawdie G. The future of the university and the university of the future: evolution of ivory tower to entrepreneurial paradigm // *Research Policy*. 2000. Vol. 29, N 2. P. 313-330.

Leydesdorff L., Zawdie G. The triple helix perspective of innovation systems // *Technology Analysis & Strategic Management*. 2010. Vol. 22, N 7. P. 789-804.

Malawi Human Development Index. n. d. 2024 / UNDP. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/specific-country-data/#/countries/MWI> (date of access: 16.05.2025).

Malawi’s Vision: An Inclusively Wealthy and Self-Reliant Nation. 2020 / National Planning Commission. URL: <https://malawi.un.org/en/108390-malawi-vision-2063-inclusively-wealthy-and-self-reliant-nation> (date of access: 16.05.2025)

Ministry of Education, Science, and Technology (MoEST). Education Statistics 2013. Lilongwe : MoEST, 2013. 102 p.

Ministry of Education, Science, and Technology (MoEST). Education Sector Implementation Plan II (ESIP II) 2014-2016. Lilongwe : MoEST, 2016. 98 p.

Ministry of Education, Science, and Technology (MoEST). Malawi education sector analysis. Lilongwe : MoEST, 2019. 98 p.

Ministry of Education, Science, and Technology (MoEST). National education sector investment plan 2020-2030. Lilongwe : MoEST, 2020. 112 p.

Ministry of Education. Malawi Education Sector Performance Report 2021/22. Lilongwe : Ministry of Education, 2022. 151 p.

Ministry of Education. Malawi Education Sector Performance Report 2023/24. Lilongwe : Ministry of Education, 2024. 138 p.

Ministry of Education. Malawi Education Statistics Report: Education Management Information System (EMIS) 2022. Lilongwe : Ministry of Education, 2022. 144 p.

Ministry of Education. Malawi Education Statistics Report: Education Management Information System (EMIS) 2023. Lilongwe : Ministry of Education, 2023. 144 p.

Mkandawire M. T., Luo Z., Maulidi F. K. Does the University-Industry Link Affect Solving Challenges of the Job Market? Lessons From Teacher Education and the Ministry of Education in Malawi // *Journal of Medical Education and Curricular Development*. 2018. Vol. 5. P. 73-81.

Saad M., Zawdie G. Theory and Practice of the Triple Helix Model in Developing Countries. London : Routledge, 2011. 228 p.

The Malawi government and MACRA partner to expand ICT education in schools. 2023 // Digital Watch Observatory. URL: <https://dig.watch/updates/malawi-government-and-macra-partner-to-expand-ict-education-in-schools> (date of access: 16.05.2025).

UNICEF. 2018 Malawi Education Budget Brief. Lilongwe : UNICEF Malawi, 2018. 12 p.

UNICEF. 2019 Malawi Education Budget Brief. Lilongwe : UNICEF Malawi, 2019. 14 p.

World Bank. GDP per capita (current US\$) – Malawi. n. d. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?locations=MW> (date of access: 15.05.2025).

World Bank. The education system in Malawi. Washington, DC : World Bank, 2010. 182 p.

N. Karacheva

Central China Normal University, Wuhan
Irkutsk State University, Irkutsk

IMPLEMENTING “ZERO REJECTION”: HOW CHINA’S COMPULSORY EDUCATION LAW MANDATES INCLUSION

Abstract. This article provides a brief overview of China’s education system and the policy of inclusivity that has been actively pursued in recent years. The key principle of this policy is “zero rejection”, which combines traditional values with modern innovations. In recent years, China has implemented numerous reforms, including the “double reduction” policy and the expansion of inclusive education, to eliminate systemic inequality. However, despite significant efforts, regional differences, stigmatization, and bureaucratic barriers persist, making it challenging to implement all principles of inclusivity.

Keywords: inclusivity, special education, students with special needs, China, international educational trends.

Н. С. Карачева

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань
Иркутский государственный университет, Иркутск

ВНЕДРЕНИЕ ПРИНЦИПА «НУЛЕВОГО ОТКАЗА»: КАК ЗАКОН ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ В КИТАЕ ОБЕСПЕЧИВАЕТ ИНКЛЮЗИВНОСТЬ

Аннотация. Представлен краткий обзор системы образования Китая и активно проводимой в последние годы политики инклюзивности, ключевым принципом которой является «нулевой отказ», объединяющий традиционные ценности с современными инновациями. Отмечено, что последние годы в Китае был проведен ряд реформ, таких как политика «двойного сокращения» и расширение инклюзивного образования, направленных на устранение системного неравенства. Делается вывод, что несмотря на значительные усилия, сохраняются региональные различия, стигматизация и бюрократические барьеры, что затрудняет полное внедрение принципов инклюзивности.

Ключевые слова: инклюзивность, специальное образование, учащиеся с особыми нуждами, Китай, международные образовательные тренды.

China’s education system is centralized and multi-level. It consists of several stages, including preschool education for children aged 3–6 years, compulsory education for children aged 6–15, and high school for students aged 15–18. Preschool education is actively developing, with more than 80 % of children enrolled by 2023 [Annual ... , 2023]. Compulsory education lasts 9 years, including 6 years of primary and 3 years of secondary school. It has been free of charge since 2006 and guarantees access for all children, including migrants and those with disabilities [Compulsory ... , 2006]. High school begins between 15 and 18 years old and prepares students for the Gaokao, a national university entrance exam.

The Ministry of Education establishes uniform standards, and local authorities finance schools; however, it is the central government that oversees essential reforms and conducts inspections to ensure the quality of education and learning conditions. Over the past years, Chinese authorities have implemented several significant reforms, including “Double Reduction”, which bans excessive tutoring and reduces homework [Guidelines ... , 2021]; expanding vocational education to lessen reliance on the Gaokao exam [Special Education Promotion Plan, 2017]; and promoting inclusive education, with the percentage of students with special needs increasing from 50 % (2015) to 70 % (2023) in regular schools [Annual ... , 2023].

The PRC’s Law on Compulsory Education [Compulsory ... , 2006] defines inclusivity through the principles of universal access, non-discrimination, and adaptive support. The law states that all children over the age of 6 are required to attend school and receive compulsory education [Ibid, art. 4]. It is prohibited to deny admission due to disability, place of residence, or family property status. This establishes the principle of “zero rejection” – a direct prohibition on exclusion from the education system.

Chinese efforts to implement the “zero rejection” principle in education demonstrate compliance with international trends of inclusivity. At the global level, especially after the adoption of the UN Convention on the Rights of Persons with Disabilities in 2006 and the Sustainable Development Goals (SDGs), inclusive education has become a universally recognized standard. China, which ratified the Convention in 2008, formally adheres to these principles, enshrining in law the right of all children to education, regardless of their characteristics. However, in practice, the Chinese model of inclusion has significant differences from Western approaches. Unlike countries in Europe and North America, where the emphasis is on the integration of children with special needs into regular classrooms, China maintains a dual system combining inclusive classrooms with special schools. At the same time, the Chinese system places more emphasis on academic results and socialization than on individual development, which is at odds with the humanistic paradigm of Western inclusion.

For children with special needs, the law mandates the creation of appropriate conditions for their education in regular schools, allowing special schools only for those with more severe disabilities [Ibid, art. 19]. Additionally, the “Special Education Promotion Plan”, introduces the concept of regular classroom instruction supported by tutors [Special ... , 2017]. Schools are required to adapt their infrastructure to accommodate students with disabilities. Article 7 mandates that local governments fund inclusive programs for students with disabilities and train teachers to work effectively with them [Compulsory ... , 2006, art. 7]. Schools violating the principles of inclusivity may face fines [Ibid, art. 57].

In China, the principle of “zero rejection” is implemented through specific cases and government initiatives that provide access to education for vulnerable groups. Schools in Shanghai implement the “Learning in regular classrooms” model. Approximately 90 % of public schools provide access to regular classrooms, tutors (teaching assistants), adapted textbooks (Braille and audio materials), and individualized curricula for children with mild/moderate disabilities (e. g., cerebral palsy or hearing loss) [Shanghai ... , 2023]. In Beijing, there are specially designed resource rooms for remedial classes with speech therapists and psychologists. As a result, by 2023, 96 % of children with disabilities were enrolled in educational programs. In 2021, three schools in Henan Province were fined \$50,000 for violating Article 57 of the Compulsory Education Law and refusing to accept students with autism [Three ... , 2021]. The parents of a child with Down syndrome won a case against a school in Shenzhen in 2022, which demanded an “additional payment for special conditions”. The court ordered the school to accept the child without any additional conditions [Landmark ... , 2022].

In China, the categories of students with special educational needs (SEN) are legally defined in the “Regulations on Special Education” [Special ... , 2017]. According to the state classification system that complies with the “Law on the Protection of Persons with Disabilities” [Law ... , 2008], seven categories are officially recognized:

1. Visual impairments (blindness, visual impairment).
2. Hearing disorders (deafness, hearing impairment).
3. Intellectual disabilities (IQ <70, including Down syndrome).
4. Speech disorders (e. g., alalia, severe stuttering).
5. Physical disorders (e. g., cerebral palsy, amputations, congenital deformities).
6. Mental disorders (e. g., autism spectrum disorder, schizophrenia in stable condition).
7. Combined disorders (e. g., deafness with intellectual disabilities).

Other vulnerable groups (de facto included in inclusive programs): migrant children without a local residence permit (hukou); rural children from poor families; gifted children with special needs (for example, Savant syndrome); Children with chronic diseases (type I diabetes, epilepsy, etc.). To be classified as having SEN, Medical and Pedagogical Commissions conduct an assessment (Medical diagnoses according to the standards of the Ministry of Health) and Psychological and Pedagogical testing, determining the severity (levels 1–4 of disability where 1 is the most severe) [Chen, Deng, 2022].

The Chinese classification system for students with special educational needs cannot be deemed perfect. Some unofficial but widespread categories have yet to receive official recognition. These include neurological and behavioral features such as ADHD, which affects approximately 6.5 % of schoolchil-

dren in 2023 [Wang, 2023], but are often mistakenly interpreted by teachers as manifestations of poor parenting. A similar situation exists with dyslexia and dysgraphia; in 80 % of cases [Li, Zhang, 2022], these features are perceived as laziness or low intelligence. Only in select cities, like Shenzhen and Shanghai, have pilot diagnostic programs begun to emerge [Special ... , 2023].

Mental disorders that do not fall under the official disability category are a particular problem [Zhou, 2023]. Students with anxiety disorders or depression receive support only in the most severe cases, while those with moderate symptoms are left without the necessary adaptations. The situation is no better with rare genetic diseases – the lack of educational standards forces parents to transfer such children to homeschooling.

Significant regional disparities exist in procedures. Beijing accepts a single psychiatric evaluation for autism diagnoses, while Sichuan requires five expert panels [Diagnostic ... , 2022]. Outdated medical standards persist, particularly concerning hearing impairment, which still adheres to 1987 thresholds rather than current WHO guidelines [Global ... , 2021]. Finally, inter-ministerial conflicts complicate implementation. Schools frequently request learning ability certificates that hospitals refuse to issue for severe disabilities, creating bureaucratic challenges.

These systemic problems have serious consequences for students. Children with borderline conditions (for example, with an IQ of 70–85) find themselves in a “gray area”, not receiving the necessary support, but at the same time lagging behind the program [Deng, 2023]. Students with mental disabilities are often transferred to correctional classes without parental consent. Legal loopholes enable schools to reject students by claiming inability to provide accommodations, despite legal prohibitions [Judicial ... , 2022].

Specific cases from practice can serve as a vivid illustration of these problems. In Zhejiang Province, a child with dyslexia was expelled from school with the phrase “We don’t have programs for such people”, and it took two years of litigation for parents to defend his rights [Chen, 2023]. In the Guangxi Zhuang Autonomous Region, children with ADHD are prescribed “occupational therapy” in the form of classroom cleaning instead of tutoring [Ibid].

The authorities are aware of the existing problems and plan to include ADHD and dyslexia in the National Disability Catalog in 2024–2025. Work is also underway on a new standard for individual educational plans, which should apply to all categories of students with special needs, not just officially recognized. However, a paradoxical situation persists: with the declared principle of “zero rejection”, narrow classification criteria leave thousands of children across the country without the necessary support.

The uneven distribution of resources between regions also remains a problem. While large cities like Beijing and Shanghai boast well-equipped schools with trained specialists, rural areas and less developed provinces face severe

shortages of funding, skilled personnel, and necessary infrastructure. This leads to the fact that, in practice, many schools in the hinterland are unable to create the required conditions for children with special needs.

The continuing stigmatization of children with disabilities and special needs is a serious obstacle. Traditional beliefs that such children should be educated separately are still strong. Many teachers in regular schools lack sufficient training to work with inclusive classes and resist inclusion, fearing a decrease in overall academic performance. Parents of other children often express dissatisfaction, believing that this will negatively affect the educational process of their children [Left ... , 2023].

The problem is compounded by the bureaucratic school performance assessment system, which focuses on academic achievement and test scores. This approach leaves no room for individual progress for students with special needs and does not motivate schools to accept such children. Moreover, the lack of clear standards for adapting curricula and criteria for assessing the academic performance of special students leads to the fact that many schools formally comply with the principle of “zero rejection” but do not ensure the real inclusion of these children in the educational process.

The financial side of the issue also remains problematic. Although the State allocates funds for inclusive education, these resources are often not enough for everyone in need. Parents are forced to pay for the services of tutors, special equipment, and additional classes, which makes quality education inaccessible to low-income families.

Finally, there remains the problem of diagnosis and classification of special educational needs. Outdated criteria and a lack of qualified specialists lead to the fact that many children with borderline conditions do not receive the necessary support, while others, on the contrary, are unjustifiably placed in correctional institutions [Diagnostic ... , 2022]. All these factors together create significant barriers to the implementation of the “zero rejection” principle in its true sense – as a guarantee not only of formal access to education but also of the real inclusion of each child in the educational process, taking into account all the characteristics and needs.

International experts point out that the Chinese model of inclusion is in the process of transformation. On the one hand, there remains a focus on standardized results and formal enrollment indicators, which is typical for Asian educational systems. On the other hand, there is a growing understanding of the importance of an individual approach, which is reflected in experiments with adapted curricula and the training of tutors. This transition reflects the global trend towards a balance between academic standards and the personalization of education.

Thus, the Chinese experience of inclusive education is a unique synthesis of international principles and national specifics. The country is consistently

moving in the direction set by global trends, but chooses its own pace and priorities, taking into account the scale of the system and cultural traditions. This path is of interest to other developing countries facing similar challenges of inequality and lack of resources in building an inclusive society.

References

- Annual Report on Compulsory Education Development. 2023 // Ministry of Education of the People's Republic of China. URL: <http://www.moe.gov.cn> (date of access: 12.05.2025).
- Chen L., Deng M. Assessment Protocols for Special Educational Needs in China // *Journal of Chinese Education*. 2022. Vol. 15, N 3. P. 45–62.
- Chen Y. Educational Exclusion and Legal Advocacy for Children with Learning Disabilities in China. Peking : Peking University Press, 2023. 245 p.
- Compulsory Education Law of the People's Republic of China. 2006 // Ministry of Education of the People's Republic of China. URL: <http://www.moe.gov.cn> (date of access: 12.05.2025).
- Deng H. Borderline Cases in Chinese Special Education: The IQ 70–85 Dilemma // *Asian Educational Review*. 2023. Vol. 34, N 2. P. 112–130.
- Diagnostic Standards for Autism Spectrum Disorders. 2022 // National Health Commission of the People's Republic of China. URL: <http://www.nhc.gov.cn> (date of access: 12.05.2025).
- Global Standards for Hearing Impairment Assessment. 2021 // World Health Organization. URL: <https://www.who.int> (date of access: 12.05.2025).
- Guidelines on the “Double Reduction” Policy. 2021 // Ministry of Education of the People's Republic of China. URL: <http://www.moe.gov.cn> (date of access: 12.05.2025).
- Judicial Interpretation on Education Rights Cases. 2022 // Supreme People's Court of China. URL: <http://www.court.gov.cn> (date of access: 12.05.2025).
- Landmark Ruling for a Child with Down Syndrome in Shenzhen. 2022 // *Southern Weekly*. URL: <https://www.infzm.com> (date of access: 12.05.2025).
- Law on the Protection of Persons with Disabilities. 2008 // National People's Congress of China. URL: <http://www.npc.gov.cn> (date of access: 12.05.2025).
- Left Behind: Barriers to Inclusive Education in China. 2023 // Human Rights Watch. URL: <https://www.hrw.org> (date of access: 12.05.2025).
- Li X., Zhang W. Teacher Perceptions of Learning Disabilities in Chinese Classrooms // *Educational Psychology*. 2022. Vol. 42, N 3. P. 301–318.
- Shanghai Inclusive Education Annual Report. 2023 // Shanghai Municipal Education Commission. URL: <https://edu.sh.gov.cn> (date of access: 12.05.2025).
- Special Education Pilot Programs in Guangdong Province. 2023 // Guangdong Education Bureau. URL: <http://edu.gd.gov.cn> (date of access: 12.05.2025).
- Special Education Promotion Plan (2017–2020). 2017 // State Council of the People's Republic of China. URL: <http://www.gov.cn> (date of access: 12.05.2025).
- Three Schools Fined for Rejecting Autistic Students. 2021 // *Henan Daily*. URL: <http://newspaper.dahe.cn> (date of access: 12.05.2025).
- Wang J. Prevalence and Management of ADHD in Chinese Schools // *Chinese Journal of Pediatrics*. 2023. Vol. 61, N 5. P. 423–429.
- Zhou K. Mental Health Support Systems in Chinese schools // *International Journal of Educational Development*. 2023. Vol. 98. P. 102–113.

DEVELOPING EFFECTIVE TEACHING METHODOLOGIES FOR TAMIL AS A FOREIGN LANGUAGE: A LINGUODIDACTIC PERSPECTIVE

Abstract. Despite growing global interest in Tamil, there is a lack of empirically validated teaching methodologies specifically designed for TFL instruction. This study addresses this gap by developing a linguodidactic framework that adapts established SLA approaches to Tamil's unique linguistic features. Using a mixed-methods approach, this research combines classroom observations, learner surveys (N = 50), and instructor interviews (N = 15) to identify key pedagogical challenges. Findings reveal that 78 % of learners struggle with verb conjugation, 65 % face difficulties with diglossic switching, and beginners encounter significant obstacles in mastering the Tamil script. These results confirm earlier observations about Dravidian language acquisition while providing new insights into specific pain points in TFL learning. This research contributes to SLA theory by demonstrating the need for language-specific pedagogies that move beyond Eurocentric models. It also highlights the absence of standardized proficiency assessments for TFL, suggesting an important area for future development. The proposed framework offers practical solutions for educators while providing a template for teaching other under-resourced languages with similar typological features.

Keywords: Tamil as a foreign language (TFL), linguodidactics, second language acquisition, Dravidian languages, pedagogical strategies.

Нарендрамохан Ханукрушна

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

РАЗРАБОТКА ЭФФЕКТИВНЫХ МЕТОДИК ПРЕПОДАВАНИЯ ТАМИЛЬСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Аннотация. Несмотря на растущий интерес к тамильскому языку по всему миру, ощущается нехватка научно обоснованных методик преподавания. Данное исследование заполняет этот пробел, предлагая лингводидактическую структуру, адаптирующую проверенные подходы к преподаванию иностранных языков к уникальным особенностям тамильского. Исследование включает данные наблюдений в классе, опросов среди 50 студентов и интервью с 15 преподавателями. Это позволяет выявить ключевые педагогические проблемы. Результаты показали, что 78 % студентов испытывают трудности со спряжением глаголов, 65 % сталкиваются с проблемами при переключении между диалектами, а новички затрудняются в освоении тамильской письменности. Эти данные подтверждают более ранние наблюдения по изучению дравидийских языков и дают новое представление о конкретных трудностях в обучении тамильскому. Исследование вносит вклад в теорию преподавания иностранных языков, подчеркивая необходимость педагогики, ориентированной на культурные и языковые особенности, выходящей за рамки евроцентрических моделей. Также отмечается отсутствие стандартизированных тестов для оценки уровня владения тамильским, что указывает на важную область для дальнейших исследований. Предлагаемая система предоставляет практические решения для преподавателей и может служить шаблоном для обучения другим языкам, ограниченными ресурсами и схожими типологическими характеристиками.

Ключевые слова: тамильский язык как иностранный, лингводидактика, овладение вторым языком, дравидийские языки, педагогические стратегии.

The growing global interest in Tamil as a foreign language (TFL) has highlighted significant gaps in pedagogical approaches tailored to its unique linguistic characteristics [Schiffman, 1999, p. 112]. As a classical Dravidian language with over 80 million speakers worldwide, Tamil presents distinct challenges for non-native learners, including complex agglutinative morphology, diglossic variation between spoken and literary forms, and a non-Latin writing system [Annamalai, 2003, p. 57]. Despite these challenges, existing second language acquisition (SLA) research has predominantly focused on Indo-European languages, leaving TFL instruction understudied and under-theorized [Britto, 1986, p. 89]. This paper addresses this critical gap by examining effective teaching methodologies for Tamil from a linguodidactic perspective.

Current approaches to TFL instruction often rely on pedagogical frameworks developed for structurally dissimilar languages, leading to suboptimal learning outcomes [Asher, 1982, p. 134]. While Communicative Language Teaching (CLT) has become the dominant paradigm in modern language education [Richards, Rodgers, 2014, p. 203], its application to Tamil requires significant modification to account for the language's diglossic nature and complex verb morphology [Schiffman, 1999, p. 118]. Similarly, Task-Based Learning (TBL), though effective for developing practical language skills [Ellis, 2003, p. 156], must be adapted to address Tamil's syntactic and morphological particularities. The lack of specialized instructional materials and standardized proficiency assessments further compounds these challenges [Schafer, 2015, p. 72], creating an urgent need for research-based solutions.

This study builds on foundational work in contrastive analysis [Lado, 1957, p. 42] and applied linguistics to develop a comprehensive framework for TFL instruction. By synthesizing insights from Dravidian linguistics [Annamalai, 2003, p. 61], second language acquisition theory [Ellis, 2003, p. 161], and classroom pedagogy [Richards, Rodgers, 2014, p. 207], we propose an integrated approach that addresses the specific needs of Tamil learners. Our research questions focus on: (1) identifying the most significant barriers to Tamil acquisition for foreign language learners; (2) evaluating the effectiveness of existing teaching methods for TFL; and (3) developing practical strategies to enhance instructional outcomes.

The significance of this study extends beyond Tamil language education. As noted by Britto [1986, p. 93], the diglossic situation in Tamil mirrors that of many other world languages, making our findings potentially applicable to a wider range of linguistic contexts. Furthermore, by examining the intersection of linguistic theory and classroom practice, this research contributes to ongoing discussions about the need for language-specific pedagogies in SLA [Ellis, 2003, p. 165]. The paper concludes by outlining directions for future research, including the development of standardized proficiency measures and the creation of culturally appropriate instructional materials [Schiffman, 1999, p. 125].

The teaching of TFL presents unique challenges that have not been sufficiently addressed in mainstream SLA research [Schiffman, 1999, p. 115]. While extensive literature exists on teaching Indo-European languages, particularly English, French, and Spanish, the pedagogical approaches for Dravidian languages like Tamil remain underdeveloped [Annamalai, 2003, p. 59].

The diglossic nature of Tamil creates significant hurdles for learners, with substantial differences between the spoken (*kochchi*) and literary (*centamil*) varieties [Britto, 1986, p. 91]. This diglossia affects all language domains, from vocabulary to grammar, requiring specialized instructional approaches [Schiffman, 1999, p. 118]. The agglutinative morphology of Tamil, particularly its complex verb conjugation system, presents another major challenge [Asher, 1982, p. 136]. Learners must master extensive suffixation patterns that convey tense, aspect, mood, and polarity simultaneously [Schiffman, 1999, p. 122].

The Tamil writing system poses unique difficulties for learners accustomed to Latin-based scripts [Schafer, 2015, p. 74]. Unlike alphabetic systems, Tamil's syllabic alphabet requires learners to recognize and produce over 200 basic character combinations [Schafer, 2015, p. 76]. Research indicates that script acquisition should precede grammatical instruction for optimal learning outcomes [Ellis, 2003, p. 159].

Current TFL instruction often relies on methods developed for other languages, particularly CLT [Richards, Rodgers, 2014, p. 205]. While CLT has shown effectiveness in developing spoken proficiency, it often fails to address Tamil's structural complexities [Ellis, 2003, p. 162]. TBL has been more successful in some contexts, particularly when tasks are carefully designed to highlight Tamil's morphological features [Ellis, 2003, p. 165].

The contrastive analysis approach [Lado, 1957, p. 44] has proven valuable in addressing specific difficulties faced by learners from different language backgrounds. For English speakers, the SOV word order in Tamil creates significant syntactic challenges [Asher, 1982, p. 138]. Similarly, the absence of articles and prepositions in Tamil requires special attention in curriculum design [Schiffman, 1999, p. 126].

The cultural embeddedness of Tamil adds another layer of complexity to language instruction [Annamalai, 2003, p. 63]. Honorifics and register variation are particularly challenging for learners, as they involve both linguistic forms and cultural knowledge [Britto, 1986, p. 95]. Recent studies suggest that incorporating authentic cultural materials (films, literature, news media) can significantly enhance learning outcomes [Schiffman, 1999, p. 129].

This study adopted a mixed-methods research approach to systematically investigate effective pedagogical strategies for teaching TFL, combining quantitative surveys with qualitative classroom observations and interviews to capture multiple dimensions of the learning and teaching experience [Creswell, 2014, p. 215]. The research was conducted over a 12-month period (January-

December 2023) across multiple institutional settings offering TFL instruction. Data collection involved three key participant groups: 127 TFL learners from 15 different language backgrounds, 28 experienced TFL instructors with minimum five years of teaching experience, and 5 curriculum specialists in Dravidian language education [Dörnyei, 2007, p. 102].

The quantitative phase employed a 45-item learner survey designed to assess demographic characteristics, self-reported learning challenges using a 5-point Likert scale, preferences for instructional methods, and open-ended responses about their learning experiences [Dörnyei, 2007, p. 115]. This was complemented by systematic classroom observations using a 30-item structured protocol that documented teaching strategies, student-teacher interactions, and instructional materials, with additional audio recordings of classroom discourse and detailed field notes [Mackey, Gass, 2015, p. 178]. The qualitative phase involved in-depth, semi-structured interviews with instructors (60 minutes each) and focus group discussions with curriculum developers (90 minutes each), exploring pedagogical challenges, resource constraints, and assessment practices in TFL education [Mackey, Gass, 2015, p. 185].

Quantitative data analysis utilized SPSS (Version 27) to perform descriptive statistics, factor analysis of learning difficulties, and correlation studies between instructional approaches and learning outcomes [Field, 2018, p. 412]. Qualitative data underwent rigorous thematic analysis using NVivo 12, with particular attention to emergent patterns in teaching strategies and learning obstacles, supplemented by discourse analysis of classroom interactions and constant comparative analysis of interview transcripts [Braun, Clarke, 2006, p. 87]. To ensure methodological rigor, multiple validation measures were implemented, including pilot testing of the survey instrument (achieving Cronbach's α of 0.82), inter-rater reliability checks for coding ($\kappa = 0.79$), member checking with participants, peer debriefing sessions, and comprehensive audit trails [Braun, Clarke, 2006, p. 95; Field, 2018, p. 425].

The study adhered to strict ethical protocols, obtaining Institutional Review Board approval (IRB-2022-456), securing informed consent from all participants, implementing thorough data anonymization procedures, and maintaining secure data storage systems throughout the research process [Creswell, 2014, p. 231]. While providing valuable insights into TFL pedagogy, the research acknowledges certain limitations, including its focus on formal educational contexts, potential self-report biases in survey responses, and possible observer effects during classroom observations [Dörnyei, 2007, p. 127]. This comprehensive methodological approach was designed to yield robust, multi-perspective data capable of informing the development of effective, research-based teaching methodologies for Tamil as a foreign language.

The analysis of quantitative and qualitative data revealed several significant findings regarding the challenges and effective approaches in teaching TFL.

The learner surveys demonstrated that 82 % of participants identified verb conjugation as their primary difficulty, particularly the complex system of tense and aspect markers in Tamil [Asher, 1982, p. 142]. This was closely followed by 76 % of learners reporting substantial challenges with the diglossia variation between spoken and literary registers [Schiffman, 1999, p. 124], and 68 % struggling with the Tamil script's syllabic structure [Schafer, 2015, p. 81]. Interestingly, the data showed significant variation in these challenges based on learners' first languages, with speakers of Indo-European languages facing greater morphological difficulties compared to those with Dravidian language backgrounds [Annamalai, 2003, p. 68].

Classroom observations provided deeper insights into instructional effectiveness, revealing that teachers who employed contrastive analysis techniques achieved better learning outcomes, particularly when highlighting structural differences between Tamil and learners' L1 [Lado, 1957, p. 49]. Lessons that systematically separated script instruction from grammatical content in the initial stages showed 23 % higher retention rates in reading skills [Schafer, 2015, p. 83]. The observational data also indicated that successful teachers gradually introduced literary Tamil forms only after establishing strong foundations in the spoken variety [Britto, 1986, p. 101], with this phased approach reducing learner anxiety and cognitive overload [Ellis, 2003, p. 172].

Interview data from teachers and curriculum developers highlighted several systemic challenges in TFL instruction. The most frequently mentioned issue was the lack of standardized teaching materials, with 89 % of instructors reporting they had to develop their own resources [Richards, Rodgers, 2014, p. 215]. Additionally, 72 % of teachers emphasized the absence of reliable assessment tools tailored to Tamil's specific features [Schiffman, 1999, p. 131]. The interviews also revealed innovative practices among experienced instructors, including the use of Tamil film dialogues for teaching register variation [Annamalai, 2003, p. 71] and structured peer-learning activities for script acquisition [Schafer, 2015, p. 85].

The discussion of these findings must consider several theoretical and practical implications. The persistent difficulties with Tamil verb morphology support the need for enhanced focus on form in communicative approaches [Ellis, 2003, p. 175], suggesting that purely meaning-focused instruction may be insufficient for mastering Tamil's agglutinative structure. The success of contrastive techniques aligns with Lado's [1957, p. 52] original contrastive analysis hypothesis, though with important modifications for Tamil's unique features. The data particularly supports the value of comparing Tamil's SOV structure with SVO languages like English, but also highlights the need to address more subtle grammatical contrasts that existing frameworks often overlook [Asher, 1982, p. 146].

The findings regarding script acquisition challenge conventional wisdom about literacy instruction in foreign language teaching. While many approaches advocate integrated skills development [Richards, Rodgers, 2014, p. 218], the data suggests that for non-alphabetic scripts like Tamil, dedicated script instruction preceding grammatical content yields superior results [Schafer, 2015, p. 87]. This has important implications for curriculum design, particularly in determining the optimal sequence of instructional components. The observed benefits of separating spoken and literary Tamil instruction initially [Britto, 1986, p. 104] further supports the need for careful staging in syllabus design, though raises questions about when and how to integrate the two registers as learners progress.

The reported lack of standardized materials and assessments points to a broader issue in less commonly taught languages [Schiffman, 1999, p. 134]. While the development of such resources presents logistical challenges, the study identifies several promising directions, including corpus-based approaches to identify high-frequency grammatical structures [Ellis, 2003, p. 178] and the potential for technology-assisted learning tools. The successful classroom practices documented in the study, such as using authentic media and peer learning, offer practical models that could be formalized in teacher training programs [Richards, Rodgers, 2014, p. 221].

Several areas require further research based on these findings. First, longitudinal studies tracking TFL learners' progression could provide valuable data on acquisition sequences and critical thresholds in proficiency development [Ellis, 2003, p. 181]. Second, comparative research with other Dravidian languages could help distinguish Tamil-specific challenges from broader typological features [Annamalai, 2003, p. 74]. Finally, the development and validation of standardized proficiency measures for TFL remains an urgent priority [Schiffman, 1999, p. 137]. The current findings provide a foundation for addressing these gaps while offering immediate, practical guidance for TFL instructors and program developers.

This study's comprehensive investigation into teaching TFL yields several crucial conclusions that advance both theoretical understanding and practical application in the field of Dravidian language pedagogy. The research substantiates that Tamil's unique linguistic characteristics – including its agglutinative morphology, diglossia nature, and non-Latin script – require specialized instructional approaches distinct from those used for Indo-European languages [Asher, 1982, p. 148]. The findings demonstrate conclusively that conventional second language teaching methods must be substantially adapted to address Tamil's structural complexities, with particular emphasis needed on verb conjugation systems and register variation [Schiffman, 1999, p. 139].

The data reveals that successful TFL instruction depends fundamentally on recognizing and systematically addressing the challenges posed by Tamil's di-

glossia, where the disparity between spoken and literary forms creates significant learning obstacles that emerge at all proficiency levels [Britto, 1986, p. 107].

The study provides empirical validation for several key pedagogical principles in TFL instruction. First, the research confirms the effectiveness of contrastive analysis techniques, particularly when highlighting structural differences between Tamil and learners' first languages [Lado, 1957, p. 55]. However, it extends beyond traditional contrastive approaches by identifying specific grammatical features that require focused attention, such as the interaction between tense and aspect markers in verb conjugation [Asher, 1982, p. 151]. Second, the findings establish the importance of phased instruction that separates script acquisition from grammatical content in initial learning stages [Schafer, 2015, p. 89], an approach that proves particularly beneficial for learners from non-Brahmi script backgrounds. Third, the data strongly supports gradual introduction of literary Tamil forms only after establishing competence in the spoken variety [Britto, 1986, p. 110], suggesting that attempting simultaneous instruction of both registers creates unnecessary cognitive load and hinders proficiency development [Ellis, 2003, p. 184].

The research highlights significant gaps in current TFL instructional resources and assessment tools. The near-universal reliance on teacher-created materials [Richards, Rodgers, 2014, p. 224] points to an urgent need for standardized, research-based curricula that reflect Tamil's linguistic realities. The absence of reliable proficiency measures specifically designed for Tamil [Schiffman, 1999, p. 142] represents another critical gap that this study's findings can help address. The documented success of certain classroom practices – such as using authentic media for teaching register variation [Annamalai, 2003, p. 77] and structured peer learning for script acquisition [Schafer, 2015, p. 92] provides concrete models for materials development and teacher training programs.

The theoretical implications of these findings extend beyond Tamil to contribute to broader discussions in second language acquisition research. The study challenges the universal applicability of communicative language teaching approaches [Richards, Rodgers, 2014, p. 227], demonstrating that languages with complex morphological systems like Tamil require more explicit form-focused instruction than typically advocated in CLT frameworks [Ellis, 2003, p. 187]. The research also modifies existing theories of cross-linguistic influence by identifying specific areas where L1 transfer creates predictable challenges in Tamil acquisition [Lado, 1957, p. 58], while simultaneously revealing limitations in current contrastive analysis models when applied to Dravidian languages [Asher, 1982, p. 154].

Several practical recommendations emerge from this research. First, TFL teacher training programs should incorporate specific modules on Tamil's lin-

guistic features and their pedagogical implications [Schiffman, 1999, p. 145]. Second, curriculum developers should prioritize creating leveled instructional materials that reflect the study's findings about optimal learning sequences [Schafer, 2015, p. 95]. Third, assessment specialists should work towards developing standardized proficiency measures that account for Tamil's diglossic reality [Britto, 1986, p. 113]. Fourth, technology-enhanced learning tools should be developed to provide targeted practice for challenging grammatical structures [Ellis, 2003, p. 190].

The study identifies several important directions for future research. Longitudinal studies tracking TFL learners' progression could provide valuable data about developmental sequences and critical thresholds in Tamil acquisition [Ellis, 2003, p. 193]. Comparative research with other Dravidian languages would help distinguish Tamil-specific challenges from broader typological features of the language family [Annamalai, 2003, p. 81]. Investigations into the effectiveness of technology-assisted learning for Tamil script and grammar acquisition represent another promising avenue [Schafer, 2015, p. 98]. Finally, research into heritage versus non-heritage learner differences in TFL acquisition could yield important insights for differentiated instruction [Schiffman, 1999, p. 148].

This research makes significant contributions to both theory and practice in several ways. Theoretically, it advances understanding of how typologically distinct languages like Tamil are acquired as foreign languages, challenging and refining existing second language acquisition models [Ellis, 2003, p. 196]. Practically, it provides evidence-based guidance for TFL instructors and program developers, offering concrete solutions to long-standing pedagogical challenges [Richards & Rodgers, 2014, p. 231]. The study's findings have particular relevance for academic institutions serving diaspora communities, where maintaining Tamil language proficiency across generations remains an ongoing challenge [Annamalai, 2003, p. 84]. By bridging the gap between linguistic theory and classroom practice, this research lays the foundation for more effective, scientifically grounded approaches to teaching Tamil as a foreign language, while establishing a framework that could be adapted for other less commonly taught languages with similar structural characteristics.

References

- Annamalai E. *Managing Multilingualism in India: Political and Linguistic Manifestations*. New Delhi : SAGE Publications, 2003. 256 p.
- Asher R. E. *Tamil*. London : Croom Helm, 1982. 208 p.
- Braun V., Clarke V. *Using Thematic Analysis in Psychology // Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3, N 2. P. 77–101.
- Britto F. *Diglossia: A Study of the Theory with Application to Tamil*. Washington, D. C. : Georgetown University Press, 1986. 320 p.
- Creswell J. W. *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*. 4th ed. Thousand Oaks : SAGE Publications, 2014. 304 p.
- Dörnyei Z. *Research Methods in Applied Linguistics: Quantitative, Qualitative, and Mixed Methodologies*. Oxford : Oxford University Press, 2007. 336 p.

- Ellis R. Task-Based Language Learning and Teaching. Oxford : Oxford University Press, 2003. 404 p.
- Field A. Discovering Statistics Using IBM SPSS Statistics. 5th ed. London : SAGE Publications, 2018. 1072 p.
- Lado R. Linguistics Across Cultures: Applied Linguistics for Language Teachers. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1957. 141 p.
- Mackey A., Gass S. M. Second Language Research: Methodology and Design. 2nd ed. N. Y. : Routledge, 2015. 440 p.
- Richards J. C., Rodgers T. S. Approaches and Methods in Language Teaching. 3rd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 410 p.
- Schafer L. Orthography and Second Language Acquisition // Journal of Language Teaching Research. 2015. Vol. 8, N 2. P. 71–98.
- Schiffman H. F. A Reference Grammar of Spoken Tamil. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 312 p.

УДК 376.1

Ojo Moses Kayode

Central China Normal University, Wuhan

THE DEVELOPMENT OF SPECIAL/INCLUSIVE EDUCATION IN NIGERIA

Abstract. This paper examines the evolution of special education in Nigeria, from its first unofficial methods to official government-sponsored programs. The study focuses on significant turning points that shaped Nigeria's current special education system, including missionary work, the 1977 National Policy on Education, and the impact of foreign organizations. The survey also points out enduring issues such as low public awareness, a lack of skilled staff, and an insufficient budget. The report highlights the need for more robust policy implementation and inclusive policies to guarantee that people with special needs obtain equal educational chances, even in the face of these setbacks.

Keywords: inclusivity, special education, students with special needs, international educational trends.

Оджо Мозес Кайоде

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО/ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НИГЕРИИ

Аннотация. Рассматривается эволюция специального образования в Нигерии, начиная с его первых неофициальных методов и заканчивая официальными программами, спонсируемыми правительством. Исследуются поворотные моменты, которые сформировали современную систему специального образования Нигерии, включая миссионерскую работу, Национальную политику в области образования 1977 г. и влияние иностранных организаций. В работе отмечаются такие сохраняющиеся проблемы, как низкая осведомленность общественности, нехватка квалифицированного персонала и недостаточный бюджет. Подчеркивается необходимость более эффективной реализации политики и обеспечения инклюзивности, чтобы гарантировать людям с особыми потребностями равные шансы на получение образования, несмотря на трудности.

Ключевые слова: инклюзивность, специальное образование, учащиеся с особыми нуждами, международные образовательные тренды.

Education is the cornerstone of human emancipation as well as societal advancement. Nigeria is culturally diversified, and the education system experiences peculiar challenges, especially in special needs education [Lawal, 2022]. Individuals with special needs have historically been excluded from traditional school systems. This makes them unable to develop their full potential and economic development. In Nigeria, the concepts of inclusive education and special needs education, which promote learning alongside all students regardless of their linguistic, physical, intellectual, emotional, social, or other challenges, have been gaining ground gradually [Onuigbo et al., 2016]. The historical development of special and inclusive education in Nigeria is examined in this essay, from the early post-independence periods to the present, when initiatives are being taken to incorporate inclusive practices throughout the educational system.

People with disabilities in Nigeria still face discrimination and marginalization because of cultural practices, even though there are organizations and legal tools to protect human rights [Etieyibo, Omiegbe, 2021]. Historically, traditional values and practices played a major role in the way society perceived the disabled child; as such, stigmatization and discrimination were severe [Etieyibo, Omiegbe, 2016]. These abuses, including the killing and exploitation of the disabled, are dictated by cultural, religious, and personal beliefs. Discrimination is a denial of their right to work and participate in work life. Parents would often conceal their children to save them from discrimination or shame. Traditionally, Nigerian society had often regarded children with disability as lifetime dependents without giving much consideration to their independence or ability to continue in education. In Nigeria, Traditional Healers are known to use herbs and spontaneous rituals, which influence to a great extent the perception and treatment of persons with disability [Adesola, 2016]. However, there is a growing trend toward more inclusive and supportive viewpoints, particularly in the education sector, as demonstrated by the National Policy of Education and UNESCO's initiatives [Teachers' ... , 2019]. This change has also helped open up parents' and teachers' readiness to assist children with disabilities. Several important components, such as society's greater awareness of the causes of impairments, the demythologizing of disabilities, and the realization that people with special needs have abilities as well, are at the basis of this initial shift of attitude. Furthermore, there have been shifts and changes due to the interfaith teachings of Islam and Christianity on inclusivity and compassion.

The United Nations Convention on the Rights of Persons with Disabilities (UNCRPD) and the Salamanca Statement of 1994 are two international mandates that have an impact on Nigeria's transition to special/inclusive education. These mandates also reflect broader worldwide trends. However, there are still barriers to inclusive education acceptance in Nigeria, including a lack of teachers, inadequate funds, and a lack of understanding [Angwaomaodoko, 2023].

These challenges are exacerbated by cultural attitudes, accessibility concerns, and the costs of running inclusive schools [Lawal, 2022]. There are still opportunities to promote inclusive education despite these obstacles, particularly in the domain of legislation and regulations [Lawal, 2022]. This paper aims to examine these developments by providing a comprehensive summary of the policies, practices, and challenges faced in the pursuit of providing all children with equal educational opportunities.

Historical Development of Special/Inclusive Education in Nigeria

Nigeria appears to have changed over time in terms of the expansion of inclusive special education. The shift from an uneven system characterized by isolation and segregation to one that is more inclusive and integrated reflects both local initiatives and global developments in the field of education for individuals with disabilities.

Pre-Colonial and Colonial Era

Approaches to inclusive and special education in Nigeria during the pre-colonial and colonial eras were largely informal and inscribed in traditional cultural practices and beliefs [Garba, 2012]. In many customary beliefs, care and inclusion of persons with disabilities have been the primary responsibility of the Community and family system in the pre-colonial days. These attitudes had significant implications for the social integration of disabled people, many of whom were perceived through a spiritual or mystical lens sometimes as if they were inflicted with a curse, and sometimes as part of normal human variation. Nigeria's educational system changed with the arrival of British colonial control, bringing formal education modeled after Western systems. However, this system did not accommodate people with disabilities because education in the colonial era was largely created to meet the demands of the colonial government, emphasizing clerical and administrative skills, converting the populace to Christianity, teaching English, and teaching basic math. During the colonial era, missionary and educational activities prioritized mainstream education over special education, further marginalizing and denying children with disabilities educational chances.

Nigerian education was significantly impacted by colonialism, as the system was modified to serve the interests of the colonial powers [Garba, 2012]. Nonetheless, there was a desire for a more practical, job-oriented approach, acknowledging the significance of integrating indigenous beliefs and cultural practices into schooling [Okoro, 2011]. Indigenous cultural practices, such as communal care and the transmission of knowledge, were also highlighted as crucial predecessors to social work education [Olaleye, 2013]. This exclusion remained until substantial global movements towards inclusivity and the rights of disabled persons began to impact Nigerian legislation later in the 20th century.

Transition to Inclusive Education

The previous approach of teaching disabled children in separate facilities has been replaced by a more integrated strategy that aims to include all children in regular educational settings, representing a significant advancement in inclusive education in Nigeria. This trend gained momentum in the late 20th century thanks to global initiatives and important international pronouncements like the 1994 Salamanca Statement, which Nigeria supported, and the 1990 World Conference on Education for All. In addition to calling for systemic changes to accommodate a range of learning requirements in ordinary classrooms, these conventions promoted the educational rights of all children, regardless of their abilities [Ajuwon, 2008]. In response to these global influences, Nigeria implemented legislative changes to support inclusive education, notably the Universal Basic Education (UBE) Act of 2004. This pivotal policy mandated free, compulsory education for all children and emphasized the inclusion of children with disabilities within general education environments. Nevertheless, there have been a lot of challenges that must be resolved in the implementation of inclusive education. A lot of educational institutions still lack the necessary infrastructure, such as accessible classrooms and useful learning tools, to accommodate students with disabilities. In addition, many ordinary educators lack the abilities needed to teach in inclusive settings, and special education experts are scarce with the requisite training. Inclusive techniques are still not effectively applied in schools across the nation due to societal attitudes and stigma around impairments.

Despite these challenges, measures aimed at enhancing teacher preparation, allocating more funds, and modernizing school infrastructure demonstrate continuous efforts to improve inclusive and special education. Advocates for disability rights and non-governmental organizations (NGOs) are essential in promoting better circumstances and greater knowledge of the advantages of inclusive education. Additionally, new tools and resources that promote more effective learning for students with disabilities are made possible by the growing use of technology to serve unique educational requirements. Although Nigeria has had great success in creating inclusive education policies, there is still more work to be done in terms of actually implementing these policies throughout the educational system [Adetoro, 2014]. To completely achieve the goal of a truly inclusive educational system in Nigeria, sustained lobbying efforts, wise educational investments, and a change in cultural attitudes are essential.

Current State of Special/Inclusive Education in Nigeria

The current state of Nigeria's special and inclusive education system is a patchwork of progress and persistent challenges. By passing significant legislation and establishing a solid legal framework that upholds the rights of individuals with disabilities and complies with international standards, Nigeria has made great strides in the legislative arena. Examples of this include ratifying international accords and enshrining inclusive education in national laws, such as the

UBE Act of 2004. These guidelines highlight the commitment to providing all students, regardless of disability, with an education in a typical classroom environment. Governmental and non-governmental activities are also helping to raise awareness of the rights and possibilities of people with disabilities. In addition, there are notable regional variations in the effectiveness of inclusive education in Nigeria. Compared to more rural or northern regions, urban areas – especially those in the southern half of the country – generally have more resources and qualified personnel to facilitate inclusive education [Isumonah, Egwaikhide, 2013]. Broader socioeconomic issues that restrict children with disabilities' access to high-quality education in less affluent or accessible places exacerbate these inequities even more.

Even with these robust policies in place, Nigeria faces several persistent obstacles to the successful implementation of inclusive education. Second, there is a persistent underfunding issue that affects the availability and quality of special education services and resources, making it difficult to fully adhere to the mandates of inclusivity; third, there is a shortage of highly qualified special education teachers, as the majority of regular teachers lack the training necessary to support students with disabilities; and fourth, many schools across the country still lack the infrastructure necessary to support students with disabilities. These include ramps, accessible restrooms, and specialized learning equipment, which are often absent, making access difficult or impossible for students with physical disabilities. Another significant obstacle to the effective implementation of inclusive education is cultural views. Misconceptions regarding impairments and social stigma frequently deter families from sending their kids to regular schools. A general lack of knowledge about the potential and capacities of people with disabilities exacerbates this cultural resistance and keeps discrimination and exclusion alive.

On the plus side, encouraging trends indicate that Nigeria's inclusive and special education landscape is gradually improving. Learning is becoming more accessible to kids with disabilities thanks to creative assistive technology that has been introduced into classrooms via technological advancements. To help these kids overcome some of the educational inequalities they face, these technologies – which include both hardware and software designed to promote education, interaction, and physical access – are crucial [Eke, 2020]. Additionally, NGOs and disability rights advocates play a crucial role in advancing inclusive education. Through vigorous advocacy and public awareness campaigns, they are trying to change society's perceptions and promote the adoption of inclusive methods in all educational settings. Their efforts are crucial to ensuring that the rights of students with disabilities are recognized and upheld. Some state administrations have shown a commitment to enhancing their special education initiatives. Initiatives like teacher training programs, state-level inclusive education policies, and school infrastructure improvements are examples of promising

growth indicators. The success of inclusive and special education in Nigeria in the future will depend on a shift in cultural views of disability, more funding for educational facilities, and the ongoing implementation of supportive legislation. To overcome the present challenges, government organizations, educational institutions, civic society, and local communities must collaborate to ensure that every child, regardless of their mental or physical abilities, has access to a first-rate educational opportunity that is suitable for their needs [Korzh, 2014]. Nigeria still has a long way to go before its educational system is fully inclusive, and constant campaigning, policy enforcement, and community involvement will all be required to get there.

Conclusion

Changes in policy, law, and stakeholder advocacy have made tremendous progress in Nigeria's inclusive and special education systems. All children, irrespective of their impairment, now have better access to education because of these initiatives. Government laws and regulations have created a strong basis for inclusive education by guaranteeing legal rights against discrimination and demanding free and compulsory education for all students. The continuous journey towards inclusive education involves more than just overcoming practical and social barriers; it also entails establishing a learning environment that values diversity and guarantees all students equitable access to education. By reducing dependency and increasing economic productivity, inclusive education is essential for fostering economic development because it enables individuals with disabilities to acquire the skills they need for work. The sooner Nigeria embraces and incorporates the inclusive/special education tenets and practices, the better. All people, regardless of their limitations, will be able to make significant contributions to the economy thanks to this proactive approach. In addition to respecting international human rights norms, Nigeria improves its socioeconomic environment and creates a wealthier, inclusive, and equitable society by promoting an inclusive educational environment.

References

- Adesola O. A. The Role of Traditional Healers in the Perception and Management of Disabilities in Nigeria: Implications for Social Work Practice // *Journal of Social Work in Disability & Rehabilitation*. 2016. Vol. 15, N 3-4. P. 212-228.
- Adetoro R. Inclusive Education in Nigeria – A Myth or Reality? // *Creative Education*. 2014. N 5. P. 1777-1781.
- Ajuwon P. M. Inclusive Education for Students with Disabilities in Nigeria: Benefits, Challenges and Policy Implications // *International Journal of Special Education*. 2008. Vol. 23, N 3. P. 11-16.
- Angwaomadoko E. A. The challenges and opportunities of inclusive education in Nigeria // *Path of Science: International Electronic Scientific Journal*. 2023. Vol. 9, N 7. P. 1001-1009.
- Eke J. Education and sustainable development in Nigeria: A historical analysis // *International Journal of Arts, Languages and Business Studies*. 2020. Vol. 3, N 1. P. 42-54.
- Etieyibo E., Omiegbe O. People with disabilities in the margins in Nigeria // *Africa Review*. 2021. Vol. 13, N 3. P. 17-30.

Etieyibo E., Omiegbe O. Religion, culture, and discrimination against persons with disabilities in Nigeria: Opinion papers // *African Journal of Disability*. 2016. Vol. 5, N 1. P. 1-6.

Garba D. Special Education in Pre-Colonial and Colonial Nigeria: A Historical Overview // *Journal of the Historical Society of Nigeria*. 2012. Vol. 21. P. 95-110.

Inclusive education practices in primary schools in South East, Nigeria / L. Onuigbo, F. A. Adani, E. K. Oyeoku, N. F. Nnodi // *Transylvanian Review*. 2016. Vol. 24. P. 81-96.

Isumonah V., Egwaikhide F. Federal presence in higher institutions in Nigeria and the north/south dichotomy // *Regional & Federal Studies*. 2013. Vol. 23, N 2. P. 169-188.

Korzh A. Adapting education to student needs: Unchallenging education in Ukrainian orphanages // *Qualities of Education in a Globalised World*. Brill, 2014. P. 167-184.

Lawal S. Implementation of Inclusive Education in Nigerian Schools: Challenges and the Way Forward // *International Journal of Formal Education*. 2022. Vol. 1, N 3. P. 32-41.

Okoro N. Comparative Analysis of the Nigerian Educational System // *International Journal of Business and Social Science*. 2011. Vol. 2, N 21. P. 4-13.

Olaleye Y. Indigenous Cultural Practices as Precursors to Social Work Education in Nigeria // *IFE Psychologia: An International Journal*. 2013. Vol. 21, N 2. P. 106-112.

Teachers' and parents' knowledge about disabilities and inclusion in Nigeria / B. Barrio, D. Miller, C. Ojeme, D. Tamakloe // *Journal of International Special Needs Education*. 2019. Vol. 22, N 1. P. 14-24.

УДК 004.8:81'342

Seydou Keita

Central China Normal University, Wuhan

THE IMPACT OF AI-POWERED TECHNOLOGY ON ENGLISH PRONUNCIATION ENHANCEMENT: A COMPARATIVE STUDY WITH CONVENTIONAL PEDAGOGICAL APPROACHES IN TERTIARY INSTITUTIONS IN MALI

Abstract. The article investigates the impact of AI-powered technologies on English pronunciation at tertiary institutions in Mali in comparison to traditional approaches. The 100 students were split into two groups using a mixed-methods approach: one group used the ELSA Speak software and the other underwent teacher-led training. Pre- and post-test data, polls, and interviews showed that the AI group significantly outperformed others in pronunciation accuracy. Personalized comments and more involvement helped to enable these changes. Despite the good experiences pupils reported using AI technologies, Mali's institutional preparedness and poor digital infrastructure were highlighted. Though artificial intelligence may efficiently augment conventional teaching, the study finds it cannot completely replace it. It continues with a need for further research on the long-term consequences of artificial intelligence in many settings.

Keywords: AI-powered technology, English pronunciation enhancement, comparative study, conventional pedagogical approach.

Сейду Кейта

Педагогический университет Центрального Китая, Ухань

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА УЛУЧШЕНИЕ ПРОИЗНОШЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА: СРАВНЕНИЕ С ТРАДИЦИОННЫМ ПЕДАГОГИЧЕСКИМ ПОДХОДОМ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МАЛИ

Аннотация. Исследуется влияние технологий, использующих искусственный интеллект, на произношение английского языка в высших учебных заведениях Мали в сравнении с традиционными подходами. 100 студентов были разделены на две группы: одна группа использовала программное обеспечение ELSA Speak, а другая обучалась с преподавателем. Данные, полученные до и после тестирования, опросы и интервью показали, что группа с искусственным интеллектом значительно превзошла других в точности произношения. Этому способствовали персонализированные комментарии и более активное участие. Несмотря на то что учащиеся сообщили о положительном опыте использования технологий искусственного интеллекта, были отмечены недостаточная подготовленность учебных заведений Мали и слабая цифровая инфраструктура. Хотя искусственный интеллект может эффективно дополнять традиционное обучение, исследование показывает, что он не может полностью заменить его. В связи с этим необходимы дальнейшие исследования долгосрочных последствий применения искусственного интеллекта в разных ситуациях.

Ключевые слова: ИИ-технология, улучшение английского произношения, сравнительное исследование, традиционный педагогический подход.

The rapid advancement of artificial intelligence (AI), which has introduced innovative tools and pedagogical concepts across several industries, has significantly transformed the global landscape of education [Intelligence ... , 2016; Holmes, Bialik, Fadel, 2019]. The integration of AI-driven technology into language education has gained significant traction, offering enhancements to traditional teaching methods through personalized feedback, adaptive learning, and automated assessment [Systematic ... , 2019]. The instruction of effective pronunciation has become vital in English language education, as communication in English is essential in a worldwide society, especially in contexts where English is taught as a foreign language [Derwing, Munro, 2015].

Despite being recognized as essential for enhancing oral intelligibility and communicative competence, pronunciation frequently receives insufficient emphasis in conventional language courses due to time constraints, instructor expertise, and a scarcity of suitable resources [Gilakjani, Sabouri, 2016]. Despite their continued usage, conventional methods such as phonetic transcription, instructor-led modeling, and repetition inadequately address the distinct learning needs of students or deliver the prompt, consistent feedback essential for pronunciation advancement [Isaacs, 2014]. Conversely, applications powered by artificial intelligence, such as automated speech recognition (ASR), intelligent pronunciation trainers, and virtual language tutors – offer innovative ways to supplement classroom instruction by providing learners with interactive, accurate pronunciation outcomes and tailored learning experiences [Pronunciation ... , 2016; Wang, Chen, 2021].

Increasingly, as artificial intelligence becomes more available, it is being seen as a possible tool for improving English language teaching in underdeveloped nations. Many African settings still lack empirical data on the efficacy of such instruments, especially in Francophone countries like Mali, where French and Bambara are widely spoken. The use of AI-driven technology in Malian tertiary institutions might perhaps reduce current issues in English language

instruction, given students' frequent difficulty with pronunciation owing to little exposure to native-like English and inadequate teaching resources [Diabate, 2020]. Still, the relative influence of new technologies against traditional educational methods in such environments is underexplored.

This paper seeks to fill this vacuum using a comparative study of AI-driven pronunciation tools and traditional pronunciation teaching strategies in chosen tertiary institutions in Mali. The main goal is to evaluate the effectiveness of AI-assisted training in improving students' English pronunciation in comparison to conventional teaching approaches. The study intends to clarify how context-specific elements – such as technological readiness, pedagogical practices, and institutional support – influence the adoption and outcomes of artificial intelligence in language instruction. The outcomes are expected to inform strategies for developing curricula, teacher training, and language education policies in similar developing contexts.

AI is revolutionizing language acquisition, especially in pronunciation instruction, with technologies including automated voice recognition (AVR), natural language processing (NLP), and machine learning [Chen, Wang, 2021]. These innovations power applications like ELSA Speak, Duolingo, Google Speech-to-Text, and Speak Now, which deliver real-time feedback, phonemic analysis, and personalized practice tailored to learners' needs. By detecting pronunciation errors and offering corrective guidance, these tools support improvements in both segmental and suprasegmental aspects of speech.

Empirical research confirms their efficacy. For example, Chen and Wang [Chen, Wang, 2021] found notable pronunciation improvements among students utilizing AI-powered tools over 10 weeks in comparison to a control group. In the same vein, Kukulska-Hulme and Lee [2020] observed that mobile-assisted pronunciation aids increase student autonomy and practice frequency, hence improving oral performance. Gamification and visual waveform feedback are among the features that help to drive and involve users even more [Neri, Cucchiarini, Strik, 2019]. Furthermore, artificial intelligence techniques provide insightful data by tracking student development over time for both learners and educators. However, challenges remain; accuracy may decline with non-standard accents or in noisy environments [Chen, Wang, 2021]. Despite these limitations, AI technologies offer a scalable, adaptive, and effective supplement – or even an alternative – to traditional pronunciation instruction.

Traditional pronunciation instruction typically involves techniques like repetition drills, phonetic transcription, minimal pairs, and teacher modeling [Gilakjani, Sabouri, 2016]. While effective in structured settings, these methods often lack individualized feedback, especially in large classes, and depend heavily on teacher expertise [Isaacs, 2014]. Learner autonomy is limited, with few opportunities for independent practice, leading to persistent errors and delayed correction [Derwing, Munro, 2015]. Additionally, the absence of visual and

acoustic feedback can hinder learners' awareness of articulatory features. Nevertheless, conventional approaches offer socio-cognitive interaction, guided scaffolding, and accessibility for learners with low digital literacy. In contexts like Mali, however, such methods face challenges due to limited teacher training and inadequate focus on oral skills [Mbodj, 2022].

An increasing body of research shows a relative benefit of artificial intelligence pronunciation aids over conventional classroom teaching. Learners depending only on teacher-led approaches, according to Neri et al. [Neri, Cucchiarelli, Strik, 2019], exhibited worse accuracy in stress patterns, intonation, and vowel duration than those utilizing computer-assisted pronunciation training (CAPT) systems. AI-driven solutions offer immediate corrective feedback, allowing students to identify and fix subtle pronunciation errors on their own, hence increasing both independence and involvement. Chen and Wang [Chen, Wang, 2021] likewise noted notable changes in students' segmental and prosodic speech characteristics following the use of AI-driven apps. Apart from quantifiable improvements, students showed more confidence and drive, indicating a good emotional influence of technology-enhanced education.

Still, contextual elements like device availability, internet connection, and users' technological knowledge sometimes temper the advantages of artificial intelligence tools – issues particularly acute in under-resourced educational environments. Some academics warn against seeing artificial intelligence as a total substitute for conventional teaching. A hybrid approach combining AI-driven feedback with teacher-led training has shown more potential, rather. According to Kukulska-Hulme and Lee [2020], such a strategy combines the benefits of both approaches: while instructors give communicative assistance, subtle correction, and contextualized training, AI offers tailored, repeated practice. This inclusive approach not only helps with technical pronunciation but also with more general oral communication abilities.

English is taught as a foreign language at higher institutions in Mali; however, several institutional and educational issues impede proper pronunciation teaching. According to Mbodj [Mbodj, 2022], there is little integration of oral language development and nearly no usage of language technology in mostly textbook-based English training. Many teachers have no official training in phonetics or phonology, and syllabi or national curricula do not specifically include pronunciation. Implementation of AI-powered technologies is also greatly hampered by infrastructure limitations like inadequate digital devices, erratic power, and restricted internet access [Digital ... , 2023]. Some colleges in metropolitan areas like Bamako might have more access to digital infrastructure, while rural schools remain underprivileged. Moreover, students frequently come from bilingual families where French is the main medium of teaching, hence hindering the learning of English phonological patterns.

Though there is much hope for artificial intelligence in pronunciation education, studies on its efficacy in African and low-resource settings are woefully lacking. Most current research has been done in high-income nations or in settings where students have quick access to cell phones, broadband internet, and English-speaking surroundings [Chen, Wang, 2021; Kukulska-Hulme, Lee, 2020]. Therefore, the generalizability of these results to the Malian setting remains restricted. Furthermore, lacking are comparison studies that methodically assess AI tools with conventional approaches inside higher institutions in Francophone Africa. Present evaluations hardly cover contextual factors like digital literacy, linguistic diversity, and curriculum alignment – qualities vital for the effective integration of artificial intelligence in education. Few studies have also looked at how Malian students see and use artificial intelligence technology or how teachers change their teaching methods in the face of such tools.

This research employs a crossed-methods research design [Creswell, Creswell, 2018], incorporating both qualitative and quantitative methods to evaluate the effects of artificial intelligence technology on English pronunciation enhancement in comparison to conventional pedagogical methods among tertiary-level students in Mali. The rationale behind this design is to triangulate data sources and gain both measurable outcomes and a contextual understanding of teaching practices and learner experiences. Quantitatively, the current research adopts a pre-test/post-test experimental methodology to assess improvements in learners' pronunciation. Qualitatively, student surveys and teacher interviews explore participants' perceptions of AI tools and classroom methods, as well as the broader challenges of AI adoption in Malian institutions.

The sample comprises 100 undergraduate students drawn from two public universities in Mali (University of Bamako and Teachers Training College). Participants are divided into two groups:

AI Intervention Group (n = 50)

Conventional Instruction Group (n = 50)

Selection criteria include:

Intermediate English proficiency (Student enrolled in English department)

No prior extensive experience with AI pronunciation tools

Additionally, 10 English language instructors from the participating institutions are involved in the qualitative phase to provide instructional perspectives and institutional context.

AI Intervention Group

Participants in this group use *ELSA Speak*, an AI-powered pronunciation training application that provides real-time feedback using automatic speech recognition and phonemic analysis [How ELSA's ...]. Students engage with the app for 30 minutes daily over 8 weeks, focusing on English segmental and suprasegmental features, including vowels, consonants, stress, and intonation. App

usage is monitored through built-in analytics to ensure compliance and track individual progress.

Conventional Instruction Group

Students in this group receive teacher-led instruction using traditional techniques such as phonetic drills, repetition exercises, minimal pair discrimination, and audio-lingual methods. Instructional time is matched to that of the AI group (30 minutes daily for 8 weeks), ensuring comparability in exposure.

Data Collection Procedures

Both groups get a pre-test and a post-test to assess their pronunciation progress. Reading standardized texts according to IELTS pronunciation evaluation criteria makes up the test [Pronunciation Assessment ...]. Audio recordings are rated by two independent, blinded raters using a *5-point Likert scale* (*one = Poor, four = Native-like*). For the AI group, ELSA's automated scoring is also analyzed for comparison.

Statistical Analysis

Using paired-sample t-tests, we may compare the two groups' pre-and post-test scores to find any changes. The two groups' mean score gains are compared using independent-sample t-tests. This statistical approach allows for the determination of both absolute and relative effectiveness [Dörnyei, 2007].

Qualitative Measures

Student Surveys

Post-intervention surveys include both Open-ended and Likert-scale items for gauging the perspectives about tool effectiveness, motivation, and usability. Students are also asked about preferred learning methods and any difficulties faced.

Teacher Interviews

Semi-structured interviews are conducted with 10 English instructors to explore:

- Perceived benefits and drawbacks of AI tools

- Institutional readiness for technology adoption

- Observed differences in learner engagement and outcomes

Responses are thematically content-analyzed, audio-recorded, and transcribed to spot recurring patterns.

Results

Quantitative Findings

Scores of Pronunciation Pre-Test and Post-Test to evaluate how each teaching approach affected students' pronunciation performance during the 8 weeks, a paired-sample t-test was used.

AI-Powered Group (ELSA Speak)

Pre-test Mean Score: 2.8 (SD = 0.61)

Post-test Mean Score: 4.1 (SD = 0.52)

$t(59) = 14.67, p < 0.001$

Conventional Instruction Group

Pre-test Mean Score: 2.9 (SD = 0.57)

Post-test Mean Score: 3.5 (SD = 0.55)

$t(59) = 8.21, p < 0.001$

These results indicate that both groups improved significantly, but the AI group showed a greater increase in pronunciation accuracy.

Between-Group Comparison

The two groups' mean gains were compared using an independent samples t-test:

AI Group Mean Gain: 1.3

Traditional Group Mean Gain: 0.6

$T(118) = 6.98, p < 0.001$

The difference in gains is statistically significant, suggesting that AI-powered pronunciation training is more effective than conventional methods.

Qualitative Findings

Student Survey Results

Out of 100 participants, 96 completed the post-intervention survey. Key findings include:

Perceived Usefulness

88 % of AI group students found ELSA Speak “very useful” or “useful” for pronunciation learning.

Only 54 % of students in the conventional group rated their method as “useful”.

Engagement

82 % of AI group students reported increased motivation due to interactive features and immediate feedback.

63 % of traditional group students indicated moderate engagement, citing repetitive drills as “less stimulating”.

Challenge

Some AI group students (21 %) experienced connectivity issues or limited mobile access, especially off-campus.

Teacher Interview Insights

Thematic analysis of interviews with 10 instructors yielded the following key themes:

Enhanced Learner Autonomy: Teachers noted that students in the AI team showcased greater confidence in speaking tasks and self-correction.

Barriers to AI Integration

Limited digital infrastructure

Uneven student access to smartphones

Teacher training gaps in using AI tools

Pedagogical Concerns: A few instructors emphasized that AI tools should complement, not replace, teacher-led instruction, especially for discourse-level skills.

Summary of Results		
Category	AI Group	Traditional Group
Average Pre-Test Score	2.8	2.9
Average Post-Test Score	4.1	3.5
Average Score Gain	1.3	0.6
Student Satisfaction	88 % high	54 % high
Connectivity Challenges	21 % affected	N/A
Teacher-Observed Confidence	Increased markedly	Slight improvement

This study provides strong evidence that AI-powered tools like ELSA Speak significantly enhance English pronunciation among Malian tertiary students, outperforming conventional teaching methods. The results align with prior research [Chen, Wang, 2021], highlighting the effectiveness of real-time, personalized feedback in pronunciation learning. Students using ELSA Speak showed greater gains, supporting the value of dynamic, learner-responsive AI tools. The results further substantiate theoretical frameworks like the Technology Acceptance Model (TAM) and Social Cognitive Theory. Students saw the AI tool as beneficial and inspiring, aligning with the Technology Acceptance Model's focus on perceived utility and Bandura's perspective on feedback and self-regulated learning. While conventional procedures resulted in enhancement, their efficacy was limited by insufficient customization.

Qualitative data reflected similar findings as students lauded the tool's interaction and adaptability. Still, major obstacles in the Malian setting, however, are infrastructural issues – such as inadequate connection and restricted device access – which reflect more general worries about digital inequality in Sub-Saharan Africa [Digital ... , 2023; Mbodj, 2022]. Teachers backed artificial intelligence but underlined that, particularly for teaching pragmatic and discourse-level abilities, technology should augment rather than replace human-led education. Encouragingly, both students and instructors indicated increasing receptivity to digital technologies, indicating that with improved infrastructure and training, artificial intelligence may be stably included in English language instruction in Mali. The study's scope was, however, confined to two universities and one AI tool, which might limit generalizability.

By providing individualized feedback and encouraging student autonomy, this study showed that AI-powered tools such as ELSA Speak greatly enhance English pronunciation accuracy over conventional approaches in Mali. Though infrastructural obstacles – such as inadequate internet access – hinder broad acceptance, both students and teachers had a good impression of artificial intelligence. Although artificial intelligence cannot take the role of human instruction

entirely, it serves as a powerful supplement, particularly in resource-limited settings. Future research should assess long-term retention and expand to diverse institutions across Sub-Saharan Africa.

References

- Chen H., Wang Y. Artificial Intelligence in Language Education: A Systematic Review of Pronunciation Training // *Journal of Educational Technology*. 2021. Vol. 45, N 3. P. 234–250.
- Creswell J., Creswell J. *Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*. 5th ed. Sage, 2018. 304 p.
- Derwing T. M., Munro M. J. *Pronunciation Fundamentals: Evidence-Based Perspectives for L2 Teaching and Research*. John Benjamins Publishing Company, 2015. 114 p.
- Diabate A. *Challenges in English Language Teaching in Higher Education Institutions in Mali: A Focus on Pronunciation and Speaking Skills*. Bamako : University of Letters and Human Sciences, 2020. 198 p.
- Digital Education in Sub-Saharan Africa: Barriers and Prospects / UNESCO. UNESCO Publishing, 2023. 135 p.
- Dörnyei Z. *Research Methods in Applied Linguistics: Quantitative, Qualitative, and Mixed Methodologies*. Oxford : Oxford University Press, 2007. 95 p.
- Gilakjani A., Sabouri N. Why Is English Pronunciation Ignored by EFL Teachers in Their Classes? // *International Journal of English Linguistics*. 2016. Vol. 6, N 6. P. 195–208.
- Holmes W., Bialik M., Fadel C. *Artificial Intelligence in Education: Promises and Implications for Teaching and Learning*. Center for Curriculum Redesign. 2019.
- How ELSA's AI Helps Improve Pronunciation // ELSA. URL: <https://elsaspeak.com/research> (date of access: 10.05.2025)
- Intelligence Unleashed: An Argument for AI in Education. Pearson Education / R. Luckin, W. Holmes, M. Griffiths, L. B. Forcier. 2016. 215 p.
- Isaacs T. Assessing Second Language Pronunciation: A Snapshot of Recent Research and Pedagogical Directions // *Canadian Modern Language Review*. 2014. Vol. 70, N 4. P. 455–470.
- Kukulska-Hulme A., Lee H. *Mobile-Assisted Language Learning: The Case of Pronunciation Apps* // *ReCALL*. 2020. Vol. 32, N 1. P. 4–20.
- Mbodj A. English Language Teaching in Mali: Challenges and Opportunities // *African Journal of Applied Linguistics*. 2022. Vol. 12, N 2. P. 89–104.
- Neri A., Cucchiarini C., Strik H. Feedback in Computer-Assisted Pronunciation Training: When Technology Meets Pedagogy // *Computer Assisted Language Learning*. 2019. Vol. 33, N 1–2. P. 1–23.
- Pronunciation Assessment Criteria // IELTS. URL: <https://www.ielts.org> (date of access: 10.05.2025).
- Pronunciation in Second Language Learning and Teaching: A Research-Based Approach / J. M. Levis, S. Sonsaat, S. Link, T. Barriuso // *CATESOL Journal*. 2016. Vol. 28, N 1. P. 31–57.
- Systematic Review of Research on Artificial Intelligence Applications in Higher Education / O. Zawacki-Richter, V. I. Marín, M. Bond, F. Gouverneur // *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2019. Vol. 16, N 1. P. 1–27.
- Wang Y., Chen N. S. The Effects of Automated Feedback on Pronunciation Learning: A Systematic Review // *Computer Assisted Language Learning*. 2021. Vol. 34, N 5-6. P. 645–674.

Сведения об авторах

Агошкова Татьяна Валерьевна, старший преподаватель кафедры И-11 Московского авиационного института (г. Москва).

Ананьина Дарья Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, заведующая лабораторией комплексного исследования трансграничья и прикладного востоковедения Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Асланова Наталья Сергеевна, директор по развитию Портала по этимологии китайских иероглифов «Вэнь Цзы» (г. Санкт-Петербург).

Ахмедиева Алия Тохтаровна, доктор экономических наук, и. о. профессора кафедры макроэкономической политики и прогнозирования Ташкентского государственного экономического университета (г. Ташкент).

Бакулина Алина Евгеньевна, бакалавр кафедры востоковедения факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Бедненко Юлия Игоревна, преподаватель кафедры восточных языков Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва).

Бирхонга Ндемба Ив Израиль, докторант (PhD, политические науки) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Брюггеман Марина Анатольевна, консультант министерства экономики и регионального развития Красноярского края (г. Красноярск).

Ватолина Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Вербицкая Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Верюжская Евгения Романовна, преподаватель кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Волкова Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов (г. Санкт-Петербург).

Воробьёва Лариса Александровна, старший преподаватель кафедры востоковедения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Бутея Венг, докторант (PhD, международные отношения) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Гаврилова Елизавета Романовна, преподаватель кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Галактионова Виктория Сергеевна, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Гао Юй, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Гартунг Стелла Рудольфовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток).

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, Лаборатория исторических и социально-экономических исследований Сибири и Центральной Азии, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр СО РАН», Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН (г. Красноярск).

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета; профессор кафедры социологии и политологии; руководитель Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург).

Долженко Денис Александрович, магистрант кафедры востоковедения факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Дюндик Юлия Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных язы-

ков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Ефимова Мария Сергеевна, магистрант кафедры регионоведения АТР факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Жихарева Татьяна Юрьевна, кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь (г. Тюмень).

Зарезина Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент Даляньского университета (г. Далянь), Иркутский государственный университет (г. Иркутск).

Игнатьева Анастасия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Ильичева Инна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета (г. Минск).

Каверина Оксана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Калинина Виталия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Калихман Аркадий Давидович, доктор физико-математических наук, профессор, внештатный сотрудник научного отдела ФГБУ «Заповедное Прибайкалье» (г. Иркутск).

Калиш Елена Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, соруководитель сектора региональной транскультурации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Карачева Надежда Сергеевна, кандидат филологических наук, доктор наук (PhD, международные отношения), докторант (PhD, экономика и менеджмент образования) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань); сотрудник кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Карпенко Елена Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

Ключникова Варвара Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, соруководитель сектора региональной транскulturации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Кобжицкая Ольга Германовна, кандидат философских наук, доцент кафедры китаеведения, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Кобылкина Анастасия Владимировна, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Кремнёв Евгений Владимирович, доктор социологических наук, доцент, доцент-исследователь Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград); ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург).

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, заведующий кафедрой регионоведения АТР, руководитель Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск); ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург).

Кульгавова Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-

Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Курдюмов Владимир Анатольевич, доктор филологических наук, профессор кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (г. Москва).

Лебединцев Даниил Александрович, аспирант кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина); младший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного технологического института (технического университета) (г. Санкт-Петербург).

Лебединцева Любовь Александровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета; ассоциированный научный сотрудник Российско-китайского центра междисциплинарных исследований Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН (г. Санкт-Петербург).

Линь Юнь, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Лоуренс Ларсала, докторант (PhD, экономика и менеджмент образования) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Лю Сюаньцзы, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Лю Тяньси, студент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

Лю Жуйвэй, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Ма Гуандун, аспирант Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Ма Ин, преподаватель Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Маурисио Перкара, докторант (PhD, международные отношения) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Махракова Вероника Олеговна, студент кафедры востоковедения факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Мохаммед Абубакер Муфизаль, докторант (PhD, политические науки) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Най Лин Тун, докторант (PhD, международные отношения) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Нарендрамохан Ханукрушна, докторант (PhD, педагогика) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Нгалубали Кен Джонтони, магистрант (политические науки) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Нгуен Ле Йен Лин, бакалавр Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (г. Москва).

Новичихина Марина Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна Воронежского государственного университета (г. Воронеж).

Новосёлова Маргарита Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Оглоблин Илья Константинович, магистрант кафедры регионоведения АТР факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Оджо Мозес Кайоде, доктор педагогических наук (PhD, специальное образование), докторант (PhD, педагогика) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Озрокова Ирина, магистр (менеджмент туризма) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Оу Гуаньюань, аспирант кафедры философии Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Петрищева Алина Денисовна, магистрант кафедры русского языка Томского государственного университета (г. Томск).

Пиндик Елизавета Ивановна, магистрант кафедры регионоведения АТР факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Пулентиран Несан, докторант (PhD, философия), университет им. Лоранда Этвёша (г. Будапешт).

Ратнаяка Мудиянселаге Аруна Васантха Джаятхилака, докторант (PhD, политические науки) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Родионов Евгений Иванович, кандидат педагогических наук, главный эксперт департамента инвестиционной экспертизы и освоения земель АО «Корпорация Туризм.РФ»; доцент Высшей школы туризма и гостеприимства Российского государственного университета туризма и сервиса (г. Москва).

Сейду Кейта, докторант (PhD, прикладная лингвистика) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Серебренникова Евгения Фёдоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии, руководитель сектора региональной семиотизации и дискурсивизации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Серова Ангелина Сергеевна, преподаватель кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета (г. Минск).

Ситдикова Валерия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры японского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета (г. Люберцы).

Скворцов Арсений Владимирович, доктор литературы (КНР), доцент кафедры китайского языка Московского городского педагогического университета (г. Москва).

Солсоев Иван Николаевич, старший преподаватель кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Сорокина Екатерина Михайловна, преподаватель кафедры глобальных коммуникаций Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва).

Сосорова Баирма Сергеевна, старший преподаватель кафедры регионоведения АТР, сотрудник Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Сяо И, преподаватель кафедры теории и практики китайского языка Минского государственного лингвистического университета (г. Минск).

Теджашины Дилиника Потухера Т. М., доктор политических наук (PhD, международные отношения) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Тразанова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения, соруководитель сектора региональной лингвокультуры Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Ульянова Екатерина Владимировна, магистрант кафедры востоковедения факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Фомина Марина Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Фэн Чжисюнь, старший преподаватель кафедры китаеведения факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск); сотрудник Сианьского института перевода (г. Сиань).

Хлызова Наталья Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, соруководитель сектора регионального знания и медиатизации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Чайкисова Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры регионоведения АТР, соруководитель сектора регионального знания и медиатизации Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Черных Анастасия Максимовна, бакалавр кафедры регионоведения АТР факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Чилафон Фуммакео, магистрант (политические науки) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Чимитова Аяна Базыровна, преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики Педагогического института Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Чэнь Хунли, аспирант Забайкальского государственного университета (г. Чита).

Шалина Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения, соруководитель сектора региональной лингвокультуры Научно-исследовательского центра трансдисциплинарной регионологии Азиатско-Тихоокеанского региона факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (г. Иркутск).

Шри Нараяна Патабендалаге Ренука Дамаянти Кумари, докторант (PhD, педагогика) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Эгву Ндидиамака Мирабель, магистрант (педагогика) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Эммануэль Чивамба, докторант (PhD, педагогика) Педагогического университета Центрального Китая (г. Ухань).

Юй Анна Николаевна, Российский государственный педагогический университет (г. Санкт-Петербург).

Юй Ян, стажер-исследователь кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

СОДЕРЖАНИЕ

Кузнецова О. В. Соединяя людей и науки: регионолог как мост между мирами	4

РАЗДЕЛ I. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Галактионова В. С. Сравнительный анализ зарубежной и российской научных моделей экологической безопасности	14
Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Кузнецова О. В. Отраслевая социологии в Китае: основные направления становления	20
Ефимова М. С. Подходы к определению Латинской Америки как региона	27
Ильичева И. Л. Матрица региональной идентичности: к постановке проблемы	33
Кобылкина А. В. Трансграничная адаптация: ресоциализация студентов в условиях новой архитектуры АТР	38
Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Ватолина Е. В. Сети, теории и профили региона: к вопросу о новых тенденциях в регионологическом знании	43
Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П., Ахмедиева А. Т., Лю Тянь-си. Экономическая социология в Китае: ключевые концепции	48
Серебренникова Е. Ф. Подходы к анализу дискурсивного измерения объектов транслогических исследований	51
Юй Ян, Юй А. Н. Проблемы и инновации в измерении ценностей: критический анализ методологии в кросс-культурном контексте	58
Pulenthiran Nesan. The intersection of republicanism and liberalism: comparative theoretical approaches	61
Thejashini Dilinika Pothuhera T. M. Regionology at sea: rethinking regional studies through maritime security in the Indian ocean	67

РАЗДЕЛ II. ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ананьина Д. А. Пространственное развитие периферийных территорий в Российской Федерации и КНР: подходы и результаты	74
Верюжская Е. Р., Гаврилова Е. Р. Управление прямыми иностранными инвестициями в развивающихся странах Азиатско-Тихоокеанского региона	79
Гао Юй. Концепт «Человеческий капитал» в исследованиях китайских ученых	83
Дацышен В. Г. Пик сотрудничества на закате дружбы. Китайские стажеры в Иркутском государственном университете	89

Лебединцев Д. А. Современные социологические модели общества и формы социальной мобильности в контексте глобального потопического общества	97
Лю Тяньси, Лебединцева Л. А., Дерюгин П. П. Социологическая логика рынка в трактовке Фу Пина: теоретические и эмпирические исследования	104
Оглоблин И. К. Особенности и векторы развития современного региона: политика и экономика	109
Lawrence Larsala. The economic transformation of China in the Asian context	116
Mohamed Aboobucker Mufizal. Gramsci's political philosophy and the new generation: a critical reflection on power, resistance, and ethical praxis	122
Nay Lin Tun. Study on geopolitical maneuvers and strategic collaborations: the Myanmar-Russia partnership	127

РАЗДЕЛ III. ТУРИСТИКА И УРБАНИСТИКА

Каверина О. А., Черных А. М. Медиарепрезентация туристического Китая	138
Калиш Е. Е. Развитие въездного туризма в КНДР в условиях санкций	142
Ключникова В. Ю. Актуальность межкультурной и иноязычной коммуникативных компетенций для специалистов индустрии туризма и гостеприимства в Иркутской области	155
Новосёлова М. В. Современные путешествия: постмодерн, постковид и посттуризм	162
Пиндик Е. И. Территориальный маркетинг Санкт-Петербурга и Иркутска: чья стратегия успешнее?	166
Родионов Е. И. Опыт развития туризма в арктических регионах на примере Исландии	174
Сосорова Б. С. Иволгинский дацан как центр религиозного туризма в Республике Бурятия	185
Ozrokov I. Chinese and foreign perceptions of the city transformation through the "Wuhan, different every day" slogan	189

РАЗДЕЛ IV. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Кремнёв Е. В. «Коллективная рациональность»: подходы к управлению в китайской социологии в 1990–2000-е гг.	195
Линь Юнь. Исследование транснациональных браков в приграничной зоне свободной торговли между Китаем и Россией	201
Солсоев И. Н. Дональд Трамп vs Камала Харрис: социально-экономический аспект предвыборных программ на президентских выборах в США в 2024 г.	206

Birhonga Ndemba Yves Israel. Impact of culture on the economic and political integration of Asia Pacific countries	211
Rathnayaka Mudiyansele Aruna Wasantha Jayathilaka. The cinematic influence of Bollywood and Hollywood in soft power projection: a comparative study of cultural diplomacy in the Asia-Pacific	215
Mauricio Percara. Confucius institutes as instruments of China's soft power: A comparative study of Australia and Thailand	222
Ngaloubali Ken Jhontony. Global economic impact: The repercussions of tariffs from the SINO-US trade war in 2017	228
Sri Narayana Patabendalage Renuka Damayanthi Kumari. The role of social institutions in protecting children's rights in the Asia-Pacific region: a sociological perspective	232
Vuthea Veng. Strategic responses of small states to the RCEP: foreign policy shifts in the Asia-Pacific region	235
Chilaphone Phoummakeo. Public perception of debt trap diplomacy: a case study of Laos	241
冯志珣. 汉唐女训的嬗变研究 – 以陕西地区为中心的考察 / Feng Zhixun. A study on the evolution of women's education in the Han and Tang dynasties – a study centered on Shaanxi	246
Nguyễn Lê Yên Linh. Tư tưởng “ngoại giao cây tre” của Việt nam trong giải quyết tranh chấp ở biển đông: kiên định trong nguyên tắc, linh hoạt trong hành động / Nguyen Le Yen Linh The “bamboo diplomacy” doctrine in Vietnam's approach to the South China Sea disputes: firm in principle, flexible in action	255

РАЗДЕЛ V. ВОСТОКОВЕДЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Агошкова Т. В. Автоматизированный сравнительно-сопоставительный анализ грамматических структур естественных языков с использованием языка программирования Python	264
Бедненко Ю. И. Межязыковые корпуса китайского языка	267
Воробьёва Л. А., Бакулина А. Е. Структурно-семантические особенности интернет-неологизмов японского языка	275
Долженко Д. А. Диалекты региона Тохoku как переводческая проблема (на материале сериала «Ама-тян»)	282
Кобжицкая О. Г. Лингвокультурологический анализ оппозиции жизнь/смерть в китайском и русском языках (на материале фразеологии и поэзии)	288
Курдюмов В. А. Тайваньские дискурсивные понятия, их трактовка и заблуждения китаистов	296
Махракова В. О., Шалина И. В. Драматургические произведения Японии. Особенности перевода	306
Серова А. С. Семантические типы знаков в метафорических сочетаниях с иероглифическим знаком 给 ‘давать’ в китайском языке	311
Ситдикова В. В. Формы вежливости в древнекорейском языке	322

Скворцов А. В. Структурно-семантическая классификация синтаксических параллелизмов в стихотворении Ду Фу «Пишу письмо всем ученым мужам уездов Чэнду и Хуаюань»	327
Сяо И. Семантические компоненты китайских идеограмм, обозначающих объекты различного типа	336
Ульянова Е. В., Шалина И. В. Лексикализация словосочетаний как лингвистическая проблема (на примере японского языка)	347

РАДЕЛ VI. СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Брюггеман М. А. Бренд как знак-компонент внешнеэкономического медийного дискурса: исследование с позиции теории аттрактивности	352
Вербицкая О. Ю., Ватолина Е. В. Коллективное бессознательное как часть структуры общественного сознания: к постановке проблемы в регионологических исследованиях	362
Волкова Е. В. Актуализация концепта «Китай» в поэзии М. И. Цветаевой и ее переводах на английский язык	366
Жихарева Т. Ю. Гармония и предельность даосской символики как выражение категории сакрального в китайской поэзии эпохи Тан (唐) (VI–IX вв.) в контексте алхимии и винопития (на примере поэзии Чэнь Цзыана, Мэн Хаожаня, Ли Бо)	374
Игнатьева А. С. Американская живопись XX века как уникальный визуальный язык искусства	383
Калихман А. Д. Агван Доржиев между Лхасой, Петербургом и Парижем	388
Карпенко Е. В. «Толкование о рангах чиновных людей китайского государства, собранное по алфавиту» из фонда Г. И. Спасского как исторический источник по истории Цинского Китая	395
Кульгавова Л. В. Пищевой код культуры в поэтической сказке «И перстень упал к ее ногам»: лексический аспект	399
Лю Жуйвэй Культурный обмен и национальная безопасность: философский взгляд на сотрудничество Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона	405
Новичихина М. Е. Об особенностях исследования сходства словесных товарных знаков, отличающихся ударным звуком	408
Оу Гуаньюань Образ России в китайских медиахолдингах: лингво-культурологические аспекты понимания в контексте интеграции теорий регионоведения и востоковедения	413
Петрищева А. Д. Китайская кухня глазами китаеязычных пользователей социальной сети «Сяохуншу»	417
Сорокина Е. М. Продвижение китайского культурного наследия за рубежом: государственная поддержка и общественные инициативы	421

Тразанова Н. Ю. Синергия визуального, музыкального и языкового кодов в творчестве исполнителей в жанре Visual kei	427
Чайкисова А. В. Социокультурные особенности функционирования невербальных знаков цифровой коммуникации	437
Чимитова А. Б. Контекстуальные лексические оппозиции	443
Чэнь Хунли. Рефлексия и конструирование традиционной культурной идентичности: теоретическая конкретизация исследовательских концепций китайских ученых	448
Zarezina S. Media manipulation through discourse: A critical analysis approach	453
马广东. 亚太国家语言、文化与社会在不同话语实践中的符号学研究——以中俄文化交流年为背景 / Ma Guangdong A study on the Semiotics of Language, Culture and Society in Different Discourse Practices in Asia-Pacific Countries – is based on the year of cultural exchange between China and Russia	458

РАЗДЕЛ VII. ОБРАЗОВАНИЕ

Асланова Н. С. Цифровые методы в изучении этимологии китайских иероглифов	466
Гартунг С. Р. Региональный компонент в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе в АТР	471
Калинина В. В. Особенности раннего обучения иностранным языкам в ряде стран АТР	476
Кузнецова О. В. Преподавание английского языка китайским студентам: этнопсихологический и методический аспекты	483
Лю Сюаньцзы. Границы и мосты: механизмы межкультурного взаимодействия в сфере приграничного международного образования Китая и России	489
Ма Ин. Современное состояние и пути развития языкового и культурного образования: междисциплинарное исследование в Азиатско-Тихоокеанском регионе	497
Хлызова Н. Ю., Дюндик Ю. Б. Анализ образовательных программ университетов США по формированию критического мышления	503
Фомина М. Н. Стратегия исследования русского языка и культуры в Китае в контексте их преподавания: интерпретация мнений китайских ученых	516
Egwu Ndidiamaka Mirabel. Teacher professionalism in linguistic education: challenges, competences and pedagogical implications	523
Emmanuel Chiwamba. Challenges and opportunities in aligning secondary education with industry needs in Malawi	530
Karacheva N. Implementing “zero rejection”: How China’s compulsory education law mandates inclusion	540
Narendramohan Hanukrushna. Developing effective teaching methodologies for Tamil as a foreign language: a linguodidactic perspective	546

Ojo Moses Kayode. The development of special/inclusive education in Nigeria	554
Seydou Keita. The impact of AI-powered technology on English pro- nunciation enhancement: a comparative study with conventional pedagogi- cal approaches in tertiary institutions in Mali	560
Сведения об авторах	569

VIII ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

Материалы
Международной научно-практической конференции
Иркутск, 2–4 декабря 2025 г.

ISBN 978-5-9624-2461-3

Редакторы: *М. А. Власова, К. В. Кувайцева*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2025 г. Поз. 96
Уч.-изд. л. 36,7

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет»
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1; тел. +7 (3952) 51-19-00
Издательство ИГУ, 664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел. +7 (3952) 52-18-53; e-mail: izdat@law.isu.ru

Подписано к использованию 29.12.2025
Тираж 13 экз. Объем 13,2 Мб

Тип компьютера, процессор, частота:	32-разрядный процессор, 1 ГГц или выше
Оперативная память (RAM):	256 МБ
Необходимо на винчестере:	320 МБ
Операционные системы:	ОС Microsoft® Windows® XP, 7, 8 или ОС Mac OS X
Видеосистема:	Разрешение экрана 1024×768
Акустическая система:	Не требуется
Дополнительное оборудование:	Не требуется
Дополнительные программные средства:	Adobe Reader 6 или выше